

# Грудное вскармливание детей:

культурно-историческое наследие

---

Под редакцией  
И.Н. Захаровой и Л.С. Намазовой-Барановой

---



Москва 2017

УДК 613.953.11(100)(091)

ББК 51.289.1(0)г

Г90

**Рецензенты:**

**Зайцева О.В.** — д.м.н., профессор, заведующая кафедрой педиатрии Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова МЗ РФ, руководитель Университетской клиники педиатрии МГМСУ, Заслуженный врач РФ

**Урсова Н.И.** — д.м.н., профессор, руководитель педиатрического отделения, заведующая кафедрой педиатрии ФУВ МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского

Г90 Грудное вскармливание детей: культурно-историческое наследие / под ред. И. Н. Захаровой, Л. С. Намазовой-Барановой. — М.: ПедиатрЪ, 2017. — 558 с.

**ISBN 978-5-9500710-2-7**

История грудного вскармливания детей включает в себя не только медицинские аспекты, но и является частью общечеловеческой культуры, народных традиций от первобытных времен до современности. Значение грудного вскармливания в истории всего человечества настолько велико, что его влияние на протяжении многих тысяч лет отражалось во всех сферах жизни людей, начиная от традиций быта, заканчивая сакральными религиозными и философскими мыслями.

В представленном коллективном труде подробно освещены традиции вскармливания детей, исторические аспекты отношения к материнству и детству народов Европы, Российской Федерации и Средней Азии.

Книга предназначена как для врачей различных специальностей, так и для широкого круга читателей.

**УДК 613.953.11(100)(091)**

**ББК 51.289.1(0)г**

ISBN: 978-5-9500710-2-7



© Коллектив авторов, 2017  
© Союз педиатров России, 2017  
© ПедиатрЪ, 2017

## Дорогие читатели!

**Н**икто из вас, читающих эту книгу, не сможет поспорить, что нет на свете чуда, чудеснее создания по имени Женщина... Маленькая девочка, появившаяся на свет на радость собственным родителям, прекрасное и нежное дитя, которое растет, умиляя близких, потом распускается, как прекрасный цветок, и, наконец, превращается в прекрасный сосуд, где вскоре могут произойти самые удивительные события, которые только могли быть придуманы Создателем...

Вначале случается то, что навсегда делит жизнь Женщины на «до» и «после»: в ее организме встречаются две отдельные клеточки, которые, соединившись вместе в порыве любви, дают начало новой жизни! И это первое Чудо, к которому причастна Женщина, — появление на свет ребенка. Вдумайтесь, Женщина сама становится волшебницей, ведь как иначе можно назвать то, что происходит дальше?! В течение девяти месяцев внутри Женщины, в ее теле, иногда без всякой предварительной подготовки, как в каком-то фантастическом сосуде, зарождается и полноценно развивается жизнь! Еще вчера сосуд был пуст, а уже сегодня там внутри — ребенок, который живет, двигается, открывает глаза, шевелит пальчиками, слушает музыку и даже чувствует запахи!

А потом — сразу после рождения ребенка — случается еще одно чудо — чудесный сосуд продолжает жить уже ради него: и вот уже в открытые краны из организма Женщины начинает изливаться волшебная живая ткань под названием Грудное Молоко! То, что накормит и напоит ее ребеночка, убьет опасные микробы, даст запас прочности в защите от всяких напастей еще на несколько месяцев, будет способствовать развитию мозга ее чада... — и это далеко не полный список того, как Женщина с помощью грудного молока заботится о своем творении...

Но есть в этом невероятном процессе под названием «Жизнь Женщины» какая-то историческая несправедливость... Как будто в какой-то момент времени мужчины перестали восторгаться этим чудом, забыли, что у каждого из них есть мать... А как иначе можно объяснить тот факт, что стихов о прекрасных девушках — нераспустившихся или распустившихся цветках — миллионы, а воспевающих красоту беременных или кормящих Женщин — единицы?! Как принять тот факт,

что беременные и кормящие женщины так несправедливо редко становились объектом восхищения живописцев? Правда, справедливости ради следует отметить, что практически всегда это были великие Художники, оставившие свое нетленное наследие в Искусстве...

Поразмыслив на грустную тему, мы, авторы данной книги, решили исправить эту ситуацию — вернуться, что называется, к истокам, к самому началу, поэтому посвятили свое новое творение Грудному вскармливанию...

История использования человечеством женского молока насчитывает как минимум не одно тысячелетие. Но именно анализируя разные исторические периоды, культуры и традиции, мы вновь и вновь убеждались в невероятности и одновременно будничности этого процесса, когда человечество на каждом этапе своего развития вновь и вновь «наступало на одни и те же грабли» ложных идей в отношении грудного вскармливания, а потом веками расплачивалось за свои заблуждения высокой младенческой смертностью и тяжелыми болезнями потомства...

Но нет будущего без прошлого! И мы очень надеемся, что, прочитав эту книгу, а может, и дав ее почитать своим пациенткам, а главное их мужьям и отцам, вы сможете узнать не только сухие исторические факты или открыть для себя интересные детали отдельных культур и национальных обрядов, но и вновь переполниться чувством восхищения и благодарности к Женщине-Матери и Женщине-Млекопитательнице! И тогда наступит на Земле справедливость, и не будет вновь для Женщины более почетной миссии, чем предназначение, дарованное ей Небом, — быть матерью, быть источником невероятного, уникального, абсолютно индивидуального и неповторимого для ее ребенка Грудного Молока!

Виват, Женщина-Мать! Виват, Женщина-Млекопитательница, вскармливающая ребенка грудью! Почет вам и уважение — от общества и от нас, педиатров!

**Л.С. Намазова-Баранова,**  
академик РАН, заместитель директора НМИЦ здоровья детей по научной работе — директор НИИ педиатрии НМИЦ здоровья детей, заведующая кафедрой факультетской педиатрии № 1 педиатрического факультета РНИМУ им. Н. И. Пирогова, советник ВОЗ, член Исполкома Международной педиатрической ассоциации, Президент Европейской педиатрической ассоциации (ЕРА/UNEPSA)

История грудного вскармливания  
народов мира

**И.Н. Захарова, Е.Б. Мачнева**

ФГБОУ ДПО «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования» Минздрава России, Москва, Российская Федерация

\* \* \*

«Грудное вскармливание является «золотым стандартом» оптимального питания, отработанным тысячелетней эволюцией», — этими словами И.М. Воронцов как нельзя лучше выразил мысль о том, что вскармливание грудью не имеет равных среди всех прочих способов питания младенца. Значение грудного вскармливания не ограничивается лишь удовлетворением биологической потребности младенца в необходимых для его роста и развития питательных веществах.

Природно-климатические условия, политический и социальный строй государств, религиозные убеждения, взаимоотношения с другими народами, культурные и бытовые особенности нации — все это отражалось на традициях грудного вскармливания.

Первобытные люди — охотники и собиратели каменного века — вскармливали своих детей по примеру высших приматов. Кормление грудью, по-видимому, происходило по требованию ребенка и продолжалось в течение нескольких лет [1]. В настоящее время в местах первых поселений людей находят фигурки женщин-берегинь — ка-



Каменная баба (берегиня)

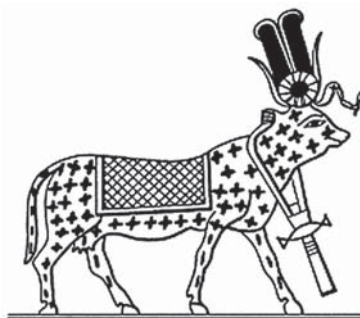
менных баб. Фигурки достаточно грубые, но в них отчетливо акцентированы черты женщины-матери с широкими бедрами и развитой грудью [2].

Среди многих первобытных народов было принято не прикладывать новорожденного ребенка к груди в первые несколько дней после родов, что было связано с мнением о вредных свойствах молозива. Этот период временного отлучения новорожденного от груди колебался у разных племен, но в среднем составлял от 4 до 9 дней [1].

В Древнем мире грудное вскармливание продолжалось долго, что гарантировало выживаемость и здоровье детей.

В Египте боги часто изображались в образе животных и птиц, причем заметное место отводилось богине-матери — Мут, Нут, Хатор, Исиде, Нейт, которая изображалась в виде коровы (олицетворение кормящей матери).

Сакральный смысл кормления грудью заложен и в изображениях богинь, кормящих грудью фараонов (в некоторых культурах это обозначает усыновление). Женская грудь



Богиня Хатор в облике коровы

### Возраст отлучения от груди в Древнем мире [3]

Культура	Возраст, месяцы
Египет	36
Вавилон	36
Иудея	36
Греция	6 (кормилицы)
Рим	6–36 (кормилицы)
Византия	24
Арабские страны	24

в Древнем Египте была символом материнства и кровных уз.

Папирус Эберса (ок. 1550 г. до Р.Х.) является самым ранним достоверным медицинским документом. Он включает и небольшой педиатрический раздел, который содержит один короткий рецепт, касающийся грудного вскармливания: чтобы увеличить лактацию рекомендуется применять состав из костей меч-рыбы, масла, хлеба и мака [1].

Из этого краткого упоминания можно сделать вывод, что недостаточная лактация была частой проблемой в Древнем Египте, и решалась она путем привлечения кормилиц в течение первых 6 месяцев жизни младенца, а затем использовалось коровье молоко [1].



*Папирус Эберса*

а привлечение кормилиц было хорошо организовано уже за 1000 лет до Рождества Христова. В Талмуде нет ни одного упоминания об искусственном вскармливании. В нем говорится о том, что мать, впервые прикладывая ребенка к груди, должна дать сначала левую грудь, тогда ребенок получит свою первую пищу, находясь ближе к сердцу матери [1].

У индийских брахманов имеются хорошо систематизированные медицинские знания, в том числе и по педиатрии. У Сушруты — автора древнейшего индийского медицинского трактата (II век до н.э.) — указано, что было принято выводить меконий, давая новорожденному



*Богиня Рененутет кормит грудью фараона*

топленое масло в течение первых четырех дней жизни, в то время как молоко сцеживалось и выбрасывалось. Полноценное грудное вскармливание начиналось примерно на 5-й день. Если приглашали кормилицу, ее выбирали из той же касты, что и младенец; она должна была иметь хорошую форму груди. Младенец не мог вскармливаться женщиной, у которой была лихорадка, диспепсия; кормилица не должна была быть беременной, а ее молоко проверялось — оно должно было легко смешиваться с водой, без пены или изменения цвета [1].

В Древнем Китае кормили очень долго, особенно в аристократических семьях. Как было написано в китайском тексте XII в., «единственная пища для ребенка — это молоко, это не обсуждается» [4].

В гомеровской Греции (950 г. до Р.Х.) очень популярным было привлечение кормилиц, особенно среди высших социальных классов. Должность кормилицы была очень ответственной, а сама женщина занимала почетное положение, имела власть над рабами в доме хозяина и часто находилась при своих подопечных до подросткового возраста. В трудах Гиппократ (460–370 до н.э.) и его школы содержатся некоторые данные о вскармливании; несколько афоризмов были объединены более поздними авторами под общим названием «О прорезывании зубов» [1]. Гиппократ считал, что плод учится сосать еще в утробе матери, отсюда и наличие мекония, и зрелый сосательный рефлекс у новорожденного. Он рекомендовал длительное время купать младенца в теплой воде, а также давать вино, разбавленное водой, — это должно было, по мнению Гиппократ, предупредить вздутие живота и повышенное газообразование у младенца, а также предотвращало развитие судорог [1].

Соран Эфесский рекомендовал отлучать ребенка от груди в первые несколько дней после рождения, пока у женщины образуется молоко (которое считалось вредным и нечистым), а на этот период использовать молоко другой женщины. Он выступал за добавление в рацион питания ребенка в возрасте 6 месяцев хлебных крошек, разбавленного вина, супов и яиц. Соран отмечал, что ребенок растет хорошо, если сосет грудь только одной женщины. Он также считал, что



Статуя Сушруты



лечить детские заболевания нужно путем лечения кормящей матери: например, при наличии диареи у ребенка вяжущие препараты давать его матери [1].

В трудах Павла Эгинского (625–690 гг. н.э.) есть рекомендации выбирать кормилицу для ребенка среди женщин в возрасте от 25 до 35 лет, с хорошо развитой грудной клеткой и молочными железами, желательна недавно родившая ребенка мужского пола. Она должна избегать соленой и острой пищи, ни в коем случае не предаваться похоти и разврату. Он советовал проверять качество грудного молока путем добавления в него сычужного фермента, а после створаживания оценивать чистоту и прозрачность сыворотки. Количество сыворотки и створоженной части должно быть примерно равным по количеству, в противном случае молоко будет плохо перевариваться либо, наоборот, будет недостаточно питательным. Если молоко у женщины было слишком жирным, ей предлагались рвотные средства (для эвакуации излишней мокроты, которая считалась причиной плохого качества молока) [1].

Грудное вскармливание, как и любой важный аспект жизни античного общества, находит отражение в религиозных представлениях и мифологии того времени. Сакральный смысл кормления грудью, как правило, связан с символическим процессом усыновления. Например, у этрусков есть изображения богинь, которые кормят героев или людей грудью, тем самым усыновляя их. У древних римлян легенда об усыновлении и вскармливании Ромула и Рема волчицей послужила их трепетному отношению к грудному вскармливанию. Богиня Румина наполняла материнскую грудь молоком, бог Вагинатус открывал рот младенца для первого крика, а богиня Эдука учила дитя сосать грудь, что считалось первой из наук [1].

История Ромула и Рема упоминается Гофманом в его описании психологических аспектов грудного вскармливания. Он писал о том, что свирепые животные, вскармливаемые человеческим молоком, становятся мягкими и ласковыми, и, наоборот, люди, вскармливаемые молоком диких зверей, становятся дикими и жестоки-



*Ромул и Рем, вскармленные волчицей*

ми, чему свидетельствует история Ромула и Рема. Свирепость Калигулы Гофман связывал с тем, что во время кормления на соске кормящей его женщины выделялась капля крови. Даже Нерон был частично оправдан в своей жестокости, потому что был воспитан пьяной кормилицей [1, 3].

Арабская медицинская школа, которая процветала около 200 лет после Павла Эгинского, была представлена Рази (850–932), Авиценной (980–1037) и Аверроэсом (1126–1198), которые больше интересовались детскими болезнями, а не вопросами кормления детей грудного возраста. Рази предположил, что слишком большое количество молока и перекорм ребенка являются причиной многочисленных заболеваний. Ибн Сина (Авиценна) писал: «Относительно обстоятельств кормления грудью и иного питания нужно сказать следующее: по мере возможности надлежит кормить молоком матери, потому что оно как еда более похоже на вещество той пищи, которую ребенок получал, будучи еще в чреве матери. Именно эта жидкость превращается в молоко, и поэтому ребенок легче воспринимает его и быстрее привыкает к нему» [1].



*Ибн Сина (Авиценна)*

В традициях мусульман женщине предписывалось кормить своего ребенка грудью минимум до двух лет. В Коране есть упоминания о важности грудного вскармливания. Сура 2 говорит следующее: «А родительницы кормят своих детей полных два года», сура 14 (15): «Мы завещали человеку благодетельствовать своим родителям; мать носит его с тягостью и производит с тягостью (и вынашивание его, и отлучение — тридцать месяцев)», сура 46: «Срок ношения его во чреве и отлучения (от груди) тридцать месяцев составит» [1].

В средневековой Европе на мнение врачей огромное влияние оказывали труды античных авторов — Галена, Сорана и др. Существовал запрет на кормление молозивом. Распространен был ногтевой тест на качество молока. Б. Метлингер (Metlinger, Аугсбург, Германия; XV в.) считался автором первого европейского учебника по педиатрии и писал о том, что в первые 14 дней после рождения лучше, чтобы ребенка кормила грудью другая женщина, так как молоко матери ребенка в этот период бесполезно, а мать в это время должна сцеживать молозиво (Metlinger B. Ein regimen der jungen kinder. Augsburg. 1473) [5].

Среди высшего общества во Франции в XII в. популярным было приглашение кормилиц — обычно молодых женщин, проживавших в сельской местности. Кормилица брала ребенка в свой дом, где ребенок жил около двух лет. Легко понять, какой трагедией был момент, когда ребенка забирали от кормилицы к его биологическим родителям, которых ребенок практически до этого не видел. В произведении Шекспира «Ромео и Джульетта» кормилица рассказывает о драматичном дне отлучения Джульетты от груди в 3-летнем возрасте [5].

Считалось, что молоко кормилицы несет все ее физические и психические качества, ее эмоции, ее еду и питье, а также ее заболевания. Кормилица рассматривалась как причина большинства детских болезней, любые лекарства давали ей, а не ребенку, так как считалось, что оно попадет к ребенку через молоко. Требования к женщине, которая могла бы стать кормилицей для ребенка из семьи высшего общества, были очень высокими, о чем Нильс Розенштейн писал позднее, в XVIII в.: «Кормилица должна быть в возрасте между 20 и 30 годами, она должна была родить ребенка за месяц до этого. Желательно, чтобы она больше полная, чем тощая, она должна иметь большие соски и много молока. Она должна быть спокойной, мирной, счастливой, добродетельной, иметь хорошее здоровье и ничем не болеть. Она не должна быть сексуально активной, потому что ребенок будет страдать от этого, так как молоко от этого становится испорченным и соленым» (Rosén von Rosenstein N. Underrättelse om barnsjukdomar och deras botemedel. Stockholm: Lars Sylvius. 1764). Многие эти советы были заимствованы у Сорана Эфесского [5].

Основной причиной приглашения кормилиц к младенцам из знатных домов была необходимость знати иметь много наследников. Случалось, что у дворянских матерей было более десятка детей, вплоть до 20. Аристократии был хорошо известен контрацептивный эффект грудного вскармливания, который и пытались обойти путем использования кормилиц. Это делало возможным для дворянских



Шарль Бобрен: Людовик XIV на руках у своей кормилицы Мари Лонге

жен рожать по одному ребенку в год, хотя многие младенцы не выживали. Иметь много детей было очень выгодно королевской семье и знати, так как путем заключения соответствующих браков сыновей и дочерей семья могла приобрести богатство, власть и влияние [6].

Процесс прекращения лактации у знатных дам порой сопровождался определенными страданиями, так как женщины вынуждены были перетягивать грудь. Имеются даже свидетельства о гибели аристократок от мастита.

Эпоха Ренессанса представляла совсем незначительный, с точки зрения исторического процесса, период времени (всего 200–250 лет), но этот период был чрезвычайно насыщенным. Это был возврат к ценностям античности в области культуры — одному из самых значимых, но и самых драматичных периодов истории [2]. Попытка освобождения от догм выступала на первый план среди деятелей искусства и науки. Многие великие художники Ренессанса были вдохновлены процессом грудного вскармливания и воплотили его в изображении Богоматери и младенца [5].

На знаменитой картине Леонардо да Винчи изображена женщина, держащая на руках младенца, которого она кормит грудью. Мадонна смотрит на младенца нежно и задумчиво, на губах ее нет улыбки, лишь намек на нее в уголках рта. Мелкие детали образа позволили предположить искусствоведам, что мы видим ребенка и мать в дра-



*Мадонна Литта.  
Леонардо да Винчи (1490–1491)*

матический момент отлучения от груди. На Мадонне красная сорочка с узкой горловиной, в которой сделаны специальные разрезы, через которые удобно, не снимая платье, кормить младенца грудью. Оба разреза были аккуратно зашиты (т.е. было принято решение отлучить ребенка от груди). Но правый разрез был торопливо разорван — верхние стежки и обрывок нити отчетливо видны. Мать по настоянию ребенка изменила свое решение и отложила этот нелегкий момент.

В Новое время кормилицы привлекались к вскармливанию детей по-

всеместно среди аристократии. Это была одна из самых востребованных профессий в то время. Дж. Гийемо (род. в 1550 г.), французский врач акушер-гинеколог, написал большой труд, в котором большая часть посвящена грудному вскармливанию. Он перечислил свои возражения против вскармливания ребенка кормилицей: ребенок может быть воспитан не так, как следует; естественная привязанность между матерью и ребенком снижается; некоторые плохие особенности характера могут быть получены ребенком от кормилицы. Он считал, что свойства характера, которые передавались ребенку с молоком, были даже более важны, чем наследственность. К подбору кормилицы отношение было по-прежнему очень серьезное, при этом Дж. Гийемо был против рыжеволосых женщин, считая их чересчур темпераментными, что могло передаться ребенку либо испортить молоко. Автор тщательно подходил не только к выбору кормилицы, но и к тестированию ее молока. Молоко должно быть сладким, без запаха, белого цвета. Если молоко слишком водянистое, ребенок будет голодным, если жирное, у ребенка возможны желудочные расстройства. Ногтевой тест был модифицирован — вместо ногтя стали использовать стекло. Кормилицы, по мнению автора, естественно, попытаются скрыть, что их молоко некачественно, из-за страха потерять свои позиции, поэтому для защиты от их обмана Дж. Гийемо рекомендует часто обследовать молочные железы кормилицы. Он дает также конкретные рекомендации по режиму и питанию кормящей женщины: она не должна есть пряные, соленые, несвежие продукты, чеснок, перец, горчицу, жареное мясо, сырые фрукты. Она должна дышать свежим воздухом и не огорчаться, сохраняя ровное настроение. Что касается самого метода кормления, автор указывает на необходимость отлучения от груди новорожденного не менее чем на 8 дней после родов [5].

Несмотря на то что среди жен аристократов вскармливание грудью собственных детей считалось позорным и недостойным дамы из высшего общества, многие врачи и даже сами женщины высказывались против использования кормилиц. До нашего времени дошли записи вдовствующей графини Линкольн (1662 г.). Достойная графиня была матерью 18 детей, все они вскармливались кормилицами. Большинство этих детей умерло в младенчестве. По правде говоря, только один сын, Феофил, достигший совершеннолетия, выжил и стал четвертым графом Линкольном. Графиня очень эмоционально высказывается о глубокой

трагедии женщин аристократических семейств, которые отказываются от самостоятельного кормления грудью своих детей, заменив радость духовной близости со своим дитя на балы и светскую жизнь. Она перечисляет (и отвергает) возражения против грудного вскармливания, бытовавшие в то время: например, «кормление грудью может испортить фигуру», «мешает ношению корсета» и т.д. [5].

Отношение к грудному вскармливанию менялось в Новое время в том числе за счет успехов медицинской науки и практики. В Руане (Франция) данные за 2-летний период (1763–1765 гг.) показали, что из 132 подкидышей детского дома, вскармливавшихся коровьим молоком с добавлением супа и сидра в возрасте 3 месяцев, выжили только 5 [7]. В 1753 г. губернатор одной области в Швеции получил разрешение от короля штрафовать тех матерей, которые не кормят грудью [8].

В медицинском сообществе отношение к грудному вскармливанию в XVIII в. кардинально изменил английский врач У. Кадоган, которого часто называют отцом-основателем педиатрии. Он составил труд «Опыт вскармливания и ухода за детьми от рождения до трех лет» и определил многие наши современные отношения к грудному вскармливанию. Кадоган писал: «...правильное питание еще важнее, чем одежда ребенка... Мы должны следить за тем, чтобы ему ничего не давалось, кроме того что, безусловно, полезно, и в таком количестве, которое требуется самим организмом для его поддержания и роста». У. Кадоган впервые ввел понятие о грудном вскармливании по требованию, подчеркивая, что кормящая грудью женщина должна прикладывать к груди младенца так часто, как он просит, и не отнимать, пока он ее не бросит сам. Таким образом, количество молока регулируется самим младенцем в соответствии с его аппетитом, и не может быть никакой опасности, если он долгое время пребывает у груди. До Кадогана пропагандировалось вскармливание практически по строгому расписанию, а ребенка держали у груди совсем незначительное время, так как считалось, что перекорм младенца — одна из причин многих болезней [9].

Французский врач N. Brouzet так же, как и Кадоган, в значительной степени освободился от оков традиций. Он писал в своем эссе: «... наши женщины боятся быть рабами своих детей, ... однако, некоторые из них являются рабами своих удовольствий». Х. Смит (1730–1790 гг.) впервые ввел расчет количества питания для ребенка первого года жизни. У. Мосс, хирург из Ливерпуля, в своем труде «Очерк по уходу и заболе-

ваниям у детей», опубликованном в 1794 г., большой раздел посвятил кормлению детей грудного возраста, причем его взгляды были чрезвычайно прогрессивны для того времени. Мосс считал грудное молоко идеальным сочетанием животной и растительной материи, или полупереваренным промежуточным состоянием между двумя этими материями. Он считал, что желудочный сок каждого животного специально подходит для молока данного вида. Он был первым автором, который бросил вызов традиционной вере в слабительное действие молозива. Кормление молозивом он считал не только не вредным, но даже полезным, особенно по сравнению с ранее применявшейся практикой кормления ребенка хлебом, медом и т.д. в период отлучения от вскармливания молозивом [9].

Недавние антропологические исследования, проведенные в Англии Эрикой Нич и ее коллегами из Оксфордского университета (Великобритания), помогли оценить рацион питания английских детей в XVIII в. с помощью радиоизотопного анализа детских костей с лондонского кладбища. Известно, что относительное количество изотопов углерода и азота в костях связано с определенными типами продуктов питания и напитков. Эрика Нич и ее коллеги проанализировали 92 образца костей взрослых и 72 — детских. Оказалось, что из 32 детей, скончавшихся в возрасте до 2 лет, только 18 находились на исключительно грудном вскармливании, а остальных либо не кормили грудью вообще, либо давали смеси из грудного молока в сочетании с мукой или панировочными сухарями, приготовленные в молоке или воде, с разваренным хлебом и молоком, приправленные специями, сахаром или яйцами.

Искусственное вскармливание младенцев взамен грудного стало более распространенным как среди богатых, так и среди бедных. В XVIII в. Великобритания активно индустриализировалась, многие женщины работали, что и стало, вероятно, одной из причин того, почему в этом столетии детей отнимали от груди раньше, чем в XIX в. Замена грудного молока на другие продукты, возможно, стала удобной альтернативой для матерей, занятых в домашнем хозяйстве. Уровень смертности среди младенцев на искусственном вскармливании в первые 6 месяцев жизни доходил до 90%. Существует больше доказательств о более длительном грудном вскармливании в XIX в., а не в XVIII [10].

Традиции русского народа формировались под влиянием христианства, многонациональности состава, пережитков языческого прошлого и многих других факторов. Все эти аспекты влияли и на традиции грудного вскармливания в нашей стране. Крестьянки в русской деревне самостоятельно кормили детей грудью. Материнское молоко воспринималось как основа жизни и здоровья ребенка. В Смоленской губернии даже существовала загадка: «Кругленька, маленька, вес мир питает, на столе не бывает (грудь)». Согласно народным представлениям, молоко и кровь — две субстанции, на основе которых идет формирование плода в утробе матери. Отсюда и представления о красоте и здоровье — «кровь с молоком». Считалось, что во время беременности молоко накапливается в крови. В некоторых губерниях среди простых людей отказ матери от кормления ребенка грудью считался большим грехом и случался только в крайних случаях, например при болезни матери. В таких случаях ребенка докармливали коровьим молоком из рожка. Если мать погибала во время родов (что случалось достаточно часто), ребенка по очереди носили к кормящим женщинам деревни. При живой матери к помощи кормилицы прибегали крайне редко, так как в разных губерниях считали это неприемлемым по разным причинам: где-то считали, что кормление чужого ребенка могло привести к смерти собственного, в других губерниях кормилицу не допускали из-за опасения болезни ребенка после кормления порченным молоком, а в других верили, что ребенок, вскормленный чужой женщиной, не будет любить родную мать и станет для нее чужим. Крестьяне верили в особую крепкую связь между ребенком и кормящей матерью. К молозиву отношение также было неоднозначным в разных губерниях. В одних оно считалось полезным, и ребенка стремились прикладывать к груди сразу же после рождения, в других — раннее молоко считалось вредным, поэтому ребенка прикладывали к груди только через 3 дня, в течение которых он не получал никакой пищи, а только соску. Нередко грудное вскармливание бывало отсрочено до крещения младенца по причине нечистоты некрещеного новорожденного или, наоборот, нечистоты его матери [11].

Режим кормления ребенка был свободным. Также не было ограничений к грудному вскармливанию на время постов, хотя многие, особенно набожные матери, не давали ребенку грудь в среду и в пятницу, а также перед причастием. Для сохранения и восстановления лактации женщины обычно прибегали к средствам народной медицины: ели ле-



пешки, замешанные на молоке другой женщины, использовали специальную траву «молокосос» и различные обереги. Продолжительность грудного вскармливания была четко регламентирована церковью — 3 больших поста (считались только Великий и Успенский посты). Поэтому продолжительность вскармливания зависела от времени рождения малыша и составляла 1–2 года. Кормить дольше считалось грехом, однако нередко кормление грудью продолжалось и до 3 лет, так как в народе знали о его контрацептивном эффекте [11].

Грудному вскармливанию препятствовало то, что крестьянка должна была в летнее время ежедневно работать в поле, а ребенок оставался под присмотром старших детей или стариков. В некоторых местностях встречались такие традиции: утром новорожденного ребенка укутывали в пеленки, клали в колыбель со специально прорезанным отверстием для стока, вставляли ему в рот коровий рог с отрезанным концом, куда накладывали смоченный сладкой водой ржаной хлеб, и уходили работать до вечера. Подобные традиции и создавали в дореволюционной России огромную младенческую смертность.

Среди жен русского дворянства и знати, как и в Европе, не принято было кормить своих детей грудью. Потому широко привлекались кормилицы, упоминания о которых есть во многих произведениях русских писателей. Причем такое явление социальной жизни России, как кормиличный промысел, возникло достаточно давно, однако обычай нанимать кормилицу к новорожденному младенцу во второй половине XIX в. стал практически повсеместным среди тех слоев общества, которые могли оплатить ее услуги. К концу века масштабы этого явления резко увеличились, кормиличный промысел превратился в острую социальную проблему, встал вопрос о его регулировании. Кормиличный промысел получил резкое осуждение со стороны врачей, говоривших об опасности, которой подвергаются все участники найма: ребенок кормилицы, в большинстве случаев обреченный на смерть, сама кормилица и ребенок, к которому ее нанимают, из-за возможности их взаимного заражения такими заболеваниями, как сифилис и туберкулез. Существует множество документов, освещающих судебные дела, возбужденные по делу заражения кормилицами своих подопечных сифилисом и туберкулезом. Но и сами кормилицы нередко заражались от вскармливаемых ими детей. Распространение кормиличного промысла было связано со слабой осведомленностью населения о важности кормления ребенка матерью: предложение услуг

кормилиц все возрастало, что привело к появлению специальных контор для их найма. Массовое привлечение кормилиц и передача грудных детей на вскармливание в деревню негативно отражалось на состоянии здоровья крестьянского населения, способствовало увеличению детской смертности и распространению сифилиса среди крестьянства [12].

Интересна история царских кормилиц. Поскольку все понимали, что фундамент здоровья детей закладывался вскармливанием, а высокородные матери своих детей, конечно, не кормили, к подбору кормилиц подходили очень тщательно. Как правило, это были крестьянки из деревень, которых выбирали придворные медики. Поскольку детей в царской семье рождалось много, то и кормилиц требовалось много. Кормилиц уважали и к ним прислушивались. Цари из династии Романовых благодарно относились к своим кормилицам, или мамкам. По окончании 2-летней службы при наследнике их щедро награждали, давая новый дом, памятную драгоценную брошь, одежду и деньги. Выбор кормилиц



*Царская кормилица*



*Кормилица пришла навестить своего больного ребенка. К. Вениг (1886)*

из народа имел еще одну очень важную сторону — политическую: то, что российского императора вскармливала простая русская крестьянка, и у царя имелись молочные братья и сестры из крестьянской среды, было очень важным в поддержании мнения о неразрывно-мистической связи царя и народа. Имена кормилиц оставались в истории. Для самих кормилиц, кроме статуса, наверное, была очень важна пожизненная пенсия и денежные подарки к тезоименитству, Рождеству и Пасхе. Кормилицей Николая I была красносельская крестьянка Ефросинья Ершова. У кормилиц со времен

Николая I появилась своя форма одежды, которая включала парадный и повседневный варианты [13].

Императрица Александра Фёдоровна Романова отказалась от традиции мамок и кормила всех пятерых детей самостоятельно, хотя кормилицы ей все же помогали, поскольку императрица не всегда справлялась. Это потребовало от нее немало усилий и наряду с трудными беременностями практически изолировало ее от светской жизни и зимних балов. Двор был недоволен императрицей, которая «не царица, а только мать». Историки описывают сцену, когда императрица кормила ребенка кормилицы, на что бывшие в этот момент с Александрой дамы возмущенно взирали [13].

Выдающиеся российские врачи и ученые давали рациональное и научное обоснование пользы грудного вскармливания. Труды С.Ф. Хотовицкого, Н.М. Максимовича-Амбодика, Н.Ф. Филатова, Н.П. Гундобина, основателя нашей кафедры Г.Н. Сперанского и многих других легли в основу современных представлений о грудном вскармливании.

С начала революции 1905 г. наша страна пережила целый ряд потрясений и катастроф — две революции, две страшные войны, вследствие чего потеряла большую часть населения. Менялось все, в том числе и традиции грудного вскармливания. После образования Советского Союза требования к женщине были высоки: она не только должна была вести домашнее хозяйство, заботиться о детях, но и работать полный рабочий день на пользу СССР, поэтому для совсем маленьких детей организовывались ясли. Служба здравоохранения разрабатывала правила вскармливания детей и гигиенические правила, неся их в народ. Очень интересны лозунги 1940 г.: «Наши дети не должны болеть поносами!», «Кормите ребенка до шести месяцев только грудным молоком. С шести месяцев назначайте прикорм по указанию врача. Не отнимайте ребенка от груди летом. Летом одевайте ребенка в легкую одежду. Тщательно мойте посуду и игрушки



Плакат с лозунгами 1940 г.

ребенка, а также свои руки. Защищайте ребенка и его пищу от мух. Аккуратно посещайте детскую консультацию».

Цицерон называл историю учительницей жизни, а испанский писатель Мигель Сервантес отмечал, что «история — сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого и поучение для настоящего, предостережение для будущего». В этих высказываниях подчеркивается мысль о том, что знание прошлого помогает лучше понять настоящее и даже предвидеть будущее. История вскармливания детей не является исключением: на протяжении тысячелетий женщины кормили своих детей, иногда руководствуясь предрассудками и мистицизмом, иногда — мнением медицинской науки и паранауки, иногда — влиянием социокультурной среды, иногда — собственным инстинктом. Тем не менее знание этих исторических фактов должно помочь в осмыслении нынешнего положения науки о питании детей, а также определить перспективы ее дальнейшего развития.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Wickes IG. A history of infant feeding. Part I. Primitive peoples: ancient works: renaissance writers. *Archives of Disease in Childhood*. 1953;28:151–8.
2. Лисицын Ю.П. История медицины: учебник. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 400 с.
3. Fildes V. Breasts, bottles and babies; the history of infant feeding. *Edinburgh University Press*, 1986. 462 p.
4. Gartner LM, Stone C. Two thousand years of medical advice on breastfeeding: comparison of Chinese and western texts. *Semin Perinatol*. 1994;18:532–6.
5. Wickes IG. A history of infant feeding. Part II. Seventeenth and eighteenth centuries. *Arch. Disease Childhood*. 1953;28:232–40.
6. Seip M. Spedbarnsernaeringen i historisk perspektiv. *Tidsskr Nor Laegeforen*. 1993;113:3718–22.
7. Hymanson A. A short review of the history of infant feeding. *Arch Pediatrics*. 1934;51:1.
8. Anonymous. *J Am Med*. 1973;81:97.
9. Wickes IG. A history of infant feeding. Part III: eighteenth and nineteenth century writers. *Arch Disease Childhood*. 1953;28:332–40.
10. Nitsch Erika K, Humphrey Louise T, Hedges Robert EM. Using stable isotope analysis to examine the effect of economic change on breastfeeding practices in Spitalfields, London, UK. *Am J Phys Anthropol*. 2011;146(4):619–28.
11. Русские дети. Основы народной педагогики: Иллюстрированная энциклопедия. Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др.; науч. ред. и авт. вступ. ст. И.И. Шангина; рис. Н.С. Эпштейн. СПб.: Искусство-СПб, 2006. 566 с.
12. Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2012. 26 с.
13. Зимин И.В. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. Серия: Повседневная жизнь российского императорского дворца. М.: Центрполиграф, 2011. 576 с.

# Исторические традиции Азербайджана: материнство, детство, естественное и искусственное вскармливание

**Валиева Санубар Таги**

Азербайджанский государственный институт усовершенствования врачей  
им. А. Алиева, Баку, Азербайджанская Республика

\* \* \*

Развитие культуры на территории Азербайджана отразило его насыщенную политическими и военными потрясениями историю и положение на путях, издревле соединявших Восток с Западом.

Азербайджан — страна, свято соблюдающая свои многовековые национальные традиции. Традиции сопровождают азербайджанцев с момента рождения и на протяжении всей жизни: сватовство, рождение детей, праздники, сбор урожая и многое другое.



## СЕМЬЯ

В семейных отношениях культура Азербайджана — это беспрекословное повиновение женщины своему мужу, отцу или брату. Именно муж полновластно распоряжается имуществом, решает финансовые вопросы, определяет судьбу детей.

Важную роль в азербайджанской дореволюционной деревне играли старики (аксакалы), которые выступали в качестве советчиков и посредников в делах, касающихся жизни селения или отдель-

ной семьи. Молодежь и дети, а также женщины не имели права участвовать в обсуждениях каких бы то ни было проблем. Лишь иногда приглашались пользовавшиеся особым уважением старухи. В семейных взаимоотношениях господствовало полное подчинение младших старшим; сын не имел права возразить отцу, или послушаться его. Девушка в родительском доме была в полном подчинении у матери и бабушки. Замужние женщины во всем подчинялись старшей хозяйке дома — свекрови или жене старшего деверя. Если молодожены жили совместно с родителями мужа, то невестка должна была избегать всех мужчин в семье, не входить в комнату, где сидели старшие члены семьи. А до рождения первенца молодая женщина не могла обратиться к кому-



*Талышская девушка из села Тулу Астаринского района Азербайджана, 1920-е годы*



*Семья азербайджанского писателя Юсифа Везира Чменземинли в Шуше. Начало XX века*

либо из старших членов семьи, она обязана была закрывать лицо и волосы от всех мужчин. Громко разговаривать или смеяться считалось неприличным.

Уважение к старшим и в настоящее время остается существенным элементом семейной и общественной жизни азербайджанцев.

Современное общество, естественно, отходит от этих патриархальных традиций, женщины в Азербайджане все чаще занимают ответственные посты наравне с мужчинами и сами решают, где им учиться или работать. Но почтительное отношение к сильному полу остается, а потому азербайджанки признаются, что им нравится чувствовать себя в браке как за каменной стеной.

## БРАК

В прошлом при заключении брака редко спрашивали согласия молодых (практиковали даже похищение невесты). Невесту для юноши выбирали мать или сестра: если невеста нравилась остальным членам семьи, то к матери невесты с неофициальным визитом приходили родственницы жениха, а затем к отцу — уже официальные сваты-мужчины. Сваты приглашали с собой одного или двух почтенных стариков. После получения согласия обсуждали вопрос о плате за невесту, включавшую мехр и башлыг, которую приносили уже в день обручения. Кроме того, жених до свадьбы не должен был видеть свою будущую супругу. Именно поэтому у в старинном свадебном наряде у невесты закрыто лицо.

Браки заключались и между близкими родственниками — двоюродными и троюродными братьями и сестрами, при этом предпочтение отдавалось родственникам со стороны отца. Но браки между молочными братом и сестрой запрещались. В случае преждевременной смерти одного из супругов новый брак старались заключить с представителем той же семьи, откуда был умерший, чтобы не нести дополнительных расходов на свадьбу.



Азим Азимзаде. «Свадьба у бедняков». 1931

Азербайджана для заключения такого договора достаточно было матери мальчика провести новорожденную девочку под своей верхней одеждой: ввести со стороны верхнего выреза платья и вытащить с подола. Во мно-



Азим Азимзаде «Женская свадьба». 1930

В браки вступали в довольно раннем возрасте. Юношей женили в 18–23 года, девушек выдавали замуж порой в 13–14 лет. Случалось, обручали и раньше, когда дети находились еще в колыбели (*beşikkartmā*), а иногда договаривались о заключении брака при рождении детей (*köbakkəsdi*, что дословно переводится как «при обрезании пуповины»). В северо-западных районах

гих районах мать мальчика приносила золото или серебро будущей невесте в виде украшений или монет: эти изделия прикалывались на одежду малышки или вешались на колыбель. Иногда такая форма брака использовалась между враждующими семейными кланами с целью прекращения вражды.

Многоженство как форма брака не было распространено в Азербайджане, но лишь изредка, если мужчина был достаточно состоятелен, и то количество жен было не более двух. Обычно мужчина женился повторно, если в первом браке не было детей или же рождались только девочки, а он желал иметь продолжателя рода.

В настоящее время брак является следствием взаимной любви юноши и девушки.

### РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА

В азербайджанских семьях, наверное, как и у всех народов, с нетерпением ждут появления ребенка, особенно мальчика. И сегодня, когда девушка выходит замуж, люди наряду с благословением и пожеланием удачи дают невесте подержать в руках младенца ближайших родственников, обычно мальчика. По прибытии молодой жены в дом мужа с ее головы снимают вуаль, которую набрасывают на ветки плодоносного дерева, а на приготовленную для молодых постель укладывают вначале ребенка. Всеми этими наполненными глубоким символическим смыслом действиями родственники выражают невесте свое пожелание видеть ее матерью.

Невестка, родившая первенца-мальчика, пользовалась особым уважением мужа и свекрови. В некоторых местностях (Газахский район) для определения пола будущего ребенка использовали гадания с черепахой. Для этого молодые невесты расстилали на земле косынки, на чью косынку заберется черепашка (достаточно распространенное в этой стране животное), та и должна была родить сына. Для того чтобы родить маль-



*Женский свадебный наряд в Музее истории Азербайджана*



чика, беременная женщина посещала святые места, читала молитвы и т.д. Согласно народным приметам, увиденная беременной женщиной во сне змея — к рождению мальчика, иголка — к рождению девочки.

А. Джафарзаде пишет: «Рождение девочки в семье считалось трагедией, ибо «ноша девичья очень тяжела», «девушки освещают чужой дом», «девушка, что мешок муки, залежавшийся в углу кладовой», «она вместо прибыли приносит один убытки», «у нее косы длинные, а ум короток». Поэтому в семьях, где рождалось много девушек (больше, чем хотелось бы родителям), их обычно называли таким именами, как Гызбас (хватит девочек), Бэсти (хватит), Гызйетер (хватит девочек), Гызтамам (больше не надо девочек), Тамам (больше не надо) и т.д.

А в приведенном примере мать проклинает тех, кто рождение девочки принимает как трагедию, она хвалит новорожденную и сравнивает ее с «лепестками розы»:

Гызды — гызылюл йарпагы,  
Астаналар торпагы.  
Хер кес буну истемесе  
Гозуне бибер йарпагы.  
(транскрипция азербайджанского текста)

Лист розы как девица,  
Место ее у порога.  
Кто этого не захочет,  
Лист перца тому в глаза.  
(подстрочный перевод)

Видимо, не случайно многие проклятия в азербайджанском языке связаны с ребенком, наследником, продолжателем рода: «Чтобы тебе никогда не видеть сына!», «Чтобы очаг твой погас навсегда!»

## БЕРЕМЕННОСТЬ И РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

В семьях к беременным относились с особой заботой и освобождали от тяжелых домашних работ. Беременным не советовали смотреть на некоторых животных, например на зайцев, опасаясь рождения ребенка с заячьей губой. Беременной женщине не разрешалось прогонять или ударить кошку или собаку, чтобы ребенок не родился с волосатой спиной. Советовали есть больше айвы, чтобы ребенок был красивым; хур-

мы — чтобы ребенок был здоровым; употреблять в пищу много пшена, чтобы ребенок был умным. В народе говорили: «Если беременная съест мясо зайца, ребенок родится с заячьей губой, мясо буйвола — будет волосатым как буйвол, много будет есть яиц — ребенок будет нервным и агрессивным».

Ко времени рождения ребенка в доме проводились особые приготовления, шились одежда для малыша и постельные принадлежности. По традиции, постельные принадлежности готовила мать невесты. Особый страх был перед процессом родов. По существовавшим старым поверьям, рожавшую женщину мог посетить злой дух всех рожениц *Hal anası*, и если не предпринять своевременно меры, то *Hal anası* заберет рожавшую женщину на небеса. В разных районах Азербайджана этот дух представляли по-разному. Так, по одним представлениям, это была очень высокая женщина со светлыми волосами, куриными ногами и очень большими грудями, до того большими, что она при ходьбе закидывала их на плечи. Талыши представляли ее как высокую смуглую женщину с темными волосами и крупными карими глазами. В Шамахе ее представляли как женщину с мужским лицом и светлыми волосами.

По поверьям, *Hal anası* заходила в комнату, где рожала женщина, пугала ее своим внешним видом, избивала ее, затем вырывала ее легкие (в редких случаях сердце) и убегала. В некоторых местностях считалось, что она отравляет своим молоком новорожденного. Для того чтобы испугать злой дух, применялись разные методы: вокруг роженицы углем описывали круг, вбивали в пол гвоздь, под подушку рожавшей клали чеснок, кинжал или другой железный предмет. Если роды проходили очень тяжело, родственницы рожавшей женщины должны были прийти до восхода солнца к источнику воды и «порезать» кинжалом воду, в противном случае *Hal anası*, прибыв к источнику воды раньше, полоскала легкие роженицы в воде, и женщина погибала. В Огузском районе, если рожавшая женщина теряла сознание, родственники разными



*Hal anası — ангел смерти, уносивший на небеса рожавшую женщину*

методами старались прогнать злой дух *Hal anasi*: мужчины стреляли в воздух, женщины поднимали шум, выкрикивали имя рожавшей, кто-то пытался держать ее язык, дергали за уши и волосы, ударяли по лицу. В этих же целях в доме опустошалась вся посуда с водой, чтобы злой дух не успел опустить легкие в воду. Когда женщина приходила в себя, ее заставляли укусить свою косу, чтобы *Hal anasi* больше ее не посещала.

Все эти поверья, конечно же, были связаны с отсутствием родо-вспомогательных служб, и в настоящее время рассказы про *Hal anasi* сохранились только в горных аулах.

Имели место и другие ритуалы во время родов. Так, среди талышей, прежде чем зайти в комнату к рожавшей женщине, необходимо было открыть на своей одежде все узелки, пуговицы и булавки. До окончания процесса родов все сундуки, посуда и другая домашняя утварь должны были быть в раскрытом виде. На территории современной Гянджи, если роды проходили тяжело, под подушку рожавшей нужно было положить череп волка, шерсть, волосы, гвоздь и кусок железа. Мужчины стреляли в воздух. Над головой женщины бросали копыто животного со словами: «Как господь отделил копыто от мяса, так пусть отделится дите от матери».

После перевязки пуповины родившийся послед закапывали. Эта миссия обычно поручалась сестре рожавшей. Послед мальчика закапывали в хлеву, чтобы мальчик был богатым и у него было много скота. Послед девочки закапывали в углу дома или на пороге, чтобы девочка была хорошей хозяйкой.

Рожавшую женщину несколько дней кормили только гуймагом — высококалорийной мучной смесью, приготовленной на молоке и масле. По обычаю, после благополучного завершения родов отец ребенка приносил в жертву барана. Гости должны были так поесть приготовленное мясо, чтоб не повредить кости. Под определенные молитвы эти кости закапывали (Сальянский район). Обычай приносить в жертву животное до сих пор актуален не только в провинциях, но и крупных городах.

Чтобы защитить от сглаза родившую женщину, на дверь ее комнаты вешали закрытый замок, под подушку клали кусок металла, чеснок и уголь. В Губинском и Газахском районах в комнату к рожавшей женщине нельзя было входить, имея при себе какой-либо железный предмет: это могло стать причиной болезни женщины и смерти ребенка. Таким образом, родившую женщину оберегали от темных сил сорок

дней. В этот же период ей не разрешалось месить тесто, печь хлеб, доить корову и выполнять тяжелую домашнюю работу. По истечении сорока дней родственники и знакомые поздравляли с рождением ребенка, приносили подарки. Сумма и количество подарков были намного больше при рождении мальчика. Рождение мальчика справлялось очень часто как большой праздник. Напротив, рождение девочки отмечали очень скромно, а зачастую и вовсе не отмечали. Но независимо от пола ребенка уход за ним был одинаково хороший.

### УХОД ЗА РЕБЕНКОМ

После рождения ребенка процедура купания различалась в зависимости от местности. Так, в Шемахе ребенка купали, когда мать полностью поправлялась и вставала с постели; в Губе — только по истечении 40 дней; во многих провинциях — после отпадения пуповины. Одной рукой ребенка держали и обливали водой, только в Сальянах иногда в этих целях использовался теплый айран (разведенный гатыг).

В течение 40 дней родственники не должны были навещать новорожденного. Если же посетители все же приходили, то для уменьшения негативного влияния на ребенка существовало несколько методов: новорожденного ребенка поднимали, и гость должен был пройти под ним; под голову новорожденного клали хлеб; ребенка выносили из дому и только после того, как гость войдет в дом, вносили ребенка.

В южных регионах страны ребенка укладывали спать в специальные кровати — бешик. В северных регионах предпочтение отдавали ненни (*yügürək*) — приспособлению, напоминающему гамак, которое подвешивалось в центре комнаты. В Гянджа-Га-



*Бешик хана Шеки Мухаммеда Хасанхана*



*Бешик, Музей Хан Сарай, Ленкорань, 2015 г.*

захском регионе на бешик накидывалась марля или тонкая ситцевая ткань, ребенок не должен был спать с открытым лицом, в противном случае его мог ударить злой дух, и это привело бы к внезапной смерти младенца.

На седьмой день после рождения ребенку давали имя. Очень часто это событие отмечали как праздник. Имя нужно было прошептать на ухо младенца. Обычно присваивали имена умерших предков. Для этого всматривались в лицо ребенка, чтобы определить, на кого он похож. Азербайджанцы верили, что души умерших предков возвращаются.

Очень много ритуалов в Азербайджане связано с огнем. Еще до нашей эры на территории современного Азербайджана проживали племена огнепоклонников. С тех времен на территории страны сохранились древнейшие свидетельства той эпохи: наскальные рисунки, статуи божеств и древние храмы. В Сураханах расположен храм огня Атешгях, в разное время почитавшийся последователями зороастризма, индуистами и сикхами.

В целях защиты новорожденного от сглаза в некоторых районах ребенка сразу после рождения в первую очередь три раза вращали вокруг источника огня и только затем прикладывали к груди матери (*çevir ocağa, bas gusağa*). Если в темное время суток приходилось с младенцем выходить на улицу, то брали кусок угля: как потухший источник огня он должен был защитить ребенка от темных сил. И даже сегодня для защиты от темных сил после купания на лоб ребенка мажут золу от костра (*qara basmasın*).

Для защиты от сглаза использовали и многие другие средства: мулла писал молитву, которую в виде амулета прикалывали на одежду ребенка; изготавливали бусины из определенных сортов дерева; применяли черный



*Yügürək, Исмаиллинский район, село Намазгях, 2015 г.*



*Индийский храм огнепоклонников в поселке Сураханы. Азербайджан*

камень и специальные стеклянные камни от сглаза. По верованиям, камень от сглаза способен был нейтрализовать даже проклятия. Азербайджанские курды (Минкенд, Лачинский район) заворачивали шерсть волка в кусок материи и вешали ее на шею ребенка.

Талыши верили, что существует злой дух всех новорожденных детей — Шаша. Шаша внешне была похожа на женщину, величиной с кошку, черного цвета. Она нападала на новорожденного на 6-е сутки жизни, садилась ему на лицо и таким образом душила его. Поэтому на 6-й день жизни ребенка соседские женщины собирались в доме новорожденного и всю ночь сторожили его. Они всю ночь не спали, поддерживали в доме горящий очаг, чтобы было светло. Колыбель ребенка укрывали рыболовной сетью, считая что Шаша может попасть в сеть. На случай если женщины уснут, у порога дома клали хлеб и масло. По верованию, Шаша должна была наесться этими дарами и не приближаться к ребенку.

На северо-востоке Азербайджана считали, что темные силы любят мучное блюдо *хәşil*. Когда ребенок болел, блюдо с едой клали у изголовья кровати, чтобы, наевшись, злые духи не трогали ребенка.

В селении Нехрам (Нахичеванская Автономная Республика) в случае болезни ребенка готовили из тонкого теста семь лепешек, раскладывали их вокруг источника огня. Если в процессе готовки одна или две лепешки треснут под воздействием огня, то это значит, что ребенок пойдет на поправку, так-как причина, вызвавшая болезнь, лопнула.

В Губинском районе Азербайджана продолжительный плач ребенка расценивали как сглаз. Чтобы очистить ребенка, вокруг его головы три раза вращали соль и бросали затем ее в огонь. При этом приговаривали: «Этой солью бросаю в огонь глаза того, кто тебя сглазил». Если ребенок много плакал и плохо спал, под подушку также клали змеиную кожу.

Очень интересные обычаи связаны с клиническими проявлениями рахита. Ребенка было принято туго пеленать: считалось, что это препятствует искривлению ног. Для того чтобы ребенок рано начал ходить, его



Мучное блюдо *хәşil*

клали в плетеную корзину, обходили с ним семь домов и собирали незир. Незир — это определенная сумма денег или какие-либо изделия, обещанные Богу как благотворительность взамен исполнения желания. В Газакском и Закаतालском районах чтобы ребенок начал ходить, нужно было его искупать на перекрестке семи дорог. В Губинском районе считалось, что если на голове младенца мало волос, его должен погладить по голове мужчина, совершивший преступление.



*Hedik готовили при прорезывании зубов младенца*

Прорезывание первых зубов младенца считалось большим событием, в честь которого готовили специальное блюдо — *hedik*. Рецептуру блюда составляли семь зерновых культур, в основном соевые: желтый горох, зеленый горох, чечевица, красная и белая фасоль, пшеница и кукуруза. Члены семьи ели блюдо сами (ребенка не кормили) и угощали соседей и родственников. Иногда *hedik* готовился и в случаях, когда появление зубов запаздывало. Согласно верованию, благодаря этому зубы у младенца прорезаются быстрее и безболезненно.

Чтобы ребенок быстрее начал разговаривать, нужно было накормить его языком птицы.

В народной медицине в качестве болеутоляющего использовали отвар семян мака.

Только после того, как ребенок достигал годовалого возраста, ему впервые состригали волосы.

## ГРУДНОЕ ВСКАРМЛИВАНИЕ В ИСЛАМЕ

Согласно нормам Ислама, грудное вскармливание является крайне желательным действием! Шариат (исламские законы, охватывающие все стороны жизни мусульманина) настоятельно рекомендует кормить детей материнским молоком — естественным способом. Так, например, в толковании Корана «Тасфиру рухиль-баян» приводится хадис, который гласит: «Нет ничего лучше для ребенка, чем молоко его матери» (Тасфиру рухиль-баян, № 6/281).

همانبل نم ريخي بصلل سي

Таким образом, при беременности в 9 месяцев отлучение должно было происходить не ранее 1,9 года. Логично предположить, что для недоношенных младенцев существовал «пересчет»: родился раньше — кормился дольше, чтобы в совокупности получалось 30 месяцев.

Веками ученые-теологи по-разному толковали смысл суры 4 (Женщины) Священного Корана о том, что запрещено брать в жены кормилиц и сестер молочных, однако все они в основном исходили из этических соображений. Мусульмане верят, что ребенок, вскормленный грудью кормилицы, получает из ее организма ту же информацию, что и молочный брат или сестра. Весь внутренний мир ребенка формируется согласно информации, полученной из молока кормилицы. Таким образом, это дитя и дети кормилицы фактически являются родными. А родственные браки, как известно, приводят к ослаблению рода и болезням.

Влияние материнского молока на формирование личности ребенка подчеркивают и суры, описывающие рождение пророка Мусы (сура 28): «И вот мы, матери (младенца) Мусы, Внушением (свое веление) открыли! Корми младенца своего! Мы воспретили ему грудь кормилиц». Бог приказывает матери Мусы, чтобы она сама кормила младенца. Интересно, почему младенца Мусу, в отличие от других, запрещено было кормить чужим молоком? Считалось, что если его вскормили бы чужим молоком, изменилась бы его генетическая суть, он стал бы чужим для Ибрахимова (Авраамова) колена (рода). Если бы суть Мусы изменилась, он не смог бы пророчествовать.

Грудное вскармливание — утвержденное право для грудного ребенка в шариате. Лучше всего, если ребенка кормит только его мать, потому что это полезней, и для нее становится обязательным кормить ребенка, если он не берет грудь другой женщины. Мусульмане говорят: мать должна кормить своего ребенка грудью, даже если она дочь султана.

### **Отношение к грудному вскармливанию в Азербайджане**

Материнское молоко считается священным. У азербайджанцев одной из самых крепких клятв является клятва на материнском молоке, а самое страшное проклятие матери — «Чтоб мое молоко не пошло тебе впрок» или «Чтоб мое молоко вернулось через твой нос». Самая высокая похвала — «Пусть молоко матери будет тебе впрок», «Чистый,



как материнское молоко». Согласно древнеазербайджанскому обычаю, в некоторых районах и сегодня жених должен оплачивать матери своей невесты специальный выкуп — «плата за материнское молоко». Только после этого молодые получают родительское благословение.

### К вопросу об искусственном вскармливании

При нехватке грудного молока младенцев кормили разбавленным коровьим или козьим молоком. В некоторых регионах (Газахский район) часто для кормления младенцев использовали молоко буйволицы, несмотря на высокий процент жира. Объяснялось это тем, что буйволы не болеют многими болезнями, присущими крупному рогатому скоту (например, бруцеллезом). Для детей постарше при нехватке грудного молока готовилась мучная смесь на воде или молоке с добавлением сахара.

Особый интерес, с исторической точки зрения, представляют первые книги по искусственному вскармливанию, по которым учились азербайджанские врачи. Все книги на русском языке. Одно из самых первых изданий — диссертация на соискание степени доктора медицины Николая Яблокова «О молочной железе» 1892 года издания.

Еще в 1892 г. Н. Яблоков писал, что при кормлении коровьим молоком создаются условия для повышенного образования кислот, особенно фосфорной; происходит патологическое разложение углеводов, создающее условие для процессов брожения в кишечнике.

Интересные рецепты приготовления смесей для детей, больных экземой, в домашних условиях приводятся в переведенной с немецкого языка книге профессора Н. Финкельштейна и доктора Л.Ф. Мейера «О белковом молоке» 1911 года издания.

Таким образом, вопросы адаптации искусственных смесей для потребностей ребенка и даже разработка рецептуры лечебных смесей волновали врачей уже 100 с лишним лет тому назад.



Н. Яблоков. Диссертация «О молочной железе», 1892

При кормленіи коровиымъ молокомъ, во-первыхъ, создаются условия для повышеннаго образованія кислотъ, особенно фосфорной ( $H_3PO_4$ ), и, во-вторыхъ, происходятъ въ дальнѣйшемъ патологическія разложенія углеводовъ, способствующія также образованію кислотъ и создающія условия для броженія въ кишкахъ.

Stälzner въ своей монографіи *Oxuratie* доказываетъ, что почти всѣ разстройства питанія въ грудномъ возрастѣ, исключая, конечно, разстройства питанія инфекціоннаго (энтерального или парэнтерального) происхожденія суть ни что иное, какъ отравленіе кислотами, образующимися при разложеніи жировъ и при броженіи углеводовъ. Для того, чтобы уяснить себѣ сущность этого процесса, вспомнимъ составъ грудного и коровьяго молока.

Грудное молоко:	Коровье молоко:
Бѣлокъ . . . 1,7	Бѣлокъ . . . 3,5
Сахаръ . . . 6,0	Сахаръ . . . 4,8
Жиръ . . . 4,0	Жиръ . . . 3,6
Соли . . . . 0,3	Соли . . . . 0,7

Фрагмент диссертации Н. Яблокова, 1892

Къ одному литру цѣльнаго молока прибавляютъ одну столовую ложку сычужной эссенціи Limon'a (можно вмѣсто нея прибавить пепсинъ) и ставятъ на полчаса въ водяную баню при  $42^{\circ}$  теплоты. Въ теченіе этого времени казеинъ и жиръ сворачиваются въ лепешку, а сыворотка выжимается. Послѣ этого вся масса фильтруется черезъ полотняный мѣшочекъ или, еще лучше, остается въ немъ висѣть полчаса. Сыворотка удаляется только каплями. Плотно свернувшійся казеинъ легко отдѣляется отъ полотна; послѣ этого при непрерывномъ размѣшиваніи допачочкой съ  $\frac{1}{2}$  литромъ воды, его пропускаютъ черезъ волосяное сито, каковая процедура, послѣ прохожденія свертка черезъ сито, повторяется еще разъ. Смѣсь должна имѣть видъ молока, а свертокъ долженъ быть тамъ *хорошо размѣшанъ*. Къ этой смѣси прибавляютъ  $\frac{1}{2}$  литра пахтанья. Мы предпочитаемъ послѣднее, во-первыхъ, въ виду небольшого содержанія молочнаго сахара въ немъ, во-вторыхъ, въ виду возбуждающаго дѣйствія молочной кислоты (*Klotz*) сохраняемости подкисленной пици.

Н. Финкельштейн, Л.Ф. Мейер «О белковом молоке» (1911): один из первых рецептов лечебных смесей



Н. Финкельштейн, Л.Ф. Мейер  
«О белковом молоке», 1911

## СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ГРУДНОГО ВСКАРМЛИВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ДЕТЕЙ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

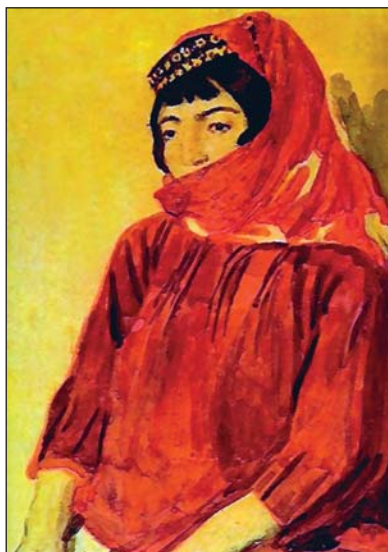
В период с 2013 по 2014 г. проведено анкетирование 1715 матерей. Установлено, что 88,3% детей за последние 5 лет вскармливались грудью. Грудным молоком до 6 месяцев вскармливались менее половины детей, до 1 года и 2 лет кормились грудью по 17,5 и 15,2% детей соответственно, 8,2% получали материнское молоко более 2 лет. По сравнению с официальными статистическими данными за 2006 г., почти в 2 раза больше детей прикладывается к груди в течение первого часа после родов, в 2,5 раза уменьшилось количество детей, допаиваемых какой-либо жидкостью кроме грудного молока. Сохраняются низкие показатели исключительно грудного вскармливания, которое в возрасте до 2 месяцев получают только 27,7% детей, к 4–5 месяцам этот же показатель снижается до 7,5%. Каждый второй ребенок в возрасте до 2 месяцев допаивается жидкостью. Установлено, что причины, по которым дети не прикладывались к груди, и низкие показатели исключительно грудного вскармливания обусловлены управляемыми факторами.

### ЛИТЕРАТУРА

1. URL: [https://az.wikisource.org/wiki/Hal\\_anas](https://az.wikisource.org/wiki/Hal_anas)
2. URL: <http://www.yenidenergenekon.com/197-turk-halk-kulturunde-korku/comment-page-1/>
3. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
4. НА. Guliyev. Azərbaycanca ailə məişətinin bəzi məsələləri. *Bakı, Elm*, 1986.



*Мирзе Гедим Иревани.  
Портрет сидящей женщины, 1870 г.*



*Бехруз Кенгерли.  
Портрет женщины, 1920 г.*



*Деревенский быт, 80–90-е годы прошлого столетия*



*Женщины обрабатывают баранью шерсть. Исмаиллинский район, село Намазгях, 2015 г.*



*Ковровое искусство Азербайджана*

# Некоторые исторические аспекты вскармливания и ухода за новорожденными и детьми раннего возраста в Армении

Г.Г. Амарян, А.О. Аскандарян

Ереванский государственный медицинский университет  
имени Мхитара Гераци, Ереван, Республика Армения

\* \* \*

Армянская семья традиционно была многодетной. Рождение ребенка всегда было одним из самых ярких и радостных событий в армянской семье. Рождение сына — продолжателя рода и опоры для родителей в будущем — заметно укрепляло положение молодой женщины в семье и приветствовалось с большей радостью, чем рождение дочери. В Древней Армении, как и в Древнем Египте, был распространен такой тест определения беременности: в мочу женщины помещали 2 пакетика с зернышками пшеницы и ячменя. Если зерна проросли, тест считался положительным. Так же узнавали пол будущего ребенка: если первыми проросли зерна пшеницы — родится мальчик, а если ячменя — девочка.

Во время беременности армянская женщина вела обычный образ жизни, ей во всем угождали, особенно в питании. Считалось, если беременная женщина ест все, что желает, ребенок родится здоровым. В то же время беременную женщину считали нечистой, ей не разрешали месить тесто и печь хлеб, сбивать масло. Беременной запрещалось садиться рядом с бездетной женщиной из опасения «заразы». Как только начинались роды, мужчин выпроваживали из дома, и с роженицей оставались повитуха — татмерь — и по-

жилые родственницы. Армянка рожала в жилом доме, стоя на коленях на постланной на земляном полу соломе. Для облегчения родов и защиты от злых духов в доме широко открывали двери, окна, снимали крышки с посуды, развязывались всевозможные узлы и пояса, расстигивали одежду, у ног роженицы внезапно разбивали яйцо, а около нее ставили заряженное ружье, под подушку прятали кинжал, шампуры, кусочки железа — обереги от нечистой силы. После родов послед зарывали в землю, поскольку верили, что существует связь между будущим человека и его пуповиной. Отрезанную пуповину новорожденного мальчика зарывали где-нибудь на видном месте посреди села (у стены церкви или магазина), чтобы из него со временем вышел хороший скотовод, торговец, священник, а пуповину девочки, напротив, прятали в дальнем углу дома, чтобы она выросла скромной и хозяйственной.

В древности дом, где рождался ребенок, украшали зелеными ветками — символом продолжения рода, а в самом доме долго звучала музыка, и царило веселье. Особая радость приходила в дом, где рождался мальчик.



Армянская семья, XIX в. (<https://www.pinterest.com/pin/>)

С момента рождения и до 40 дней ребенка обычно было не принято показывать никому, кроме близких родственников. Эта традиция по-прежнему сохраняется во многих армянских семьях. Кроме того, для оберега от сглаза в этот период новорожденного нередко не выводили из дома, что, естественно, имело свои отрицательные последствия (ранний рахит, ухудшение нутритивного статуса и др.).

Как известно, грудное вскармливание имеет такую же древнюю историю, как и сама история человечества. В далеком прошлом люди были близки к природе, в которой вскармливание потомства материнским молоком было единственным путем к выживанию и продолжению рода. Неоднозначность вопроса «чем кормить младенцев» — «достижение» лишь XX–XXI в.



«Материнство»: произведение искусства из города Вагаршанат (<https://www.maximus101.livejournal.com>)

В христианстве кормлению грудью придавалось почти сакральное значение. Существовало представление о том, что с материнским молоком ребенку передавались нематериальные субстанции: любовь к богу и к своему народу, черты характера и опыт матери. Это нашло свое отражение в устойчивом выражении «впитать с молоком матери», означающем нечто глубинное, идущее из раннего детства, из младенческих воспоминаний, из устоев семьи.

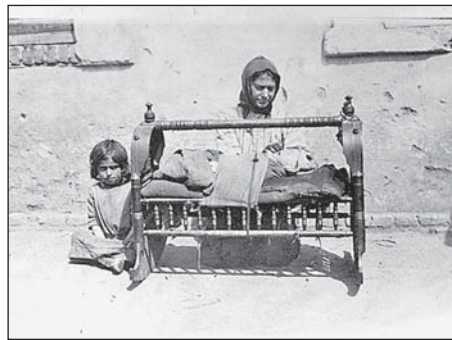
В Армении как в стране, первой на Кавказе принявшей христианство, мать всегда почиталась как кормилица и хранительница очага, а в народе кормление новорожденного грудным молоком традиционно поощрялось и расценивалось как важнейшая основа не только физического, но и духовного здоровья ребенка.

Молодой матери в большой армянской семье всегда старались помочь и оказать поддержку родственники мужа, особенно после рождения первенца. Особую роль при этом, равно как и для сохранения традиций и согласия в семье, играли родители мужа (свекор и свекровь). До настоящего времени в воспитании детей по-прежнему особую роль отводят бабушкам и дедушкам, так как считается, что безграничная любовь и доброта к внукам в сочетании с их жизненным опытом и мудростью закладывают у ребенка с детства основу для формирования гармоничной личности.

Как и у многих народов Кавказа, в армянской семье было принято длительное кормление грудным молоком, хотя бы до 2-летнего возраста, однако нередко кормили и дольше, что, кроме огромного оздоровительного значения для ребенка, значительно облегчало жизнь занятой в хозяйстве матери. Для стимуляции лактации широко употреблялись различные травяные отвары/чаи из семян укропа, петрушки и др., миндальное масло. В случае нехватки грудного молока у роженицы на помощь часто приходили близкие родственницы, которые брали на себя роль кормилицы. Использовали также разведенное коровье молоко, а также популярное в народе козье молоко, считавшееся более близким по составу к женскому. В СССР Армения была первой союзной республикой, в которой открылись многочисленные пункты сбора донорского молока, что стало хорошим подспорьем для многих семей.

При рождении ребенку было принято дарить серебряную ложку, которой его обычно поили и кормили. Вместо сосок малышам нередко давали пососать завернутые в лоскуток сладости (рахат лухум), круто сваренную кашу или хлебный мякиш. Новорожденных детей в первые 1–3 месяца обычно туго пеленали, причем пеленки широко различались по своим предназначению и форме.

Издравле большое внимание в Армении уделялось люльке-кроватьке новорожденного. Она обычно изготавливалась из так называемого дышащего дерева (ачар, хон) специальными мастерами, должна была быть удобной и функциональной как для ребенка, так и для матери.



*В древности использовали люльку со специальным отверстием для стока фекалий. К отверстию прикрепляли глиняную посуду для удаления отходов ребенка, а под люльку подкладывали сильно обожженную землю для обеззараживания и профилактики инфекции ([http:// www.talinci.livejournal.com](http://www.talinci.livejournal.com))*





Разные виды люлек-кровать для новорожденных и детей раннего возраста  
(<http://www.panorama.am/am/miscellaneous/>; <http://www.houshamadyan.org/arm>)

Кроватки-люльки, сделанные из дерева, скромные, без украшений, могли быть инкрустированными, покрытыми лаком и передавались из поколения в поколение. Богатые семьи люльки заказывали у знаменитых мастеров из дорогих пород дерева. В любом случае конструкцию деревянных кроваток старались делать максимально легкой, так как их веревками подвешивали с потолка комнаты для облегчения укачивания.

Мать при кормлении грудью склонялась над младенцем, спокойно лежащим в колыбели. К кроватке, ближе к левой стороне, прикрепляли толстую палку. Мать становилась на колени около колыбели и, опираясь на палку подмышкой, кормила ребенка грудью. Такое положение при кормлении и строение колыбели-люльки предостерегали от того, чтобы мать, случайно заснув во время кормления, не упала на ребенка (по материалам <http://www.forum.medicinform.net>).

В дальнейшем дизайн кроватки для новорожденного как одного из главных атрибутов подготовки к его рождению претерпел значительную эволюцию, и нередко люлька выглядела как произведение искусства из дерева.

Большим событием в семье считалось прорезывание у малыша первого зуба, которое отмечают как праздник и в наше время. В окружении родных и близких, пришедших в гости с подарками и сладостями, ребенок брал в руки один из разложенных вокруг него предметов (книга, тетрадь, ручка, расческа, денежная купюра, одежда, градусник и др.), символизирующих будущую профессию.

В семьях ремесленников, как только ребенок самостоятельно сидел, его сажали за маленький деревянный стол со стульчиком. В кон-



*Деревянный ходунок и стол со стулом для детей. Музей народной архитектуры и городского быта Гюмри (<http://www.spyur.am/gyumriarchtmuseum>)*

це XIX – начале XX в. Александрополь (ныне город Гюмри) превратился в один из крупных ремесленных центров Армении, большинство его населения составляли ремесленники. В поселениях, где было в почете владеть каким-либо ремеслом (особо уважаемыми были ювелиры), с раннего возраста детей приучали сидеть за столом и заниматься мелкими работами. Это было предметом гордости. Для детей, которые начинали ходить, из дерева мастерили ходунки — деревянный стульчик с дырочкой, куда помещали ребенка. Изначально ходунки были без колесиков.

В армянских семьях в питании детей преобладали молочные продукты. Основу традиционного комплекса питания малышей всегда составляли и зерновые — пшеница, полба, ячмень, а также бобовые, из которых варили каши, супы. Из пшеничной муки (в прошлом из ячменной) в печах-тонирах пекли тонкий хлеб — лаваш. Широко употреблялись овощи, фрукты и соки. Масло использовали в основном сливочное, чаще топленое, растительное масло применялось реже. Часто употреблялось льняное масло как для наружного использования, при обработке кожи малышей, так и для внутреннего приема при нарушениях пищеварения. Мясо и рыбу в рацион детей вводили после 6 месяцев. Греческий историк Ксенофонт (V–IV вв. до н.э.) во время своего путешествия по Армении дал следующее описание быта местных жителей: «...в домах находились козы, овцы, коровы и птица со своими детенышами. Там хранились также пшеница, ячмень и овощи».

Для вскармливания детей старше 6 месяцев в армянских семьях широко использовались калорийные смеси, в частности масло-мучная

смесь хавиц (мука, обжаренная в масле с добавлением молока и сахара), разновидности сметаны (серуцк, ражан), сыры, яйца. Популярна была также смесь нишаста — продукт из проросших семян пшеницы для вскармливания маловесных детей с нарушением питания.

При кишечных расстройствах малышей поили особыми отварами и чаями из трав, в частности использовали траву авелук (*Rumex confertus*, конский щавель), гранатовую кожуру, плоды пшата и др. С давних времен в Армении детям с кишечными проблемами давали также кисломолочные смеси. Издавна использовался мацони, а позднее — и другие кисломолочные лечебные смеси, в частности наринэ, получивший широкое распространение и международное признание, а также ацидофильное молоко. В советской Армении, где для обеспечения лечебным питанием при детских больницах и поликлиниках традиционно создавали молочные кухни, детей регулярно обеспечивали этими смесями.

В изготовлении кисломолочного продукта «**Наринэ**» используется специальный, так называемый армянский штамм ацидофильных палочек (*Lactobacillus acidophilus strain Er 317/402*), выделенный Л.А. Ерзинкяном еще в 1950 г. в Институте микробиологии АН Армянской ССР. Этот штамм отличается от обычных ацидофильных палочек своими морфологическими, биохимическими и органолептическими свойствами. Смесь «Наринэ» — это легкоусвояемая лечебная смесь, богатая белком, жирами, незаменимыми аминокислотами, но самое главное — с высокой *антибактериальной активностью* и устойчивостью к химиотерапевтическим и антибиотическим препаратам. Описанная автором технология позволила с 1971 г. наладить в Армении широкое производство этого продукта. Наринэ всесторонне изучена в многочисленных совместных международных научных исследованиях по питанию, где в первую очередь доказаны ее уникальные антимикробные, а также кислотообразующие и витаминизирующие свойства. В 1986 г., еще при жизни автора, лицензию на использование продукта «Наринэ» приобрела японская фирма «Мики Трейдинг», которая позднее стала выпускать таблетки «Бон Наринэ» с добавлением растения кукуридж. В настоящее время в Армении кисломолочные продукты «Наринэ» и «Нор Наринэ» продолжают широко использоваться в виде капсул.

После разрушительного землетрясения в Армении в 1988 г., когда наряду с тяжелой стрессовой ситуацией в страну в качестве междуна-

родной помощи поступило большое количество искусственных смесей, популярность грудного вскармливания и его показатель по стране значительно снизились. Так, в 1990 г. показатель по исключительно грудному вскармливанию среди детей до 4 месяцев составлял 57%, далее, к 1994 г., он резко снизился до 20%. В связи с этим, начиная с 1995 г., со стороны Министерства здравоохранения РА и ряда международных организаций (ВОЗ, UNICEF и др.) в рамках стратегических программ по улучшению здоровья и питания детей в раннем детстве совместно с педиатрами и медицинскими работниками страны была проведена огромная работа по пропаганде грудного вскармливания. Благодаря этому, а также устойчивым историческим традициям в народе к 2012–2014 гг. показатель грудного вскармливания, по данным МЗ РА ([www.MoH.am](http://www.MoH.am)), возрос до 70–83%. При этом в 2014 г. 68,7% детей в возрасте 0–6 месяцев находились исключительно на грудном вскармливании, а 35% детей продолжали получать грудное молоко до 1 года.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Мегроян Г.А. Влияние некоторых социально-биологических факторов и различных видов вскармливания на физическое развитие недоношенных детей. Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. *Ереван*, 1975. 30 с.
2. Ибоян С., Яралян М. Кормление здоровых детей. *Здравоохранение*. 1988;1:46–7.
3. Сулян В., Енокян Р., Акопян Г. Влияние молочнокислого продукта «Наринэ» на микрофлору кишечника у новорожденных в раннем неонатальном периоде: Тезисы X Научно-практической конференции детских врачей. *Ереван*, 1992. С. 115.
4. Ерзнкян Л., Акопян Л. Использование лечебной смеси «Наринэ» в медицине. *Здравоохранение*. 1987;2(185):36–9.
5. Геворгян Ж.К. К вопросам о кормящих матерях и о вскармливании детей раннего возраста в лечебнике древнеармянского врача Галуста Амасаици. Пособие 540. Хранилище манускриптов Мхитарянцева в Вене, XVII в.: Научные труды и сообщения. *Национальный институт здравоохранения МЗ РА*. 2000. С. 8–9.
6. Серобян Н.С. Эффективность пробиотика «Нор-Наринэ» при хроническом некалькулезном холецистите с дисбиозом кишечника. Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. *Ереван*, 2010.
7. Арутюнан С., Погосян К., Аветисян Л. Основные аспекты проблемы нарушений роста и вскармливания детей в Армении: Сб. матер. конф. детских врачей Армении. *Ереван*, 2014. С. 21–4.
8. URL: <http://life.panorama.am>
9. URL: <http://www.panorama.am/am/culture>
10. URL: <http://www.MoH.am>; <http://armlur.am>
11. URL: <http://www.spyur.am/gyumriarchmuseum>
12. URL: <http://forum.medicinform.net>

# Белорусские обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка.

## Вскармливание и уход за младенцем

В.Ф. Жерносек<sup>1</sup>, Т.П. Дюбкова<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск, Республика Беларусь

<sup>2</sup> Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

\* \* \*

Белорусские губернии царской России в конце XVIII – начале XX в. представляли собой отсталую аграрную окраину. Тяжелые социально-экономические и бытовые условия, безработица и нищета в городах и сельской местности, культурная отсталость белорусов были причиной чрезвычайно высокого уровня смертности населения, особенно в детском возрасте. В отдельные годы в белорусских губерниях число умерших детей в возрасте до 15 лет превышало половину (63,0%) всех умерших. Так, только в Могилевской губернии в 1908–1910 гг. были зарегистрированы 196 случаев смерти детей в возрасте до 1 года на 1000 родившихся. Примерно к середине XX в. младенческая смертность в белорусских губерниях снизилась в 1,5 раза по сравнению с 1913 г., хотя и оставалась по-прежнему высокой (в 1940 г. показатель составил 121 на 1000 родившихся). Высокие уровни младенческой и материнской смертности, таинственность и необъяснимость появления ребенка на свет, с точки зрения существовавшего уровня развития медицинской науки, оказали влияние на сохранение *родинных* белорусских обрядов и обычаев на протяжении длительного времени.



*Белорусская семья, 1920-е гг. (фото Ю. Абрембского)*

*Источник: Наваградскі Т.А. і інш. Этналогія Беларусі: традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве: вучэб.-метад. дапам. Мінск: БДУ, 2009. 335 с.*

## **РОДИННЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ В ТРАДИЦИЯХ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Традиционная родинная обрядность представляет целостный ритуал, состоящий из взаимосвязанных и взаимообусловленных обрядовых действий, причем часть из них связана с беременностью. Эти действия были направлены прежде всего на сохранение физического и душевного здоровья женщины, благополучный исход родов и обеспечение здоровья и счастливой судьбы новорожденному ребенку. С одной стороны, беременной не возбранялось трудиться. Женщина, которая в XIX – начале XX в. жила в белорусском селе, при наступлении беременности и даже во второй ее половине по-прежнему продолжала выполнять все изнурительные работы по дому и также тяжело трудиться в поле. Она извлекала из печи тяжелые чугунные горшки, замешивала хлеб, весь день находилась в поле под жарким солнцем, скирдовала сено, поднимала и укладывала снопы. Нередко отмечались случаи, когда сельская женщина накануне родов шла в поле жать рожь, а возвращалась с поля с младенцем на руках. Таких детей, рожденных в период жатвы на ржа-

ном поле без помощи бабки-повитухи, называли *жытнічкамі*. С другой стороны, женщина на протяжении всего периода беременности должна была придерживаться определенных обычаев и запретов, так как, по народным верованиям, ее поступки и слова могли серьезно повлиять на судьбу, здоровье и внешний вид будущего ребенка. Беременной женщине запрещалось, например, смотреть на пожар (ребенок может родиться с «огненным» пятном на теле). Любое отступление от общепринятых норм подвергалось осуждению. В целом, отношение к беременной женщине было уважительным, с ней нельзя было ссориться, чтобы не испортить характер ребенка. Представляет интерес тот факт, что в начале XX в. в белорусских селах не было случаев избавления от беременности, сколько бы детей ни имела семья. Белорусы утверждали: «*Каго Бог стварыў, таго голадам не ўмарыў*». Если женщина не могла иметь детей по причине бесплодия, ее не считали изгоем общества. О бездетной семье говорили: «*Бог не даў*», «*Ня будзе дзеткаў, ня будзе й бедкаў*».

Предчувствуя начало родовой деятельности, женщина стремилась всячески избежать посторонних взглядов и делала все возможное, чтобы о родах знало как можно меньшее количество людей. По просьбе роженицы супруг давал поручение членам семьи выполнить какую-либо работу в лесу или в поле и приказывал скоро не возвращаться. Особенно тщательно новость о предстоящих родах скрывали от молодых незамужних девушек. Упорно бытовало и передавалось из поколения в поколение мнение о том, что за каждого, кто знает о родах, женщина должна отмучиться отдельно. Считалось, что присутствие при родах любого постороннего человека, особенно молодой девушки, может вдвое увеличить продолжительность мучений роженицы. Однако в избе, где рожала женщина, разрешали присутствовать ее мужу. На Витебщине и Могилевщине женщина во время родов чаще всего находилась в бане. В некоторых западных и центральных районах на территории Беларуси роды происходили зимой в избе (*ў хаце*), а летом — в хлевах, гумнах, кладовых для хранения овощей (*варыўнях*).

Согласно существовавшим у белорусов представлениям, судьба человека, его здоровье, счастье, богатство во многом зависели от обстоятельств появления на свет (время, место рождения, фаза месяца и др.). Удачными днями для рождения считались вторник и четверг, самым счастливым днем признавалось воскресенье. Хорошей приметой был громкий крик новорожденного (будет крепкое здоровье). Если младе-

нец после рождения не издавал никаких громких звуков, полагали, что у него будет слабое здоровье, а в будущем он станет сердитым и жадным. Плохим знаком считали рождение ребенка на закате солнца.

Профессиональная медицинская помощь при родах в XIX – начале XX в. из-за высокой стоимости была практически недоступна для простого народа, особенно в сельской местности. Для того чтобы оплатить услуги врача по оказанию помощи роженице и младенцу, *«трэба было прадаць карову»*. Набором простейших акушерских приемов владела бабка-повитуха. Именно к ней обращались за помощью, когда начинались роды. У белорусок при родах допускалось присутствие двух бабок: родовой и приемной или крестной (бабки-повитухи). Родовая бабка оказывала акушерское пособие. К бабке-повитухе предъявлялись определенные требования: она должна быть всеми уважаемой, уже немолодой, обязательно замужней, должна иметь безупречный характер. Считалось, что личные качества повитухи оказывают огромное влияние на качества повиваемого ею младенца. Бабка-повитуха исполняла ряд ритуалов: перевязывала и перерезала пуповину, хоронила послед, совершала первое купание младенца и даже давала ему имя. Следовательно, бабка-повитуха была посредником, принимающим ребенка с «того света» и вводящим его в мир людей. Пуповину чаще всего перерезали на предметах, характеризующих мужскую или женскую работу. Так, новорожденной девочке перерезали пуповину на чесальном гребне, хлебной лопате, веретене, серпе, мальчику — на дубовой или березовой щепке, полене. Для перевязки пуповины практически повсеместно использовали пучок чистого льна, конопляной пряжи, волос матери. Лен, конопля являются у белорусов символами богатства и плодovitости, поэтому их использование ассоциировалось с такими же качествами у ребенка в будущем. На Браславщине бабка перевязывала пуповину суровой ниткой и отпавшую часть прятала, чаще всего в дыру в стене избы (*хавалі ў дзірку ў сцяне хаты*). Подросшему ребенку давали развязать узел на пуповине, *«каб развязаць свой розум»*. Родившегося младенца заворачивали в чистый рушник. Послед обмывали, одевали, клали рядом с ним кусочек хлеба с солью или головку лука и хоронили, как хоронят человека, выбирая места, не доступные для других людей и животных, чтоб никто не мог его осквернить. Все действия при исполнении родинных обычаев и обрядов, совершаемые с младенцем и предметами, имеющими отношение к его рождению, свидетельствовали о том,





*Интерьер жилища конца XIX – начала XX в. Усадьба Акинчицы (Столбцовский район)  
Источник: Корсак В.У. Таямніцы беларускіх абярэгаў. Мінск: Беларусь, 2013. 232 с.*

что он становится человеком не по факту биологического рождения, а в процессе определенного ритуала, основным исполнителем которого является бабка-повитуха.

В первые дни после родов мать и младенца навещали близкие родственницы, подруги, соседки. Этот обряд получил название «отведки» (*адведкі, або радзіны*). В нем принимали участие только замужние женщины, которые приходили в избу без приглашения. Они приносили с собой старые сорочки, полотно для пеленок и продукты питания, обязательно — яичницу, мучные и крупяные изделия (*што выйшла з радзільніцы, то каб напоўнілася*). Обряд был обязательным для всех замужних женщин. Народная традиция требовала, чтобы каждую гостью мать новорожденного ребенка встречала, лежа в постели, независимо от самочувствия. При рождении внебрачного ребенка, в народе называемого *краніўнікам*, ходить в «отведки» было не принято, однако разрешалось передать для женщины что-либо съестное через бабку-повитуху.

Обряд первого купания обязательно совершала бабка-повитуха. Вода для купания должна была быть прозрачной, ее набирали из колод-

ца и не кипятили. Существовало поверье, что кипячение воды для купания может в худшую сторону изменить характер ребенка: он станет злым и крикливым. До настоящего времени, когда речь идет об агрессивном и склочном человеке, на Полесье и в Центральной Беларуси говорят: «*Ён у гарачай вадзе купаўся*». При первом купании в воду клали монеты, чтобы ребенок был богатым, на Белорусском Полесье — освященные травы. В Витебской губернии новорожденную девочку первый раз купали в молоке (чтобы была красивой), мальчика — в пиве (чтобы был сильным). Бабка-повитуха должна была тщательно вымыть младенца в первый раз. Считали, что в противном случае у ребенка всю жизнь будет нечистая кожа. Воду после купания выливали под угол избы или в иное место, которое нельзя было переступить. В процессе купания происходило не только гигиеническое очищение младенца, но и ритуальное отлучение его от всего нечеловеческого.

На Полесье после купания повитуха укладывала младенца на козух, расстеленный возле печи или у порога, трижды переступала через него, сопровождая ритуал словами. Ребенка брал на руки отец, а затем передавал его матери. Подняв младенца с земли после первого купания, мужчина признавал его своим сыном или дочкой и не имел права в последующем оставить ребенка без опеки. В течение некоторого времени после рождения младенца заворачивали в старую мужскую сорочку отца (*старызначку*). В классическом понимании для младенца это было не одеждой, а всего лишь обрядовым действием, символизировавшим преемственность поколений. Особое значение имели принадлежность сорочки отцу новорожденного ребенка, а также ее изношенность и грязненность.

В первые месяцы жизни одеждой белорусского младенца был так называемый *мятлік*. Его изготавливали из большого куска выношенной, многократно стираной мягкой ткани, в центре которого делали разрез для беспрепятственного прохождения головы ребенка. Такая несшитая свободная одежда символизировала «сорочку» (околоплодный пузырь) и играла определенную защитную роль для младенца. *Мятлік* надевали на ребенка до достижения им возраста 4–6 месяцев. В белорусских семьях на протяжении длительного времени бытовало поверье, что одежду для новорожденного ребенка нельзя готовить заблаговременно, до его появления на свет. Считали, что до исполнения 1 года жизни ребенку нельзя подстригать волосы, а отросшие ногти сле-

дует только откусывать, а не обрезать ножницами. Уверенность в неблагоприятных последствиях для ребенка при игнорировании этих запретов привела к тому, что они оказались очень живучими и передавались из поколения в поколение.

Сроки крещения младенца были разными, чаще всего они варьировали от 2 до 4 недель после рождения. Если ребенок рождался слабым, болезненным, обряд крещения старались совершить как можно раньше. Младенцев, умерших до крещения, нельзя было хоронить на кладбище. Считалось, что их души не могут попасть на тот свет и будут вечно мучиться. Ребенка несли крестить обычно во второй половине дня, ближе к вечеру. Среди белорусов бытовало мнение, что некрещеный младенец лишен всякой защиты от зла и очень подвержен воздействию нечистой силы. В некоторых случаях бабка-повитуха сама окропляла младенца водой и давала ему имя. Этот обряд получил название «*хрышчэнне з вады*». Для церковного крещения приглашали уважаемых в общине людей, живущих в достатке — кумовьев (*кумоў*), которые должны были в последующем на протяжении всей жизни навещать ребенка по праздникам, преподносить ему подарки, оказывать помощь (не разрешалось брать в качестве крестных родителей бездетных людей). Согласно существующей традиции, отказаться от такого приглашения никто не имел права. В случае утраты биологических родителей кумовья обязаны были взять ребенка на воспитание в свою семью.

После крещения младенца отмечали крестины. В белорусской культуре крестины представляют собой кульминацию всех родинных торжеств. Самые почетные места и главные роли на крестинах принадлежали кумовьям и бабке-повитухе. Приглашали на крестины только взрослых женатых людей, которые должны были идти на торжество не с пустыми руками, а нести с собой хлеб, блины, пироги, деньги. На празднование крестин готовились самые лучшие блюда, но центральное место среди них занимала каша, приготовленная бабкой-повитухой. Под кашей подразумевалась некая общая, совокупная доля, которая после рождения нового человека нуждалась в перераспределении. Это могла быть сваренная в горшке вкрутую молочная гречневая, ячневая, рисовая каша с добавлением масла, сахара или меда. Кашу украшали цветами и конфетами. На Витебщине в начале XX в. бабиной кашей считали любую выпечку из муки, в центральных районах Беларуси — яичницу, приготовленную в большой миске

и украшенную сверху баранками или другой выпечкой. Повитуха продавала бабину кашу тому, кто больше за нее заплатит (обычно это был кум). Затем кашу делили между гостями, сопровождая этот процесс шутками и смехом. На Полесье, в Минской и Могилевской областях перед дележом каши было принято разбивать горшок. Если при этом круто сваренная каша не рассыпалась, это было хорошей приметой. Считали, что ребенок проживет долго, богато и счастливо. Часть бабиной каши или кусок пирога следовало принести с крестин в качестве гостинца своим детям, что означало обрядовое перераспределение совокупной доли. Крестинные торжества заканчивались катанием бабки-повитухи на бороне. Борона используется в этом обряде как оберег от нечистой силы (боронить, оборонять, защищать). Катание бабки на бороне ассоциируется с будущим браком и деторождением, что находит отражение в пожеланиях бабки младенцу во время катания: «Каб здаровы быў, жаніўся». До настоящего времени в Беларуси сохранились традиции обрядового ряжения при исполнении обряда катания бабки-повитухи на бороне, происходит процесс его возрождения.

### ВСКАРМЛИВАНИЕ ДЕТЕЙ ПЕРВОГО ГОДА ЖИЗНИ

С момента рождения единственной пищей белорусов было грудное молоко. Общеизвестным и неоспоримым был тот факт, что каждая мать обязана кормить своего ребенка грудью. Первое прикладывание младенца к груди происходило через несколько часов после



*Бабина каша на крестинах младенца  
Источник: Радзінна-хрэсьбінныя  
абрады і звычаі беларусаў (на  
матэрыяле фальклору Гомельскай  
вобласці). Аўт.-склад. В. С. Новак і  
іні. Гомель: Барк, 2013. 380 с.*



*Горшок разбился, а бабина каша не  
рассыпается  
Источник: Радзінна-хрэсьбінныя  
абрады і звычаі беларусаў (на  
матэрыяле фальклору Гомельскай  
вобласці). Аўт.-склад. В. С. Новак і  
іні. Гомель: Барк, 2013. 380 с.*

родов в зависимости от состояния матери. Считалось, что молозиво не вредно для новорожденного ребенка, а, скорее, даже полезно в отличие от подслащенной (сахарной) воды. Существовало мнение, что при первом кормлении младенца надо прикладывать к правой груди, чтобы он не рос левшой. Белоруска прикладывала младенца к груди часто, причем поводом были как чувство голода, так и плач, беспокойство, обусловленные другими причинами. Женщина прибегала к кормлению грудным молоком почти каждый раз, когда младенец плакал, чтобы его успокоить.

Считали, что при слабом сосании ребенка (например, при недоношенности) хороший прогноз мог быть получен только при грудном вскармливании. Для того чтобы стимулировать секрецию молока при его недостаточной выработке, пытались заставить ребенка сосать непосредственно грудь матери. Большим подспорьем в решении этого вопроса было частое прикладывание младенца к груди. Если выработка молока была все-таки недостаточной, недостающее количество компенсировали подслащенной водой или чаем после каждого прикладывания к груди. В случае, когда младенец продолжал терять массу тела или не прибавлял в весе, прибегали к кормлению прокипяченным коровьим молоком, разведенным наполовину овощным отваром и подслащенным сахаром для увеличения его питательной ценности и вкусовых качеств. При грудном вскармливании основное значение придавали количеству грудного молока, а не его качеству. Если ребенок отставал в развитии, несмотря на достаточное количество грудного молока, причину пытались искать прежде всего в нем самом, а не в качестве грудного молока.

Первый прикорм вводили в рацион, когда младенец начинал ползать. Согласно одним источникам, первыми продуктами были яичница, молочные каши и хлеб. Ассортимент вводимых каш был достаточно широким: пшеничная, гречневая, овсяная, ячменная, конопляная. Для приготовления каш использовали специальный сосуд небольшого размера с одной или двумя ручками (*горнушак*). Яичницу (*яечка*) считали истинно детским блюдом, ее вводили в рацион с 6 месяцев жизни. Готовили яичницу «*ў кружачцы*» следующим образом: свежее яйцо перемешивали с ложкой муки, взбивали полученную массу и добавляли в кипящее молоко. Несколько позже ребенку давали сырое яйцо, предварительно просверлив отверстие в скорлупе, чтобы он мог высасывать

содержимое яйца. По другим данным, в возрасте 5–7 месяцев ребенку в качестве первого прикорма давали разбавленное коровье молоко, при хорошей переносимости постепенно переходили на цельное прокипяченное коровье молоко. После успешного введения первого прикорма в рацион вводили бульон, сваренный из мяса или костей, манную кашу на молоке, в небольшом количестве белый хлеб, размоченный в молоке, или яйцо всмятку.

Мясо вводили в рацион ребенка первого года жизни поздно, ближе к 12 месяцам, и предлагали его ребенку нечасто. В некоторых регионах Беларуси мясо начинали вводить в питание здоровых детей в начале второго года жизни и даже с 1,5 лет в виде каши из телячьей печени, мозгов, постепенно переходя к мелко нарубленному мясу. В возрасте не старше третьего года жизни ребенка учили пережевывать пищу. Следует отметить, что в белорусских семьях было распространено ошибочное мнение о том, что пищу вначале должна пережевать мать, а затем дать комочек ребенку для лучшего переваривания и усвоения в его пищеварительном тракте. При кормлении с ложки ребенок должен был сидеть слева.

Полезными для здоровья ребенка считали свежесжатый сок из красных ягод (источник железа), соленое сало, сырые и запеченные яблоки, морковь. Последняя была особенно популярна в период прорезывания у ребенка молочных зубов. В рационе ребенка первого года жизни преобладали вареные и запеченные продукты, а также свежие овощи и фрукты. В промежутках между приемами пищи ребенку давали кусочек пережеванного хлеба (иногда вместе с сахаром), завернутый в чистый кусочек ткани — так называемое *суло*. Из поколения в поколение уже на первом году жизни происходило приобщение ребенка к национальным традициям питания, основу которого составляли блюда растительного происхождения, прежде всего крупяные и мучные изделия.

Продолжительность кормления грудным молоком составляла 1,5–2 года при относительно раннем введении взрослой пищи. Полное отлучение от груди происходило в возрасте, когда ребенок уже хорошо понимал обращенную к нему речь и имел навыки самостоятельного говорения.

В конце XIX – начале XX в. зажиточные семьи могли воспользоваться услугами кормилицы для вскармливания родившегося младенца.

ца, если у матери было недостаточно грудного молока. Этот факт еще раз подтверждает приоритетность грудного вскармливания перед любыми заменителями женского молока на протяжении многовековой истории. К кормилице предъявляли более высокие требования, чем к биологической матери, прежде всего по критериям здоровья, формы сосков и достаточности секреции грудного молока. Кормилицу должен был обязательно освидетельствовать врач. При выборе кормилицы возраст особого значения не имел, но предпочтение отдавали женщине не первородящей, кормящей грудью своего младенца не менее 6–8 недель. Кормилицу в семье обеспечивали полноценным питанием, окружали чистым воздухом, хотя первостепенное значение придавали количеству, а не качеству ее молока.

### **ГРУДНОЕ МОЛОКО — ИДЕАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ ПИТАНИЯ ДЛЯ РЕБЕНКА ПЕРВОГО ГОДА ЖИЗНИ**

Согласно результатам Многоиндикаторного кластерного обследования по оценке положения детей и женщин (МИКС) в Республике Беларусь, проведенного Национальным статистическим комитетом при поддержке Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в 2012 г., в течение первого месяца жизни на грудном вскармливании в стране находятся 32% младенцев, в возрасте 2–3 месяцев — 24% детей. Исключительно грудное молоко до 6 месяцев жизни получают 19,0% белорусских детей. Продолжают кормить ребенка грудью до достижения им возраста 12 месяцев 27,9% белорусок. На втором году жизни грудное молоко получают 11,5% детей. В соответствии с приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь «Об утверждении индикаторов качества оказания медицинской помощи населению в амбулаторных условиях» от 07.07.2014 № 732 целевым показателем удельного веса детей первого года жизни, находящихся на грудном вскармливании, принято считать 60% и более. Несмотря на многообразие современных заменителей женского молока, поставляемых ведущими зарубежными производителями на белорусский рынок, и широкий ассортимент отечественных формул, грудное молоко по-прежнему позиционируется в стране как идеальный продукт питания для ребенка первого года жизни.

По данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь, в течение ряда лет в стране сохраняются стабильно низкие уровни мла-

денческой смертности: в 2012 г. — 3,4, в 2013 и 2014 гг. — 3,5 на 1000 живорожденных. В настоящее время показатель младенческой смертности в стране — один из наиболее низких в мире. По уровню младенческой смертности Беларусь занимает третью позицию наряду с Великобританией, Швейцарией, Францией, Испанией и Бельгией.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Беларускія народныя абрады. Склад., навук. рэд. і прадм. Л.П. Касцюкавец. *Мінск: Беларусь*, 1994. 128 с.
2. Беларусь: у 9 т. Т. 5. Сям'я. Рэдкал. В.К. Бандарчык, Г.М. Курыловіч, Т.І. Кухаронак [і інш.]; Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі. *Мінск: Беларус. навука*, 2001. 375 с.
3. Беяцкі Д.П., Крылова З.К. К истории становления и развития охраны здоровья детей в Советской Белоруссии (1917–1941). *Совет. здравоохранение*. 1975. С. 75–8.
4. Жарко В.И. Об итогах работы органов и организаций здравоохранения Республики Беларусь в 2014 г. и основных направлениях деятельности в 2015 г.: Доклад на итоговой коллегии Министерства здравоохранения Республики Беларусь 30 января 2015 г. *Вопросы организации и информатизации здравоохранения*. 2015;1:4–16.
5. Казакова І.В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў. *Мінск: Універсітэцкае*, 1995. 151 с.
6. Калачова І.І. Гарадская сям'я беларусаў: тэндэнцыі этнакультурнага развіцця на сучасным этапе. Традыцыйная культура і дзеці: праблемы этнавахавання: Матэрыялы IV Рэспубліканскай навук.-практ. канф., г. п. Акцябрскі, 2–3 красавіка 2008 г. *Беларус. дзярж. ін-т праблем культуры; рэдкал.: М.А. Козенка, А.М. Боганева, Т.Б. Варфаламеева; аўт. праекта і ўклад. М.А. Козенка. Мінск. 2008;3:169–75.*
7. Калачова І.І. Новыя абрысы сямейна-бытавой абраднасці сучаснай беларускай сям'і. Культура и быт белорусов в этнографических исследованиях и музейных коллекциях: Материалы Междунар. науч. конф., Минск, 7–8 июня 2012 г. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Российский этнографический музей; сост.: Н.С. Бункевич [и др.]; редкол.: А.И. Локотко (гл. ред.) [и др.]. *Минск: Право и экономика*, 2012:58–61.
8. Корсак В.У. Таямніцы беларускіх абярэгаў. *Мінск: Беларусь*, 2013. 232 с.
9. Крылова З.К. Охрана здоровья детей в Белоруссии (конец XVIII в. – 1941 г.): Автореф. дис. ... канд. мед. наук. *Минск: Минский гос. мед. ин-т*, 1975. 24 с.
10. Кухаронак Т.І. Радзінныя звычэй і абрады беларусаў: канец XIX – XX ст. *Мінск: Навука і тэхніка*, 1993. 126 с.
11. Маховская И. Традиционные родинные обычаи и обряды Браславщины. Браслаўскія чытанні: матэрыялы V навукова-краязнаўчай канф., прысвечанай 935-годдзю першай згадкі Браслава ў пісьмовых крыніцах, Браслаў, 27–28 красавіка 2000 г. *Браслаў*, 2001. С. 65–7.
12. Сохаловская И.С. Роль и место повивальной бабки в восточнославянских обрядах социализации новорожденного. *Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Гіст. Філас. Псіхал. Экан. Права*. 1999;3:10–3.



13. Махоўская І.С. Нованароджанае дзіця ў беларускіх традыцыях і абрадах (канец XIX – пачатак XX ст.). *Вес. нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук.* 2000;2:92–6.
14. Многоиндикаторное кластерное обследование по оценке положения детей и женщин в Республике Беларусь: Итоговый отчет [Электронный ресурс]. Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, Детский Фонд ООН (ЮНИСЕФ). Минск, 2012. [http://belstat.gov.by/uploads/file/U\\_uroven/MICS/itogovyy\\_otchet\\_miks4.pdf](http://belstat.gov.by/uploads/file/U_uroven/MICS/itogovyy_otchet_miks4.pdf). Дата доступа: 25.10.2015.
15. Об утверждении индикаторов качества оказания медицинской помощи населению в амбулаторных условиях: Приказ М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 07.07.2014, № 732 [Электронный ресурс]. Минск: М-во здравоохранения Респ. Беларусь, 2014. [http://minzdrav.gov.by/dadvfiles/000941\\_390785\\_4\\_Norm\\_3\\_14.pdf](http://minzdrav.gov.by/dadvfiles/000941_390785_4_Norm_3_14.pdf). Дата доступа: 25.10.2015.
16. Праздники и обряды в Белорусской ССР. В.К. Бондарчик и др. Минск: Наука и техника, 1988. 302 с.
17. Радзінна-хрэсьбінныя абрады і звычаі беларусаў (на матэрыяле фальклору Гомельскай вобласці). Аўт.-склад. В.С. Новак і інш. Гомель: Барк, 2013. 380 с.
18. Радзіны: Абрад. Песні. Уклад і сістэм. тэкстаў Г.А. Пятроўскай; апісанне абрадаў Т.І. Кухаронак; уступ. арт. і камент. Г.А. Пятроўскай, Г.В. Таўлай, Т.І. Кухаронак; рэдкал.: А.С. Фядосік, Т.А. Дубкова. *Мінск: Беларус. навука*, 1998. 637 с.
19. Сержпудоўскі А.К. Прымхі і забаны беларусаў-палешукоў. Прадм. У.К. Касько; маст. В.Р. Мішчанка. *Мінск: Універсітэцкае*, 1998. 301 с.
20. Этнологія Беларусі: традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве: Вучэб.-метад. дапам. Т.А. Наваградскі і інш. *Мінск: БДУ*, 2009. 335 с.

# Грузия в аспекте народных традиций

## Грузинские исторические и современные традиции. Мать и ребенок

М. Сурвиладзе<sup>1</sup>, И. Чхаидзе<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Грузинский университет им. Давида Агмашенебели, Тбилиси, Грузия

<sup>2</sup> Департамент педиатрии Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили, Тбилиси, Грузия

\* \* \*

Грузинская медицина берет начало с языческих времен, она прошла все этапы своего развития, о чем свидетельствуют храмовая, магическая, народная и светская медицина [1].

### БЕРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА

В памятниках XVI в. «Иадигар Дауди» одна из глав посвящается гигиене и диететике беременной женщины. Говорится, что с первого дня беременности женщина не должна поднимать тяжести, принимать слабительные лекарства, должна воздерживаться от половых сношений. Она «всегда должна жевать жвачку...» и находиться в приятной, благовоной обстановке, чтобы «дать силу и животу, и сердцу, и плоду». Она не должна пускать кровь, должна остерегаться сочных фруктов и пищи, а также воздерживаться от частого мытья в бане.

Особое внимание уделялось питанию беременной женщины как залогоу рождения здорового ребенка. «Хлеб чистого помола, мясо курицы, фазана, козленка и самца-барана» — вот чем должна была питаться беременная женщина. И было желательно, чтобы все эти блюда были заправлены чем-нибудь кислым: лимоном, соком незрелого винограда,

барбарисом, смородиной, сушаком и др. Беременная женщина должна была есть мало, но несколько раз в день, включать в свой рацион фрукты и зелень.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что раньше большое внимание уделяли пище, богатой витаминами, особенно фруктам, содержащим аскорбиновую кислоту, — это должно было «поднять дух беременной и склонить плод ко сну». «И когда родится ребенок, материнская кровь превратится в молоко, чем и будет поддерживаться жизнь младенца по божьему велению», — написано в памятнике XI в. «Несравненный карабадин».

### ПИТАНИЕ НОВОРОЖДЕННОГО

В грузинских медицинских источниках с древних времен лучшим средством детского питания признано кормление грудью. В «Иадигар Дауди» сказано, что «...материнское молоко лучше всякого молока». Этим указывается, что для детского питания, помимо материнского, употребляли иное молоко, но не считали его полноценным.

А в памятнике XIII в. сказано: «...и лучше всякого другого, и полезнее для младенца материнское молоко, бог тому свидетель».

В памятнике XVI в. «Иадигар Дауди» оригинально поставлен вопрос питания, психического состояния, расположения духа родителей, — вопрос женской гигиены. «Если мужчина и женщина принимают хорошую еду и питье, находятся в благоприятном месте и хорошем расположении духа, младенец тоже будет полноценным, большим и прекрасным; а если они принимают плохую пищу, находятся в неблагоприятном месте и в плохом расположении духа, ребенок будет злым, худым и слабым и, несомненно, недоношенным». А мы знаем, какое большое значение имеет рождение «полноценного, большого и прекрасного ребенка» для дальнейшего его развития, начиная с древнейших времен и по сегодняшний день, какое огромное значение отводится правильному питанию и дневному режиму беременной женщины. Более позднее свидетельство XV в. гласит: «И нет ничего полезнее чистого молока для подрастающего младенца».

Хотя, интересно, что же все-таки употребляли вместо молока? Ответ на этот вопрос можно найти в тех же исторических документах.

В «Несравненном карабадине» подчеркивается, что «мацони лучше молока, а пахта лучше мацони».

В древних источниках, кроме мацони и пахты, мы встречаем смесь мацони и риса, пахты и риса, по Сулхан-Саба Орбелиани это называется *мастао* [1]; мастао готовят с рисом и пахтой.

В разных краях Грузии неоднозначно относятся ко времени начала кормления ребенка грудью. Например, в Мегрелии первые 3 дня мать не кормила своего ребенка грудью, а отдавала на питание другой кормящей матери. В Имерети это время ограничивалось одним днем.

С ростом ребенка его потребность к питанию растет, а количество выцеженного молока уменьшается. Об этом подобающим образом сказано в «Книге врачевания»: «...И подрастающий ребенок уменьшает потребление молока. Когда вырезаются первые зубы, можно ребенку давать в руки мякиш хлеба, кормить свежими и мочеными продуктами, понемногу давать супы». В это время появляется дополнительное питание, за счет которого уменьшается количество кормлений грудью. «И так положено, чтобы по ночам уже не кормить детей...», что позволяет постепенно отучить ребенка от питания материнским молоком.

В «Книге врачевания» отмечается, что сроки отучения от кормления грудью для здоровых и слабых детей должны быть разными. В ней же указывается, что не положено отучать дитя от грудного кормления зимой или летом; лучшее время для этого весна или осень, «когда начинается листопад». Минимальный срок обозначается полутора годами, максимальный — двумя.

Переход на дополнительную пищу в разных краях Грузии тоже обозначался разными сроками; например, в Имерети ребенку после года давали моченый в вине хлеб или мякиш кукурузной лепешки (*мчади*), растертый в вареной фасоли. Разными были сроки прекращения кормления грудью в Тушети, Пшави, Хевсуретии, Горном Картли — тут кормили грудью до 3–4 лет.



*Грузинка с младенцем. Грузия, 1881 г.*



*Мосе Тоидзе*

В Мегрелии, когда мать считала, что ребенок уже мог питаться обыкновенной пищей, она старалась вместе с грудным молоком давать ребенку дополнительную пищу. Она кормила его медовой кашей, разбавляла коровье или козье молоко водой, добавляя 1/3 воды (козье молоко было более жидким, легче переваривалось, поэтому считалось лучшим), и таким образом постепенно переводила ребенка на общее питание [2].

Раньше ребенка кормили грудью все время, как только он плакал, часто он даже засыпал на груди у матери.

Такой режим питания подтверждается во всей Грузии. Для прекращения кормления грудью в Мегрелии кормящие матери смазывали соски желчью, перцем, хиной, чтобы ребенок больше не прикасался к материнской груди и постепенно отвыкал от нее. На сегодняшний день этот метод ничем не оправдан и потому неприемлем.

### УХОД ЗА НОВОРОЖДЕННЫМ

Всем известно, что после рождения ребенка в первую очередь нужно перерезать пуповину, связывающую его с матерью. В разных уголках Грузии это происходило по-разному, но принцип везде был одинаковым.

В Мегрелии повитуха шелковой нитью завязывала узел на пуповине, потом кистью руки мерила одну пядь, оставляла 3 вершка и срезала ножницами. Сверху накрывала чистой тряпочкой. После заживания (через 7–8 дней), когда пуповина отваливалась, она смазывала ранку ореховым маслом или прополисом, чтобы до окончательного заживания в пуповину не попала вода, и большим пальцем справа налево втирала в нее котельную сажу [2]. В Пшави пуповину завязывали хлопковой, а в Хевсурети — шерстяной нитью [3]. В Имерети после среза пуповины накладывали на пупок жеваный кусочек грецкого ореха — для быстрого заживания. После обработки пуповины обязательно принимали гигиенические ванны — это присуще всем областям. Справки по уходу и гигиене ребенка в старых памятниках встречаются редко.



Убиса, Имеретия

В Мегрелии повитуха купала ребенка в тепловатой воде, куда добавляла немного соли для укрепления кожи; если это был мальчик, в воду добавляли и вино — это считалось залогом того, что в будущем он хорошо будет переносить алкоголь. Девочкам накладывали на щечки румяна, чтобы выросли красавицами.

В Картли и Кахетии для укрепления кожи младенцев ее натирали солью, или купали ребенка в соленой воде. Еще в воду добавляли *марену*, что также считалось залогом здоровья.

Такие же правила были в Месхет-Джавахети, только там в воду для купания добавляли взбитые яйца — опять-таки для здоровья кожи, и купали ребенка в такой воде в течение 40 дней [4].

В Имерети ребенка купали в воде, разбавленной вином: считали, что тогда ребенок будет здоровым и сильным.

В отличие от вышеупомянутых краев Грузии, в Пшави ребенка купали раз в 2–3 месяца, вероятно, исходя из климатических условий. (Видимо, купание ребенка в соленой воде, т.е. приблизительно в физиологическом растворе, а также в вине, которое тоже имело антисептическое свойство, заменяло купание в дезинфекционном растворе. Хотя этот вопрос еще требует уточнения.)

### КРОВАТЬ РЕБЕНКА

В физическом и психическом развитии новорожденного ребенка большая роль уделялась кровати, которую в восточных странах, в частности в Грузии, называли *аквани*, т.е. колыбель. Аквани, люлька-качалка [1], не единожды упомянута с теплотой и любовью в нашей национальной гордости — монументальной поэме «Витязь в тигровой шкуре»:

*«Царь увидел сладко спящим,  
как младенца в колыбели...» [5].*

*«И тут вырой мне могилу,  
что мне станет колыбелью...» [6].*

Это, несомненно, указывает на широкую популярность колыбели в прошлых веках. Думается, именно эта колыбель является аналогом изо-

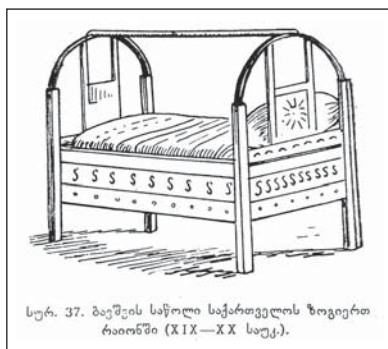


*Детская кроватка, XI в., Зарзма, фреска*

браженных на монастырских фресках Зарзмы и Алаверди.

Эта колыбель, без шины и трубки, не имеет ничего общего с дошедшей до наших дней колыбелью типа *бешек*, которая была занесена к нам в XIII в. восточными завоевателями, племенами-кочевниками. Первоначальный вид грузинской колыбели сохранен в Хевсурети: кровать, в которой ребенок рос вольно, безо всякого стеснения [7].

Но вернемся к несовместимой с гуманным и вольнолюбивым грузинским народом колыбели, которая на очень продолжительное время вторглась в грузинский быт. Эта колыбель состояла из матраса, одеяла, шины, наколенников, наплечников, подлопатников, бублика, который клали под голову, и трубки. И это «прекрасное» устройство, по мнению французского ученого Г. Купена, представляет собой арстантскую, откуда малыша очень редко извлекают. «Ребенка так туго пеленают, что в течение двух лет жизни он не может пошевелиться», — говорил Купен. Грузинские ученые, профессора М. Абдушелишвили и Ш. Патараия, пролили свет на отрицательное влияние, которое производит такая колыбель на ребенка: сокращается окружность головы, нарушаются нормальная экскурсия дыхания и нормальное увеличение веса, повышается частота гипотрофии, задерживается психомоторное развитие, деформируется череп, повышается частота заболе-



Детская кроватка в Грузии, XIX—XX вв.



А. Гогаишвили. Хидистави, Грузия



ваемости рахитом и анемией, нарушается терморегуляция, повышается летальность. Следы от колыбели отмечаются и среди совершеннолетних: уменьшена ширина плеч, чрезмерно уплощена грудная клетка, нарушены пропорции фигуры: голова деформирована и брахицефальна, таз плоский и широкий. «Если бы не аквани, наш народ был бы сильнее и красивее», — говорит О. Гудуцаури, — и это справедливо [8].

В разных краях Грузии аквани были непохожими.

В Мегрелии ребенка укладывали в колыбель через 3 дня после рождения, а иногда через 2–3 недели. До этого ухаживающая за ребенком женщина укладывала его на плоское ложе и туго пеленала.

В Хевсурети ребенка сначала укладывали в плетеные прутьями ящички, устланные тряпками. В таких ящичках новорожденные находились до того момента, пока мать не перебиралась из хижины в дом, что связано с традицией среди женщин-крестьянок *рожать на соломе, постеленной на полу, и только потом переходить на кровать, в то время как у знатных женщин роды принимали в постели*. После этого ребенка перекладывали в колыбель, дно которой было устлано соломой, трубки не было ни в плетеных ящичках, ни в колыбели.

В Пшави в течение первых 1–2 суток матери держали своих новорожденных детей днем на груди, а ночью укладывали рядом с собой в кровати. В домах новорожденных укладывали в дощатые колыбели без трубки и шины. Дно колыбели было устлано соломой и покрыто тряпочками.

В Месхет-Джавахети ребенка сначала укладывали на тонкую дощечку



А. Гогиашвили. Абхазия, Грузия



Мосе Тоидзе



с передвижным устройством. В колыбели также не было трубки, вместо нее сыпали теплую землю для впитывания мочи. Землю меняли каждый раз, когда укладывали ребенка.

В Картли дно колыбели устилали осоковыми прутьями или листьями самшита, чтобы ребенок меньше потел.

Если обратиться к истории народных традиций, мы увидим, что укачивание новорожденного присуще всем народам. Так, известно, что у кочевников было принято носить детей за пазухой или на спине. Мать выполняла монотонные движения, и ребенка укачивало. Предполагается, что осторожное раскачивание младенца в течение определенного времени не опасно для ребенка и не вредит его умственному развитию.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня большое внимание уделяется тому, чтобы мать была здорова, чтобы мать и новорожденный находились вместе, чтобы незамедлительно после рождения мать кормила ребенка грудью, и кормление происходило по требованию не менее 6 месяцев, а общая его продолжительность составляла 2 года, так как это является залогом здоровья ребенка. Истоки всего вышеперечисленного заложены и в наших традициях.

И еще, в грузинской популяции больше не существует аквани с трубкой и шиной, ее заменила современная кровать, которая дает ребенку возможность свободно и вольно развиваться.

### ЛИТЕРАТУРА

1. Орбелиани С.-С. Словарь грузинского языка. *Тбилиси: Мерани*, 1991.
2. Балиаури М. Рождение и воспитание ребенка в Хевсурети (Архотская община) и связанные с этим пережитки суеверия (на груз. яз.). 1938. Л. 180–183.
3. Гудуцаури О., Гегешидзе Н., Лорткипанидзе И. Вырастим ребенка без аквани. 1984.
4. Макалатиа С. История и этнография Мегрелии. *Тбилиси*, 1941.
5. Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре. Пер. с груз. Н. Заболоцкого. Вступ. ст. И. Абашидзе, илл. Л. Гудиашвили. *М.: Правда*, 1987. 288 с.
6. Макалатиа С. Хевсурети, Тушети, Горная Рача, Мегрелия. *Тбилиси*, 1935.
7. Пагава И. Детские болезни. *Тбилиси*, 1976.
8. де Кастели дон Х. Вести и Альбом про Грузию, XVII в. *Тбилиси: Изд. «Мецниереба»*, 1977.

## Традиции воспитания ребенка в Грузии

Т. Манджавидзе

Министерство здравоохранения Грузии, Тбилиси, Грузия

\* \* \*

66

Грузия расположена на стыке Юго-Восточной Европы и Передней Азии, на восточном побережье Черного моря.

Современная территория Грузии была заселена с начала каменного века. В античный период на этой территории уже существовали ранние грузинские государства — Колхида и Иберия, в которых зародились общегрузинская культура и государственность.

Неудивительно, что многовековая история сохранила множество обычаев и обрядов, и сегодня Грузия является одной из незаурядных стран с богатыми традициями.

Традиционная система воспитания ребенка является самой значительной частью истории семейного быта Грузии, которая издревле была признана необходимым условием полноценного развития семьи и общества.

Несмотря на то, что с 1990-х гг. прошлого века в сфере образования и здравоохранения Грузии успешно внедряются современные методы, способствующие воспитанию и развитию ребенка, в Грузии остались народные традиции, которые в основном используются при воспитании детей дошкольного возраста и даже сегодня не теряют своей актуальности. Среди них в первую очередь надо отметить обычаи, связанные со взаимоотношением матери и ребенка, уходом за новорож-



*Кормящая мать и новорожденный*

денным и младенцем, а также обычаи, отражающие отношение общества и семьи к кормящей матери.

Отдельно хочется осветить традиционную систему кормления грудью, которая представляет фундаментальную систему здорового и правильного питания не только для Грузии, но и для всего человечества: именно она лежит в основе формирования современных принципов кормления грудью.

## РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В БЫТОВЫХ ТРАДИЦИЯХ И КУЛЬТУРЕ ГРУЗИИ

В древнейших бытовых традициях Грузии, так же как и в других культурах, культ женщины как источника жизни и плодovitости выразился в очень интересной форме. Это подтверждают обнаруженные на территории Грузии глиняные женские фигурки, археологические артефакты, изготовленные еще до нашей эры, которые, по словам ученых, олицетворяют богиню изобилия и плодородия.

Нужно отметить, что исторически у грузин сложилось особое отношение к феномену матери. Для грузин слово «мать» означает не только «родитель», это — начало всего, оно является корнем многих слов в грузинском языке. Известный грузинский писатель Илья Чавчавадзе писал: «Грузины и свой родной язык называют деда эна (язык-мать, родной язык), старший (стольный) город — деда калаки (город-мать), большой и капитальный (основной) столп дома — деда бодзи (материнский столп), самую большую и наисильнейшую твердыню — деда бурджи (мать-твердыня), главную мысль — деда азри (мысль-мать), а управляющего плугом человека — гутнис деда (мать плуга)».

По представлению народа, основной (центральный) столп (опору) в доме считали семейной святыней. Все ритуалы в семье проводили вокруг этого столпа и очага. Поклонение столпу связано с распространенным у нас культом дерева и мотивом древа жизни. Древо жизни представлялось как небесная опора, пристанище светил и родительница божеств. Это был символ союза



*Столп (деда бодзи). Н. Браилашвили*

неба и земли, покровитель крова и семьи, украшенный символами вечности и плодородия, орнаментами, охраняющими от дурного глаза и злых сил.

Важно, что кроме функции плодovitости грузины возлагали на женщину и образовательную миссию. Это подтверждает сохранившаяся красивая традиция, согласно которой выходящей замуж женщине в приданное дают шахматы и книгу — памятник грузинской литературы, поэму «Витязь в тигровой шкуре», символически подчеркивая обязанность женщины заботиться об образовании во вновь созданной семье.

Надо отметить, что вероисповедание (религия) оказало большое влияние на формирование мировоззрения, поведение и традиции. В начале IV в. Грузия официально приняла христианство, в результате чего стали быстро разрушаться языческие обычаи и укореняться характерные для христианской культуры нормы, в том числе связанные с женщиной и с семейным бытом. В христианской Грузии особое отношение к беременной женщине как источнику новой жизни и матери отразилось и в церковной культуре. Один из наглядных примеров — фреска XIV в. из Дирбской церкви «Непраздная (беременная) Богоматерь»: подобное изображение очень редко для православного мира.

### СЕМЬЯ И ЕЕ ФУНКЦИЯ

Исторически цель бракосочетания и создания семьи в первую очередь была связана с прибавлением в семье и воспитанием будущего поколения. Поэтому самым главным в грузинской семье была забота о деторождении. Бездетные женщины обращались к методам лечения народной медицины, ходили в церкви, молились и выполняли различные религиозные ритуалы, связанные с бесплодием. Если всевозможные попытки оказывались безрезультатными, семья все равно пыталась не остаться бездетной и брала на воспитание ребенка близких родственников (сестры или брата). В старое время к бездетным семьям отно-



*Непраздная (беременная) Богоматерь, древняя грузинская фреска*

сились неуважительно, а к многодетным семьям, наоборот, — с большим уважением. Еще до первой половины XX в. Грузия славилась многодетными семьями, в которых было не менее четырех, а зачастую и более 10 детей.

Многодетности способствовало и то, что искусственный аборт считался большим грехом. Женщине, которая избавилась от ребенка, по старым традициям, запрещалось в течение 3 лет заходить в церковь, у нее не было права на причастие.

Семья с большой радостью встречала известие о беременности женщины. По отношению к беременной особое внимание и уважение проявляли не только члены семьи, но и посторонние люди. По традиции, беременной женщине запрещалось заниматься тяжелым физическим трудом, в то же время она могла делать любую другую работу. Беременные женщины были заняты вязанием, шитьем и домашними делами. В старое время в народе бытовало такое мнение: если в период беременности женщина не удовлетворяла свое желание по отношению к еде или к чему-то другому, ее плохое расположение отрицательно действовало на плод, и у ребенка с рождения был плохой характер. Поэтому члены семьи старались, по возможности, исполнять все желания беременной. Такое отношение к беременной женщине сохранилось и в современной Грузии.

Интересно, что во время беременности и кормления большое внимание обращали на режим питания женщины, что также было связано с развитием плода и здоровьем ребенка. Беременной не давали мед, мясо животных, убитых ружьем (стреляных), и вино, орехи, кормящую ограждали от кислого и острого, чтобы ребенок не заболел, и на коже не появлялась сыпь.

В Грузии были широко распространены и сохранились до сегодняш-



*Многодетная семья*



*Многодетная семья грузинского духовного лица*



*Хевсурское талавари (вид верхней одежды)*

него дня традиции, которые люди использовали для того, чтобы уберечь мать и ребенка от дурного глаза и злых сил. Среди них есть обычаи, пришедшие из древнейшего языческого периода (монисто, орнамент, кольца и браслеты), и христианские религиозные правила сравнительно более позднего периода. Чаще всего мы встречаем украшенные гагатом и разнообразными камнями орнаменты от дурного глаза в грузинской национальной одежде, и эти традиции сохранились в горных регионах, например в Хевсурети.

Для защиты от дурного глаза народ часто обращался к ворожбе. Интересно, что для борьбы со злыми силами была распространена вера в защитную силу железа, и поэтому беременным женщинам в карман клали нож, ножницы, в горных местностях предпочтение отдавали кинжалу и др.

Надо отметить, что и сегодня традиция создания семьи и желание иметь детей, как и в старое время, значимы для грузин. Но теперь очень мало многодетных семей. Современные грузинские семьи в основном ограничены 1–2 детьми.

### **РОДЫ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ТРАДИЦИИ**

Женщина рожала в том же доме, в котором жила. Роды принимала деревенская повитуха, которой помогали другие опытные женщины. В комнате, в которой женщина должна была рожать, заранее разводили огонь, так как знали, что роженице и новорожденному необходимо тепло. То место, где женщина должна была рожать, повитуха трижды обходила на коленях, читая молитву и моля бога, чтобы он помог женщине при родах.

Крестьянки рожали на соломе, постеленной на полу, и только потом их переводили на кровать, а у знатных женщин роды принимали в постели. До начала родов повитуха вешала на балку веревку, за которую роженица держалась руками во время потуг и при родовых болях.

После рождения ребенка, особенно в западных регионах Грузии, повитуха оставалась с роженицей в течение 2–3 дней, помогала ей ухаживать за ребенком, и она же стирала белье ребенка. В последующие дни она периодически приходила и справлялась о здоровье матери и ребенка.

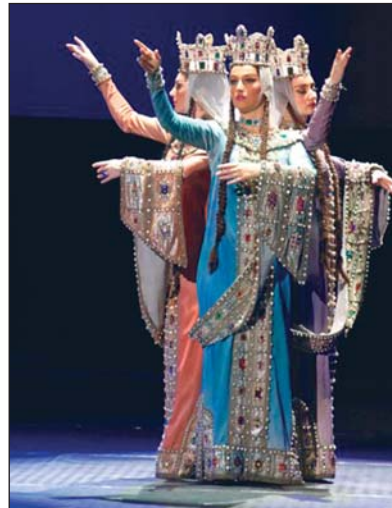
### ПРАЗДНОВАНИЕ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА — ДЗЕОБА

Рождение ребенка было большой радостью для семьи. В связи с этим члены семьи и их близкие уделяли большое значение ритуалам, имеющим различное назначение. Среди них можно выделить ритуальный танец «Самая», который сохранился до сегодняшнего дня — это наилучший образец грузинского танцевального искусства.

Танец «Самая» должны были исполнять участники празднования. Со сцепленными руками, с песней и танцами они заходили в здание, в котором находились мать и новорожденный ребенок. Танец исполняли ночью. В песне танцоры обращались к солнцу, чтобы оно зашло в дом: «О, солнце, зайди в дом».

В танце «Самая» руки танцующих очерчивают линию композиционного центра — воображаемую вертикаль, которая представляет аллегория божественной оси, объединяющей небесное, земное и преисподнюю.

Танец исполняли три человека: и с эзотерической, и с энергетической точки зрения они олицетворяли величественность взаимной гармонии и взаимозависимости трех космических сил. Один танцор олицетворял универсальную силу природы, второй — космическую силу, а третий отображал внутреннюю энергию плода человека.



*Ритуальный танец празднования рождения ребенка «Самая»*

## ПОСЛЕРОДОВОЙ ПЕРИОД

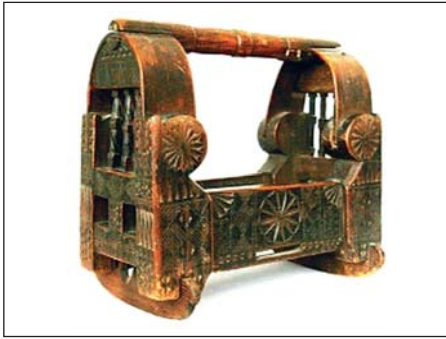
Послеродовой, постельный, период продолжался 40 дней после родов. В течение этого периода женщина в основном лежала, ей запрещалось делать тяжелую физическую работу, как и во время беременности. В ее обязанности входило ухаживать за ребенком и кормить его грудью. В это время женщине помогали ее мать, свекровь или какой-нибудь другой член семьи.

В послеродовой период женщина должна была соблюдать определенные правила: нельзя было мыть руки в холодной воде, так как считалось, что это могло вызвать заболевание суставов или уменьшить количество молока. Роженице выбирали особый режим питания: сначала ей давали пить кипяченую воду, затем — травяной настой, в том числе чай из ромашки. Для роженицы самой полезной считалась однородная каша хавици, которая готовится из муки, воды и меда, в некоторых случаях в нее добавляют немного вина. Считалось, что эта каша придает силы ослабшей от родов женщине и способствует сокращению матки. Также матери в послеродовой период часто предлагали мясной отвар — гоми, приготовленный из кукурузной муки, и использовали меньше хлеба.

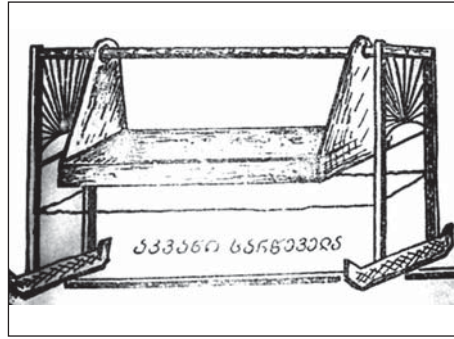
После рождения ребенка повитуха удаляла плаценту и мыла ребенка в теплой воде, но до купания в воду насыпали уголь, чтобы защитить ребенка от дурного глаза. В различных уголках Грузии были распространены незначительно различающиеся друг от друга ритуалы купания ребенка. Общим у них является то, что воду от первого купания ребенка не выливали в течение 3 дней, а затем выносили наружу и выливали. После первого купания повитуха отрезала пупок ножницами и обрабатывала рану народными методами. Затем клала на пупок завернутую в повязку монету и так завязывала, чтобы не развивалась пупочная грыжа. Во время купания с ребенка снимали повязку, область пупка смазывали жиром, чтобы рана не намокала от воды. Ребенка купали каждый день, кроме воскресенья.

Выкупанного и завернутого в чистые пеленки ребенка повитуха клала женщине на кровать, и мать с первого же дня кормила ребенка грудью. Мать и ребенок в течение первых 3–4 дней лежали в одной кровати, и только потом ребенка переносили в предназначенную для него колыбель (люльку — аквани), которую в подарок должны были принести либо родители матери, либо члены ее семьи.





*Качающаяся люлька*



*Раскачивающаяся подвесная люлька*

Существовало два вида колыбелей — качающаяся и раскачивающаяся, подвесная.

Качающаяся колыбель стояла на полу, а раскачивающаяся была подвешена на веревках. В сравнительно ранний период на дно люльки клали ячменную солому, чтобы ребенка с боков не беспокоил холод. Такие люльки не имели деревянную отводную трубку для мочи — шибакки, в них была постелена солома так, что она не касалась ребенка. Ребенок был закутан в шерстяную ткань и свободно двигался. В некоторых люльках ребенку стелили шерстяной матрас, который был продырявлен в одном месте для того, чтобы положить туда деревянную трубку. В таких люльках ребенка так перевязывали свивальниками, что ему было трудно свободно двигать конечностями.

На люльку вешали тонкие деревянные бусы с крестами и оберегами для защиты от дурного глаза. Для того чтобы голова ребенка имела хорошую форму, шили специальные круги и клали их ребенку под голову.

Сегодня в Грузии не рекомендовано растить ребенка в люльке-аквани, так как она мешает свободному движению ребенка и задерживает его развитие, хотя в старину все дети росли в таких люльках, так как они выполняли не только роль кровати. Люлька-аквани была очень мобильна, в ней можно было легко переносить ребенка. Люлька способствовала соблюде-



*Новорожденный в люльке  
(автор — Д. Джамришвили)*

нию чистоты. Мать могла кормить уложенного в люльку-аквани ребенка, не доставая его при этом. Особое значение люльки приобрели в военное время: когда люди покидали жилища и прятались от врага, люльку-аквани с ребенком ставили на коня и уезжали из дома.



*Кормление ребенка в люльке-аквани*

Мать долго кормила ребенка грудью, обычно до 2 лет, хотя зафиксированы факты и более длительного кормления — до 3 лет, в отдельных случаях даже до 5 лет.

По преданиям известно, что в Грузии особое значение придавали длительному кормлению грудью ребенка мужского пола. Считалось, чем дольше мальчик сосал грудь, тем сильнее и здоровее он вырастет. В исторических источниках указано, что с особым вниманием относились к неопытной кормящей матери: опытные женщины семьи помогали при кормлении грудью и соблюдали правила грудного вскармливания; семья старалась отгородить мать от обстоятельств, которые могли вызвать ее беспокойство и волнение, так как это могло привести к потере молока. Кормящей матери запрещалось пить вино, так как считалось, что вино с молоком попадет в организм ребенка и нанесет ему вред. Нельзя было разливать сцеженное молоко на землю или на пол. Когда мать решала, что пора прекращать кормить ребенка грудью, она мазала соски перцем и постепенно переводила ребенка на общее питание. Для кормления грудного ребенка широко использовали кашу, приготовленную из кукурузной муки, молоко, суп из фасоли (лобио) и испеченные кукурузные лепешки (мчади), размоченные в супе.

### **ТРАДИЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРМИЛИЦ**

Довольно интересна традиция использования кормилиц, которая была распространена в Грузии и почти на всем Кавказе. Отмеченная традиция берет свои истоки с древнего периода.

К использованию кормилиц обращались семьи, в которых у матерей не было молока: они отдавали своего ребенка на воспитание и вскармливание другой семье, в которой также был новорожденный. Кормилица кормила грудью своего ребенка и ребенка, взятого на вскармлива-

ние. Мать, воспитывающая грудного ребенка (кормилица), растила его, а после того как ребенок вырос, к воспитанию подключался приемный отец.

Кормилиц — представителей различных народностей и культур — использовали не только для оказания помощи в грудном вскармливании, но и с целью сближения и породнения семей. Существует множество таких примеров в историческом взаимоотношении народов, проживающих в Грузии и на Кавказе. По традиции, между такими семьями складывались родственные связи, и члены этих семей не могли вступать в браки между собой.

Существует источник 15-вековой давности, повествующий о традиции кормилиц, и этот обычай сохранялся в Грузии до XX в.

### **ГРУЗИНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ИАВНАНА**

Грузинское песнопение Иавнана, которую матери пели всем детям, — один из памятников традиции воспитания ребенка, так как оно представляет древнейший этап развития в истории грузинской народной музыки и духовной культуры.

Для песнопения Иавнана характерна простая, но впечатляющая мелодия, которую исполняет одна женщина или, с чередованием, две подпевалы. Обработанную мелодию Иавнаны мы встречаем в творчестве грузинских композиторов. Известно, что обработанная П.И. Чайковским эта мелодия вошла в балет «Щелкунчик» как арабский танец.

Стихотворения из цикла «Иавнана» имеют дидактически-эстетическое значение, они широко используются в грузинской художественной литературе и поэзии, что указывает на незаурядность этого песнопения.

### **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

Сегодня в Грузии большое внимание уделяется здоровью матери и ребенка, в том числе интеграции принципов кормления грудью с современной системе воспитания и развития ребенка: начало кормления грудью через 1–2 часа после родов, практика совместного нахождения матери и ребенка в родильном доме, кормление грудью по требованию минимум в течение 6 месяцев, начало дополнительного питания (прикорма) с 6 месяцев, продолжительное кормление грудью до 2 лет.

С 1999 г. в Грузии действует закон, который защищает права ребенка быть вскормленным грудью и регулирует механизмы использования искусственного питания. По официальным статистическим данным, в Грузии практически все женщины рожают в родильных домах. До 95% новорожденных начинают питание грудью в течение нескольких часов после рождения, на эксклюзивном питании (кормление только грудью) до 3 месяцев находится 51,4% младенцев, примерно 30% — на грудном вскармливании до 1 года.

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Капанадзе Н. Грузинские народные обычаи детского воспитания. АН ГССР, Науч.-координац. центр по пробл. социал. и культ. традиций. *Тбилиси: Мецниереба*. 1986. 56 с., илл.
2. Современный быт и традиции грузинского народа: Этнографические поиски. В историко-этнографическом справочнике «Народы мира». М., 1988.
3. Традиционная и духовная культура грузинского народа: Сб. Тбилиси, 1987.
4. Охрана здоровья: статистический справочник. 2013.

# Вскармливание детей в Древнем Риме

Н.В. Болотова, Е.Г. Дронова, С.В. Кулакова

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского  
Минздрава РФ, Саратов, Российская Федерация

\* \* \*

В Древнем Риме существовал целый культ процедуры кормления. По легенде, богине **Румине** (древнеримская богиня кормления младенцев) поручалось наполнить материнскую грудь молоком, богу **Вагинатусу** — открыть рот новорожденного, а богине **Эдуке** — научить его сосать, что считалось первой из наук.

Древние римляне, сохранившие для нас предание о том, что малыши Ромул и Рем были вскормлены волчицей, также высоко ценили пользу грудного вскармливания. И даже разработали раздел пантеона богов, посвященный грудничкам.

В римском искусстве изображения кормящих женщин встречаются на надгробиях, саркофагах, стелах.

Ниже представлен фрагмент саркофага рано умершего римского мальчика Марка Корнелия Стация. На передней панели саркофага изображены разные эпизоды его короткой жизни: на первой сцене — он



*Римский надгробный рельеф  
с матерью и младенцем*

грудной младенец на руках любящей матери, которая кормит его грудью в присутствии отца.

### КОРМЛЕНИЕ РЕБЕНКА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

В старых и старозаветных римских семьях новорожденного кормила мать; так было в доме у Катона, который произнес целую речь в защиту обычая, когда «мать целиком остается матерью своего ребенка... и не разрывает тех уз любви, которые соединяют детей и родителей», поручая ребенка кормилице, «обычно рабыне, чужестранке, злой, безобразной, бесстыдной пьянице». На саркофагах с изображениями сцен из детской жизни мы часто увидим мать, кормящую ребенка. В то же время был распространен обычай брать для новорожденного кормилицу. Цицерон писал, что его современники «всасывают заблуждения с молоком кормилицы». Кормилицу с молоком (*nutrix lactaria*) для большей гарантии и при наличии средств подыскивали по возможности до рождения ребенка. Родители из высших слоев общества подчас были не слишком разборчивы при выборе таких женщин, в принципе же требовалось соблюдать чрезвычайную осмотрительность, осведомиться о прошлом кормилицы, ее здоровье, особенно груди, качестве молока, а также о характере: она должна была соблюдать «драконовский» образ жизни — не пить вина, есть пищу, как считалось, способствующую лактации, например укроп, и поныне имеющий репутацию лактогена, не иметь половых связей, постоянно находиться под наблюдением.

Разлучение кормилицы с родными детьми, видимо, соблюдалось не столь строго, как говорят медицинские тексты: в эпиграфике встречаются термины «*conlacteneus*», «*conlacteus*» (молочный брат), «*conlactea*», «*conlactia*» (молочная сестра).

Кормилица часто оставалась в доме и после того, как ее питомец подрастал. Она забавляла его, разговаривала с ним, рассказывала ему сказки, которые вызывали пренебрежительную усмешку в образованных кругах — «старушечьи рассказы».

Многие понимали важность кормления грудью: так, философ Фаворина из Арля советовал бабке новорожденного уговорить свою дочь кормить самой. В общем, так или иначе кормление перестало считаться долгом — обычно под предлогом заботы о здоровье женщины. В таких случаях надо было бороться с избытком молока и маститом; чаще все-

го к груди что-нибудь прикладывали (листья клещевины, вываренную руту и др.). Были, конечно, и матери, предпочитавшие кормить детей своим молоком.

В Древнем Риме настолько был развит культ естественного питания, что сохранились данные о нетрадиционном грудном вскармливании. Вот один из примеров. Старик Цимон, приговоренный к смерти, умирал в тюрьме от голода, когда его дочери разрешили навестить его. Сжалившись над несчастным, она втайне от тюремщиков накормила его своим молоком. Когда о ее поступке все-таки узнали, все были настолько потрясены, что приговор был отменен, и отца выпустили на свободу на радость любящей дочери.

В обществе, где существовало рабство, искусственное вскармливание из соски было редчайшим явлением; в таких случаях использовали молоко животных — козье, верблюжье, ослиное, коровье, овечье; все эти виды молока применялись также в фармакопее.



# Казахстан: история и традиции края

## Исторические и современные традиции Казахстана: материнство и детство

С.С. Сарсенбаева<sup>1</sup>, З. Б.-А. Сарсенбаева<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Казахский Национальный медицинский университет  
имени Санджара Асфендиярова, Алматы, Республика Казахстан

<sup>2</sup> Медицинский центр «У доктора ЗБС», Алматы, Республика Казахстан

\* \* \*

В любом народе существуют традиции и обычаи, в том числе относящиеся к материнству и детству. Мы все родом с планеты Земля, поэтому нас сближают схожие ценности в отношении родителей, матери, детей, семьи... Однако отличительной особенностью казахского народа, как одного из приемников тенгрианства (поклонение солнцу) и тюркского мира, являются ценности, возведенные в неписанный закон. В первую очередь, это знание своего рода и племени до седьмого колена, что обеспечивает чистоту генофонда и здоровье нации, предотвращая близкие или даже кровнородственные браки, а, следовательно, рождение больных детей. Каждый современный казах знает, что все потомки одного деда (со стороны матери и отца) до седьмого колена считаются близкими родственниками. Примечательно, что в отличие от других азиатских стран у казахов мирно сосуществуют и дополняют друг друга такие



Казахская семья. Семиречье.  
Конец XIX века (фото неизв. автора)



религиозные мировоззрения, как язычество и ислам. Причем последний гармонизирует тенгрианские обычаи, не агрессивуя против них, а придавая им божественный и закономерный смысл.

## ПОНИМАНИЕ МАТЕРИНСТВА В СЛОЖНОМ МИРЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ И СМЕНЫ РЕЛИГИИ

От чего зависел статус женщины на протяжении многих веков? В первую очередь, от способности родить как можно больше детей. Бесплодие женщины в браке становилось причиной понижения статуса семьи и было одним из поводов для развода и многоженства. Поэтому большинство обрядов казахов в отношении молодой женщины, девушки были направлены на защиту будущей матери от «дурного глаза» и порчи, которые могли быть причиной бесплодия или ранних смертей детей.

Свадебный кортеж охраняли дзорные, первыми въезжающие в аул жениха. Как только невеста приезжала в аул родственников жениха, женщины сразу закрывали ее свадебной занавеской от постороннего взгляда. При первом визите невесты в дом свекра ее обязательно сажали на шкуру барана, «чтобы рожала много, как овца», «чтобы ее предродовые схватки были мягкими». У некоторых восточных и северных казахов существовал обычай кормления собаки в подоле невесты, что также должно было способствовать ее многодетности: «Невеста будет много рожать, как собака». Свадебный богато украшенный головной убор са-



*Позируя возле юрты, молодые девушки, согласно мусульманским традициям, скрывают волосы от посторонних мужчин (в данном случае от неизвестного фотографа)*



*Невеста-казашка. Головной убор саукеле: 90-е годы XIX века (фото К. Де Лазари, начальника Лепсинского уезда)*

укеле также служил оберегом девушки от злых сил, потому что голова, наряду с печенью, считалась местом локализации жизненной силы человека (*кут*).

После наступления беременности женщина в течение всего периода вела обычный образ жизни и только примерно за 40 дней до предполагаемых родов освобождалась от домашней работы. Свекровь по поводу первой беременности своей невестки устраивала угощение для женщин аула (*курсак той, курсак шашу*), которые поздравляли молодую женщину и приносили ей небольшие подарки. Какие-либо болезненные состояния, связанные с беременностью, рассматривались казахами как отклонения от нормы и приписывались проискам вредоносных сверхъестественных существ (*албасты, марту* или *жалмауыз кемпир*). После первых признаков наступившей беременности поведение женщины подвергалось строгому регламентированию. От соблюдения ею запретов и предписаний зависели не только здоровье ее ребенка, но даже его человеческие качества и внешний вид. Например, употребление в пищу мяса зайца, верблюда, рыбы, печени волка могло повлечь нежелательные последствия, а именно: нарушить формирование плода, стать причиной затяжной беременности или негативно повлиять на будущий характер ребенка (пример, рождение ребенка с «заячьей губой» или «волчьей пастью»). Предвестником появления на свет мальчика считалось непреодолимое желание будущей матери поесть мясо диких животных. А если женщине больше хотелось сладких продуктов, то это расценивали как знак того, что она беременна девочкой.



*Свадебная церемония, XIX век  
(отретушированная фотография)*



*Жених и невеста в особом наряде и головном уборе саукеле  
(современное фото)*

Существовало строгое предписание не ходить в дом, в котором есть беременная женщина, без гостинцев, то есть «с пустыми руками», иначе у нее воспалится горло. Такой же запрет существовал и по отношению к кормящей женщине: нельзя без угощения зайти к ней в дом, иначе у нее воспалится грудь.

По-прежнему реальны традиционные стереотипы, когда беременные казашки не стригут волосы, так как считают, что любыми манипуляциями с ними можно навредить плоду, в том числе сократить жизнь будущему ребенку; с наступлением темноты выходят из дома только в сопровождении кого-либо; не присутствуют на похоронах и избегают встреч с людьми, в семье которых недавно случилось несчастье.

Когда наступал момент родов, приглашали опытную пожилую женщину (*киндик шеше*), которая, используя методы народной медицины и различные приемы символического воздействия на роженицу, пыталась облегчить процесс родов. Сразу после наступления первых схваток на одежде женщины развязывали все узелки, расплетали ей косы, снимали металлические украшения. В доме, где проходили роды, с посуды снимали крышки, открывали сундуки, развязывали переметные сумы, расплетали арканы. В то же время врачи-европейцы неоднократно отмечали, что роды у казахских женщин протекают легче, чем у европейек. Они объясняли это спецификой образа жизни казашек, которые с ранних лет много времени



«Степная мадонна».  
Художник Куат Аскарлов  
(Темиртау, XX век)



Казахские женщины с бесик  
(в колыбели ребенок), XIX век



Семья казахов возле юрты  
(фото неизв. автора, конец XIX века)

проводят верхом на лошади, вследствие чего у них происходит трансформация костей таза. После родов *кындык шеше* бинтовала живот роженицы широким матерчатым бинтом, накладывая его поверх брюшной стенки (*бел тарту*).

Каждый, кто узнавал о рождении ребенка, особенно если это был мальчик — продолжатель рода, спешил первым оповестить родных и близких криком *суюнши* (известие). Все сразу понимали, что он пришел с добрыми вестями. За это, согласно традиции, давали подарок.

## РЕБЕНОК В ДОМЕ

*Балалы уй базар, баласыз уй мазар*

*(Дом с ребенком — веселье и счастье, без ребенка — подобен могиле)*

С момента рождения ребенка и до первого кормления в доме читали молитву, что также было вынужденной охранительной мерой, так как в противном случае новорожденного якобы может покормить грудью злой дух.

Сразу после рождения ребенка заворачивали в чистую ткань. Материю старались брать от одежды пожилых людей или от пеленки ребенка из многодетной семьи. Затем, до обряда «сорока дней», ребенка вне зависимости от пола одевали в ритуальную рубашку *ит койлек*, которую после выполнения всех обрядовых процедур заменяли обычной младенческой рубашкой.

Для новорожденного и грудничка, а также для всей его семьи определяющими днями были первый, третий, пятый, седьмой и сороковой.

В первый день молодежь без приглашения собиралась на *шилдехана*, чтобы отметить по традиции рождение ребенка. *Кындык шеше* (буквально пуповинная мать) приобретала статус крестной матери и становилась самым почетным гостем этих праздников. При этом казахи подбирали именно такую крестную, чтобы ее характерные черты перенял новорожденный: т.е. она должна быть энергичной, благовоспитанной, честной, трудолюбивой и т.д.



*Женщина-казашка варит еду в казане. Рядом босоногий мальчик примерно 2,5–3 лет (фото неизв. автора, начало XX века)*

При исполнении 40 дней ребенку проводились особые обряды, так как существовало мнение о том, что ребенок подвергался наибольшей опасности в первые сорок дней жизни. По языческим представлениям, ребенка надо было оградить от злых духов, которые могли подменить младенца. Поэтому ребенка до 40 дней никому не показывали, кроме самых близких, и ночью возле колыбели горел светильник (*шыра*), поскольку, по народному пониманию, всякая нечисть боялась огня и света.

Одним из обрядов являлась *колжа*, или ритуальное угощение матери после родов. Блюда предназначались главным образом для восстановления сил роженицы. Для такого случая приносили в жертву молодую овцу и варили бульон (*сорпа*). После завершения трапезы шейный позвонок насаживали на палочку сквозь спинномозговой канал и вешали на женской половине юрты. Снимали его только тогда, когда ребенок уже умел держать голову. В этот же день проводили обычай *кыркынан шыгару*, что в переводе означает «вывести из сорока дней». Младенца купали в соленой воде и после купания поливали его сорока ложками ритуальной воды. В чашу предварительно клали монеты и серебряные украшения — подарок женщинам, которые участвовали в священнодействии. В этот же день ребенку в первый раз стригли волосы и ногти. В этих обычаях участвовали только женщины, которые одаривались подарками. Обязательным ритуалом была раздача лепешек, испеченных к этому событию. Все эти исторические традиции имеют в своей основе гигиену и профилактику заболеваний как матери, так и ребенка.

С сорока днями также был связан и такой обряд, как *ат кою* (наречение), или *Азан Шақыру* (зов). Суть его заклю-



*Женщина-казашка кормит грудью ребенка (возраст примерно 1,5–2 года). Рядом колыбель бесик (фото неизв. автора)*



*Роза-апа Садвакасова, участница ветеранского ансамбля песни «Аруана» г. Алматы, показывает бесик, сделанный членом Союза дизайнеров РК, мастером Сейдалиевым Усеном Аширбековичем (XXI век)*

чалась в том, что через сорок дней после рождения ребенка собирались *аксакалы* (старейшины) аула и с утренней молитвой давали ему имя. Обычно имя давал самый старший из родственников. Мулла читал молитву и три раза произносил в ухо ребенку его имя.

Также у казахов существовал обычай *бесик салу* (класть в колыбель).

Этот обычай доверяли *кындык шеше*. Предварительно готовили колыбель. Сначала раскаленной докрасна кочергой или щипцами освящали изголовье колыбели, чтобы сгинули злые духи. Затем одна из женщин со словами «Да будет хватким, как орел» привязывала к *бесику* орлиные когти. Другая, проведя саблей по обе стороны колыбели, произносила: «Да будет *батыром* — грозой недругов». Третья, перевесив *камчу* (плетку) поперек *бесика*, желала: «Да будет он непобедимым в *байге* (скачки), да будет он всюду восседающим на *тултаре* (скакун)». После этого, просыпав сладости и конфеты сквозь специальное отверстие для стока фекалий, с возгласами «Дитя покакало!» из-под ложа вынимали лакомства и делили между всеми присутствующими, чтобы в качестве дорогого гостинца вручить своим маленьким детям. Смысл символического «сладкого какания» в том, чтобы ребенок вырос жизнерадостным, общительным, деятельным, уважаемым среди друзей и не жадным.

По завершении обряда *кындык шеше* в полной тишине укладывала ребенка в колыбель и накрывала младенца семью вещами: специальным одеялом, халатом, *кибинком* (войлочным плащом), шубой и сверху, если младенец — мальчик, клала узду и нагайку, чтобы был хорошим наездником, а также нож, чтобы защитить от злых духов, а если младенец девочка — зеркальце и расческу, чтобы выросла красавицей. Разговаривать и издавать звуки запрещалось из опасения, чтобы ребенок не вырос плаксой и не стал ябедой.

С одной стороны, *бесик* являлся незаменимым ложем для новорожденного и грудничка в условиях постоянных кочевок казахов прошлого, с другой стороны, туго укутанный, находящийся в фиксированном положении в течение длительного времени младенец приобретал кучу



*Бесикке салу (обряд укладывания ребенка в колыбель).  
Монета номиналом 50 тенге,  
2006 год, Казахстан*

проблем со здоровьем: у него могли замедлиться рост и развитие, а говоря современными медицинскими терминами, происходила гипотрофия мышц и снижение мышечного тонуса.

Среди казахского народа до настоящего времени бытуют приметы и обычаи, связанные с рождением ребенка, интересные и не оставляющие равнодушными. Например, запрещено изумляться новорожденному и говорить при этом: «Какой красивый!» Если такие слова ненароком сказаны, то затем нужно трижды сплюнуть. Некоторые родители начали делать метки (*танба*) на лбу, чтобы не сглазили ребенка. Также нельзя качать пустую колыбель (*бесик*), ибо так свойственно вести себя несчастной матери, потерявшей разум из-за смерти ребенка. Поэтому существует примета: «качать пустую люльку — накликать подобное горе». До сих пор многие казахи считают ребенка вестником радостной встречи, если он, наклонив голову, смотрит назад промеж своих расставленных ног. В таких случаях говорят, что он высматривает дорогу, путник приближается, издалека прибывают родственники.

К возрасту примерно одного года, чтобы ребенок стал самостоятельно и более уверенно ходить, до сих пор проводят вековой обряд *ту-сау кесу* (разрезание пут). Ребенку, начинающему ходить, перевязывали ноги черно-белым шерстяным шнуром, который затем перерезал выбранный родителями родственник или друг семьи, обычно имеющий много положительных черт характера и успешный в жизни. Этот обычай символичен тем, что открывает ребенку новый путь, а черно-белый шнур символизирует жизнь с ее непостоянством, так как впереди будет много испытаний, и их надо пройти достойно.

Ребенок всегда нес счастье в дом. Казахский ребенок-сирота был крайне редким явлением еще 50–60 лет назад. Если умирали оба родителя, то ребенка забирали в свой дом родственники и воспитывали наравне с родными детьми. Еще одной особенностью воспитания детей у казахов является то, что большую роль в воспитании играли бабушки и дедушки, которые были основными носителями традиций, обычаев, опыта и мудрости народа.



Женщина и ребенок в бесик (колыбель).  
Фото неизв. автора, XIX век

Первенцы в семье традиционно считались детьми свекра и свекрови. «Усыновленные» таким образом дети традиционно были любимчиками в семье. Девочек баловали не меньше, чем мальчиков, а иногда и больше: так, считали, что в будущем, живя с мужем, девочка еще наработается, и никто не знает, как сложатся ее отношения с родственниками мужа.

До 5–6 лет и мальчики, и девочки воспитываются вместе. Все обряды, совершаемые над детьми в младенчестве, не несут половой специфики. Ребенку в возрасте 6–7 лет дарят коня, торжественно вкладывают в руки камчу и, оседлав укрощенного коня, сажают ребенка (мальчика), объясняя ему, что он стал джигитом. В такой торжественный момент дедушка ребенка благословляет своего внука. Это возвышает ребенка, и вместе с тем появляется чувство ответственности — ребенок взрослеет. Дети устраивают *байгу* (соревнования на конях), затем взрослые организуют небольшой *той* (праздник).

### ГРУДНОЕ МОЛОКО — ЗАПОВЕДЬ БОГА

Уход за ребенком в первые годы его жизни целиком лежал на матери: она кормила его, ухаживала, следила за соблюдением элементарных гигиенических норм, шила ему одежду, перевозила во время перекочевков. Наряду с выполнением функции матери замужней женщине приходилось продолжать вести домашнее хозяйство. Отличительной особенностью казахского народа являлась взаимопомощь в семье и поддержка родственников мужа. Большинство семей казахов были многодетными, и поэтому у молодой невестки всегда было много помощников — золовок (сестры мужа), *женге* (жены старших и младших братьев мужа). Традиции и устои семьи, поддерживаемые старшими (свекор и свекровь), обеспечивали мир и согласие в доме, поэтому первые 5–6 лет дети росли баловнями и любимцами семьи.

Как правило, в прошлом казахские женщины кормили грудью детей по первому требованию и в течение длительного времени, порой до 5–6 лет, т.е. до первого усаживания ребенка на коня. Это происходило потому, что материнство являлось главной функцией женщин в отличие от современной эпохи. Полуграмотный народ понимал, что кормление грудью делает ребенка более здоровым и повышает его шансы на выживание, и это с учетом того, что женщине, часто рожавшей детей-погодок, порой приходилось кормить сразу нескольких. Для младшего ребенка это было главным источником еды, а для старшего станови-



лось больше баловством и желанием быть поближе к матери.

Символично, что кормящая женщина могла кормить своей грудью детей родственников до седьмого колена включительно, и они с этих пор могли считаться молочными братьями и сестрами. Также примечательно, что вскормленные одной грудью дети, но из разных семей, не могут в будущем заключить брак друг с другом. Грудь кормящей женщины считается священной, при этом сам процесс кормления является своего рода таинством. Поэтому кормящая мать должна прятать груди от посторонних взглядов и кормить ребенка вне посторонних взглядов, в тишине. Раньше считалось, что при громких разговорах и кормлении «на людях» ребенка могут «сглазить», а это приведет к появлению «плохой кожи» у младенца, или ребенок может захлебнуться молоком.



А. Джусупов «Счастье». 1959.  
Музей искусств имени А. Кастеева,  
Алматы, Казахстан

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Грудное вскармливание в Казахстане является традиционным и повсеместным. В настоящее время более 95% детей Казахстана с рождения находятся на грудном вскармливании. По статистике 2012 г., практически 98% матерей начинали грудное вскармливание в роддомах Казахстана. До 47% детей в возрасте 0–3 месяцев находились на исключительно грудном вскармливании. К 6 месяцам жизни только 30% детей получали грудное молоко, из них только половина вскармливалась до 1 года.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольдов А.И. Введение в культуру. Москва: Народная Академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993.
2. Жайдаров О. Тенгрианство: мифы и легенды древних тюрков. Алматы: Рауан, 2004.
3. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Том 1 / Под ред. К.А. Акишева, К.М. Байпакова. Алматы: Атамұра, 1997.
4. Кишибеков Д. Кочевое общество. Алма-Ата: Атамұра, 1984.
5. Масанов А. Кочевая цивилизация казахов. Москва: Эксмо-Пресс, 1995.
6. Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы: Мектеп, 1998.

## Значимость традиции и культуры в сохранении генофонда народов региона Аральского моря

**О.А. Аганиязова**

Нукусский филиал Ташкентского педиатрического медицинского института,  
г. Нукус, Республика Каракалпакстан

\* \* \*

Регион, прилегающий к Аральскому морю, составляет в низовье реки Амударьи Республику Каракалпакстан (в составе Республики Узбекистан) и в низовье реки Сырдарьи — регион Кызыл-Орды (Республика Казахстан). Последнее столетие характеризуется сложными климатическими и эколого-экономическими особенностями в регионе Приаралья, представляющими собой определенный фактор риска для жизни населения, особенно для здоровья матери и ребенка, вопросов сохранения генофонда. По оценке генерального секретаря ООН Пан Ги Мун, некогда богатый и цветущий край в настоящее время считается одним из самых экологически критических в планетарном масштабе.

В регионах, исторически имеющих сложные климатические, социально-экономические и геополитические условия, сложились веками проверенные способы выживания, что связано с естественным стремлением сохранить генофонд народа. Поэтому изучение вопросов, связанных с материнством, репродуктивным здоровьем и развитием детей в регионе Приаралья, представляет большой интерес.

В настоящей статье изложены некоторые традиции, обычаи и ритуалы, имеющие отношение и значение для материнства и репродуктивного здоровья каракалпаков — коренных жителей Приаралья.

Каракалпаки имеют тюркское происхождение, примерно с XVI в. проживают в дельте реки Амударьи, основная вера — ислам.

Несмотря на свою малочисленность, каракалпаки имеют богатую культуру — традиции, обычаи и ритуалы, связанные с вопросами ма-

теринства, ценности семьи, продолжения рода, сохранения здорового наследия.

Одним из исторически важных факторов репродуктивного значения является, на наш взгляд, деление каракалпаков на многочисленные племена и роды, имеющее важное значение в сохранении генофонда народа. Так, каракалпаки с самых незапамятных времен, как и многие народы Средней Азии, имеют довольно хорошо развитую родовую группу, которая состоит из 6 основных родов (*кауим*) — Конырат, Кытай, Кыпшак, Кенегес, Мангыт, Колдаулы. Каждый из этих больших родов имели свой девиз (*уран*) и отличительный знак (*тамга*). Каждый *кауим* состоит от десятков до сотни подродов, или племен (*уруу*). По данным Т.А. Жданко, каракалпаки состоят из 307 *кауим* и *уруу*, что подтверждают и другие ученые (К. Мамбетов, 1995) [1, 2]. Примечательно, что семьи из одного *уруу* старались жить недалеко друг от друга, на одной территории, поэтому зачастую аулы назывались по названию этого *уруу* — Муйтен аул, Уйгур аул, Кыпшак аул и др. Такое расположение имело важное значение для сохранения *уруу* при кочевом образе жизни. Следует отметить хорошо развитую инфраструктуру внутри *уруу*, где обычно руководил старейшина. Однако, у каракалпаков и женщины всегда имели право участия в общественной жизни аула. Родово-племенные отношения имели свои преимущества — способствовали сохранению и безопасности семьи, а также социальное значение — большинство семейных мероприятий (свадьбы, торжества, похороны и др.) обычно справляли сообща, всем аулом. При этом практически каждая семья принимала гостей в основном за свой счет. Таким образом, практически любая семья могла справить семейное торжество, что обеспечивало своеобразную гармонию отношений и социальное равенство семей в ауле. Обычай справлять свадьбы и другие семейные торжества всем сообществом существует в Каракалпакстане и в настоящее время.

Деление на роды и племена играет особую роль в сохранении здорового генофонда, так как, по традиции, у каракалпаков не допускаются родственные браки, а также браки между молодыми из одного *уруу*, что считается одним из самых тяжелых грехов. С целью искоренения последствий такого греха нарушение этих правил жестоко каралось, вплоть до уничтожения всей семьи (пример из произведения Т. Каипбергенова) [3]. Многовековая традиция запрета родственных браков актуальна и в настоящее время, что играет важную роль в сохранении

чистоты генофонда, так как снижает возможные репродуктивные потери и врожденные аномалии у будущего ребенка, часто возникающие при родственных браках.

Каракалпаки, как и многие народы этого региона, вели полукочевой образ жизни, в основном использовали юрты, что было удобно для такого образа жизни. Юрты готовились из специальных сортов фруктовых деревьев, верхняя часть и бока покрывались толстым слоем войлока. Изготовленная из натуральных материалов юрта была достаточно теплой зимой и прохладной летом, что было существенным для выживания в условиях резко континентального климата Приаралья — лето знойное до +50°C, зимой сухой мороз до -30°C.

Следует отметить, что каракалпаки придавали особое значение дизайну и украшению юрты. Каракалпакские юрты всегда отличались изысканностью и богатым как внешним, так и внутренним убранством. Женщинам отводилась правая — важная — часть юрты, а мужчины занимали левую половину. В женской половине проходили все главные ритуальные события в жизни женщин: процедура подготовки невесты, затем там жили молодые, принимались роды, рос ребенок.

Рождение ребенка, его выхаживание связаны с определенными традициями и ритуалами, имеющими особо важное значение в жизни кочевников. Роды принимала специально обученная женщина, имеющая навыки по приему родов: ее в народе называли *колы женгил шеше* (женщина с легкой рукой), она пользовалась большим уважением среди населения. Зачастую она же перерезала пуповину новорожденному и считалась *киндик шеше* (крестной матерью). Ритуал перерезки пуповины имел важное значение: бытовало поверье, что судьба ребенка будет похожа на судьбу того, кто перережет пуповину. И потому зачастую этот ритуал доверяли успешной женщине, пользующейся большим уважением. Традиционно женщины-каракалпачки до советского периода рожали полусидя, на корточках, держась за специальный брус, приготовленный заранее. Такое положение женщины в родах является естественным и способствует сохранению родовых сил и возможности удержать темп схваток. Следует отметить, что такое положение женщины в родах встречается у многих народов, а в настоящее время — и в некоторых европейских странах (например, в Германии).

Благополучные роды ритуально сопровождались выстрелом из ружья или сильным шумом, чтобы отогнать злых духов. Новорожденный

ребенок считался чистым, непорочным и приносящим удачу, и потому существовал ритуал «класть ребенка в подол» бесплодной женщине. Считалось, что это принесет удачу и наступит беременность. Обычно этот ритуал выполнялся при усыновлении ребенка бесплодной женщиной. Из жизненной практики известны случаи, когда у бесплодной нерожавшей женщины после такого ритуала появлялось грудное молоко, и впоследствии она беременела и имела своих детей (записано со слов Айгуль Пирназаровой, работницы музея им. Савицкого, г. Нукус).

Как и у многих народов, первые 40 дней были самыми важными в выхаживании новорожденного, и назывался этот период *шилле дауир*. В этот период мать и ребенка оберегали от посторонних глаз. В течение этого периода ребенка ежедневно купали в воде, в которой растворяли соль и клали серебряные женские украшения. На сороковой день проводили специальный ритуал, означающий окончание периода *шиле дауир*. Этот ритуал сопровождался специальным купанием ребенка, тщательным осмотром физического состояния и выявлением особенностей (родинки, специфика расположения *айдара* на голове и др.). Этот ритуал является важным и способствует определению состояния здоровья ребенка в самом раннем возрасте. После 40 дней в уходе за ребенком использовали специальную люльку — *бесик*, известную у многих народов. Трудно переоценить роль *бесик* в жизни кочевников, когда часто приходилось менять место жительства, не было достаточно предметов гигиены (памперсы и пр.). *Бесик* обеспечивал соответствующие санитарно-гигиенические условия, тепло и уют для растущего малыша, его безопасность.

Грудное вскармливание являлось очень важным и единственным источником для ребенка в первый год жизни, поэтому семья использовала все возможности для его сохранения. Осуществлялись всякие ритуалы для обеспечения от сглаза груди молодой матери (различные *тумары*, обработка травами); придавалось большое значение питанию в послеродовом периоде. Для увеличения количества молока и улучшения его качества для молодой кормилицы специально держали козу и использовали козье молоко. В большинстве случаев грудное вскармливание длилось в течение 2–3 лет. Если у матери пропадало молоко, или его было недостаточно, то, по традиции, ребенка докармливали кормящие близкие родственницы или кормилицы из этого *уруу* (аула). По обычаю, грудное вскармливание девочек длилось на 5–6 месяцев

дольше, чем у мальчиков. Это, по-видимому, было связано с будущим девочки, когда она выйдет замуж и станет гостьей в семье мужа, поэтому выполнению материнского долга перед новорожденными девочками придавалось особое значение. Видимо, отсюда берет истоки и другой ритуал при замужестве — выкуп за материнское молоко (*сут каде*).

В качестве прикорма зачастую для ребенка использовали толченое пшено с молоком. После 1 года ребенка переводили на общее питание, частично сохраняя грудное.

Следует отметить, что грудное вскармливание является актуальным и в настоящее время: около 90% женщин Каракалпакстана используют грудное вскармливание до одного года.

Относительно вопросов питания, у каракалпаков прослеживается исторически сложившаяся традиция следовать принципам рационального питания. Так, главным принципом питания являлось сезонное потребление натуральных продуктов: по известному народному высказыванию — *уш ай кауыным, уш ай сауыным, уш ай кабагым, уш ай шабагым*, — три месяца бахчевые, три месяца молочные продукты, три месяца корнеплоды, три месяца рыба.

В развитии ребенка важное значение придавали его первым шагам. При этом и поныне существует ритуал *тусау кесуу* — разреза ленты между ног, которое доверяется уважаемым и успешным людям — женщине или мужчине, чтобы ребенок был таким же успешным в жизни.

В традиции воспитания особое внимание уделялось половому воспитанию подрастающей девочки — будущей матери. Вопросы полового воспитания, как у многих народов Средней Азии, являлось табу. У каракалпаков, по традиции, вопросами полового воспитания и подготовки девочек-подростков к семейной жизни занималась жена старшего брата (родного или двоюродного) — сноха (*женге*). Отношения между снохой и золовкой складывались всегда уважительно и были доверительными. *Женге* также несла ответственность за замужество золовки и играла важную роль в процедурах свадьбы и брачных церемониях. Эти традиции сохранились и в настоящее время.

При замужестве родственники со стороны жениха утверждают посаженных родителей (*мурындык ата-ана*) из числа состоявшейся семейной пары более молодого возраста, чем родители жениха, имеющей хороший опыт создания и развития семьи. *Мурындык ата-ана* играют

важную роль в дальнейшем развитии молодой семьи, консультируя и курируя молодых в течение всей жизни. Особую роль играла *мурындык ана*: она несла ответственность за адаптацию невесты к правилам и обычаям семьи жениха, подготовку невесты к роли хорошей хозяйки, обучала традициям и обычаям, в том числе и вопросам, связанным с репродуктивным здоровьем, материнством, грудным вскармливанием и уходом за детьми. Обычай назначения *мурындык ата-ана* сохранился и по настоящее время.

## СИМВОЛЫ ФЕРТИЛЬНОСТИ В ЖЕНСКИХ НАРЯДАХ И УКРАШЕНИЯХ

Исследования показывают, что культура и прикладное искусство каракалпаков, как и многих народов Приаралья, берут истоки из древней Кердерской культуры.

Интересно, что в писаниях IX века Аральское море упоминается как Кердерское озеро, также описывается связь Кердера с комплексом Миздахкан (в настоящее время Миздаххан расположен близ г. Ходжейли Республики Каракалпакстан [1, 4]. В результате проведенного археологического изучения Арало-Каспийского междуморья были выявлены памятники различных хронологических групп — от каменного века до средневековья — и большого количества категорий, в том числе и ранее неизвестных: городища, башни, стреловидные планировки, кочевнические святилища и стоянки, грунтовые могильники, курганы. Было установлено, что Устюрт и территория Аральского моря являются одним из районов распространения Джетыясарско-Кердерской культуры, существовавшей в экстраординарных условиях Арало-Каспия [5–7]. Следовательно, можно полагать, что истоками формирования традиций, обычаев, обрядов и культуры каракалпакского народа является в том числе и Кердерская культура.

В прикладном искусстве каракалпаков одно из ведущих мест занимают ювелирные украшения, которые являются обязательной частью женской одежды. В женских ювелирных украшениях каракалпачек большое внимание уделялось знакам, связанным с плодородием, материнством. Это прослеживается и в обрядовой практике каракалпаков, а также в ритуальных традиционных действиях. Так, украшения девушек отличались обилием амулетов и талисманов, наделенных способностью «отгонять» злые силы, чтобы оберегать репродуктивные органы.

Ювелирные украшения женщин делятся на 4 основные группы — головные, нагрудные, область поясицы и руки. Считалось, что, имея украшения на 4 уровнях (лицо, грудь, поясица, руки), женщина защищала от злых духов все звенья репродуктивной системы.

Каждое из украшений, по распространенным поверьям, обладало защитными функциями и выполняло роль оберега, особенно необходимого женщине, готовящейся стать матерью. Семантика этих украшений всегда была связана с идеями зарождения и сохранения жизни, продолжения рода. Большинство украшений каракалпачек были из серебра. Серебру придавалось особое значение — как благородному металлу, так и имеющему положительное влияние на здоровье. Практически все украшения были на подвесках, что имело немаловажное значение: звон серебряных подвесок, по преданиям, отгонял злых духов.

Следует отметить, что формы и дизайн женских украшений также в большинстве случаев связаны с плодородием, зарождением, репродукцией. Так, например, один из видов имеет рельефный орнамент «змеиный след» и узоры растительного характера. Семантика украшений, видимо, относится к космогоническому, мифопоэтическому символу яйца, из которого, по древним представлениям, зарождается Вселенная.

Другой тип орнамента — *бака* (лягушка) — напоминает стилизованные очертания лягушки. Ее образ пользовался популярностью в мифологических представлениях многих народов мира и символизирует связь с водой, достатком, плодородием.

Также в каракалпакских женских украшениях и орнаментах часто используется стилизованное изображение бараньих рогов — *муйиз*. Это наиболее характерный для народно-прикладного искусства каракалпаков мотив, имевший сакральное значение. Как известно, баран у многих народов относился к тотемным животным. Его рога символи-



Фото молодой каракалпачки,  
конец XIX в.



зировали плодovitость, благополучие и служили оберегом.

Венцом ритуальных назначений женских украшений являлся свадебный костюм каракалпачки, что связано с религиозно-культурными представлениями об особой уязвимости молодой женщины (фактически все ее украшения исполняли функцию оберега).

Свадебный головной убор *саукеле* происходит от формы шлема, что отражает исторические корни народа.

Известно, что женщины-каракалпачки были амазонками, отличались особой храбростью, что описано в знаменитой каракалпакской поэме «Кырк кыз» (Сорок девушек). По данной легенде, девушки-каракалпачки были воинами и вели активную борьбу против врагов своего народа [8].

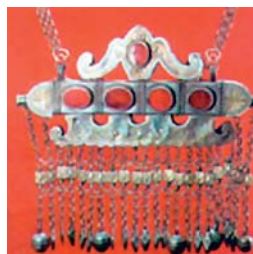
Форма и стиль украшений, как уже сообщалось, имели не только эстетическое, но и ритуальное значение и выполняли роль оберега. Одним из главных нарядных украшений является *хайкель* — нагрудное женское украшение, центральная часть которого представляла собой собственно амулетницу: полый цилиндр, предназначенный для хранения записанных на бумаге молитв-заговоров от злых духов или сур из Корана. Сакральное значение *хайкеля* усиливается при помощи инкрустации камнями-талисманами (сердоликом и кораллом), связанными с идеей плодородия [9, 10].

Другим важным женским украшением, имеющим значение для материнства, является *онгирмоншак* — звенящие подвески. Это самое «звенящее» из всех каракалпакских женских ювелирных изделий. Благодаря такой особенности *онгирмоншак* приписывалось свойство отгонять злых демонов. Это украшение носили на поясе, нередко длина его спускалась до уровня лобка, тем самым указывая на его особое значение как оберега репродуктивного органа.

Большинство украшений, как правило, сохранялось и передавалось из поколения в поко-



*Саукеле — свадебный женский головной убор каракалпачки. (Государственный музей им. Савицкого)*

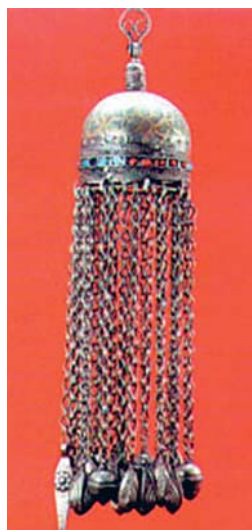


*Нагрудное каракалпакское женское украшение хайкель*

ление по материнской линии как семейная реликвия и сохранение плодородия этого рода.

Изучение традиции и обычаев жизни каракалпаков свидетельствует о существовании глубокой и самобытной культуры, тесно связанной с культом семьи и материнства. Материнство всегда священо для всех народов, у каракалпаков это было целью выживания и сохранения рода, не только своего, но и общечеловеческого, о чем говорят народные поговорки: «*Ана бир колы менен бесик тербелтсе — екинши колы менен Дунья тербелтеди*» (Мать одной рукой качает колыбель, второй — Вселенную); «*Жаннат ана аягы астында*» (Рай находится у ног матери).

Богатые традиции, обычаи, культура и ритуалы каракалпакского народа, связанные с материнством, культом семьи, женского здоровья, берут начало с древнейших времен, бережно передаются из поколения в поколение и являются важным фактором сохранения генофонда народа в регионе Приаралья.



Онгирмоншак  
(звенящие подвески) —  
оберег репродуктивного  
здоровья

## ЛИТЕРАТУРА

1. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.-Л.: Изд. АН СССР. 1950.
2. Мамбетов К. Этнографическая история каракалпаков. Нукус: Изд. «Каракалпакстан», 1995. С. 228.
3. Каипбергенов Т. Дастан о каракалпаках (в 3 томах). М., 1976.
4. Есбергенов Х. Вопросы этнической истории и традиционной культуры каракалпаков. Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус: Изд. «Каракалпакстан», 1989.
5. Иванов П.П. Очерки истории каракалпаков с I до XVIII века. Материалы по истории каракалпаков. Труды института востоковедения АН СССР. т. VII. М.-Л., 1935. С. 245.
6. Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья. М.: Изд.: «Наука», 1984. С. 188–217.
7. Ягодин В.Н., Ходжаев Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Изд-во «Фан», 1970. С. 96–251.
8. Кырк кыз (сорок девушек). Каракалпакская народная поэма. Нукус: Изд. «Каракалпакстан», 1983.
9. Алиева З. Ритуальные ювелирные украшения каракалпаков XIX – начала XX веков. *Sanat*, 2003;2:12–18.
10. Фахретдинова Д. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988. С. 112.

# История грудного вскармливания в Словении

Душанка Мичетис-Турк (Dušanka Mičetić-Turk), д-р медицины, проф.

Майа Шикис Погачар (Maja Šikić Pogačar), бакалавр наук

Йерней Долиншек (Jernej Dolinšek), д-р медицины, проф.

Медицинский факультет Мариборского университета, Республика Словения

\* \* \*

В Словении существуют давние традиции заботы о благополучии детей. Первое упоминание о детском доме, который был основан в 1041 г., можно найти в работе Янеза Вайкарда Вальвазора «Слава герцогства Крайна» (Glory of the Duchy of Carniola) [1]. С первой половины XIII века больница Божией Матери в Любляне предоставляла приют детям-сиротам, а позже, в 1553 г., был основан Императорский дом призрения. Следующий этап развития сферы ухода за детьми-сиротами был в значительной степени обусловлен настроениями эпохи Просвещения и правлением императрицы Марии Терезии [2].

## ОБЪЯВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕРЕЗИИ О СОЗДАНИИ ДЕТСКОГО ДОМА В ЛЮБЛЯНЕ (13.02.1758)

В течение 1773 г. детский дом переехал в здание построенного Буржуазного госпиталя. Во время правления императора Франца-Иосифа (1848–1916) продолжилась работа, направленная на предоставление помощи и поддержки сиротам. Первая детская больница Словении была по-



Работа Янеза Вайкарда Вальвазора  
«Слава герцогства Крайна»

строена в Любляне в 1865 г. и названа в честь императрицы Елизаветы. Позже больница стала считаться клиником для бедных детей, так как услуги предоставлялись бесплатно. В 1889 г. была построена новая детская больница, здание которой было оснащено лучше. Наиболее распространенными причинами госпитализации детей в больницу были респираторные инфекции, золотуха, воспалительные заболевания глаз, экзема, воспаление желудочно-кишечного тракта, корь, скарлатина и туберкулез. Пожертвования и взносы благотворителей и доброжелателей имели решающее значение для работы больницы. Кроме того, фармацевты снабжали больницу бесплатными лекарствами. В то время детей богатых родителей лечили в домашних условиях, прибегая к услугам избранных врачей. Дети из бедных семей в сельской местности и в городе оставались на попечении родителей, и их выживание зависело от ухода или рациона.

Несмотря на то, что грудное вскармливание неотделимо от истории человечества, все, кто работает в области детского питания, согласились бы, что оно является основным и единственным способом питания младенцев. Кроме того, на словенском языке слово «младенец» (slo. *dojenček*) происходит от термина «грудное вскармливание» (slo. *dojenje*).

Во второй половине XIX в. волна модернизации достигла Словении и стала катализатором социального прогресса. Развитие медицины открыло новые перспективы в области педиатрии и ухода за детьми. Врачи все чаще стали обращать внимание на высокий уровень смертности новорожденных и детей раннего возраста, а также на значение грудного вскармливания. Просветительская деятельность нового поколения врачей, прошедших обучение в Вене, сыграла важную роль в образовании обычного малограмотного населения сельских и городских районов. В те времена низкий уровень личной гигиены, не-



*Группа бедных детей со священником, XIX в.*



*Женщины со своими детьми, XIX в.*

знание собственного тела, плохие жилищные условия и скудная диета были довольно распространенным явлением.

Одним из врачей нового поколения, оказавшим огромное влияние на развитие словенской педиатрии, был профессор, доктор Богдан Дерч. Еще в 1907 г. в своем «публичном заявлении в поддержку образования, защиты и общего благосостояния молодежи» он писал: «Грудное молоко является единственно естественным, самым лучшим, самым дешевым, всегда готовым к употреблению и наиболее подходящим источником пищи для младенцев». Поэтому он не только поддерживал мнение о необходимости грудного вскармливания, но и приложил значительные усилия к укреплению данного мнения среди населения. В 1943 г. было опубликовано его исследование о грудном вскармливании «Словенская женщина кормит грудью!» [3].

Медсестры всегда играли важную роль в уходе за матерью, новорожденными и детьми раннего возраста. Первые медсестры с дипломом из Вены начали работать в начале XX века. В своей работе на местах они часто сталкивались с несоответствующими жилищными и санитарно-гигиеническими условиями содержания детей, невежеством матерей и высоким уровнем младенческой смертности. Кроме того, именно медсестры основали первые службы психологической помощи матерям с младенцами, а также проводили лекции об уходе за младенцами. Несмотря на проблемы с трудоустройством и позиционированием новой профессии в социальном контексте того времени, медицинские сестры своей неустанной работой на ниве защиты младенцев и детей младшего возраста и консультирования матерей внесли значительный вклад в улучшение состояния здоровья и снижения смертности младенцев [4].

Интересным и специфическим явлением, которое отразило экономическое и социальное значение грудного вскармливания, была миграция так называемых Александринов в конце XIX и первой половине XX в. Многие из этих женщин были замужними кормящими матерями, в основном из северо-западной части Словении (Гориция), которые пу-



Исследование Б. Дерча о грудном вскармливании «Словенская женщина кормит грудью!» (титальный лист)

тешествовали в Египет, Александрию или Каир и работали кормилицами, ухаживая за детьми из богатых египетских семей. Таким образом, они могли материально помогать своим бедным семьям в Словении [5].

После Второй мировой войны изменение политической системы привело к изменениям в системе общественного здравоохранения. Работающие в больницах монахини были вынуждены увольняться. Из-за нехватки врачей медсестры начали обучать матерей принципам здорового питания ребенка. В послевоенное время вопрос о необходимости грудного вскармливания не возникал в виду отсутствия выбора из-за нехватки продовольствия и трудностей с поставками коровьего молока. Молоко должно было производиться здоровыми коровами, которые именно в это время кормили телят. Самым распространенным препятствием для успешного начала грудного вскармливания в то время была стандартная практика позднего первого грудного вскармливания и первого контакта матери и ребенка после родов. Как правило, это происходило спустя 24 часа после рождения ребенка. В родильном отделении мать и младенец были разделены, и кормление проходило по графику; новорожденным часто давали ромашковый чай для утоления жажды. Детей, чьи матери не имели достаточного количества молока, передавали тем женщинам, у которых его было в избытке.

Позднее основной причиной отказа от грудного вскармливания стала необходимость матери вернуться к работе в ближайшее время. Большинство матерей возвращались на работу уже спустя 6 недель от начала отпуска по беременности и родам, редко по истечении 3 месяцев. Только безработные матери могли кормить грудью в течение 6 месяцев [6].

Как следствие сильного влияния производителей заменителей молока в 60-х и особенно в 70-х годах XX в. в Словении отмечают резкое снижение числа кормящих женщин в указанный период. В 1973 г. в Словении исключительно на грудном вскармливании находились только 50% детей в возрасте 1 месяца. Среди младенцев в возрасте 3 месяцев



*Александрина с ребенком, которого она кормит грудью*

этот показатель был менее 10% от общей популяции. Настолько раннее прекращение грудного вскармливания повлекло за собой медико-социальные, а также экономические проблемы [7].

На заседании Всемирной организации здравоохранения и ЮНИСЕФ по вопросам грудного вскармливания, которое проходило 30 июля и 1 августа 1990 г. в Приюте невинных (Ospedale degli Innocenti) во Флоренции, участники из многих стран приняли, а затем закрепили в Инночентийской декларации положение о том, что грудное вскармливание является уникальным процессом, имеющим множество общеизвестных преимуществ для детей и матерей. Таким образом, Инночентийская декларация рекомендует исключительно грудное вскармливание в первые 4–6 месяцев жизни, а затем, до двухлетнего возраста и позднее грудное вскармливание следует продолжать наряду с предоставлением других пищевых продуктов, безопасных и надлежащих с точки зрения содержания питательных веществ [8].

Для реализации этих принципов необходимо было обеспечить соответствующее понимание ситуации, поддержку и условия. Во многих странах было необходимо усилить «культуру грудного вскармливания» и отказаться от «культуры кормления из бутылочки», что требовало не только социальной мобилизации и политической воли, но и поддержки всех слоев общества и правительства, которые должны были разработать национальную политику грудного вскармливания путем создания национальной системы контроля за достижением целей в области поощрения грудного вскармливания.

Таким образом, в 1991 г. ВОЗ и ЮНИСЕФ начали совместную кампанию по соблюдению принципов грудного вскармливания во всем мире и приняли инициативу «Больница, доброжелательная к ребенку». В подавляющем большинстве европейских стран грудное вскармливание начинается в родильном доме. В Словении в 1996 г. при Словенском комитете ЮНИСЕФ был создан Словенский национальный комитет по поощрению грудного вскармливания, который включил в свой состав специалистов различных профилей (педиатры, неонатологи, медицинские сестры, инструкторы по санитарно-просветительской работе, эпидемиологи, представители министерства здравоохранения и труда, представители министерства семьи и социальной защиты, представители ВОЗ и др.) и постановил реализацию инициативы «Больница, доброжелательная к ребенку» считать одним из приоритетных проектов [9].

Роддома, желающие получить это международное признание и звание «Больницы, доброжелательной к ребенку», должны следовать строгим правилам, приведенным в двух документах: «Десять принципов успешного вскармливания» (1989, Женева) и «Международный свод правил по сбыту заменителей грудного молока» (1981) [8]. Суть обоих документов заключается в четком и последовательном процессе поощрения, обеспечения и поддержания грудного вскармливания.

Процесс достижения международного признания включает в себя обучение персонала и тестирование медицинских учреждений. Заключительная проверка квалификации медицинского персонала и обучения матерей по вопросам поощрения и поддержания грудного вскармливания, а также соответствия учреждений проводится международной комиссией и длится в течение нескольких дней.

В Европе самый большой процент роддомов, имеющих звание «Больница, доброжелательной к ребенку», приходится на скандинавские страны. В течение 5 лет с начала реализации проекта в 114 странах по всему миру 12 700 больниц получили это звание [8, 10]. По данным Национального института общественного здравоохранения, именно благодаря интенсивному продвижению грудного вскармливания в Словении в 2009 г. на момент начала исследования «Мониторинг грудного вскармливания, питания грудных детей и детей младшего возраста и их пищевой статус» 99% новорожденных находились на грудном вскармливании, 78% из них были в возрасте 3 месяцев и 62% — в возрасте 6 месяцев [11].

Стоит признать, что огромную роль в популяризации информации о грудном вскармливании сыграла Ассоциация консультантов по лактации и грудному вскармливанию Словении, основанная в 2006 г. Цель Ассоциации состоит в содействии, организации и осуществлении всех видов деятельности и инициатив членов организации в области предоставления консультаций и информации по лактации и грудному вскармливанию всем будущим и кормящим матерям в их домашней обстановке, а также интеграция и сотрудничество с соответствующими ассоциациями, объединениями, организациями, включая юридических и физических лиц в Словении и за рубежом. Задачей Ассоциации является оперативная качественная деятельность на основе принятой программы на благо и в интересах членов организации и участников подобных международных ассоциаций и федераций.



Международный союз содействия грудному вскармливанию ежегодно проводит Всемирную неделю грудного вскармливания, чтобы привлечь внимание общества к пропаганде грудного вскармливания. Это мероприятие проводится более чем в 150 странах мира в период с 1 по 7 августа, хотя в некоторых странах оно проводится позже из-за праздников, поэтому и в Словении Неделя грудного вскармливания проходит с 1 по 7 октября [11].

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Valvazor JV. Slaba Vojvodine Kranjske. Izbrana poglavja. *Ljubljana: Mladinska knjiga*, 1994. 27 p.
2. Strlič N. Življenje Ljubljanskih sirot v drugi polovici 18. stoletja. *Zgodovina Za Vse*. 2002.
3. Derč B. Slovenska mati, doji! Knjigarna tiskovne zadruga v Ljubljani, 1943.
4. Kobe I, Limonšek I, Felc Z. Vloga medicinskih sester pri spodbujanju dojenja nekoč in danes na celjskem. 2013.
5. Koprivec D. Egipčovski otroci in njihove varuške aleksandrinke. *Etnolog*. 2008;18:167–187.
6. Hoyer S. Utjecaj različitih čimbenika na dojenje u Sloveniji. *Magistarski rad. Zagreb: Medicinski fakultet*, 1994.
7. Jereb Kosi M. Bivanje novorojenčkov ob materi. Vpliv na trajanje dojenja. *Zdravstveno varstvo. Revija za teorijo in prakso preventivnega zdravstvenega varstva*. 1988;27(6):63–73.
8. WHO. Protecting, promoting and supporting breast-feeding: The special role of maternity services. A joint WHO/UNICEF statement. *Geneva: WHO*, 1989.
9. Bratanič B. Podpora dojenja v porodnišnicah. *ISIS*. 1997;6:37–39.
10. WHO. International code of marketing of breast-milk substitutes. *Geneva: WHO*, 1981.
11. STA AR. Svetovni teden dojenja letos usmerjen k podpori materi pri dojenju. 2013. Available from: [http://www.siol.net/novice/zdravje/2013/08/teden\\_dojenja.aspx?format=json&mob=1&hide\\_hf=1&os=wf&ver=1.0](http://www.siol.net/novice/zdravje/2013/08/teden_dojenja.aspx?format=json&mob=1&hide_hf=1&os=wf&ver=1.0).

## Охрана здоровья матери и ребенка в традициях и обрядах таджикского народа

**К.С. Олимова**

Республиканский научно-клинический центр педиатрии и детской хирургии  
Министерства здравоохранения и социальной защиты населения РТ, Душанбе,  
Республика Таджикистан

\* \* \*

Традиции и обряды таджикского народа складывались веками в результате сложного процесса слияния культурных навыков и традиций всех племен и народностей Средней Азии, которые участвовали в этногенезе таджиков. Они весьма самобытны, ярки и многообразны, восходят к родоплеменным патриархальным отношениям.

Таджики обычно жили большими семьями, состоящими из нескольких поколений, поэтому предпочтение отдавалось большим домам на земле.

Следует отметить, семья у таджиков в прошлом в большинстве случаев, особенно в сельских и горных местностях, представляла собой тип неразделенного образования, в котором вместе жили два-три, а, возможно, и более поколений с женатыми сыновьями и их детьми. Главным в такой семье выступал самый старший мужчина. В равнинных районах, преимущественно в городах, встречался другой тип семьи — нуклеарной (малая), состоявшей из супружеской пары



*«Долина Зерафшан». Рисунок неизвестного автора из книги «Живописная Россия. Русская Средняя Азия» (под ред. П.П. Семёнова), 1885 г.*

с детьми добрачного возраста. В богатых знатных семьях сыновья нередко имели самостоятельный доход, позволявший им жить отдельно от родителей. В бедных семьях экономическая зависимость сыновей от отца была основной причиной совместного проживания с родителями, которая впоследствии стала традицией, и отделение сына от отца уже воспринималось как оскорбление.

Среди зажиточных классов не только в большой неделенной, но и в малой семье нередко ее глава имел двух, а иногда и трех жен.

Положение женщины в семье в значительной мере зависело от степени ее участия в производительном труде: так, например, в горах, где в руках женщины был домашний скот и молочное хозяйство, ее положение было более независимое; на равнине и в городах, где женщина мало участвовала в производительном труде, особенно в зажиточных семьях, она была более зависимой и вела фактически затворнический образ жизни: женщины жили во внутренней половине дома, куда посторонние мужчины не допускались; горожанка выходила из дома, скрытая под паранджой и черной сеткой из конского волоса (*чашибанд*).

Женщина была неравноправна с мужчиной и перед законом: право на развод принадлежало мужу; один свидетель мужчина приравнивался к двум свидетелям женщинам; сын наследовал в два раза большую долю, чем дочь. Браки детей обычно устраивались родителями, согласия молодых людей не спрашивали.

У горных таджиков в прошлом были широко распространены родственные браки по отцовской линии, то есть браки между детьми двух братьев. Таким бракам отдавалось предпочтение больше, нежели ортокузенным бракам по материнской линии, т.к. они считались близкородственными и могли влиять на будущее потомство.

Повсеместно брачный возраст от 14 до 20 лет считался нормальным для мальчиков, для девочек — от 12 до 16 лет. При очень ранних браках супружеские отношения обычно откладывались до достижения зрелости мальчиком и девочкой. В таких случаях старшие женщины семьи строго следили за соблюдением порядка: девочку-жену укладывали спать со свекровью или младшими сестрами ее мужа, а иногда девочка жила до законного возраста у своих родителей.

Порядок сватовства и связанные с ним обычаи отличались значительным образом по отдельным районам и кишлакам.

Институт сватовства у таджиков носит название *гапзани* (переговоры, сговор), или *асаколи* (белобородый), поскольку сватать обычно ходили почтенные старцы. При выборе невесты родители жениха совместно с родственниками тщательно взвешивали положительные и отрицательные стороны брака и оценивали девушку с точки зрения ее красоты, зажиточности и влияния ее семьи, умеет ли она хорошо работать, и хорошая ли она хозяйка. Раньше у таджиков считалось, что пока девушка не научится готовить 33 разновидности различных блюд, ее нельзя выдавать замуж.

После того как вопрос о выборе невесты был решен, засылались сваты. Для сватовства обычно выбирали дни недели, по поверью благоприятные для начала любого важного дела — четверг, суббота или воскресенье.

### ТАДЖИКСКАЯ СВАДЬБА.

#### ПЕРЕЕЗД НЕВЕСТЫ ИЗ РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА К ЖЕНИХУ

Сваты несли с собой небольшие угощения — сдобные лепешки (*кулча*), ягоды шелковицы (*тут*) или муку из этих ягод. В качестве угощения гостям приносили кушанье, которое ели из одного блюда.

Следующим этапом бракосочетания являлась *туи фатиха* (помолвка), что означает «праздник молитвы». Ко дню помолвки отец и родственники жениха заготавливали подарки. Эти подарки носят название *сарупо* (одежда с головы до ног; полный костюм).

В дом невесты отец жениха посылал муку, масло, тушу барана. Во время *туи фатиха*, во время угощения гостей, присутствующим объявляли о помолвке дочери хозяина с юношей; в конце угощения происходил обряд официального сватовства — разламывание лепешки и раздача всем присутствующим, а также разрезание 3–10-метровой белой ткани на небольшие кусочки (по 0,5 м) и раздача их всем присутствующим, что служило уведомлением, что девушка засватана.

В прежнее время, особенно в горном Таджикистане, где существовал обычай уплаты *калыма* за девушку, во время помолвки (а иногда еще раньше, при сватовстве и сговоре) договаривались о величине *калыма*, его составе и сроках уплаты. *Калым* означал определенное количество продуктов, состоявшее из мяса, топленого масла и зерна, которые полностью шли на свадебное угощение в день свадьбы в доме родителей невесты.

День свадьбы назначался по согласованию между обеими сторонами. Прежде, когда широко распространены были различные суеверия, старались определить «счастливые» день и час, для чего советовались со стариками и «образованными» людьми, которые «умели» определять наиболее благоприятное время для совершения тех или других церемоний.



Комната невесты, XIX в.  
(фото из музея этнографии)

Накануне свадьбы обычно устраивалось веселье как в доме жениха, так и в доме невесты; у жениха собирались его товарищи, а у невесты — ее подруги. В день свадьбы молодые люди надевали праздничные платья, жениху брили голову, невесте убирали волосы; в это время пели специальные песни. Цирюльник требовал с жениха за свой труд плату, обматывая его шею платком и грозя не отпустить его.

Жених, направляясь в дом невесты в сопровождении своих товарищей, встречал различные препятствия: ему преграждали путь ребята, требуя какое-либо вознаграждение при приближении к дому; если он ехал верхом, кто-либо из родных невесты хватал за узду лошадь и требовал выкупа; иногда у порога дома ложилась старуха и освобождала путь только за выкуп; жениха осыпали орехами, изюмом, сушеным тутом; в северных районах, где жених приходил поздно вечером, он старался пробраться к дому невесты незаметно, окруженный товарищами и с накинутым на голову халатом.

Прежде по прибытии жениха в доме совершалась церемония бракосочетания (*никох*). Мулла спрашивал согласия жениха на брак, от имени невесты выступали уполномоченные ею доверенные лица, которые должны были дать перед муллой согласие от ее имени. После произнесения брачной молитвы мулла отпивал немного воды из стоящей перед ним чашки, затем чашку передавали поочередно молодым, и они также отпивали немного воды.

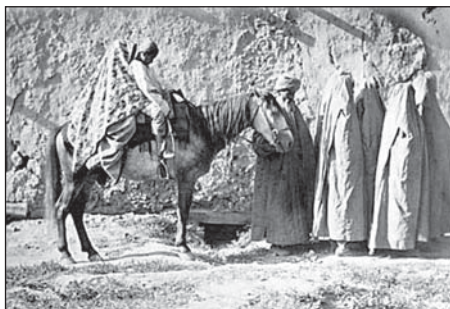
После бракосочетания молодого ненадолго приводили к жене, их ставили или сажали рядом, при этом совершались также различные церемонии: молодые должны были поесть вместе что-либо сладкое, они одновременно смотрелись в зеркало, их окуривали дымом зажженной

травы *хазориспанд* (рута), имеющей значение оберега. Существовало поверье, что кто из молодых при усаживании сядет последним, тот и будет главенствовать в доме; выполнялись и другие церемонии, связанные с поверьями: например, из-под ног жениха рвали постеленный кусок ткани *пойандоз*, лоскутки которой будто бы принесут счастье их обладателю; то же делали и с тканью, которую стелили в доме молодого при приезде новобрачной.

Вскоре после обряда бракосочетания молодой отправлялся к себе домой, а вслед за ним везли и новобрачную. Ее приезд в дом мужа также обставляли различными церемониями, в частности и ей чинили различные препятствия для входа в дом, и она должна была откупаться. Перед новобрачной в дом мужа везли свадебную занавеску — *чодар*, за которой она сидела во время бракосочетания, и за которой новобрачные находились некоторое время в доме мужа.

В символических обычаях, стимулирующих деторождение, главную роль играл ребенок. А в свадебных обрядах на колени невесты сажали 1–2-годовалого мальчика с тем, чтобы она рожала детей. Привлечение детей к такому общественному событию было связано также с представлением народа о чистоте, невинности, безгрешности ребенка (*гудаки бегунох*), присутствие которого должно было предохранить новобрачных от всякого рода злых сил и символизировало обильное потомство в молодой семье.

Обычно молодые оставались вместе в течение нескольких дней, и в этот период совершались различные церемонии: *рубинон* — смотрение лица новобрачной, *сари сурфа*, или *ордбезон* — приобщение молодой к хозяйству; ее приходили поздравить родные мужа и делали ей



Обряды за свадебным занавесом — *чодар*. Фото А.Л. Куна из «Туркестанского альбома», 1865–1872 гг.

подарки, ей давали замесить тесто для лепешек, наливая в муку растительное масло и др.

В северных районах совершалась особая церемония — *домодбаророн* — выход зятя: молодой после трехдневного пребывания с женой впервые показывался своим друзьям и выходил на улицу, по случаю чего устраивалось угощение.

Заключительной брачной церемонией является *домодталбон* — приглашение зятя с новобрачной в дом ее родителей. С этого посещения и обряды сокращаются, выполняются чисто формально или же вовсе пропускаются, многие из них принимают шуточный характер, присутствующие над выполнением их смеются, а молодежь, хорошо понимающая всю их нелепость, особенно в тех случаях, когда жених или невеста попадают в смешное положение, просто их стыдит. Такие церемонии, как *туи фатиха*, *домодбаророн*, *домодталбон*, о которых упоминалось выше, все чаще начинают носить характер приема гостей с соответствующим угощением и подарками.

Организация пышных и многолюдных свадеб требует значительных расходов, и потому многие предпочитают за счет сокращения свадебных расходов лучше устроить хозяйство молодых. Нередко еще родители, особенно матери, стремятся сделать своей дочери «настоящую» свадьбу, причем важнейшей церемонией считают заключение мусульманского брачного договора. Заключению брачного договора теперь предшествует, как правило, запись молодых в загсе: следует отметить, что даже среди наиболее отсталых людей и в самых консервативных семьях регистрации в загсе, как акту, который узаконивает само государство, придают очень большое значение.

Статус женщины в семье как в прошлом, так и в настоящее время определяется, прежде всего, возможностью воспроизведения потомства. Бездетность, как уже отмечалось, считалась величайшим несчастьем для семьи, от нее старались избавиться всеми доступными средствами. По народным представлениям, причинами отсутствия детей были привязанные к женщине заговорными молитвами *баст*, влияние болезней сорокадневного периода *чилла*, прилипание ребенка в утробе и др.

Бездетные женщины прибегали к различным обрядам. Обращались к представителям мусульманского духовенства — *мулле*, который славился силой заклинаний и наговоров: бездетная женщина получала

от него кусочки бумаги с написанными на них молитвами из Корана. Существовали различные способы применения таких бумажек: одни зашивали в тряпочку и вешали на шнурке на шею; другие клали в глиняную посуду с горячими углями, которую женщина ставила между ног и держала до тех пор, пока не стгорала бумажка; третьи же клали в миску с холодной водой, смывали с нее чернила, и женщина пила эту воду. Все эти средства были призваны устранить внутренние болезни женщины и подарить ей надежду иметь ребенка. Если эти средства не помогали, женщину вели к *мазару* — священному месту древних доисламских культов. Хранитель мазара читал отрывок из Корана, брал женщину за руку и трижды обводил вокруг мазара. Потом предлагал взять горсть земли возле мазара и посмотреть, есть ли в ней какое-либо живое существо. Если во взятой земле оказывался червяк или какое-нибудь насекомое, то женщина могла надеяться, что у нее будет ребенок, если же в земле ничего не оказывалось, то она теряла надежду стать матерью.

Бесплодные женщины часто совершали паломничество к святым местам, молились, привязывали к стоящим там деревьям или шестам платки, лоскуты ткани или шерсть домашних животных, чтобы получить благодатную помощь святых. Порядок поклонения святыням был установлен еще в средние века. Среди святых захоронений первое место по своей популярности в Бухарском оазисе занимал мазар основателя суфийского ордена ислама Ходжа Баховаддин Накшбанди (умер в 1388 г.), и ныне считающийся святыней города Бухары.

Самым главным в семейном цикле является рождение ребенка, поэтому беременность женщины воспринималась как великая радость. Женщина получала подарки от мужа и родственников. Ее прихоти в еде старались удовлетворять, так как все опасались рождения ребенка с «голубыми глазами». По народным поверьям, беременной нельзя было смотреть на несимпатичных людей, слушать брань, так как якобы ребенок будет некрасивым и невоспитанным. Чтобы малыш родился красивым, старались накормить беременную пищей из мяса куропатки, а чтобы родился мальчик — готовилась пища из рыбы.



*Пастушьи летовка*



В семье по мере возможности старались удовлетворять желания беременной женщины, которая в основном требовала острую и соленую пищу, питательные продукты, фрукты. Физиологически это явление имело рациональный смысл: известно, что в период беременности у женщин наблюдается повышенная потребность в пище, но для здоровья будущего ребенка соблюдался ряд запретов на ее употребление. Например, бытовал обычай, запрещающий мужу или жене в раздельности есть конину, поскольку беременная могла бы вынашивать ребенка до 1 года. Если же ей очень хотелось испробовать это мясо, то они с мужем должны были есть конину одновременно. Беременной запрещалось есть много острого и сладкого, косточковых (орехов и семечек), якобы голова у ребенка будет большой, на теле может появиться сыпь и т.д.: другими словами, запреты преследовали одну единственную цель — рождение здорового ребенка.

Для обеспечения нормального развития внутриутробного ребенка в прошлом существовал ряд запретов, правил и норм этики. Нежелательным было участие беременной в больших торжествах кишлака, в похоронных обрядах. Посещать старые мечети или даже проходить мимо мазаров и священных мест, наступать на золу, место помойки, место убоя скота, старый очаг считалось вредным для беременной женщины. Эти запреты, безусловно, обеспечивали беременной женщине психологическое спокойствие, чистоту и нормальное развитие плода.

Считалось, что злые духи могут навредить беременной женщине. Поэтому она не выходила из дома в темное время суток и носила амулеты, защищавшие от злых сил. Особенно женщину оберегали в последний месяц беременности, опасаясь рождения мертвого ребенка или смерти самой женщины.

До Октябрьской революции 1917 г. вследствие нищеты широких народных масс, неграмотности и бескультурья, отсутствия среди населения элементарных навыков санитарии и гигиены процент детской смертности был чрезвычайно велик; особенно много умирало детей в раннем возрасте. Неудивительно, что население склонно было видеть во всех опасностях, которым подвергались новорожденный и роженица, действие различных сверхъестественных сил, злых духов, спешивших воспользоваться слабостью и беспомощностью матери и ребенка.

На Востоке считается, что ребенок рождается, когда ему придет время: общепринято считать, что данный срок наступает через 9 меся-

цев, 9 дней, 9 секунд. Во время родов из дома уводили мужчин, детей и девушек. Важно отметить, что женщина никогда не рожала в доме, в котором умирали дети. При первых же схватках к женщине приглашали повитуху. Повитуха совершала ритуальное омовение, читала молитву из Корана, ударяла друг об друга два куска глины (*кулух*) и трижды прихлопывала роженицу по спине, произнося при этом: «*Кушоиши кор*» (открытие дела). Повитуха окуривала комнату дымом сожженной травы-руты (*хазориспанда*) с целью удаления злых духов. Если роды затягивались или шли с осложнением, применяли *оби дам* — воду, над которой специально читал мулла; иногда мужчиной рода с крыши дома делался выстрел из охотничьего ружья, чтобы женщина, испугавшись, быстрее разродилась. Для облегчения родов предпринимали ряд мер, основанных на имитативной магии: расстегивали пуговицы, снимали платок, кольцо, серьги, украшения, расплетали волосы роженице, развязывали все узлы. Принимали ряд механических мер для облегчения родов — перекатывание на ватном одеяле.

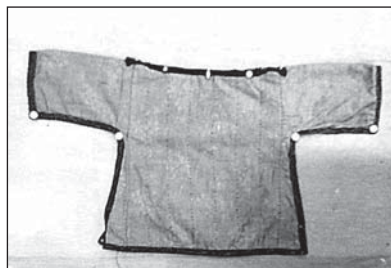
В процессе родов и послеродового периода роженица и новорожденный пользовались особым вниманием и уходом повитухи (*доя*), которая принимала роды и перерезала пуповину младенцу. Обычно пуповину отрезали специальным ножом или камышом.

После окончания родов отцу сообщали радостную весть, поздравляли с рождением сына (*мубораки шикораки*) или дочери (*мубораки ришчуяк*). Рождение сына сопровождалось бóльшей радостью. Устраивали угощения и стрельбу из ружей.

Первое торжественное купание новорожденного и его матери в ряде населенных пунктов проводилось только после отпадания пуповины — через 3–5 дней после рождения.

До тех пор, пока не отпадет пуповина, новорожденного обычно не одевали, а заворачивали в мягкую ткань: ею могли быть платье или платок матери, рубашка отца и даже бабки или деда. Стремление завернуть ребенка в одежду пожилых родственников и тем самым «передать ему долг», дабы жизнь ребенка была долгой и плодотворной. Детская одежда, особенно в первые сорок дней после рождения ребенка (*чилла*), как в южных, так и в северных районах Таджикистана, помимо своего непосредственного назначения, выполняла роль оберега. Это обстоятельство учитывалось как при выборе материала, из которого она шилась (одежда пожилых родственников), и техники шитья (швы делали на-

ружу — от сглаза), так и при выборе украшений (различные амулеты). Изготовление одежды сопровождалось определенными обрядами. Надевала на ребенка первую рубашку (*куртаи чиллагги*) или платье сорокадненья (*куртаи сагак*) — «собачью рубашку» — многодетная пожилая женщина — представительница счастливой обеспеченной семьи, которая после традиционной мусульманской молитвы желала ему здоровья и долгих лет жизни. Название «собачья рубашка» произошло от обряда: перед надеванием рубашки сорокадненья на ребенка ее символически бросали на голову собаки-самки как условие плодовитости ребенка в будущем, чтобы ребенок, подобно ей, быстро рос и был выносливым.



Рубашка сорокадненья, XIX в.  
(фото из архива неизвестного автора)

Самой ответственной и важной задачей по охране здоровья ребенка и молодой матери в период сорокадненья было и остается по сей день рациональное вскармливание ребенка, т.е. грудное вскармливание.

Самым лучшим и полезным молоком считалось молозиво. Сразу же после родов грудь матери омывалась теплой водой, сцеженным молоком обмазывался сосок, и ребенок тут же прикладывался к груди. Кормился ребенок по требованию; девочек было принято кормить 2 года, а мальчики вскармливались грудным молоком до 3 лет (мальчики дольше, потому что оставались жить с родителями).

В период сорокадненья лицо ребенка смазывали (умывали) материнским молоком, для того чтобы оно в будущем было красивым (*ширинруй*).

Грудное вскармливание — утвержденное право для грудного ребенка в шариате (исламские законы, охватывающие все стороны жизни мусульманина). Лучше всего, если ребенка кормит только его мать, поскольку это полезней, и для нее становится обязательным кормить ребенка, если он не берет грудь другой женщины. Мусульмане говорят: «Мать должна кормить своего ребенка грудью, даже если она дочь султана». Женщине предписывается кормить своего ребенка грудью минимум до 2 лет.

Знаменитый философ и врач Ибн Сина (Авиценна) писал: «Относительно обстоятельств кормления грудью и иного питания нужно

сказать следующее: по мере возможности надлежит кормить молоком матери, потому что оно как пища более похоже на вещество той пищи, которую ребенок получал, будучи еще в чреве матери. Именно эта жидкость превращается в молоко, и поэтому ребенок легче воспринимает ее и быстрее привыкает к ней. Практикой установлено, что при сосании соска матери ребенок получает очень большую пользу для предотвращения различных страданий. Естественный период кормления — два года».

У таджиков и по настоящее время материнское молоко считается священным. Например, одной из самых крепких клятв является клятва на материнском молоке, а самое страшное проклятие матери: «*Широи додагиямро пихил намекунам*» (Не прощаю данное мною молоко), т.е. грудное молоко — это символическая власть матери над ребенком, беспрекословное послушание, дань уважения за данное в детстве грудное молоко, высокое почитание, забота и внимание к ней на протяжении всей жизни.

Будучи уже достаточно взрослыми, сыновья или дочери, начиная какое-либо дело или уезжая из дома в долгую поездку, обязательно спрашивают разрешение и благословение матери.

Согласно древним обычаям, в некоторых районах Таджикистана и сегодня жених должен оплачивать матери своей невесты специальный выкуп — плата за материнское молоко. Только после этого молодые получают родительское благословение.

У таджиков традиционно запрещалось брать в жены кормилиц и молочных сестер, однако эти традиции в основном исходили из этических соображений. Таджики верят, что ребенок, вскормленный грудью кормилицы, получает из ее организма ту же информацию, что и молочный брат или сестра. Весь внутренний мир ребенка формируется согласно информации, полученной из молока кормилицы. Таким образом, это дитя и дети кормилицы фактически являются родными. А родственные браки, как известно, приводят к ослаблению рода и болезням.

Немаловажным было сохранение грудного молока у матери, поэтому пожилые женщины рода строго следили и заставляли молодых матерей использовать традиционную пищу. После рождения ребенка роженице не позволяли есть «холодящую пищу» (пить сырую воду, кислое молоко или еду, заправленную кислым молоком, пахтанье). Чтобы

грудное молоко было полезным, еще задолго до рождения ребенка запасали до 3 литров льняного масла (*равгани зигер*) и на нем каждый день сорокадневья готовили пищу для роженицы — мучной кисель на молоке, разведенном водой (*оталаи ордбирен*), жареные яйца, молочную рисовую кашу, супы с бараньим мясом, плов, т.е. готовилась высококалорийная — «горячительная» — пища.

Отличительной чертой среднеазиатской детской обрядности являлось соблюдение сорокадневного переходного периода (*чилла*), когда мать и ребенок изолировались от внешнего мира. В это время предпринимались различные бдения: в комнате ночью не гасили свет, в «опасные» дни люди сидели около младенца круглые сутки и т.д. Наиболее опасными считались 5–7-й день его жизни. Тогда же мог иметь место обряд имянаречения, осуществлявшийся муллой или родственником. Имя произносилось обязательно шепотом на ухо ребенку — сначала ложное, а затем настоящее с целью обмана злых духов. У изголовья роженицы клали острые предметы, над постелью в качестве оберега вешали стручки красного перца, головки лука и чеснока, обязательно хлеб — как основной оберег.

В период *чилла* выделялись особые дни: третий, пятый, седьмой, двенадцатый и сороковой, к которым приурочивались обряды, связанные с различными событиями в жизни новорожденного. Повсеместно среди таджиков наблюдался обычай «выкупа ребенка». Женщина, если у нее до этого умирали дети, отдавала новорожденного повитухе на весь период *чилла*, кормила его в доме последней и оставалась там ночевать. По окончании *чилла* мать купала ребенка, отдавая взамен одежду или козу. Обычай этот преследовал цель обмануть злых духов, уверив их, что ребенок не принадлежит матери.

Купали детей редко. В период *чилла* — через 4–7 дней, а затем только когда ребенок становился грязным. Купать детей часто не рекомендовалось, так как, по поверьям, это обессиливало ребенка, задерживало его рост, но, что самое главное, чисто вымытый ребенок привлекал взоры злых духов.

Одним из крупных событий в период сорокадневья было «укладыва-



Торжество, посвященное обряду «гахворабандон»

ние в колыбель» (*гахворабандон*) — ритуальное празднество, связанное с первым укладыванием младенца в колыбель.

Это один из самых древних и распространенных в Таджикистане обрядов. В различных областях ритуал имеет свои особенности и зависит от степени достатка в семье: богатые семьи обычно отмечают это событие широко, а семьи с малым достатком проводят его скромно.

### ДЕТСКАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Колыбели делались специальными мастерами и в семье переходили от старшего ребенка к младшему.

В деревянную колыбель укладывался матрасик, набитый мелкоизмельченной свежей высушенной соломой из стеблей пшеницы, в специально сделанное отверстие на дне колыбели вставлялся сосуд, напоминающий горшочек, сделанный из гончарной глины, куда посредством специальных приспособлений (отличными для мальчиков и девочек) стекали моча и каловые массы ребенка. Под ягодницы младенца укладывалась подушечка, заполненная пшеном, позволяющая принимать удобное положение и предупреждать развитие пролежней у ребенка, т.е. колыбель младенца с давних времен была многофункциональной.

Колыбель и необходимые для младенца принадлежности представлялись родственниками матери младенца. В *дастархан* (скатерть) заворачивались лепешки, сладости и игрушки. Родителям младенца, его дедушкам и бабушкам готовились подарки. Богато убранная *гавора*, *дастарханы*, подарки грузились в транспортное средство и вместе с гостями отправлялись в дом родителей. В прошлом, чтобы все помыслы гостей были чистыми и хорошими, лица обмазывали белой мукой.

Гости приглашались в гостиную, к богато убранному *дастархану* (столу), и пока гости угощались, слушали музыкантов и веселились, в соседней комнате в присутствии старых женщин проводилась церемония пеленания ребенка и укладывания его в *гавору*. Читали соответствующие случаю молитвы и произносили пожелания ребенку. К верхней перекладине колыбели подвешивали колокольчики, различные амулеты (нитки с голубыми и деревянными бусами, различные амулеты — *туморы*). В изголовье клали Коран, хлеб — как сильный оберег, иногда нож, как бы отгоняя злые силы. Ребенка перед укладыванием в колыбель омывали.

Впервые в колыбель ребенка клала почтенная женщина, имеющая много детей; укладывание в колыбель также обставлялось различными обрядами: взяв ребенка на руки, она 3–4 раза укладывала ребенка в колыбель неправильно, спрашивая окружающих, так это или не так? И делала до тех пор, пока не уложит правильно, символично, как бы обманывая злых духов. В колыбель клали предметы, имеющие магическое значение, ребенка окуривали *испандом* (лекарственное растение), мазали ему виски и лоб сажей от котла, на перекладине колыбели разбивали несколько грецких орехов, якобы для того, чтобы ребенок не боялся шума, и т.п. В конце церемонии гости заходили к младенцу, чтобы взглянуть на него, преподносили ему подарки, сыпали на колыбель сладости и расходились.

Каждый раз, вынимая дитя из колыбели, согласно обряду, мать ребенка обязана была прикоснуться своей ладонью поочередно — вначале к месту нахождения ребенка в люльке, а затем к спинке ребенка — 3 раза, при этом приговаривая, чтобы «колыбель вернула силы ребенку».

Ребенок оставался в колыбели до 1–2 лет. В некоторых районах Памира (Рушан) *гавора* по своему размеру почти в 2 раза превышала размер колыбелей, создаваемых на равнинах. Учитывая горные суровые, холодные зимы, дети в них спали в тепле до 5–6-летнего возраста.

Период сорокадневья считался очень опасным для жизни матери и ребенка и по его удачном завершении выполнялся обряд *чиллагурезон* — завершение сорокадневья, когда мать с младенцем выходили первый раз из дома и навещали кого-нибудь из родственников, где устраивалось угощение, дарились подарки.

Существовали обряды *дандонмушак* (к прорезыванию первого зуба): устраивались угощения, готовилась специальная пища, которая якобы символично облегчала процесс прорезывания зубов.

Значительным торжеством сопровождалась первая стрижка волос (*муйсаргирон*): также приготавливалась угощение, созывались родственники и знакомые. Впервые мальчиков и девочек стригли по достижении ими 1 года. Если стрижка волос у девочки происходила относительно скромно,



Семейное торжество, посвященное обряду «муйсаргирон»

то стрижка волос у мальчика (особенно в южных районах) сопровождалась небольшим празднеством.

Для стрижки мальчика приглашался мулла или почтенный старик. Он и начинал стричь волосы, заканчивала же стрижку обычно мать ребенка. Девочкам стричь волосы иногда также начинал мулла, но чаще это делала многодетная почтенная пожилая женщина. Чтобы у матери были еще дети, волосы с головы ребенка состригали не все. Волосы не состригали полностью и тогда, когда в семье умирали дети. В таких случаях при стрижке оставляли косичку на макушке.

Ногти ребенку первый раз срезали в 2–3 года. Мальчику ногти обрезали над книгой, чтобы он стал ученым, а девочке руки вымазывали в тесте или муке, чтобы из нее вышла хорошаястряпуха. Ни ногти, ни волосы, ни выпавшие зубы детей не выбрасывали, а тщательно закапывали в землю или прятали в щели, в стене. Этот обычай связан с широко распространенным у таджиков поверьем, что ногти, зубы и волосы человека, если попадут в руки «недоброжелателя», могут послужить средством порчи и сглаза их владельца.

В возрасте пяти-шести лет дети были уже почти целиком предоставлены самим себе. При характерной для таджикских семей многодетности к тому времени, когда ребенок несколько подрастал, имелся уже очередной грудной ребенок, и мать всецело была поглощена заботами о нем. Дети пяти-шести лет обычно уже становились помощниками в хозяйстве, выполняя посильные работы.

В прошлые времена по обычному праву дети принадлежали отцу, а не матери. В случае развода и ухода жены из дома она обычно уносила с собой только детей грудного возраста, остальные дети должны были остаться при отце; унесенные матерью дети, повзрослев, также должны были вернуться к отцу. Даже в случае смерти отца и ухода матери из дома, она могла забрать с собой детей только с согласия родных мужа.



*Молодая женщина с детьми, проживающая в Каратегине, 1950 г. (фото из архива)*



В целом, обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка и первыми годами его жизни, у таджиков во многом сходны с обрядами других народов Средней Азии. Особенно много общего прослеживается в верованиях и представлениях, уходящих своим происхождением в глубокую доисламскую старину. Однако отмечаются и черты, характерные только для таджиков, представленные в обычаях, обрядах, традициях народа: этикет приема гостей — гостеприимство таджикской семьи, которое дети видят и впитывают с молоком матери, с рождения и на протяжении всей жизни; уважение и почитание старших; особо уважительное отношение к мужу; большая любовь к детям; родственная взаимопомощь членов одного рода; приучение к ведению хозяйства девочек.

### ЛИТЕРАТУРА

---

1. Троицкая А.Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зерафшана. *Сов. этнография*. 1935;6:135.
2. Шовалиева М.С. О некоторых обычаях и поверьях, связанных с рождением ребенка в долине Зерафшана. *Известия АН РТ: Отд-е обществ. наук*. 2005;3:69–77.
3. Сухарева О.А. Мать и ребенок у таджиков. В кн.: Иран, III. Л.: *Изд-во АН СССР*, 1929. С. 107–154.
4. Широкова З.А. Материальная культура таджиков верховьев Зерафшана. *Душанбе*, 1973.
5. Шовалиева М.С. История кулинарной культуры Таджикского народа. *Душанбе: До-ниш*. 2015. 171 с.
6. Живописная Россия. Отечество наше / Под ред. П.П. Семенова. Т. 10. Русская Средняя Азия. *СПб.: Изд-во М.О. Вольф*. 1885. С. 74–86.

# Вскармливание детей в Узбекистане: история и обычаи

**А.Т. Камилова**

Республиканский специализированный научно-практический медицинский центр педиатрии МЗ РУ, Ташкент, Республика Узбекистан

\* \* \*

## ЭТНОГЕНЕЗ УЗБЕКОВ

Народы, проживающие на территории Мавераннахра (Междуречье Амударьи и Сырдарьи), стали объединяться под этнонимом «узбек» с X по XIV в. Это привело к смешению древнеиранского населения с древнетюркскими племенами, которые завоевывали регион в период между XI и XIII вв. Первые — это оседлые популяции (согдийцы, хорезмийцы, бактрийцы, ферганцы), говорившие на северо-восточных иранских языках, а вторые (кочевники) включали в себя кипчаков, огузов, карлуков и самаркандских тюрок. Третий элемент был добавлен вторжением тюркских кочевых племен под предводительством Мухаммада Шейбани Хана в начале XVI в.: на этом процесс формирования узбекского народа можно считать завершённым. Именно в XIV в. появляются такие выдающиеся узбекские поэты, как Хафиз Хорезми и Лутфи. Поэт Алишер Навои в своих произведениях, написанных в XV в., упоминал об этнониме «узбек» как названии одной из этнических групп Мавераннахра.

Процесс формирования современного узбекского народа протекал в земледельческих областях Ферганы, Заравшанской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской долин, а также Хорезмского и Ташкентского оазисов. В результате длительного процесса этнического сближения и культурно-хозяйственных взаимосвязей населения степей и земледельческих оазисов здесь и сформировалась современная узбекская народность, впитавшая элементы этих двух миров.

По данным Е.К. Мейендорфа, в 1820 г. в Бухарском эмирате из 2,5-миллионного населения страны 1,5 миллиона составляли узбеки. Согласно первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., численность носителей узбекского наречия по всей империи (без учета Бухарского эмирата и Хивинского ханства, которые в империю не входили и на территории которых перепись не проводилась) составляла 726 534 человека; кроме того, были зафиксированы 968 655 человек как носители сартского (оседлые узбеки) наречия.

## НАСЛЕДИЕ АВИЦЕННЫ

*Лучше ошибаться, поддерживая Галена и Авиценну,  
чем быть правым, поддерживая других*

Микеланджело (1475–1564)

Средняя Азия на рубеже X–XI вв. была одним из древнейших очагов культуры. В это время центрами культуры здесь были Самарканд, Бухара, Гургендж. Одним из представителей ученых и поэтов того времени является прославленный среднеазиатский ученый, врач, энциклопедист Абу Али Ибн Сино (Авиценна), родившийся в местечке Афсона под Бухарой (980–1037). Его труды не потеряли своей значимости до настоящего времени. В первом параграфе третьей части первого тома Канона врачебной науки, который называется «О режиме ребенка с момента рождения до того как он встанет на ноги», даны основные сведения по уходу и кормлению ребенка, во втором параграфе «О режиме кормления грудью и отнятия от груди» более подробно изложены рекомендации по кормлению ребенка.

Авиценна писал, что по мере возможности ребенка «надлежит кормить молоком матери, потому что оно как пища более похоже на вещество той пищи, которую ребенок получал во чреве матери». Кормление грудью за-



Ибн Сина (Авиценна)

щищает ребенка от многих заболеваний. Полезным для младенцев считается легкое поколачивание и убаюкивание ребенка песней. Лучший возраст для кормилицы Авиценна считал 25–35 лет: именно этот возраст является возрастом здоровья и совершенства. У кормилицы должен быть хороший и добрый характер. Качество молока испытывается капанием его на ноготь: если оно растекается, то оно жидкое, если нет — то густое. В книге также даны рекомендации по питанию кормящих женщин. При жидковатом молоке рекомендуются покой, продолжительный сон и употребление сладкого вина или виноградной патоки. При густом молоке следует употреблять разжижающие средства — мяту, тимьян, цитрон. При гипогалактии — ячменный отвар, шпинат, семена моркови, говяжье сало с чистым вином, семена фенхеля, укроп, мяту.

Кормилице запрещалось иметь половые сношения, поскольку это приводит ухудшению качества молока; кроме того, она может забеременеть, что будет очень вредно для обоих детей.

Абу Али ибн Сина писал о том, что полезно давать ребенку перед кормлением ложку меда, не нужно кормить его слишком много, а лучше понемногу и многократно. Если у ребенка вздутие живота (признаком вздутия считалась светлая моча), следовало заставить его изрядно поголодать. Если ребенок спит после кормления, то его не следует сильно качать, а вот небольшой плач перед кормлением был даже полезен. Авиценна определил естественный период кормления — 2 года. Когда у ребенка появляются передние зубы, нужно постепенно переходить к более плотной пище. Следовало начинать с хлеба, разжеванного кормилицей, затем давать хлеб с водой и медом, или вином, или молоком. Пищу необходимо вводить постепенно и не принуждать ребенка.

Отнятие от груди нужно проводить поэтапно. При этом ребенка занимают желудями, приготовленными из хлеба и сахара. При отнятии от груди ребенка следовало кормить похлебкой и легкоусвояемым мясом. При болях в деснах во время прорезывания зубов рекомендовались солодовый корень, протирание десен солью и медом, смазывание шеи сладким оливковым маслом.

Об уровне медицинских знаний на территории между Каспийским и Аральским морями после Авиценны позволяют судить книга «Кабуснамэ», написанная в 1083 г. Кей-Кавусом, а также труды Исмаил Джурджани (1100 г.) (данные рукописного Фонда Института Востоковедения АН Республики Узбекистан, инв. № 2111). Джурджани писал, что после

рождения ребенка надо отрезать пуповину на 4 пальца выше пупка и завязать ее шерстяной ниткой, наблюдая за тем, чтобы соленая вода не попала в глаза, нос и уши. После купания ополоснуть ребенка чистой водой. Спать ребенок должен в затемненном месте, купать ребенка надо ежедневно. Если у матери после родов не было осложнений, то молоко у нее хорошее. Перед каждым кормлением нужно массировать грудь, сцедить немного молока и затем кормить ребенка. Неплохо в течение первой недели кормить ребенка у кормилицы, а матери дать отдохнуть, но при этом ей надо сцеживать молоко. Выбирать кормилицу следует в возрасте 25–35 лет, здоровую, с хорошим цветом лица, большой грудью, родившую мальчика более 40 дней назад, и чтобы ранее у нее не было выкидышей. Кормилица ежедневно должна мыться в теплой чистой воде, после чего умеренно массировать тело. Пища ее должна быть питательной. Рекомендуется каждое утро пить смесь из уксуса и меда, или напиток из мяты и базилика (*райхон*). Если нет необходимости, нельзя отнимать ребенка от груди в летнее время. Если все же придется отнимать, то нужно ежедневно поить его огуречным или кабачковым соком.

Следует отметить, что и в настоящее время в Узбекистане не рекомендуется отнимать ребенка от груди в летнее время с целью профилактики диарейных заболеваний.

В XIII в. Аль-Чагмини опубликовал свой труд «Маленький Канон», краткий вариант Канона медицины Авиценны, в котором обобщил свой опыт и подобрал самое лучшее из разных медицинских книг. Книга была переведена на много языков, в том числе и *урду*, неоднократно издавалась на Востоке и на Западе, последний раз — в Казани (в 1872 г.).

### ОТНОШЕНИЕ К ВСКАРМЛИВАНИЮ ДЕТЕЙ В ИСЛАМЕ

У многих мусульманских народов материнское молоко считается священным. Существует специальный выкуп — *сут пули* — плата за материнское молоко. Только после этого молодые получают родительское благословение.

В Исламе особо рассматривался вопрос о здоровом поколении, поэтому пропагандировались следующие ценности:

1. Уважительное и берегающее отношение к собственному здоровью. Только здоровый человек способен оставить после себя здоровое поколение. Неуважительное отношение к здоровью расценивалось

как стремление устранить от себя ответственность за последующее поколение.

2. Священное отношение к материнству, к матери и к материнскому молоку. Считалось, что создатель одаривает женщину священным обязательством быть матерью и рождением детей. Поэтому необходимо воспитывать по отношению к матери почтительность и уважение.
3. Семья создавалась для рождения детей. Бездетная семья рассматривалась как лишенная своей священности, а лишить детей семью мог только бог. Поэтому рождение было священным, и человек был обязан воспитать свое дитя в любви, так как дитя от бога; особо отмечалось в воспитании здоровье: утверждается, что для грудного ребенка лучшим является молоко матери.

Положение Шариата о няне исходит из общечеловеческих представлений. В частности, он советует нанимать няню с хорошим характером, с добрым и обаятельным лицом и трезвым умом. Но Шариат порицает наем в няни женщины незаконнорожденной или имеющей незаконнорожденного ребенка. Рождение же ребенка от неизвестного отца самым жестоким образом осуждается моральным кодексом Ислама, хотя мусульманское право и не требует наказания такой женщины.

Шариат требует, чтобы по возможности новорожденного кормили грудным молоком в течение полных двух лет. В этом деле Шариат подтверждает древние поговорки арабов, тюркских, персидских и других народов о том, что «вкуснее молока матери для грудного ребенка ничего нет». Современная медицина полностью подтверждает это правило: самой здоровой и полезной пищей для младенца является грудное молоко.

На фотографии представлена молодая женщина с ребенком: на ней уникальная коллекция серебра, состоящая из великолепных образцов



*Молодая узбекская женщина с ребенком (фото неизвестного автора)*

ювелирного искусства XIX в. работы бухарских, хорезмийских и сурхандарьинских мастеров-ювелиров.

## ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С МАТЕРИНСТВОМ И ДЕТСТВОМ

Обряды узбекского народа складывались веками в результате сложного процесса слияния культурных навыков и традиций всех племен и народностей, которые участвовали в формировании нации. Они весьма самобытны, ярки и многообразны, восходят к родоплеменным патриархальным отношениям. Особую роль играют обряды, связанные с рождением и воспитанием детей (*бешик-туйи*, *хатна-килиш*), бракосочетанием (*фатиха-туй* — свадьба). Часто они представляют собой переплетение исламской обрядности с более древними формами, связанными с магической практикой. С принятием ислама многие семейно-бытовые обычаи под его влиянием претерпели изменения, и в жизнь узбеков вошли мусульманские религиозные обряды.

### Бешик-туйи

*Бешик* — традиционная деревянная восточная колыбель, в которой проделано специальное отверстие, где устанавливается горшок, к которому от ребенка подводится специальная трубка. Это устройство заменяет младенцу туалет, в результате он остается сухим, а мать освобождена от необходимости менять пеленки. По мнению многих родителей, *бешик* является идеальной постелью для ребенка.



На этом портрете зафиксированы традиционное платье, драгоценности и прическа узбекской женщины, стоящей на богато украшенной ковре при входе в юрту — переносную палатку, используемую для жилья кочевыми народами Центральной Азии



Фото узбечки из Туркестанского альбома К.П. Кауфмана, 1872 г.

Ножки *бешика*, устроенные как у кресла-качалки, позволяют матери быстро успокоить ребенка. Упоминание о нем можно найти в наиболее раннем памятнике тюркской диалектологии — трактате «*Девону лугат-ит турк*» (Словарь тюркских наречий) среднеазиатского ученого-филолога XI в. Махмуда Кашгари. Отдельные ученые считают, что *бешик* был завезен захватчиками в покоренные ими страны, так как помогал привлекать к труду родителей, имевших грудных детей.

*Бешик-туйи* — ритуальное празднество, связанное с первым укладыванием младенца в колыбель. Это один из самых древних и распространенных в Узбекистане обрядов. Обычно такое мероприятие проводится на 7; 9 и 11-й дни со дня рождения младенца. В различных областях ритуал имеет свои особенности и зависит от степени достатка в семье.

*Бешик* (колыбель) и необходимые для младенца принадлежности предоставляются родственниками матери младенца. В *дастархан* (скатерть) заворачиваются лепешки, сладости и игрушки. Родителям младенца, его дедушкам и бабушкам со стороны отца ребенка готовятся подарки. Богато убранный *бешик*, *дастархан*, подарки грузятся в транспортное средство и вместе с гостями под звуки *сурнайя*, *карнайя* и бубна отправляются в дом родителей. В прошлом, чтобы все помыслы гостей были чистыми и хорошими, лица их обмазывали белой мукой. Гости приглашаются в гостиную, где проводится церемония пеленания ребенка и укладывания его в *бешик*.



*Невеста (слева, с короной), янга (справа, близкая родственница невесты, которая сопровождает ее в дом мужа и покидает ее после первой брачной ночи) (фото неизвестного автора, начало XX в.)*



*Жених с невестой в день свадьбы сидят за занавесом (чимилдик), в руках держат гранат — символ плодородия (фото неизвестного автора)*



В конце церемонии гости заходят к младенцу, чтобы взглянуть на него, преподносят ему подарки и осыпают бешик *парвардой* (сладкие карамельки из сахара) или сахаром. На этом церемония заканчивается, и гости расходятся по домам.

### ОПИСАНИЕ ОБЫЧАЕВ, СВЯЗАННЫХ С МАТЕРИНСТВОМ И ДЕТСТВОМ, СО СЛОВ ПОЖИЛЫХ МНОГОДЕТНЫХ ЖЕНЩИН

*Записано со слов Абдуразаковой Кумри, 1927 г.р.,  
матери 10 детей (г. Ташкент)*

В старину, чтобы женщина забеременела, ее обкуривали исириком, гранатовыми корками, опускали в очаг из глины после приготовления *сумальяка* (традиционное блюдо весеннего праздника Навруз из проросшей пшеницы, муки и масла: готовят на большом очаге, непрерывно помешивая, в течение 18–20 часов).

Перед родами женщину для облегчения процесса и улучшения положения плода катали на одеяле, опускали руки в муку (белое считается светлым помыслом). После родов послед зарывали в землю. Сразу после родов женщине давали *аталу* (обжаренную на бараньем жире пшеничную муку с молоком) для восполнения сил.

У узбеков также существует ряд традиционных обычаев отмечать рождение ребенка. Один из них, существующий с древних времен, называется *суюнчи*. Одна из женщин, принимавших роды, первой сообщала *суюнчи* — радостную весть о рождении ребенка отцу или другим членам семьи, за что ей полагалось сделать ценный подарок. Мать и ребенок в течение 40 дней были в *чилле*: это означало ограничительный режим по контакту с другими детьми. Нельзя было выходить во двор после сумерек, вещи матерей и детей заносились домой на ночь, чтобы злые духи не прилипали к ним. В дом не пускали чужих людей.

После отпадения пуповины малыша купали и пеленали в *бешик* (деревянная кроватка), обычно это делали пожилые женщины, бабушки с обеих сторон. Бешик покрывали скатертью (*дастарханом*) в надежде на сытую жизнь, гостеприимство. До 40 дней ребенку давали имя (*азон айтиши*): приходил мулла, читал молитву и три раза называл имя ребенка в его ухо.

С 3 месяцев ребенку 1–2 раза в день давали бараний курдючный жир, завернутый в марлю. Вводить прикорм начинали с появлением

первых зубов, чаще всего это был хлеб, замоченный в воде. Когда у ребенка появлялись первые зубы, соседских детей угощали жареной пшеницей, чтобы зубы были ровные и крепкие как пшеница. Как только ребенок начинал совершать первые шаги, то пеклись маленькие лепешки (*кулча*), которые катались между ножками, когда ребенок ходит, чтобы он передвигался ровно и прямо. Появление на свет нового человека — это всегда большое событие: в узбекских семьях, необыкновенно трепетно относящихся к детям, рождение ребенка сопровождается старинным красивым обрядом *бешик-туй* (деревянная колыбель) — первое возложение младенца в собственную кроватку.

Это событие обычно приурочивается к 7; 9; 11 или 40-му дню от рождения малыша. В назначенный день родственники матери новорожденного приносят колыбель (*бешик*) со всеми необходимыми принадлежностями, не забывают также традиционные лепешки, сладости и многочисленные игрушки для младенца. Все подношения заворачивают в праздничную скатерть (*дастархан*).

Под звуки традиционных народных инструментов (карнай, сурнай, барабан) начинается веселое празднование. Родственники со стороны матери приносят одежду для ребенка, коляску, игрушки, подарки для родителей ребенка. Гости веселятся и поздравляют друг друга за праздничным столом, а в отдельной комнате молодая мать в окружении тетушек совершает ритуал «первого пеленания» и возложения младенца в колыбель.

В завершении обряда многочисленные гости допускаются на неременные смотрины малыша. По традиции, они должны произнести свои благословения и осыпать колыбель *наватом* (виноградный сахар), *парвардой* (конфеты) или другими сладостями, чтобы жизнь у ребенка сложилась долгой, безбедной и счастливой.

*Записано со слов Арифходжаевой Рафики, 1942 г.р.,  
матери 6 детей*

Во время беременности женщине рекомендовался охранительный режим: нельзя было ходить в темноте, заниматься тяжелой работой. Беременным женщинам не следовало есть блюда из *маша* (бобовые, *маш* похож на зеленую чечевицу), чтобы у ребенка не было аллергии, а также персики, чтобы не было чрезмерного увеличения живота. Беременные женщины не ели мясо верблюда и конину: считалось, что это может

привести к тяжелым родам или перенашиванию плода. Беременные женщины не ходили на похороны.

Перед родами горстью *маша* обводили 3 раза вокруг головы женщины с целью облегчения родов, мазали лицо мукой, затем клали на одеяло и катали на нем: с одной стороны одеяло держал муж, с другой — свекровь. Если у беременной плод располагался поперечно, женщину клали на одеяло и с двух сторон качали то налево, то направо. После родов лицо женщины вытирали белой тканью и давали *аталу* (каша из жареной муки с молоком).

После отпадения пуповины ребенка купали, затем после прочтения молитвы 3 раза кричали на ухо его имя и укладывали в *бешик*. Девочек клали в бешик на 7-й день, мальчиков — на 10-й. В это же время отрезали часть волос и в зависимости от их веса в эквиваленте золота раздавали нищим. Под подушку ребенка клали нож, хлеб, зеркало и расческу. Во время *чилли* (40 дней) ребенку давали пососать *думбу* (свежий курдючный жир), завернутую в марлю. С появлением первых зубов жарили пшеницу и вместе со сладостями раздавали детворе. Если у мамы было жидкое молоко, то прикладывали к грудям свежую горячую лепешку, а если мало молока, то к груди прикладывали горячую лопаточку для взятия лепешек с *тандыра* (*рапида*). Как только ребенок начинал ходить, то между ног прокручивали *тешкулча* (маленькие лепешки).

*Записано со слов Рустамовой Назиры, 1951 г.р., матери 4 детей,  
Джураевой Мухибы, 1944 г.р., матери 4 детей,  
Кулиевой Кадыри, 1949 г.р., матери 5 детей (г. Бухара)*

Женщинам, у которых долго не наступала беременность, вагинально ставили тампоны с *новватом* (жженный сахар). После родов на 10; 20 и 40-й дни рожениц купали в *хаммаме* (*хаммамикунжак*), знахарка смазывала женщину специально приготовленной массой (*доривор*), в которую входили яйцо, танакор, руян, жавз, молотый горох. Масса равномерно накладывалась именно на поясницу, надлобковую область (для улучшения сокращения матки), затем на голову (от выпадения волос и их укрепления). Если женщина в *чилле* мылась дома (10–20-е сутки), то на 40-е сутки ее все равно водили в *Кунжакхаммам* с ребенком. После омывания и смазывания *доривором* женщину укладывали на ровную поверхность, затем две пожилые женщины (например, знахарка и свекровь), садясь сбоку от нее, делали специальный компрессионный лег-

кий массаж (как бы для приведения костей таза в обычное положение). Роженице во время обряда давали в рот по ложечке порошка для укрепления сил после родов (толченый горох, новват). Также в послеродовой период она употребляла *арпабодиёнчой* — чай с фенхелем — от вздутия живота у ребенка и улучшения газоотделения. Можно было давать ребеночку *кандируган*, в состав которого также входил обжаренный фенхель, смешанный со сливочным маслом и измельченным новватом.

До 40 дней ребенка купали в воде, смешанной с солью и *кагилом*, или *гелсаром* (глина, взятая со стен старых домов, измельчалась до консистенции муки). По старинному преданию, это предотвращало от потниц и диатезов.

Когда начинали прорезываться зубки, тетя (сестра отца) должна была подолом своего платья протереть десны для ускорения и облегчения процесса. А потом над головой ребенка рассыпали *маш* и рис, чтобы зубы росли красивыми и ровными.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Абу али Ибн СиноАвиценна. Канон врачебной науки. Т. 1. *Ташкент*, 1996.
2. Абдуллаев А.А. Очерки истории развития медицины в Хорезме. *Ташкент: Медицина Уз ССР*, 1980. 161 с.
3. Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего времени. *СПб.*, 1877. 385 с.
4. Кадыров А.А. Абу Али Ибн Сина. *Ташкент*, 1962.
5. Керимов Г.М. Шариат. Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. *Санкт-Петербург-Москва*, 2009.
6. Махмудова Н.К. История развития внутренней медицины в Узбекистане. *Ташкент*, 1967.
7. Steven Sabol. The creation of Soviet Central Asia. The 1924 national delimitation. *Central Asian survey*. 1995; 14:234.
8. Маттиев И.Б. Культура здорового образа жизни: взгляды прошлых цивилизаций (на примере Узбекистана). Педагогика: традиции и инновации. Материалы Международ. науч. конф. (Челябинск, октябрь 2011). Т. I. *Челябинск: Два комсомольца*, 2011. С. 49–51.
9. Толстой С.П., Жданко Т.А., Абрамзон С.М., Кисляков Н.А. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. *Москва*, 1962. С. 126–128.
10. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. *М.: Наука*, 1975. С. 106.

Вскармливание детей.  
Православная традиция.  
История и современность

О.П. Каменева<sup>1</sup>, Р.А. Таркова<sup>1,2</sup>, Е.П. Казакова<sup>2</sup>,  
Д.В. Васильев<sup>2</sup>, Н.В. Лосева<sup>2</sup>, С.И. Нагайкина<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань,  
Российская Федерация

<sup>2</sup> Астраханский музей-заповедник, Астрахань, Российская Федерация

\* \* \*

**ВЕТХОЗАВЕТНАЯ ИСТОРИЯ**

«Ты извел меня из чрева, вложил в меня упование у груди матери моей» (Псалом 21:10). Тема материнства, рождения и воспитания имеет важное и часто сакральное значение в христианстве, в том числе и в православии, что отражено в Священном Писании. Сама Церковь именуется невестой Христовой и матерью всех христиан. Новокрещаемых принято принимать в лоно Церкви, как в утробу матери. В книге Бытия Ветхого Завета, где



Адам и Ева в раю. Фреска

речь идет о сотворении первых людей, мужчины и женщины, открывается смысл деторождения как установления Божьего: «...и благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею». А псалмопевец Давид называет детей наградой: «Вот наследие от Господа: дети; награда от Него — плод чрева» (Псалом 126:3). Таким образом, чадородие есть благословение Божие на человеческий род.

Когда лукавому искусителю Змею удалось прельстить первых людей и тем разрушить их райское блаженство, когда смерть наступала на человека по следам греха, «тогда милосердый Бог в слове осуждения, частью открыл тайну помилования, когда искусителю сказал: «Вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между Семенем твоем; Той твою сотрет главу» (Быт. 3:15) [1]. В этой пророческой фразе было обещано рождение искупителя, который уничтожит Дявола и вернет возможность жить в раю роду человеческому. А жена за нарушение заповеди была наказана болезненным рождением детей. И сказал Господь Бог жене: «Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей» (Быт. 3:16). «Но наказание Божие не есть наказание в том смысле, как мы это обычно понимаем. Наказание Божие есть «наказание» врача уколами и горькими таблетками больного человека. Если Бог наказал жену родовыми болезнями, значит, это ей весьма полезно и спасительно. Под болезнями рождения разумеются не только болезни во время родов. Это, как считает св. Иоанн Златоуст, болезненность вообще всей родовой сферы: и «тот великий труд, который должна терпеть жена, нося плод, и растяжение членов, и нестерпимые страдания во время родов», и, как считаем мы, трудности воспитания рожденного» [2].

Интересны слова Евы, имя которой означает «Жизнь», после рождения своего первенца: «...приобрела я человека от Господа» (Быт. 4:1). И так и до наших дней христиане верят, что ребенок посылается Богом, и именно на Него возлагают надежды и в случае бесплодия в браке. В Писании можно найти сразу несколько таких примеров, когда благословленные Богом дети рождались у престарелых родителей. В книге Бытия рассказано, как находящаяся в глубокой старости дотоле бесплодная Сарра родила от столетнего родоначальника еврейского народа Авраама сына Исаака, обещанного Богом его отцу. При этом указывается и на тот факт, что она сама вскормила его грудью. Удивившись этому, Сарра воскликнула: «Кто сказал бы Аврааму: «Сарра будет кор-

мать детей грудью» (Быт. 21:7). Далее Библия повествует: «Дитя выросло и отнято от груди: и Авраам сделал большой пир в тот день, когда Исаак был отнят от груди» (Быт. 21:8). В комментарии к этому отрывку в Толковой Библии Лопухина сказано: «Кормление младенцев грудью на Древнем Востоке продолжалось очень долго, по свидетельству блаженного Иеронима, до пяти лет и обычно продолжалось не менее трех... Завершение этого периода праздновалось торжественным семейным пиром, в котором уже мог принимать некоторое участие и сам виновник его» [3].



*Дочь фараона спасает Моисея.  
Гравюра Г. Доре, XIX в.*

В следующей книге Библии — Исход (Исх. 2,7-9) — говорится о том, что дочь египетского фараона, нашедшая трехмесячного еврейского младенца Моисея, взяла ему кормилицу не из египтянок, а из его народа. Вскормленный молоком своей соотечественницы, Моисей вырос человеком, беззаветно преданным своему народу. Наверное, именно с материнским молоком впитал он любовь к своим собратьям. В этой же книге содержится первое упоминание о врачевателях: ими были повитухи: «Царь Египетский повелел повивальным бабкам Евреянок, из коих одной имя Шифра, а другой Фуа, и сказал (*им*): когда вы будете повивать у Евреянок, то наблюдайте при родах: если будет сын, то умерщвляйте его, а если дочь, то пусть живет. Но повивальные бабки боялись Бога и не делали так, как говорил им царь Египетский, и оставляли детей в живых... За сие Бог делал добро повивальным бабкам, а народ умножался и весьма усиливался. И так как повивальные бабки боялись Бога, то Он устраивал дома их» (Исх. 1:15). Этот отрывок описывает самоотверженное служение ближним, которое никогда не останется без награды свыше.

О высоком значении грудного вскармливания можно прочитать у ветхозаветных поэтов. В книге Ветхого Завета Псалтири псалмопевец восклицает: «Ты извел меня из чрева, вложил в меня упование у груди матери моей» (Пс. 21:10). Обратимся к толкованию этих строк.

«Вероятно, — читаем мы в Толковой Библии, — мать Давида, когда кормила еще его своей грудью, говорила ему о Боге, и вместе с молоком матери он воспринял высокое понятие о Нем, благоговение и преданность Ему». В другом поэтическом библейском произведении — Песнь песней — идеал братской любви суть не кровное родство, а родство молочное: «О, если бы ты был мне брат, сосавший груди матери моей!» (Песн. 8:1) [3]. Из многочисленных примеров видим, что обычное житейское действие — кормление грудью — было выделено человеком из контекста действительности на уровень его мировоззренческого осмысления. «Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение» (Первое соборное послание св. ап. Петра 2:2). «Переосмысленные в духовном плане реалии явлены и в образе фразеологизма, о котором можно сказать, что он создан в культуре и из культуры «пришел» в язык. Впитывать (всасывать) в образе фразеологизма значит не просто усваивать, поглощать жидкость, пищу, а проникаться поглощенным, и поглощенное означает пищу духовную: мысли, правила поведения, заповеди и др. Молоко матери есть символ животворящей сущности; оно символизирует силу, которая возвращает человека и создает его жизненную крепость. Кроме того, молоко матери является пищей для младенцев и потому ассоциируется с началом жизни; своей формой сочетание *молоко матери* указывает на принадлежность реалии ее производителю, а также на родственную связь, переосмысленную как связь духовную между людьми — приемниками рода, культурных знаний, традиций, основ мировоззрения» [4].

### **НОВЫЙ ЗАВЕТ И РУССКИЕ СВЯТЫЕ О КОРМЛЕНИИ И ВОСПИТАНИИ**

«Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!»

(Евангелие от Луки 11:27).

Очень много православных праздников связано с темой деторождения: Рождество Христово, Рождество Иоанна Предтечи, Рождество Богородицы. Есть даже праздник Зачатия Бородицы праведными Иоакимом и Анной. Это говорит о том, что наши предки четко осознавали, с какого момента начинается внутриутробная жизнь человека. Сегодня не только отцами Церкви признается, что с момента зачатия ребенок получает душу от Бога и развивается в соответствии с его промыслом [5]. В Библии описывается развитие ребенка в материнской утробе как



творческий акт: «Ты устроил внутренности мои, и соткал меня во чреве матери моей» (Пс. 138:13, 15–16). Родители Девы Марии были престарелыми, но благочестивыми в вере. Именно поэтому их многолетняя молитва была услышана и родилась Мария, которой суждено было стать Матерью Спасителя, Нового Адама. «Иоаким и Анна поношения безчадства, и Адам и Ева от тли смертныя свободистася, Пречистая, во святем рождестве Твоем...» — поется в словах кондаке на праздник Рождества Пресвятой Богородицы.



*Рождество Христово.  
Современная икона*

Необычным было и воспитание дитя. Девочка в три года была посвящена Богу, и проводила жизнь в Иерусалимском храме до 16 лет в молитве и рукоделии. После Ее обручения со старцем Иосифом Она получила извещение от ангелов о предстоящем непорочном зачатии и рождении Спасителя Мира. В честь этого события установлен праздник Благовещения Пресвятой Богородицы.

Единственной отраженной в Священном Писании похвалой Матери Спасителя считается фраза неизвестной женщины из толпы, следовавшей за Христом: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» (Лк. 11:27). В ней отражены величина материнского подвига и значение вскармливания. Дева Богородица считается покровительницей матерей. Именно поэтому многие Ее иконы посвящены рождению, кормлению и воспитанию: «Млекопитательница», «Блаженно Чрево, носившее Тя, и сосцы, Тебя питавшие», «Помогательница женам чады рождать» («Помощница в родах»), «Фёдоровская», «Воспитание». Молясь перед этими иконами, женщины и их родные ищут защиты и помощи у своей Небесной Матери в период беременности, родов



*Благовещение Пресвятой Богородицы.  
Современная икона*

и возвращивания малышей — наиболее важных и ответственных моментов семейной жизни.

Очень часто беременные носят образки Божией Матери, берут иконы в роддом и потом окружают ими родившегося ребенка: ставят у пеленального столика, вешают на кроватку. Замечательные слова читаем в молитве пред иконой «Млекопитательница»: «Ты же, о Царице Небесная, Питательница жизни наша, покровом милости Твоя покрывающая вселенную всю, напитай нас от источника благодати Твоя млеком Богопознания, да возрастаем в страхе Божии и смиренно-мудрии».

Один из чудотворных образов Богоматери носит название «Воспитание», и это не случайно.

Интересна этимология этого слова, открывающая для современного человека другие грани понимания его значения. В молитве покаянного канона есть такие слова: «...возведи к пажити Твоей и сопричти мя овцам избранного Твоего стада, воспитай мя с ними от злака Божественных твоих Таинств». Воспитай, то есть напитай меня Благодатью Святого Духа. Известный дореволюционный педагог И. Скворцов в «Записках по педагогике» говорит: «Слово *воспитание* складывается из слова *питание* (снабжение организма пищей, необходимо ему для развития) и приставки *вос* (вверх, ввышину) — питание ребенка до достижения им полного возраста. Так



«Помогательница женам чады рождать». Современная икона



«Млекопитательница». Современная икона

что человек состоит из тела и души, и последняя составляет величайшую часть человеческого существа, то и слово *воспитание* применяется главным образом к духовному развитию человека». Здесь нужно еще добавить, что приставка «вос» имеет отношение не только к продвижению ребенка по возрастной шкале, но и к духовной устремленности — к «горе» [6]. Перед этой иконой молятся матери о вразумлении своих детей, о наставлении их в вере, защите от необдуманных поступков.



«Воспитание». Современная икона

С апостольских времен мы встречаем в разных церковных текстах упоминания о грудном вскармливании. В первом послании к Фессалоникийцам (Солунянам) Апостола Павла читаем: «...мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими» (1 Фес. 2:7).

В письмах и житиях русских святых есть замечательное сравнение питания молоком матери и Таинства Причастия. Его приводит святой праведный Иоанн Кронштадтский в книге «Моя жизнь во Христе»: «Что удивительно, что тебе предлагают в пищу и питье Тело и Кровь Свою Господь? Кто дал тебе в пищу плоть созданных Им животных, Тот дал, наконец, в пищу и питание и Самого Себя. Кто питал тебя сосцами матери, Тот, наконец, Сам взялся питать тебя Своею Плотию и Кровью, чтобы, подобно тому как с молоком материнским ты всосал в себя известные свойства матери, дух ее, так с Телом и Кровью Христа Спасителя всосал бы в себя Его дух и жизнь» [3].

Известен эпизод из жития преподобного Сергия Радонежского, когда его беременная мать молилась в церкви, то трижды прокричал в ее утробе будущий служитель Пресвятой Троицы, чему были многочисленные свидетели. Известно также, что ребенок по средам и пятницам не принимал в пищу молоко матери, что было расценено родителями как знак избранничества Богом. Здесь мы видим понимание матерью приоритета духовного развития ребенка, что никак не означает, что о физическом развитии в семье не заботились.

Таким образом, в православии существует представление, что с материнским молоком ребенку передаются нематериальные субстанции — любовь к Богу, любовь к своему народу, черты характера и опыт матери. Это нашло свое отражение и в устойчивом выражении «впитать с молоком матери», означающем нечто глубинное, идущее из раннего детства, из младенческих воспоминаний, из всего строя жизни семьи.

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Митр. Филарет (Дроздов). Слава Богоматери. М.: Елеон, 1996.
2. Коржевский Вадим иерей. Пути спасения христианина. № 10. О Чадородии. Сибирская православная газета. 2003; (7). URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Korzhevskij/puti-10.html>
3. Фатеева Е.М., Пустограев Н.Н. Энциклопедия грудного вскармливания в православной Руси. М.: Изд-во «Оранта», 2005.
4. URL: <http://pandia.ru/text/77/305/24919-3.php>
5. URL: <http://www.portal-slovo.ru>
6. URL: <http://www.orthedu.ru/pedagog/pedagogika1.htm>

# История детского питания в России

**К.С. Ладодо, Т.Э. Боровик**

Национальный научно-практический центр здоровья детей,  
Москва, Российская Федерация

\* \* \*

В России грудному вскармливанию новорожденного всегда отводилась особая роль. Понимание важности естественного вскармливания для ребенка передавалось из поколения в поколение. Свою нишу в пропаганде грудного вскармливания занимала церковь, объявившая данную форму питания младенца исконно священным долгом каждой матери перед своим ребенком. О достаточности грудного молока, его благоприятном воздействии на ребенка и защите от болезней молились перед иконой Божией Матери «Млекопитательница». Отказ от грудного вскармливания воспринимался как греховное действие.

К сожалению, в дореволюционной аграрной России женщинам не всегда удавалось осуществлять правильное кормление ребенка. Особенно это касалось матерей, проживающих в сельской местности, где неграмотность в вопросах питания ребенка, в частности в летние месяцы, становилась причиной желудочно-кишечных заболеваний, занимающих центральное место в структуре детской смертности того времени. Высокую детскую смертность связывали и с недостаточным, односторонним питанием матерей до и после зачатия, особенно в неурожайные годы, а также с отсутствием полноценного грудного вскармливания в течение дня из-за вынужденного выхода матери на работу: таков был уклад жизни, что деревенская женщина после родов должна была сразу выходить на работу в поле. Уходя, мать оставляла ребенка на попечение старух или своих старших — 6–7-летних — детей. При этом мать укутывала ребенка в пеленки, укладывала в колыбель со специальным от-

верстием для стока мочи, вставляла ему в рот коровий рог с отрезанным концом, на который нередко надевался коровий сосок. В рог набивался смоченный сладкой водой ржаной хлеб, и так ребенок находился весь день — с утра до вечера.

В некоторых деревнях мать забирала ребенка с собой в поле. Об этом упоминает в своих произведениях Н.А. Некрасов:

«Слышится крик у соседней полосыньки,  
Баба туда — растрепалися косыньки, —  
Надо ребенка качать!»

Тот же сюжет запечатлен и на картине А.Г. Венецианова «На жатве. Лето».

Если мать не могла кормить своего ребенка в силу тяжелого заболевания, его вскармливала другая женщина — кормящая мать, живущая по соседству.

Практиковалось также отсроченное прикладывание ребенка к груди (только после 3-го дня от рождения или крещения ребенка). Докормливать ребенка начинали рано — с 5–6-недельного возраста (коровьим молоком, тюрей из хлеба и баранок). С 4–5 месяцев жизни ребенку уже давали щи, кашу, гороховое пюре, квас, ягоды, огурцы. К причинам высокой детской смертности можно отнести недоедание, антисанитарию, исключение молока в постные дни. Существовали определенные поверья. Например, считалось, что молозиво вредно для младенца и может вызывать у него заболевания. Или что раннее введение ребенку твердой пищи способствует быстрому развитию и укреплению здоровья. В некоторых регионах ребенку до 1 года не давали рыбу, чтобы он раньше начал говорить.

В высших кругах того времени женщины для кормления своего ребенка отдавали его кормилице, для чего подбирались здоровые женщины с высокой лактацией. Однако у некоторых женщин были скрытые заболевания, такие как туберкулез и сифилис, которые передавались ребенку. Кроме того, тугое перетягивание груди с целью прекращения лактации нередко приводило к развитию «горячки», которая могла закончиться смертью.

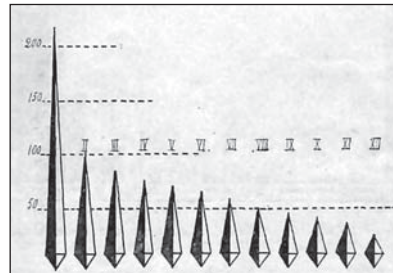


Картины А.Г. Венецианова  
«На жатве. Лето»

В конце XIX – начале XX столетия смертность детей первого года жизни в России была очень высокая. Из 100 детей, родившихся живыми, только 74 ребенка достигали возраста одного года, т.е. более 1/4 детей погибали. Причины такой высокой смертности объяснялись прежде всего недостаточностью питания, ранним прекращением грудного вскармливания, а также низким уровнем культуры и плохими санитарно-гигиеническими условиями. Поражает разница в уровне смертности детей первого года жизни среди православных и татар. Так, у православных из 1000 детей погибало 342 ребенка, у татар, живущих рядом, — 142. Вероятно, это объясняется тем, что русские женщины рано прекращали грудное вскармливание, а татары кормили грудью своих детей до 2 лет и более.

Особенно высокой младенческая смертность была на первом месяце жизни. По данным Г.Н. Сперанского, «...чем старше ребенок, тем больше он приобретает средств для борьбы за свою жизнь и тем успешнее борется».

В послереволюционные годы нередко отмечалась нехватка продуктов в рационе питания жителей разных регионов России. На примере Москвы можно отследить, как в 1918 г. — еще при относительно стабильном достатке продуктов — смертность детей в возрасте от 1 года до 14 лет составляла 10%, в первой половине 1919 г. на фоне увеличения продовольственного кризиса — достигала уже 19%, а во второй половине 1919 г., согласно данным Н.К. Игнатова, когда недостаток продовольствия был выражен основательно, смертность детей увеличилась до 33%. Особенно высокая детская смертность наблюдалась в голодающих районах — до 80–100% среди детей раннего возраста и до 30–40% у более старших. Во многих селениях умирали почти все дети. Несмотря на то, что из этих регионов младенцев старались вывезти на относительно благоприятные территории, тем не менее их состояние оставалось тяжелым, а смертность была высокой. Превалировали худосочие (дистрофия), туберкулез, цинга, желудочно-кишечные заболевания, куриная слепота. Последующие наблюдения за этими детьми



Смертность новорожденных по месяцам первого года жизни на 1000 населения (по данным Г.Н. Сперанского)

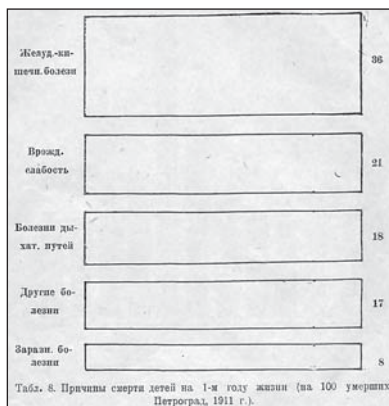
демонстрировали более частые случаи болезней, отставание в весе и росте, худшие показатели в обучении.

Ведущими причинами смертности детей первого года жизни, согласно данным Г.Н. Сперанского, оставались желудочно-кишечные расстройства, тесно связанные с питанием.

Основные рекомендации по питанию детей первого года жизни по-прежнему декларируют грудное вскармливание. В монографии Н.К. Игнатова «Питание детей всех возрастов» подчеркивается роль грудного вскармливания: «Наилучшей пищей для грудного ребенка является материнское молоко; всякий опыт искусственного вскармливания представляет собой опасный для ребенка эксперимент».

Влиянием типа вскармливания на смертность детей первого года жизни обусловлены приведенные ниже данные Г.Н. Сперанского.

Таким образом, смертность детей, находившихся на искусственном вскармливании (кормление детей молоком животных), была в 7–8 раз выше, чем при грудном вскармливании. Именно поэтому при вскармливании грудных детей так востребована была помощь кормилиц. Так, в Московском Воспитательном доме кормилицы подразделялись на годовых, полугодовых и деревенских. Годовые кормилицы происходили из городского сословия, солдатских жен, бездомных, от которых требовалось только хорошее здоровье и достаточное ко-



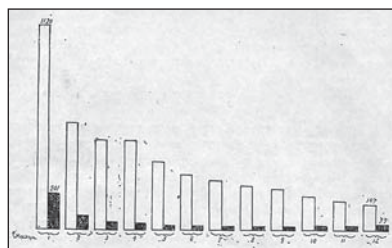
*Причины смерти детей на 1-м году жизни (на 100 умерших; Петроград, 1911 г.) Данные Г.Н. Сперанского*



*Монография Н.К. Игнатова*



личество молока. Полугодовых кормилиц назначали для вскармливания законных детей. Кормилиц из сельского населения вывозили в деревни вверенных им питомцев для грудного вскармливания, дальнейшего ухода и воспитания. Однако на всех нуждающихся в грудном молоке кормилиц не хватало. В период первой мировой войны дефицит кормилиц ощущался особенно остро.



*Смертность детей и вскармливание. Черным указано число умерших на 10 000 детей при грудном кормлении, белым – при кормлении молоком животных*

Большое значение в правильной организации питания детей, особенно раннего возраста, имели работы выдающихся педиатров того времени — Н.Ф. Филатова, Г.Н. Сперанского, Р.О. Лунца, А.А. Киселя. В монографиях звучали научно обоснованные предложения по естественному и искусственному вскармливанию детей, часть из которых созвучна современным взглядам, касающимся этой проблемы.

Так, Н.Ф. Филатов в своем «Кратком учебнике детских болезней» (1893) писал следующее: «В первое время после родов новорожденный много спит и можно давать ему грудь всякий раз, как он проснется». Также рекомендовалось кормить ребенка ночью. Советовалось давать поочередно то одну, то другую грудь, поскольку состав молока в процессе кормления меняется: «Сначала отделяется молоко синеватое, очень бедное жиром, затем более густое». Автор также обращал внимание, что из всех факторов, которые могут влиять на состав молока, основное значение имеет питание кормящей матери. Много внимания уделялось составу смеси, предназначенной для детей, лишенных материнского молока. Так, представляет интерес один из рецептов. Коровье молоко делится на две части, одна часть остается нетронутой, а с другой снимают сливки и прибавляют к первой порции. Снятое молоко створаживают для получения сыворотки, которую опять прибавляют к первой части. В итоге получается молоко с половинным содержанием казеина, хорошо растворимым белком и с нормальным содержанием жира.

В монографии Р.О. Лунца «Физиология и диететика грудного ребенка» (1925) подробно описывается состав молозива и подчеркиваются его уникальные свойства. В молозиве, по сравнению со зрелым женским молоком, более высокое содержание белка, причем близкое по своей

структуре к белкам сыворотки крови. В нем преобладают альбумины и глобулины при сравнительно меньшем содержании казеина. Жиры представлены в эмульгированной форме в виде мелких жировых шариков, покрытых *белковой оболочкой*. В настоящее время эта белковая оболочка подробно изучается: в ней содержится 60% белка, 30% жира, а 10% составляют ферменты, нуклеиновые кислоты, минеральные вещества. Обнаружены в молозиве и различные ферменты, помогающие расщеплению пищевых веществ, а также антитела и другие биологические вещества, обеспечивающие молозиву иммунизирующие и бактерицидные свойства.

В этой же монографии Р.О. Лунц пишет, что «единственной нормальной естественной пищей новорожденного в течение первых месяцев жизни является молоко его матери, именно материнское молоко, а не женское вообще, так как это <...> не одно и то же». Автор также подчеркивает, что сосание ребенком молока из груди матери — это активное взаимодействие матери и детского организма. По меткому выражению Пфаундлера, «не ребенок высасывает молоко из материнской груди, а мать опорожняет ее в рот ребенка».

В период после революции были приняты нормативные акты, определяющие право граждан на здоровье и медицинскую помощь. Особое внимание к организации питания детей, в том числе первого года жизни, стало уделяться уже в 1918 г., когда Московский Воспитательный дом был реорганизован в Дом охраны младенцев, а затем в Государственный научный институт охраны материнства и младенчества (в 1922 г.), директором которого был назначен Г.Н. Сперанский. Георгий Несторович уделял огромное внимание вскармливанию ребенка. В его монографии «Уход за ребенком раннего возраста» (1922) большое внимание уделялось организации питания детей, значению грудного вскармливания, использованию смеси для питания детей, лишенных материнского молока.



Монография Г.Н. Сперанского

Г.Н. Сперанский во вверенном ему Институте открыл молочную кухню, которая располагалась в отдельном помещении с лабораторией и специальным оборудованием.

История организации молочных кухонь берет свое начало в 1901 г., когда по европейскому образцу в Петербурге была открыта первая молочная кухня «Капля молока» при городском приюте для детей. В 1904 г. была создана центральная станция, откуда молоко развозилось по аптекам и выдавалось по специальным справкам врачам. Молоко предназначалось для грудных детей, по каким-либо причинам лишенных питания. К 1909 г. в разных городах насчитывалось уже около 40 таких пунктов.

На московской молочной кухне, открытой Г.Н. Сперанским, разрабатывались и изготовлялись различные смеси для детей, находящихся на искусственном вскармливании; давались советы родителям; осуществлялся контроль поступающего коровьего молока и готовой продукции. Для здоровых детей использовалось обычное цельное молоко, которое разводили водой или слизистыми отварами из круп или муки в следующих соотношениях: смесь А — 1:2, смесь Б — 1:1, смесь В — 2:1. Чаще использовалась смесь В (В-рис, В-греча, В-овес), а также пахтанье, белковое молоко (пахтанье + творог + сливки + сахар), масляно-мучнистая смесь Черни-Клейншмита (мука + молоко + сливки + сахар). Уже в этот период изготавливались кисломолочные смеси (кефир, простокваша), которые также разводили слизистыми отварами. Изготавливались безмолочные смеси на основе бобов сои и миндаля, которые давали детям с различной патологией. Опыт работы молочной кухни, которой руководил Я.Ф. Жорно, подробно изложен им в монографии «Молочная кухня», выдержавшей 5 изданий.

В 1928 г. в Институте охраны материнства и младенчества на базе молочной кухни открыли сборный пункт женского молока, где кормящие матери сцеживали молоко. По мнению профессора Р.О. Лунца, «кормление ребен-



Монография Я.Ф. Жорно

ка сцеженным грудным молоком вместо прикладывания его к груди кормилицы является более оптимальным». Автором было обосновано внедрение в практику кисломолочных смесей. В этот же период проводились исследования по использованию кипяченого женского молока в питании грудных детей. Было показано, что процесс кипячения неблагоприятно отражается на состоянии здоровья детей, особенно младенцев первых недель жизни, поэтому встал вопрос о пастеризации женского молока (И.Я. Серебрицкий с соавт.).

В 1930 г. молочная кухня получила статус госбюджетного учреждения Наркомздрава. В дальнейшем опыт московской молочной кухни и пунктов по сбору женского молока распространился по всему СССР. В Ленинграде открыли пункт сбора женского молока, получившего название лактарий. Сбор женского молока проводился как в домашних условиях, так и непосредственно в лактарии. Молоко, сцеженное дома, доставлялось в лактарий. Свежее молоко разрешалось использовать в течение суток, остальные порции подвергались пастеризации (М.Н. Небытова-Лукьянчикова).

Одновременно в Москве по инициативе Г.Н. Сперанского были открыты консультации, где наблюдались дети первого года жизни. Там давали рекомендации по уходу и вскармливанию ребенка.

Деятельность молочной кухни расширялась, к ней присоединялись так называемые дома грудного ребенка, где изготавливали различные питательные смеси для вскармливания и прикорма. Широкое распространение получили специальные листовки для матерей, где предлагались рецепты по приготовлению отдельных блюд.

№ 9.


**Домъ грудного ребенка.**

Рисунок Геркулеса-младенца — Эмблема изданий Дома грудного ребенка.

**При кормленьи ребенка грудью необходимо соблюдать следующие правила:**

1. Передъ каждымъ кормленьемъ и после него тщательно обмывать сосокъ и часть груди кусочкомъ асептической ваты, смоченнымъ въ отварной водѣ.
2. Каждый разъ давать только одну грудь: одно кормленью — правую, другое — лѣвую.
3. Кормить днемъ не чаще, чѣмъ черезъ 3 часа; съ вечера же до утра давать грудь только одинъ разъ, а всего за сутки 6 разъ.
4. Не слушать совѣтовъ родныхъ и знакомыхъ, а со всеми вопросами, касающимися кормленья и развитія ребенка, обращаться въ консультацию.

№ 7.



**Домъ грудного ребенка.**

**Пюре изъ овощей.**

Свежие овощи (рѣпа, морковь, картофель, брокка, цветная капуста, нечищено вымытые, развариваются до мягкости въ слегка подсоженной водѣ, протираются черезъ металлическое сито, чтобы получились вязкая кашка, или растираются ложкой. Къ этой кашкѣ прибавляются, по назначенію врача, сливочнаго масла, сахара, молока, сахарной и дуютъ въ назначенномъ количествѣ.

Пюре ежедневно надо готовить свежее.

Листовки для матерей

Интересен плакат, который был вывешен в Доме грудного ребенка.

Во время рекомендации по питанию грудного ребенка сводились к следующему. Первое прикладывание ребенка к груди осуществлялось на вторые сутки после рождения, в первый день был рекомендован отдых как для матери, так и для ребенка. При этом если ребенок был беспокоен, ему предлагали подслащенную воду.

Следует отметить, что в 60–70-е годы XX столетия профессор И.А. Аршавский благодаря физиологическим исследованиям обосновал необходимость прикладывания ребенка к груди матери непосредственно после рождения. К сожалению, в те годы подобные исследования не получили практического применения, и только в 1989 г. легли в основу совместной Декларации ВОЗ/UNICEF «Охрана, поощрение и поддержка практики грудного вскармливания» и «Больница, доброжелательная к ребенку», где один из основных пунктов гласит следующее: «...проводить раннее прикладывание ребенка к груди матери в первые 30 минут после рождения, кормление ребенка осуществлять по его требованию, включая ночные кормления».

В 20–30-е годы прошлого века прикорм детям обычно назначался с 5–6, чаще с 6 месяцев: в одно из грудных кормлений вводили кашу (манную, овсяную, пшеничную, кукурузную). С этого возраста переходили на пятиразовое кормление. Соки рекомендовались с начала 2-го месяца. С 7 месяцев одно из кормлений заменяли коровьим молоком: сначала разведенным водой или слизистым отваром в соотношении 1:2, затем долю молока увеличивали и через 5 дней переходили на цельное коровье молоко. В 8 месяцев назначалось овощное пюре, которое заменяло еще одно кормление грудью. Таким образом, в 8 месяцев ребенок 2 раза получал грудь — утром и вечером, а 3 кормления — прикорм. В этом же возрасте давали мясное пюре. В 9 месяцев использовали бульон, с 10 месяцев ребенка постепенно



*Плакат, который был вывешен в Доме грудного ребенка*

отлучали от груди, в 12 месяцев грудное вскармливание прекращали (Н.К. Игнатов; 1931).

Основные исследования по вскармливанию детей проходили в Институте охраны материнства и младенчества, который в 1940 г. был преобразован в Институт педиатрии Наркомздрава СССР. В 1944 г. в связи с образованием АМН СССР Институт педиатрии был переименован в Научный исследовательский институт педиатрии АМН СССР.

В годы Великой отечественной войны молочные кухни сыграли неоценимую роль в сохранении жизни и здоровья детей. Для эвакуированных детей изготавливались молочные смеси и другие продукты детского питания на молочных кухнях при железнодорожных станциях и пристанях водного транспорта. В эти же годы крайне актуально стояла проблема изыскания источников детского питания в связи с дефицитом продовольствия в стране. Особенно острой была проблема дефицита белка. В Институте начали разрабатывать смеси с использованием бобов сои, миндаля, дрожжей, рыбной муки как дополнительных источников белка. В качестве замены сахару использовалась мальтоза. Соевые бобы и пекарские дрожжи «оправдали себя в диететике ребенка раннего возраста не только для частичной замены, но и в условиях почти полной и длительной замены ими коровьего молока» (И.В. Цимблер, А.А. Титаев).

В 40-е годы женщины были основной рабочей силой: нужно было восстанавливать разрушенную войной страну, поэтому кормящие женщины рано выходили на работу, буквально через несколько недель после рождения ребенка. При этом мать могла отдать ребенка в ясли, которые в то время существовали как самостоятельные учреждения, куда принимали детей с самого раннего возраста. Для того чтобы кормить ребенка грудью, мать в определенные часы отпускали с работы в ясли, если они располагались рядом с работой, в случае их отдаленного расположения женщина старалась заранее сцедить молоко и оставить его для кормления своего ребенка. В то время рекомендовалось кормить ребенка по часам: до введения прикорма — 6 раз, с введением прикорма — 5 раз.

Прикорм назначали следующим образом (А.Ф. Тур).

Фруктовый сок	С начала 2-го мес
Каша 5%	5–5,5 мес
Каша 10%	5,5–6 мес

Овощное пюре	5–5,5 мес
Кисель	5–5,5 мес
Мясной бульон	6–7 мес
Яичный желток	6–7 мес
Сухари, печенье	7–8 мес
Мясной фарш	7,5–8 мес
Мясные котлеты	11,5–12 мес

Продукты детского питания изготавливались на молочных кухнях и в специальных цехах детского питания. В настоящее время отлажен промышленный выпуск продуктов детского питания, которые выдаются родителям на молочных кухнях, выполняющих функцию раздаточных пунктов.

Над проблемой детского питания в 1950–90-е годы трудились многие институты: Институт питания АМН СССР, Институт педиатрии АМН СССР, Центральный институт усовершенствования врачей, Ленинградский институт охраны материнства и младенчества.

В эти годы вышли в свет объемные монографии, посвященные детскому питанию: «Справочник по диететике раннего возраста» А.Ф. Тура; «Питание здорового и больного ребенка» под редакцией М.И. Олевского и Ю.К. Полтевой; «Питание здорового и больного ребенка» Г.Н. Сперанского, «Основные принципы питания детей и подростков» Е.М. Фатеевой и Е.С. Невской; «Физиолого-биохимические основы разработки продуктов детского питания» А.А. Покровского.

На Украине в 1959 г. было создано ионитное молоко (Е.Н. Хохол и сотр.). Ионитное молоко получают при обработке коровьего молока катионитом. Такая обработка приводит к более легкому створаживанию казеина коровьего молока и несколько уменьшает его буферную емкость; хлопья казеина благодаря измененному соотношению солей и белка при створаживании получаются более нежными, что улучшает их усвоение.

В 1971 г. в Институте питания АМН СССР Г.С. Коробкиной впервые были созданы отечественные адаптированные молочные смеси «Малютка» и «Малыш». В 1986 г. во ВНИМИ были разработаны адаптированные молочные смеси «Новолакт 1», «Новолакт 2», «Но-

волакт ММ», «Бифидолакт» и «Фитолакт». В это же время в Москве на Лианозовском заводе был организован выпуск жидких адаптированных молочных смесей «Агуша». Большую роль в создании продуктов детского питания сыграло Постановление Правительства РФ от 19.09.1997 о развитии индустрии детского питания на 1998–2000 гг. Страна приступила к разработке и выпуску более совершенных адаптированных молочных смесей, в том числе кисломолочных, и продуктов лечебного назначения.



# Историческая эволюция материнства и детства в Адыгее

**В.А. Шашель**

Кубанский государственный медицинский университет,  
Краснодар, Российская Федерация

\* \* \*

Адыгская семья, ее нравы и обычаи были основным источником, из которого молодой человек получал уроки жизни. Воспитание в адыгских семьях начиналось с рождения и велось пожизненно. В традициях и обычаях адыгов выражено их глубокое уважение к каждому человеку, его достоинству, его личности.

Совместный жизненный путь молодой семьи начинался со свадьбы.

У адыгов существовало два вида женитьбы: женитьба по согласию родителей девушки на брак и женитьба без согласия родителей, когда жених похищал любимую девушку. Без согласия невесты этот обряд проводить было не принято. Похищение проводилось, как правило, глубокой ночью, после чего невесту обычно везли к одному из родственников жениха или к близкому другу отца.

С момента ее пребывания в доме родственников жениха или друга отца невеста становится дочерью этой семьи, ее оберегают от всего, что может ее огорчить или расстроить. Но первой обязанностью этой семьи является извещение родителей похищенной девушки и заверение о том, что она находится в полной безопасности в их доме.



Брак по согласию родителей проходил следующим образом: родителей девушки о предстоящем браке извещал обычно друг жениха, он же давал информацию о женихе и его семье. Если родители невесты были против этого брака, они говорили: «Извините, но у нас еще нет девушки на выданье». Это означало отказ.



*Перед свадьбой (фото неизв. автора)*

Если же родителей устраивал этот брак, то они оговаривали условия брака и назначали срок свадьбы. Для сватовства невесты посылали самых достойных, самых уважаемых людей рода. Старший рода благословлял названную дочь (невесту), говорил напутственные слова друзьям жениха, ответственным за судьбу девушки. Лишь после этого невесту могли вести в дом жениха.

Обряд ввода новобрачной в большой дом являлся одним из самых красивых и интересных. Сыграть свадьбу было нелегко. На свадьбу приходило огромное число людей. Приводился в действие обычай взаимопомощи — одна из лучших адыгейских традиций. Под звуки свадебной песни и игру на гармонике молодую, прежде чем ввести в «большой дом», останавливали во дворе. Ненадолго устраивали танцы. Перед вводом новобрачной в дом ее осыпали орехами, деньгами, которые наперегонки собирали дети. Новобрачная и две ведущие ее женщины осторожно переступали через порог правой ногой, ни в коем случае не касаясь его. На полу у самого порога комнаты клали шкуру жертвенного барана шерстью вверх. Этому придавалось магическое значение. Молодая, перешагнув через порог дома, становилась на шкуру жертвенного животного. В комнате (*унэшхо*) ее встречали пожилые женщины рода и соседки. Среди них не было свекрови.



*Невеста (фото неизв. автора)*

Адыги — удивительный народ. Песня-наставление для невесты исполнялась торжественно и красиво. В ней в деликатной форме выражались наставления и поучения, смысл которых сводился к основным требованиям адыгского кодекса чести (*адыгагъэ*): родить и воспитать героя; не сходить с пути добродетели; не поддаваться гневу; ни о ком не злословить; во всем соблюдать меру; быть мудрой матерью и женой. Песня эта называлась еще песней-поучением новобрачной (*нысэ гъасэ орэд*).

Обряд снятия покрывала является составной частью *унэицэ*. Его реликтом можно считать то, что в «большом доме» новобрачной приподнимется покрывало (*цхъэтешхуэ*) и женщины смотрят, приветствуют и обнимают невестку, желая счастья и здоровья. С новобрачной снимали покрывало с возможной быстротой с помощью стрелы, после чего все присутствующие радовались, поздравляли друг друга и мужчину-снимателя. С того момента он становился названным братом молодой. В знак такого родства сниматель покрывала делал ей подарок, а семья новобрачного устраивала для него угощение.

### **ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ АДЫГОВ, СВЯЗАННЫЕ С БЕРЕМЕННОСТЬЮ И РОДАМИ ЖЕНЩИНЫ**

Это удивительное состояние женщины, ждущей ребенка, придает будущей матери особую стать и особую трогательность. Главную роль в этом играла свекровь, которая становилась второй матерью для невестки.

Беременную женщину старались уберечь от душевных потрясений и неприятностей. Нельзя было оставлять ее одну ни днем, ни ночью. Ждущей ребенка женщине нельзя было заниматься тяжелым трудом, строго запрещалось высоко поднимать руки. Считалось, что ребенок может перевернуться и быть задушенным пуповиной. Будущей матери доставали все те продукты, которые она хотела бы поесть. В этом смысле ее желание было священным, так как адыги считали, что будущий ребенок будет нуждаться, если не исполнить желание матери. Соседки, готовя что-либо вкусное, обязательно несли будущей матери угощение.

Во время родов все взрослые мужчины должны были покинуть дом. Однако будущий отец должен был быть неподалеку на случай, если жене трудно будет рожать. В таком случае он должен был зайти в комнату и попытаться как бы перешагнуть через жену. При этом он делал вид,

что наступает ей на живот. Видимо, этот обряд был рассчитан на то, что женщина из страха за жизнь ребенка и за мужа, совершающего грех во имя рождения ребенка, увеличивала потуги. У адыгов перешагнуть через лежачего считалось большим грехом.

Ничто не может сравниться с радостью появления на свет ребенка — крохотного чуда природы. Его ждут, о нем мечтают, к встрече с ним готовятся. Через две недели после родов, а иногда и позже совершался обряд укладывания ребенка в колыбель. Колыбель, постельные принадлежности и белье присылали родители роженицы, а у причерноморских адыгов — дядя по материнской линии.

Колыбель у адыгов была деревянной, резной. Основа ее изготавливалась из дуба или чинары. Она имела вид маленькой кровати, четыре ножки которой опирались на две доски, имевшие форму полукруга, благодаря чему колыбель равномерно качалась. Ножки были квадратными в сечении и точеными. Продольные стенки колыбели имели две прорези. С одной стороны прикрепляли грушевую палку (*щэбар-беш*), на которую были надеты две матерчатые лямки, через другую прорезь эти лямки притягивались и завязывались. Лямка (*кущъэпс*) представляла широкую в несколько слоев полосу ткани с завязками из тесьмы. На дно клали тюфячок из темной ткани, набитый просяной лузгой. Новорожденного укладывали в люльку в рубашке без грубых швов. Если малыш был похож на отца, то с него снимали рубашку и торжественно сжигали ее после слов священной молитвы. Это считалось гарантией долгой совместной счастливой жизни отца и сына.

Проснувшегося малыша не принято было брать на руки. Ему меняли пеленки и давали спокойно поиграть самому. Когда новорожденного переносили первый раз через речку, в воду бросали яйцо с пожеланиями здоровья и счастливой долгой жизни. Считалось, что вместе с яйцом уйдут все болезни, и ребенок будет спокойным и здоровым.

Существовало народное поверье, что послед и пуповину новорожденного надо сохранять. Нельзя их выносить из дома и выбрасывать, послед закапывали в дальнем углу двора, пуповину вмазывали в стену очага (*онджек*).



Колыбель ребенка (фото неизв. автора)

Первый молочный зуб надо было обязательно выбросить. Для этого к нему присоединяли уголек как оберег от злых сил и забрасывали на крышу дома с пожеланиями, чтобы он вырос красивым и ровным. Лечению и оберегу детей адыги придавали большое значение и верили в магическую силу камней. Когда ребенок был плаксив (*челегг*), из гнезда ласточки брали три камешка, заворачивали в тряпочку и привешивали к люльке. Чтобы ребенка не сглазили, ему на шею, кроме молитвы, вешали голубую бусинку. Народ верил в безотказность таких наивных предосторожностей. Следует отметить, что непременным условием эффективности воздействия камня являлась необычная форма. Счастливыми считались природные камни со сквозным отверстием.

Многочисленны обряды, песни и стихи, посвященные или связанные с рождением и воспитанием ребенка в семье. Будущую мать оберегали все члены семьи, не разрешали выполнять тяжелую работу, старались не обижать ее, беречь от стрессов, чтобы ребенок родился здоровым и физически крепким. После рождения ребенка женщине в течение 40 дней не разрешали выходить из дома и выносить дитя.

Первый праздник (*кушьэханхэ*) в честь новорожденного ребенка устраивали через 2 недели, когда впервые укладывали в колыбель, второй праздник — в честь первого шага ребенка, когда ему исполнялся 1 год. На этом празднике перед ребенком раскладывали разные предметы, и по тому, что он из них выбирал, как бы определялась его будущая профессия, будущий род занятий. Все, что происходило в жизни ребенка, отмечали в семье — первое купание, первое обрезание ногтей, появление первого зуба и т.д.

Наречь новорожденного именем мог каждый член семьи, сосед, даже прохожий или гость. Но для этого человеку, дающему имя ребенку, необходимо было подарить нареченному именем рубашечку и подарок новорожденному и матери. В честь родившегося весной или осенью сажали деревце в саду, за которым бережно ухаживали: когда оно зацветало, это считалось доброй приметой.

Если до рождения сына погибал отец, ребенка нарекали именем Тхарахмет, что означало «Благодарность Богу», т.е. родился продолжатель рода, и жизнь продолжается. В честь родившегося мальчика над воротами вывешивался белый флаг, и все селение радовалось вместе с семьей новорожденного приходу в мир нового человека. В честь ро-

дившейся девочки вывешивали пестрый флаг. Бабка-повитуха становилась родней семьи родившегося ребенка.

## О ПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Первые дни за ребенком и роженицей ухаживала повитуха, а также опытная женщина из числа родственников мужа. Одновременно их окружали вниманием и соседки. В их обязанности входило приготовление для роженицы котелка горячего молочного супа из пшеничной или кукурузной муки с добавлением небольшого количества масла, а также лакумы, пирогов. Этим супом, который так и назывался «суп для роженицы» (*фыз лъхуа хьэнтхъунс*), каждый день поили молодую мать, справедливо считая, что такая пища усиливает лактацию. Молодые женщины учили ее уходу за ребенком, его кормлению.

Большинство семей-адыгов были многодетными. Часто рождались дети-погодки, и матери приходилось порой одновременно кормить двух-трех детей. В случаях если у матери было недостаточно молока или когда дети были больны и ослаблены, подыскивали кормилицу, которая могла бы ей помочь. Процесс кормления происходил в тихой и спокойной обстановке, вдали от посторонних взглядов, чтобы ребенка не могли сглазить. Для нормального физического и психического развития ребенка женщинам издревле и по сей день рекомендуется кормить грудью до трех лет.

В настоящее время в Республике Адыгея грудное вскармливание считается традиционным, однако до трех месяцев жизни на естественном вскармливании находится не более 40–50% детей, до шести месяцев — 20–30%. Однако в 3–5% случаев женщины-адыгейки кормят детей грудным молоком до 1–1,5 лет.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Бгажников Б.Х. Культура общения и этнос. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1984. 31 с.
2. Блягоз З.У. Жемчужины народной мудрости. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1992. 128 с.
3. Казанов Х.К. Культура адыгов. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1993. 256 с.
4. Марченко Е.М. Историческая эволюция института материнства у народов Северного Кавказа: вторая половина XIX века – 20-е гг. XX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2009. 35 с.
5. Сообцокова Н.И. Адыги, черкесы: люди, нравы, обычаи и традиции. Майкоп: Изд-во «Качество», 2009. 295 с.

# Традиции рождения и вскармливания детей народов Астраханского края: от средневековья до первой половины XX века

О.П. Каменева, Р.А. Таркова, Е.П. Казакова,  
Д.В. Васильев, Н.В. Лосева, С.И. Нагайкина

Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Российская  
Федерация

Астраханский музей-заповедник, Астрахань, Российская Федерация

\* \* \*

Богатая история многонационального Астраханского края сохранила свидетельства повседневного существования и быта племен и народов, сменявших друг друга или мирно существовавших в одну эпоху. Сложившиеся за столетия традиции, связанные с рождением и вскармливанием детей, не только имеют неповторимое своеобразие в культурно-бытовой среде каждого этноса, но и оказывают взаимное влияние, трансформируются под воздействием многочисленных факторов.

Исторические источники позволяют выявить ряд особенностей материально-бытовой среды, связанных с деторождением и вскармливанием младенцев у кочевников сарматской эпохи, Золотой Орды и более позднего Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.), казахского и ногайского этносов, а также оседлого татарского и казачьего населения Астраханской губернии XVIII–XIX вв., городских жителей — купцов и мещан — армянского и русского происхождения в конце XIX – начале XX в.

Интересны найденные в сарматских погребениях урочища Кривая Лука костяные трубки — горлышки от кожаных бурдюков для молока. Все они относятся к раннему железному веку. Кочевники-сарматы



*Костяные трубки*

(IV век до н.э. – IV век н.э.) могли использовать их в том числе и для питания младенцев — в отсутствии или в дополнение к грудному вскармливанию.

К детям кочевники относились довольно бережно. Судя по погребениям, принадлежавшим кочевникам-тюрькам, устойчивым компонентом погребального обряда является сопроводительное захоронение животных — лошадей, баранов, верблюдов. Вероятно, в детских погребениях баран клался к умершему как его личная собственность. До определенного возраста дети не имели в личной собственности лошадей, но мелкий рогатый скот им дарили очень рано. На территории Астраханской области в 21 из 73 изученных тюркских погребений домонгольского времени были обнаружены части туш баранов, и в каждом из этих случаев баран играл роль загробной пищи (в погребениях почти всегда встречались части задних конечностей и ребра). Образ барана занял важное место в культуре тюрков. Части скелета барана наделялись способностями оберегать своего хозяина от злых духов: так, альчики (надкопытные кости, используемые для игр), подвешенные у колыбели, должны были охранять беззащитных младенцев, амулеты из копыт баранов должны были обеспечить взрослому владельцу удачу в семейной жизни [1].

Уход за младенцами у жителей Золотой Орды включал и заботу об обеспечении спокойного сна и гигиены, особенно во время кочевков. В Астраханском музее-заповеднике сохранились 4 необычных сосуда, найденных на раскопках золотоордынских памятников. Это туваки — по сути, детские ночные горшки, которые встраивались в дно колыбели независимо от пола младенца и служили мочеприемником как во время перекочевков, так и при стационарном размещении семьи. Все они от-





Туваки. Из фондов Астраханского музея-заповедника

носятся к XIV в. Облегчал жизнь родителям новорожденных и стеклянный или костяной сумак — мочеприемник для грудных детей (Золотая Орда, XIV в., с. Селитренное).

Множество традиций и суеверий окружало новорожденного у астраханских **казахов** с целью защитить его от разнообразных злых сил и способствовать его благополучному взрослению. Астраханские казахи — выходцы из Младшего жуза, переселившиеся в междуречье Волги и Урала в 1801–1803 гг. Существовали Малый, Средний и Большой жузы, каждый из которых имел своеобразные нравственные установки и требования к окружающим. Например, не допускалось брать невесту из другого жуза, ибо это «разоблачало» род и его благосостояние.

В целях укрепления рода существовал обычай сватовства детей еще с колыбели (*бесік қуда* или *қарсы қуда*). Родители сами подыскивали достойную пару своим детям. Принимались во внимание материальное благосостояние, взаимоотношения между семьями и родовая принадлежность. Иногда родители новорожденных уже обговаривали условия будущей помолвки и с самого раннего возраста настраивали своих де-



Сумак, фрагменты. Из фондов Астраханского музея-заповедника

тей на дружеские отношения, внушая им, что они предназначены друг для друга самой судьбой либо Аллахом.

Пышно и богато проводился родильный обряд в тех семьях, где рождался долгожданный ребенок, наследник. В течение 40 дней ребенка купали в соленой воде и всячески оберегали от посторонних глаз, боясь, что кто-нибудь может сглазить. По истечении 40 дней устраивали праздник укладывания ребенка в колыбель (*бесик той*) и имянаречения (*азан шакрат*). К процессу имянаречения относились с особой серьезностью. Самый авторитетный родственник ребенка — чаще всего это был родной дед — давал имя новорожденному. Очень почетно было давать имена эпических героев. Для имянаречения приглашали муллу, который три раза кричал имя в правое ухо ребенка. Перед тем как ребенка внести в комнату и положить его в колыбель, проводился обряд очищения жилища (*аластау*). С древних времен сложилось поверье, что в жилищах людей водятся нечистые силы, приносящие вред человеку. Выполняла обряд уважаемая женщина, наделенная положительными качествами характера. Ей подавали металлическое блюдо, в котором на угольках кизьяка дымилась сера, козий или бараний жир. Женщина с этим блюдцем обходила комнату, колыбель. После этого под подушку клали зеркальце, расческу с пожеланиями, чтобы ребенок был красивым, крепким, ножницы — чтобы был мастером своего дела. На поперечную перекладину подвешивали амулет от сглаза. Родители подносили ребенка, женщина укладывала его в колыбельку, завязывала две завязки (*бау*), накрывала семью вещами — специальным одеялом, чтобы ребенку всегда было тепло, и сон был крепким; чапаном, чтобы был уважаемым в народе; шубой и попоной, чтобы был богатым, состоятельным. Укладывалась узда, чтобы быстро вырос; кебенек и ногайка — чтобы стал защитником интересов своего народа. В этот день резали барана с целью получить благословление от бога. Также мулла читал молитву, желая младенцу здоровья и благополучной жизни. На праздник приглашали много гостей, т.к. мясо следовало обязательно съесть. Если угощение оставалось, его необходимо было раздать. Готовили в основном национальные угощения, такие как *беспармак* («пять пальцев», т.к. есть надо пятью пальцами), пекли *баурсаки* (пирог). Женщина, которая укладывала в колыбель ребенка, подставляла тарелочку или кулечек под колыбель и спрашивала у присутствующих: «Тыштыма?» Тому человеку, кто ответит

«тышты», отдавали угощение. Так получали праздничное угощение и взрослые, и дети.

Когда ребенку исполнялось 40 дней, ему сбывали волосы: считалось, что ребенок таким образом обновляется. В течение 40 дней ребенка прятали от посторонних глаз из-за боязни сглаза. Однако не все придерживаются этого обычая или придерживаются его частично, показывая ребенка только близким людям. Если же кто-либо случайно увидит младенца до истечения сорока дней, тогда он должен дать деньги его родителям. Так, с помощью этого обряда родители как бы пытаются получить помощь от Бога, поддержку по защите их любимого чада от разных невзгод.

Помимо праздника имянаречения проводят обряд «первый шаг» (*тусау кесу*). Когда ребенок делает попытки начать ходить, его ноги обвязывают лентой, оставляя между ними 20–25 см. Затем нужно перерезать путы, когда ребенок совершает шаг. Для этого выбирают физически сильных людей, чтобы ребенок твердо шел по жизни в дальнейшем. Проживание казахов в Астраханской области вдали от своей исторической Родины накладывает существенный отпечаток на становление и современное состояние казахских обрядов. Непроизвольно в процессе эволюции происходит копирование традиций и обычаев русского населения. Это, в свою очередь, позволяет казахам интегрироваться в российское общество [2–6].

У казахов Енотаевского района Астраханской области все вышеназванные обряды получили свою специфику. Рождение ребенка — огромное событие в жизни казаха. С появлением младенца в семье связывают целый ряд традиций и мероприятий — *ат кою* (наречение), *бесіке салу*, *тыштырма* и т.д.

*Ат кою* — торжественная церемония, которой казахи придают особое значение. Ребенку стараются дать красивое имя или имя знаменитого человека, чтобы он стал похож на него. При этом обряд поручается уважаемым людям, которые тут же и благословляют новорожденного (*бата*). Вместе с тем родители избегают называть детей именами великих и святых. Имена в прежние времена часто давались в зависимости от обстоятельств, имевших место при рождении ребенка. Например, если мальчик появился в месяце *наурыз*, то сына называли Наурызбаем, если во время празднования *Айта* — Айтбаем, во время сенокоса — Шоптібаем. Если рождались одни девочки, то им давали имена

Улболсын, Ултуган, Улмекен (от *ул* — мальчик) в надежде, что следующим родится обязательно наследник. Чтобы не сглазить, ребенку давали и такие смешные имена, как Башай, Коскулан, Итемген, Кушiк и т.п. В наше время очень часто детям дают имена многоуважаемых людей: Бауыржан, Абай, Олжас, Сэкен, Абылай, Фариза.

Священной реликвией каждой семьи считается *бесiк* (колыбель). Ее в большинстве случаев дарят внуку родственники по линии матери «нагашы». *Бесiк* бережно хранится в доме и передается из поколения в поколение. Иногда сыну может посчастливиться спать в колыбельке, в которой некогда спал его отец.

Когда ребенка впервые укладывают в колыбель, проводится обряд *бесiке салу* (укладывание в колыбель). Право осуществить такую ответственную миссию поручается, как правило, специально приглашенной мудрой и уважаемой бабушке, имеющей многочисленное потомство.

Прежде чем уложить младенца в колыбель, к ее изголовью привязывают амулет, который, согласно поверью, будет защищать ее от злых духов. После того, как уложили малыша, колыбельку накрывают семью различными вещами, каждая из которых имеет определенный смысл и, согласно поверью, может оказать влияние на судьбу ребенка. Например, шуба или дорогой чапан — символы богатства, положения в обществе; уздечка означает пожелание родителей видеть сына сильным и ловким, способным обуздать любого коня, а кебенек — походная одежда для героев и храбрецов — сулит ему славу *батыра* — защитника Отечества.

Когда ребенка впервые укладывают в колыбель, также проводится обряд *тыштырма*. Прежде чем укладывать младенца в колыбель, в дырочку, расположенную в середине колыбели, где установлен специальный горшочек, обеспечивающий сухость и чистоту ребенка (далекий предок нынешних памперсов), кидают конфеты и другие сладости, приговаривая «*тышты, тышты*». Их тут же, подставив ладони, подхватывают собравшиеся женщины и дети.

На 41-й день со дня рождения ребенка женщины, собравшиеся в доме новорожденного, купают малыша, впервые стригут ему ногти, сбрасывают волосы на голове. Этот обряд называется *кыркынан шыгару*. Исполнившим этот обряд полагается дарить подарки в знак благодарности, а всех присутствовавших при знаменательном событии приглашают к угощению — *дастархану*. Кстати говоря, у казахов числа 3, 7 и 41 считаются особенными, благодатными.

Когда малыш делает первые шаги, проводится ритуал *тусаукесер* (разрезание пут). Ребенка обвязывают тонким пестрым шнурком или веревкой, сплетенной из травы, разрезать которые доверяют энергичному многодетному человеку. Обряд сопровождается песнями и пожеланиями, чтобы ребенок твердо стоял на ногах, уверенно шел по жизни. Ритуал завершается *тоем*. В старину после *тусаукесер* ребенку дарили коня и седло. Пестрый шнурок подразумевает, что в жизни бывают не только белые, но и черные полосы, а будущий наследник должен уметь преодолевать трудности. Веревка, сплетенная из травы, означает процветающую жизнь и много детей [7].

У **ногайцев** также существовало много религиозно-магических обрядов, направленных на защиту новорожденного. По представлениям ногайцев, к роженицам могла прийти демоническая сущность *албаслы*, чтобы проглотить ее или убить младенца. Поэтому они тщательно охраняли помещение роженицы. Рожать женщина уходила в дом своих родителей за месяц или за два до родов. Некоторые (караногайцы) всех своих детей рожали в родительском доме, другие (едисанцы) только первенца — *тунгъош*.

Родильница оставалась в доме своих родителей, пока ребенку не исполнится 40 дней. Муж в течение этого времени не имел права посещать жену. С появлением мальчика на свет подростки спешили к родственникам сообщить радостную весть и получить подарок. Рожала женщина в той же юрте, где жила до замужества. При родах присутствовали мать и ее *енге* (сноха). Роль акушерки выполняла опытная бабка-повитуха. Отрезав и завязав пуповину, бабка опускала ребенка в соленую воду, пеленала и, соблюдая обычай *аналык* (материнство), передавала сосать грудь другой женщине из дома или соседке. Эта женщина получила от семьи подарок — серебряное кольцо. *Суът ана* (молочная мать), таким образом, становится как бы второй матерью ребенка и почитаема им всю жизнь.

С материнско-родовым началом можно связывать обычай, согласно которому дед и бабушка, после того как внук или внучка отнимались от груди, нередко воспитывали их сами.

Очень важным моментом, сопровождавшимся целым рядом религиозно-материнских обрядов, было торжественное укладывание ребенка в люльку (*бесик*) через неделю после рождения. В это день собирались близкие родственницы, которым хозяйка дома устраивали богатое уго-

щение. Гости приносили подарки ребенку и бабушке. Когда все были в сборе, одна из родственниц приносила младенца в столовую семью и передавала его в руки старшей женщины (*куртка*), которая торжественно укладывала его в люльку, причем два раза намеренно неправильно. Совершая этот обряд, она каждый раз обращалась к присутствующим: «Правильно ли я кладу?» Те отвечали: «Нет». Наконец, в третий раз она укладывала ребенка как надо. После этого одна из женщин, которая специально держала в руках кошку, тут же клала ее на грудь ребенка, чтобы он спал «много и спокойно, как кошка». В этот момент другая женщина трижды подкатывала под люльку куриное яйцо со словами «*юмырткадай тыгысын*» (пусть катится как яйцо). Обряд этот завершался тем, что одна из присутствующих женщин, имеющая ребенка грудного возраста, давала младенцу свою грудь. На этих же торжествах ребенку давали имя. Обычно имя, заранее одобренное семейным советом, кричали в ухо ребенка.

Если дети часто умирали, то, полагая, что семью преследует дух смерти, через 5–6 дней, а иногда и через год после рождения ребенка инсценировали обряд его похищения или усыновления. В таких случаях кто-нибудь из соседок или родственников уносили ребенка к себе. В новой семье ему меняли имя, надевали на левое ушко кольцо. Родители инсценировали поиски «пропавшего» ребенка, через некоторое время его «находили» и «покупали» за деньги. Считалось, что семья, отдав на время ребенка в другой дом, могла запутать дорогу нечистым силам.

Через 1–1,5 года ребенка отнимали от груди; столько же, а иногда и больше держали в люльке. Молодая мать не имела права качать своего ребенка в люльке, держать его на руках при старших: эти обязанности выполняли старшие женщины или девочки-подростки. После 6 месяцев или 1 года ребенку впервые стригли волосы. Для этого его вели к деду или дяде по матери [8–12].

**Астраханские татары** — этническая группа татар, проживающая в основном в Астраханской области. Исследователь Д.И. Исхаков относит их к этнотерриториальной группе татарской этнической общности. Делятся на юртовских татар, кундровских татар, карагашей (в прошлом выделяли еще татар трех дворов и емешных татар). Говорят на татарском языке; языки юртовских татар и карагашей испытали сильное влияние ногайского языка. В формировании астраханских татар приняли участие народы, кочевавшие по Нижней Волге. В процессе консолидации

астраханских татар определяющую роль сыграли Золотая Орда и образовавшиеся после ее распада Астраханское ханство и Ногайская Орда.

Влияние на этнокультурное развитие астраханских татар оказали волжско-уральские (в основном казанские) татары, переселявшиеся с XVII в. в Астраханскую губернию. В начале XX в. волжско-уральские татары составляли 1/3 всех татар Астраханской губернии. Во второй половине XIX – начале XX в. астраханские татары с волжско-уральскими и сибирскими татарами консолидировались в единый татарский этнос, большинство астраханских татар не выделяют себя как особую этническую общность.

Бездетность в понимании юртовских татар представляется большим несчастьем. Кроме того, юртовцы, будучи мусульманами, считают, что продление рода является основной функцией семьи.

В период беременности будущая мать должна соблюдать различные запреты, базирующиеся на представлениях о необходимости сохранения собственной жизни и жизни ребенка. В разговорах с беременной табуируется тема смерти; ей запрещается употреблять спиртные напитки, курить. К 5–6-месячному сроку беременности женщине не рекомендуется выполнять трудоемкую работу (поднимать тяжести, работать в поле, заниматься генеральной уборкой жилища и прочее).

Роды у сельских юртовских татар проходили в чистой половине дома под присмотром бабки-повитухи (*кендек эби*). Иногда помощь роженице оказывала ее свекровь или опытные пожилые женщины. В их задачи входило не только принятие родов, но и подготовка и проведение послеродовых процедур. Бабка-повитуха становилась незаменимой помощницей для женщины в первые дни после родов. Возлагаемые на нее обязанности делали ее в дальнейшем весьма почитаемым человеком в семье роженицы. К ней относились в семье как ко второй матери ребенка. Одна из основных функций повитухи заключалась в том, чтобы напрямую воздействовать на ход родов. Руками она активно массирует живот роженицы, чтобы облегчить и ускорить процесс родов. Издавая при этом «рыгающие» звуки (и имитируя тем самым процесс «оживотворения» не вышедшего еще из чрева матери ребенка), повитуха читала молитвы из Корана [13].

О рождении ребенка первым сообщалось деду (*мал атау*). Дед спрашивал, кто родился. И если это был мальчик, то радость была вдвойне — наследник родился, продолжатель рода. Дед тут же дарил внуку

корову или телку, лошадь или кобылку, если семья была зажиточной. Менее зажиточные — овцу или козу, на худой конец — ягненка. Могли дарить даже будущий приплод. Когда семья сына отделялась своим хозяйством от отца, то внуки уводили дареную скотину в свое хозяйство. Если же рождались девочки, тоже радовались; когда подряд рождались 5 девочек, тогда шутили над незадачливым отцом: «*Мэлиш ашы́йсын, кайгырма*» («Не переживай, будешь свадебный пирог кушать»). Это намек на обычай сватовства татарских девушек, согласно которому и на сватовство, и на свадьбу несут большие пироги, а самый большой — отцу.

Новорожденного малыша до 40 дней приходит купать близкая родственница, которая хорошо это умеет делать. Она обучает всему молодую мать. За это ее в конце угощают и одаривают подарками.

*Бишек-туй* дословно переводится «свадьбы люльки». Это торжество, посвященное рождению ребенка. Имя ребенку дают через несколько дней после рождения. Зовут муллу, который читает специальную молитву, затем несколько раз шепчет в ухо ребенка его имя. На *бишек-туй* приходят гости и со стороны отца ребенка, и со стороны матери. Бабушка со стороны матери собирает приданое маленькому внуку (внучке). Обязательным было нести маленькую детскую *арбу* (деревянную тележку). Она небольшая, в нее клали мягкий тюфячок, сажали маленького ребенка и катали по комнате. Или он просто сидел в нем. Дед со стороны матери тоже дарил своему внуку (внучке) какую-либо скотину. Или ее сразу привозили, или она росла и давала приплод до того времени, пока родители ребенка сами решали взять ее в свое хозяйство. Если ребенок долго не мог ходить, то брали веревку, связывали ему ноги, ставили на пол и с молитвой и пожеланиями быстрее пойти разрезали эту веревку ножницами.

Первое купание новорожденного у юртовцев проводилось в молоке либо в воде. Если новорожденного купали в воде, то в нее добавляли душистые травы (череду, мяту). Для проведения процедуры купания воду (в объеме ведра) обязательно кипятили; затем в нее добавляли раствор марганца либо настой трав. Затем новорожденного заворачивали в рубашку отца или, иногда, в бабушкино платье с тем, «чтобы младенец дожил до ее лет». Этот ритуал, возможно, имитировал также рождение младенца в «счастливой рубашке»: от отца-мужчины ребенок должен был получить силу и мужество, от бабушки — мудрость и долголе-



тие. После купания и «угощения» младенца выкладывали в колыбель (*бишек*). В настоящее время ее заменила обычная деревянная кровать. Колыбель у юртовских татар наделялась сакральными свойствами, и потому она не входила в разряд обыденных предметов домашнего интерьера. Под матрац, положенный на дно колыбели или кровати, необходимым считается класть перочинный ножик или ножницы либо молитвенник (Коран). Последний, очевидно, следует рассматривать как весьма позднее замещение ножа и ножниц, распространившееся под воздействием ислама. Обычай класть названные предметы в качестве оберегов сохраняется у юртовцев и в настоящее время [13].

Кормление грудью ребенка осуществляется в настоящее время юртовскими татарками до полутора-двух лет, а в прошлом этот срок был более продолжительным. Мать прикладывала новорожденного к груди фактически сразу с момента рождения и отнимала его лишь тогда, когда малыш становился достаточно самостоятельным.

Таким образом, мусульманские народы Астраханского края вели исконно скотоводческий образ жизни, следовательно, женщина больше времени проводила дома или недалеко от него, то есть она больше времени могла уделять ребенку и успешно кормить его грудью. Влиял и религиозный фактор: Коран предписывает кормить младенца грудью до 2 лет, и ослушание сурово наказывается.

Во время отлучения ребенка от груди юртовские татарки прибегали к различным хитростям, в частности к смазыванию сосков острым перцем или золой перед кормлением. Кормящие матери туго утягивали грудь платками — это должно было сдерживать, по их мнению, поступление молока. В некоторых селах младенцам клали на язык 2–3 коротких волоска, вырванных из бровей или с головы матери с тем, чтобы они (волосы) мешали сосать грудь в полную силу [13].

**Калмыки**, вошедшие в состав России в XVII в., — единственный в Европе монголоязычный народ. В 50–80-х гг. XVII в. в Нижневолжских степях формируется Калмыцкое ханство во главе с торгоутской династией, отношения ханства с Россией носили вассальный характер. К моменту вхождения в состав России в XVII в. ойратские племена обладали значительными культурными традициями и навыками, приобретенными в процессе длительного этногенеза под влиянием монгольских, китайских, тибетских культурных достижений. Буддизм являлся их государственной религией.

Рождение детей в семье калмыков — это самое важное, после брака, событие, и сопровождается оно рядом обрядов и поверий. Во время родов в кибитке присутствуют только женщины. Если роды трудные и продолжительные, то после проведения дополнительных мероприятий — встряски, искусственного потягивания и сжимания живота роженицы — приглашают *гелюнга* (жреца) для чтения специальных молитв. После того как ребенок родился, его, не омывая, заворачивают в теплую и мягкую ткань и оставляют так до того дня, пока не настанет указанный *зурхачи* (астрологом) «счастливый» день. Если родился сын, то одна из присутствующих в кибитке женщин отыскивает отца, снимает с него шапку и уносит в кибитку, чем и дает ему знать, что родился сын. Затем шапку необходимо выкупить. Для этого отец готовит угощения для присутствующих при родах женщин: варит чай, угощает *борцогом* (лепешками). После угощения отец получает назад свою шапку. Шапки снимают и с родственников мужа и требуют выкупа с них. В день рождения ребенка отец режет барана и приносит его в жертву — это делают для счастья ребенка.

В день рождения ребенка в кибитку приходят все родственники и друзья: для них накрывают стол, но не поют песен и не устраивают танцы. Во время пира гости дарят новорожденному серебряные монеты. В назначенный *зурхачи* «счастливый» день ребенка моют вместе с той тканью, в которую он был завернут после рождения. Купает ребенка мать при содействии посторонних женщин. Купель для омовения готовится следующим образом: в большое корыто наливают теплую воду, в нее добавляют немного соли, молока, арьян и можжевеловые ягоды. В день первого омовения в кибитке устраивали угощения для родственников и знакомых.

После отпадения у ребенка пуповины (на 5–6-й день) к новорожденному приглашают *зурхачи* для указания его судьбы и наречения имени. Достаточно оригинальной у астраханских калмыков была система имен. Есть у калмыков имена национально-религиозного происхождения, но их немного. Самые популярные имена следующие: Эрдни (Сокровище), Убуши (Монах), Очир (Жезл), Бадма (Лилия), Наран (Солнце), Саран (Луна) и т.д. Такие имена *зурхачи* дает первому сыну в семье и в исключительных случаях — дочери. Следующих детей называют по имени урочищ, рек, озер, где они родились. Но если дети умирали, то последующих нарекали по названию животных или по имени перво-

го встречного человека или даже предмета. Таким образом, проходила своеобразная подмена. По убеждению калмыков, смерть детей происходит от действия злых духов, и для того чтобы ввести в заблуждение этих злых духов, детям дают имена животных. Есть и другие обычаи, предотвращающие, по поверьям калмыков, детскую смертность. В той семье, где дети умирают, новорожденного не показывают посторонним лицам, а иногда даже и родственникам, словно ребенка вообще нет. Ребенка могли прятать непосредственно перед входом посторонних лиц в кибитку или же совершенно не допускали в кибитку посторонних. Чаще всего такая охрана ребенка длилась несколько месяцев, но иногда доходила до года. Особые заботы вызывал только первый сын, и только при рождении первенца соблюдались все церемонии.

Мать после родов поили холодной водой, и в первый же день она уже вставала с постели и начинала исполнять домашние работы. Пищу по возможности ей улучшали: резали барана и готовили *шулюм* в течение 10–15 дней. Первые 2–3 дня давали жидкий чай. Вскоре после рождения ребенку в рот клали кусочек бараньего сала, а затем прикармливали салом постоянно весь период, пока мать кормит его своей грудью. Детей пеленали достаточно крепко, привязывая к доске надолго, особенно в холодное время, а для естественных нужд в доске делали небольшое отверстие.

При кормлении грудью ребенка клали не перпендикулярно к ногам матери, как у русских, а наискось, и даже прямо между ее ног: ребенок всегда находился в наклоненном положении с приподнятой головой. Когда ребенок подрастал и мог держаться руками, то мать носила его под плечом, как бы верхом на своем правом боку, так что одна нога ребенка находилась спереди, а другая сзади правого бока матери, а руками он держался за плечо или за одежду матери, которая своей правой рукой слегка поддерживала его. Возможно, это влияло на то, что калмыки с детства хорошо держались на лошади и были отличными наездниками [14].

У **астраханских казаков** также сформировались свои традиции ухода за новорожденными. В начале XVIII в. крайне обострилась проблема защиты южных рубежей России, в частности Нижнего Поволжья, в связи с чем появилась идея формирования защиты в первую очередь калмыцких кочевий. В 1737 г. была создана трехсотенная казачья команда. Станицы астраханских казаков не имели традиционных для казаче-

ства демократических форм самоуправления и, по сути, представляли собой военные поселения. Для казачества была характерна большая неразделенная семья. У донских, уральских, терских, кубанских казаков существовали трех-четырёхпоколенные семьи, численность которых доходила до 25–30 человек. Большую часть своей жизни казак проводил в войнах и походах вдали от дома. Поэтому в таких условиях продолжение рода было предметом особой заботы не только каждой казачьей семьи, рода, но и всей станицы, всего Войска. И это было главной традицией, определявшей уклад станичной жизни казаков. В соответствии с этой традицией отсутствие детей считалось величайшим несчастьем, в котором видели либо наказание за грехи, как собственные, так и предков, либо испытание, посланное Богом. В казачьи семьи независимо от их достатка охотно брали подкидышей или детей родственников из бедных семей. Казаку, взявшему приемыша, на всех сходах и переделах сразу выделялся лучший земельный пай, а сироте нарежали пай полный, независимо от возраста. Сирота автоматически считался казаком, и на него распространялись все привилегии.

В Астраханском казачьем войске была должность повивальных бабок с целью оказания квалифицированной медицинской помощи роженицам и новорожденным. Казак рождался воином, и с появлением на свет младенца начиналась его военная школа. Новорожденному все родные и друзья отца приносили в дар на зубок ружье, патроны, порох, пули, лук и стрелы. Эти подарки развешивались на стене, где лежала родительница с младенцем. По истечении 40 дней, после того как мать, взяв очистительную молитву, возвращалась из родительского дома, отец надевал на ребенка португепю от шашки, придерживая шашку в своей руке, сажал на коня и потом возвращал сына матери, поздравлял ее с казаком. Когда же у младенца прорезывались зубы, отец и мать сажали его вновь на лошадь и везли в церковь служить молебен Ивану-воину. Первыми словами малютки были «но» и «пу» — понукать лошадь и стрелять. Военные игры за городом и стрельба в цель были любимыми занятиями молодежи в свободное время. Эти упражнения развивали меткость в стрельбе, многие из казаков могли на значительном расстоянии выбить пулей монету, зажатую между пальцев. Трехлетние дети уже свободно ездили на лошади по двору, а в 5 лет скакали по степи. Еще одна казачья традиция — мужчину должен воспитывать мужчина. Поэтому с пятилетнего возраста все воспитание и обучение казаков ло-

жилося на отца, а в его отсутствие — на других старших мужчин в роду. Мать с этого времени почти не видела сына.

Мальчика стригли первый раз, когда ему исполнялся год: на женской половине дома крестная срезала его первые прядки волос, которые потом на протяжении всей жизни сохранялись за именной иконкой. Крестный отец обучал своего крестника всем церковным обычаям и всем видам воинского искусства. Считалось, что отец может быть излишне строг или чрезмерно мягок, а духовный отец будет и строг, и справедлив. Стрелять казака учили с семи лет, рубить шашкой — с десяти. С восьми лет отец учил ездить сына на коне, учил держать его свое тело, учил управлять конем. Отец был в ответе перед правлением атамана за воспитание сына как воина. В основе всего воспитания и обучения казаков лежал принцип «делай как я». Подражание старшим делало ребенка настойчивым, смелым, решительным.

Рождение девочки не праздновалось так широко, как рождение мальчика. Однако появление на свет девочки тоже было радостью — тихой, домашней, овеянной легендами и молитвами. Ребенка до трехмесячного возраста никому не показывали, боясь сглаза, и даже крестить в церковь носили с закрытым кружевами лицом.

**Армяне** — один из древнейших народов мира, пронесший свой язык и культуру без кардинальных изменений на протяжении более чем трех тысячелетий. Уже в первой четверти XVII в. в Астрахани начала формироваться Армянская слобода, а в 1630-е гг. возник Армянский гостинный двор.

Традиционно (особенно в селах) в армянских семьях много детей. В каждом селе была женщина, которая обладала мастерством принятия родов. Звалась она *татмер*. Приняв новорожденного ребенка, *татмер* посыпала его солью, тем самым защищая от возможных вирусов. Все женщины, которые принимали участие в приеме родов, снимали с себя все золотые украшения и пояса и мыли руки с солью после окончания родов. Если на свет появляется сын, а не дочь, — устраивают большой праздник, собирают вокруг постели родильницы всех родственников и друзей, особенно женского пола. На следующий день приходит священник и окропляет ребенка святой водой. Через месяц или два отец ребенка выходит на улицу, находит юношу, чье лицо ему нравится, даже если он с ним не знаком, и просит его зайти к нему в дом. Незнакомец,

догадываясь, зачем его зовут, никогда не отказывается. Молодой человек берет ребенка на руки и относит его в церковь, сопровождаемый всеми родственниками и друзьями, какие есть в доме. В церкви ребенка купают в теплой воде, священник мажет ему лоб оливковым маслом, свивает вместе белую и красную нитки, надевает их, как ожерелье, на шейку ребенка, скрепляет концы шариком из воска от свечи, на который накладывается печать с изображением креста. Шнурок на ребенке сохраняется до тех пор, пока печать не разрушится от длительного употребления или нечаянно.

Мать не встает с постели до крестин. После крестин крестный отец приносит ребенка, кладет его в постель к матери, и, начиная с этого дня, она уже может покинуть ложе. Все садятся за торжественный обед. Но всю посуду, использованную на этом обеде, бьют. В первый день нового года, наступившего после рождения ребенка, крестный отец в соответствии со своими возможностями преподносит матери подарки. После этого в течение 40 дней (*карасунк*) матери и ребенку не разрешалось ходить в церковь. После *карасунка* мать с ребенком должны были прийти в церковь и совершить перед храмом сорок поклонов на коленях, после этого можно было зайти в церковь. Когда мать возвращалась из церкви, то ее вместе с ребенком купали, сорок раз поливая водой *карасункатасом* — так называлась чаша, которой поливали их. По некоторым сведениям и рассказам самих армян, раньше в армянских семьях детей кормили грудным молоком достаточно долго, иногда до 6–7 лет, хотя в это же время они питались и другой едой [15].

Вскармливание детей в среде горожан — астраханцев XIX – начала XX в. — уже лишилось некоего этнокультурного своеобразия, трансформируясь под воздействием медицинских и научных знаний, переходя их разряда сугубо семейного дела в категорию общественного и государственного.

Помимо специалистов-медиков в городе предоставляли свои услуги и повивальные бабки. Их численность колебалась в разные годы от 45 до 40, больше всего в центре — во 2-м и 4-м городских участках, на Набережной Кутума, улицах Екатерининской и Полицейской, на Мало-Демидовской, в Театральном пер. и т.д.

Акушеркой называли женщину, получившую подготовку и способную «оказывать необходимое пособие при родах». Официальное название — повивальная бабка, повитуха (сельская). Повивальные бабки

получали свое образование в акушерских школах. Они имели право брать себе учениц. В 1872 г. при Военно-медицинской академии были открыты первые акушерские курсы, которые просуществовали 10 лет и приняли 959 слушательниц. В астраханской повивальной школе готовились свои местные кадры. В эту школу принимали учениц всех вероисповеданий, преимущественно из сельского, казачьего и инородческого населения губернии. Обучались 2 года, получали квалификацию «сельская повивальная бабка», и если желали заниматься потом частной практикой в городе, то обязаны были приобрести по общим установленным правилам надлежащий диплом по экзамену.

Родильные дома (родильные приюты, родовспомогательные заведения) — благотворительные учреждения, главное назначение которых — «призрение бедных рожениц, а также вне брака рожаящих женщин». В некоторых роддомах имеются отделения для беременных, где проводят последние дни вынашивания женщины, бесприютные или нуждающиеся в особом наблюдении врача. Могли тут также производиться искусственные преждевременные роды. Некоторые роддома готовили акушерский персонал (родовоспитательные дома). Женщины проводят в роддомах 6–9 дней послеродового периода. В 1892 г. в России насчитывалось 10 правительственных роддомов, из них три в Санкт-Петербурге, один в Астрахани, 27 городских, из них 1 в Астрахани; есть также небольшие родильные отделения при некоторых больницах и акушерские клиники при медицинских факультетах. Но некоторые роддома вопреки своему филантропическому назначению отводили значительную часть своего помещения под отдельные комнаты для состоятельных рожениц, лишая тем самым приема действительно нуждающихся.



Младенец. Фото начала XX в.,  
Астрахань (фотография И. Бочкарева)



*Кормилицы дома матери и ребенка. 1924 г. (из фондов Астраханского музея-заповедника)*



*Грудное отделение дома матери и ребенка, 1934 г. (из фондов Астраханского музея-заповедника)*

В астраханских газетах конца XIX в. зачастую размещались фельетоны или возмущенные статьи в разделах местной хроники, авторы которых приводили вопиющие случаи невежества и халатности кормилиц — «нянек» и «мамок». Это обычно были женщины из народа, здоровые и достаточно надежные, чтобы им можно было доверить самого маленького ребенка. Мамки были даже в царской семье. В газете «Астраханский вестник» печатались объявления такого рода: «Требуется мамка. Адрес: Троицкий мост, дом № 139, Назарова» [16].

В Астрахани Городской родовоспитательный дом находился на Набережной Кутума, около церкви Илии Пророка. В нем было воспитательное отделение для бесприютных младенцев и родильное с 7 кроватями. Прием велся ежедневно и бесплатно, принимались и «секретные» роженицы (которые не хотели афишировать беременность). Частный родильный дом и женская лечебница работали на Облупинской пл., д. Ясырина. В акушерском отделении плата за роды и послеродовой период (7 дней) — от 20–50 руб. Прием рожениц производился «во всякое время дня и ночи». Было также убежище для грудных детей на 20 младенцев обоего пола, которое содержалось благотворительным обществом.

В Больнице Приказа общественного призрения работало родильное отделение. В этом заведении бесплатно принимали рожениц всех сословий, а также «секретных» рожениц на полном содержании заведения [17]. Во многом сформировавшиеся требования и уклад работы подобных учреждений «перекечевали» и в деятельность советских медицинских учреждений довоенного периода.



## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Жирова А.Г. Роль животных в погребальном обряде населения Астраханского края в домонгольское время. Астраханские краеведческие чтения. Сборник статей. Вып. III. Под ред. А.А. Курапова. *Астрахань*, 2011. С. 45–51.
2. Камзаева Э.М., Камзаев М.Г. Динамика родильной обрядности казахов Астраханской области XX–XXI вв.: электронный ресурс. Режим доступа: [ped-znanie.ru](http://ped-znanie.ru)
3. Бесенгалиева А.Х. Казахские обряды и обычаи, связанные с первым годом жизни ребенка. Традиции живая нить (сборник материалов по этнографии Астраханского края). Выпуск 9. *Астрахань*, 2004.
4. Дусалиева С.М. Традиции живая нить. Выпуск 9. Казахский обряд укладывания ребенка в колыбель (Бесик той). 2004.
5. Жигунова М. Печки-лавочки, куда-тесу — русские и казахи: общие черты в обрядах жизненного цикла. *М.: Родина*. 2004. № 2.
6. Урастаева Г.Д. Астраханские казахи: история и современность. *Астрахань*, 2000.
7. Денишева Г., Кадралиева А. Традиции и обычаи казахского народа. Традиции моего села. Учебно-исследовательская работа ученицы 8-го класса Денишевой Галии, ученицы 6-го класса Кадралиевой Альбины МБОУ «СОШ п. Волжский» МО «Енотаевский район» Астраханской области. 2013. URL: [http://vdohnovlennye.ru/?page\\_id=3511](http://vdohnovlennye.ru/?page_id=3511)
8. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – нач. XX в. *М.*, 1976. С. 6–10–89.
9. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев в XIX – нач. XX в. *М.*, 1979. С. 57–59.
10. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. *Черкесск*, 1988. С. 113–124.
11. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. *М.*, 1947. С. 92–99.
12. Якубов М. Очерки истории дагестанской советской музыки. *М.*, 1974.
13. Азизова Н.Р. Традиционная родильная обрядность юртовских татар. Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. *Курск: Изд-во КГТУ*, 2009.
14. Житецкий И.А. Очерки быта Астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. *М.*, 1893. Репринтное издание, *Ставрополь*, 1991.
15. Саргсян А. Армянские традиции воспитания детей. *Казань: Молодой ученый*. 2014;21:682–684.
16. Астраханский вестник: [Орган Астрах. губ. ком. партии нар. свободы] / Ред. С.А. Генкен. — 1889, 15 апр. – 1918, [?] – Астрахань, 1889–1917.
17. Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятные книжки Астраханской губернии. Астрахань, 1883–1916 гг.

## Грудное вскармливание младенцев в семейном укладе башкирского народа

Л.А. Даутова<sup>1</sup>, А.М. Бикбулатова<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Башкирский государственный медицинский университет,  
Уфа, Российская Федерация

<sup>2</sup> Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди, Уфа, Российская Федерация

\* \* \*

Грудное вскармливание во все времена представляло собой идеальный, эволюционно выверенный способ питания младенцев, представляющий уникальный шанс сохранить здоровье матери и младенца, избежать многих заболеваний во времени гораздо более отдаленном от рождения и вскармливания. Глубокая физиологическая и психологическая связь, заложенная еще во внутриутробном периоде, продолжается и после рождения именно посредством кормления грудью. Вскармливание материнским молоком является многовековой традицией, характерной для многих народов и национальностей России [1–3]. Грудное вскармливание являлось основным видом питания и залогом сохранения здоровья новорожденных и детей у башкирского народа, ведущего кочевой образ жизни в дореволюционной России.

Башкиры — коренное население Южного Урала, исповедующее ислам и имеющие уникальные культурно-этнические традиции, обряды и быт, которые несколько отличаются от других тюркских народов. У башкир, ведущих кочевой образ жизни и занимающихся скотоводством, издавна существовала архаическая большесемейная община, с разграничением отцовской и материнской линий родства. Главой семьи считался отец, несущий ответственность за имущество, организацию хозяйственного быта, соблюдение традиционных семейных устоев. Жена главы семьи, старшая женщина, была посвящена во все семейные дела, распоряжалась женской половиной хозяйственной деятельности

и пользовалась большим влиянием, почетом и уважением. С появлением невестки (*килен*) свекровь освобождалась от работ по хозяйству. Заботы по приготовлению пищи, уборке, уходу и дойке скота, приготовлению молочных продуктов и кумыса перекладывались на молодую *килен*. Среди богатых башкир было распространено многоженство. По мусульманскому обычаю, мужчине можно было заключить брак и жить одновременно с четырьмя женами, если им будет обеспечена достойная жизнь. По материалам VII ревизии (1816 г.) выборки 9 тыс. башкирских семей, «многобрачие составляло 12,5%, из них двоеженство — 11,4%, троюженство — 0,9%, четвероженство — в 0,08% семей» [4]. Сохранению экономической целостности большесемейной родовой общины, гарантией социальной защищенности детей в случае смерти одного из родителей служили обычаи *левират* и *сорорат*. *Левират* предполагал женитьбу младшего на вдове умершего старшего брата или дяди с последующей полной ответственностью за его имущество и семью. По *сорорату*, в случае преждевременной кончины супруги, вдовец мог взять в жены младшую сестру или племянницу умершей супруги.

В семейно-брачных отношениях были широко распространены обручение малолетних детей по согласованию родителей, ранние браки, сватовство, выплата *калыма* перед свадь-



*Башкирочки в головных уборах.*  
Фотография из архивов Национальной библиотеки им. Ахмет-Заки Валиди, Республика Башкортостан



*Башкирка с сосудом для кумыса.*  
Фотография из архивов Национальной библиотеки им. Ахмет-Заки Валиди, Республика Башкортостан

бой [5–7]. Средний возраст девушки при вступлении в брак составлял 16–18 лет, юноши — 18–20 лет. В бедных семьях могли выдать девушку замуж и раньше, в 13–14 лет. Обязательными составляющими компонентами брачного обряда являлись выплата *калыма* и приданого. Отец девушки обеспечивал ее приданым, которое считалось собственностью женщины. *Калым* представлял собой плату за девушку со стороны жениха как определенную компенсацию семье невесты за ее переход в род супруга. *Калым* включал крупный и мелкий скот, одежду для невесты, украшения.

Обязательной составляющей *калыма* являлась лисья шуба для матери невесты — она воспринималась как «плата за материнское молоко» [6]. Данный факт свидетельствует о признании башкирским этносом огромной заслуги матери в кормлении ребенка грудным молоком, которое позволяло сохранить физическое и нравственное здоровье детей. Понимали, что невеста, вскормленная грудным молоком, впитала все лучшее, что было свойственно для башкирских женщин: верная жена, заботливая мать, почтительная к старшим и родне мужа, трудолюбивая хозяйка.

Молодую невесту тепло принимали в доме мужа. Когда она спускалась с подводы, под ноги ей клали подушку или коврик: «Сойди, невестушка, опираясь, пусть ноги твои будут благословенны». При входе в дом свекровь встречала ее с туюсками, наполненными медом и маслом. Сначала подавалась ложка меда, затем ложка масла. Ритуал с подушкой означал пожелание доброго, мягкого нрава, спокойной жизни, с медом — сладоречивости, с маслом — мягкого обращения с окружающими. Надеялись, что она будет хорошей матерью, сможет родить и воспитать много детей, поскольку основой жизнедеятельности общества считалось здоровье и гармоничное развитие подрастающего поколения [6]. Башкирские семьи были многодетными, рожали до 16–18 раз.



Скульптура «Невеста».

А.П. Шутов, 1969 г.

Одной из национальных традиций питания и воспитания детей, несущей в себе глубинные истоки сохранения здоровья и нравственности, сохранившейся до настоящего времени, является грудное вскармливание, позволившее обеспечить выживание младенцев в сложных климатических и социально-бытовых условиях проживания кочевого народа. Башкиры считали, что ребенок вырастет крепким и здоровым в том случае, если он с первых дней



*Семья башкир.  
Фотография из архивов Национальной библиотеки им. Ахмет-Заки Валиди,  
Республика Башкортостан*

жизни будет получать материнское молоко. Кормили младенца грудью сразу после рождения: сначала давали правую, затем левую грудь, подавали каждый раз, как только заплачет [5]. Многочисленные современные научные исследования подтверждают правильность народного опыта, доказывая несомненные преимущества естественного вскармливания. Сбалансированное по своему составу грудное молоко наилучшим образом покрывает потребности растущего организма в полноценных белках, полиненасыщенных жирных кислотах, легкоусвояемых углеводах, витаминах и микроэлементах. Раннее начало кормления ребенка грудью позволяет заселить желудочно-кишечный тракт полезными микроорганизмами, что снижает риск развития кишечных инфекций, анемии, рахита. Многочисленные иммунологические факторы защиты грудного молока являются первой «прививкой» малыша, что было чрезвычайно важным условием сохранения здоровья детей кочевых башкирских племен при отсутствии медицинской помощи. Особенности состава молока в различное время суток и периоды лактации позволяют ребенку получить «персонализированное» питание в полном соответствии возрастным и временным требованиям [3]. Поэтому кормление грудью у башкир было довольно продолжительным — до 2–2,5 лет; более длительное время кормления не приветствовалось: считалось, что это может неблагоприятно отразиться на здоровье матери. Обращает на себя внимание существовавшая практика прикладывания ребенка к груди по мере возникновения у него признаков голода и обеспечение длительности сосания до полного насыщения. Данный национальный опыт кормления младенцев, существовавший столетиями, полностью соответствует

современным международным рекомендациям по питанию детей, изложенным в совместной Декларации ВОЗ и ЮНИСЕФ «Охрана, поощрение и поддержка грудного вскармливания: особая роль родовспомогательных служб» (1989), Инночентийской Декларации по защите, пропаганде и поддержке практики грудного вскармливания (1990), Глобальной стратегии по кормлению детей грудного и раннего детского возраста (2002). Указанные документы призывают обеспечить раннее прикладывание к груди, исключительное грудное вскармливание до 6 месяцев, не ограничивать продолжительность и частоту кормления, приложить усилия к сохранению грудного вскармливания до 2 лет [1].

Большое внимание уделялось состоянию здоровья родильницы. После рождения последа ее обмывали, переодевали в чистую одежду, давали мясной бульон, чай с молоком, *корот*, размятый с маслом в теплой воде.

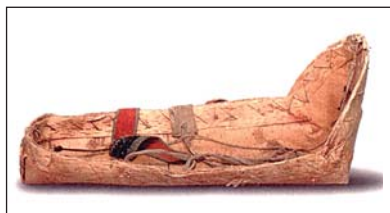
Использованные во время родов вещи тщательно мыли и закапывали. После этого повитуха обмывалась сама. Первые 40 дней после родов считались наиболее уязвимыми для матери и ребенка, в течение этого периода новорожденного купали каждый день, уход за ним был особенно тщательным [5, 6, 8]. Все это свидетельствует об эмпирических знаниях башкир о мерах защиты от послеродовых заболеваний, соответствующих современным научно обоснованным требованиям санитарно-эпидемиологического режима в акушерских стационарах, принципам профилактики гнойно-септических послеродовых заболеваний и перинатальных технологий родовспоможения.

Новорожденного укладывали в колыбель, которая изготавливалась из бересты, лыка, лубка, черемухи, липы и др. [6, 9].

По случаю рождения ребенка устраивали угощение и праздничное чаепитие, на которое приглашались только женщины [5, 8, 9].



Картина Ф. Кащеева «Башкирский кумыс», 1966 г.



Белек. Фонд областной Универсальной научной библиотеки



*Разновидности колыбелей. Фонд областной Универсальной научной библиотеки*

Соблюдение традиций грудного вскармливания, бережное их хранение в поколениях позволяло укрепить физическое здоровье детей. Показатели младенческой смертности в России XIX в. были значительно ниже у башкир и татар в отличие от православных крестьянских семей, в которых уже с 1–2 месяцев вводились прикорм молоком и хлебом, искусственное вскармливание через соску или рожок.

Кочевой образ жизни башкир, скотоводство как основной вид деятельности позволял башкирской женщине больше времени проводить в кругу семьи и соответственно, больше внимания уделять кормлению, взаимному общению и воспитанию ребенка в возрасте до 3–4 лет. В последующем дети приобщались к домашнему труду. Девочки оставались с матерью и осваивали навыки ведения домашнего хозяйства, а мальчики являлись помощниками отца, овладевали техникой верховой езды, охоты, выполняли хозяйственные работы в семье [8, 9].

Научные работы современных авторов убедительно доказали, что совместное пребывание матери и ребенка, грудное вскармливание благотворно влияют на интеллектуальное развитие детей, даже в случаях их рождения недоношенными. Причем



*Ходунки.*

*Фотография из архивов Национальной библиотеки им. Ахмет-Заки Валиди, Республика Башкортостан*

чем больше материнского молока получает младенец, тем лучше показатели развития, зафиксированные тестами [3].

Формирование положительного опыта грудного вскармливания у башкир происходило на основании религиозных установок вскармливания и воспитания детей. Мусульманское государство на протяжении всей истории своего существования уделяло этому вопросу большое внимание, обеспечивая соответствующие социальные гарантии. Наши праведные предшественники старались поощрять женщин к вскармливанию своих детей грудью, так как знали о важности этого и для младенца, и для семьи в целом [10]. Современная медицинская наука подтверждает необходимость и важность кормления грудью и предостерегает об опасности пренебрежения этим; что же касается ислама, то он побуждал мусульман к этому изначально. Грудное вскармливание, согласно канонам ислама, обладает множеством достоинств, его осуществление в семье четко регламентируется. «Матери кормят своих детей два полных года. А на том, у кого родился ребенок, — обязанность кормить и одевать мать и ребенка благопристойным образом в соответствии с его доходом. И не подвергайте мать огорчению за ее ребенка, давая на расходы меньше, чем полагается, и не лишайте ее права держать ребенка при себе. И не подвергайте огорчению отца, требуя на его ребенка расходов, превышающих его возможности. Не надо, чтобы ребенок был причиной огорчения отца или матери. В случае смерти отца или его нетрудоспособности на наследнике ребенка лежат такие же обязанности. Если оба (отец и мать) пожелают прекратить кормление ребенка до завершения двух лет, имея в виду пользу для ребенка, то нет греха на них. Если отец ребенка захочет поручить ребенка кормилице, не будет греха на нем при условии, что он будет честно давать кормилице то, что положено согласно обычаю». Ислам защищает права кормящей матери и неоднократно подчеркивает вознаграждения, предписанные женщине за огромный труд вынашивания, рождения и кормления ребенка. «Когда она рождает, ни один человек ни на земле, ни на небесах не знает, какие утешительные [наслаждения] скрыты для нее. А после родов ни один глоток [молока], изливающийся из нее, и ни одно сосательное движение [ребенка] не остаются без вознаграждения» [10]. Глубокая приверженность религиозным основам ислама позволила башкирскому народу сформировать рациональные традиции вскармливания младенцев, сохранить их в последующих поколениях.



В настоящее время Республика Башкортостан — один из регионов Российской Федерации с наиболее высокими показателями естественного вскармливания. Реализуя современные рекомендации по питанию детей, мы должны в первую очередь активно возрождать национальные традиции грудного вскармливания, в которых заключена великая мудрость народа по воспитанию здорового, активного поколения с высоким интеллектуальным потенциалом.

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Абольян Л.В., Полесский В.А. Роль сектора здравоохранения в охране и поддержке грудного вскармливания. Материалы Всероссийской научно-практической конференции: «Грудное вскармливание в современном мире». М., 2014.
2. Абольян Л.В., Евлоева Ф.М. Национальные традиции чеченских и ингушских семей в охране здоровья матери и ребенка. *Вопросы современной педиатрии*. 2010;5(3):139–141.
3. Даутова Л.А., Шафикова Ф.М., Шевченко Я.Р., Идрисова Д.М. Национальные традиции грудного вскармливания у башкир. *Якутский медицинский журнал*. 2015;3(51):21–23.
4. Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом. Уфа, 1997.
5. Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX-XX вв. *Москва: Наука*. 1991. 189 с.
6. Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: этническая история и традиционная культура. *Уфа: Башкирская энциклопедия*, 2002. 248 с.
7. Мукарамов Ш. Введение в Ислам (пер. с тур.). М.: ООО «Издательская группа «САД». 2009. 168 с.
8. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. *Москва*, 1955.
9. Никольский Д.П. Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. *СПб.*, 1899.
10. Аль-Газали Абу Хамид. Начало праведного пути (перевод с арабского Р.Л. Саяхов). *Уфа*, 2006. 96 с.

## Исторические традиции Дагестана: материнство и детство

**А.А. Магомедович**

Дагестанский государственный медицинский университет,  
Махачкала, Российская Федерация

\* \* \*

Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, в отечественном дагестановедении довольно хорошо изучены. Они представляют собой неотъемлемую составляющую этнографии детства, нашли свое отражение в исследованиях по семейной обрядности народов Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Сибири, Азии, зарубежной Европы и др.

У дидойцев (этническая группа аварцев) примерно за месяц до рождения ребенка будущий отец отправлялся на охоту. Уходил он на несколько дней — от 3–4 до 1 недели и более, тайком: домочадцы его отсутствие объясняли родственникам, соседям и односельчанам разными надуманными причинами. Целью «охотника» было выследить как можно большее количество разных диких животных — зайца, лису, волка, кабана, медведя и др.; обязательно нужно было выследить тура или оленя.



*«Земля моих предков»,  
Рустам Хаяханов, 2010 г.*



*Мать и сын. Северный Кавказ. 1994 г.  
(фото из семейного альбома)*

Увидев животное, мужчина целился в него, но выстрела не произвел. Он произносил примерно такую фразу: «Я отпускаю тебя, так скажи же своим, чтобы они не чинили вреда моему потомству», — и отправлялся дальше. Схожие обычаи были известны и даргинцам сюргинских селений. Здесь любой мужчина, отправлявшийся на охоту, в первое попавшееся ему животное не стрелял и произносил примерно такую фразу: «Великий Создатель, дай благополучие детям нашего джамаата — и родившимся, и тем, кто должен родиться». Эти обычаи и действия связаны со стародавними представлениями народов Дагестана о существах, мифологических персонажах, похищавших плод из утробы матери либо, реже, малолетних детей и воспитывавших их как покровителей диких животных. У лакцев, например, это Авдал — седой старец с длинными седыми волосами, бородой и усами, весь в белом. Подобного рода «хозяева» персонифицировались и в образе животных. Они же, и антропоморфные, и зооморфные персонажи, выступали и как покровители зверей. У народов Дагестана, как и у других народов мира, они первоначально выступали как зооморфные персонажи. Антропоморфизация этого персонажа, по мнению А.О. Булатова, — это явление более позднего порядка. Таким образом, приведенные нами выше обычаи и обрядовые действия и ди-дойцев, и даргинцев были направлены на желание умиловить «хозяев» объектов природы, покровителей диких животных и тем самым обезопасить своих будущих детей или детей односельчан от злонамеренных действий этих персонажей.



*Семейные фотографии.  
Неизвестный автор. 1941 г.*

Обстоятельства могли сложиться таким образом, что женщина разрешалась от бремени за пределами дома, на лоне природы, у ручья, у реки, в поле, на горе или у подножья горы, в лесу и т.д. Такое нередко случилось с горянками: отчетливого представления о стадиях беременности не было, к тому же горянка занималась работой по хозяйству и в поле вплоть до начала родовых схваток. У рутульцев, по обычаю, если роды происходили вблизи источника или водоема (родника, ручья, реки, озе-

ра), муж роженицы резал у этого места курицу (белую, без единого темного пятна) и здесь же ее и оставлял. Если роды происходили в лесу, в роще, в кустарниковой поросли, то муж оставлял здесь куски мяса специально по этому поводу зарезанного барана. Куски печени и легких барана оставлялись на камнях в том случае, если женщина рожала у горы или на подъеме горы. Если же роды происходили у пашни, пастбища или на сенокосе, мать или ближайшая родственница роженицы высыпала здесь в нескольких местах пригоршни зерна.

В такой же ситуации лезгины рассыпали зерно на ровном пространстве или оставляли кусочки хлеба на камнях, пнях, ветках деревьев и др. Куски вареного мяса и хлеба оставляли в сходной ситуации в соответствующих местах также и южные кумыки, кайтагцы.

За 2–3 месяца до рождения ребенка у отдельных народов Дагестана совершались действия, призванные оградить роженицу от похитителей плода из чрева матери. Так, у лакцев селений Вихли, Сукиях, Кули, Сумбатль, Кани, Кая (нынешний Кулинский район Республики Дагестан) было принято резать к этому времени барана и все без исключения его внутренности помещать на короткой деревянной жерди в хлеву, на сеновале, в сарае и других хозяйственных помещениях. Под шестом ставился деревянный или керамический сосуд с кровью жертвенного животного. Укрепляла шест и ставила под ним сосуд с кровью бабушка или мать роженицы, действие сопровождалось формулой: «Это ваша доля, злые»; дверь в помещение на ночь оставалась открытой, до утра следующего дня никто к помещению не подходил («чтобы уберечься от ужаса, страха»). Если к утру внутренности и кровь оставались нетронутыми (что происходило, понятно, весьма редко), беременную женщину перевозили в другое селе-



*Представители тухума Шихийер (рутульцы) в своем родовом селе, 1970 г.*



*Сосуд с кровью жертвенного животного. Лакцы, 1913 г. (фото неизвестного автора)*

ние, к родственникам, кунакам, где все эти операции производились снова. Мясо туши жертвенного животного раздавалось в селении родственникам, соседям и односельчанам: роженице, ее мужу и детям, если они были, есть это мясо запрещалось.

Подобный обычай известен был и даргинцам, у которых внутренности жертвенного барана помещались в заброшенном помещении развалившегося дома, мельницы, хлева и др. У тиндинцев для таких же целей резали козла, а его внутренности бросали в глубокое ущелье. Подобного рода действия некогда были распространены по всему Дагестану, где-то они пережиточно продолжали осуществляться, где-то стерлись из памяти народа.

Вера в злонамеренную силу, способную похитить плод из утробы роженицы, была характерна для многих народов Дагестана, у которых имелись свои наименования для такого рода мифических персонажей. Известны были они и многим народам Европы.

Чтобы первые роды у женщины произошли благополучно, мать роженицы у кубачинцев приглашала к себе в дом от 3 до 9 близнецов мужского пола в возрасте 3–5 лет. Приглашение получал один из близнецов, второй, независимо от пола, оставался дома. Близнецов из семей родственников не приглашали, избегали также приглашать и детей-близнецов односельчан: их подбирали в близлежащих селениях, при этом этническая принадлежность детей во внимание не принималась. В течение трех дней мальчиков кормили лучшими блюдами, хозяева дома старались удовлетворить их желания и прихоти, но за пределы дома детей не выпускали, контакт их с посторонними резко ограничивали. По истечении трех дней дети отправлялись по домам, каждого из них принимавшие их хозяева снабжали подарками для оставшегося дома брата, сестры — сладостями, фруктами, продуктами, одеждой и пр. Все это в совокупности должно было благоприятно сказаться на родах дочери хозяйки дома. Если в свое время у бабушки, матери, старшей замужней сестры роженицы селения Харбук были тяжелые роды, ее родители одаривали детей-близнецов своего или соседнего селения подарками с той же целью. По нашим полевым данным, подобного рода обычаев при-



*Мать и ребенок в колыбели. Начало XX века (фото неизвестного автора)*

держивались лакцы селений Бурши и Цовкра-128, аварцы селения Сиух, кумыки из селения Эрпели.

В пережитках домонотеистических представлений народов Дагестана видное место занимал культ близнецов. Им приписывалась особая магическая сила, обладательницей сакральных качеств в народном представлении была и мать близнецов.

### Роды и воспитание детей

Суровый Кавказ также отличался необычными традициями. Так, например, молодой жене следовало пить сырые куриные яйца и купаться в воде из семи родников, чтобы легко забеременеть, а сама беременность прошла удачно. Также будущая мама обрызгивалась водой с пеплом из домашнего очага. Роды было принято принимать в доме мужа, из которого предварительно выгоняли всех мужчин.

Ломка старых и появление новых семейных отношений сказались на изменении обрядов и обычаев, связанных с беременностью женщины и рождением ребенка. В прошлом женщина, которая собиралась стать матерью, боялась появиться на улице и при пожилых мужчинах в доме. В старину в горах роды происходили в хлеву. Перед самыми родами беременную женщину переводили в хлев, и здесь на соломе, покрытой войлоком, она обычно рожала. Роды, как правило, принимала опытная женщина. При этой процедуре присутствовало много женщин, но никогда не присутствовала свекровь. Мужу



*Двойняшки. Ботлихское поселение. Конец XIX века (фото неизвестного автора)*



*Молодая жена (аварка). Картина неизвестного художника XX века*

полагалось на несколько дней уехать из дома. Молодая мать после рождения первого сына становилась на равную ногу со старшими невестками. Она получала право говорить со старшими и не избегать с ними встреч, как это бывало до рождения сына.

В настоящее время рождение ребенка встречается с большой радостью, независимо от его пола. Но, как и раньше, более радостно встречают рождение первенца-сына. До сих пор еще существует обычай, по которому мальчики дежурят у помещения, где происходят роды, для того чтобы первыми сообщить отцу и всем остальным радостную весть о рождении сына и получить за это сообщение подарки. В старину первому вестнику полагался ценный подарок. Отец новорожденного дарил вестнику верховую лошадь или ружье, шашку, кинжал, пояс и т.д. В последнее время подарок стал более скромным. Сразу после рождения ребенка ему прежде всего перевязывали пуповину, затем купали в теплой воде с мылом, клали в таз ножницы, что якобы предохраняло ребенка от сглаза. Затем в течение трех дней ребенок лежал с матерью. Сразу же после рождения над малюткой совершали магические действия. «Приведя в порядок ребенка, его клали в ногах роженицы, после чего начинался ряд различных магических действий. Обычно ребенка, мальчика или девочку, продевали через отверстие чесалки для шерсти, чтобы обезопасить от козней чертей». Обычай класть под голову ребенка железные предметы — ножницы, нож и пр., «чтобы дьяволы не задушили и не похитили его», был очень распространен на Кавказе. Сейчас такие обряды не встречаются даже в самых отдаленных уголках Дагестана. В первые дни после рождения ре-



*Мать с ребенком. 1883 г.  
(неизвестный автор)*



*Кормление грудью. 1957 г.  
(фото из статьи О. Павловой)*

бенка мать его грудью не кормит, его кормят по очереди соседки и родственницы, так как считается, что молоко только что родившей женщины не годится для питания. До 7 месяцев ребенок питается только грудным молоком, затем его начинают прикармливать. Ребенка кормят грудью (если вскоре не рождается второй) долго — до 2–3 лет.

Роженицу окружают заботой родные и близкие; за ней ухаживают, приносят кушанья, приготовленные специально для нее. Спустя три дня после рождения ребенка пеленают и укладывают в люльку. В день совершения первого пеленания накрывают стол и приглашают соседей и близких. Старшая в доме женщина торжественно берет ребенка от матери и пеленает его в люльке. Люльку со всеми ее принадлежностями дарят молодой матери ее родители.

Дагестанская деревянная люлька аналогична люльке многих соседних народов Кавказа и Средней Азии. Над головой ребенка на люльке имеется перекладина, на которую вешают игрушки. Ножки у люльки соединены полукруглой перекладиной, и на ней люлька качается с боку на бок. В середине люльки, а также в тюфячке делается вырез, в который вставляется банка для стока мочи. Ребенка туго привязывают двумя свивальниками к люльке, в которой он находится большую часть дня. Такая люлька до сих пор имеет широкое распространение; часто она переходит от старшего ребенка к младшему. Обычно в день первого пеленания ребенку дают имя. День, когда первенцу нарекают имя, считается в семье праздником.

Приглашенные на это торжество гости составляют список имен и отдают его матери новорожденного, которой первой предоставляется право выбора имени. В старину с мнением матери не считались, и имя сыну-первенцу давали обычно почетные старики. До сих пор горские народы придерживаются правила не давать имени, которое уже есть в семье, а также имени умершего члена семьи. Большой заботой окружены в семье дети школьного возраста. Значительная часть семейного бюджета идет на приобретение одежды и питания для детей, о чем не могли даже мечтать в дореволюционной горской семье. Особое внимание уделяется трудовому воспитанию детей, причем в этом деле используются лучшие традиционные черты, выработанные горской семьей в прошлом. Как прежде, родители привлекают детей 7–8-летнего возраста к посильным работам, постепенно приучая их к трудовой деятельности в семье и отчасти в колхозе. Многие школьники во время летних каникул в составе уче-



нических бригад регулярно работают в поле, шефствуют на колхозных фермах. С давних времен трудовое воспитание детей строго разграничивалось между родителями. Сын помогал отцу в работе по дому и в поле, пас ягнят, следил за другими животными. С 13–14 лет он уже становился настоящим помощником отца «во всех отраслях хозяйства, а к 16 годам свободно управлял сохой, владел топором, серпом и косой. Обучение девочки домашним занятиям и правилам горских приличий проводилось в семье матерью и старшей женщиной. Особое значение придавалось тому, чтобы девочка умела в совершенстве шить и вышивать, а также владела искусством кулинарии. В современной дагестанской семье сохранились лучшие традиционные черты в воспитании детей: уважение к старшим, почитание родителей, честность, преданность своему делу и т.д. В Кавказских семьях по-прежнему прислушиваются к мудрому совету старика, оказывают почет и уважение старшему и женщине.

Любые народные традиции и нормы поведения, проходя через столетия, а зачастую и тысячелетия, в определенной степени трансформируются и отчасти приспособляются к условиям данного времени. Некоторые традиции, часто не самые худшие, не вписывающиеся в реалии сегодняшней жизни, безвозвратно уходят в прошлое. Безусловно, к наследию прошлого необходимо критическое и вдумчивое отношение. Однако критика должна быть разумной, конструктивной, чтобы можно было сохранить лучшие традиционные нормы поведения предков и передать их грядущим поколениям. Из всего вышеизложенного ясно, что очень многое из духовного наследия дагестанского народа не только не изжило себя, но, напротив, вполне отвечает требованиям сегодняшнего дня, актуально и в какой-то степени даже спасительно для общества. В традициях и обычаях прошлого много умного, интересного и красочного. Воспитание у подрастающего поколения правильного отношения к культурному наследию прошлого — одно из важнейших звеньев воспитательной работы: это трудовые традиции, мудрые народные преданья, красивые традиционные народные праздники, почтительное отношение к старшим, к их жизненному опыту, к женщине. На Кавказе у женщины особый статус. Уважительное отношение к дающей жизнь матери, к сестре, жене, дочери является неписанным законом для истинного кавказца. Женщина Кавказа, стойко перенесшая войны и катаклизмы, продолжает с гордо поднятой головой нести свое предназначение — сохранять и дарить жизнь.

Грудное вскармливание в Дагестане является традиционным и повсеместным. По статистике за 2013 г., практически 98% матерей начинают грудное вскармливание в роддомах Дагестана; 57% детей в возрасте 0–3 месяцев находились на исключительно грудном вскармливании. К 6 месяцам только 30% детей получали грудное молоко, из них только половина кормилась до 1 года.

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Никольская З.А. Свадебные и родильные обряды аварцев Кахибского района. Советская энциклопедия. 1946. № 2; Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX века. М., 1985; Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. *Махачкала*, 2006.
2. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988; Mud M. Культура и мир детства: Избранные произведения. М., 1988.
3. Смирнова Я.С. Традиция и инновация в развитии семейной обрядности (по материалам Северного Кавказа). М., 1973; Она же. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа. КЭС. М., 1976. Вып. 6; Она же. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983;
4. Полевой материал. Инф. З.Г. Гасанов, 1935 г.р. сел. Зехида; Р.М. Магомедов, 1938 г.р., сел. Мокок; М.Р. Расулов, 1939 г.р., сел. Асах.
5. Полевой материал. Инф. К.Г. Курбанова, 1932 г.р., сел. Урари; М.А. Курбанмагомедов, 1941 г.р., сел. Ураги.
6. Халилов Х.М. Отражение языческих представлений в обрядах и фольклоре лакцев. Мифология народов Дагестана. *Махачкала*, 1984. С. 79.
7. Булатова А.Г. Рутульцы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 2003. С. 258–259.
8. Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX века. *Махачкала*, 1990. С. 222.
9. Халидова М.Р. Образ покровителя охоты, зверей в преданиях и легендах народов Дагестана. Дагестанская народная проза. *Махачкала*, 1982. С. 24.

# Вскармливание и уход за младенцами в Забайкальском крае. Обычаи, связанные с родами и ранним детским возрастом

В.А. Щербак

Читинская государственная медицинская академия, Чита, Российская Федерация

\* \* \*

История Забайкалья насчитывает несколько тысячелетий. Впервые *Homo habilis* (человек умелый) пришел с юга, с территории современных Монголии и Китая, во времена палеолита (150–35 тыс. лет назад). Об этом свидетельствуют памятники, расположенные в долинах рек Чикой (Коврижка, Приисковое) и Ингоды (Сухотино-1). Первым народом, обитавшим в Забайкалье, о котором многое известно как из археологических находок, так и из письменных источников (в основном китайских), был хунну (209 год до н.э. – 93 год н.э.). Часть хунну дошла до Европы и, смешавшись по пути с тюркскими, восточно-сарматскими и угорскими племенами, дала начало новому народу, который в Европе известен под названием гунны. В VI–IX веках в Забайкалье жили тюрки-уйгуры. В X–XVII веках южная часть региона оказалась в составе Монголии, откуда осуществлял завоевательные походы Чингисхан.

Коренной народ Забайкалья, проживающий в Забайкалье еще со времен неолита, — это эвенки. Они исповедовали шаманизм и сохраняли патриархально-родовые отношения. Во времена монголов большая часть тунгусов находилась под управлением княжеского рода Гантимуровых. С середины XVII века Забайкалье вошло в состав Российского государства. Первые землепроходцы пересекали Даурию (так называли эти земли) по рекам. Буряты и тунгусы после длительного сопротивле-

ния признавали новую власть и платили русской казне ясак. В 1851 году была образована Забайкальская область [1].

Конечно, об обычаях всех народов, ранее населявших земли за Байкалом, сведений не сохранилось. Вот почему мы описываем только более поздние годы.

### СЕМЕЙСКИЕ

Семейские — это старообрядцы, высланные правительством Российской империи в Забайкалье в XVIII веке при разделе Речи Посполитой. Семейские были переселены в Забайкалье из Ветки, ныне города Гомельской области Белоруссии, в то время находившегося на территории Речи Посполитой у границ России. Первое выселение произошло в 1735 году, и 40 тыс. человек перебрались в Забайкалье. Старообрядцы получили от местных жителей название семейские ввиду их прихода большими семьями с имуществом в отличие от одиноких каторжников [2].

Семейские принесли с собой высокую сельскохозяйственную культуру. Они выращивали рожь, пшеницу, ячмень, гречиху, овес, картофель, овощи. Значительная часть семейских в период коллективизации была раскулачена и выслана. Кухня семейских отличалась большим количеством мяса. Мясо жареное и тушеное — баранина, свинина, говядина, дикой козы и изюбря, не ели зайчатину. Строго соблюдали посты. В году было до 244 постных дней. Чай пили не все; вместо него пили кипяченую воду, настой трав или бадана. Алкоголь и табак были запрещены, как у всех старообрядцев.

Семьи были традиционные, патриархального типа, с большим количеством детей. В большой усадьбе, состоявшей из нескольких домов, жило несколько поколений одной семьи. Имущество и землю делили редко. В семье признавалось главенство мужа над женой. Супружеские измены как мужа, так и жены строго порицались. Наследство передавалось по мужской линии. Межэтнические и межрелигиозные браки были запрещены. Запрещался прием пищи совместно с иноверцами.

### Вскармливание

Младенцев кормили грудью, продолжительность вскармливания не была определена, но, как правило, составляла 2–3 года. В селе Обор Петровск-Забайкальского района, со слов старожилов Нины Семёновны Кузнецовой (1936 г.р.) и Галины Андреевны Сутуриной (1945 г.р.),



Рожок

приспособление для искусственного вскармливания младенцев называлось *титька* — это выделанный сосок коровьего вымени, надетый на рожок. Рожок изготавливали из коровьего рога длиной 8–10 см. Острый край отпиливали и вырезали углубление для крепления соска. В рожок наливали цельное или разведенное коровье молоко.

В качестве прикорма из овса готовили кисель. Овес обколачивали, отбивали, просеивали и из полученной муки варили кисель, он назывался *бурдук*. Его давали детям с 6 месяцев и до 1 года.

Детям старше одного года давали варенец. Для этого долго варили молоко, затем добавляли простоквашу, и получалась густая масса.

В селе Верхний Ульхун Кыринского района Забайкальского края, со слов старожила Павла Иннокентьевича Мусорина (1933 г.р.), давали *жеванку* вместо пустышки: в марлю закладывали густую манную кашу или разжеванное печенье.

В селе Обор готовили *тюрьку*: хлеб с молоком закладывали в марлю и давали вместо пустышки.

В селе Верхний Ульхун маловесным детям или при недостатке грудного молока давали сосать *курдюк* — жировое скопление под хвостом барана.

### Воспитание и уход

Люлька называлась *зыбка* (от слова *зыбать* — качать).

Она подвешивалась на центральную потолочную балку-матку — *матницу*. В нее забивали кольцо рядом с кроватью для родителей. На данное кольцо подвешивали *зыбку*. Иногда дополнительно между потолочным кольцом и кроватью вставляли пружину для более удобного раскачивания не только по горизонтали, но и вверх-вниз. Пеленка, ко-

торую изготавливали из льна, называлась *постилкой* (слово пишется без буквы «д»).

В селе Обор, когда родители выходили из дома, а ребенок оставался в это время один, в качестве оберега под зыбку клали веник, а в селе Верхний Ульхун — кухонный нож.

В селе Обор, если ребенок плохо спал, беспокоился, то на ножки кровати ставили метки из дегтя.

В селе Верхний Ульхун при опрелостях изготавливали присыпку. Гнилую сухую древесину (*гнилушку*) — обычно часть доски из старого забора — толкли как пудру и обрабатывали опрелости.



*Зыбка*

## БУРЯТЫ

Буряты — монгольская этническая группа в России, Монголии и Китайской Народной Республике — коренное население Бурятии, Иркутской области и Забайкальского края. Общая численность бурятов — около 560 тыс., в том числе в России — 461 тыс., Монголии — 45 тыс., Китае — 41 тыс., США — 4 тыс. На территории Забайкальского края проживает около 74 тыс. бурят [3].

Подобно монголам, буряты пили зеленый чай, в который наливали молоко, клали соль, масло или сало. В отличие от монгольской, значительное место в бурятской кухне занимают рыба, ягоды (черемуха, земляника), травы и специи. Популярен байкальский омуль, копченый по особому рецепту, — непоротый (культурного посола) с душиком. Символом бурятской кухни являются буузы — блюдо из рубленого мяса, завернутое в тесто и приготовленное на пару. Похоже на манты, соответствует китайскому баоцзы.

Традиционное жилище бурят — *юрта*. Юрта делится на две основные части. В женской (восточной) половине, справа от входа, расположены по порядку ведро с водой, кухонный шкаф с посудой и запасами пищи, кровать старшей незамужней женщины (матери, сестры или дочери хозяина). Хозяйка готовит пищу, стоя на своей половине. Слева от входа, в мужской (западной) части юрты, находятся седло и упряжь, кнут, бурдюк для кумыса, за ним вдоль стены стоит кровать хозяина дома, она же супружеская постель.

## Обряд захоронения последа

Буряты говорят, что человеку на земле дано пировать три раза — рождение, свадьба, поминки. Первый праздник — рождение. *Тоонто* — это родина человека, место, где зарыт его послед. Захоронение последа имело важное значение для жизни ребенка. Послед считался частью, душой ребенка, и жизнь новорожденного зависела от того, какие предосторожности предпринимались относительно его последа. Послед сопровождался различными предметами (шерстью, войлоком, пучком конского волоса, камнями, серебряными и медными монетами, зернами) с целью передачи ребенку тех качеств, которые были свойственны этим предметам и которые символизировали силу, крепость, богатство, плодovitость. Не менее важным назначением сопутствующих предметов являлась защита от злых духов.

Обряд захоронения последа совершался после родов. Название данного обряда у разных групп различается: например, у баргузинских бурят он называется *тоонто тайха*, у ольхонских — *тоонто мантаха*, у хоринских — *умай малтаха*, но, несмотря на небольшие различия, у всех народов Центральной Азии сохранялся сакральный характер этого ритуала. «Закапывание его в землю — мать-прародительницу, женское начало всего живого — означает и его возвращение в лоно природы, и одновременно связь родившегося человека с миром предков».

Такой обряд подробно описан в книге Н. Алтынникова «Заря над Ононом»: «...она положила на землю большую старинную монету. Рубль, однако. На этом месте старухи выкопали неглубокую ямку, на дно которой положили кусок войлока, затем поочередно шерсть, зерна пшеницы, добытые у русских переселенцев, правую заднюю ножку овцы, а сверху поместили послед. Ямку потом засыпали, место заровняли. Над местом, где лежал послед, разожгли небольшой костерчик. Возле него сели старухи, исполняющие этот обряд. Женщины дарили огню кусочки кушанья, ели сами. «...» Над ямкой из сосновых лучинок она построила шалашик конусом, именуемый «урса», покрыла его тонкой пленкой «рубашки» из внутреннего бараньего жира. Сверху это сооружение обернула белым хадагом из шелка. Одна из помощниц подошла к шалашу, вспыхнувший ярким веселым пламенем. Набрал в рот топленого масла из большого туса, женщины брызгали им на огонь, тогда пламя поднималось вверх длинными языками. Сидели тихо, ждали. Женщины внимательно следили за тем, в чью сторону свалится шала-

шик: было поверье, что это предсказание того, кто из них в следующем году может стать матерью. Затем все встали и пошли вокруг *тоонто* по ходу солнца. Одна из помощниц распорядительницы держала в руках чашку с молочной пищей, а другая несла деревянное ведро с вареным мясом. Завершился обряд тем, что женщины расстелили на земле полы дыгылов (верхняя одежда) и каждая сделала необходимые в этом случае поклоны в сторону места, где зарыли послед. Конечно, любая из них, несмотря на то, сколько у нее было детей, мечтала о продолжении рода. Боги вознаградят их за то, что они старательно и почтительно участвуют в *тоонто*, подарят счастье в будущих детях. Женщины мечтали о крепких, мужественных сыновьях, нежных, ласковых и красивых дочерях».

Небезынтересно для сравнения рассмотреть этот обряд у баргузинских бурят, выходцев из Западной Бурятии, у которых наряду с общими чертами наблюдались и свои локальные особенности. Обряд справлялся на второй день после родов. Приглашались на него только ближайшие родственники по отцовской линии и родители отца. Бездетные супруги принимали участие по доброй воле, чтобы «исцелиться» от бесплодия. Обряд проводился в избе или юрте. Рыли небольшую ямку, причем только деревянной лопаточкой. На дно ямки стлали белую овечью шерсть, посыпали белой мукой, капали маслом, сверху клали послед (*уумай*), непременно зашитый в войлочный мешочек. Ямку закапывали и над ней из мелких лучинок разжигали огонь, на который брызгали маслом. Это место захоронения последа называлось *хуури* (основа, основание), а само действие захоронения — *хуури хурьлаха* (заложить начало, основу).

После того как прогорали лучинки, начинали кидать баранью лодыжку, которая специально использовалась на этом обряде. После обряда ее прятали в подголовник матери, где хранились и первые волосы ребенка, и пуповина. При рождении следующего ребенка на обряде *тоонто тайха* использовалась та же лодыжка. Бросание (*шагай*) было своеобразной ворожкой. Разные части *шагай* имели свое название. В зависимости от того, как падала лодыжка, предсказывали, кто родится в будущем — сын или дочь. Все присутствующие женщины детородного возраста пытались таким образом предугадать свою судьбу.

Стоит поинтересоваться мнением ольхонских бурят. Когда в семье рождался ребенок, его обрезанную пуповину зарывали в землю, это ме-



сто называлось *тоонто*. Если человек заканчивал дела в этом мире, перед его погребением совершался обряд «выпрашивания земли». Так человек рождался из лона Земли и возвращался в него после смерти. Почтительное отношение к земле прививалось с детства, взрослые говорили ребенку, что нельзя царапать землю острым, рвать траву, причинять боль Матери-Земле. Даже носки бурятских сапог-гутулов были загнуты вверх, чтобы не споткнуться на ровном месте и не обидеть Землю. Недаром сутью элемента Земли выступает в буддизме справедливость Матери, а цвет его — белый — священный для каждого бурята. Белым войлоком устилали землю во время праздников, белую березу, растущую из земли, украшали белыми шелковыми лоскутами, белым молоком от белой кобылицы окропляли землю, прося у нее благодати, белый *хадаг* (шелковая материя) подносился в знак уважения обеими руками.



*Люлька и деревянная игрушка для ребенка у бурят-кочевников*

Слова *тоонто* и *нютаг* почти тождественны, оба переводятся как Родина. Только *тоонто* означает точное место связи человека с Родиной и природой, ведь именно на этом месте зарыт его послед. Еще живы буряты, которые точно помнят свое *тоонто*, называют ту или иную падь, то или иное место, где зарыт его послед. И где бы ни был бурят, он всегда помнит о своем *тоонто*, тоскует по нему и воспевает его. Многие буряты приезжают на свою малую родину, совершают обряды одаривания местных духов, отдыхают, лежат на земле, распластавшись или кувыркаяются и молятся. И тогда неведомая науке сила вливается в человека. Молодому поколению бурят надо знать о великом значении слова *тоонто*, о месте рождения своих предков. Ведь только тогда крепко человек и его род, если он связан с Родиной и Матерью-Землей... (записано со слов старожиллов села Алханай Дульдургинского района Забайкальского края Галсан Бадмаевны Жаповой, 80 лет, и Любви Доржиевны Лхасарановой, 61 год).

Колыбель пользовалась у бурят особым почитанием, старую могли использовать как дар от родителей мужа. Она могла переходить только к потомству по мужской линии. Если она не сохранялась, то делали новую. Но только после рождения ребенка. Делать кроватьку заблаго-

временно и покупать вещи для новорожденного заранее считалось греховным. Это могло повлечь за собой какое-нибудь несчастье — неудачные роды или раннюю смерть ребенка. Если семья с младенцем вынуждена была кочевать (для смены пастбища по мере истощения травяного покрова и др.), то изготовлялась специальная люлька. В ней делали отверстие в ножном конце, которое затыкали клином. Во время движения кроватку располагали с небольшим уклоном в сторону ног, а клин извлекали. Моча и кал выливались через отверстие. На новом стойбище кочевники люльку мыли и отверстие закрывали. В качестве одеяла использовали шкуры сельскохозяйственных или диких животных.



*Курдюк*

Младенцев кормили грудью, продолжительность естественного вскармливания не была ограничена, но, как правило, составляла до 2–3 лет. Детям в качестве прикорма давали сосать *курдюк* — жировое отложение округлой формы. Он накапливается на крестце и первых позвонках от основания хвоста барана. Служит для накопления жира в период откорма и последующего расходования в голодный период (как в горбах у верблюдов). От *курдюка* отрезали маленький кусок и давали сосать ребенку, начиная с возраста 3–5 месяцев. Кроме того, варили бульон из говядины или баранины и давали пить через рожок. В качестве соски использовали выделанную овечью шкуру, свернутую в трубочку. Также через соску давали детям молоко того домашнего животного, которое они содержали (овца, корова, лошадь, коза).

### ЭВЕНКИ

Эвенки (старое название — *тунгусы*) — коренной народ Российской Федерации (Восточная Сибирь). В настоящее время численность населения составляет около 80 тыс. человек, из них на территории Китая — примерно 39,5 тыс., России — 38,5 тыс., Монголии — около 1 тыс. В Забайкальском крае проживают всего порядка полутора тысяч эвен-

ков, из них компактно (примерно по 130 человек) в селах Тунгокочен и Чапо-Олого [4].

Младенцев кормили грудью, при отсутствии женского молока давали олень. Детей после 1 года начинали прикармливать лепешками из белой муки, сушками (во время обмена пушнины), давали кусочки вареного мяса, рыбы и поили чаем. Если оленьего молока было мало, оно шло только на питание детям. Его мешали с кусочками лепешек или хлеба (зимой) и с ягодами (летом). В качестве детского питания было широко распространено кипяченое особым способом оленье молоко: посуду с молоком ставили в кипящую воду и доводили до кипения, помешивая ложкой; оно постепенно густело, превращаясь в творог. Эту массу обливали сбитым молоком. Дети с 2–3 лет ели ту же еду, что и взрослые. Лакомством для детей любого возраста был *ушан* — костный мозг только что убитого зверя.

Таким образом, выявлены определенные различия в питании детей. Однако главное — грудное вскармливание в течение 2–3 лет — было типично для всех этнических групп. Прикорм вводился молочной и мясной пищей, овощи и крупы использовались меньше. Колыбель в виде зыбки была характерна для семейских и бурят. По-видимому, между народами происходил обмен обычаями, и некоторые черты воспитания были общими.

## ЛИТЕРАТУРА

1. История Забайкалья [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.ru.wikipedia.org/wiki/История\\_Забайкальского\\_края](http://www.ru.wikipedia.org/wiki/История_Забайкальского_края) [15 июля 2015].
2. Семейские [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5> [5 августа 2015].
3. Буряты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%83%D1%80%D1%8F%D1%82%D1%8B> [13 июля 2015].
4. Эвенки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B8> [13 июля 2015].

# Исторические аспекты грудного вскармливания у малых народов Иркутской области

**Н.Н. Мартынович**

Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск,  
Российская Федерация

\* \* \*

Блаженно чрево, носившее Тебя,  
и сосцы, Тебя питавшие!

Лк. 11:27

«С чего начинается Родина?» — таковы слова известной песни. Для нас, сибиряков, Родина — это наша необъятная, великая и могучая Сибирь, а вместе с ней Иркутск и Иркутская область. Мы — дети земли сибирской. С ее духом, как с молоком матери, мы вобрали в себя ее силу, стойкость и широту души, такую же бескрайнюю, как и сама она — матушка-Сибирь.

Молоко матери является одним из важнейших элементов в сохранении здоровья, нормального роста и развития, а в последующем — и становления личности каждого человека.

Всемирная организация здравоохранения пропагандирует исключительно грудное вскармливание детей до возраста 6 месяцев, апеллируя такими фактами, как «грудное молоко является идеальной пищей для новорожденных и детей грудного возраста»; «содержит все питательные вещества, необходимые детям для здорового развития»; «безопасно и содержит антитела, способствующие защите детей от распространенных детских болезней, таких как диарея и пневмония, которые

являются двумя основными причинами смерти детей в мире. Грудное молоко легкодоступно и приемлемо по стоимости, что способствует обеспечению надлежащего питания для детей грудного возраста» [1–3].

Грудное вскармливание вносит вклад в обеспечение хорошего здоровья на протяжении всей жизни. Подростки и взрослые люди, находившиеся в детстве на грудном вскармливании, с меньшей вероятностью имеют излишний вес или страдают от ожирения. Они с меньшей вероятностью имеют диабет 2-го типа и демонстрируют более высокие результаты тестов на интеллектуальное развитие [1–3].

Процесс вскармливания неодинаков у разных народов нашей большой и многонациональной страны. Не исключение и наша Иркутская область, в которой проживают разные народы, со своими обычаями и традициями, укладом жизни. Но не только этническая принадлежность влияет на эволюцию грудного вскармливания: большую роль играет и фактор времени. В историческом и этническом аспекте грудное вскармливание на территории Иркутской области имеет свои особенности.

Иркутская область раскинулась на тысячи километров по живописным берегам озера Байкала и могучих рек Ангары, Лены и их притоков. Население края имеет интересную и богатую историю. Жилища сибирских охотников, возникшие 24–26 тыс. лет назад, считаются самыми ранними поселениями в нашем крае. Люди вели полукочевой образ жизни, обитали в постройках полужемляного типа. В мезолитическое время — 9–8 тыс. лет назад — в Приангарье, как и во всей Сибири, закладывались основы новой культуры и нового бытового уклада. Четыре тысячи лет тому назад происходит формирование новой культуры под названием Глазковской. В VI–IX веках курыканы — многочисленная народность, которым была известна уже в то время письменность, — вели полукочевой образ жизни, использовали изделия из обожженной глины. Но как осуществлялось грудное вскармливание у этих народов, достоверно не известно, имеющиеся манускрипты этого не описывают.

В XI–XIII веках на месте курыкан появляются монголоязычные племена. Они не имели языкового единства и значительно отличались друг от друга уровнем культуры [1–3]. Бурятские племена, основные из них — булагаты, эхириты и хоринцы, постоянно кочевали в поисках пастбищ для скота, удобных мест для охоты и рыбной ловли. Женщины катали войлок, которым покрывали юрты, обрабатывали кожу и шили

из нее одежду и обувь. Мужчины готовили деревянный остров юрты, делали повозки, вили веревки, шили конскую сбрую, изготавливали вооружение. Жили родами, которые объединялись в несколько улусов. В конце XVII – начале XVIII века происходит сближение бурятских племен между собой и их последующая консолидация в единую бурятскую народность [1–3].

Понятие «счастье» у бурят всегда ассоциировалось с потомством. Поскольку многодетность всегда почиталась за счастье, родителям, имеющим много детей, оказывалось больше почтения и уважения [4].

Уход за детьми и их воспитание имели свои специфические черты, отличающиеся стабильностью во всех районах проживания бурятского населения. Специальной пищи для детей буряты не готовили. Мать кормила ребенка грудью нередко до рождения следующего ребенка, иногда до 3–5-летнего возраста. Иногда мать не отлучала ребенка даже после рождения следующего и одновременно кормила грудью двоих детей.

Через месяц после рождения, а иногда и с первых дней жизни, в случае если у матери не хватало молока, или она была занята по хозяйству, ребенка начинали кормить кипяченым коровьим молоком. Кормили из рожка, сделанного из коровьего рога, с привязанной к нему соской из тряпки или выделанного коровьего соска — аналог современной соски. Режима в кормлении не было: кормили тогда, когда ребенок начинал кричать, беспокоился. В промежутках между кормлениями соской служил хлебный мякиш в тряпочке.

Иногда после родов ребенку давали сосать кусочек бараньего *курдюка* (от тюрк. *kuuguk* — хвост; жировое отложение округлой формы в районе хвоста у барана курдючной породы) или смоченный в молоке хлебный мякиш в тряпичной соске [5].

Младенческая смертность в бурятских семьях была высокая, а одной из главных причин смертности младенцев считались заболевания желудочно-кишечного тракта, поскольку повсеместно в рацион младенца рано вводили коровье молоко, давать сосать бараний курдюк, размоченный хлебный мякиш.

В 3–4 месяца жизни младенцу давали сосать вареное мясо, размоченный в молоке хлеб. С 6–8 месяцев рацион ребенка был уже таким же, как у взрослых: молоко, творог, хлеб, мясо; поили чаем. Повсеместно буряты смазывали тело ребенка грудным молоком, водой с молоком, за-

тем смазывали сметаной, что, по представлениям, придавало ему больше силы и здоровья [5].

Эвенки — коренные обитатели Восточного Прибайкалья. В нашем крае эвенки расселились по берегам Байкала, реки Лены и Ангары. Занимались оленеводством, охотой, рыбной ловлей. Жили в чумах, сделанных из жердей, обтянутых оленьими шкурами и берестой. Питались мясом, рыбой, молоком. Любимым лакомством были кровь животных в свежем и вареном виде, а также свежий костный мозг, сердце и печень животных, рыба. Оленье мясо заготавливали впрок, иногда сушили и вялили ее на солнце [1].

При рождении ребенка обязательно выполнялся обряд изготовления хранителя души. Этот талисман призывался охранять человека. В семьях обычно было от трех до семи детей. После рождения мать кормила детей грудью, затем постепенно с 6–7 месяцев начинала вводить и другие продукты. Но до 2 лет детей кормили иначе, чем взрослых: давали самые лакомые кусочки мяса и рыбы, поили оленьим молоком. Но детям не разрешали есть мясо с ног копытного, чтобы не были драчунами, потреблять околосердечную сумку, чтобы не болело сердце. К детям относились ласково, разговаривая с ними спокойным тоном [4]. В настоящее время небольшая численность и ассимиляционные процессы ведут к тому, что культурная и этнографическая идентичность эвенков размывается [5].

В Нижнеудинском районе на склонах Восточных Саян живет очень древняя народность — тофалары. Они очень близки по происхождению языка к тувинцам. Информация о рождении детей, их раннем воспитании и вскармливании незначительна, но труды И. Попова и Н.Ф. Кафтanova могут нам дать значительную информацию.

Так, например, если роды заставляли женщину в дороге, то она управлялась со всем сама, пуповину перерезала самостоятельно. Если роды проходили зимой, то родившегося ребенка мать сначала бросала в снег, катала в нем и только потом согревала в руках, завертывала в тряпки или олений мох. Затем укладывала в переметную сумину. Кормила родившегося ребен-



*Семья тофаларов, по материалам источника [rus.ruvr.ru](http://rus.ruvr.ru), Голос России*

ка грудью, но одновременно с грудным молоком давала сосать куски медвежьего жира. Постепенно с 5–6 месяцев рацион ребенка расширялся [6].

Внимание ребенку мать особо не уделяла. Зачастую с детьми нянчились собаки: ребенок учился ходить, держась за собаку, собака охраняла и согревала его [6].

Местопоселение Енисейский острог представлял собой важный опорный пункт проникновения русских в Приангарье. Первыми из землепроходцев, проложившими пути по Ангаре и Лене на территории Иркутской области, были 40 казаков во главе с Пантелеем Пяндой.

В 1661 году отрядом казаков во главе с Яковом Похабовым был построен Иркутский острог. Острог быстро разросся и в 1686 году был преобразован в город, утвержден его герб. С этого времени Иркутск становится самостоятельным центром [2]. А в 1643 году казаки под начальством пятидесятника Курбата Иванова через верховья реки Лены впервые достигли озера Байкала и побывали на острове Ольхон, где проживали буряты.

В трудных условиях и с ограниченными средствами переселенцы в Сибири завели пашни, покосы, построили заимки, деревни, села и города, соляные варницы, мукомольные мельницы, кузницы; добывали железную руду и плавиле железо, отыскивали слюду; ими были заложены основы промышленности, созданы очаги культуры на сибирских окраинах России. Иркутская губерния, учрежденная в октябре 1764 года, включала 11 городов с подчиненными им землями [6].

Рождение детей у русского населения воспринималось как дарованная Богом милость. Главным событием с появлением новорожденного в семье считалось крещение ребенка в православной церкви или в старообрядческой общине. Первый период жизни ребенка у русских назывался младенчеством и длился до исполнения ему 7–8 лет. Русские крестьянки старались по возможности кормить новорожденных материнским молоком, а если у матери его не хватало — прикармливали коровьим молоком, разведенным с водой. Брать в кормилицы к новорожденному постороннюю женщину у крестьян не полагалось, хотя в более богатых семьях это приветствовалось. Часто мать оставляла ребенка в колыбели одного, вставив ему в рот коровий рог с отрезанным



концом, куда был набит смоченный сладкой водой ржаной хлеб, и уходила работать на весь день. Иногда грудное кормление с первых дней заменялось излюбленной хлебной соской: заворачивали хлеб в кусочек марли и давали сосать ребенку, также младенцам давали сосать каши и жеваный хлеб. Уже с 2–6 недель ребенку могли давать разбавленное коровье или козье молоко. Для искусственного кормления использовали рожок — коровий рог, на который надевался сосок коровьего вымени [6].

Татары принимали активное участие в заселении и хозяйственном освоении новых территорий Южного и Северного Приуралья, Нижнего Поволжья, Сибири. Статистические сведения по Иркутской губернии за 1866 год дают такие цифры: всего в губернии проживало 2402 мусульманина. В начале XX века число крестьян-татар увеличилось, появились этнически однородные татарские поселения [6].

Имеющиеся архивные записи свидетельствуют о том, что в татарских семьях грудное вскармливание сохранялось дольше, чем в русских, иногда до 2–3-летнего возраста, что в большей степени было обусловлено религиозными нормами. Более продолжительное грудное вскармливание положительно влияло на детскую смертность, которая в татарских семьях была значительно ниже по сравнению с русскими или бурятскими семьями.

Постепенно вместе с ходом истории, развитием науки и техники изменялись быт, устои и семейственность разных народов. Безусловно, определенные обычаи остались, но большая часть из них утратила свою актуальность.

Анализируя имеющиеся скудные данные по грудному вскармливанию с исторической и этнографической позиций, прослеживаются общие черты как у русских, так и у бурят, и у тофаларов, а именно наличие приспособлений, представляющих собой аналоги современной соски. Эти приспособления изготавливались чаще из рога домашнего животного, в частности коровы.

Многоликость и многонациональность нашего народа — это безусловное богатство и достояние нашей области, нашей страны. Сколько народов — столько и обычаев, которые несут в себе культурную, историческую ценность, а в аспекте вскармливания младенцев — и медицинскую ценность. Изучая вопросы грудного вскармливания и его истории, можно сделать некоторые выводы о сохранившихся до насто-

ящего времени обычаях, порядках и предрассудках. Тем не менее любой народ видел свое будущее в своих детях, в их здоровье. А здоровье вкладывалось в детей с любовью матери, с заботой о детях и, конечно, с грудным молоком.

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Косых А.П., Панов В.Н., Тюкавкин В.Г. История Иркутской области. *Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство*. 1983. 174 с.
2. История народов, живущих вокруг Байкала. *Иркутск: ОАО «Иркутская областная типография № 1 имени В.П. Посохина»*. 2007. 132 с.
3. Басаева К.Д. Семья и брак у бурят. *Новосибирск: Изд-во «Наука»*. 1980. 223 с.
4. Басаева К.Д. Семья и брак у бурят. *Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство*. 1991. 192 с.
5. Мельникова Л.В. Тофы: историко-этнографический очерк. *Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство*. 1994. 304 с.
6. Косых А.П. Хрестоматия по истории Иркутской области. *Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство*. 1960.

# Традиционная обрядовая жизнь калмыцкого народа с древнейших времен до наших дней: материнство и детство

Л.Н. Дакинова

Перинатальный центр им. О.А. Шунгаевой, Элиста, Российская Федерация

\* \* \*

*Пусть дети и внуки соединят свои силы,  
пусть трезвый разум сопровождает их на жизненном пути,  
пусть не забывают они оказать уважение к старшим,  
пусть не разочаровывают родительских чаяний и надежд,  
пусть теплом и заботой окружают тех, кто дал им жизнь,  
счастья и удачи тем, кто умеет помнить добро  
и возвращать его любовью.*

*(Благопожелание).*

Калмыки (ойраты) прошли длинный путь исторического развития. Историко-культурный облик сформировался на современной территории западной части Республики Монголия и северо-западных областей Китая (Джунгария). Первые достоверные письменные сведения об ойратах относятся к концу XIII – началу XIV века. Ойраты занимались скотоводством, перекочевывали с «места на место, смотря по достатку в траве и воде, обитали в войлочных юртах». Ойраты в XVI веке передвигались в поисках свободных земель для кочевков в районе Прибайкалья, в верховьях Енисея, на Южном Алтае и по течению Иртыша, смешиваясь с другими народами и этническими группами. В XVII веке обосновались в междуречье Волги и Урала, а позже большая их часть переселилась на земли в низовьях Волги и Прикаспия, которые стали называться калмыцкой степью, а сам народ — волжскими, или российскими, калмыками.

В этих условиях был неизбежен обмен достижениями в области хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры. Следовательно, процесс этнической истории ойратов, их потомков — калмыков — неразрывно связан с историей народов Южной Сибири, Центральной Азии, Казахстана и Средней Азии. Это не могло не усложнить этнический состав калмыцкого народа, а также наложило определенный отпечаток на его материальную и духовную культуру.

Политика коренизации народов с 30-х годов XIX века существенно изменила этнокультурный облик калмыков: был осуществлен переход с мобильного на стационарный тип ведения хозяйства, изменены характер поселения и тип жилища, рацион питания.

### СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Большая семья калмыков состояла максимально из представителей трех поколений — родителей (отца и матери), детей (семей их сыновей) и внуков.

В конце XIX – начале XX века господствующей формой семьи у калмыков была малая моногамная семья, состоявшая из родителей и несовершеннолетних детей, и степные калмыки ни в чем не изменили своей старине, родным обычаям и предписаниям религии, повелевающим им только единоженство.

Раньше калмыки жили в хотонах и представляли чаще один род, связаны были одной кровью, поддерживали друг друга в беде и радости. И чем больше в роду было мужчин, тем большим почетом и уважением этот род пользовался. А если в хотоне рождались одна за другой девочки, считалось, что род угасает (ведь она подрастет, выйдет замуж и будет носить чужую фамилию).

Каждая семейная пара имела свою кибитку.

Дети воспитывались в духе уважения и беспрекословного подчинения родителям и старшим. Обычай



*Муж и жена с дочерью в старинной национальной одежде  
(Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова)*



*Хотон*

обязывал как мужчину, так и женщину оказывать искреннее почтение и внимание старшим по возрасту и положению, держать себя при старших корректно, не вмешиваться в их разговоры. Строго осуждалась развязность при обращении к старшим. Ни один молодой человек не осмеливался попросить у старших прикурить, тем более выпить, не садился до тех пор, пока не предложит старший. У калмыков категорически запрещались браки между родственниками любого поколения по отцовской линии.

### **ЗАПРЕТЫ И ПРЕДПИСАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С БЕРЕМЕННОСТЬЮ**

Для рождения здорового ребенка проводили магические действия, направленные на обеспечение здоровья: следовало совершить жертвоприношение огню; до начала XX века в обряде жертвовали взрослого 5–6-летнего барана, у которого нижние позвонки срослись и окостенели, либо самцов таких видов животных, как верблюд, конь, бык. Магическая передача силы хребта животного должна была усилить костяк новорожденного. Чтобы родить здорового ребенка, беременная женщина также должна была неукоснительно соблюдать некоторые нехитрые обычаи:

- будущей матери нельзя было перешагивать через веревку, чтобы ребенок не запутался при родах в пуповине;
- нельзя переступать через лежащий на ее пути топор, ибо такой шаг сулил ребенку в будущем неразрешимые проблемы;
- нельзя было смотреть на бегущего зайца из-за боязни, что ребенок родится с заячьей губой;



*Внутреннее убранство кибитки  
(Национальный музей Республики  
Калмыкия им. Н.Н. Пальмова)*

- беременным не разрешалось измельчать соль (раньше соль, как и сахар, продавалась большими кусками), боялись, что это приведет к преждевременным родам;
- нельзя было стричь волосы;
- нельзя было употреблять в пищу мясо верблюда, зайца, кабана (а так же, как и всем женщинам, есть мясо барана с лопаточной, берцовой костей и нижнюю часть желудка);
- следовало воздерживаться от употребления рыбы: калмыки были убеждены, что от чрезмерного употребления рыбы ребенок может родиться с выпученными, как у рыбы, глазами;
- нельзя было заранее готовить приданое для будущего ребенка, чтобы не накликать беду;
- беременной женщине не позволяли переступать порог дома, где справлялись похороны: «Живым — живое», — говорили наши прадеды;
- беременной женщине запрещалось грубо обращаться с животными, бить их, так как, согласно верованиям, мог родиться ребенок, у которого верхняя часть туловища будет покрыта волосами, напоминающими кошачью или собачью шерсть. Еще одним следствием грубого обращения беременной с животными могло быть позднее появление речи у ребенка или рождение ребенка с большим родимым пятном на лице;
- ребенку нельзя давать имя умершего родственника, каким бы уважаемым человеком он ни был.

Кроме вышеназванных обычаев будущей матери рекомендовалось употреблять только дозволенную в ее положении пищу, в частности:

- ей запрещалось, есть пищу, которой раньше не было в ассортименте домашней еды: например, мясо верблюда. Калмыки верили, что незнакомая еда может повлиять на пол ребенка, изменить его;
- остерегались есть мясо хромых, слепых, больных животных из-за боязни, что ребенок может родиться с такими же увечьями и болезнями;
- нельзя было есть много сладкого, чтобы на лице ребенка не появились болячки (аллергия).

Если будущая мать пренебрегала этими приметами, то она навлекла грех не только на себя, но и на ребенка, он мог родиться болезненным, слабым, а в будущем пройти через полосу жизненных неудач.

Вся дородовая обрядность калмыков была направлена на обеспечение безопасности беременной и в первую очередь ее будущего ребенка.

Беременная должна была рожать только в своей семейной кибитке. Запрещалось рожать в кибитке родителей и родных. Разведенная дочь, если она проживала с родителями, рожала под каким-нибудь навесом, в подсобном помещении (в амбаре).

### ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С НОВОРОЖДЕННЫМ

Рождение ребенка в калмыцкой семье всегда рассматривалось как большое и радостное событие, отмечали его торжественно. Рождение мальчика встречалось с большим удовлетворением, ибо он — продолжатель отцовского имени, будущий кормилец родителей, защитник чести семьи и рода. По традиции, повитуха криком на весь *хотон* (село) прямо из двери того жилища, в котором были роды, возвещала, что у такого-то (называлось имя отца) родился сын. Рождение девочки встречалось менее восторженно. Правда, отсутствие дочерей тоже считалось несчастьем для семьи и круга близких родственников. Известно много случаев, когда приглашали *гелюнгов*, которые читали молитву и делали жертвоприношение очагу, чтобы в семье родилась девочка, призванная роднить людей. Рождение девочки в семье, где были одни мальчики, вызывало много радости, в связи с этим устраивалось большое пиршество. Еще в начале XX века роды у калмычек принимались дома, в кибитке, на разостланной на земле постели. Для облегчения родов роженице давали выпить немного топленого масла (*шар тосн*). Повитухой обычно была опытная пожилая женщина, имевшая много детей. А ей помогали 2–3 близкие родственницы или соседки.

Обычно роды происходили на земляном полу кибитки, на который насыпали остывшую золу из очага, сверху стелили старый войлок или овечьи шкуры, мягкие использованные тряпки. Калмычки, по обычаю, рожали молча, так как считалось, что кричать во время родов стыдно. Поэтому если роды проходили ночью, то о появлении нового члена семьи узнавали по крику младенца, или же только наутро.

Для облегчения родов женщину располагали лицом к изображениям *бурханов*, а рожала она, стоя на коленях и опираясь на сундук локтями, специально поставленный перед постелью, или присев на корточки, или встав на четвереньки.

При наступлении схваток сразу же начинали варить калмыцкий чай: считали, что чем быстрее его сварят, тем скорее родит женщина. Во время родов снимали серьги, открывали все запоры, отпирали замки, выдвигали ящики. Все эти действия как бы имитировали свободный и открытый путь для ребенка. Производили шум, отпугивая нечистую силу. У астраханских калмыков муж во время родов должен был расставить сеть около кибитки и ходить вокруг нее, щелкая кнутом и прогоняя злых духов. У хошеутов муж при родах уезжал в табун. А у оренбургских калмыков муж стрелял из ружья над головой роженицы.

Если роды затягивались и были трудными, виновной считали саму роженицу, значит когда-то она согрешила. Ее заставляли молиться об отпущении грехов, делали подношения *хурулу*. В особо тяжелых случаях приглашали мужчину, отличавшегося силой. Он должен был обхватить женщину сзади чуть ниже пояса и сильно сдавливать руками. Иногда это делали круглой палкой или широким ремнем. Мужчине, оказавшему помощь роженице, полагался подарок — конь или баран.

### ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ ДЕТЕЙ

Наконец, ребенок родился. Но и после его рождения необходимо было соблюсти ряд обычаев. Например, сразу же после рождения ребенка молодая мать должна сделать подношение огню (очиститься). Родильницу немедленно после родов поили холодной водой, и она в первый же день вставала с постели и начинала исполнять работы по кибитке (дому). Во избежание послеродовых осложнений родильница должна была строго соблюдать диету, не есть мясо и жирную пищу. При высокой температуре ей давали напиток из овса (*арван усн*). Для нее специально готовили постную мучную похлебку, считалось, что это поможет склеить внутренние органы, сдвинутые во время родов. В дальнейшем пищу ей по возможности улучшали, резали барана и готовили *шулюн* (бульон) в течение 10–15 дней; первые 2–3 дня чай давали жидкий, а потом уже обыкновенный. На третий день в присутствии женщин, помогавших роженице, совершался обряд захоронения последа около очага.



*Чаепитие*  
(Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова)



Чтобы отпугнуть злых духов, послед помещали в белую кошму или материю, опускали в небольшую ямку, сверху бросали монету и зарывали. Считалось, что участие в обряде бездетных женщин могло способствовать их чадородию. У новорожденного отрезали пуповину специально приготовленным для этой цели хорошо наточенным ножом, подобным тому, который обычно калмыки носили на поясе. Этот нож хранили как семейную реликвию в закрытом сундуке. В случае если родился мальчик и во время родов появлялся отец, то с его головы «похищали» головной убор, который он должен был «выкупить». Малыша не рекомендовали показывать чужим, пока ему не исполнится год, иначе его могли сглазить; как правило, калмыки заказывали *гелюngu* (поп) талисман для новорожденного, чтобы положить ему под подушку или подвесить его над люлькой. Когда малыш подрастал, талисман надевали ему на шею.

Малюток пеленали довольно крепко, привязывая к доске, а для испражнений в соответствующем месте делали отверстие. Использовали и своеобразные памперсы: остывшую золу заворачивали в материю и подкладывали под ребенка, моча впитывалась в золу. При кормлении грудью ребенка клали не перпендикулярно к ногам матери, как у русских, а наискось и даже прямо между ног матери, почему ребенок находился всегда в наклонном положении с приподнятою головкою.

Обязательным был обряд кормления только что родившегося ребенка курдючным салом и потом салом прикармливали постоянно, пока мать его кормила беспорядочно своей грудью. Вместо соски использовали вареный бараний хвост, а также толченые пряники или печенье, смешанные со сливочным или топленым маслом. Полученную смесь заворачивали в марлю и давали ребенку. Детей кормили грудью до 2–3–5 лет. По мере роста ребенка в первый год давали и молочную сыворотку (*бозо*), разбалтывая молоком или же просто водой.

Когда ребенок подрастал и мог держаться ручками за предметы, мать носила его не у груди, а сажала себе под плечо, как бы верхом на свое бедро, так что одна ножка ребенка находилась спереди, а другая сзади правого бока матери, а ручки ребенка цеплялись за плечо или просто за одежду матери, которая своей правой рукой слегка поддерживала его. Благодаря такому способу ношения детей, ноги у них несколько были выгнуты и приспособлены к верховой езде, и, может быть, это отчасти влияло на то, что калмыки обоего пола с самого детства хорошо держались на лошади и слыли лихими наездниками.

Все участники торжества, устроенного в честь новорожденного, делали матери и ребенку всевозможные подарки. Дарили деньги (в том числе серебряные монеты — символ богатства), детские рубашки, отрезы на платье, скот и т.д.

Мать по традиции вела счет прожитым ребенком дням. Для этого к занавеске пришивали длинный ремешок, шнурок или шелковую ленту, на которые по прошествии недели завязывался узелок.

Калмыки придавали большое значение обряду срезания первородных волос, которых еще никогда не касались ножницы. Срезание волос у ребенка проводилось в пятилетнем возрасте; срезанные волосы собирались матерью в платочек и сохранялись в сундуке или зашивались в подушку ребенка. У мальчиков пучки волос оставляли на темени, затылке, висках и спереди надо лбом, а у девочек волосы подрезали в кружок вокруг головы. Присутствовавшие при этом пожилые люди говорили какое-либо благопожелание ребенку, делали ему подарки. Стрижка первородных волос у детей отмечалась предками калмыков — ойратами — как большой праздник.

Представляет интерес калмыцкий способ ухода за недоношенным новорожденным. В этом случае обращалось внимание на правильную организацию условий внешней среды. Ребенок содержался в тепле, даже на солнце. Его часто мыли в теплой воде, старались оградить от шума, громких разговоров, не допускали к нему посторонних.

Обычаи эти возникли в столь давние времена, когда врачей как таковых еще не было. Но и время, и наука со временем лишь подтвердили справедливость старых обычаев.

А теперь пора перейти к обычаям, которых следует придерживаться после рождения ребенка. Их четыре:

- прежде всего, ребенку надо дать имя;
- новорожденного надо оберегать от сглаза, поэтому нельзя никому показывать;
- получить благословение у *гелюнга* (поп);
- надеть ему амулет.

Наречь народившегося человека, дать ему имя на всю жизнь было весьма ответственным событием. А поскольку имя, данное ребенку при рождении, должно было помогать ему в жизни, то ошибаться при выборе имени родственники не имели права. Калмыки верили, что даже создатель всего земного, отправляя нового человека в этот мир, благо-

словляет его: «Пусть этот человек обретет на земле достойное имя и увидит солнце, пусть растет на радость матери и отцу». В добрые старые времена имя ребенку у калмыков выбирал *гелюнг* (поп). Но прежде он читал молитву, соотносил время рождения ребенка с определенным днем, по звездам просчитывал его будущее и только тогда давал подходящее имя.

Иногда первенцу в молодой семье имя давали старшие в роду, очень уважаемые люди: например, дядя со стороны отца. Если имя ребенку подобрано верно, то оно должно оберегать ребенка от всего плохого.

Если обряд наречения происходил без участия *гелюнга*, то ребенку присваивалось имя, одобренное большинством или предложенное наиболее уважаемыми родственниками. Особого согласия матери в данном случае не требовалось. В семьях, где дети часто умирали, рождавшимся давали имя знакомого русского, татарина или представителя другого народа. По понятию суеверных родителей, эти имена должны были обмануть духов, насылавших смерть.

В семье, где дети умирали, новорожденного не показывали посторонним лицам, а иногда даже и родственникам. Чаще всего такая охрана длилась несколько месяцев, но иногда до года и дольше. Третье средство сохранения жизни детей — посвящение их, хоть и фиктивное, *хурулу*. Наконец, в качестве предохранительного средства практиковались талисманы: их или серебряные монеты из числа подаренных ребенку в день рождения и омовения прикрепляли к волосам детей.

Имя, данное ребенку, обязательно, по обычаю, надо было благословить, то есть произнести благопожелание (*йгеорьял*): «От души желаю вашему ребенку здоровья, долгих лет жизни. Имя, данное ему, пусть будет желанным. Пусть ваш ребенок будет достойным продолжением рода и всегда пусть радует вас всех».

У калмыков было также заведено пеленать новорожденного в подол бабушкиного платья. И делалось это отнюдь не по причине бедности родителей ребенка, но в соответствии с доброй приметой: считалось, что в бабушкином подоле будущий человечек обретает долголетие. Причем ритуал оборачивания в подол новорожденного совершала сама бабушка: она выбирала самое старое платье (подол которого от ветхости становился очень тонким и оттого мягким), убирала швы (их в просторном бабушкином подоле было всего два), разглаживала получившуюся таким образом пеленку руками (как бы передавая малышу тепло своей

любви), а позже чистую первую пеленку малыша клали ему под подушку. Считалось, что таким образом ребенку передадутся добрые и светлые помыслы бабушки.

В грудничковом возрасте дети подвержены болезни, которая в народе известна под понятием «младенческое». Распознавалась эта болезнь по следующим приметам: малыш обычно подолгу плакал без видимой причины, капризничал, сучил ножками, тянул шейку, плохо спал и плохо ел. В таких случаях обращались к бабушкам-знахаркам, которые лечили детей традиционными способами, прикладывали к телу замоленную монетку. Матери при таком лечении не рекомендовали присутствовать, иначе, жалея плачущего малыша, она могла, пусть и невольно, помешать его лечению.

Если ребенок чего-то сильно пугался, после этого он мог заикаться или просыпаться ночью с криком. Испуг калмыки лечили выливанием свинца. Делалось это следующим образом: мать брала малыша на колени, головку ему накрывала пеленкой или простыней, поверх которой держали чашку с холодной водой. В эту чашку выливали расплавленный свинец, металл в холодной воде мгновенно остывал, приобретая причудливые фигуры. По убеждению калмыков, в этой фигуре и отливался предмет или живое существо, которое послужило причиной испуга малыша. И надо сказать, такой метод лечения был очень действенным, малыш после лечения свинцом успокаивался. Но не каждый способен проводить лечение свинцом, лучше доверить это действие тому, кому известны секреты такого лечения. Кроме того, лечение нужно было повторить трижды, а после каждого из них содержимое чашки выливалось (выплеснуть) в самом шумном месте.

В жизни ребенка (хотя и не каждого) есть особые даты, называемые *ясврта*, то есть требующие соответствующей поправки. Они, как правило, наступали в три года, семь и девять лет. Что это за даты? Например: день рождения ребенка и кого-то из родителей приходилось на одну и ту же дату или год. В этом случае совершали ритуал разделения дат рождения (*таслх*), чтобы один из двоих ненароком не перепутал судьбы. Этот ритуал совершался *гелюнгами*.

Не принято у калмыков слишком захваливать ребенка: и красивый, дескать, он, и умный, и нет ему равных. Во-первых, таким образом можно сглазить дитя; во-вторых, имелся в виду чисто психологический аспект — ребенок может вырасти хвастливым или эгоистичным.

### Молочные зубы

Ребенок появляется на свет беззубым. Первые зубы у младенца появляются в возрасте четырех месяцев, иногда в два месяца при условии, если молоко его матери густое, насыщенное. Если же молоко жидкое, то зубы у ребенка прорезаются несколько позже. Первыми появляются передние зубки, причем по многим наблюдениям — сначала нижние.

По обычаю, калмыки старались не заглядывать в рот ребенку в ожидании появления первых зубов. Считалось, что столь пристальное внимание и нетерпеливое ожидание появления первых зубов у ребенка приводит к противоположному результату — они задерживаются в росте. Нельзя также проверять рост зубов у младенца путем ощупывания пальцами.

Перед тем как появиться зубам, у детей краснеют и опухают десна, изо рта у них бегут слюни, сами дети становятся капризными, плаксивыми. При этом они температурят, отказываются от пищи. В этом случае у калмыков не рекомендовалось давать детям лекарство от температуры, жар должен пройти сам собой. Однако, чтобы помочь ребенку преодолеть этот нелегкий для маленького организма период, чтобы он мог хоть как-то противостоять зудящей боли в деснах, ему следует дать какую-нибудь игрушку, чтобы он мог покусать ее и хоть немного умерить зуд в деснах. Но не рекомендовалось давать что-то твердое, потому что молочные зубы весьма хрупкие.

По достижении ребенком возраста 7–8 лет молочные зубы начинают выпадать. Поэтому следует знать, что выпавшие первые зубы ребенка нельзя выбрасывать, где попало. Калмыки в таких случаях поступали так: заворачивали зуб в хлебный мякиш и отдавали на съедение собаке. При этом произносили: «Возьми мой плохой зуб, а взамен ему дай мне хороший».

Почему именно собаке полагалось отдавать молочный зуб? Да потому что у собаки очень крепкие зубы, настолько, что она без труда может разгрызть кости животных.

### О близнецах

Рождение близнецов — явление достаточно редкое, и уже поэтому вызывает интерес, привлекает внимание. У калмыков рождение близнецов, а также их воспитание сопровождалось специальными обрядами и ритуалами.

Известно, что близнецы рождаются не в каждой семье, а только в той, у которой явление уже имело место. Появление на свет близнецов доставляло радость не только семье новорожденных, но и всему *хотону*.

Спорным считается вопрос, кого из близнецов считать старшим? По мнению одних, старший тот, кто первым появился на свет. «Ничего подобного, — не соглашались с такой позицией другие, — старший тот, кто появился вторым или, быть может, даже третьим. Просто он по праву воспользовался своим положением и вытолкнул младшего на разведку, посмотреть, в каком мире им предстоит жить». Так или иначе, но никто из близнецов не обделяется любовью и вниманием.

Близнецов старались не разлучать, и все доставалось им поровну. Их дни рождения праздновались в один день, но, обратите внимание, свадьбы близнецам справлялись в разное время. Так советовали старые калмыки.

Жизнь непредсказуема. Случалось, что один из близнецов умирал в детстве или будучи молодым. Тогда родителям нужно было пойти в *хурул* и попросить *гелюнга* совершить обряд разделения жизней близнецов для того, чтобы ушедший не забрал с собой оставшегося в живых брата или сестру. У священнослужителей на такой случай есть специальные молитвы, укрепляющие корни (*сююр*) и благополучие оставшегося в живых ребенка. Некоторые из родителей закрепляли молитву *гелюнга* еще одним, весьма интересным обрядом: они находили семью, где тоже имелись близнецы, и заключали с родителями этих двойняшек договор о том, что как только дети подрастут, они их поженят. Другими словами, заключали помолвку между детьми. Однако время вносило свои коррективы, и закрепленная помолвка могла расстроиться по той или иной причине. Но в таком случае снова нужно было совершить обряд разделения, на этот раз между несостоявшимися женихом и невестой. Таким образом, калмыки оберегали детей от непредвиденных бед и несчастий.

Женщина, родившая двойню или тройню, пользовалась особым почетом. Во-первых, потому что ее считали сильным человеком, излучающим особую ауру. Это мнение, вероятнее всего, возникло потому, что и на самом деле у таких женщин проявлялась способность к исцелению. Более всего им удавалось избавить кормящую мать от боли в груди, возникающей в результате простуды.

Грудное вскармливание с давних времен считалось традиционным. К концу XX века доля детей в возрасте 6–12 месяцев, находящихся на груд-

ном вскармливании, по данным статистики, составляла 42,3%. С 1998 г. произошло возрождение культуры грудного вскармливания, и к 2014 г. уровень грудного вскармливания в 6–12 месяцев составлял 76,9%. В последние 5 лет в акушерских стационарах более 88–92% детей находились на исключительно грудном вскармливании.

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Житецкий И.А. Очерки быта калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. *Астрахань*, 1886.
2. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. *Казань*, 1892.
3. Иакинф. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. *СПб.*, 1834.
4. Душан У. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии. Этнографический сборник № 1. *Элиста*, 1976. С. 19–20.
5. Шалхаков Д.Д. Семья и брак у калмыков. *Элиста*, 1982. С. 48.
6. Эрдниев У.Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. *Элиста*, 1985.
7. Бакаева Э.П., Гучинова Э.-Б.М. Магия в обрядах родинного ритуала калмыков. Традиционная обрядность монгольских народов. *Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние*, 1992. С. 89–90.
8. Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт. *Элиста*, 1993.
9. Омакаева Э.У. Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни. *АЛТАИСА II. Москва: Институт востоковедения РАН*, 1998. С. 102.
10. Алексеева П.Э. О роли женщины-матери в семье. *Теегин герл № 4. Элиста*, 2000. С. 117.
11. Ользеева С. Калмыцкие народные традиции. *Элиста*, 2007.
12. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. 3 т. *Элиста*, 2009.
13. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 115. Л. 3.
14. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 16. Л. 12.

## Карелия: чудесный край, где причудливым образом сплетались судьбы славянских и финских народов

**И.В. Леписева**

Детская республиканская больница, Петрозаводск, Российская Федерация

\* \* \*

*Ребенок требует много молитв.*  
(Карельская пословица)

По данным 1875 года, карелы проживали в южной части Финляндии и северо-западных губерниях России: в Олонецкой губернии — повсеместно, сплошными массами — в уездах Повенецком, Петрозаводском, Олонецком, Лодейнопольском и Вытегорском, в Тверской губернии — повсеместно, в Новгородской губернии — повсеместно, в Архангельской губернии — в Кемском уезде, в Санкт-Петербургской губернии — в уездах Санкт-Петербургском и Шлиссельбургском [1].

При таком расселении карелы на протяжении длительной истории перемешивались, взаимодействовали с русским и финским населением. Происходило взаимопроникновение культур, традиций. На территории русского Севера практически не отличаются русские и карельские жилые и хозяйственные постройки, общими являются детали традиционного костюма.

Карелия второй половины XIX века представляла собой край со слабо развитым сельским хозяйством, практически отсутствовавшей промышленностью; образ жизни крестьянской семьи определялся спецификой природных и экономических условий [2].



Ценности и традиции воспитания в крестьянской семье складывались благодаря межкультурному взаимодействию народов Карелии. Этнокультурные, исторические связи карел, русских, вепсов образовывали единое культурное пространство, в котором происходило взаимообогащение традиций, взаимодействие на уровне символов, выраженных в языке, фольклоре, праздниках, верованиях, обрядах, быте.

Народные представления о ценности семьи и детей, о священности и нерасторжимости брака в Карелии в целом совпадали с православной семейной этикой, и нашли отражение в обычном праве, закреплялись обычаями, традициями, запретами, трансформировались в фольклоре.

Семья, по представлениям народов Карелии, являлась важнейшим условием порядочности человека, его материального благосостояния, общественного признания.

Характерной особенностью воспитания в крестьянской семье Карелии являлся синкретизм мифологического и религиозного (православного) мировосприятия [1].

В области расселения карелов, финнов, вепсов почти полностью отсутствовало поместное землевладение (исключения сравнительно немногочисленны), основная масса населения принадлежала к числу лично свободных государственных крестьян — все это создавало более благоприятные условия для жизни крестьян в ту эпоху [3].

Нравственное и материальное благополучие человека определялось семьей, обеспечивавшей важнейшую



*Вепсы. Группа крестьян.  
20-е годы XX века  
(из фондов РЭМ<sup>1</sup>, Петрозаводск)*



*Вепский жених в свадебном наряде  
(фотография из фондов РЭМ,  
Петрозаводск)*

<sup>1</sup> РЭМ — Российский этнографический музей.

функцию воспитания детей и сохранения преемственности поколений. Передача жизненного опыта молодым, сохранение традиционного уклада жизни, культуры, освоение ребенком нравственных устоев осуществлялись прежде всего в семье [2].

Большинство дореволюционных карельских деревень представляли собой малодворные поселения, состоящие из 5–10 домов. Отличительная черта всех северных изб, в том числе и карельских, — чистота — неоднократно отмечалась исследователями [4].

Важной особенностью карельской семьи, как большой, так и малой, являлось относительно равноправное положение женщин и мужчин.

### СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Комплекс обрядов, связанных с рождением ребенка, был у карел относительно несложным. Он состоял преимущественно из обычаев и обрядовых действий, относившихся к санитарно-лечебной и религиозно-магической подструктурам [5].

Основное назначение всего комплекса родильной обрядности — способствовать удачному исходу родов, обеспечить здоровье и благополучие новорожденному [5]. Важным фактором внутрисемейного согласия был трезвый образ жизни. «Хотя кореляки и невежественны, но ведут трудолюбивую, трезвую жизнь, драки между ними очень редки...», — отмечал священник Н. Петров. Большая заслуга в этом принадлежала карельской женщине. «Семейный быт карел в нравственном отношении можно назвать благородным, они стараются жить в мире и согласии, и если случаются какие-либо семейные распри, то всячески оные скрывают от посторонней наблюдательности» [6].

Среди карел чаще встречались большие неразделенные семьи, где сплошь и рядом уживались в одном доме в полном мире и согласии по



*Свадебные наряды народов Карелии  
(фотография из музея Кижы)*



*Дом зажиточного крестьянина  
(фотография из фондов РЭМ,  
Петрозаводск)*

три-четыре семьи, то есть по трое-четыре женатых братьев.

Заботой о поколениях проникнуты элементы свадебного ритуала, смысл которого заключался в создании предпосылок для успешного зачатия, нормального протекания беременности и рождении здорового, жизнеспособного ребенка. Запрещались родственные браки по первой линии до восьмого поколения, по боковой линии — до четвертого колена [5].



*Неразделенная семья  
(фотография из фондов РЭМ)*

Многодетность регулировали запретами. Так, например, запрещалось обходить стол вокруг: «Не обходи вокруг стола, а то полное застолье будет», запрещалось качать пустую люльку: «Не качай пустой *зыбки*, а то еще одно дитя накачаешь», девочкам говорили: «Не качай *зыбку* пустой, а то когда-нибудь сразу пятерых деточек принесешь».

Опасались и бездетности: детям запрещалось таскать из гнезд яйца куропаток, уток и других птиц, откладывающих помногу яиц. Вне запрета были яйца чаек. Соблюдался запрет в отношении лягушек и жаб, плодovitость которых общеизвестна: детям говорили: «Не бросайте камни и коряги в лягушек, когда они свадьбы справляют, а то когда-нибудь сами уродов родите» [7].

Лучшим временем для свадьбы считался первый месяц после Покрова или время от Крещения до Великого Поста; свадьбы во время жатвенной страды были обусловлены нуждой в дополнительной паре бесплатных женских рук. На этот период в Олонецкой губернии выпадало не более 3% всех крестьянских свадеб [8]. Семья невесты несла бóльшие потери, чем семья жениха. В приданное обязательно входил ткацкий станок, могли быть прялка, икона; количество полотенец оговаривалось отдельно, чтобы каждый родственник получил вышитый подарок, отрезы материи, посуду, домашний скот.

Накануне свадьбы невеста с сестрами и подружками шла в «невестину баню», сидела в портах и рубахе, вышитой для жениха, чтобы материя напиталась ее потом. Делалось это из суеверия, что муж, надев рубаху, будет крепче любить.

Жениха, невесту и свадебное крыльцо снабжали таким количеством оберегов, как будто собирались отражать колдовскую атаку.

Обычай приурочивать свадьбу и брачную ночь к новолунию, был обусловлен пережитком культа Луны, основывался на уверенности, что растущая луна будет благоприятствовать развитию плода в чреве матери.

Обряды осыпания молодых зерном, битье горшков, окручивание невесты плеткой, соединение невесты с ребенком — все это должно было способствовать деторождению, причем сажать невесте на колени нужно было мальчика, чтобы рождались сыновья. Чтобы дети были здоровыми, «румяными и светлыми», новобрачных угощали молоком и ягодами.

Среди карел бытовало представление об исключительном благословении родителей. Дочь, выходящая замуж против воли родителей, рисковала потерять навеки способность к деторождению.

Женитьба коренным образом меняла социальный статус человека в крестьянском обществе. После свадьбы мужчина получал право голоса на общественных сходах.



*Коруна — свадебный женский головной убор*



*Свадебный обряд «плач по невесте» (фото Инха Конрад<sup>2</sup>, 1894 г.)*



*Свадьба (фото Инха Конрад, 1894 г.)*

<sup>2</sup> Инха (Нюстрём) Инто Конрад (1865–1930) — финский пионер фотографии. Урожденный Нюстрём изменил свое имя на финское Инха. После изучения литературы и эстетики в Хельсинки и фотографии в Германии и Австрии занимался журналистикой, историей, путешествиями, переводами и фотографией.

Праздничная одежда молодоженов не только демонстрировала их временный социальный статус, она исполняла магическую функцию — привлекала «богатство и славу» ко всей крестьянской общине, к которой они принадлежали. В первый год замужества на жатве, покосе молодая не только появлялась в нарядной одежде, а сразу в нескольких сорочках с вышитыми подолами, выглядывающими один из-под другого.

В день годовщины свадьбы *молодуха* дарила свекрови вышитое полотенце, и, уже покидая категорию *молодух* в связи с рождением первенца, молодая мать дарила свекрови вышитую *станушку*.

## РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

*Колыбель в избе висит, в ней младенец крепко спит.*  
(Карельская пословица)

Уровень рождаемости в Карелии характеризовался ежегодным появлением на свет 43–50 детей на каждую тысячу жителей. По переписи населения 1897 года, дети в возрасте до 9 лет составляли более 1/4 всего населения Олонецкой губернии.

Крестьянская община молодоженам в норме отводила полтора года на обзаведение ребенком. Если в этот срок первенец не появлялся, прибегали к помощи колдунов или ведунов. Культ очага прослеживался у сегозерских карел: чтобы *молодуха* забеременела, тайно клали под постель ухват или кочергу.



Быт карел  
(фото Инха Конрад, 1894 г.)



Карелы. Дети из бедной крестьянской семьи, 1899 г.  
(фотография из фондов РЭМ)

Появление первенца в семье было радостным событием: «дитя родится — песня родится, дитя родится — радость родится». Нормой считалось от 3–4 до 6–7 детей в семье.

Особое внимание придавалось поведению женщины во время беременности: беременной запрещалось стричь волосы, чтобы не укоротить жизнь ребенку; смотреться в зеркало, чтоб ребенок не был безобразным; пользоваться решетом, чтоб у ребенка не болели глаза; садиться за свадебный стол, опасаясь порчи; ходить на похороны и на кладбище, чтобы к ребенку не пристала *калма*; носить грязное платье, чтоб ребенок не был неряхой; переступать оглобли, чтоб у ребенка не было щетины. Нельзя беременной было отталкивать ногой кошку или собаку — эти животные считались представителями домовых в доме.

Были запреты, которые отражали заботу о самой женщине: так, например, ей нельзя было обвязывать веник, помело или *голик*, поскольку подобное действие могло затруднить роды. Запрещалось во второй половине беременности собирать на болотах ягоды, чтоб не было обвития пуповины.

Небесполезными были запреты не ходить одной в лес, не смотреть, как забивают скот, как стригут овец.

Женщины в большой семье освобождались от работы, могли отдохнуть, в то время когда женщинам из малой семьи самим приходилось делать работу по хозяйству.

В период беременности домашние должны были потакать пищевым прихотям (недугам) будущей матери. Удовлетворение «недугов» было таким же богоугодным делом, как подавание милостыни. Верили, что неудовлетворение прихоти может повлиять на здоровье женщины и ребенка.

Если беременность не скрывали, то срок родов скрывали все.

Из страха порчи хранили в тайне срок родов: продолжая работать до самых родов, женщины часто рожали в поле, на покосах, на рыбной ловле, в пути, в лесу.

Роды в домашних условиях сопровождались специальными приготовлениями. В больших семьях в роли повитухи выступала свекровь. В малых семьях звали *боабо* (пуповая бабка). Карельский институт повитух функционировал до 1930-х годов.

Религиозно-магическим элементам карельские *боабо* придавали большое значение. *Боабо* должна была быть «не сварливой и не злонравной». Узкая специализация повитух заметно выделяла их из знахарей,

у каждой имелся свой обрядовый набор: это могли быть ртуть, смола, первая шерсть ягненка, личинки, добытые из гнилого дерева, серебряные монеты. *Боабо* не только принимала роды, но и первые три дня ухаживала за роженицей и новорожденным. В течение всего этого времени ей не разрешалось пить из общих чашек: считалось, чтоб руки повитухи не были на том свете в крови, роженица должна была на третий день вымыть руки *боабо* с мылом и солью и насухо вытереть полотенцем. Обычай требовал от роженицы и благодарности в виде подарков. Чаще всего дарили варежки, сарафан, рубаху, мыло.

Наиболее подходящим местом для родов считалась баня или хлев.

Рожать в избе не полагалось. Повитуха действовала как бы сама, но при этом признавала, что ребенок рождается по воле «всевышнего Бога» и «силе старого Вяйнямейнена»[9].

Место для родов выстилалось соломой. Если роды затягивались, то обрядовые действия приобретали первостепенное значение.

Большое значение имела вода: ею поили, обливали, лили воду через отверстие в трех дверных скобах, в дымовую трубу, ствол ружья, пропускали сквозь каменку бани. Открывали дымоходы, окна и двери, отпирали замки, развязывали узлы, в особо трудных родах открывали Царские врата в церкви и т.д.

Исключительное значение придавали заговорам. «Дитя из чрева жены «...» выливается, как вода выливается из ушата».

Повитухи принимали новорожденного в старую рубашку мужа роженицы, чтобы «отец любил ребенка». Иногда потом заворачивали в старую юбку матери, чтобы «мать любила». В тех случаях, если у женщины несколько раз подряд рождались мертвые дети, очередного ребенка принимали в решето, застеленное рубашкой мужа [9].

Пуповину новорожденному перевязывали прядью материнских волос; в пряжинских и олонецких деревнях к волосам добавляли пучок льна, который вплетался в косы в день свадьбы [5, 9].

На севере Карелии вязку делали из волос и конопляных волокон. Завязку старались скрутить потоньше, чтоб скорее засох и отвалился конец пупка. Пупок было принято прятать, закапывать в подполье; пуповину девочки высушивали и закладывали в коневое бревно. Некоторые карелы зашивали пупок в кожаную ладанку, чтоб ребенок носил его как оберег. У русских Заонежья пупок высушивали и хранили в изголовье младенца.

Послед подбирали, намывали в чистой воде и хоронили, завернув в чистую тряпочку пуповиной вверх, в подполье или во внутренней завалине дома, где даже зимой земля была талая. Хоронить послед пуповиной вниз не полагалось из-за опасения, что ребенок умрет. Послед нельзя было выкинуть из-за опасения, что его могут разорвать собаки, и тогда женщина и новорожденный могут умереть [7].

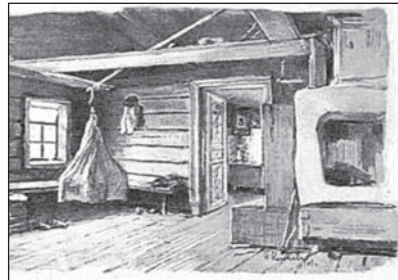
Статус роженицы позволял женщине после родов хотя бы немного отдохнуть, чтобы восстановить силы и здоровье, но чаще этот отдых не превышал двух недель.

На месте родов протирали ребенку глаза и уши грудным молоком, чтоб они не загноились. Мать «зачеркивала» пупок, брызгая крест-накрест молоком из разных грудей место перевязки пуповины [5].

Если ребенок рождался слабым, «синюшным», повитуха сразу надела на него свой нательный крест и сама крестила младенца («крещение в беде»). Некоторые знахарки сразу заговаривали грыжу и болезни различными заговорами. Грудь сразу после родов ребенку не давали. Делали из чистой тряпочки подобие соски, макали ее в сладкую водичку и давали ребенку сосать. Родильницу угощали кофе с молоком или чаем, домашней стряпней [7].

С момента рождения с помощью магических действий ему пытались привить внешние и внутренние качества, обладание которыми ценилось в данном обществе. Чтобы ребенок (особенно девочка) вырос красивым, его лицо прямо на месте рождения обмывали молоком матери. Крестьянским идеалом красоты считалась нежная белая кожа. Различными магическими способами младенцу пытались привить послушание. Например, сразу после родов свекровь или повитуха трижды обводили горячей лучиной вокруг правой ноги матери. Любопытно, что в одном из вариантов обряда лучину мог заменять сам новорожденный [9].

Новорожденного вносили в дом с выполнением определенных обрядов, которые могли отличаться манерой исполнения, но общим было просить у домового принять новорожденного в «семьюшку» и обязательным переступание матерью через ребенка. При входе в дом мать обычно отдавала



Фонды РЭМ



дитя свекрови, и уже та вносила его в дом, клала ребенка вдоль каждого порога; мать переступала с левой ноги через порог и дитя, приговаривая «чтоб был спокоен и крепок, как этот порог». Ребенка укладывали на печь чаще на шубу, «чтоб жил богато», иногда ненадолго заворачивали в пелену с икон, «чтобы рос спокойным и здоровым» и приобщенным к христианским святыням семьи.

Первое омовение новорожденного происходило в доме на печи. В воду добавляли ольховые стружки и веточки можжевельника, серебряный рубль или гривенник, три крупинки или чайную ложку соли — «соль от глаза сберегает». Воду, в которой купали новорожденного, брали специальным образом из озера или реки. Сначала в воду бросали в качестве выкупа «тридцать копеек» (три раза по три медных монетки), произнося заговоры. Помыть младенца надо было не позднее трех часов после внесения в дом. Уложив ребенка поперек колен, белой тряпочкой (обязательное условие, «чтобы кожа и личико были белыми») смывали слизь, промывали нос, уши растирали, расправляли и вытягивали руки и ноги. Правили голову, чтобы голова приняла круглую форму. Большая, неправильной формы голова или слишком маленькая свидетельствовали о причастности к рождению нечистой силы. Если купали малыша в бане, то парили специально приготовленным венком — из мягких верхушек, отломанных от веток простого веника. Все процедуры купания подкреплялись магическими средствами.

В первый раз ребенка крепко пеленали, туго прижимая руки и ноги к телу. Первые три дня разворачивать не полагалось; спать клали только на бок.

Ребенка клали на лавке, застеленной соломой, за печью, мать спала напротив на деревянной кровати. Занавеска выполняла роль оберега: первые сорок дней за занавеску никто не заходил. Отец мог посмотреть ребенка не ранее чем через три дня. Заговоры от грыж, родимца, золотухи, сглаза произносили еще трижды — уложиться нужно было в недельный срок после родов. Пеленали ребенка 6 недель, чем объясняется и название ребенка в таком возрасте — *kapalolapsi* — спеленутый ребенок.

По истечении шестинедельного срока пеленки новорожденного, избегая сглаза, стирали в избе, а сушили в сенах, чтобы чужие не видели [10].

С кормлением ребенка материнским молоком были связаны различные обряды. Важным моментом являлось первое кормление, происшедшее обязательно на пороге избы и начинавшееся с правого соска. Если

ребенок неохотно сосал материнскую грудь, прибегали к особому обряду: встав у горячей печи, предлагали ребенку грудь и произносили заклинание: «Как ребенок льнет к теплу, так пусть льнет к материнской груди».

Родня, соседи приносили подарки «на зубок»: разную стряпню (калитки, шаньги, рыбники), а также старые тряпки на пеленки; могли принести и серебряный рубль. Первые 6 недель ребенок спал в корзине-коробке, сделанной из *дранки* (лучины).

Если мать не могла брать с собой на работу малыша, домочадцы подкармливали его коровьим молоком — делалось это уже с 3-й недели жизни. Кормили из коровьего рога с надетым на отпиленный конец соском от коровьего вымени, который предварительно выдерживали в солевом растворе. В некоторых местностях (например, на Сегозерье) соску делали из овечьей шерсти [11].

Иногда в рожок с молоком добавляли немного муки. Кроме того, обычной подкормкой служил разжеванный любым членом семьи мякиш ржаного хлеба, завернутый в тряпочку: «Поешь хлеба и всю жизнь будешь с хлебом». При отсутствии молока у матери переходили на искусственное вскармливание. Если молока было много, излишки сцеживали на веник со свежими или подсохшими листьями, чтобы «молоко на грудях не прикипело». На старый веник не сцеживали: считалось, что это может вызвать худобу у матери и прекращение выделения молока навсегда.

Кормить ребенка с ложки начинали задолго до отлучения его от груди. Со второго поста ему давали постную пищу с ложки: например, вареный горох, пареную репу.



Коровий рог (Национальный музей Республики Карелия)



Рожки для кормления (из собрания Музея Отечественной войны 1812 г., Москва)

На фотографиях выше можно видеть обычный рог и для сравнения искусно обработанные рожки, бытовавшие в дворянской среде в XIX веке.

Через 6 недель младенца крестили. Крестили чаще дома, чем в церкви.

В зависимости от того, кто крестил — священник или повитуха, отличался и обряд. Крестные вели ребенка по жизни, отвечая за все его поступки.

«Младенцем» у русских Заонежья и карелов следовало считать ребенка от момента рождения до нормативно-обязательного прекращения вскармливания молоком матери. Отлучение от груди не было связано с прекращением грудного вскармливания, с реальной продолжительностью биологического кормления материнским молоком. Устав Русской Православной Церкви строго прописывал прекращать вскармливание ребенка молоком (материнским или коровьим) по истечении первых шести длительных постов, а это, по любому, выпадало на полуторогодовалый возраст. После этого ребенок переходил в иную возрастную категорию.

Пока продолжалось вскармливание молоком, ребенок имел статус «младенца невинного», в отношении которого были недопустимы не только физические наказания, но и грозный окрик.

До окончания кормления грудью помимо нательного креста оберегом оставалась высушенная пуповина.

В 30–40-дневном возрасте руки и голову ребенка освобождали от пеленок, в шестинедельном возрасте ребенка, боясь, что он упадет с лавки или короба, перекладывали в колыбель (*зыбку, люльку, качульку, зыбельку*). Для перекладывания в колыбельку выбирали обычно тот день недели, в который ребенок родился. Исключения составляли церковные праздники, особенно Благовещение.

Колыбели могли быть двух типов — стоячие на полукруглых ножках, качающиеся по принципу крес-



*Колыбель. Деревня Нурмойла, 1942 г.  
(Национальный музей Республики Карелия)*



Колыбели из собрания Национального музея Республики Карелия, конец XIX – начало XX века: Олонецкая губерния (1); дер. Колатсельга, Олонецкий уезд, Олонецкая губерния (2); дер. Пирттигуба, Ухтинский уезд, Архангельская губерния (3)

ла-качалки, и подвесные. Для крестьянского дома вторые были удобнее и полезнее: ребенок находился выше, то есть дальше от холодного пола, чем если бы лежал в приземистой колыбельке.

Подвесная колыбель легко перемещалась по дому: она подвешивалась к гибкой жерди — *очепу*, который вставлялся в кольцо-крюк на матице (главное продольное бревно потолка). Люльку на *очепе* можно было развернуть удобно для матери, работавшей в избе. К самой колыбели крепилась веревочная петля, за которую ногой *пестунья* укачивала малыша.

Деревянные колыбели делались из досок, из гибкого луба (подкорной части дерева), изготавливались из корней; в начале XX века стали плестись из ивовых прутьев. Колыбель должен был сделать отец или будущий крестный: считалось, что его характер перейдет ребенку.

И всегда непременно частью убранства колыбели была старенькая материнская юбка, заботливо укрывавшая ребенка от чужих глаз. До сих пор карельские бабушки ругают матерей: «Показываете детей кому не лень. Вот они и болеют!»

С помощью *наука* (четыре веревочки) зыбка подвешивалась к тонкому концу *очана* (нетолстой пружинистой сосновой жерди). Внизу ко-

лыбели привязывали веревку с парой петель для качания. Дно люльки выстилали соломой или мхом красноватого цвета, подушечку набивали заячьей шерстью или пухом куропатки.

К люльке для мальчиков подвешивали лук со стрелами, молоток. Для девочек — веретено, перламутровые пуговицы, лапки и крылышки белой куропатки. Особенно «полезным», с точки зрения современного человека, может показаться в этом наборе петушиное перо с капелькой ртути, заткнутое ячменным зернышком.

С освобождением рук из пеленок младенцу давали игрушку, но прежде мальчикам давали подержаться за рыбацкую сеть, девочкам — за веретено.

Набор игрушек скромнен: яркие доскутки или погремушки, сплетенные из бересты шарики с камушками внутри; дети играли шишками, берестой, черепками. Мастерили деревянных лошадок, сани, маленькие ружья, тряпичных кукол (*bobozet*), игрушки из костей и позвонков животных.

Никогда не оставляли ребенка одного; если это все-таки было неизбежно, под *зыбку* клали (кидали) веник. Если малыша вынимали из колыбели, то в нее клали веник или сапог матери — на тот случай, если нечистая сила придет за младенцем и слепу стащит не его, а «обманку». Ведь случаи «подменышей» были всем известны: был у вас нормальный здоровый ребенок, и вдруг стал плакать и болеть — его вполне могли подменить те же домовые.

Гигиена ребенка была объектом особого внимания. Мыли детей обычно в корзине (*березовых пестерчиках*), в таких же корзинах тщательно, «до скрипу в руке» стирали детское белье (отдельно от взрослого) специально приготовленным для этого щелоком, при необходимости кипятили в баке с золой. Лечили детей баней, отварами лекарственных трав, печкой (обмазывали ребенка тестом и сажали на некоторое время в теплую печь), оберегами, заговорами. На севере Карелии младенческая смертность составляла 15%, на юге — до 30% всех детей до 1 года; относительно низкая смертность обеспе-



Обереги: коготь медведя и щучья челюсть (Национальный музей Республики Карелия)

чивалась хуторным местом жительства, помогающим локализовать эпидочаг, и высокими требованиями к санитарно-гигиеническим условиям содержания детей.

С 4–5 месяцев младенцев прикармливали разжеванными хлебом, салом, сахаром. Летом в пищу добавляли лесные ягоды. К концу первого года жвачку заменяли толокняной, манной и рисовой кашей. Потребляли свежими молодые проростки папоротника-орляка и хвоща полевого, первую весеннюю крапиву, щавель, сныть, нераскрывшиеся завязи водяных кувшинок. Повсеместным лакомством и одновременно весенней подкормкой была *сочевина*: ее добывали со свежесрубленного ствола сосны методом соскабливания верхнего подкоркового слоя ножом или натянутой железной струной, главное было не ударить дерево о землю, иначе получить с него *сочевину* уже не удалось.

У вепсов давать мясо до 3 лет считалось грехом.

Рано начинали кормить рыбой: для вепсов, карел, русских рыба была основным продуктом, они говорили: «Лучше безхлебье, чем безрыбье».

Разнообразные магические действия сопровождали и отлучение от груди, которое в народном сознании рассматривалось как разрыв близкой связи между матерью и ребенком. Один из обрядов представлял собой кормление ребенка трижды через стол. Считалось, что разрыв с матерью мог вызвать у ребенка тоску, для избавления от нее существовал специальный ритуал с использованием камня и воды — символов холода. Камнем обводили вокруг головы ребенка и бросали его в сосуд с водой. Водой мыли лицо ребенка и произносили заклинание: «Lähkha kibu kivehe, a tusk vetehe. Amin, amin, amin» (Уходи боль в камень, а тоска в воду. Аминь, аминь, аминь). После этого камень с водой бросали в ручей, из которого они были взяты (Perttola J. SKS, № 679).

С обретением духа-хранителя ребенок становится личностью. Внешним признаком его нового состояния считалось появление первых зубов (Vilkuna, 1989, s.179). Тот, кто первый заметит у ребенка появление зуба, должен был подарить ему еще один сильный оберег — пояс. Первенца одаривали щедрее остальных детей.

Не только зубы, но и ногти и волосы являлись признаками увеличивающейся жизненной силы ребенка. По вепским поверьям, ребенку не был страшен сглаз, когда у него вырастали волосы (прибалтийские народы). Поэтому в течение первого года жизни придерживались запре-

та стричь волосы ребенку и обрезать ногти (их откусывала мать), чтобы не укоротить его жизнь (ср. аналогичные обычаи у соседних прибалтийско-финских народов и русских Шлыгина, 1997, с.470; Бернштам, 1988, с.56; Грыськ, Разумова, 1991, с.51).

Движение является важнейшим показателем жизнеспособности человека. Поэтому такие моменты в физическом развитии ребенка, как вставание на ноги при поддержке за опору и совершение первых самостоятельных шагов, вепсы отмечали ритуалами. Любой член семьи, впервые увидев ребенка, вставшего на ноги с помощью опоры, должен был закрепить его успех следующими словами: «Dubi, dubi, dubi» или «Löli, löli, löli» (Стой, стой, стой), которые произносились шепотом, чтобы не испугать ребенка. У южных и средних вепсов с началом ходьбы был связан обряд «рубить путы» (*čapta putut*), имеющий аналоги в культуре многих европейских и азиатских народов. Его совершали, когда ребенок делал первые попытки пойти самостоятельно. Кто-либо из домочадцев, увидев такой момент, хватал нож и делал им такое движение, будто бы разрезает что-то на полу между ножками малыша. Считалось, что после этого ребенок быстро научится ходить.

Ходить ребенка учили с помощью ходунков, которые изготавливались самостоятельно: маленькая табуретка с отверстием посередине для лучшего скольжения, ножки делали загнутыми снизу или ставили на полозья, похожие на лыжи.

Лыжи дети осваивали сразу, только научившись ходить. Детские лыжи украшались росписью и резьбой [10].

Север — не самое лучшее место для проживания: трудности, связанные с климатическими условиями, отдаленностью мест проживания, непроходимыми местностями, делали тяжелой жизнь населения Карелии. Однако обряды, верность традици-



Карелы. Дети-близнецы, 1899 г.  
(фотография из фондов РЭМ)



Ходунки, 1935 г.  
(из фондов Национального музея  
Республики Карелия)

ям помогали создавать семьи и воспитывать здоровое нравственное потомство. Дети в семье признавались за радость, счастье, и семья делала все возможное, а порой и невозможное, чтобы они были здоровы и счастливы. В настоящее время многие обряды утеряны, но основная цель семейного счастья, хочется верить, будет жить и передаваться следующим поколениям.

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Креницына Е.В. Духовно-нравственное воспитание в семейных традициях этносов Карелии. Серия «Социальное воспитание». *Кострома: Вестник Костромского ГУ им. Н.А. Некрасова*. 2008;14(2).
2. Голикова Н.В. Ценностные основания воспитания детей в крестьянской семье: на примере Олонецкой губернии второй половины XIX – начала XX века. Автореф. дис. ...канд. пед. наук. М., 2007.
3. Копанев А.И. История землевладения Белозерского края. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1951. С. 187–255.
4. Никольская Р.Ф. Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел. Л.: Наука. 1981. С. 76–262.
5. Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Л.: Изд-во: «Наука», Ленинградское отд., 1985.
6. Петров Н. Деревня Улеяга. Этнографический очерк. *Олонецкие Губернские Ведомости* №№ 93, 98, 99 за 1901 год. 1901.
7. Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья. Москва-Петрозаводск: Университет Дмитрия Пожарского. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
8. Коренной П. О нашем сельском хозяйстве. *ВОГЗ*. 1910;15:32.
9. Сурхаско Ю.Ю., Конкка А.П. Народы Карелии, обряды и верования. *Петрозаводск: Карельский научный центр РАН*, 1992.
10. Гришина И.Е. с соавт. Село Суйсарь: история, быт, культура. *Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета*, 1997.
11. Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. Сборник. Под ред. У.С. Конкка, А.П. Конкка. Л.: Изд-во: «Наука», Ленинградское отд., 1980.



# Семейные традиции и устои казаков

Н.Г. Соболева, О.В. Первишко

Кубанский государственный медицинский университет,  
Краснодар, Российская Федерация

\* \* \*

*Казачьему роду — нет переводу!*  
(Казачья поговорка)

У казаков на Северном Кавказе преобладала большая неразделенная семья, состоящая из трех и более поколений. Женатые сыновья приводили невесток в родительский дом. Со временем, по мере повышения материального достатка казачьего населения, становится характерным отделение женатых сыновей от родительского крова, что, впрочем, происходило только с согласия главы семейства.

Сыновья нередко строили дом на отцовском поместье или же на одной улице с родственниками. Наследником отцовского дома традиционно считался младший сын, он и «досматривал родителей».

## СОЗДАНИЕ КАЗАЧЬЕЙ СЕМЬИ

Начиная с XVIII столетия, брак на Дону и в других казачьих общинах обязательно завершался венчанием в церкви. Существовал предварительный ритуал сватовства. Он состоял прежде всего в том, что к будущим супругам предъявлялись определенные требования. Жених должен быть



*Казачий двор, 1880–1890 гг.  
(Сергей Иванович Васильковский)*

хозяйственным, «не гуленой», статным. Невесту выбирали такую, чтобы была здоровой, работающей и смиренной. Строго соблюдался черед: сперва женили старшего сына. Так же и с невестами — первой выдавали замуж старшую дочь. Долго существовал обычай *умыкания* невесты в случае несогласия родителей невесты на выдачу ее за неугодного им жениха. *Умыкание*, как правило, было по предварительному сговору молодых.

На смотринах выговаривалась *кладка* — подарок невесте от родителей жениха. Это мог быть шелковый платок, платье, гетры с калошами. Выбрав понравившуюся девицу, родители парня засылали сватов. После этого следовали сговор, зарученье, рукобитие. При этом в каждой общине и станице были свои особенности. Перед свадьбой родители невесты приходили знакомиться с семьей жениха, осматривали все хозяйство, дом. Семья жениха выставляла угощение. С этого момента родители жениха и невесты считались сватьями. В заключение следовали венчание в церкви и свадьба.

Казачьи семьи были патриархальными. Главой семьи считался старший в доме мужчина — дед, отец, старший брат. Он строго следил за соблюдением традиций и обычаев в семье и нес личную ответственность перед станичным обществом за поведение каждого ее члена. Слово главы семьи было непререкаемо для всех ее членов. Он единолично распоряжался имуществом, решал вопросы «о выделении части» сыновьям, вступившим в брак, определял размеры приданого для дочери. Отношения в казачьих семьях были доброжелательными. Редко можно было услышать резкое слово. Брань порицалась.

## ОТНОШЕНИЕ КАЗАКОВ К ЖЕНЩИНЕ

Уважительное отношение к женщине — матери, жене, сестре — обусловливало понятие чести казачки,



*Казачья свадьба  
(фото неизв. автора, начало XX века)*



*Семья казака Таранун,  
ст. Каневская, 1909 г.*

чести дочери, сестры, жены: по чести и поведению женщины мерилось достоинство мужчины.

Кто бы ни была женщина, к ней надо было относиться уважительно и защищать ее, ибо «женщина — будущее твоего народа». Характерный пример защиты женщины описан в повести казачьего писателя Гария Немченко: *«В 1914 году, утром по станице Отрадной проскакал казак с красным флагом, оповещая войну. К вечеру Хоперский полк уже двинулся в походной колонне к месту сбора. Вместе с полком, естественно, ехали провожающие — старики и женщины. Одна из женщин управляла лошастью, запряженной в бричку, и проехала одной стороной колес по помещицкому полю. Один из офицеров, известный на весь полк, по фамилии Эрдели, подъехал к женщине и хлестнул ее за это плетью. Из колонны выехал казак и срубил его».*

В семейном быту взаимоотношения между мужем и женой определялись согласно христианскому учению (священного писания): «Не муж для жены, а жена для мужа»; «Да убоится жена мужа». При этом придерживались вековых устоев: мужчина не должен вмешиваться в женские дела, женщина — в мужские. Обязанности были строго регламентированы самой жизнью. Кто и что должен делать в семье — четко разделено.

В прошлом ведение домашнего хозяйства лежало на матери-казачке. Казак большую часть жизни проводил на службе, в боях, походах, на кордоне, и пребывание его в семье, станице было кратковременным. Слово хозяина семьи было непререкаемо для всех его членов, и примером в этом служила жена казака — мать его детей.

## РОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ

Считается, что кубанские семьи традиционно многодетные: количество детей в них колеблется от 5–7 до 15–17 человек. Но подобные цифры больше характерны для второй половины XIX века. Физиологически казачки Кубани могли рожать ежегодно. Однако, учитывая, что основным видом вскармливания было грудное молоко матери (сопровождаясь подавлением овуляции), здоровая женщина могла рожать в среднем каждые три года. Таким образом, если официально вступившая в брак девица уже в 17 лет могла родить первенца, а последние роды у нее могли наступить в 55–57 лет, то за свою жизнь здоровая казачка теоретически могла произвести на свет больше 13 детей.

Казак рождался воином, и этим определялось все его воспитание в семье. Его никогда не называли «мальчиком», а только казаком, казачонком. Новорожденному все родные и друзья отца приносили в дар на зубок ружье, патроны, порох, пули, лук и стрелы. Эти подарки развешивались на стене, где лежала родительница с младенцем. По истечении сорока дней, после того, как мать, взяв очистительную молитву, возвращалась домой, отец надевал на ребенка португею от шашки, придерживая шашку в своей руке, сажал на коня и потом возвращал сына матери, поздравлял ее с казаком.

Когда же у новорожденного прорезывались зубы, отец и мать сажали его вновь на лошадь и везли в церковь служить молебен Ивану-воину. Первыми словами малютки были «но» и «пу» — понукать лошадь и стрелять. Но дальше родившемуся предстояло «стать» казаком. И в разных казачьих регионах были свои традиционные этапы, когда сына учили стрелять, фехтовать, джигитовать.

Рождение девочки не праздновалось в семье так торжественно. При известии о рождении дочери не грохотали выстрелы. Оно было тихой домашней радостью, овейной легендой и молитвами. Девочка приносила в дом постоянное душевное тепло, доброту и ласку. Но и девочка училась «быть» настоящей казачкой.

Сызмальства в девочке развивали женственность, хозяйственность, терпение, трудолюбие и отзывчивость. Поэтому с самого рождения ее воспитывали иначе, чем мальчика. Она тоже проходила своеобразные обряды посвящения: например, на Тереке родители ставили 12-летнюю дочь на лавку, и она спрыгивала во «взрослую» одежду — юбку, сарафан или круг, сделанный из пояса. С малолетства дети получали трудовые навыки. Для разных возрастов существовала своя специализация, в каких работах участвуют ребята



*Колыбелька в хате казака, ст. Атамань, XXI век*



*Картина А.П. Лях «Посвящение казачка», XXI век*

6–8 лет, в каких — 10–12-летние. При этом все обычаи и обряды, которыми была окружена жизнь девочки, — домашние, семейные...

У каждого новорожденного казака или казачки, помимо кровных родителей, были крестный отец и крестная мать. О выборе крестных родители заботились заранее. Это не должны были быть родственники. Крестный отец — это надежный человек (*кунак, односум, побратим*), у которого было чему поучиться. Это он, в первую очередь, формировал личность ребенка, казака. Крестные родители должны были непосредственно участвовать в воспитании ребенка, для этого требовалось, чтобы они проживали неподалеку.

Если в семье рождался казак, то основная роль ложилась на крестного — он делал из казака воина. Главная задача крестной матери в этом случае заключалась в том, чтобы сформировать в казачке отношение к девушке-казачке как к жене, матери, хозяйке.

Если же рождалась казачка, то основную роль выполняла крестная. Она формировала в девочке любящую дочь, преданную жену, терпеливую мать и добрую хозяйку. Крестный выполнял наставническую роль по воспитанию отношения к казаку-мужчине, воину-защитнику как к мужу, отцу, главе семьи.

После рождения ребенка не торопились распеленывать, освобождая ему ручки. Считалось, что малыш сначала должен увидеть осознать неизвестный ему предмет, а потом потрогать, «взять на зубок». В дальнейшем процесс «увидел-осознал-сделал» ускорялся.

Достигшему годовалого возраста казаку наголо состригали волосы и сажали его на коня, наблюдая при этом за поведением ребенка. Крестный давал ему в руки шашку, правда, это действие носило чисто символический характер. Шашку малыш, естественно, удержать не мог, и она снова возвращалась крестному, который обычно хранил ее у себя до семнадцатилетия своего подопечного.

В казачьей среде было принято длительное грудное вскармливание, поскольку все хорошо понимали, что кормление грудью делает ребенка более здоровым и повышает его шансы на выживание.



*Девочки в традиционных нарядах*

Мальчиков часто кормили только из правой груди, а девочек из левой. Однако при этом многие крестьянки кормили детей до двух-трех лет, полагая, что в этом случае они не смогут забеременеть. Обычно для кормления грудью использовался принцип «трех длинных постов»: то есть мать кормила два Больших Поста и один Успенский, либо два Успенских и один Большой, в среднем от полутора до двух лет.

Как должна была вести себя женщина с младенцем, выживание которого зависело от того, сможет ли мать кормить его грудью. Искусственных смесей не существовало, не было в достатке и чистой воды, чтобы дать ее ребенку. Даже слишком громкий крик мог привлечь нежелательное внимание, поэтому женщина носила ребенка с собой и кормила его грудью по первому требованию — причем *только* грудью, пока малыш сам не начинал проявлять интерес к другой пище.

В летнее время, когда вследствие кишечных инфекций детская смертность становилась особенно высокой, от груди не отнимали даже подросткового ребенка. Но в крестьянской среде из-за необходимости постоянной работы вне дома исключительное кормление грудью было затруднено, что и обусловливо высочайшую смертность детского населения.

Новорожденные дети часто умирали, так как беременные женщины не могли устраниваться от тяжелых хозяйственных работ (ведь нередко именно казачки оставались единственными работниками по дому



*Казачок в возрасте 1 года  
(фото неизв. автора, начало XX века)*



*На паашне. Село Коломенское. 1927 г.  
(фото Аркадия Шайхета; <http://visualhistory.livejournal.com/441799.html>)*

и в поле). Кроме того, из-за неурожая и горских грабежей трудно было полноценно питаться кормящим матерям, и младенцы рождались со слабым иммунитетом, поэтому грудное вскармливание было единственным условием для получения здорового потомства.

Таким образом, грудное вскармливание в казачьих семьях применялось повсеместно, носило массовый характер. Данный вид вскармливания позволял профилактировать инфекционные заболевания среди детского населения, способствовал укреплению семейных ценностей, традиций и обычаев в казачьих семьях.



*Мать с ребенком 2 лет на пороге своей хаты (фото неизв. автора, начало XX века)*

## ЛИТЕРАТУРА

1. Народная культура кубанского казачества: учебное пособие / Е.Г. Вакуленко. *Краснодар*, 2009. 112 с.
2. Морозов С.А. К проблеме этноидентификации кубанского казачества. В кн.: Казачество в истории России. *Краснодар*, 1993. С. 181–183.
3. Очерки традиционной культуры казачеств России / Под общей редакцией проф. Н.И. Бондаря. Т.1. М.: *Краснодар*, 2002. 590 с.
4. Семенцов М.В. Охранительно-профилактические меры, приметы и запреты, связанные с родовспоможением у кубанских казаков (конец XIX – начало XX в.). В кн.: Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа / Под ред. В.Б. Виноградова и С.Н. Лукаша. *Армавир*, 2002. С. 94–99.
5. Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Монография. *Армавир*, 2012. 236 с.
6. Шевченко Г.Н. Черноморское казачество в конце XVIII – первой половине XIX в. *Краснодар*, 1993. 85 с.

## Красноярский край: традиционное вскармливание детей народов, проживающих на территории края; обычаи, связанные с родами и уходом за младенцами

**Н.А. Ильенкова**

Красноярский государственный медицинский университет  
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Российская Федерация

\* \* \*

Красноярский край является одним из крупных субъектов Российской Федерации. Заселение этой территории происходило вдоль реки Енисей, с юга на север. Считается, что первыми здесь поселились древние монголоидные племена. Вместе с тем через приенисейские земли проходили потоки нескольких великих миграций в истории человечества. И каждая из них оставила после себя тот или иной след. Согласно археологическим и историческим данным, на территории современного Красноярского края люди впервые поселились еще в эпоху палеолита — около 200 тыс. лет назад.

Сибиряки как часть русского народа формировались из вольных переселенцев и землепроходцев. В большинстве своем это были люди предприимчивые, смелые, энергичные, любознательные. Такими же были многие ссыльные. Их число в Сибири в «бунташном» XVII столетии все возрастало. Особенно заметно это было в Красноярске, куда присылали обычно в наказание как сибирских казаков, посадских и крестьян, так и русских, украинских и донских казаков, стрельцов, приказных людей, пленных поляков, «литвинов», немцев и даже французов.



К концу века углубились отличия хозяйственно-бытового уклада жителей северной зоны и южных районов. Так, немногочисленные русские жители внутреннего Таймыра на Хатанге, Пясине и Боганиде глубже восприняли как наиболее рациональный в тех местах уклад жизни местных эвенков и якутов. Расширились смешанные браки между ними. Эта группа «затундренных крестьян» стала терять главные признаки принадлежности к русской нации.

### КУЛЬТУРА И БЫТ РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Рожали, где *одолит* — в амбарах, банях, а летом и в поле. Принимали детей повивальные бабки (*бабушки*) — женщины, которые специально занимались акушерством (*бабничали*). Маленький ребенок все время лежал в люльке, откуда его вынимали только для того, чтобы накормить и *намаять*, т.е. утомить бодрствованием, чтобы он лучше спал. Повсеместно отмечается длительное грудное вскармливание детей: «по три года сисила (кормила грудью) ребятишек». В промежутках между кормлениями ребенку давали хлебную жвачку — *чавканину*, *сосульку*.

Принцип воспитания ребенка вытекал из внутреннего строя семьи.

Многочисленные племена, проживавшие на северных территориях, прилегающих к Енисею, были представлены кетоязычными племенами, которые находились в близком родстве с хакасами. Специфические осо-



Красноярский краеведческий музей



Музей с. Шушенское. Клыбель младенца. Рог для кормления. Кукла-оберег для ребенка

бенности воспитания и вскармливания детей в семье в условиях Крайнего Севера своими истоками уходят к жизненным традициям и обычаям, связанным с продолжением рода и активным участием в трудовой деятельности.

### Кеты

В конце XIX – начале XX века преобладали малые, двух- и однопоколенные (5–7 человек) семьи. Находящийся в утробе матери ребенок и новорожденный в первые 7 дней жизни (до отпадения пуповины) независимо от пола воспринимался как одно целое с матерью (пуповина была материальным выражением этого единства. При родах на женщине была старая одежда, которую потом зарывали. На одежде и обуви развязывали все узелки, расплетали косы. Помощь ждали от семейных хранителей — *старух аллэл бам*. Во время родов внутрь заходила одна шаманка. Рожали стоя на коленях, опираясь грудью на привязанный к шестам ремень, послед держали в закрытом берестяном *чумане* в укрытом месте, справа от входа. Уход за грудным ребенком в первые годы жизни был целиком на матери. Воздействовать на ребенка, например накормить его чем-то полезным или желанным, что проявляется через пищевые предпочтения женщины, можно только через мать. Непосредственная связь матери и ребенка закреплялась очень длительным (до 6–8 и более лет) кормлением грудью. Это было возможным при частых беременностях (в условиях нерегулировавшегося демографического поведения); могла сохраняться и чисто рефлекторная привычка. Елогуйские кеты в 1956 г. рассказывали, что ребенок уже начинал курить свою детскую трубку и в то же время периодически требовал материнскую грудь. Новорожденному давали грудь при каждом прояв-

лении им беспокойства. И в дальнейшем кормление грудью оставалось нерегулярным. Уже в возрасте одного месяца начинали прикармливать вареной рыбой, растертой в воде. Рыбная пища в дальнейшем становилась основой питания. Младенцу в возрасте 3–4 месяцев давали сосать хлеб. С появлением зубов у ребенка его один-два раза в день кормили рыбой и оленьим мясом в сыром виде. Годовалым-полугодовалым младенцам уже давали практически все, что ели взрослые.

### Нгасаны

Места традиционных кочевий нгасаны закрепляли за группами из 6–7 родственных семей. Браки между родственниками по обеим линиям до третьего поколения запрещались. Случаи многоженства были редки и встречались в основном среди зажиточных людей. Женщина рожала, стоя на коленях, держась за колышек. Ребенка обмывала бабка водой изо рта и окуривала для «очищения» собачьей шерстью. Через 3 дня после рождения окуривали и чум. Младенца катали по полу, чтобы привыкал к стуже. Роженица в течение 3 дней носила ребенка за пазухой. Затем его клали в деревянную люльку. Дети ели еду взрослых, но до 3 лет основной пищей являлось молоко. Для кормления была особая молочная мать. До 3–4 лет ребенок назывался *люлечным*.

### Ненцы

Для ненцев характерен отцовский (патриархальный) род (*еркар*). При коллективных способах охоты и скотоводства большую роль играло стойбище (*нэсы*) — объединение семей, в котором мужчины принадлежали к одному роду, а женщины — к разным. В условиях родовой экзогамии молодой человек должен был искать будущую жену в другом роде. Обычно вопрос о женитьбе сына решал отец. Женщина устанавливала и разбирала чум, заготавливала воду и дрова, готовила пищу, выделывала шкуры, одежду. У ненцев кормление ребенка грудью происходило нерегулярно в виду кочевого образа жизни и длилось часто до 3–4-летнего возраста, иногда даже после того, как мать начинала кормить другого новорожденного, и это считалось весьма полезным. Грудное молоко было основным питанием детей до полутора-двух лет. В то же время грудному ребенку уже давали сосать кровь из кусков сырого мяса или рыбы и понемногу добавляли ему в пищу мозг с кровью из костей оленя. Следует отметить, что заболевание цингой среди нен-

цев было редким явлением. После двух лет обычно питались вместе со взрослыми, причем в рационе преобладала мясная пища. Летом в больших количествах употребляли ягоды (морошку, голубику, бруснику).

### Ханты

До середины XIX века ханты жили большими патрилинейными семьями, был распространен левират (от лат. *levir* — деверь, брат мужа; брачный обычай, свойственный многим народам на стадии патриархально-родового строя). В конце XIX – начале XX века начали формироваться территориально-соседские общины. Женщины рожали легко. Перед родами была исповедь в грехах, особенно в измене мужу. Пуповину отрезала женщина, находившаяся рядом. Пупок перевязывали ниткой. Младенец помещался в берестяную колыбель. Рождение связывалось с духами женского рода: у северных хантов — *Мать Калташ*, южных — *Пугос*. Ребенка до 3 лет держали в берестяных колыбелях — ночной и дневной. С раннего возраста приучали к труду, промыслам, ведению домашнего хозяйства.

### Манси

Семьи были большими (из нескольких брачных пар) и малыми (из одной пары), брак патрилокальный (от лат. *pater* — отец, *locus* — место), когда жена уходила в группу мужа. Сохранялись и явления пережиточной матрилокальности (от лат. *mater* — мать, *locus* — место), когда муж мог жить в семье жены. *Пукни сянь* (пупочная мать) после родов мазала щеки ребенка кровью, чтобы он был краснощеким. Особыми обрядами освящался послед. Считалось, что от него ребенок питается, он как бы воспитывает его, поэтому к последу относились бережно и почтительно. Его всегда «хоронили», сопровождая специальным ритуалом: изготавливали небольшой короб и вешали на дерево. Затем собирали стол с горячей едой, обращались с просьбами, с молитвами к духу *Сянь*. После приступали к еде. Совершив таким образом «похороны», здесь же в лесу его «поминали». Женщина, которая вносила новорожденного в дом, называлась *аитуш сянь* (несущая мать). Дойдя до дома, она стучалась и говорила: «Эй, открывайте двери, приехала женщина (мужчина) на четырех оленях (пяти оленях)». В первую неделю младенец был без одежды. Пеленки должны были быть из поменной одежды родителей. Мальчик мог перенять и такие качества, как удачливость в охоте; девоч-

ка могла стать хорошей мастерицей. Новый период в жизни ребенка наступал, как только он начинал ходить. С этого дня и до 4–5 лет длилось раннее детство. В этом возрасте некоторые дети продолжали сосать грудь матери вместе с новорожденными, потому что у манси принято не отрывать детей от груди, пока сам ребенок не сделает это.

### Нанайцы

Нанайцы ребенка кормили грудным молоком обычно до 1 года. Нередко этот процесс продолжался до 5 лет. Если молока у матери не хватало, тогда ребенку давали сосать кусочек *юколы* в тряпочке. После года начинали прикармливать супом *чало*, жидкой кашей *бода*, отварной рыбой *согдата*, мясом *уликсэ*; поили чаем.

### Эвенки

К началу XVII века эвенки заселили практически всю таежную зону от Енисея до берегов Охотского моря. Жили они в условиях родо-племенного строя, ведя кочевой образ жизни. Уход за новорожденным сводился к кормлению его грудью, редкому мытью и смене трухи в ногах. Чтобы ребенок не плакал, ему в рот вкладывали кончик сырого оленьего языка, сквозь который продевалась палочка. Грудью мать кормила ребенка, когда он начинал плакать. Кормление продолжалось до 4–5 лет. Часто во время кормления к матери подходил подросший ребенок и тянулся ко второй груди. После 6 месяцев начинали прикармливать сладким чаем с оленьим молоком. Детей после года начинали прикармливать лепешками из белой муки, сушками (во время обмена пушнины), давали кусочки вареного мяса, рыбы и поили чаем. Если отец приносил с охоты только одну птицу (рябчика, утку, тетерева), ее варили специ-

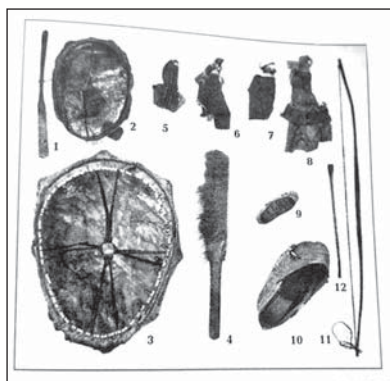


Малыш в люльке (Фото Василевич Г.М.)

ально для детей. Если оленьего молока было мало, оно шло на питание детям; его мешали с кусочками лепешек или хлеба (зимой) и с ягодами (летом). Среди оленных эвенков (*орочен*) в качестве детского питания было широко распространено кипяченое особым способом молоко: посуду с молоком ставили в кипящую воду и доводили молоко до кипения, помешивая ложкой; оно постепенно густело, превращаясь в творог. Эту массу обливали сбитым молоком. Дети с 2–3 лет ели ту же еду, что и взрослые. Лакомством для детей любого возраста был костный мозг только что убитого зверя. Из любви к детям родители всегда давали им попробовать то, что нравилось взрослым. Поэтому у многих эвенков дети начинали курить уже с 5–6 лет. До 1 года дети спали 3 раза в день. Начавшие ходить спали 1 раз. Если мать не успевала уложить их в колыбель, они засыпали в определенное время там, где играли. Начинающих ходить детей оберегали от падения в очаг: продев за шей и под мышками поводок, привязывали обоими концами к жердям чума. Во время кочевок маленьких детей перевозили в колыбелях, а ходивших — в седлах с высокими луками и привязанными к ним боковыми дощечками. Матери часто ласкали своих детей, обнюхивая. Говорили с ними обычно спокойным тоном. Резкие крики со стороны родителей, а тем более шлепки были редким явлением. Поэтому дети эвенков сравнительно мало плакали. В разговорах с подрастающими детьми родители держались так же, как со взрослыми. Детям, начавшим говорить, делали игрушки. У сымских и селемджинских эвенков это были ветки в виде оленей, деревяшки или



*Положение ребенка в колыбели (полог снят) (Фото Е.А. Алексеевко)*



*Игрушки. Подкаменная Тунгуска (колл. МАЭ, №3515): 1–4 — шаманские бубны с колотушками; 5–8 — куклы; 9,10 — колыбели; 11–12 — лук со стрелой*

кости плюсны (*бабки*), изображавшие животных (без «одежды») и людей (в «одежде»).

### Чукчи

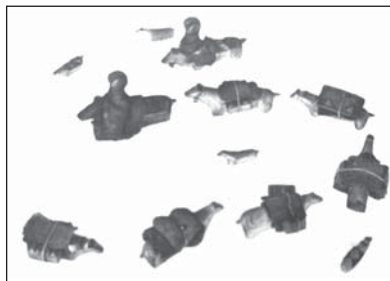
К XVII веку основной общественно-экономической единицей была патриархальная семейная община, состоящая из нескольких семей, имевших единое хозяйство и общее жилье. В состав общины входило до 10 мужчин и более, связанных узами родства. «Оседлые чукчи жили в поселках. На общих участках селилось несколько родственных общин, каждая из которых размещалась в отдельной полуземлянке. Кочевые чукчи жили на стойбище, также состоящем из нескольких патриархальных общин. Каждая община включала 2–4 семьи и занимала отдельную *ярангу*; 15–20 стойбищ образовывали круг взаимопомощи. У оленных существовали и патриархальные родственные группы, связанные кровной мезью, передачей ритуального огня, обрядами жертвоприношений и начальной формой патриархального рабства, исчезнувшего вместе с прекращением войн против соседних народов. Оленные чукчи и коряки кормили ребенка грудью до 3–4 лет, пытались вскармливать бульоном, т.е. принимали все меры для сохранения его жизни. Если мать умирала во время родов, находили кормящую мать среди членов данного коллектива или в соседних стойбищах. Если же не удавалось отыскать кормилицу, ребенка удушали.

### Якуты

Патриархальный тип семьи — необычайно устойчивый тип семейных отношений, его отдельные черты сохранялись в нашей стране до середины 60-х годов. Авторитет главы семьи непререкаем: решение всех вопросов жизни семьи (хозяйственно-экономических, правовых, политических, воспитательных) находилось только в его руках. До XIX века сохранялось многоженство, причем жены часто жили отдельно, и каждая вела свое хозяйство. Муж — глава семьи — пользовался деспотической властью. Женщина обременялась очень тяжелой работой. Рождаемость была на высоком уровне (5–10–20 и выше детей в семье). Вследствие тяжелых условий жизни, плохого питания и ухода детская смертность также была на высоком уровне. Богатые часто покупали детей в семьях бедняков. Родильные обряды связывали с культом богини плодородия *Айыы-сыт* — покровительницы детей. По поверью, она

дает новорожденному душу. Роды проходили в левой половине юрты, на полу. Место родов отгораживали занавесом. Летом рожали в амбаре, иногда (во время сенокоса) — в поле. Роженице помогала повивальная бабка. На сороковой день после родов женщина отправлялась в церковь, где совершала церковный обряд очищения. Ребенка крестили и давали имя постороннего человека, первым вошедшим в дом после рождения. Новорожденных обмывали у огня и натирали сливками. Ребенка натирали маслом до полутора-двухлетнего возраста. Кормление детей грудью длилось порой до 5–7 лет, иногда старшие по возрасту и родившиеся позже сосали грудь матери одновременно. Строгого распорядка кормления младенцев у якутов не существовало: старались накормить сразу, как только ребенок начинал плакать. Если младенец вскармливался на коровьем молоке, то молоко обычно брали у старой коровы и обязательно кипятили. В конце первой недели жизни ребенка начинали кормить сливками. Подростки дети обычно ползали на земле вместе с животными, полуголые или голые, предоставленные сами себе, причем уход за ними нередко ограничивался привязыванием на длинный ремень к столбу, чтобы не попал в огонь.

В семье якутов и селькупов в первую неделю жизни младенца укладывали в берестяную коробку. Считалось, что от рождения до отпадения пуповины он еще полностью находится во власти того мира, из которого пришел, и в любой момент может уйти назад. Например, чтобы уберечь от влияния злых духов, на щеке делали «вышивку», протыкая сквозь кожу 2–3 волоска шерсти оленя. Если ребенок прожил неделю, то он остается жить в этом мире. Пока у ребенка не появятся первые зубы, он считается абсолютно беззащитным перед духами-лозами. Для их отпугивания в колыбель клали острый предмет — нож, ножницы, иначе *лозы* похитят младенца и подложат «своего», и тогда семью ждет мучительная жизнь. После появления зубов делали куклу — духа-покровителя и хранили в лукошке вместе с духами всей семьи. Ребенок заболел — кукле делали подношения: если болела голова — платок, нога — обувь, живот — шили одежду и т.д. Воспитанием сына занимался отец, воспитанием дочери — мать.

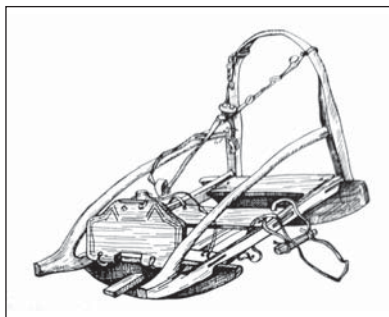


Игрушечный караван. Алдан  
(колл. МАЭ, № 6041)

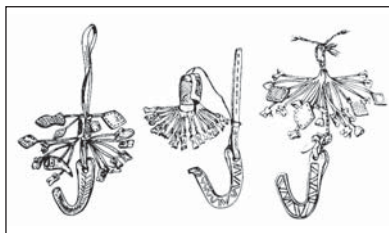


## Хакасы

На рубеже нашей эры в степях Хакасии появляются тюркские племена, которые и создали древнее государство хакасов. Хакасами же тогда именовали население среднего Енисея. Перед первым кормлением грудью трижды смазывали рот и язычок жиром, что символизировало кормление богини Умай: «*Ымай чези чалхазын!*» («Пусть оближет богиня Умай!»). Если в семье ранее умирали дети, то грудь давали сосать щенку, а потом ребенку. В случае отказа взять грудь мать сдаивала молоко и отдавала его собаке. Если ребенок не мог сосать грудь из-за сросшейся пленки под языком, то ее надрезали врачеватели. Кормили грудью до 3–4 лет, иногда до 7. В тех случаях когда молока не хватало, кормили неразбавленным коровьем молоком. Для этого изготавливали специальный рожок-соску, сделанный из рога коровы. Прикармливали хлебом, печеньем, для чего продукт размачивали в молоке, в воде или чае. Заворачивали в тоненькую тряпочку и давали сосать. В рационе было обилие мясной пищи, молочной и растительной. Из молока делали множество продуктов и блюд, но сырым его никогда не употребляли, давали его только детям. Не давали кипяченое молоко, считая вредным для желудка. Детей старались чаще баловать домашним сыром *пызылах* и *пучуре*. Колыбель (*низик*, *пубай*, *орай*) делали только после рождения ребенка и обязательно на новолуние, материалом служила береза. Колыбель окуривали богородской травой и обмахивали от злых духов, затем ее обмазывали костным мозгом, маслом и сметанной кашей, чтобы богиня Умай была сыта в этой колыбели.



Хакасская колыбель.  
Фото Г.М. Василевич

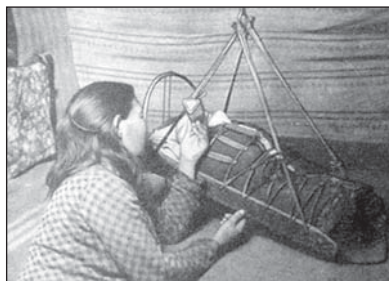


Крюки для подвешивания колыбели

## Тувинцы

Новорожденного обмывали чаем без молока, заворачивали в мягко выделанную шкуру ягненка или козленка. В течение суток или чуть

более мать не кормила новорожденного грудью, а поила только кипяченой водой через соску, сделанную из мочевого пузыря овцы. Подобное кормление, по мнению тувинских женщин, способствовало хорошей работе кишечника и ограждало грудь матери от появления трещин. Основным питанием было грудное молоко, но если его было мало, подкармливали коровьим (от коровы с годовалым теленком, поскольку оно не такое жирное). При кормлении новорожденных старшие тоже еще брали грудь матери. Ф.Я. Кон сообщает: «Беременность не приостанавливает кормления. Случается, что если новорожденный не все высосет из груди, дают годовалому ребенку высосать». Соски и пустышки для младенцев делали из курдючного сала двухгодовалой овцы или барана.



*Мать кормит малыша.  
Монгун-Тайга. Тува.  
(Фото Е.А. Алексеевко)*

## ЛИТЕРАТУРА

1. Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края. Монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2010. 263 с. ISBN 978-5-7889-0180-0.
2. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988. 351 с.
3. Традиционное воспитание детей у народов Сибири: сборник статей / И.С. Кон, Ч.М. Таксами. Ленинград: Наука. 1988. 251 с.
4. Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Санкт-Петербург, 1996.
5. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Ленингр. отд-ние. Ленинград: Наука. 1969. 304 с.
6. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 361 с.
7. Бутанаев В.Я. Культ богини Умай у хакасов. В кн.: Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 93–105.
8. Бутанаев В.Я. Свадебные обряды хакасов в конце XIX – начале XX в. В кн.: Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 179–193.
9. Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX вв. 2-е изд., доп. и исправ. Абакан, 2002. 212 с.

# История рождения, вскармливания, ухода за детьми грудного возраста малочисленных народов Севера

**В.И. Фурцев**

Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Российская Федерация

\* \* \*

Коренные малочисленные народы Севера формировались на территории Западной Сибири, активно взаимодействовали друг с другом, что обуславливало сходство их культур, в том числе и вопросах ухода и вскармливания детей. Занятия традиционными отраслями хозяйства — оленеводством, охотой, рыболовством — накладывали свои требования к уходу за новорожденным и последующему воспитанию ребенка. Кроме того, деторождение, вскармливание и уход за детьми раннего возраста сопровождалось определенными обрядами. Обряды малочисленных народов Севера можно в определенной степени связать с мифотворчеством всех народов, населявших землю. Ниже описываемые процедуры родов проходили при активном участии человека, обладающего практически навыками родовспоможения, и это, как нам известно, были повивальные бабки. Так, к примеру, «тетушка Гэ» (Гэ-Гу) в китайской мифологии — богиня-покровительница повивальных бабок и деторождения. За искусство принимать роды ее почитали как богиню, а после смерти в ее честь был воздвигнут храм. Культ тетушки Гэ особенно широко распространился в конце XIX – начале XX в., что хронологически соответствует данным, приводимым в настоящем сообщении.

## **Манси**

Роды проходили в специальной постройке, сделанной из досок или бревен. Кочевники использовали специальный берестяной чум. Как и у других северных народов, мужчины при родах не присут-

ствовали. Роды принимала женщина среднего или пожилого возраста. При нормальных родах женщина рожала стоя, при затянувшихся — на специальных качелях. По представлениям манси, в новорожденного вселяется душа умершего родственника. Местом обитания души манси считали волосы на голове.

После рождения ребенка обмывали настоем чаги и заворачивали в мягкие шкурки теленка оленя или зайца. Пока ребенок не начинал ходить, он все время находился в колыбели. У манси было несколько видов колыбелей, и все они изготавливались женщинами. К примеру, в берестяных коробках дети находились до 3–4-месячного возраста, затем их перемещали в орнаментированные берестяные колыбели, которые подразделялись на ночные и дневные (дневные — до 50 см в длину и 30 см в ширину).

Пищей ребенка до 2–3 лет, а иногда и дольше оставалось грудное материнское молоко. В дальнейшем дети ели взрослую пищу. С 7–8 лет дети манси начинали курить, и у каждого из них была своя табакерка.

### Ненцы

Все, кто соприкасался с бытом ненцев, отмечали их доброе, любовное отношение к детям.

Для процедуры родов ставился отдельный маленький чум, так как в это время женщина считалась нечистой. В этот чум могла войти только женщина, обычно пожилая, которая помогала при родах. Как у других северных народов, ненка рожала стоя. Для облегчения такого положения она брала под мышки специальные ремни в виде петель, подвешенные сверху чума. Для ускорения процесса родов повитуха упиралась в крестец роженицы и сдавливала живот руками или веревкой. Пуповину перерезали обычным хозяйствен-



*Ночная колыбель*



*Дневная колыбель*

ным ножом и перевязывали оленьим сухожилием. Перед тем как положить ребенка в колыбель, его обмывали водой, в которой находился обугленный кусок чаги. Послед заворачивали в тряпочку и зарывали в землю. Младенца после рождения помещали в колыбель, которую он покидал только после того, как начинал ходить. Ненецкая колыбель состояла из трех деталей — плоского дна овальной формы; гнutoго бортика, который скреплялся сбоку и прикреплялся ко дну с помощью ремешков, и дужки в изголовье. На эту дужку накидывался платок или кусок ткани для создания уюта ре-



*Детская одежда*

бенку. Для закрепления ребенка в колыбели к ее дну приделывались ремешки. Иногда подрастающему ребенку в колыбель клали подушку для придания ему полусидячего положения. Колыбель для первенца, как правило, изготавливал отец. Материалом для ее изготовления чаще всего служила береза. На дно колыбели укладывали древесные гнилушки, подшейную шерсть оленя, которые периодически меняли. Пеленками служили мех песца или оленя, которые сушили у костра. Ребенка в колыбели фиксировали ремешками. Для кормления грудью мать брала ребенка вместе с колыбелью.

Кормление грудью осуществлялось нерегулярно, но продолжалось до 3–4-летнего возраста. Иногда, когда мать начинала кормить следующего новорожденного, старшие дети также могли кормиться грудью. У ненцев это считалось полезным. Грудное молоко до 1,5–2 лет было основным источником питания. В то же время уже грудному ребенку давали сосать кровь с сырого мяса оленя или рыбы. После 2 лет дети питались вместе со взрослыми, в рационе которых преобладало мясо. В летнее время собирали большое количество ягод — брусники, голубики, морошки.

Одежда детям шилась с 8–10-месячного возраста. Дети до 3–4 лет носили двойную меховую одежду, т.е. мехом внутрь и наружу.

## Селькупы

Народ, живущий на севере Западной Сибири. До 1930-х годов их называли остяко-самоедами.

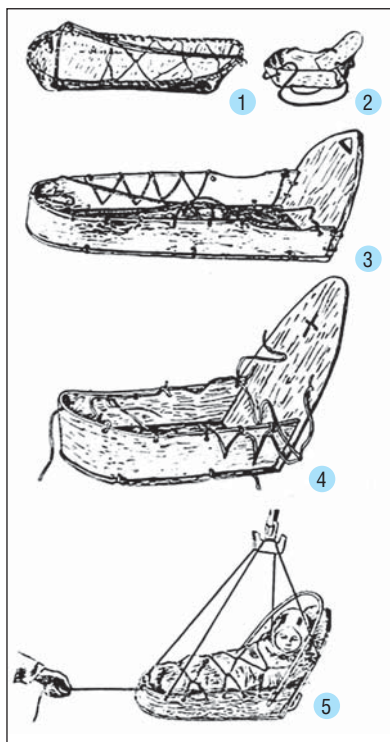
Северные селькупы для роженицы ставили специальный чум, готовили место для родов, но роды могли проходить и в жилом помещении, откуда удаляли всех мужчин. Однако в том помещении, где до этого рожала другая женщина, рожать было нельзя.

Роды принимала повитуха, пуповину перерезала ножом или наконечником стрелы. Приняв роды, повитуха становилась родственницей матери и новорожденному. После родов в течение 2–3 дней женщина должна была лежать. Место родов женщина покидала только на 5-й день. В первую неделю жизни новорожденного укладывали в берестяную колыбель. Считалось, что от рождения до момента отпадения пуповины ребенок полностью находится во власти того мира, откуда пришел, и в любой момент может уйти назад. Если ребенок прожил первую неделю, значит, он собирается жить в этом мире.

Берестяная колыбель для мальчиков и девочек изготавливалась одинаково. В этой колыбели ребенок находился до 3–4 месяцев. Внутри колыбели насыпали сухие тополиные гнилушки, которые часто меняли. Из тертой тополиной коры делали присыпку. С 4 месяцев ребенка помещали в лежачую колыбель (для девочек — из березы, для мальчиков — из ели),



Дневная колыбель. Первая половина XX века. Фонд школьного музея с. Напас, Томская обл. Фото К.Г. Шаховцова



Виды колыбелей у селькупов: 1, 3 — ночные; 2, 4, 5 — дневные

или в крестьянскую русскую зыбку. Когда у ребенка появлялись зубы, ему делали сидячую деревянную колыбель со спинкой. Детей пеленали туго в заячье одеяло или пеленки, изготовленные из оленьей шкуры.

### Кеты

Семья, ожидающая ребенка, могла оставить на промысловый сезон свои угодья и попроситься зимовать в семью повитухи, или, наоборот, ее брали с собой и в течение нескольких месяцев обеспечивали кровом и пищей. Особенностью родильных обрядов у кетов было обязательное присутствие при родах всех женщин и девушек данного стойбища, что создавало условия преемственности народного акушерства.

На протяжении всей беременности женщина соблюдала строгую диету: сокращала объем пищи, ограничивала в рационе рыбу и мясо, исключала все жирное. Оптимальной для беременной женщины считалась растительная пища — ягоды, отвары трав, вымоченная березовая кора, чага, березовый сок, смола деревьев (живица).

Женщина рожала стоя на коленях, опираясь грудью на привязанный к шестам ремень. Схватки стимулировались хождением в согнутом виде, держа руки за колени. Мать и ребенок в течение первой недели находились под присмотром повитухи. Эта женщина кормила родильницу, поддерживала огонь в чуме. Отпавшую пуповину высушивали и зашивали в маленький мешочек, украшенный бахромой и вышивкой. Мешочек подвешивали к изголовью колыбели.

Новорожденному давали грудь при каждом проявлении беспокойства. Уже в возрасте 1 месяца ребенка начинали прикармливать вареной рыбой, растворенной в воде. Ребенку в возрасте 3–4 месяцев давали сосать хлеб. С появлением зубов ребенка 1–2 раза в день кормили сырой рыбой и сырым мясом. Годовалым, полуторагодовалым младенцам давали все, что ели взрослые. Грудью кормили до 6–8 лет жизни. По воспоминаниям елогуйских кетов (1956 г.), ребенок уже начинал курить свою детскую трубочку и в то же время периодически требовал материнскую грудь. По другим воспоминаниям, в поселке Келлог ученики первого и подготовительного классов при каждой возможности бежали домой в чум для того, чтобы пососать материнскую грудь.

Первая колыбель (*чуман*) делалась из бересты, и изготавливали ее только женщины. Первые дни колыбель стояла возле кострища. Подве-

шивать колыбель выше уровня земли разрешалось только после отпадения пуповины.

С момента появления зубов ребенку полагалась постоянная колыбель из кедра. Эту колыбель изготавливали уже мужчины. Для подвешивания колыбели применялся специальный железный крюк, а для подвешивания берестяной люльки использовать его запрещалось. В кедровой колыбели ребенок содержался до 2–3 лет. На дно колыбели укладывалась древесная стружка. Опрелости смазывали жиром.

Уход за ребенком в первые годы жизни целиком лежал на матери. Обмывание новорожденного и купание их в более старшем возрасте не характерно для традиции кетов. Однако позже — с приходом русской культуры — гигиенические процедуры с водой стали практиковаться и у кетов.

Новорожденного в кетской семье ждала любовно выделанная мягкая шкурка зайца или выпороток, служивший одеялом. Детскую одежду надевали на ребенка только к возрасту одного года. Внутренняя часть одежды была выполнена из заячьей или беличьей шкурки. Снаружи на одежду пришивались обереги.

По высказыванию В.О. Ключевского, «лес, степь и река — это, можно сказать, основные стихии природы русской природы. ... Несомненно, человек поминутно и попеременно приспосабливается к окружающей его природе, к ее силам и способам действий». Следовательно, и другие народы в зависимости от мест проживания образовывали свои особые этносы и подэтносы: к примеру, народы Саяно-Алтая, центральной Азии.

### **Хакасы**

Когда у женщины начинались схватки, она должна была дойти до своего дома или дома свекрови — рожать не в своем доме женщина не могла.



*Ребенок в бэсе: на спине одежды — оберег*



Роды проходили по возможности скрытно, без посторонних людей, особенно в отсутствие нерожавших женщин. Главные роли отводились свекрови и повитухе. Рожали хакаски обычно стоя. Во время родов женщина держалась за деревянный шест: в таком положении роды, как правило, проходили легко. Женщина при родах не раздевалась, т.к. хакасы считали, что никто не должен видеть женскую грудь из-за опасности потери молока.

Роды принимала опытная повитуха (пуповинная мать). Пуповину перевязывали ниткой, сделанной из конопли или льна. Когда пуповина отпадала (3–7-й день), ее зашивали в мешочек, который мать прятала в свой сундук. Послед хакаские женщины всегда захоранивали в укромном месте.

После родов повитуха обмывала ребенка подсоленной водой, затем тельце смазывала жиром (маслом, сметаной) и прикладывала к груди матери. Кроме того, перед первым кормлением рот ребенка и грудь матери также смазывали жиром. Повитуха заворачивала ребенка в его первую пеленку из поношенной ткани. После родов женщина отдыхала 3–4 дня. Однако часто женщины уже на следующий после родов день выполняли все домашние хозяйственные дела.

Кормили ребенка, как только он этого хотел, т.е. по требованию. Обычно детей кормили грудью до 3–4 лет, иногда до 7–8 лет.

В тех случаях, когда у матери не было молока, ребенка кормили неразбавленным коровьим молоком. Для этой процедуры использовался «рожок», изготовленный из рога коровы: на срезанный тонкий конец рога прикрепляли кожу барана, взятую с живота животного, — там кожа нежнее и меньше волос. С этой же целью использовали вывернутый сосок от вымени коровы или кожу теленка. Иногда соска делалась из воздушного пузыря тайменя. Чтобы соска не грубела, ее смазывали или хранили в жире. Если ребенок отказывался от рожка, мать прикладывала его к груди, и тоненькой струйкой поливала на грудь молоко. ***Обратите внимание на то, как много выполнялось этим народом для успешного становления и поддержания хорошей лактации!***

Детей начинали прикармливать очень рано: иногда со следующей недели варили курдючье сало и давали его сосать новорожденному, иногда вместо курдючьего сала ребенку давали сосать толстую кишку барана, вывернутую наизнанку, чтобы жир был снаружи. Прикармливали хлебом, предварительно замочив его в молоке, чае или воде. Эту

хлебную кашу заворачивали в тоненькую ткань и давали ее сосать ребенку.

Колыбель делал отец или дедушка, а иногда специальный человек. Колыбель, по представлениям хакасов, — своеобразное «жилище» в «жилище». Колыбели были легкие (береза, тополь, кедр) и тяжелые (лиственница), светлые (береза, лиственница) и темные (сосна, ель, кедр). Ребенка сразу после изготовления колыбели в нее не помещали: по представлениям хакасов, «жилище» для младенца необходимо «обжить». В колыбель сначала помещали щенка или кошку. Колыбель раскачивали до 3 раз, затем из нее вынимали животное. И только после этого туда помещали ребенка. Также «обживали» колыбель и алтайцы, только в нее укладывали козленка/ягненка или щенка.

Пеленки были не только из старой поношенной одежды. Для холодного времени года шили меховые — из выделанных шкур ягнят.

### Тувинцы

По достижении брачного возраста 16–18-летние молодые люди, как правило, вступали в брак. Каждая новая семья у тувинцев и теленгитов (относятся к алтайским народам) начинала свою собственную жизнь в собственном жилище с соответствующим убранством, тем или иным количеством скота, подаренного родственниками и знакомыми.

По обычаю тувинцев, и первенца, и последующих детей принимала уже немолодая женщина (приемная мать). Роды проходили в том месте, где жила семья. Возле кровати для роженицы насыпали специально высушенный и истолченный навоз или стелили войлок, на котором и проходили роды. Для ребенка стелили куски войлока. При трудных родах кроме приемной матери принимали участие еще две, а то и три опытные женщины: эти помощницы делали массаж, укладывали женщину на одеяло и раскачивали ее в таком положении, облегчая процесс родов. Стоит отметить, что у тувинцев в качестве народных акушеров выступали и мужчины (*тудугжу*), крайне редко роды принимали мужья.

Пуповину перерезали ножом или ножницами. У первенцев пуповину перерезали только ножницами, ножом перерезали только в том случае, если ранее рожденный ребенок умирал. Ножницы или нож, которыми перерезали пуповину, клали возле ребенка, где они находились до отпадения пуповины, поэтому ножницы у тувинцев хранились осо-

бо — завернутые в чистую ткань, в сундуке, который стоял в почетной части юрты.

Перевязывали пуповину шерстяной ниткой и присыпали истолченным чаем. Нередко мелкие части чайных листьев врастали в кожу. Отрезанную пуповину привязывали в изголовье колыбели и оставляли там до достижения ребенком возраста одного года. После этого ее зашивали в специальный мешочек из кожи, а в более поздние времена — в полотняный. В семье мешочек с остатком пуповины хранился в сундучке матери многие годы.

Послед, как и пуповина, считался важной частью ребенка. Послед заворачивали в ткань и закапывали либо в собственном жилище, либо рядом с ним или в постройках для скота. В зависимости от местности проживания и обеспеченности жизни к последу клали зерно или мясо — в зависимости от того, чем занимались тувинцы, — земледелием или скотоводством.

По представлениям тувинцев, пуповина и плацента имели не менее важное значение, чем тело ребенка, т.е. их совокупность обеспечивала ребенку жизнь.

Для роженицы и ребенка имелась своя система питания. Через час после родов женщине давали теплый чай и немного топленого коровьего масла. В это же время у юрты резали овцу, шкуру которой получала повитуха. Мясо варили, но роженице давали определенные куски — позвонки. Откусив от них трижды, она должна была их выплюнуть и только после этого могла приступить к еде. Помимо мяса женщине давали молочную (сыр, пенки с кипяченого молока) и злаковую пищу (ячмень, просо). В течение 7 дней после родов женщине не разрешалось выходить за пределы юрты. Затем проводилось окуривание юрты и всех вещей.

Новорожденного обмывали чаем без добавления молока (тувинцы, как все народы Центральной Азии, обычно пьют соленый чай с молоком). Затем ребенка заворачивали в шкуру ягненка или козленка. Такие пеленки были широко распространены среди народов Саяно-Алтая, Центральной Азии. Кстати, центр Азии расположен в Кызыле на берегу Енисея.

Ребенка укладывали в колыбель, сделанную из ели, лиственницы или кедра. К боковым стенкам колыбели приделывались ременные вязки. Под спинку подкладывали мягкую шерсть овцы или козий пух, прикрытый сверху меховой пеленкой. В течение суток и несколько доль-

ше мать не кормила ребенка грудью, а только поила его кипяченой водой через соску, сделанную из мочевого пузыря овцы. По мнению тувинцев, это способствовало хорошей работе кишечника и предупреждало образование трещин сосков.

Основным питанием ребенка, конечно же, как и у всех народов, было грудное молоко. Но если грудного молока не хватало, ребенка подкармливали коровьим молоком от коровы с годовалым теленком, т.к. оно менее жирное. Кормление грудью было длительным: иногда старшие дети сосали материнскую грудь после того, как она покормит младенца. В качестве соски-пустышки тувинцы использовали курдючье сало двухгодовалого барана или овцы. Этот вид сосок был широко распространен и известен народам Саяно-Алтая и Монголии.

Младенец находился в колыбели круглосуточно, и мать доставала его только для кормления и гигиенических процедур — обтирания чаем, присыпок опрелостей истолченным чаем или багульником, смены подстилки из шерсти, подсыпки сухого навоза. До трехлетнего возраста голову никак не обрабатывали, потом до отпадения коросты ее регулярно смазывали топленным маслом.

### Сибиряки

Берега Енисея вскоре после их завоевания стали застраиваться селениями. Как правило, это были уроженцы Вологды, Нижнего Каргополя, Устюга. «Русские казаки, крестьяне, переселяясь в Сибирь, создали ряд оригинальных вариантов русской культурной традиции <...>



*Кюльтегин Акчинов в шубке (вид со спины). Фото С. Белтир. Алтай*



*Теленгитская колыбель*

и образовали субэтнос русских сибиряков», — сделал вывод Л.Н. Гумилёв. Изменяющиеся стереотипы поведения переселенцев позволили сформировать субэтнос старожилов Сибири. Однако и субэтнос состоял из множества конвиксионных групп сибирских чалдонов, карымов, каменщиков, поляков, марковцев, кержаков, русаков, гуранов и др.

Конвиксии — группы людей с одинаковым, однохарактерным бытом и семейными связями.

Для Сибири была характерна высокая рождаемость. По подсчетам В.В. Воробьёва (XVIII–XIX вв.), она была значительно выше, чем в европейской части России: если последней прирост составлял 7,6, то в Енисейской губернии — 15,9, а по Красноярску — 19,4. Дети и подростки составляли до 40% населения. Замужние женщины рожали много детей, до 45–50 лет, однако мало кто из младенцев оставался в живых. Матери часто кормили детей через рожок коровьим молоком.

Когда наступало время родов, женщину одевали в чистую рубаху, разували, снимали с нее серьги и кольца. Среди обрядов присутствовал такой, что роженица должна была попросить прощения у всех домочадцев и др. Для облегчения родов женщину трясли, подвешивали за руки к потолку. После родов женщину и ребенка обязательно обмывали в бане, причем не только с целью гигиены, но больше с верой в очистительную силу воды. После первого укладывания ребенка в колыбель обряды имели целью формирование личности: в мальчиках видели успешных промысловиков и земледельцев, в девочках — работающих домохозяек. По описаниям, в Сибири было принято сопровождать рождение младенца определенными обрядами. Когда новорожденного мыли, то в воду клали серебряные монеты. В отличие от «российских» обычаев (беречь дитя от сглазу), о рождении извещали всех родственников, родителей, близких друзей: они приходили и приезжали навестить родильницу, при этом каждый из гостей одаривал новорожденного серебряными деньгами. Кормили родильницу кашей из цельного пшена с изюмом. Этнографы отмечали, что в Сибири редко кормили грудью долго, чаще через 3–4 месяца начинали кормить коровьим молоком, которое давали младенцу через рожок.

Принадлежностью каждого дома была детская мебель. Колыбель овальной формы с дном из материи и лубяными стенками служила ребенку до годовалого возраста. После года детей держали в зыбке.

### **Из воспоминаний очевидцев**

*Со слов Марии Ивановны Шабановой, 1931 года рождения*

С детьми сидела свекровь, потому что самой надо было на работу. Сцеживала молоко, если получалось, бегала на обед домой, чтобы покормить ребенка. В целом кормила грудным молоком почти до года, потом наступала беременность, и от груди ребенка приходилось отнимать. Последнего сына кормила до трех лет. Докармливали с месяца коровьим молоком, варили каши (манную, пшеничную). Месяцев с трех начинали давать кисель — крахмальный и овсяный. Хлеб жевали, добавляли сахар, заворачивали в марлю и давали детям сосать. Когда у малышей появлялись зубы, начинали потихоньку приучать к общей пище.

В первую неделю после родов каждый день топили баню, чтобы искупать ребенка. Затем купали дома, в тазу, а по выходным также мыли в бане.

*Галина Анатольевна Кожина, 1937 года рождения (г. Карасук, Новосибирская область)*

Работала бухгалтером на одном из предприятий города. Через 2 месяца после родов вышла на работу. Ребенка оставляла одного дома. Жевала сама свиное сало, заворачивала его в ткань и завязывала в виде мешочка (называлась «жевка»), с чем и оставляла ребенка. Приходя домой, находила этот мешочек полностью высосанным.

*Из воспоминаний Ирины Николаевны Чистяковой, доцента кафедры поликлинической педиатрии Красноярского медицинского университета*

Беседуя с матерями грудных детей во время участия в экспедиции (1985 г.) в Эвенкию, она узнала, что уже трехмесячным детям дают пить кровь забитого оленя, а к 6 месяцам дети уже едят ливер домашнего оленя. В качестве соски-пустышки использовали кусок рыбы или вывернутую наизнанку толстую кишку оленя, привязанные веревочкой и одетые на шею ребенка.

*Валентина Михайловна Смирнова, 1931 года рождения (Красноярск)*

Кормила ребенка грудью до 7 месяцев, строго по режиму — через 3 часа. С 7 месяцев докармливала коровьим молоком (3/4), разведенным

водой (1/4). Соки делали сами из моркови. Прикорм (супы, каши) начинали вводить в возрасте 1 года. Пеленали детей туго.

*Профессор Ефим Исаакович Прахин* вспоминает о своей экспедиции в Верхоянск (1984/85 г.): при беседе с местным врачом тот рассказывал, что сам видел, как грудного ребенка прикладывали к вымени оленя.

*Со слов Федосии Николаевны Семёновой, 1911 года рождения (Канск, Красноярский край), у нее было 7 детей, всех кормила грудью до 3 лет. Делала «жевки» из жеваного хлеба или ржаной лепешки, добавляла сахар, заворачивала в марлю, привязывала нашейной веревочкой. Каши (пшенная, перловая) готовила на воде или коровьем молоке. Готовила пареную репу, томила в печи, затем мяла. Щи, рассольник готовила на мясном бульоне и давала ребенку рано — около 6 месяцев.*

## ЛИТЕРАТУРА

1. Шанин В.Я. Суриков, или Трилогия страданий. Роман-исследование. Книга первая. Деревья живут корнями. Красноярск: ОАО «ПИК «Офсет»; 2010.
2. Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре Хакасов. СПб.: *Петербургское Востоковедение*; 2000. 160 с., ил.
3. Николаев Р.В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск: *Изд-во Красноярского ун-та*; 1985. 128 с.
4. Народы Западной Сибири: ханты, манси, селькупы, ненцы, энцы, нганасане, кеты / Под ред. И.Н. Гемуева, В.И. Молодина, З.П. Соколова. М.: *Наука, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии СО РАН*; 2005. 805 с.
5. Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Сборник статей. Ленинград: *Наука*; 1988. 252 с.
6. Андюсов Б.Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX–XX вв. Выпуск 3. Педагогический университет. 3-е издание, испр. Красноярск; 2006. 336 с.
7. Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск: ПИК «Офсет», издательство «Горница»; 1997. 223 с.
8. Быт и искусство русского населения восточной Сибири / Под ред. А.А. Сницаренко. Новосибирск: *Изд-во Наука СО*; 1971. 198 с. с ил.
9. Енисейский округ и его жизнь. Сочинение М.О. Кривошапкина. Издание Императорского русского географического общества. С-Петербург. В типографии В. Безобразова. 1865. 377 с.
10. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск; 1962. 562 с.
11. Мифологический словарь под ред. Е.М. Мелитинского. М.: *Советская энциклопедия*; 1991. 736 с.

## Историческая эволюция материнства и детства у казаков на Кубани

**В.А. Шашель**

Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России,  
Краснодар, Российская Федерация

\* \* \*

Традиционная культура кубанского казачества представляет собой локальный вариант восточнославянской народной культуры. Колыбелью кубанского казачества являлась Кубанская область, образованная в 1860 году. Вся жизнь казаков проходила в соответствии с существующими традициями и обрядами, в том числе относящимися к материнству и детству.

Казачьи семьи были многочисленны. Среднее число детей-казачат в семье достигало 8–11 человек. Выживали самые сильные и здоровые, что являлось залогом благополучия генофонда. Традиционное предпочтение отдавалось рождению мальчиков как будущих кормильцев.

В условиях ограниченных возможностей предохранения от нежелательной беременности получили распространение аборт, несмотря на преследование этой практики законом и резко негативное традиционное отношение к искусственному прерыванию беременности. Запрет на аборт был связан также с представлением о наделении младенца душой уже при зачатии, что полностью соответствует церковному учению. Поэтому и аборт воспринимались не иначе как убийство. Негативную оценку вызывало и зачатие вне законного брака.



*Большая казачья семья из станции Отрадной, начало XX в.*



Считалось, что внебрачный ребенок изначально наделялся незавидной судьбой, оставаясь несчастным по жизни.

Смысл предродового этапа родильной обрядности сводился к соблюдению роженицей поведенческих регламентаций, призванных обеспечить благополучие родов и, прежде всего, физического и нравственного здоровья будущего ребенка. Наибольшую актуальность сохранял запрет на выполнение определенных видов работ по воскресеньям и большим праздникам, прежде всего на Пасху, Благовещение и Троицу, нарушение которого могло привести к физическим увечьям ребенка.

Особую опасность для беременной представляла работа с использованием колющих и режущих инструментов. Если роженица резала или рубила на праздник, то ребенок мог родиться с заячьей (разрубленной) губой, с «порубанной ножкой». Нарушение запрета шить и вязать могло привести к тому, что ребенок при родах мог задушиться пуповиной, родиться с отверстием в шее, сросшимися на руке пальчиками или «защитым» задним проходом. Кроме того, беременной запрещалось переступать через веревку, обижать кошек или собак: ребенок мог родиться с *щитовышкой*, шерстью, иначе — с врожденным подкожным «волосом», который причинял ему страдания и беспокойство. К возникновению родимых пятен у ребенка могло привести желание беременной смотреть на пожар. Также к повсеместному обычаю относится запрет для беременной посещать кладбище, даже в случае похорон, или наступать на провода, чтобы ребенок не родился мертвым. Такую же мотивировку имел запрет заранее готовить детскую одежду и пеленки. Беременная должна была регулярно ходить в церковь на исповедь и причастие, для того чтобы способствовать благополучным и быстрым родам; не должна была уклоняться от физического труда. Оберегаясь сглаза или просто по причине стыдливости, женщина до последнего момента скрывала свою беременность, оповещая об этом только своего мужа.

Также повсеместно бытовало убеждение, что узнать пол будущего ребенка способна бабушка-повитуха, которая являлась ключевым участником следующего этапа родильной обрядности, связанного собственноручно с родами. На каждую станицу приходилось по одной или две повивальных бабки, которые пользовались всеобщим авторитетом и уважением среди станичников. Помимо принятия родов, повитуха осуществляла уход за роженицей в течение нескольких последующих дней. Зачастую женщины рожали самостоятельно, если роды случались

внезапно во время полевых работ, в отдалении от дома, что было обусловлено обычаем скрывать свою беременность и до конца заниматься физическим трудом.

Каждое же действие повитухи имело ритуальный характер и символический смысл. Приходя в дом роженицы, повитуха в первую очередь молилась перед иконами. Она могла по внешним признакам определить, благополучны ли будут роды, выживет или умрет роженица и ее ребенок. Вода, которая использовалась при родах, набиралась повитухой из колодца до восхода солнца. Для усиления магических свойств этой воды, особенно в случае тяжелых родов, повитуха использовала икону: переливала воду из одного сосуда в другой, но так, чтобы она стекала по иконе.

Сами роды проходили в жилом помещении. Предварительно повитуха освобождала помещение от всех взрослых родственников роженицы, маленькие дети отправлялись на печь. При родах использовались два положения — горизонтальное и вертикальное. В первом случае женщина рожала лежа на кровати, однако из-под нее убирали перину и стелили *рядно*. В другом случае женщина рожала в вертикальном положении, держась за веревку, на которую подвешивалась люлька. Если роженица долго не могла разродиться, то ей распускали косы, заставляли ходить, открывали окна, двери, ворота, давали пить сладкий напиток (чай, воду с медом), снимали с нее все украшения. После появления младенца бабушка перевязывала пуповину специально подготовленной ниткой из прядева или чистой марлевой тряпочки, после чего пуповина отсекалась. Очень важным считалось выбрать нужную длину отреза пуповины: если пуповину отрезали коротко, то пупок (*золотник*) расходился и кровоточил, длинный отрез пуповины в дальнейшем мог стать причиной пупочной грыжи. Затем отпавшую пуповину могли закапывать в глухом углу вместе с последом (плацентой) или хранить в засушенном виде в сундуке. Когда ребенок подрастал, ему давали развязать пуповину. Повсеместным считалось, что если ребенок справится с этой задачей, то по жизни он будет умным и на все способным человеком.

Сразу же после родов повитуха приступала к очистительным процедурам роженицы, которые могли проходить до шести недель (сорока дней), когда заканчивался срок ритуальной нечистоты женщины, и она отправлялась за очистительной молитвой в церковь. Помимо роженицы, очистительные процедуры производились и над младенцем: по-

витуха купала его два раза в день — утром и вечером. В течение всего периода ухода роженицу не разрешалось проводить, ей было необходимо усиленное питание с обилием жидкости.

На Кубани до середины XX в. последовательность обрядового очищения была следующей: послеродовое обмывание; *размывание* рук; получение церковного очищения (молитвы) по истечении 6 недель. Основными участниками первых двух обрядов были роженица и бабка, а последнего — роженица, новорожденный и священник.

*Парение* представляло собой купание роженицы в теплой воде кадушки (*перерезе, шапльке*) сразу после родов или через небольшой промежуток времени (от 3 часов). В воду бросали троецкую траву, чабрец и череду, гвоздику, мяту, клали горячий камень. Роженицу заставляли присесть в кадушке по грудь, а иногда накрывали *рядном*. Парила бабка, реже — домашние. Процедура могла быть как разовой, так и многократной. После купания женщину вместе с обмытым и *укрученным* новорожденным клали на печь или кровать. Воду из кадушки выливали в глухой угол, под дерево, где никто не ходит. Иногда сразу после *парения* происходило очищение бабки, ее угощение и одаривание, но чаще одаривали после *размытия* рук.

Обряд *размывания* рук совершается на следующий день после родов. Бабка приносит веник из степных трав, кладет его на досточку в ванну с водой, добавляет священной воды. Роженица становится в ванну на веник. Повитуха сливает ей теплую воду на руки, чтобы она вымыла их и умылась, затем льет воду на ноги. Повивальная бабка берет топор и сечет им веник, на котором стоит женщина, а та, придерживаясь за бабку, отступает по венику в сторону ручки. Отрубленные концы веника выбрасывают.

В другом варианте обряд совершался на третий или пятый день после родов. Тазик с теплой водой ставили на пороге, в него клали веник из степной травы. Роженица обмывала руки с мылом, став на веник. Воду выливали под дерево или на место, где никто не ходит. После *размытия* рук устраивался обед, бабку одаривали, а роженица после обряда начала все делать, не считаясь больной.

Крестильный обряд в числе инициальных и социализирующих обрядов первого года жизни является самым главным в традиционной культуре кубанского казачества. Традиционно до крещения младенец еще как бы не является человеком: у него не было имени, в случае смер-

ти его не предавали церковному погребению. Первый этап крестильной обрядности был связан с выбором кумовьев. К нему подходили с большой ответственностью, поскольку крестные являлись вторыми родителями ребенка и в случае смерти отца и матери должны были взять на себя опеку над ребенком. Поэтому чаще всего это были родственники и друзья родителей.

Крещение младенца могло совпадать по времени с такими составляющими родильно-крестильного комплекса, как имянаречение и празднование родин. В редких случаях младенца крестили после сорокового дня, но чаще в первые дни после рождения. Крещение младенца старались зачастую приурочить к большому церковному празднику. В день крещения крестные брали ребенка у родителей и отправлялись в церковь. Последние оставались дома или ожидали завершения таинства в притворе храма. На крестного отца и мать ложились все необходимые расходы: крестный оплачивал совершение таинства в церкви, покупал ребенку крестик, крестная готовила *крыжму* (покрывало), в которое она воспринимала младенца от купели, шила ему крестильную рубашку. Празднование крестин не сопровождалось какими-либо ритуальными действиями и ограничивалось простым застольем в кругу близких родственников и друзей.

Первый год жизни ребенка сопровождался многочисленными запретами, предупредительными мерами и регламентациями по уходу за ним, особенно в первые сорок дней жизни или до совершения таинства крещения. Повсеместно соблюдался запрет давать что-либо из дома в течение от одного до трех дней, чтобы никто не мог «испортить» ребенка или роженицу. До 40 дней запрещалось показывать младенца посторонним людям, вывешивать во дворе пеленки. Детские пеленки стирали всегда отдельно. Для охранения ребенка от влияния магических деструктивных сил его требовалось причащать в церкви каждую неделю.

К повсеместным фактам следует отнести запрет качать пустую люльку. Ритуальный смысл имели действия во время купания ребенка, направленные на его «доделывание» как человека. В первые месяцы младенца купали, добавляя в воду разные травы и растения. Во время купания осуществляли и терапевтические процедуры: выравнивали головку младенца легким сдавливанием ладоней, практиковали массаж, *смирялы*, сводя наперекрест колени и локти ребенка, трижды слизывали с его спинки воду.

Среди ритуалов первого года жизни, завершающих переход младенца от грудного состояния к следующей за ним возрастной категории, наибольшую актуальность сохраняли действия, связанные с первой стрижкой, первым шагом и отлучением от груди.

Среди ритуалов первого года жизни повсеместно отмечаются действия, связанные с первым шагом ребенка. Практически все они сводились к имитативному «перерезанию пут»: во время первого шага мать или другие близкие родственники ножом или ладонью имитировали перерезание пространства между ног ребенка, чтобы он начал ходить самостоятельно.

### О ПИТАНИИ МЛАДЕНЦЕВ

Основу питания младенца составляло материнское молоко. Отказ от грудного вскармливания считался для матери большим грехом. В русской деревне такое случалось крайне редко. Грудничка, потерявшего мать, могли также носить по очереди к кормящим женщинам, живущим по соседству, реже кормилицу искали в соседней деревне.

Бытовало поверье, что ребенок, выкормленный чужой женщиной, не будет любить свою мать, станет для нее чужим. Проявлялась вера крестьянок в то, что материнское молоко обеспечивает ребенку защиту и передает жизненные силы, наделяет его качествами «своего». Предполагалось, что особая эмоциональная связь между младенцем и матерью, устанавливаемая кормлением, не прерывается даже в случае смерти одного из них. Ребенка прикладывали к груди в день родов, при первой возможности, как только мать восстанавливала силы. Это соотносилось с представлением о пользе молозива для здоровья младенца. Младенца прикладывали к груди по первому требованию, при малейшем плаче. Беспокойного младенца мать брала на ночь к себе в постель и кормила лежа. Считалось, что рядом с грудью матери дети лучше спят, что, в свою очередь, позволило



*Кормление ребенка  
(иллюстрация неизв. автора)*

бы высыпаться и ей самой, и младенцу, но так увеличивалась опасность *заспать* малыша, то есть задавить его во сне, а это было очень большим грехом. Если ребенок не хотел брать грудь и кричал *без униму*, ему предлагали соску или рожок. Сцеживание оставшегося после кормления молока не практиковалось.

Еще во время свадьбы, а также в течение беременности женщина должна была следовать целому ряду запретов и предписаний, чтобы обеспечить обилие молока и предотвратить болезни груди. Особые предосторожности следовало соблюдать в послеродовой период — во время проводывания роженицы соседками, празднования крестин и т.п. Опасным считался и контакт двух кормящих матерей, бессознательно или осознанно одна из них могла отнять у другой молоко. Чтобы этого не произошло, использовались обереги: иголка и нож, которые во время кормления подкладывали под себя. Если молока было мало, прибегали к средствам народной медицины или магическим действиям. Казачки ели лепешки, замешенные на молоке другой женщины.

В Кубанской области при трещинах сосков и воспалении (*груднице*) использовали следующее: грудь смазывали свежим коровьим маслом; прикладывали на тряпочке воду, слитую с белого воска и смешанную с растительным маслом; мякиш ржаного хлеба, вымоченный в полурастопленном коровьем масле; гущу отваренного в молоке льна; тертую сладкую свеклу, смешанную с маслом; свежую заячью шкурку, намазанную сметаной; лист табака, смазанный медом и посыпанный солью (не более чем на 5 минут).

Продолжительность грудного вскармливания изначально была установлена церковью и составляла три великих поста (считались только Великий и Успенский). Эти сроки не были строго связаны с возрастом и зависели от рождения детей. Общим было правило прекращать кормление с наступлением новой беременности, в редких случаях — с первым шевелением плода. Более раннее отнятие от



Казачка с детьми  
(фото неизв. автора)

груди, в возрасте девяти месяцев, могло произойти из-за сезонной работы.

По русской традиции, ребенка рано начинали докармливать и прикармливать. Это было вызвано не столько недостатком молока у матери, сколько убеждением, с одной стороны, что его недостаточно для младенца, а с другой — что раннее привыкание к твердой пище, черному хлебу, кашам способствует более быстрому развитию ребенка и укрепляет его здоровье.

Чаще всего в качестве докорма использовали сырое, кипяченое или топленое в печи коровье молоко, разбавленное водой или крупяным отваром, а также жидкости — чай, квас. Наряду с этим вводились добавки, восполняющие недостаток микроэлементов в коровьем молоке. Их ребенок получал из овощей (моченого яблока, свеклы, моркови и др.), хлеба, манной и гречневой каши. Прикорм или густую пищу (каши, овощи, мясо) начинали с жидких молочных каш из пшена, манки, крупчатки, а также тюри из хлеба, баранок и кренделей, которые предварительно пережевывались матерью. Пока у младенца не было зубов, его кормили «изо рта в рот» или «с пальца». Ребенка постарше кормили с отдельной ложечки. Постепенно прикорм замещал одно или несколько грудных кормлений. На 5–6-м месяце молочная каша становилась непременной частью младенческого пищевого рациона. При этом для грудничков ее варили в специальных маленьких горшочках — *кашниках*, *махотках*, *молочниках*. Окончательный переход на взрослую пищу происходил к 2–3 годам, до этого основу питания по-прежнему составляли молоко, хлеб, молочная каша и размоченные в кипятке или молоке баранки.

Самостоятельно пользоваться ложкой и чашкой ребенок начинал с годовалого возраста. Вручение ложки малышу знаменовало новый этап в его жизни и свидетельствовало, что он вырос: «кашка на ложке, а молодец — на ножки». Детские деревянные ложечки расписывались изображениями животных и детей: девочка с санками, с ягненком, мальчик с палкой и т.п. В 3–4 года ребенок еще не подчинялся распорядку приема пищи: заигравшись на улице, он мог пропустить обед, а затем перекусить, когда захочет, или, получив от матери



Казачи с семьями  
(фото неизв. автора)

краюшку хлеба, опять убежать на улицу. С этого момента молоко и ба-ранки признавались за баловство, дозволяемое не во всякое время, и за роскошь, доступную не каждой семье. С 5–7 лет детей постепенно во время постов переводили на постную пищу. Как только ребенка сажали обедать со взрослыми, ему прививали правила поведения за столом.

Таким образом, все родильные, крестильные обряды, вскармливание детей казаков на Кубани были подчинены укреплению их здоровья и воспитанию в духе казачества.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева С.В. О ритуальной функции женщины в русской традиции. Живая старина. М., 1998.
2. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVII – начала XIX веков. М., 1984.
3. История, этнография, фольклор Кубани. Том 1. Кореновский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Министерство культуры Краснодарского края. НИЦ традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» под ред. Н.И. Бондарь, А.И. Зудина. Краснодар: Книга. 2015.
4. Очерки традиционной культуры казачества России. НИЦ традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» / Под ред. Н.И. Бондаря. Краснодар: ЭДВИ. 2005.



# Традиции вскармливания и воспитания детей в Республике Мордовия

Л.А. Балыкова, инокиня Ангелина (А.А. Косарева), Е.С. Самошкина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Ясная Поляна»  
Свято-Варсонофиевский женский монастырь

\* \* \*

В Республике Мордовия проживают несколько национальностей, объединенных общей историей и добрососедскими отношениями. Традиции воспитания и вскармливания детей во многом схожи, хотя и имеют некоторые особенности.

Численность населения республики, по данным Росстата на 2015 год, составляет 808 888 чел., плотность населения — 30,96 чел./км<sup>2</sup>, из них доля городского населения — 61,22% [1].

Национальный состав, по данным 2010 года: русские — 443 737 (53,4%), Мордва (Мокша + Эрзя) — 333 112 (40,0%), Татары — 43 392 (5,2%) [1].

## МОРДВА. ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ ДЕТСКОГО ЦИКЛА

Мордва — в настоящее время самый крупный по численности финно-угорский народ в Российской Федерации. Этноним «мордва» (мордвины, мордовцы) связан с иранскими языками (*mord* — человек, мужчина) [2]. Состоит из двух этнических групп — мокши и эрзи. Говорят на двух близкородственных языках — мокшанском и эрзянском, относящихся к финно-угорской языковой группе уральско-юкагирской языковой семьи. Впервые как отдельный народ упоминается в летописях VI века. Этническая территория древнемордовских племен располагалась на обширных пространствах Волго-Очья, сплошь покрытых хвойно-широколиственным лесом, что, несомненно, наложило свой

отпечаток на хозяйство, культуру, быт и этнопсихологию мордвы.

Длительный и сложный процесс вхождения мордовских земель в состав Русского государства окончательно завершился лишь с падением Казанского ханства (1552 г.). Адаптация мордовского народа к условиям проживания в составе России проходила достаточно сложно. В результате значительная часть мордвы с конца XVI века оказалась втянута в переселенческие процессы, что способствовало ее расселению по всей территории государства. На коренной территории мордва оказалась в этническом меньшинстве — преобладающей частью населения стало русское. С этого же времени начинается христианизация мордвы, которая отразилась на образе жизни и культурных традициях народа.

Письменность была создана на основе русского алфавита. Верующие — преимущественно православные; в XVIII–XIX веках были приверженцы старообрядчества и протестантских конфессий (духоборов, молокан и др.). Родильные обряды и обряды детского цикла мордвы формировались и развивались под влиянием условий жизни и религиозных воззрений. В конце XIX – начале XX века в народный быт прочно вошли христианские обряды — крещение младенца, причащение матери и ребенка в церкви. Вместе с тем во многих традициях прослеживаются остатки языческих верований [2].

### **Беременность и подготовка к родам**

*Тядьсь шацфты-касфты, алясь сафты-тонафты (мокс.)*  
(Мать родит-растит, отец наставляет-учит) [3]

В мордовской крестьянской семье рождение детей издавна сопровождалось разнообразными обрядами, основной смысл которых заключался в стремлении обеспечить безопасность новорожденному и рожающей.

О будущем потомстве начинали заботиться с момента вступления в брак. Обеспечить деторождение были призваны такие обряды, как обсыпание молодой жены зерном или хмелем. При этом приговарива-



*Мордовская семья из села Рыбкино.  
1920 г. (из фондов Мордовского  
краеведческого музея)*

ли: «Сколько в поле хмелинок, столько в доме детинок!»

Беременные женщины-мордовки работали до самых родов. Поэтому нередко были выкидыши. Для предохранения от них использовали нитки, которыми женщина перевязывала живот в случае опасности и носила до самых родов.

Известно, что во время беременности женщина должна была соблюдать некоторые запреты. Будущей ро-

женице запрещалось бить животных, смотреть на калек, нищих, посещать больных, ходить на похороны. Считалось, что в этих случаях она могла родить калеку, урода или мертвого ребенка. В случае нанесения обиды животному — новорожденный мог якобы появиться на свет весь в шерсти. Нельзя было также класть запазуху яйца («ребенок будет золотушным»), семечки («ребенок может заболеть корью»), орехи («у ребенка будут шишки»). То есть эти запреты были из области имитативной магии: «по образу и подобию» свойства людей, животных или предметов могут «перейти» на новорожденного. Но эти запреты были продиктованы и опасениями за здоровье беременной и будущего младенца. Действительно, увидев калеку или присутствуя на похоронах, будущая мать могла испугаться или сильно разволноваться, а ударив животное, могла получить ответный удар. Предосудительным также считалось отказать беременной женщине в желанной пище, ибо отказ мог привести к тому, что ребенок якобы всю жизнь будет ощущать недостаток в этой пище.

В традиционных крестьянских семьях предпочтение отдавалось рождению мальчиков: они считались продолжателями рода, семьи, а девочки были обузой. Это подтверждают следующие поговорки: «Отца-мать кормлю — долг плачу, сыновей в люди вывожу — взаймы даю, дочь снабжаю — за окно бросаю». Когда дети спрашивали, откуда появился в семье маленький ребенок, то при рождении мальчика отвечали: «Ведь ава подарила», если рождалась девочка, то говорили: «Ведь ава бросила».

Чтобы узнать пол будущего ребенка, вели наблюдение за беременной женщиной. Например, в Клявлинском районе Самарской области



*Мордовская семья из села Рыбкино.  
1920 г. (из фондов Мордовского  
краеведческого музея)*

считали, что если на лице женщины много пигментных пятен, то родится сын. Большой продолговатый живот, обращенный более к правой стороне, также указывал на рождение сына. О поле первенца гадали и во время свадьбы. Когда молодые прибывали в дом жениха, свекровь кидала гостям кольцо: если его ловил мужчина, то у молодых первым должен был родиться сын, если женщина — дочь.

Так как женщины-мордовки нередко работали до самых родов, ребенок мог появиться прямо в поле. Местом рождения мог быть также дом, сенник или баня. Случалось, что женщины рожали без всякой помощи, особенно, если это был не первый ребенок. Но часто на помощь им приходила бабушка-повитуха (*идень бабай*). Она пользовалась большим уважением. На Пасху все женщины, которым повитуха помогала при родах, приходили к ней с подарками. Дети, которых она принимала, называли ее бабушкой, а она их — *унок* — мои внуки. Когда повитуха умирала, то женщины, рожавшие с ее помощью, приносили ленты, куски полотна, тесьму или вышитые полотенца — ими обвязывали руки умершей. Считалось, что на «том свете» все они превращались в цветы. Такой же обычай существовал и у русских. Они думали, что «по этим лентам повитуху узнают умершие младенцы, которым она помогла появиться на свет».

Женщины-повитухи обладали, несомненно, определенным минимумом медицинских знаний и навыков, которые передавались по наследству. В частности, при трудных родах поили роженицу мыльной водой или сырыми яйцами, вызывая этим рвотные судороги. Применялись и магические приемы: для облегчения родов расплетали роженице косы, развязывали все узлы на одежде, вынимали серьги, открывали двери, размыкали замки, просили священника открыть алтарные врата. Данные приемы широко применялись еще в 20–30-е годы XX века.

### **Новорожденный в доме и уход за ним**

*Эйкаши марто кудось — уцяскав кудо* (эрс.)

(Дом с детьми — счастливый дом) [2]

Самыми опасными для здоровья ребенка считались первые 6 недель. Все это время его старались уберечь от «дурного глаза», поэтому не показывали его посторонним. Большую роль в борьбе со злыми силами отводили воде. Сразу после родов 3 дня подряд топили баню, куда

молодая мать вместе с повитухой и новорожденным ходили мыться.

«Лишь только младенец появится на свет в мордовской семье, то мать-роженицу ведут в баню, с ней несут и новорожденного, которого так же моют и парят, как мать. Выходя из бани, уносят все вещи роженицы, даже веник, которым ее парили, а то злые духи могут испортить ее... Для предохранения ребенка от «ведуна»,



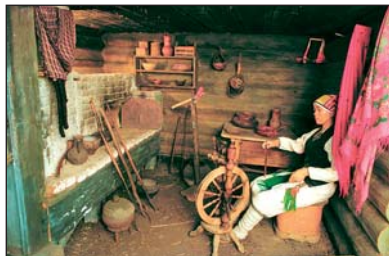
Нюрям (фото с сайта [www.erza.ucoz.ru](http://www.erza.ucoz.ru))

чтобы не съел сердце его, мать после крестин ежедневно в течение 6 недель, укладывая ребенка в *зыбку* (*нюрям*), три раза крестит его ножом, затем кладет нож под подушку младенца» [2].

Хорошим защитным средством у всех народов считался огонь и все производные от него — угли, зола, головни. Перед тем как первый раз положить младенца в *зыбку*, ее окуривали дымом от мусора, который оставался на берегах после половодья. Иногда вместо этого просто 3 раза обводили внутри *зыбки* горячей свечой или лучиной, а с утверждением христианства для этой цели стали применять ладан. Золой в течение 6 недель посыпали подоконники и пороги. Хорошим защитным средством считались также ветки от веника, которым повитуха парила ребенка в бане. Их хранили в люльке до 40 дней.

После третьей бани совершался обряд выкупа ребенка — *идень идема*, когда повитуха «вручала» младенца матери. Держа в одной руке ребенка, а в другой хлеб, она спрашивала женщину: «Что тебе нужно — хлеб или ребенок?». Мать отвечала: «Ребенок». Бабушка отдавала ей ребенка со словами: «Вот твоя ноша» [2].

Желанием благополучия потомству были вызваны и магические действия с плацентой — *идь куд, аванькс*. От нее отрезали кусочек и вместе с пуповиной бросали в конюшню — у мальчика, «чтоб у него водились кони, и он вырос хорошим хозяином», вешали на соху, «чтобы стал пахарем и всегда имел хлеб»; у девочки — заби-



Мордовский республиканский краеведческий музей

вали в прялку или ткацкий станок, «чтобы была хорошей ткачихой или пряхой» [2].

Большое значение в жизни ребенка имело его имя. До христианизации его давали повитуха или отец ребенка. Иногда младенца называли по месту или времени его рождения: Нуяльге (если появился во время жатвы, *нума* — жать), Пизяй (если во время дождя, *пиземе* — дождь), Паксяй (если родился в поле, *пакся* — поле). В XIX веке языческие имена были заменены на христианские, которые давались во время крещения. В то же время в зависимости от возраста ребенок имел и общеупотребимое прозвище. Сын — *церья*, дочь — *стирь*, *стирькай*. Ребенок до 3 лет — *потяй идь*, *иняка*. От 3 до 7 лет — *тетьмак*, до 15 лет — *идьмор*. Единственного ребенка в семье называли *ажданя* (дитятко), последнего ребенка — *пекиварькс*.

### Первый год жизни ребенка

*Цебарь идень мархта семьясь (кудсь) —  
павазу семья (куд) (мокш.)*

(С хорошими детьми семья — счастливая семья) [3]

Кормить грудью у мордвы всегда было принято долго, до 2–3 лет, а на работу мать выходила рано, оставляя новорожденного на попечение матери, свекрови или старшей девочки в семье. В это время, чтобы ребенок не плакал, когда проголодается, ему готовили «тряпочную грудь» — *лоскодонь потя* или *жевок*. По словам Марии Павловны Кельгаевой, 1928 года рождения, жительницы пос. Зубова Поляна, она представляла собой квадратный кусок домотканого льняного полотна, в который помещали вареный картофель или хлеб с сахаром, предварительно пережеванные няней, и давали в рот ребенку вместо соски. Такое кушанье могли «готовить» только мать или бабушка ребенка, другие члены семьи, особенно мужчины, считались для этого нечистыми. Иногда бабушка-сиделка давала ребенку свою грудь, «чтобы он спокойно спал до прихода матери с работ».

По рассказам жительницы села Булдыгино Александры Алексеевны Автаевой, 1921 года рождения, в их семье грудным детям давали *ану*: пережеванной пищей обмазывали палец и вкладывали в рот ребенку. С 3–4 месяцев жизни ребенку начинали давать пережеванный вареный картофель, пшеничную кашу на молоке; с 6–7 месяцев — мясной суп

и другие продукты. Когда у дитя появлялись зубы, пищу пережевывал уже он сам.

Интересны моменты ухода за грудными детьми в мордовских семьях. Об этом рассказала А.А. Автаева: «После рождения ребенка заворачивали в пеленки из домотканого конопляного полотна — *пази*, серого, иногда коричневого цвета. В семьях бедных и многодетных это могли быть старые рубахи матери. Так как частая стирка белья была невозможна в избах, то мокрые пеленки сворачивали и клали в остывающую печь, где они высыхали. После сушки в печи с пеленок стряхивали остатки органических загрязнений и перетирали руками «для мягкости». После этого ребенка снова заворачивали в полотно».

Когда ребенок начинал ползать и ходить, ему надевали штанишки, которые шили домочадцы. Из соображений гигиены и упрощения ухода за ребенком в штанишках в области паха и ягодиц делался большой вырез. Когда ребенок совершал физиологические отправления, достаточно было только вымыть пол.

Беременные и кормящие женщины строго соблюдали православные посты вместе с другими членами семьи. «Великим постом в нашей семье часто делали окрошку на квасе, — рассказала М.П. Кельгаева, — после того, как матери ее кушали, у детей всегда начинался понос, и что тогда творилось в доме!»

Важными моментами в жизни ребенка считались появление первого зуба, первые шаги, первая стрижка волос. Все они сопровождалось определенными обрядами. Появление первого зуба обычно замечали старшие дети, которые смотрели за малышами. Тому, кто его обнаруживал, дарили подарок: девочке — платок, мальчику — рубашку. В этот же день пекли лепешки — *танцити цюкорнят, кокоркат* — и первую из них отдавали тому, кто обнаружил зуб.

Когда ребенок начинал ходить, то совершали обряд «разрезания пут» — *тярть керан*. Для этого ребенка ставили посередине стола и 3 раза проводили ножом между его ног, приговаривая: «Путы разрезаю». Затем ему давали ржаную соску — «впускали внутрь Норов аву», чтобы она берегла младенца и помогала ему расти.

Одним из важных моментов в жизни младенца была стрижка волос. Впервые ребенка стригли, когда ему исполнялся год. До этого времени, чтобы он беспрепятственно рос, стричь волосы и ногти воспрещалось. Ногти по мере их роста мать откусывала зубами. Обряд первой стриж-

ки выполняли крестные родители в присутствии многочисленных гостей. Мальчика стриг наголо крестный отец, а у девочки крестная мать выстригала прядь волос через кольцо, что должно было способствовать их росту. Остриженные волосы не выбрасывали, их хранили за потолочной балкой или сжигали. Считалось, что если их подберет птица и использует для своего гнезда, то это вызовет слабоумие ребенка или частые головные боли.

До настоящего времени народные обряды, связанные с рождением ребенка, кое-где сохранились, но носят характер шуточной церемонии — удобный повод для родителей пригласить гостей [2].

### ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ И ВСКАРМЛИВАНИЯ У ТАТАР-МИШАРЕЙ

*Балалы ей — базар, баласыз ей — мазар*  
(Дом с детьми — базар, дом без детей — кладбище)

Татары (самоназвание) — тюркоязычный народ. На 1989 год общая численность составляла 6,6 млн чел. В 2002 году численность основного населения Республики Татарстан равнялась 1,9 млн чел. (51,3%), Республики Мордовия — 46,3 тыс. чел. (5,2%). Делятся на 3 основные этнотерриториальные группы — волго-уральские, сибирские и астраханские татары. Наиболее значительные по численности — волго-уральские татары, куда входят казанские, касимовские татары, тептяри и мишари. Говорят на различных диалектах татарского языка. Верующие татары — мусульмане-сунниты, часть татар исповедует православие (кряшены, нагайбаки) [4].

Проникновение тюркских племен (волжские булгары, буртасы) на территорию мордовского края, начавшееся в I тысячелетии н.э., происходило на протяжении столетий. Полагают, что буртасы, испытавшие воздействие волжских булгар, с XI–XII вв. — кипчаков (половцев), стали этнической основой татар-мишарей. В Мордовии татары издавна проживали компактно более чем в 130 сельских населенных пунктах. Их численность отмечалась во всех переписях



*Татарское жилище.*  
Фото с сайта [www.staraysamara.ru](http://www.staraysamara.ru)



населения. В 2002 г. в Мордовии было зафиксировано более 60 татарских населенных пунктов.

Традиционными занятиями татар были пашенное земледелие, скотоводство, охота, бортничество. Землевладение и землепользование были общинными: пахотные земли, луга и леса распределялись между отдельными хозяйствами, как правило, по числу мужчин. Возделывали в основном рожь, овес, ячмень, яровую пшеницу, просо, полбу, гречиху, горох, чечевицу, лен, коноплю. Разводили лошадей, коров, овец, коз, кур, гусей, уток. Как и другие народы края, осваивали различные ремесла и промыслы, в том числе кожевенный, ювелирный, золотошвейный. С XVIII в. занимали ведущее место в торговле. Основной тип жилища татар — бревенчатая изба с печным отоплением. В одежде татар, как и во всей материальной культуре, сочетались традиции степных кочевников и оседлых народов. В пище татар преобладали мучные и мясо-молочные изделия.

Татары-мишари — одна из основных этнографических групп, в связи с особенностями своей этнической истории обладающая рядом специфических этнокультурных черт, часть которых связана с длительными контактами с мордовскими племенами [5].

Татары издавна считаются одним из наиболее чистоплотных народов, так как Коран обязывает мусульман совершать частые омовения и соблюдать чистоту. Перед молитвой и перед праздниками совершали малое и полное омовение. Для омовения используют кувшин (*кумган*). Зубы до 1950 г. чистили специальной палочкой из дерева с размочаленным концом или указательным пальцем. Одежда и обувь всегда были чистыми. Большое внимание уделяли чистоте головы и тела. Повсеместно голову мыли кислым молоком, яйцами, ополаскивали отваром ромашки. В прошлом мыло нередко производили в личном хозяйстве, в некоторых селах были специальные мыловарни.

Большое значение придавали внутренней чистоте жилища. Простую уборку в доме делали по четвергам и субботам, полную — 4 раза в год: в конце апреля — начале мая, осенью после сбора урожая и к двум большим праздникам — Ураза Байрам и Курбан Байрам. Потолки, полы и стены повсеместно были некрашеными; стены и полы скоблили ножом или железной сеткой и мыли водой с ромашкой. В сенях всегда вешали рукомыльник и полотенце. Кораном категорически запрещено держать в доме грязное белье; тряпки, особенно к праздникам, обязательно надо было постирать или сжечь, но не выбрасывать.

Татары с давних пор высоко ценят баню, отводят ей значительную роль в сохранении и укреплении здоровья. Она служила не только для поддержания чистоты тела, снятия усталости после физического труда, но и лечения различных недугов. Наличие бани зависело от материального состояния семьи, обеспеченности деревни лесными угодьями. Баню топили по четвергам и обязательно перед праздниками, так как полное омовение перед пятничной молитвой для татар является обязательным. Она занимала значительное место и в обрядовой жизни. Ее топили перед свадьбой подруги невесты, обязательно на 2-й день свадьбы для обоих молодых, в течение недели после родов для роженицы и ребенка.

Согласно народным верованиям, некие сверхъестественные существа, вредившие матери, могли подменить младенца как во время его внутриутробного развития, так и после рождения. Как правило, подменой объясняли рождение неполноценных, с явными физическими недостатками детей, а также отставание некоторых детей в физическом и умственном развитии.

Сразу после рождения ребенка полотнищем красного цвета было принято протирать ротовую полость ребенка — это считалось защитой от болезней. Вместо пустышки в рот ребенку клали *имязек* — хлебный мякиш, завернутый в лоскут. Кормить грудью было принято длительно, до 3 лет.

Большой популярностью пользовались бабушки-повитухи (*эби, кендек эбие* — «бабушка, режущая пупок»). После родов их приглашали на праздники и сажали на самое почетное место. Как и у других народов, исповедующих ислам, у татар было принято обрезать крайнюю плоть. Обряд обрезания (*сеннэт*), по сведениям информаторов, проводили на третьем году жизни, а иногда раньше, его совершал специальный старик (*сеннэтче бабай*), реже — мулла. Обряд обрезания у темниковских мишарей назывался *нике ке-лэве*, в селе Мельцапино Лямбирского района — *сеннэт туй* (праздник обрезания). Для профилактики, чтобы не было заражения или осложнения, в прошлом плоть посыпали деревянной гнилушкой, просеянной через сито, и обычно через неделю рана заживала. В селе Черемешево Лямбирского района ранку промывали мочой ребенка, а на второй день ребенка парили в бане березовым веником.

Для предохранения от сглаза на шею ребенка в мешочке вешали листок с молитвой из Корана (*Аятел-Керси*); более взрослые на цепочке

носили полумесяц; к вороту пришивали монету или цветную пуговицу, чтобы злой человек сначала посмотрел не на ребенка, а на пуговицу; на руку привязывали кусочек веточки можжевельника, или рябины; на лбу углем ставили точку; лицо мыли водой, чтобы изгнать злых духов; родниковую воду носили в доме по кругу. Особенно опасными в жизни ребенка считались первые 40 дней: в это время его старались не оставлять без присмотра, в крайнем случае, уходя их дома, рядом с ребенком клали в качестве оберега железный предмет (чаще нож) [5].

Таким образом, родильные обряды и традиции вскармливания проживающих на территории республики национальностей являются во многом схожими, что обусловлено общими природно-климатическими условиями, взаимно-культурными контактами и желанием сохранить жизнь и здоровье подрастающего поколения.

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2015 года и в среднем за 2014 год (опубликовано 17 марта 2015 г.).
2. Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. *Саранск: Мордовское книжное издательство*. 2004.
3. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / Вступ. статья, запись, системная обраб. текстов и переводы на рус. яз. К.Т. Самородова. *Саранск: Мордов. кн. изд-во*. 1986.
4. Мордовия. Энциклопедия в 2-х томах. Гл. редактор А.И. Сухарев. *Саранск*, 2004.
5. Мордовия: Статистический ежегодник. *Саранск: Мордовия-стат*, 2010.

# Вскармливание и уход за младенцами в Оренбуржье: обычаи и традиции, связанные с родами и ранним детским возрастом

Л.М. Гордиенко, А.А. Вялкова, Р.А. Дашкина, О.А. Пашкова,  
К.Е. Горбанева, О.А. Шуйскова, Г.К. Сатмуханбетова

Оренбургский государственный медицинский университет Минздрава России,  
Оренбург, Российская Федерация

\* \* \*

*Культурные особенности каждого народа  
есть общечеловеческие ценности,  
фиксирующие многообразие и богатство  
всемирной истории человечества.  
(Л.Н. Гумилёв)*

Оренбуржье — удивительный край. Его история богата событиями и насчитывает почти триста лет. Оренбургская область неотъемлемая часть России. История Оренбургской области — часть истории нашей великой страны: 19 апреля 1743 г. был заложен на современном месте Оренбург, а 15 марта 1744 г. создана Оренбургская губерния. Город на Урале Оренбург (Чкалов) издавна был центром между Европой и Азией. Оренбург расположен одновременно в двух частях света — Европе и Азии. Историческую часть города с Заураль-



Пограничные столбы  
«Европа» и «Азия»

ной рощей соединяет пешеходный мост через реку Урал, на котором стоит символический знак границы между Европой и Азией: два пограничных столба с гербом Оренбурга. На одном надпись «Европа», на другом — «Азия».

Река и горы с одноименным названием Урал разделяют две части света. Историческая судьба предопределила Оренбуржью статус территории, сделав, таким образом, его по-своему уникальным. Площадь Оренбургской области составляет 123 700 км<sup>2</sup>, по этому показателю она занимает 29-е место в России. Территория области охватывает юго-восточную окраину Восточно-Европейской равнины, южную оконечность Урала и Южное Зауралье. Протяженность области с запада на восток — 755 км, с севера на юг — 425 км. Общая протяженность границ составляет 3700 км.

Оренбургский край — это, прежде всего, населяющие его люди. Исторически Россия складывалась как многонациональное государство, где бок о бок жили народы, различавшиеся языками, традициями и верованиями.

На всем пространстве губернии число русских, преимущественно заводских крестьян, не превышало 200 000; жили мещеряки в числе 15 500 душ, калмыки — 8700 душ, каракалпаки — 30 000 кибиток, мордва 880 душ, черемисы — до 5000 душ, чувашаи и вотяки — до 2500 душ, башкиры — 106 200 чел.

В настоящее время здесь проживают представители 124 национальностей, пять из них — татарская, казахская, украинская, башкирская и мордовская — насчитывают свыше 50 тыс. человек каждая, численность еще трех — немцев, чувашей и армян — превышает 10 тыс. Остальные этнические группы составляют от 0,5 до 0,01% общей численности населения. Эта территория имеет интересную историю. Согласно археологическим данным, она была заселена во II тысячелетии до нашей эры. На Урале в то время проживал целый конгломерат племен, представлявших различные языковые группы: финно-угорскую, самодийскую, пермскую, но доминирующее положение в южной части занимали тюркоязыч-



Мещерякская юрта  
(фото с сайта [www.bastanovo.ru](http://www.bastanovo.ru))

ные народы. В IX веке в Южное Зауралье, на территорию нынешней Оренбургской области, из Центральной Азии и Южной Сибири мигрируют многочисленные тюркоязычные племена, среди которых выделяется этнос с этнонимом «башкорт». В X веке они постепенно начинают принимать ислам, одновременно сохраняя традиционные языческие верования. Подчиняют и включают в свой состав местные финно-угорские и иные племена. Вторым крупным этносом, населявшим Южный Урал, стали казахи. Они здесь появились, по историческим меркам, достаточно поздно — только в XIV–XV вв.

Оренбургская губерния впервые появилась на географической карте Российской империи в 1744 г. — в царствование императрицы Елизаветы Петровны. Первым губернатором в этой губернии был Неплюев. В XVIII веке Оренбург, как вся губерния, построенный в качестве опорного пункта крепостей по рекам Яик, Самара и Сакмара, выполнял две основные функции — оборонительную и торгово-экономическую.

Главную роль в развитии городов-крепостей Оренбургского края сыграли казаки, которые не только охраняли границы российского государства, но и владели землей, торговали. Заселение земель началось с середины XVIII в. переселенцами из центральных губерний России. Поток крестьян всех категорий значительно возрос после основания города Оренбурга.

Этапы заселения украинцев на оренбургскую землю были сложными и трудными. Первые украинцы и украинские селения в крае возникли в 1737–1742 гг. Первые поселенцы основали Илекский городок в 1737 г. на левом берегу Яика (Урала) при устье реки Илек. В нем поселились украинские казаки — черкасы — численностью 60 человек во главе с атаманом Иваном Изюмским и есаулом Андреем Черкасовым. В конце XIX в. их было уже около 40 тыс. человек. Украинцы сыграли исключительную роль в хозяйственном освоении богатейшего Оренбургского края. Они принесли с собой высокую культуру земледелия, а также стали развивать в оренбургских степях свиноводство, огородничество, бахчеводство и различные народные промыслы — гончарное, кузнечное и др. Неповторимым обликом отличались украинские поселения.

Переселение крестьян стало усиливаться с конца XVIII века, когда в центре страны все более остро вставала проблема крестьянского малоземелья. Испытывая недостаток земли, крестьяне Тамбовской,

Пензенской, Воронежской, Курской и многих других губерний стали уходить на Южный Урал.

На рубеже XX века к ним присоединились немецкие колонисты, ранее переселившиеся из Германии на Украину по Манифесту 1763 г. Близкие по территориальному признаку татары из Среднего Поволжья и Приуралья местом нового жительства выбрали север, северо-запад и центральную часть губернии. Со второй половины XVIII века идет заселение территорий будущих районов — Оренбургского, Переволоцкого, Красногвардейского, во второй половине XIX века — Бугурусланского.

В начале XX века произошло увеличение численности русского населения Оренбуржья за счет Столыпинской аграрной реформы, а в годы Великой Отечественной войны в Оренбург (Чкалов) было эвакуировано более 40 предприятий из Европейской части СССР, что послужило толчком к развитию местной промышленности и притоком рабочих в Оренбургскую область.

### **НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ**

История Оренбургского края, заселявшегося на протяжении нескольких столетий представителями самых разных национальностей, объективно способствовала тому, что на относительно небольшой территории сложилась уникальная полилингвистическая ситуация, при которой соседствуют и развиваются одновременно свыше 100 языков.

Самые многочисленные — народы славянской группы. Историческое ядро русского населения образует казачество, расселившееся издавна в Илекском, Оренбургском, Сакмарском и некоторых других районах Оренбургской области. Украинцы — четвертый по численности народ области. Более половины представителей этой национальности сосредоточены в Оренбурге, Орске, Новотроицке, Гае. На территории области проживают немцы. Основная их часть проживает в Александровском, Красногвардейском, Переволоцком, Соль-Илецком, Беляевском районах, а также городах Орске и Оренбурге. Евреи проживают в основном в Оренбурге, Орске и Новотроицке. Около 1/4 населения относятся к народам тюркской группы алтайской языковой семьи. Самые многочисленные — татары — второй по численности народ Оренбуржья. Особенно много их на северо-западе области, а также вдоль среднего течения реки Урал. Башкиры расселились в основном в районах,

прилегающих к северной границе области. Доля третьего по численности народа — казахов — сокращается. Основная их часть проживает в районах, граничащих с Казахстаном, в Ясенском и Домбаровском районах казахи являются самым многочисленным народом. Основная часть чувашей сосредоточена на северо-западе Оренбургской области. Уральская семья представлена мордовским населением, которое проживает в Оренбуржье повсеместно, но основная часть сконцентрирована на северо-западе — в Абдулинском, Бугурусланском и Северном районах. Остальные ~70 национальностей составляют 1,1% населения.

В XX веке на темпах механического и естественного прироста населения, а также его составе на территории области отразились все драматические события этого столетия. Первая мировая и гражданская войны, коллективизация и политические репрессии, голод 1933–1934 годов и, конечно, Великая Отечественная война привели к огромным потерям населения. Население в целом продолжало увеличиваться только благодаря сохранявшимся традициям многодетности и, как следствие, высокой рождаемости.

К моменту образования Оренбургской области 7 декабря 1934 г. численность ее населения составляла 1,6 млн жителей. В период Великой Отечественной войны значительные изменения численности населения были связаны, с одной стороны, с массовым призывом на военную службу, с другой — вместе с эвакуированными предприятиями и организациями в область прибыло 240 тыс. человек. Быстрее всего население области росло во второй половине 50-х и в 60-е годы, когда заметно поднялся жизненный уровень населения, увеличились темпы строительства жилья. Кроме того, на территории области выполнялась грандиозная программа освоения целинных земель, которая привлекала сюда переселенцев со всей страны. К середине 60-х годов население области увеличилось до 2 млн жителей. Но впоследствии рост населения резко замедлился, а в отдельные годы (1971, 1972) численность населения даже сокращалась. Это было следствием как постепенного снижения рождаемости и естественного прироста в связи с переходом к современному типу воспроизводства населения, так и результатом значительного оттока населения из области в соседние регионы (прежде всего Поволжье и Урал). Там в этот период быстрее развивалась промышленность, строились крупные предприятия, такие как Волжский и Камский автозаводы. Заселение и освоение территории области про-



исходило с северо-запада на восток и юг. Восточные и крайние южные районы отличаются более суровыми природными условиями для жизни населения и ведения сельского хозяйства. Они стали активно заселяться лишь в XX веке. В период индустриализации страны, начиная с 30-х годов, возникла потребность в минеральных ресурсах востока области. Там стали возникать новые поселки, было построено 336 городов (Медногорск, Новотроицк, Халилово и др.), быстро росло их население. Затем, в 50-е годы в стране была поставлена задача сельскохозяйственного освоения целинных земель. Такие еще не распаханые целинные земли имелись и в нашей области, в основном на юге и востоке, на территории Первомайского, Соль-Илецкого, Акбулакского, Беяевского районов и во всех районах восточнее Гайского. В эти районы за годы освоения целины (1954–1963) прибыли десятки тысяч переселенцев, в основном из Центральной России, Украины и Белоруссии. В настоящее время численность населения Оренбургской области, по данным Росстата, составляет 2 001 110 человек.

## РУССКИЕ

В Оренбургской области, как и в целом по России, основную часть населения (75,9%) составляют русские. Веками русский народ свято чтит и хранит свои традиции, передавая их из поколения в поколение. Некоторые из них сохранились и по сей день. Деторождение играло главную роль в жизни семьи, будь то семья крестьянина или царя. Поэтому всему, что связано с этими событиями, уделялось повышенное внимание.

Забота о ребенке начиналась задолго до его появления. Испокон веков славяне старались оградить будущих матерей от всевозможных опасностей. Если муж был в отъезде, молодой женщине советовали подпоясываться его поясом и на ночь укрываться чем-нибудь из его одежды, чтобы «сила» мужа охраняла, оберегала жену.

В последний месяц перед родами беременной не рекомендовалось выходить со двора, а лучше и из дома, чтобы домовая и священный огонь очага всегда могли прийти ей на помощь.

Для охраны беременной женщины существовала особая молитва, которую нужно было читать на ночь, чтобы греховные дела, совершенные (даже нечаянно) в течение дня, не отразились на вынашиваемом ребенке. К постели роженицы и младенца подвешивались охранительные амулеты и ладанки с заговорами и молитвами.

Беременная должна была соблюдать целый ряд запретов: например, избегать смотреть на все некрасивое, чтобы у нее родился красивый ребенок; не гладить кошек, собак, свиней — иначе ребенок может родиться немым или долго не будет говорить; не присутствовать при заколе животных — у малыша будет *родимчик*, и т.д.

В период беременности женщина ни в коем случае не могла работать по церковным праздникам: нарушение этого запрета беременной, как считали, неизбежно должно было отразиться на новорожденном.

Беременная должна была больше употреблять молока, тогда, по поверьям, кожа ребенка будет белой, как молоко; она должна есть красные ягоды (бруснику, клюкву), чтобы младенец был румяным.

Особенно важное значение придавалось определению пола ребенка. От того, родится мальчик или девочка, зависело материальное благополучие крестьянской семьи: с рождением мальчика ожидали помощника, нового хозяина, рождение девочки вело нередко к снижению материального благосостояния — ей нужно было приданое. В крестьянских семьях традиционно желали рождения мальчиков — работников и наследников рода. Говорили: «Мальчик родится на подмогу, девочка — на потеху». Или: «С сыном дом наживешь, с дочкой остатки проживешь».

Часто крестьянки вообще мало обращали внимания на беременность и работали до тех пор, пока не начнутся роды.

Когда роды начинались, муж посылал за повитухой. Привести ее надо было тайно, потому что считалось, что чем больше людей знает о родах, тем дольше будет мучиться роженица. Женщина и повитуха отправлялись в баню — самое чистое и самое теплое место. В это время дома женщины-родственницы развязывали все узелки, отпирали все сундуки и раскрывали двери, если позволяла погода. В случае сложных и долгих родов прибегали к помощи священника: просили его открыть царские врата в церкви.

Сразу после рождения ребенка повитуха перерезала пуповину, совершала необходимые действия и совершала обряд первого купания. В воду для очистки опускали серебряные монетки, в лечебных целях добавляли че-



*Рождение ребенка*

реду и соль. Повитуха осторожно обмывала тельце ребенка и крестила его. В течение первых 40 дней жизни и родильница, и новорожденный старались поменьше бывать на людях. После этого ребенка начинали выносить на люди, повторно крестили в храме и откладывали от матери в колыбель. Для того чтобы ребенок был здоров и спокоен, его люльку кропили святой водой, окуривали ладаном и клали внутрь нее крестик.

Первой пеленкой сыну служила отцовская рубаша, дочери — материнская. Вообще все самые первые действия с младенцем (купание, кормление, подстригание волос) были окружены ритуалами. В доме между тем готовили родильнице теплую брагу или даже рыбные пироги. Принеся новорожденного первый раз в избу, бабка передавала его на руки отцу, который сам клал его в люльку и тем как бы официально признавал его своим детищем.

На сороковой день мать с новорожденным, по правилам церкви, входила в храм: мать выслушивала очистительную молитву, а младенец *воцерковлялся*, то есть вводился в общину верующих. В первые послеродовые дни другие женщины — родственницы, соседки, в основном дотородного возраста — приходили проведать роженицу и приносили ее семье различную еду — хлеб, булку, пироги, печенье. Позднее, особенно в городах, этот обычай преобразился в подношение новорожденному денег «на зубок», «на обмывание ножек». Сохранился он и поныне, чаще в форме подарков новорожденному от родственников и близких в виде игрушек, детской одежды и др.

Когда ребенку исполнялся год, его впервые подстригали. Делала это та самая повитуха, которая принимала роды. Она сначала выстригала на голове у ребенка крест, а затем состригала все волосы. Богатые люди иногда ставили ребенка ножками в водку, чтобы он начинал быстрее ходить. В этот же день крестная мать дарила своему крестнику рубашку и впервые подпоясывала его. После окончания церемонии устраивались угощения для повитухи и соседей.

У русских детей держали в колыбели не менее 9 месяцев, обязательно туго спеленутыми. Держа ребенка на руках, женщина часто закрывала (*обволакивала*) его своим платком. По-



Мать и дети

логом над колыбелью была не простая ткань, а опять же материнская одежда (рубаша, юбка), как бы символизирующая ее саму. По сути, мать «донашивала» младенца первые годы жизни, не отпуская далеко от себя. Отрыв от матери происходил постепенно.

**Вскармливание.** Первое прикладывание младенца к груди должно произойти сразу после его рождения. В купеческой и крестьянской среде было принято кормить детей достаточно долго, поскольку все хорошо понимали, что кормление грудью делает ребенка более здоровым и повышает его шансы на выживание.

Пищей для младенца служило главным образом молоко матери, а если его не было — коровье молоко или просто жеванные баранки с сахаром. Но при этом не считалось лишним и вредным для ребенка покормить его картофелем, кашей, щами или попоить кваском. Срок кормления ребенка грудью — обыкновенно от одного до полутора лет, а именно 3 поста: два Великих и один Успенский, или два Успенских и один Великий. С этого времени ребенок начинал участвовать за общим столом, а молоко и баранки признавались за баловство, дозволяемое не во всякое время, а за роскошь, доступную не каждому семейству. В летнее время, когда детская смертность становилась особенно высокой из-за кишечных инфекций, от груди не отнимали даже подросшего ребенка. Однако, часто русские крестьянки или слишком рано бросали кормить, или заменяли грудное кормление с первых дней излюбленной хлебной соской (заворачивали хлеб, иногда закисший, в кусочек марли и давали ребенку сосать), кашами и просто жеванным хлебом! Уже со 2–6-й недели жизни ребенку могли давать разбавленное коровье или ко-



*Женщина, кормящая ребенка*



*Рожок, XVII век, т.е. фактически старинная соска. Коровий рог, обшитый бархатом, бисером и шитьем*

зе молоко. Для искусственного кормления использовали рожок — коровий рог, на который надевался сосок коровьего вымени. Как только женщина оправлялась от родов (обычно через 40 дней), она должна была работать, иногда далеко от дома. Кормления получались редкими, молока из-за этого могло быть немного, женщина снова быстро беременела и рожала, не оправившись от первых родов. Дети часто умирали не только от недостатка питания, но и от собственной слабости вследствие частых родов их матери.

## ТАТАРЫ

Среди десятков представителей различных народов, национальных и этнических групп, проживающих в Оренбургской области, татары по численности занимают второе место.

Основной формой семьи у оренбургских татар в XVIII – начале XX века была малая семья (в среднем 5–6 человек). Вся полнота власти сосредоточивалась у главы семьи, обычно им был старший мужчина — дед, отец, брат. Он определял внутренний распорядок жизни семьи, мог вмешиваться в отношения взрослых ее членов, имел решающее слово при выборе жениха или невесты и т.д. Положение женщины-татарки в семье во многом определялось нормами ислама. Глава мусульманской семьи — мужчина — содержал семью, нес полную ответственность за ее материальное положение; всем своим образом жизни, всеми поступками, даже словами он для своих детей оставался примером. Как правило, жена-татарка была домохозяйкой, она занималась только семьей, воспитанием детей.

В настоящее время семья оренбургских татар состоит из двух (реже из трех) поколений и насчитывает 3–5 человек. У татар сохраняется понятие «глава семьи», но времена меняются, и в большинстве семей дела решаются сообща.

Своими особенностями и своей спецификой отличаются традиции воспитания детей в татарских семьях. Татары говорят: «Дом, где есть дети, похож на базар, дом без детей — на кладбище». Вероятно, поэтому татарские семьи в основном многодетны и отношение к своему потомству у них особое.

Была распространена примета, по которой еще до рождения ребенка можно было определить его пол. Если лицо у беременной женщины румяное, то считалось, что она родит девочку, если темное — мальчика.

Целый ряд обязательных обрядов сопровождал и рождение ребенка. Раньше роды принимали повивальные бабки — *бала эбисе* (повитуха). Занятие повитух называли *эбилек*. Повитуха отрезала и завязывала пуповину, обмывала младенца, заворачивала его в нателную рубаху отца. Затем совершался ритуал *авызландыру* (дать отведать): в тонкую ткань заворачивали комок разжеванного с маслом и медом хлеба, делали что-то наподобие соски и давали пососать новорожденному.



*Девушка с платком*

Иногда просто обмазывали рот ребенка маслом и медом или медовым раствором — *зэмзэм су*. Близкая родственница приносила *элбэ* — вид лакомства, готовящегося из поджаренной в кипящем масле муки с добавлением растворенного меда или сахара. Также спешила надеть на ребенка рубашку отца, что должно было в будущем помочь ему стать счастливым и богатым. Затем повитуха показывала его в первую очередь отцу и матери. При этом она следила, чтобы посторонние женщины с черными глазами не смотрели на ребенка, так как «дурной глаз» может нанести вред. Осматривая ребенка, старались найти у него черты сходства с родителями и остальными родственниками. Большим достоинством считалось белое тело и черные волосы у ребенка. И если к тому же находили, что новорожденный похож на отца, то не было предела счастью родителей, ибо в представлении татар такого ребенка ожидало счастливое будущее. Рождение сына воспринималось как радостное событие, а рождение дочери считалось нежелательным: в отличие от сына, который являлся продолжателем рода, надеждой родителей в старости, дочь не получала земельный надел, она была в семье временным членом. После осмотра младенца с него снимали рубаху и завертывали в чистый холст. В трехдневном возрасте новорожденному туго стягивали ножки узкой длинной полоской полотна, произнося при этом молитву. Полагали, что это предохранит их от искривления. С первого дня рождения ребенка и до окончания всех процедур, связанных с вводом его в крестьянскую общину, в семье царил праздничная атмосфера. После родов к молодой матери приходили родственницы и соседки с поздравлениями, приносили с собой пищу для ребенка. Примерно через

неделю, когда роженица, окрепнув, начинала ходить по дому, всех посетивших ее женщин приглашали на обряд «угощения маслом». Женщины приносили подарки для новорожденного. Их угощали чаем, разными печеными изделиями и непременно маслом или медом. В этот же вечер приглашали и девушек. После угощения девушки



*Обряд наречения новорожденного*

в доме роженицы устраивали игры и веселились. Цель этого обряда заключалась в охране ребенка от воздействия злых духов. Особенно опасным периодом для жизни ребенка считались первые 40 дней: в это время его старались не оставлять одного без присмотра. Следующим обрядом, связанным с рождением ребенка, является наречение его именем. Этот день у татар считался большим семейным праздником. На этот обряд приглашали только мужчин и в обязательном порядке муллу. Порой приезжали гости из соседних деревень. Отец ребенка выносил на подушке новорожденного. Мулла читал специальную молитву, шептал трижды на ухо ребенку: «Пусть твое имя будет такое-то». Затем мулла записывал ребенка в специальную книгу. После начиналось угощение.

Все приглашенные приносили для новорожденного что-либо из съестного и одежды. Одаривание начиналось с момента подачи на стол меда с маслом. Подарков набиралось большое количество, особенно у богатых татар, которые отмечали день наречения ребенка именем торжественно и пышно. Несколько позже проводили праздник колыбели. В этот день перед тем, как положить ребенка в люльку, приглашали женщин.

Каждая из них по возможности что-либо дарила. Радостным событием являлось прорезание зуба у ребенка. Кто первым замечал появление у ребенка первого зуба, того родители награждали небольшим подарком. На третьем году жизни мальчикам производили обрезание, в честь которого иногда устраивали угощение. Гости поздравляли мальчика и вручали ему



*Татарская люлька (стоит на полу, а не под потолком, как у славян)*

подарки. Если мальчик был первым внуком, то дедушка дарил ему по этому случаю барана или жеребенка.

В крестьянской семье, где все взрослые члены ее целиком заняты работой по хозяйству, не было времени для особого ухода за детьми. В возрасте 5–6 лет дети уже были предоставлены самим себе. С этого возраста они уже начинали выполнять доступные работы. В татарской семье отец был ответственен за воспитание сына, а мать — за дочерей. У татар в отношениях между родителями и детьми до сих пор прослеживаются традиции сдержанности своих чувств. Считалось, что детей нельзя слишком баловать своим вниманием, особенно со стороны отца. Авторитет отца всячески поддерживался членами всей семьи. Часто со стороны отца прослеживался абсолютный диктат, безоговорочное послушание, подчинение детей. В основе воспитания крестьянской татарской семьи прежде всего лежал труд. В процессе труда дети не только воспринимают трудовые навыки, в них воспитывают такие качества, как чувство коллективизма, ответственности, заботы и внимания по отношению к окружающим, уважение к старшим.

**Вскармливание.** В кормлении ребенка режима не соблюдалось: кормили его, когда он начинал плакать. Грудью кормили до 3 лет и даже дольше. В 3–4-месячном возрасте ребенка уже приучали к пище взрослых. Широкое распространение имели тряпичные соски с разжеванным хлебом.

## КАЗАХИ

Третий по численности народ в Оренбуржье — казахи, которые долго до прихода русских проживали в приграничных районах.

Традиционная скотоводческая культура и кочевой образ жизни казахов определили основной тип жилища — юрту (*кии зуй*) — с деревянным каркасом и войлочным покрытием. Очаг в юрте служил не только средством приготовления пищи и отопления дома, но и был символическим центром жилища.

Слева от него, если стоять внутри лицом к двери, размещалась женщина, справа — мужчина. За очагом напротив входа располагались хозяин дома



Убранство казахской юрты



и уважаемые гости. В этой почетной части пространства устанавливался *жукайак* — стопка узорных войлоков, вышивок и одеял на специальной узорной подставке. По этой части юрты судили о зажиточности семьи, о мастерстве хозяйки. Пространство правой, близкой от входа части жилища, играло значительную роль в обрядности: там происходили роды, некоторые свадебные церемонии, в последний путь обмывали и обряжали покойных. Философский подход к этому сегменту юрты позволяет объединить важнейшие события человеческого бытия — рождение, брак, смерть.

За долгие десятилетия после революции семейный уклад казахов подвергся значительным изменениям в плане раскрепощения молодежи. Но в казахских семьях сохраняются многие традиционные нормы, среди которых родственные связи, взаимопомощь, воспитание трудолюбия у детей. Эта нравственная традиционность передается через пословицы казахов: «Где дружба, там жизнь»; «Если отца не уважаешь, от сына уважения не жди»; «Мать как лодка, отец как река». Казахской женщине, как и многим другим женщинам-мусульманкам, присуще исключительное терпение во многих жизненных ситуациях. А терпение — это искусство сохранения духа в крушениях и тревогах. Старшее поколение казашек рассказывает, что в годы их юности казахские женщины не смели называть мужа по имени, а обращались уважительно к нему: «Мой хозяин», «Мой господин», «Мой Человек» или ласково «Отец моего сына». Жена у казахов символизировала хранительницу домашнего очага. Через столетия казахи пронесли уважение к дому, к семейным традициям. Дети в казахских семьях означают богатство. Старые казахи говорят: «Самые несчастные женщины — это бесплодные женщины, а бездетная семья — это не семья». Сто лет назад великий



*Казахская люлька для ребенка*

казахский поэт Абай Кунанбаев рассуждал: «Казахи молятся, прося у Бога ребенка. Но для чего же человеку ребенок? Если умру, думает человек, пусть останется наследник, пускай он помолится после моей смерти, а когда состарюсь, то прокормит меня сын. Человек хочет, чтобы сын заступил на его место».

Как известно, определенный уклад быта организует включение человека в культуру, усвоение им нравственных норм, ценностей, традиций.

Традиции сопровождают казаха от момента рождения до конца его жизни, к числу таковых и сегодня можно отнести наречение имени младенцу (как правило, имя дают в течение 3 дней, имя младенцу нарекает мулла); укладывание младенца в люльку сопровождается раздачей конфет присутствующей детворе. Люлька в селах делается вручную из тальника. Люлька устанавливается так, что ее можно покачивать и ногой.

В 11–12 месяцев с ног ребенка «обрезают пути». Это чисто символическая традиция, когда ноги ребенка обвязывают легкой веревкой, а потом в присутствии родных и близких эту веревку обрезают.

Обычно проведение этой обрядности совпадает с первыми шагами малыша. Присутствующим гостям при этом раздают подарки.

**Вскармливание.** Казахские женщины кормили детей грудным молоком продолжительное время. Запрещалось кормить грудью ребенка при непокрытой голове кормилицы: женщина должна делать это в платке или косынке. Дело в том, что, завидев неприкрытую голову кормящей матери, *шайтан* берет с нее перхоть и закидывает младенцу в рот. Вырастая, такой ребенок превращается в *манкурта*, он ненавидит свою мать и подвергает ее издевательствам.

Сородичи до седьмого колена включительно считаются кровными родственниками поскольку, будучи в гостях, казахская женщина может кормить своей грудью младенцев хозяев, а согласно казахской традиции, вскормленные молоком одной матери считаются родными братьями и сестрами, браки между которыми запрещены.



*Символическая традиция в казахских семьях: с ног ребенка «обрезают пути»*

## БАШКИРЫ

Башкиры являются коренными жителями Оренбургской области и проживают во всех районах.

Для башкир характерно бережное отношение к беременной женщине. Для нее стремились создать душевный покой, исключить негативные эмоции, полагая, что они отрицательно отразятся на здоровье будущего ребенка, прежде всего на его психике. Муж старался оберегать жену в этот период от большой физической нагрузки, она могла есть все, что пожелает. Особый интерес представляют два народных обычая. Беременной не позволялось утолять жажду сырой водой, не рекомендовалось длительное пребывание у горящего очага. Это объясняли так: в будущем ребенок мог утонуть или сгореть в огне. Однако суеверия имели под собой рациональную основу. С употреблением сырой воды в организм могли попасть болезнетворные микроорганизмы, которые могли вызвать нежелательные последствия. Перегрев организма женщины был так же неблагоприятным для плода.

Рождение ребенка в башкирской семье воспринималось как радостное событие. С первых дней появления на свет малыша окружали большой заботой. Перед первым кормлением ребенку на счастье и достаток в будущей жизни давали с ложечки немного меда и топленого масла.

Родильные обряды башкир в целом идентичны татарским и обрядам других мусульман Идель-Урала. Роды принимали обычно опытные повитухи, которые были почти в каждой деревне. А кроме того, большинство пожилых женщин при необходимости могли принять роды без повитухи. Женщины рожали дома. Интересны приемы ускорения и облегчения родов у башкир. В случае когда они по той или иной причине задерживались, а это считалось происками нечестивого *шайтана*, рядом с роженицей стреляли из ружья (порой прямо у ее изголовья), отгоняя нечистую силу. Испуг роженицы провоцировал схватки. У некоторых башкирских родов существовал обряд «продевания роженицы через волчью губу». Для этого у убитого волка срезали кожу, окаймляющую рот, вытяжи-



Домашнее убранство башкирских домов

вали и высушивали ее. При задержке родов знахарка пропускала роженицу сквозь это кольцо из волчьей губы.

Если рождался мальчик, об этом спешили сообщить его отцу. Бабка-повитуха обязательно правила ему голову. Этот процесс требовал особого знания. Иногда с этой целью голову младенца обвязывали тряпкой на сутки. Затем новорожденного обмывали и заворачивали в чистые пеленки. Роженица несколько дней оставалась на родильном ложе. Ее навещали подруги и родственницы, приносили ей подарки — различные кушанья (чай, молоко, масло, сахар, выпечку и пр.). Дня через три отец ребенка собирал гостей, приглашал муллу и совершался обряд наречения имени, проводившийся по мусульманским правилам. У богатых башкир обряд имянаречения сопровождался раздачей довольно дорогих подарков приглашенным: это могли быть рубахи, платки и т.д.

Гости в свою очередь одаривали новорожденного еще более щедро — телятами, жеребятами, деньгами, украшениями.

Если рождался мальчик, до достижения им трехлетнего возраста совершался еще обряд обрезания (*соннэтеу*), сопровождавшийся обычно небольшим застольем. В нем участвовали *бабай* (специалист по обрезанию), мужчины — близкие родственники родителей мальчика. Дети, независимо от пола, до достижения 6–7-летнего возраста воспитывались матерью. Мальчики с этого времени постепенно переходили под опеку отца, который обучал их премудростям мужской работы и доблести. Девочки оставались рядом с матерью практически до замужества, с 7–8-летнего возраста во всем помогая ей в домашнем хозяйстве.



*Подарки для новорожденного и матери*



*Мать и дитя*

**Вскармливание.** У башкир женщина больше времени проводила дома или недалеко от него, то есть она больше времени могла уделять ребенку и успешно кормить его грудью. Большую роль играл и религиозный фактор: Коран предписывает кормить младенца грудью до 2 лет, и послушание сурово наказывается. Кормящая мать получает 1 награду (*саваб*) за каждую каплю молока, которым она вскармливает ребенка. Когда у ребенка заканчивается период грудного вскармливания, Аллах посылает к матери ангела с доброй вестью об огромной награде за кормление грудью.

## ЧУВАШИ

Свои традиции в воспитании и обучении детей были у другого народа, населяющего территорию Среднего Поволжья, — чувашей.

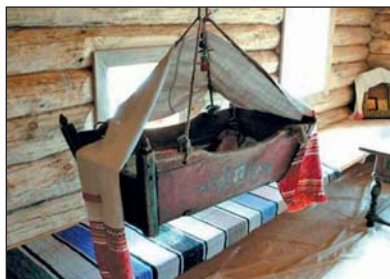
Воспитанию детей в сельской чувашской семье уделяли особое внимание. Ведь ребенок в семье — это не только продолжатель рода, но и хранитель семейных обрядов и традиций. В каждой семье заботились о здоровом и полноценном развитии потомства.

Интересен обряд наречения имени ребенку. Исследователь народов Поволжья Н.Н. Лепехин пишет: «Бабушка, по принятому обыкновению, начинает молиться и дает имя младенцу по своему хотению». Мальчикам давали имена, выражающие мужество, силу, храбрость, а девочкам — обозначающие красоту, нежность. Другой исследователь Г.Ф. Миллер пишет: «По случаю *родин* не бывает у них никаких дальних обрядов, так что родители по большей части дают имена новорожденным детям по имени того, кто вскоре после родов первый в дом их придет». В некоторых случаях ребенок получал имя гораздо позже. В ряде селений Ульяновской области этот обряд происходил следующим образом: после рождения ребенка родители выходили на улицу подыскивать куму. Независимо от того, кто родился — мальчик или девочка, в кумовья приглашали и девочку, и женщину — первую встречную, идущую в восточном направлении с поклажей. У чувашей сохранилось суеверие: беда, если навстречу в пути попадет баба с пустыми руками, а еще хуже, если она идет с грязным бельем на речку. В этом случае лучше переждать, что-



Убранство чувашского дома

бы она свое белье выстирала, и тогда попасться ей навстречу, так как такая встреча, как и встреча с возом, предвещает удачу. Согласившаяся быть кумой заходит в избу и тайком от домочадцев выносит ребенка из дома. Если родители хотели бы назвать ребенка Чекес (ласточка), то младенца кладут в ласточкино гнездо, если Суппи (соринка) — нужен сор, если Юман (дуб) — заготавливают дубовые бревна. После кума вносит ребенка в дом, приговаривая при этом: «Я сегодня нашла ребенка в куче мусора (или в ласточкином гнезде, или среди дубовых дров), давайте назовем его (ее) Суппи, чтобы всякая хворь из него (нее) вымелась как сор из избы (или чтобы она была быстрой как ласточка)». После умывания и наречения имени ребенка заворачивали в пеленки и укладывали спать в люльку (*сапка*). Люльку подвешивали или прикрепляли к *смыку* — пригнутой палке, которой мать сообщала колебательные движения вверх и вниз.



Детская люлька

### ИСКУССТВЕННОЕ ВСКАРМЛИВАНИЕ

Главным препятствием к успешному кормлению всегда становилось убеждение, что у женщины есть более важные дела, чем материнство или нужда в работе. Иногда это был свободный выбор женщины, чаще всего — социальная необходимость. Так, некоторые отдавали ребенка кормилице, и «грудная горячка» из-за перетягивания груди вскоре после родов унесла немало жизней. Множеством исследований сегодня доказано, что перетягивание груди означает очень высокий риск мастита, что в отсутствии антибиотиков было, в прямом смысле слова, убийственной практикой.

Наблюдалась повышенная младенческая смертность, особенно у русских, что было связано с распространенным обычаем давать ребенку едва ли не с рождения наряду с материнским молоком жеваный хлеб, кашу и другую пищу, что оборачивалось частыми желудочными заболеваниями, нередко смертельными. Русские крестьянки или слишком рано бросали кормить или заменяли грудное кормление с первых дней излюбленной хлебной соской (заворачивали хлеб, иногда закипятив, в кусочек марли и давали ребенку сосать), кашами

и просто жеваным хлебом! За долгие часы хлеб закисал, и нетрудно пред-  
ставить пагубное воздействие его на  
детский желудок.

Уже с 2–6 недель жизни ребенку  
могли давать разбавленное коровье  
или козье молоко. Для искусственного  
кормления использовали рожок — ко-  
ровий рог, на который надевался сосок  
коровьего вымени.

Зато было специальное приспособ-  
ление — рожок — сосуд для ис-  
кусственного вскармливания мла-  
денца, выдолбленный из коровьего  
или бараньего рога, реже выкован-  
ный из меди или серебра. Привя-  
зав коровий сосок, в него вливали  
жидкость ложкой или прямо изо рта (таким образом еду согревали).  
Мыли рожок раз в несколько дней, и свежее молоко добавляли прямо  
в старое.

До конца XIX века использовались детские бутылочки из керами-  
ки или металла, которые выглядели, словно сплюснутые заварочные  
чайники.

У башкир при нехватке молока на 9–10-м месяце жизни ребенка  
в качестве прикорма сначала использовали молоко, затем хлеб с моло-  
ком или маслом. Мясо подросшим грудничкам обычно не давали, чаще  
они просто обгладывали кости.

Многие народы нехватку микроэлементов в коровьем молоке ком-  
пенсировали овощами (малышу давали моченые яблоки, свеклу, мор-  
ковь и т.д.), хлебом, манной и гречне-  
вой кашами. Давать густую пищу (соб-  
ственно, каши, овощи, мясо) начинали  
с жидких молочных каш и *тюри* из  
хлеба, баранок, кренделей, предвари-  
тельно пережеванных матерью (такую  
пищу называли *жевка*). Пока у ребенка  
не было зубов, его кормили «изо рта



Плакат Алексея Комарова, 1925 г.



Рожок для вскармливания

в рот» или «с пальца», а потом — с ложечки.

В 40-х годах XX века и в последующее десятилетие женщины были основной рабочей силой: нужно было восстанавливать разоренную войной, лишенную мужчин страну. Медицинские советы изменились таким образом, чтобы через несколько недель после рождения ребенка женщина могла отдать его в ясли и выйти на работу. Окончательно утвердилось кормление по режиму: именно так удобнее было кормить детей сначала в роддомах, а затем в яслях. Считается, что ребенок ночью «должен спать», потому что работающая женщина будет слишком разбитой, вставая к ночным кормлениям — и женщине объясняют, что правильно просто игнорировать кричащего ребенка, ведь «желудок должен отдыхать». А после нескольких ночей, проведенных в безрезультатном плаче, малыш понимает, что звать маму бессмысленно. Параллельно женщин приучают сцеживать обе груди «досуха» после каждого кормления: это было необходимо для того, чтобы хоть как-то поддержать лактацию, поскольку шести кормлений в сутки, учитывая ночной перерыв, для полноценной лактации недостаточно, и молоко слишком быстро «уходит».

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оренбуржье — многонациональный край. История распорядилась так, что наш край оказался на стыке двух частей света, двух культур — азиатской и европейской, двух мировых религий — христианской и мусульманской, нескольких языков — тюркских, славянских и финно-угорских. На



*Кормление ребенка из рожка*



*Детские бутылочки*



протяжении многовекового совместного проживания между славянскими, тюркскими, финно-угорскими народами сложились уникальное взаимопонимание, уважение друг к другу, веротерпимость, что и сегодня способствует их бесконфликтному существованию. Наиболее многочисленными этническими группами являются русские, татары, казахи, украинцы, мордва, башкиры, чувашаи, белорусы, немцы, евреи, чеченцы, азербайджанцы, армяне, поляки и др.

Различия этносов заключаются не только в их названиях и языках, но и в самосознании, стереотипах поведения, образе жизни, особенностях жилища, интерьера, одежды, пищи, обычаях и обрядах. Эти различия особенно заметны в местах компактного проживания того или иного этноса. В процессе длительного совместного проживания происходило взаимовлияние и взаимопроникновение культур народов Оренбуржья. Так, русская колонизация привела к оседлости башкир, к развитию среди бывших кочевников хлебопашества и ремесел, к переселению из юрт в избы, к изменениям стилей в одежде и питании. Большому влиянию русских культурных традиций подверглись чувашаи, удмурты, мордва. По данным социологических опросов, 27% татар празднуют Рождество и Пасху, 5,5% крестят своих детей. Русские приобрели здесь некоторые черты культуры других народов. Например, знаменитый татарский *чак-чак* — одно из любимых блюд всех оренбуржцев. Существуют примеры языковых заимствований.

Традиции, обряды и обычаи являются неотъемлемой частью культуры всех народов. Однако у каждого народа Оренбуржья есть свои особенности в праздничных, свадебных и похоронных обрядах, а также в воспитании детей и связанных с этим традициях.

Исследователями в первую очередь отмечается тот факт, что практически у всех народов новорожденного вскармливают грудным молоком. Однако не везде материнское молоко — единственная пища для младенцев. Длительность кормления зависела от традиций каждого народа. У большинства народов период кормления оказывается весьма продолжительным. Но главным препятствием к успешному кормлению всегда становилось убеждение, что у женщины есть более важные дела, чем материнство. Иногда это был свободный выбор женщины, чаще всего — социальная необходимость. Если у женщин не хватало молока для кормления ребенка, они нанимали кормилицу.

В семьях, которым не по карману было нанять кормилицу, младенцев кормили коровьим или козьим молоком. Однако по составу оно сильно отличалось от грудного, поэтому часто вызывало «несварение» желудка, что заставляло ученых в поте лица искать заменитель грудного молока. Но даже не смотря на все трудности вскармливания, забота о детях всегда имела огромное значение у всех народов Оренбургского края. Это связано с тем, что в каждой семье независимо от национальности было сильно развито стремление продолжить свой род, сохранить свои традиции.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях / В.М. Черемшанский. *Уфа: Тип. Оренбург. Губернского Правления*, 1859. 472 с.
2. Этнокультурная мозаика Оренбуржья (научные статьи, очерки, статистика) / Гл. ред. В.В. Амелин. Изд. 2-е, доп. *Оренбург: [б. и.]*, 2003. 228 с.
3. Мигранова Э.В. Башкиры. Традиционная система питания: Историко-этнографическое исследование. *Уфа: Китап*, 2012. 296 с.: ил.
4. Денисов Д.Н. История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). *Оренбург: Изд. центр ОГАУ*, 2006. 190 с.
5. Искандаров Р.Ш. Оренбургские татары: историко-энциклопедический очерк / Рашит Искандаров. *Казань: Татар. кн. изд-во*, 2009. 271 с.
6. Мы — оренбуржцы. Историко-этнографические очерки / Коллект. авторов под общ. ред. В.В. Амелина. *Оренбург: ИПК «Южный Урал»*, 2007. 224 с.
7. Башкиры Оренбуржья: история, традиции, культура. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 455-летию добровольного вхождения Башкирии в состав Российского государства. *Оренбург*, 2013.

# История развития народов Поволжья: традиции и обряды

## Обряды и традиции, связанные с рождением, вскармливанием и уходом за грудным ребенком у народов Поволжья

Е.С. Гасилина

Самарский государственный медицинский университет,  
Самара, Российская Федерация

\* \* \*

В истории развития народов Поволжья принципы и обряды вскармливания претерпели много изменений. Но в большинстве случаев разные народы разных эпох, жившие на территории Поволжья, понимали, что грудное вскармливание — залог выживания рода.

Кто изначально жил на территории Поволжья, ответить пока невозможно. Многие историки считают, что коренные народы Поволжья — это мордва, марийцы, чувашаи и татары.

Во второй половине I тысячелетия до н.э. в Восточную Европу потекли финно-угорские племена. Их древней родиной было Прибайкалье. Появившись на Средней Волге, многочисленные финно-угры испытали влияние местных племен срубной культуры, частично осели здесь и дали начало новым ветвям, от которых и пошли нынешние мордва, удмурты и марийцы. К середине I века мордва становится наиболее многочисленной частью населения на территории Поволжья.

В древние времена через кочевавшие племена передавался культ процедуры кормления, берущий начало от Древнего Рима. По леген-

де, богине Румине поручалось наполнить материнскую грудь молоком, богу Вагинатусу — открыть рот новорожденному, а богине Эдуке — научить его сосать.

У скифов, сарматов и аланов детей кормили грудью до 6–7 лет. Нередки были случаи, когда к материнской груди «прикладывался» и под-росток.

В VII веке в приазовских степях обитали племена болгар. Пришли они сюда из далеких степей Азии. Во второй половине VII века их стали теснить хазары, и болгары вынуждены были уйти на Запад. Одни слились с балканскими племенами и образовали Дунайскую Болгарию, а другие повернули на Среднюю Волгу и прочно закрепились на данной территории.

В результате ордынского нашествия в XIII веке в Среднем Поволжье появились и стали укрепляться татаро-монгольские племена, а на смену Золотой Орде пришло Казанское ханство.

У азиатских племен детей кормили очень долго, иногда кормление продолжалось до 13–14 лет. Длительное кормление было необходимым для возвращения крепкого и здорового потомства, не подверженного болезням и недугам, и объяснялось также тем, что женщины этих народностей не занимались тяжелым физическим трудом, который считался уделом мужчин. В то же время женщине полагалось в суровых условиях проживания обеспечить крепкое здоровье следующему поколению.

Хазарский *каганат* приписывал женщине заботиться о питании младенца до 3 лет. Каждая капля молока считалась даром Свыше.

У азиатских племен мать при кормлении грудью склоняется над младенцем, лежащим в колыбели. Ближе к левой стороне укреплен толстая палка. Мать становится на колени около колыбели и, опираясь на палку подмышкой, дает грудь ребенку. Палка должна быть устойчива для того, чтобы мать, случайно заснув во время кормления, не упала на ребенка.

Отношения с Русью у Казанского ханства складывались довольно напряженно. И в годы царствования Ивана Грозного произошел полный разгром и завоевание Казанского ханства. Для того чтобы за-крепиться и освоить земли, во второй половине XVI века сюда переводили «на вечное житье» русских крестьян и служивый люд.

## ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ, ВСКАРМЛИВАНИЕМ И ВЫХАЖИВАНИЕМ РЕБЕНКА В ПОВОЛЖСКИХ РУССКИХ СЕМЬЯХ

При довольно ровном отношении и любви к детям в русских семьях все-таки больше ждали рождения мальчиков.

У крестьян это было вызвано в первую очередь хозяйственно-экономическими причинами, а родовитые родители хотели иметь сыновей — наследников рода. К тому же девочке нужно было готовить приданое, а после выхода замуж она отделялась от родителей, и им не приходилось ждать от нее помощи под старость. Поэтому в народе говорили: «Мальчик родится на подмогу, девочка — на потеху», «С сыном дом наживешь, с дочкой остатки проживешь», «Ростить дочку, что лить в дырявую бочку».

Пол будущего ребенка определяли по внешнему виду беременной: по форме живота, цвету сосков, пятнам на лице, а также потребностям в еде.

Период беременности мало что менял в жизни деревенской женщины. Однако, зная о возможных последствиях тяжелых видов труда для нормального течения беременности и здоровья женщины, ее старались перевести на более легкие работы. Особенно внимательно относились к перворожающей женщине. Свекровь, заставляющая молодую беременную сноху выполнять тяжелую работу, могла подвергнуться публичному осуждению односельчан.

Начавшиеся роды тщательно скрывали. Боялись не только намеренного глаза или порчи. Многие полагали, что и случайное знание о происходящем затрудняет течение родов. Говорили так: «Сколько человек знает о родах, столько будет потуг». Особенно неблагоприятно на течение родов сказывалось знание о них молодых девушек и старых дев.

Роды чаще происходили вне жилого помещения — в хлеву, в овине или по наиболее распространенной и древней традиции — в бане. Рожали русские женщины лежа, иногда и стоя. Во время схваток их часто водили до тех пор, пока не показывалась головка



Картина Н. Богданова-Бельского  
«Чашепитие»

ребенка. Для вызывания потуг роженицу поили сажей, мыльной водой, заставляли глотать волосы, а также делали ей массаж живота.

Реальная связь новорожденного и роженицы с пуповиной и последом лежит в основе универсальных представлений о существовании последующей магической связи между ними и убежденности в том, что на здоровье и будущее ребенка можно повлиять через эти предметы.

В народной медицинской практике для предотвращения кровотечения пуповину перевязывали. При перевязывании пуповины к основному перевязочному материалу (обычно использовали «суровую» нитку из льняной кужели) добавляли волосы матери, при этом иногда волосы брали обязательно «из правой косы роженицы», «с правого виска».

Действия с последом включали две обязательные процедуры — обмывание и закапывание в землю. Как правило, источники сообщают, что послед повитуха моет и завертывает в чистую холщовую тряпку.

У русских, как и у многих других народов, существовало представление о том, что через послед, как и через пуповину, можно нанести вред роженице и ребенку. Поэтому зарыть послед повитуха должна была так, чтобы никто — ни человек, ни какое-либо животное — не могли добраться до него. По наиболее распространенной традиции послед закапывали в доме, причем часто в местах, которые в воображении живущих были наделены постоянной магической силой — под печью, в святом углу, под порогом, под закладным бревном. У русских был распространен обычай класть с последом предметы, имевшие продуцирующее значение. Это прежде всего хлеб — зерно или печеный хлеб, часто хлеб с солью, яйца, а также луковица.

Рождение в «рубашке» (околоплодной оболочке), по убеждению русского народа, предвещало ребенку счастливую жизнь и удачу в делах. К самой *сорочке* относились как к сакральному предмету, ее высушивали, зашивали в мешочек и либо прятали в сундук, либо носили постоянно, как ладанку, вместе с шейным крестом. Верили, что *сорочка* приносит счастье и достаток не только родившемуся в ней, но и всему дому, поэтому ее тщательно берегли, передавали из рода в род и даже правнукам. При выходе дочери замуж родители отдавали ей высушенную и сбереженную «рубашку» в новую семью.

Первая забота повитух при рождении — определить, все ли в порядке у новорожденного и по возможности постараться исправить недостатки. Для этого она поправляла ему ручки, ножки, легко сжимала

головку с тем, чтобы та стала круглее; если не устраивала форма носа новорожденного — сжимала его пальцами и т.д.

Как уже было сказано, жизнь новорожденного, по мнению окружающих, зависела не только от естественных причин, но и от успешности и своевременности защиты его от бесовских сил, особенно опасных, так как ребенок был еще не окрещен, а помещение, в котором он находился с матерью, не было очищено от послеродовой «скверны». Поэтому повитуха сразу же совершала магические акты по его защите. Прежде всего, она прибегала к обычным средствам христианской защиты — кадила ладаном, брызгала на малыша святой водой, крестила его, читала наиболее известные молитвы («Отче наш», «Богородицу»), а также и специальные заговоры. Из нехристианских способов защиты самым популярным, пожалуй, было spryskivanie новорожденного водой, которой предварительно окатывали дверные скобы.

С верой в магическую силу родительских вещей связан широко распространенный у русских обычай заворачивать ребенка сразу же после родов в отцовскую рубашку, реже — в отцовские порты. Таким путем устанавливали магическую связь между ребенком и отцом. Реже для первого пеленания младенца использовались вещи матери.

По учению церкви, полностью воспринятому народной этикой поведения, в течение 40-дневного срока после родов, как и во время месячных очищений, женщина была исключена из регулярной приходской жизни. Ей не разрешалось входить в храм, присутствовать при совершении таинств, принимать участие в общественных богослужениях; молясь дома, она не должна была дотрагиваться до предметов, считавшихся святыми — икон, креста, свечей, святой воды. В задачу окружающих входили не только забота о физическом здоровье роженицы (для этого старались по мере возможности освободить ее от тяжелых работ на первое время, приготовить для нее более питательную и разнообразную еду), но и ограждение от возможной порчи.

В первые же дни после родов к молодой матери спешили женщины с приношениями. Этот обычай, известный под названиями *проведок*,



Картина А. Корнеева «Крестины»

*отведок, ходить на кашу, нести зубок*, существовал у русских почти повсеместно. Его можно рассматривать как пример нетрудовой взаимопомощи внутри семьи и общины. Целью приходивших было справиться о здоровье роженицы, поздравить ее с новорожденным, угостить чем-либо вкусным, а заодно оказать практическую помощь ее семье. Каждая из женщин приносила с собой еду. Для такого случая готовили праздничные кушанья или же будничные, но лучшего качества. Принесенное угощение было столь обильным, что позволяло находящейся в изоляции и не оправившейся еще после родов женщине не беспокоиться о домочадцах и хотя бы несколько дней отдохнуть от хлопот по дому. Обычай носить родившей женщине угощение — один из наиболее стойких обычаев русской деревенской жизни.

Все действия по уходу за новорожденным диктовались как практическими знаниями о том, что нужно для его здоровья и нормального роста, так и аналогичными соображениями религиозного характера. Ведь верующему человеку свойственно было причину всех, даже самых естественных и закономерных событий, связывать с прямым или хотя бы опосредованным вмешательством высших сил: «Бог наказал», «Бог уберег» — обычные заключения в оценке происходящего. И, конечно, это убеждение особенно яственно сказывалось в отношении взрослых к не имеющему еще возможности защитить себя малышу. Высокая детская смертность от болезней и травм постоянно напоминала о хрупкости и непрочности детской жизни. Между тем собственные забота и внимание оказывались недостаточными для сохранения жизни и здоровья ребенка, тем более что в крестьянской семье не всегда была возможность присмотреть за детьми. Поэтому-то и уповали на помощь рекомендуемых церковью охранных средств.

Для предотвращения всех напастей использовали «святую» воду (крещенскую, освященную специально, спущенную с камешков, привезенных из Иерусалима, взятую из святых источников), ладан, причащение; взрослые крестили детей, особенно на ночь, постепенно учили их креститься самих. Эти же средства применялись и для лечения незави-



*День бабьих каш:  
праздник повитух и рожениц  
(рисунок неизвестного художника)*



симо от того, приписывали ли болезненное состояние порче, сглазу или же более материальным причинам, например, в случае поноса, простуды, травм и т.д., дополняя лечение распространенными в народной медицине рациональными процедурами — прогреванием, растиранием, а также траволечением. Одновременно совершали и «свои», популярные в народе и весьма разнообразные магические акты. Например, от порчи поили водой, которой предварительно обмывали скобы дверей в доме, при бессоннице носили детей в курятник под курошест и читали там специальные заговоры, в случае постоянной слабости и хилости «перепекали» в теплой печи. Элементарные приемы врачевания знали и совершали домашние ребенка, в более сложных случаях обращались за помощью к специальным знахаркам.

Весь первый год жизни младенца занимал особое место в череде детских лет. Само существование малыша, казалось, слишком неустойчивым; кроме того, по мнению окружающих, на этом начальном этапе бытия закладывались основы его здоровья и благополучия. Поведение взрослых в значительной степени подчинялось многочисленным запретам и рекомендациям, объединенным общим принципом «не навреди». Их игнорирование могло не только нанести сиюминутный вред, но и нарушить нормальное развитие ребенка в дальнейшем. Можно указать наиболее распространенные обычаи: не подносить младенца к зеркалу — долго не будет говорить (варианты — будет близоруким, будет пугаться, будет косым); не качать пустую колыбель — у ребенка будет болеть голова; не смотреть на спящего — ребенок потеряет сон и т.п. Многие рекомендации по уходу и лечению детей сохраняются и до сих пор.

Испокон веков существуют два признака здорового ребенка — хороший сон и аппетит. Сон — непременное условие нормального роста и развития. Важное значение для сна имела люлька (*зыбка*). Она представляла собой дощатый ящик или короб, плетеную из лучины или ивняка корзину. Подвешивалась люлька следующим образом: через железное кольцо на потолке продевали березовый (еловый) шест; одним концом он упирался в потолок, а к другому привязывали на



Обряд «перепекания»: рождение ребенка уподобляли выпечке хлеба (рисунок неизвестного автора)

веревках *зыбку*. Под люлькой провисала веревка, так что нянька могла качать *зыбку* ногой, что освобождало ей руки. Реже встречалась напольная люлька, которая качалась как «ванька-встанька». Для придания необходимой жесткости на дно люльки стелили ржаную солому, а сверху простынку и одеяльце. В голову клали подушку из перьев или овечьей шерсти. Для защиты от мух и комаров, света и ветра, «от сглазу» веревки покрывали полотном. Нередко в семье имелась и вторая люлька, которую брали в поле. Это была деревянная рама с подшитой в виде мешка холстиной. Мать перекидывала такую люльку через плечо, и ей было удобно и не тяжело. Ребенку делали соску, перевязывая кусок ткани ниткой. Внутри помещали пряник, кашку или черный хлеб с солью, чтобы «закрепить животик».

На территории Поволжья верили, что «русские женщины вскармливают богатырей». Грудью обычно кормили «три поста», то есть 1,5–2 года. В дополнение к грудному молоку кормили коровьим через рожок с надетым на него тщательно вымоченным в соленой воде соском от коровьего вымени. До 3 лет ребенка кормили отдельно, готовя ему особую пищу. На четвертом году сажали за общий стол, причем мальчика на колени к отцу, девочку — к матери.

В середине XIX века грудное вскармливание крестьянки прекращали очень рано. Было это связано с тем, что женщина в русском селении всегда считалась незаменимым работником для семьи, поэтому тратить время на вскармливание детей — «непозволительная роскошь». Даже свекровь всегда приветливо встречала новую невестку в доме как дополнительный источник рабочих рук. После родов ей давали ровно сорок дней на восстановление сил и пребывание рядом с ребенком, а потом отправляли на работу. Малыша же по возможности приносили на кормление либо переводили на парное коровье или козье молоко. Незаменимым атрибутом стала и пустышка — кусок тряпочки, в который заворачивали разжеванный хлеб или кашу.

### **ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ, ВСКАРМЛИВАНИЕМ И ВЫХАЖИВАНИЕМ РЕБЕНКА, У ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР**

Своими особенностями и своей спецификой отличаются традиции, связанные с рождением и вскармливанием детей, в татарских семьях. Татары говорят: «Дом, где есть дети, похож на базар, дом без детей — на

кладбище». Вероятно, поэтому татарские семьи в основном многодетны и отношение к своему потомству у них особое.

Единственную цель создания семьи татары видели в детях. Отсутствие детей в семье считалось величайшим несчастьем для супругов, а первопричину бездетности в патриархальном обществе видели в женщине. Таким образом, дети были не только радостью для женщины-матери, но и почти единственной формой приобретения желаемого право-устанавливающего статуса в общине.

Акт рождения воспринимался окружающими как первый шаг в группу, в социум. Как у многих народов мира, у татар отношение к роженнице сформировалось в этикет, который старательно соблюдали.

Традиционно у татар роды проходили в доме. Роды, как правило, сопровождалась многочисленными религиозно-магическими действиями, которые должны были облегчить их течение и способствовать появлению здорового младенца. Известный этнограф XIX века А. Сухарев пишет: «Независимо от того, где приходилось рожать женщине, она рожала на полу, на соломе, этот обычай связан с культом матери-земли, богини плодородия, женской плодovitости».

Роды в татарских деревнях принимала *кэндэк эби* (дословно: пупочная бабушка, повитуха). В каждой деревне имелась своя повитуха. Повитуха — заметное лицо деревенской общины, чаще это женщина пожилого возраста, которая сама имела детей. Услуги повитухи щедро, в меру состоятельности семьи, оплачивались, что было дополнительным источником существования, а принятый повитухой ребенок всю жизнь должен был заботиться о ней, не забывая по праздникам, а после смерти заказывать поминальные молитвы. Именно *кэндэк эби* не только принимала роды, но и выполняла необходимые, в понимании татар, процедуры над ребенком и роженицей, сопровождая их религиозно-магическими действиями.

Методы родовспоможения татар представляли собой сочетание как религиозно-магических, так и медико-гигиенических действий. К методам народной медицины можно отнести массаж поясницы, теплый компресс, при неправильном положении пло-



Роды (рисунок неизвестного художника)

да — выправление положения младенца в утробе. Для ускорения родов повитуха взваливала роженицу себе на спину (спина к спине) и носила ее по помещению, иногда стряхивая и заставляя тянуться. При тяжелых родах применяли различные религиозно-магические меры, например, просили помощь у предков: роженицу водили под руки по комнате и заставляли трижды ударять правой ногой о порог дома, дверной косяк. В фольклорном сознании порог, косяк сакральны, неприкосновенны в силу их отношения к древним формам погребения (под порогом дома). Такое «беспокойство» духов предков соотносилось с выспрашиванием помощи. Старались вызывать рвоту: просили жевать свои волосы. Татарок-мусульманок опрыскивали молитвенной водой. В емкость наливали воду и произносили над ней молитвы, затем давали воду роженице выпить, или же бумагу с написанной на ней молитвой сжигали, а пепел должна была съесть рожавшая.

Тяжелые роды связывали с совершенным грехом, чаще всего, если не было очевидных проступков перед другими односельчанами, то согрешившей роженица считалась перед мужем. В этом случае к роженице звали мужа, и он должен был ее «простить». В ряде случаев мать во время тяжелых родов просила прощения у всех в доме, даже у детей.

Затянувшиеся роды приписывали вмешательству нечистой силы. Для защиты от нее использовали различные обереги: рядом с рожавшей клали нож или другие железные предметы, дольки чеснока, изречения из Корана. Чтобы роды прошли благополучно, давали различные обеты: *нэзер*, о жертвоприношениях, о раздаче милостыни нуждающимся. При мертворождении, по описанию К. Насыри, «повитуха до обрезания пуповины стучит по пустой сковородке. При этом, якобы, к ребенку возвращается душа...»

У татар супруг во время родов не присутствовал. А. Редько пишет: «Муж уходил из дома и не возвращался, пока женщина не перестанет быть «нечистой». Автор XIX века И.Г. Георги отмечает: «После родов почитается жена «нечистой» и очищается после полного выздоровления молитвою и омовением». Из-за своей «нечистоты» роженица была отстранена от работ по дому, связанных с приготовлением пищи: нельзя было печь хлеб, ходить за водой, доить корову. Если все же роженице приходилось заниматься домашними делами, то перед этим она принимала омовение и должна была носить с собой нож как оберег или другой металлический предмет (булавку, иголку и т.д.).

Сразу после родов совершались обязательные постродильные обряды, способствующие вхождению новорожденного в общину. Для роженицы и ребенка топили баню подряд три дня, купанием ребенка и роженицы занималась повитуха. В воду для ритуального купания клали соль, монеты (или золотые, серебряные кольца). Эти предметы являются символом богатства, достатка, здоровья и счастья. Повитуха во время купания гладила с нажимом головку ребенка, стараясь придать ей округлые формы, считалось красивым иметь круглую форму головы, ужимала нос ребенку, узкий нос был, по народным представлениям, более привлекательным, массажными движениями ровняла ноги новорожденного. Существовали определенные ритуалы в отношении последа и пуповины: захоронение последа и пуповины лежало в круге обязанностей повитухи. После завершения родов послед, предварительно вымыв в чистой воде, повитуха заворачивала в тряпочку и закапывала под основанием дома или в подполье. Плаценту и пуповину ребенка, за чью жизнь особенно переживали, хранили очень бережно, плаценту хранили в засушенном виде, так как она оберегала от влияния злых сил.

В отдельных случаях пуповину использовали как оберег в магических обрядах, способствующих жизнеустойчивости.

Как только ребенок родился, женщина, исполняющая роль акушерки, мазала ему рот смесью меда и масла и спешила надеть на него рубашку отца, что должно было в будущем помочь ему стать счастливым и богатым.

В колыбель новорожденного клали почти сразу после рождения. Колыбели у татар были двух типов — подвесные и стоящие на полу; первые — более распространенные. Как правило, колыбели служили долго, переходя от одного ребенка к другому. Для детей, которые умели сидеть, также изготавливались качели со спинкой.

После родов к роженице приходили родственницы и соседки с поздравлениями, приносили с собой пищу для ребенка. Примерно через неделю, когда роженица, окрепнув, начинала ходить по дому, всех посетивших ее женщин приглашали на обряд «угощения маслом». Женщины приносили подарки для новорожденного. Их угощали чаем, разными печеными изделиями и непременно маслом или медом. Цель этого обряда заключалась в охране ребенка от воздействия злых духов. Особенно опасным периодом для жизни ребенка считались первые 40 дней. В это время его старались не оставлять одного без присмотра.

Следующим обрядом, связанным с рождением ребенка, является наречение его именем. Этот день у татар считался большим семейным праздником. Отец ребенка выносил на подушке новорожденного. Мулла читал специальную молитву, шептал трижды на ухо ребенку: «Пусть твое имя будет такое-то». Затем мулла записывал ребенка в специальную книгу. После начиналось угощение. Все приглашенные приносили для новорожденного что-либо из съестного и одежды.



*Наречение именем в татарской семье, начало XXI века  
(фото неизвестного автора)*

Несколько позже проводили праздник колыбели. В этот день перед тем, как положить ребенка в люльку, приглашали женщин. Каждая из них по возможности что-либо дарила. Колыбель обычно изготавливали отец ребенка или дед, иногда ее заказывали мастерам. Колыбель — легкая деревянная рама длиной примерно 90–100 см, шириной 50–60 см, на которую натягивался холст. По четырем углам рамы закреплялись ремни шириной 2–2,5 см, а длиной около 2 м. Верхние концы ремней сводились вместе (иногда переплетались) при помощи железного кольца». Дно колыбелей устилали тюфяками, набитыми листьями конского щавеля. В колыбель клали нож или ножницы, которые считались защитными средствами от «нечистой силы».

Радостным событием являлось прорезывание зуба у ребенка. Кто первым замечал появление у ребенка первого зуба, того родители награждали небольшим подарком.

В крестьянской семье, где все взрослые члены ее целиком заняты работой по хозяйству, не было времени для особого ухода за детьми. В кормлении ребенка режима не соблюдалось, кормили его, когда он начинал плакать.

Грудью кормили до 3 лет и даже дольше. В 3–4-месячном возрасте ребенка уже приучали к пище взрослых. Широкое распространение имели тряпичные соски с разжеванным хлебом.



*Колыбель в татарской семье, начало XXI века  
(фото неизвестного автора)*

## **ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ, ВСКАРМЛИВАНИЕМ И ВЫХАЖИВАНИЕМ РЕБЕНКА, В ПОВОЛЖСКИХ ЧУВАШСКИХ И МОРДОВСКИХ СЕМЬЯХ**

Свои традиции вскармливания и ухода за детьми были и у других народов, населяющих территорию Среднего Поволжья, — чувашей и мордвы.

В каждой семье заботились о здоровом и полноценном развитии потомства. Родители выбирали сыну невесту по качествам ее матери — трудолюбивую, здоровую, способную к деторождению. Лишь после посылали в дом невесты сватов. Сохранилось немало суеверных предрассудков. Например, если молодая жена во время беременности ест много соленого, то ребенок будет водохлебом, если же она в момент первого движения плода увидит горбатого или рябого, то и дитя будет таким. Будущей матери возбранялось присутствовать во время ссоры, т.к. на ребенка может напасть недуг.



*Чувашская семья, конец XIX века  
(фото неизвестного автора)*

## **ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ, ВСКАРМЛИВАНИЕМ И ВЫХАЖИВАНИЕМ РЕБЕНКА, В ПОВОЛЖСКИХ МАРИЙСКИХ СЕМЬЯХ**

В прошлом у марийцев семьи были многодетными. Только семья, имеющая много детей, считалась счастливой.

Чтобы иметь детей и избежать колдовских чар недобрых людей, молодоженам во время свадьбы в одежду втыкали иголки, булавки, в их карманы клали лук, чеснок, завернутую в тряпочку соль. В первый год замужества молодушка должна была ходить в свадебном кафтане и в полном наборе серебряных украшений, что также рассматривалось как средство предохранения молодой женщины и ее ребенка от сглаза и порчи.

Бесплодие считалось большим несчастьем. Чтобы вылечиться от бесплодия, женщине предлагали воспользоваться народными средствами врачевания, магическими обрядами или обратиться к знахаркам, съесть «петушиное» яйцо. Чаще всего родственники женщины проводили жертвоприношения. Православные верующие ходили мо-

литься к святым местам, заказывали молебны.

Бездетная пара могла взять на воспитание сирот или же детей из бедных многодетных семей. Были случаи, когда детей брали у многодетных родственников, например у сестры, из семьи брата и т.п.

Для того чтобы родился сын, супруги придерживались определенных поверий. С этой целью первый половой акт совершали в новолуние. Супруга, встав утром, старалась в первую очередь увидеть мужчину. Ей рекомендовали употреблять очень соленую пищу.

В период беременности женщина должна была соблюдать предписанные обычаем запреты, чтобы роды прошли благополучно, и ребенок был здоров. Беременной нельзя было грубо обращаться с животными: пинать свинью, кошку, собаку, иначе ребенок будет мучаться волосяницей (*сõсна шу*). Женщине запрещалось хранить что-нибудь за пазухой. Это якобы вело к появлению у младенца бородавок или пигментных пятен. Боялись перешагнуть через оглоблю, ибо это, по мнению марийцев, могло привести к рождению ребенка-горбуна. Женщины остерегались пить из ведра, иначе ребенок будет страдать насморком. Беременной советовали не принимать в пищу куриную печень — от этого новорожденный мог родиться с синими губами. Ей не разрешали красить яйца, чтобы предотвратить появление у новорожденного красных пятен. Она не должна была садиться на стул деда или престарелого члена семьи, запрещалось смотреть на покойника и т.д. Если беременная участвовала в похоронах близкого человека, то должна была носить в кармане серебряную монету.

Существовали приметы определения пола будущего ребенка: если живот у беременной круглый, выдающийся вперед, значит, родится ребенок мужского пола. Боли в пояснице, покрытие сосков чернотой, видение во сне мужских предметов означали рождение мальчика. Рождение девочки предвещали плоский и широкий живот, боли в области пуповины, появление пигментных пятен на лице беременной и т.д.



*Марийская семья*  
(картина неизвестного художника)



По представлениям марийцев, характер будущего ребенка зависел от поведения матери в момент первого шевеления плода. Это был очень важный момент в период беременности женщины. Существовало поверье, согласно которому смотреть в этот период нужно было на хорошего во всех отношениях человека, чтобы «ребенок перенял положительные качества».

Роды обычно происходили в бане. По религиозным представлениям марийцев, в бане обитала *Монча Кува* — покровительница рожениц. Под роженицу обычно подстилали солому. Во время родов в помощь роженице приглашали повитуху (*кувай, кылымде кувай, аза бабка*), хотя часто обходились и без нее.

Прежде чем приступить к родовспоможению, повитуха брала пояс и врожила — пришло ли время рожать женщине? Она осматривала живот беременной и в зависимости от положения плода предлагала роженице лечь на пол или же сажала, ставила на колени. Если роды были тяжелыми, «сухими», как говорили марийцы, роженице советовали съесть свежее масло, в надежде, что оно облегчит роды. В такой критический момент советовали раскрывать в доме все замки и двери, развязать все узлы и т.д. Существовали и рациональные методы родовспоможения — массаж. В случае трудных родов приглашали мужа роженицы.

Сразу же после рождения ребенка роженице под грудь завязывали *кушак*, чтобы послед (*аза кудо, сѳм, аза кѳпчык*) не поднялся вверх. Послед мыли теплой водой. Повитуха по последу определяла, здоровый ли родился ребенок. Ребенок считался здоровым и жизнеспособным, если пуповая связка приросла к середине плаценты. Послед обычно клали между двух старых лаптей и закидывали на чердак бани или избы. Послед просто выбрасывать не разрешалось, ибо это негативно могло отразиться на здоровье и судьбе ребенка.

Новорожденному отрезали пуповину (*кылымде*), отмеряя ее длину до темени младенца. Считалось, что если отрезать короче, плохо будет функционировать мочеточник ребенка. Существовала примета: если пуповина отсыхает за 5–6 дней, то ребенок будет



*Космические представления мари о судьбе будущего ребенка (рисунок неизвестного художника)*

жить долго, за 3–4 дня — «он не жилец». В пуповое отверстие вкладывали конопляное зерно с целью предохранения от грыжи. В многодетных семьях отсохшие пуповины всех детей хранили связанными в один пучок, чтобы дети в семье жили дружно, не ссорились. Закладывали ее и в книгу, чтобы ребенок был прилежен в учебе. Пуповину часто использовали в качестве лекарства. Так, при лечении грыжи мочили высушенную пуповину и смачивали этой жидкостью ребенка.

Судьбу новорожденного пытались определить по некоторым приметам уже в день его рождения. Если он родился в «рубашке» (околоплодная пленка) или в «колпаке», его ожидала счастливая судьба. «Рубашка» ребенка хранилась в укромном месте, считалось, что она могла принести счастье. Родившийся утром был обречен на трудную жизнь, требующую многих усилий. На легкую жизнь мог рассчитывать ребенок, появившийся на свет вечером. В прошлом были приметы, связанные с первым криком ребенка. Если ребенок крикнет несколько раз и замолчит, то долго жить не будет — слабый. Продолжительный детский крик означал, что ребенок родился крепким и будет жить долго.

Новорожденного в бане мыла повитуха или же бабушка младенца. Родившейся девочке прежде всего умывали лицо и ягодицы, чтобы она была красивой и хорошо сложенной. Во время купания говорили слова-пожелания, чтобы девочка выросла пригожей для замужества (*марлан каяш йөршө лий*). При мытье новорожденной говорили: «*Калык марийлан йөршө лий*» (будь достойна мужчины своего народа). В этом пожелании отражено главное предназначение девушки — выйти замуж за марийца.

Мальчика начинали мыть со спины, чтобы вырос широкоплечим, крепким и здоровым. Когда купали мальчика, говорили, чтобы вырос годным для службы в армии и способным присмотреть за своими престарелыми родителями (*армийыш каяш йөршө лий, шонго ача-авам ончаш йөршө лий*).

В воду, которой мыли новорожденного, помещали монеты или украшения из серебра, чтобы ребенок был здоровым и богатым. После бани ребенка заворачивали в рубаху отца, чтобы тот его любил. Девочку могли завернуть в материнское или бабушкино платье.

Ляльку (*зыбка, шепка, шүпка*) мастерили из длинной полосы липового луба. Дно *зыбки* также делали из лыковых полосок, которые

переплетались в виде решетки. Поверх дна настилали солому, пеленки. К *зыбке* с боков прикреплялись две дуги, которые привязывались с помощью веревки к длинной жерди. Жердь (*шўпка вара*) крепили к потолку на женской половине избы с помощью кольца. Для переноски ребенка использовалось сделанное из луба специальное приспособление, напоминающее *зыбку* (*лети*), с длинными ручками из лубяных веревок, которые закреплялись на спине. В деревнях для перевозки делали коляски с деревянными колесами (*изи орава*), на которых также можно было перевозить маленьких детей.

Женщина после родов отдыхала незначительное время. Около родившей женщины находилось ее семейство, муж. А если мужу было некогда, то оставались старшие дети. Ее боялись оставлять одну, так как «злой дух» мог прикоснуться к ней, и от этого она могла пострадать. В целях защиты от нечистых сил женщина имела при себе железные предметы.

До 6 недель после родов женщина считалась нечистой: она принимала пищу за отдельным столом, не ходила в церковь. Ей запрещали замешивать квашню и вообще стряпать из теста.

После родов роженицу навещали близкие родственницы, угощали ее, подчеркивая свое уважение к ней как продолжательнице рода. У крещеных этот обычай назывался *узыпка*, возможно, от русского обряда в честь новорожденного — «зубок». По этому случаю гости обычно приносили блины, вареную курицу, вино, а в качестве подарка новорожденному — холст или другую ткань, рубашку. В доме новорожденного устраивалось празднество по поводу рождения нового члена семьи. Этот обычай сохраняется и в настоящее время.

В прошлом мари́йцы очень боялись сглаза, порчи младенцев, поэтому старались их не показывать посторонним. В целях защиты ребенка



Колыбель в мари́йской семье,  
конец XIX века  
(фото неизвестного автора)

использовались различные обереги. В *зыбку* под подушку клали ножницы, нож, *кочедык*, шлак из кузницы, так как считалось, что металлические предметы оберегают от злых духов. Девочке в *зыбку* могли положить ножницы, мальчику — нож. Если младенца оставляли в избе одного, в *зыбку* подкладывали горбушку ржаного хлеба. В качестве оберега использовались красные шапочки, яркие ленты, бусины, раковины каури, беличий хвост, которые пришивались к шапочке ребенка. На руку младенца надевали браслет из бисера, бус или раковин каури. Марийцы Звениговского района в прошлом в качестве оберега применяли высушенную медвежью лапу.

Новорожденному старались как можно быстрее дать имя, так как боялись, что ребенок, умерший без имени, не найдет свое место на том свете, т.е. душа его будет блуждать. Имя, которое дали малышу сразу же после рождения, являлось временным. Его произносила бабушка-повитуха во время первого купания. У некрещеных марийцев имя определяли по тому дню, в который он родился. Например, если он появился в четверг (*изарня*), то давали имя Изерге, в пятницу (*кугарня*) — Кугерге, в субботу (*шуматкече*) — Шумат.

Постоянное имя новорожденному давали через 3–4 дня после родов, его могла выбирать та же бабка-повитуха. В прошлом имя ребенка могли определять по созвучию с именем матери или отца. Если мать звали Лыставий, то дочери могли дать имя Лыстанай.

В прошлом крещеные марийцы также старались быстрее дать имя новорожденному, и с этой целью крестили детей в церкви через 1–2 недели после рождения, нарекая именем по христианскому имениннику. Нередко у детей существовало два имени: одно, полученное при рождении, во время мытья в бане, другое — во время крещения.

В крестные выбирали наиболее уважаемых людей. Ими не должны были быть близкие родственники. Новорожденного мальчика крестил мужчина, девочку — женщина.

Как видно из этнографических материалов, имя играло большую роль в жизни ребенка и влияло на его судьбу. Известно то, что марийцы



*Люлька в марийской избе*  
(картина неизвестного художника)

новорожденным детям давали необычные имена в случае, если предыдущие дети умирали.

Женщины кормили детей грудью больше года. Прикармливали из холщового рожка, который заполняли размягченным хлебом, кашей или другой пищей.

В прошлом, чтобы ребенок научился сидеть, его сажали, подкладывая с боков опору в виде свернутой одежды. Чтобы быстрее научился ходить, под мышками укрепляли *кушак* и водили его при помощи этого пояса. Делали специальную коляску (*шүкүмө орава*) с колесиками, внутри которой ребенок мог стоять и безопасно передвигаться.

Период, когда ребенок мог стоять, но еще боялся ходить, назывался «связанное время» (*кепшылме врема, кепшылмы жап*). Считалось, что в это время ноги ребенка «опутаны веревками», которые следовало магическим способом «разрубить». Для проведения этого обряда специально варили овсяную кашу в котле, который ставили на пол в центр избы. Вокруг котла с кашей ребенка обводили три раза. При этом один из взрослых членов семьи делал вид, что «разрубает» пути топориком или ножом, приговаривая: «*Кепшылым руем, кошташ тунем*» (разрезаю веревку, учись ходить). После этого всем семейством садились за стол и ели кашу. В настоящее время этот обряд проводится упрощенно, без каши. Кто-то из уважаемых членов семьи разрезает ножницами символическую веревочку и говорил: «*Кепшылым руална, кепшылым руална, ынде кошт, ынде кошт*» (разрубаем пути, разрубаем пути, теперь ходи, теперь ходи).

После того как ребенок начинал ходить, ему надевали специальные штаны без ластовицы в промежности (*вожын йолаш*). Ногти стригли, когда ему исполнялся год, до этого их обкусывали зубами. Стрижку волос проводили после того, как ребенку исполнится год. Первые волосы мать обычно хранила.

При появлении зубов у ребенка вместо слова *нү* (зуб) говорили *катась*. Если первые зубы появлялись в стадии ущерба луны, то считали, что младенец счастливый, а если же это приходилось на новолуние — то не вполне счастливый. Молочные зубы никогда не выбрасывали просто так. Их прятали в кусок хлеба и отдавали собаке, говоря при этом: «*Пий нү гай чоткыдо лийже*» (пусть зубы будут крепкими, как у собаки).

## ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В.П. Чувашский этнос. Проблемы истории и этнографии. *Чебоксары*, 1998.
2. Марийцы. Историко-этнографические очерки / Коллективная монография. *Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ*, 2005.
3. Мاستюгина Т.М., Перепелкин Л.С. Этнология: народы России. История и современные положения: учебное пособие / Центр. институт непрерывного образования общества «Знание» России. М.: ЦИНО об-ва «Знание» России. 1997. 317 с.
4. Мицюк Н.А. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX–XX вв. *Женщина в российском обществе*. 2015;2 (75):90–104.
5. Народная культура Поволжья (методическое пособие) под ред. С.Н. Митина. *Ульяновск: ИПК ПРО*. 1999. 84 с.
6. Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М., 1985. 309 с.
7. Николаев В.В. История предков чувашей. 30-й век до н.э. – 15 век н.э., хроники событий. *Чебоксары*, 2005.
8. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и средневековье. Учебное пособие для гуманитарных факультетов. М.: *Языки русской культуры*. 1998. 384 с.
9. Попов Г. Русская народно-бытовая медицина (по материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева). *СПб.*, 1903. 404 с.
10. Проф. Монти. О вскармливании грудных детей (пер. с нем.). *СПб.*, 1900. 86 с.
11. Русские. М.: *Наука*. 1997. 828 с.
12. Русские. Историко-этнографический атлас. М.: *Наука*, 1967.
13. Сайфутдинова Г.Б. Традиции, связанные с рождением ребенка у татар Поволжья. *Вестник СамГУ*. 2010;5(79):107–111.
14. Сухарев А.А. Казанские татары (уезд Казанский). *СПб.*, 1904.
15. Терентьева Л.Н. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье, на европейском Севере СССР. *Советская этнография*. 1972;6:38–51.
16. Евсевьев, 1927. С.128.
17. Молотова, 2003. С. 41

### Интернет-ресурс

Традиционная культура.

<http://mari.ter12.ru/>

Иллюстрации художников Ефимова И.Е., Тимофеева В.К., Родимова П.А.

<http://fumuseums.ru/>

[www.ssu.samara.ru](http://www.ssu.samara.ru)

[www.rusinf.ru/mordva](http://www.rusinf.ru/mordva)

[www.tatarlar.ru](http://www.tatarlar.ru)

[www.volga-astrakhan.ru](http://www.volga-astrakhan.ru)

## Вскармливание детей в Саратовской губернии

Н.В. Болотова, Е.Г. Дронова, С.В. Кулакова

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского,  
Саратов, Российская Федерация

\* \* \*

В разные исторические эпохи в Саратовской губернии проживали и сейчас живут финно-угорские (мордва, марийцы), тюркские (чуваши, ногайцы, башкиры, казахи, татары) и монголо-язычные народы (калмыки). С первой половины XVIII века основное население составляли русские крестьяне.

По данным последней Всероссийской переписи населения 2002 года, в нашей области подавляющую часть населения составляют русские — около 2 003 000 человек, казахи — 78 тыс., украинцы — 67 тыс., татары — 57 тыс., чувашаи — 16 тыс. немцы — 12 тыс.

Наибольший интерес представляет культура питания у русских, татар, чувашей и немцев.

### РУССКИЕ ПОВОЛЖЬЯ

Тотчас после рождения почти всюду во всем коренном русском населении дается новорожденному соска, то есть тряпка с завернутым в ней жеваным хлебом (иногда до 3 дней не дают груди); не дают груди до молитвы матери, иногда даже до крещения. Соска (для изгнания грыжи) из черного хлеба с солью, иногда из моркови, свеклы, яблока, кренделей, пряников, орехов, разжеванного толокна считалась лучшим средством против *грыжи* и *нутряной грыжи*. Мочат иногда соску в молоке, постном масле, сахарной и медовой воде. Таким образом, «прикармливание» ребенка начинается практически с первых же дней после рождения, а с 5–6 недель — обязательно *жевка*, коровье молоко, каши, тюри

из хлеба и баранок. С 4 месяцев дают картофель и щи, каши и яичницу, горох и грибы, ягоды, огурцы. А вот молока отнятым от груди малышам в постные дни не дают — а таких дней в году 250. В летнюю страдную пору матери уходят на работу, оставляя ребенку пищу на целый день, и кормят грудью ребенка только ночью и вечером, в некоторых же случаях — через 3–4 дня. Ребенку оставляются так называемая соска или *жевка*. Первая представляет из себя коровий рог, к свободному открытому концу которого привязан коровий сосок. Понятно, что такая соска будет гнить, и этот кусок гнили находится почти целый день во рту у ребенка. Молоко, проходя через этот мертвый кусок, естественно, пропитывается всю гнилью, и эта отравляющая масса поступает в желудок ребенка. В тех хозяйствах, где нет молока, кормление ребенка происходит при помощи *жевки* — жеваного хлеба или каши, завернутого в тряпку или завязанного в узелок. В качестве примера: новорожденного ребенка укутывали в пеленки, клали в колыбель со специально прорезанным отверстием для стока, вставляли ему в рот коровий рог с отрезанным концом, куда был набит смоченный сладкой водой ржаной хлеб, и уходили работать на весь день до вечера. При этом мыть рожок для новой порции *жевок* считалось совершенно необязательным.

В купеческой и крестьянской среде было принято кормить детей достаточно долго, поскольку все хорошо понимали, что кормление гру-



Семья русских крестьян



дью делает ребенка более здоровым и повышает его шансы на выживание. Обычно для кормления грудью использовался принцип трех длинных постов: то есть мать кормила два Больших поста и один Успенский, либо два Успенских и один Большой, в среднем от полутора до двух лет. В летнее время, когда детская смертность становилась особенно высокой из-за кишечных инфекций, от груди не отнимали даже подросткового ребенка. Но в крестьянской среде из-за необходимости постоянной работы вне дома исключительное кормление грудью было затруднено, и последствием становилась высочайшая смертность.

«Грудью кормили долго, так матери надеялись долгим кормлением избежать новой беременности. Из пищи во все месяцы, кроме первого, преобладала каша. Кроме того, нередко детям дают соленый огурец (сосать), моченое яблоко, квас, дыню, арбуз, постный суп или щи, что часто являлось причиной *Enterita* или *Colita*. Употребляли для вскармливания «сгущенное швейцарское молоко» (выпаривание молока альпийских коров в безвоздушном пространстве до густоты меда и прибавление тростникового сахара от 30–40%. Больные рвотой и поносом хорошо переносили смесь одной чайной ложки сгущенного молока и 9 частей воды, лучше слизистого отвара. Однако эта смесь «плоха», так как содержит мало белков и жиров, много сахара: дети вырастали «жирными» и малокровными. Также к концу года использовали смесь пшеничной муки с коровьим молоком: 1 часть муки на 10 частей воды. Конечно же, давали коровье молоко. Очень тщательно относились к выбору коровы для кормления. Корова должна быть молодой, но не первым телком, недавно отелившаяся, но не менее 2–4 недель, здоровой. Давали только что надоенное молоко».

### ЧУВАШИ ПОВОЛЖЬЯ

В каждой семье заботились о здоровом и полноценном развитии потомства. Родители выбирали сыну невесту по качествам ее матери — трудолюбивую, здоровую, способную к деторождению. Лишь после посылали в дом невесты сватов. Существовало немало суеверных предрассудков. Например, если молодая жена во время беременности ест много соленого, то ребенок будет водохлебом, если же



она в момент первого движения плода увидит горбатого или рябого, то и дитя будет таким. Будущей матери возбранялось присутствовать во время ссоры, т.к. на ребенка может напасть недуг.

В старину тотчас после рождения ребенка в семье родители послали за *юмсею* — знахаркой, которая тщательно умывала ребенка в крыте, разбивала над его головой два сырых куриных яйца, отрывала голову живому петуху и все выбрасывала за ворота в жертву *Киремети* — злому богу. После этого *юмся*, выступающая в качестве посредника божьего, таинственно шептала над водою и предсказывала судьбу ребенка, нарекала ему имя и передавала бабке. При церемонии непременно должна была находиться другая женщина, которая тотчас же надевала на новорожденного рубашку и передавала матери для первого кормления.

После умывания и наречения имени ребенка заворачивали в пеленки. Затем новорожденного укладывали вплотную в лубки, чтобы, по мнению родителей, выпрямить ему руки и ноги. Ребенка укладывали спать в люльку (*санка*), сделанную отцом ребенка. При этом существовало поверье, что если качать пустую колыбель, то ребенок будет плаксою. Пеленание в лубки прекращалось на 5-м месяце. На малыша надевали рубаху с красивым воротником.

Вместе с тем его начинали и подкармливать, то есть давали пережеванный хлеб с яйцами и молоком, которыми он питался до тех пор, пока не начинал ходить. Едва лишь у ребенка прорежутся зубки, как мать требует, чтобы он сидел за общим столом, и кормит его преимущественно разными кашацами, а также творожным сыром.

### ТАТАРЫ ПОВОЛЖЬЯ

Своими особенностями и своей спецификой отличаются традиции воспитания детей в татарских семьях. Татары говорят: «Дом, где есть дети, похож на базар, дом без детей — на кладбище». Была распространена примета, по которой еще до рождения ребенка можно было определить его пол. Если лицо у беременной женщины румяное, то считалось, что она родит девочку, если темное — мальчика.

Как только ребенок родился, женщина, исполняющая роль акушерки, мазала ему рот смесью меда и масла и спешила надеть на него рубашку отца, что должно было в будущем помочь ему стать счастливым и богатым.

С первого дня рождения ребенка и до окончания всех процедур, связанных с вводом его в крестьянскую общину, в семье царил праздничная атмосфера. После родов к роженице приходили родственницы и соседки с поздравлениями, приносили с собой пищу для ребенка. Примерно через неделю, когда роженица, окрепнув, начинала ходить по дому, всех посетивших ее женщин приглашали на обряд «угощения маслом». Женщины приносили подарки для новорожденного. Их угощали чаем, разными печеными изделиями и непременно маслом или медом. В этот же вечер приглашали и девушек. После угощения девушки в доме роженицы устраивали игры и веселились. Цель этого обряда заключалась в охране ребенка от воздействия злых духов. Особенно опасным периодом для жизни ребенка считались первые 40 дней. В это время его старались не оставлять одного без присмотра.

Следующим обрядом, связанным с рождением ребенка, является наречение его именем. Этот день у татар считался большим семейным праздником. На этот обряд приглашали только мужчин и в обязательном порядке муллу. Порой приезжали гости из соседних деревень.

Отец ребенка выносил на подушке новорожденного. Мулла читал специальную молитву, шептал трижды на ухо ребенку: «Пусть твое имя будет такое-то». Затем мулла записывал ребенка в специальную книгу. Одаривание начиналось с момента подачи на стол меда с маслом. Несколько позже проводили праздник колыбели. В этот день перед тем, как положить ребенка в люльку, приглашали женщин. Каждая из них по возможности что-либо дарила.

Радостным событием являлось прорезывание зуба у ребенка. Кто первым замечал появление у ребенка первого зуба, того родители награждали небольшим подарком.

На третьем году жизни мальчикам производили обрезание, в честь которого иногда устраивали угощение. Гости поздравляли мальчика



*Татарская семья  
(неизвестный автор)*

и вручали ему подарки. Если мальчик был первым внуком, то дедушка дарил ему по этому случаю барана или жеребенка.

В крестьянской семье, где все взрослые члены ее целиком заняты работой по хозяйству, не было времени для особого ухода за детьми. В кормлении ребенка режима не соблюдалось, кормили его, когда он начинал плакать. Грудью кормили до 3 лет и даже дольше.

В 3–4-месячном возрасте ребенка уже приучали к пище взрослых. Широкое распространение имели тряпичные соски с разжеванным хлебом.

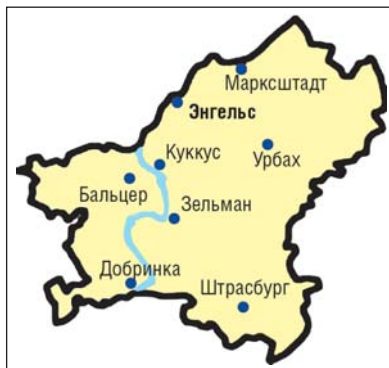
## НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ

В истории питания немцев Поволжья необходимо выделить «черное пятно» — Голод в Поволжье 1921–1923 гг.

С 1920 г. на значительной части современной территории Саратовской области располагались кантоны Автономной республики немцев Поволжья, столицей которой был Энгельс.

Смертность на территории всех исследованных сельских советов в 1923 г. по сравнению с ближайшими предыдущими и последующими годами резко возросла, особенно среди взрослого населения, поэтому дети разных возрастов оставались сиротами и не могли быть прокормлены.

Известно, что в голодающих районах из-за отсутствия нормальной пищи дети вынуждены были питаться суррогатами, что приводило к росту смертности от болезней органов пищеварения: на это указывают записи в актовых книгах за 1923 г. — резкое (в 2,5 раза) увеличение числа смертей. В графе «причина смерти» появились записи: «от кровавого поноса», «от геморройного кровотечения вследствие употребления суррогата», «от отравления затирухой», «от отравления суррогатным хлебом». Значительно увеличилась смертность и в связи с такими причинами, как «воспаление



*Национальная автономия поволжских немцев, существовавшая в составе РСФСР с 19.12.1923 до 28.08.1941. Была образована на основе существовавшей с 19.10.1918 Автономной области немцев Поволжья*

кишечника», «желудочная боль», «болезнь живота» и т.д.

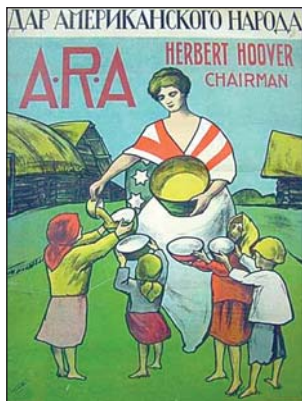
Для спасения детей в сложившейся ситуации в 1919 году была создана Американская администрация помощи (American Relief Administration, ARA). ARA, возглавляемая Г. Гувейром, — неправительственная организация в США, созданная для оказания



*Семья поволжских немцев*

продовольственной помощи европейским странам. Действовала в России в 1919–1923 годах: ею организовывались комитеты по распространению продовольствия и организации питания в виде ежедневного одноразового кормления голодающих. Деятельность ARA в России возглавлял У. Гаскелл. Представительства ARA в РСФСР размещались в Москве, Саратове, Маркштадте.

В середине октября 1921 г. представители ARA совместно с членами Международного союза помощи детям посетили Автономную область немцев Поволжья. В Маркштадте состоялись переговоры, в ходе которых обсуждались практические меры помощи голодающим. ARA взяла на себя питание детей в Ровненском и Голо-Карамышском уездах области немцев Поволжья. Представители ARA выдавали продукты комитетам взаимопомощи в селах и городах и контролировали организацию питания детей, которое должно было осуществляться в специально открывавшихся для этой цели столовых, пунктах кормления детей. На



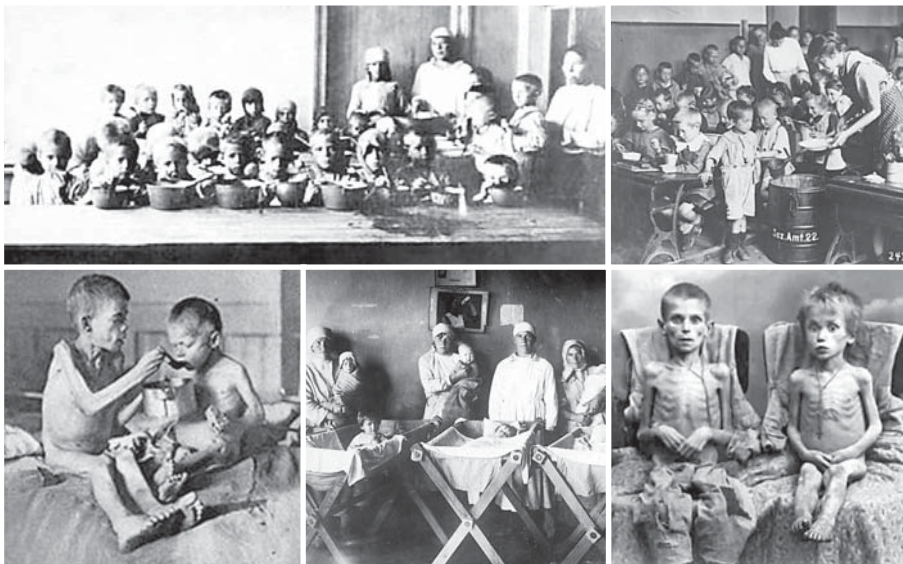
*Голодающие дети на питательном пункте*

первых порах предполагалось открыть 100 таких столовых. С ноября в столовых АРА началось регулярное питание детей.

Детский голод в немецкой области был настолько велик и ужасен, что представители международных организаций, получив возможность ознакомиться с ситуацией в полной мере, взяли на себя обязательства, вопреки ранее заключенным соглашениям, экстренно увеличить размеры помощи детям.

К концу ноября в столовых АРА и Международного союза помощи питались уже 53 тыс. из ~200 тыс. голодавших детей в возрасте до 15 лет. В начале декабря АРА выделила дополнительное питание для детей, находившихся в яслях, приютах, детских больницах.

К концу 1921 г. АРА кормила в Ровненском и Голо-Карамышском уездах 60 тыс. детей, к 1 апреля 1922 г. (самые критические дни голода) — 105,5 тыс. детей. С апреля американцы начали кормление взрослого населения области немцев Поволжья кукурузными пайками (в Маркштадтском уезде — 57 тыс., в Ровненском — 50 тыс., в Голо-Карамышском — 64 тыс., всего — 181 тыс. человек). К июню 1922 г. АРА совместно с Международным союзом помощи детям обеспечивали питание 436 тыс. взрослых и детей (91% всех голодающих). Регулярное кормление населения в области немцев Поволжья осуществлялось до



*Помощь младенцам и маленьким детям во время голода в деревне*

конца сентября 1922 г., когда голод был практически преодолен. В течение сентября остатки завезенного в Поволжье продовольствия были розданы возвращавшимся беженцам, детским домам, больницам, а деятельность АРА в Поволжье прекращена.

### Голод «укоротил» детей

Большая часть выживших из тех, кто голодал в Поволжье, пострадали от голода много позже. Повзрослев, оказалось, что у них низкий рост — ниже международных стандартов. Все это от недоедания и лишений, которые им пришлось пережить из-за голода. Однако, низкий рост — не самое страшное последствие недоедания. Вообще ослабление иммунитета у голодающих Поволжья приводило и к более серьезным болезням — от кретинизма до рака пищевода и желудка.

### ЛИТЕРАТУРА

1. Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. *Казань*, 1966.
2. Грицинская В.Л. Региональные и этнические особенности вскармливания и состояния здоровья детей / В.Л. Грицинская, В.И. Фурцев, Н.Ю. Сальчак. *Российский педиатрический журнал*. 2011. С. 51–54.
3. Гришаев И.А. Демографические характеристики семьи у основных национальностей союзных республик. Семейный быт народов СССР. *Москва*, 1990. С. 7–21.
4. Иванов В.П., Николаев В.В., Дмитриев В.Д. Чуваши: этническая история и традиционная культура. *М.*, 2000.
5. Исторический экскурс в проблематику вскармливания детей / И.Н. Скидан и др. *Вопросы питания*. 2014;83(2):68–72.
6. Татарская семья: Традиции и обычаи / Народы Поволжья: история, образование, культура. Материалы шестой областной научно-познавательной конференции школьников / Под ред. канд. пед. наук З.И. Саласкиной. *Саратов*, 2006. С. 19–22.
7. Элле К.В. Описание чувашского быта и обычаев.
8. [www.photobucket.ru](http://www.photobucket.ru)
9. Уходъ за грудными детьми. Советы матерямъ автора женщины-врача В.И. Буховцевой. *Саратовъ*, 1882.

# История коренных малочисленных народов Дальнего Востока

## Особенности вскармливания и ухода за детьми коренных малочисленных народов Приамурья

**С.В. Супрун**

Хабаровский филиал «Дальневосточного научного центра физиологии и патологии дыхания» — НИИ охраны материнства и детства, Хабаровск, Российская Федерация

\* \* \*

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств в мире, где проживают более 160 народов, каждый из которых обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры. Преобладающее большинство народов страны на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российского государства.

Среди народов Российской Федерации особое место занимают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Население, проживающее на территориях традиционного расселения своих



*Ороки. Молодая мать.  
Южный Сахалин. 1930–1940-е годы*



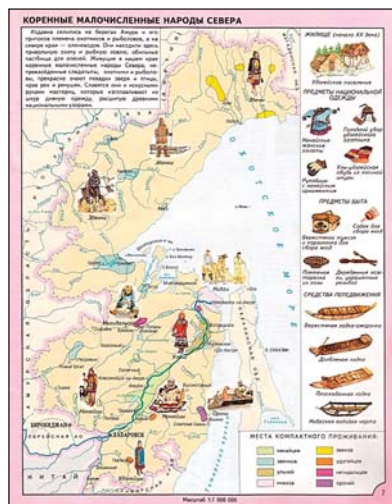
предков, сохраняющее традиционный образ жизни, хозяйствование, промыслы и осознающее себя самостоятельными этническими общностями, насчитывает до 40 коренных малочисленных народов общей численностью около 244 тыс. человек [1].

Особый этнографический ареал образуют коренные народы Приамурья, живущие преимущественно в Хабаровском и Приморском краях, на побережье Татарского пролива, в Амурской области.

Всего на территории Хабаровского края проживает 24 тыс. представителей коренных малочисленных народов Севера, которые представляют 30 национальностей. Для 8 коренных этносов край является исторической родиной. Это нанайцы, ульчи, удэгейцы, негидальцы, орочи, нивхи, эвенки и эвены [2]. По лингвистическому признаку семь из них относят к тунгусо-маньчжурам, кроме нивхов — палеоазиатов. Это связано с тем, что нивхский язык принадлежит к группе изолированных языков, названных отечественным этнографом Л.И. Шренком палеоазиатскими [3].

Образ жизни населения определяется географической средой и климатическими условиями [4, 5]. Традиционные занятия коренных малочисленных народов Приамурья — рыболовство, таежная и морская охота, собирательство.

Разные типы хозяйственности определяли и различные обряды жизненного цикла. Коренные малочисленные народы Хабаровского края вели оседлый (нанайцы, ульчи, удэгейцы, негидальцы, орочи, нивхи) или кочевой (эвенки и эвены) образ жизни. Природа была неотделима от жизни этих народов. Река и тайга не только давали им пищу, но и одежду, предметы быта. Большую роль в жизни населения играла обработка природных материалов как растительного, так и животного происхождения. Ежегодно в определенные сроки производилась заготовка необходимых в хозяйстве коры деревьев (шла на покрытие летних жилищ), шкур, кож, меха для шитья одежды, обуви, головных уборов.



Районы проживания коренных малочисленных народов Приамурья

Народы Приамурья жили в основном оседло, но в их расселении не было резких границ. Многие нанайские, ульчские, негидальские, эвенкийские семьи жили на Амуре в нивхских селениях, нивхи — в ульчских и т.д. Заключалось много смешанных в этническом отношении браков.

Первая информация о расселении коренных народов бассейна Амура появилась в России в середине XVII века во времена походов русских землепроходцев Е.П. Хабарова и В.Д. Пояркова [3].

## ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ

### Нанайцы (гольды, нанай, нани)

Одной из наиболее крупных этнических групп коренных малочисленных народов Приамурья являлась и остается общность нанайцев. Раньше их еще называли гольдами, а вообще имя этого народа образовано от самоназвания *нани*, что означает «местный» или «здешний человек». В литературе на русском и других европейских языках нанайцы были известны как *гольды*, в Китае — как *хэчжэ* [6]. В этногенезе нанайцев участвовали потомки древнего амурского населения и различные тунгусо-язычные народы.

Ряд исследователей считает, что их родина находилась в Маньчжурии, откуда они спустились в долину Уссури и достигли Нижнего Амура. Согласно другой точке зрения, нанайцы — конгломерат родов самого различного происхождения [7, 8].

К началу XX века нанайцы являлись крупнейшим народом тунгусо-манчжурской группы. Их численность в 1926 г. составляла 5757 человек и продолжала увеличиваться в советский период. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, общая численность нанайцев в РФ — 12 003 человека, из которых 11 009 человек (91,7%) проживают в Хабаровском крае, 383 (3,2%) — в Приморском крае [9]. Нанайские деревни расположены по обоим берегам среднего Амура (Нанайский, Комсомольский, Амурский районы края) и на его притоках, а также на российском (восточном) берегу Уссури (Пожарский район Приморско-



Нанайская семья  
(фото 1920–1940-х гг.)

го края). Нанайцы проживают и в Китае на правом берегу Амура между устьями Сунгари и Уссури и на левом берегу Уссури.

Традиционно они продолжают заниматься рыбной ловлей, охотой, собирательством. Первостепенное значение в жизни нанайцев имело рыболовство. До прихода русских нанайцы даже одежду и обувь изготавливали из рыбьей кожи. Реки, в первую очередь Амур, и окружающая тайга кормили и одевали нанайцев, обеспечивали семьи всем необходимым. Орудиями охоты были лук со стрелами, копье, различные самострелы, петли, сетки на мелких пушных зверей. Ружья на охоте стали использоваться только в начале XX века.

Врачеванием занимались шаманы, которые разделялись на три категории: *сиуринку-саман* — шаманы-врачеватели, *нигмантэй-саман* — шаман, совершающий помимо лечения больных обряды при поминках, *каса-саман* — шаман, доставлявший души умерших в загробный мир.

### Ульчи (мангуны, ольча)

Ульчи (самоназвание *нани* — местные люди, люди земли) жили по соседству с нанайцами в нижнем течении Амура. По данным последней Всероссийской переписи населения (2010 г.), общая численность ульчей в России составляет всего 2765, в Хабаровском крае — 2621 человек (94,8%) [9]. Большинство из них обосновались в 9 поселках на территории Ульчского района, владения которого простираются на 40 тыс. км<sup>2</sup>. Основную их часть занимает тайга, где причудливо сочетаются все представители амуро-уссурийской флоры и фауны.

Ульчи вели оседлый образ жизни. Традиционное занятие — рыболовство и охота [10]. За каждым родом был закреплен конкретный участок водоема, на котором только представители этого рода могли добывать рыбу. Иногда сородичи менялись местами лова: сидевший сегодня на плохом месте, переходил завтра на хорошее, и наоборот. Каждая семья ловила столько рыбы, сколько требовалось для пропитания. Законы лова строго соблюдались, а особенно был недопустим вылов рыбы в нерестовых речках. По древнему обычаю, мясо добытых диких животных делили между всеми односельчанами. С давних времен ульчи также занимались собаководством.

Женщины, кроме домашних дел, выделывали кожу рыб, шкуры оленей, лосей и нерп для пошива обуви, одежды, а также плели циновки, корзины из корней и прутьев тальника, обрабатывали бересту для

изготовления домашней утвари. На многих ульчских халатах встречались изображение древа жизни. Мужчины, кроме охоты и рыбной ловли, занимались резьбой по дереву и кости.

В прежние времена органом местного самоуправления была сельская община, состоящая из нескольких родов. Община регулировала хозяйственные и спорные вопросы внутри селения, а род контролировал брачные союзы, не допуская объединения пар из одного рода (профилактика кровных браков).

Одним из древнейших родильных обрядов был культ близнецов, рождение которых считалось большим событием. Близнецы, по их представлениям, были священными людьми — один таежный, другой водяной.

Шаманы делились на две категории: врачеватели и касата-шаман (большой шаман, который кроме «лечения» больных «переправлял» души умерших в загробный мир, хранил и оберегал от болезней душу ребенка) [7, 8].

Испокон веков основными продуктами питания ульчей считались рыба и мясо диких копытных животных. В национальной кухне больше преобладала вареная, вяленая, жареная, печеная, сушеная рыба. Основные запасы *юколы* делали из лосося. Некоторые породы рыб ели и в сыром виде (*тала*), готовили салаты из трав, рыбные пельмени, морсы из брусники и других таежных ягод.

### Удэгейцы (удэхейцы)

Это общность коренного населения Приамурья, которая относится к тунгусо-маньчжурской группе. Общая численность удэгейцев в России, по данным последней Всероссийской переписи населения (2010), — всего 1496 человек, более половины из которых (793; 53%) проживают в Приморском крае [9]. На территории Хабаровского края расселено 620 (41,4%) человек. Удэгейцы живут по склонам Сихотэ-Алиньского хреб-



*Местный шаман  
(фото 1930–1940 гг.)*

та. В.К. Арсеньев — знаменитый путешественник и исследователь Дальнего Востока — называл удэгейцев «лесными людьми». Однако на данный момент большинство населения живет в городах и поселках городского типа, ассимилировались с русскими и почти забыли родной язык, который не имел письменности. Наиболее значительные поселения удэгейцев в Хабаровском крае — село Гвасюги, в Приморском крае — села Агзу, Красный Яр и Олон.

Исконными видами деятельности удэгейцев являлись охота, рыбная ловля, сбор дикоросов (женьшенья). Рыба и мясо — основные продукты питания. В результате контактов с русскими и китайцами удэгейцы стали активно осваивать новые земли, и пища стала более разнообразной, но до сих пор не исключаются из рациона рыба и мясо в сыром виде [7, 8]. Удэгейцы, проживающие в Приморском крае, занимались не только промыслом женьшенья и пантов (в последнее время добыча пантов временно запрещена), но и употребляли их с лечебной целью.

Уменьшается численность этнической группы из-за снижения рождаемости и увеличения смертности, распространения заболеваемости туберкулезом, ассимиляции (преобладание смешанных браков).

### **Негидальцы (элькандэинин)**

Негидальцы относятся к тунгусо-маньчжурской группе. Их численность в Российской Федерации, по данным последней переписи (2010), — 513 человек, в Хабаровском крае — 480 (93,6%) [9]. Проживают в низовьях рек Амгуни и Амура на территории районов имени Полины Осипенко и Ульчского.

Условно негидальцы делились на «низовских» и «верховских». Первые жили оседло в бревенчатых домах. Основным их занятием было рыболовство. А «верховские» негидальцы охотились, поэтому жили в переносных конических чумах.



*Удэгейская семья  
(фото 1930–1940-х гг.)*

Население данного этноса говорило на негидальском языке, имеющем 2 диалекта. Этническая основа и исторические пути негидальцев тесно переплетались с историей живших по соседству нивхов, ульчей, нанайцев, эвенков. Негидальцы были исконными рыбаками и охотниками. У «верховских» негидальцев рыболовство и охота дополнялись оленеводством (основное отличие от «низовских»). Однако их нельзя приравнять к кочевникам-оленеводам (эвенкам), так как они пользовались оленями только в транспортных целях и вели оседлый образ жизни [7, 8]. Для рыболовства применяли заездки, небольшие неводы, сети, крючки, удочки, остроги. Каждая семья делала для себя большие запасы сушеного лосося (*юколы*). Использовали и кожу рыб разных пород для изготовления одежды, обуви, бытовых поделок. Женщины умели выделывать шкуры и кожи, шить из них одежду и обувь, украшать их затейливым тонким орнаментом, изготавливать утварь из бересты. В конце XIX века в рацион негидальцев вошел картофель, который они выменивали на рыбу у живших по соседству русских. Постепенно некоторые «низовские» негидальцы сами начали сажать эту культуру.



Негидальское поселение  
(фото 1920–1930-х гг.)

### **Орочи (ороч, орочен с языком ороческим)**

Орочи (самоназвание *орочисэл, ороч*, а также *нани*). Их численность в РФ 596 человек (данные 2010 г.), их которых 441 (74%) проживает в Хабаровском крае [9], преимущественно в низовьях реки Тумнин с ее притоками и по реке Хунгари, притоку Амура, а также у озера Кизи (в селах Новое Омми, Гурское Комсомольского района), на побережье Татарского пролива в районе города Советская Гавань.

Население использовало ороцкий язык с выделением 3 диалектов — тумнинского, хадинского и хунгарийского. В вопросе о самоназвании нет определенности. Ульчи и нанайцы издавна (а с XIX века и русские) именовали коренное население Амура орочами. Этот этноним был внесен в 1930-е годы в официальные паспорта.

Позднее было выявлено бытовавшее у них самоназвание *нани* (здешние жители), как у нанайцев и ульчей. Орочи имеют смешанное

происхождение: в их состав вошли местные и пришлые (главным образом тунгусские) этнические элементы [10].

Почти все орочи жили оседло. Формирование орочей происходило на склонах Сихотэ-Алиня, на территории от залива Де-Кастри на севере до реки Ботчи на юге. В этом длительном процессе принимали участие элемен-



*Поселение орочей  
(фото 1920–1930-х гг.)*

ты различного этнического происхождения как местного (нивхские, айнские и др.), так и эвенкийского [7, 8]. В результате сложились 5 территориальных групп — амурская, хунгарийская, тумнинская, приморская и коппинская.

Основные традиционные занятия — охота (в том числе морская) и рыболовство. В качестве объектов охоты были кабарга, лось, медведь, пушной зверь. Оружием служили лук со стрелами, копье. Использовались ловушки, петли, самострелы. Огнестрельное оружие, капканы появились в XIX веке. Рыбачили круглый год: летом в маленьких долбленках и больших дощатых лодках по рекам, а для добычи нерпы и сивуча выходили в Татарский пролив и его бухты. Морского зверя били гарпунами, из ружья, на льдинах и берегу колотушками. Рыбу (кету, горбушу, таймень) ловили сетями, неводом, устраивали ловушки, били острогой. Традиционные ремесла — кузнечное; обработка дерева, бересты; изготовление нарт, лодок, лыж, подклеенных мехом. Женщины обрабатывали шкуры животных, шили одежду и обувь, вышивали. У орочей было развито ездовое собаководство.

### **Нивхи (гиляки, нивах)**

Нивхи — небольшой народ в России, общей численностью 4652 человека (по переписи 2010 г.), населяющий районы Дальнего Востока: остров Сахалин (2290 человек; 49,2%) и бассейн Нижнего Амура, Хабаровский край (2149 человек; 46,2%) [9]. Вплоть до 30-х годов в литературе нивхов называли гиляками. Под этим именем они были известны и соседним народам. Слово «*гиляки*» на тунгусо-маньчжурских языках означает «люди, передвигающиеся при помощи парных весел на больших лодках». Сами себя они называли нивхами, что означает «человек» [11, 12]. По территориальному признаку нивхи делились на две группы —

островную (сахалинскую) и материковую. На Сахалине нивхи жили на всей территории острова, теперь главным образом занимают северную его часть. Материковые нивхи населяли нижнее течение Амура, побережье Амурского лимана, Татарского пролива.

Жили нивхи родами. Род являлся основной самоуправляющейся ячейкой. Высшим органом управления нивхов являлся Совет старейшин. До середины XIX века нивхи оставались вне влияния какой-либо государственной власти.

Хозяйство нивхов было комплексным и носило в основном промысловый характер. Видами промысла, которые определяла окружающая среда, были рыболовство, морской зверобойный промысел и охота. Наряду с этим нивхи также занимались собирательством и животноводством. Эти занятия и составляли материальную основу их жизни [7, 8].

В комплексном занятии нивхов особое место принадлежало промыслу рыбы; первостепенное хозяйственное значение имели лососевые породы. Нивхские рыбаки в результате многовековой практики изучили водоемы своих районов и рыбные ресурсы этих вод, а также особенности миграции лососевых рыб. Как исконные рыболовы они достигли в этом известной степени совершенства. По течению рек, по метеорологическим условиям нивхи определяли, вдоль какого берега пойдет больше рыбы, и на основе своих предположений строили в этих местах заездки и располагали рыболовецкие станы. Сырая и вяленая рыба составляла основу традиционной кухни.

Важное место в хозяйстве нивхов занимал зверобойный промысел. Практически эта отрасль имела для нивхов такое же значение, как и рыболовство. Она давала жир и мясо, корм собакам, шкуру для одежды и обуви, кожу и т.д. Продукты охотничьего, морского зверобойного промысла были существенным подспорьем в хозяйстве. Нивхи широко пользовались дарами природы — леса и моря. Растительные продукты (ягоды, орехи, травы, водоросли и моллюски) вносили существенное разнообразие в рацион питания. Собаководство было древней отраслью нивхов. Собак использовали как транспорт на охоте, приноси-



*Нивхи Сахалина  
(фото 1920–1930-х гг.)*



ли в жертву. В результате многовековой практики нивхи выработали систему биологического отбора лучшей породы, систему дрессировки и свой тип упряжки.

### **Эвенки (мурчен, орочен с языком эвенкийским, тангус, тунгусы)**

Эвенки амурские (самоназвания *орочон*, устаревшее название *тунгусы* — оленьи люди) — часть эвенкийского этноса, обитающего в пределах огромных пространств Восточной Сибири, между Енисеем и Охотским морем с запада на восток и прибрежной зоной Северного Ледовитого океана и границами Китая с севера на юг. Общая численность эвенков в России — 37 843 человека (по переписи 2010 г.) [9]. Проживают в основном в Якутии, Бурятии, Забайкалье. В Хабаровском крае зарегистрированы 10,8% (4101 человек), в Амурской области — 3,9% (1481 человек). Эвенки населяют верховья реки Амгунь, правого притока Амура, реки Буреи, а также долины рек, впадающих в Охотское море к северу от устья Амура.

Население этноса говорило на эвенкийском языке тунгусо-маньчжурской группы и имели письменность на основе русского алфавита. Происхождение эвенков амурских связано с районами Прибайкалья и Забайкалья, откуда они, вероятно, в начале второго тысячелетия до н.э. расселились в Приамурье [13]. Русские впервые встретились с ними в начале XVIII в. Уже тогда эвенки подразделялись на оседлых скотоводческих и бродячих, в свою очередь подразделявшихся на «оленьих», «собачьих» и «лесных».

Отцовский род включал большие патриархальные и малые семьи. Кочевую группу обычно составляли 2–3 семьи, принадлежащие к одному или двум взаимобрачавшимся родам (система родства — ирокезского типа) [7, 8].

Главные черты характера эвенков амурских — крайняя подвижность, беззаботность, веселость, остроумие, сострадательность, мягкосердечие, гостеприимство без расчета и замечательная природная честность, изумлявшая всех исследователей [14].

Основными промысловыми ресурсами эвенков амурских были олень и береза. От оленя они получали мясо, шкуры для одежды, кости для вырезывания орудий охоты, сухожилия, служившие нитками. От березы — бересту и кору для изготовления детских колыбелей, коробок, корзин, для обшивки урасов или юрт. Основным занятием эвен-

ков Амура была охота на лося, кабаргу, изюбра, медведя, пушного зверя с помощью оленя-манщика, гона с собакой. Орудиями охоты служили лук и стрелы, с приходом русских — ружье; использовали также петли, самострелы, капканы. Оленеводство имело транспортное направление: различались эвенкийский тип с использованием вьючных оленей и ороchonский тип с использованием верховых оленей. В стойбищах по берегам рек занимались рыболовством, в степных местностях Приамурья разводили лошадей, верблюдов, овец, а в местах контактов с русскими занимались земледелием. Жили обычно в шестовых чумах, летом крытых берестой, а зимой — оленьими шкурами. Чум (*ураса*) состоял из двух десятков тонких жердей и нескольких десятков оленьих ровдужных шкур с прибавлением кусков березовой коры. Земляной пол устилался невыделанными оленьими шкурами или хвойными ветками. Иногда строили *балаги* — обширные помещения на 20–30 человек, из стволов деревьев, которые забрасывали снаружи землей, мхом, снегом.

Любимая пища эвенков — непереваренное содержимое желудка оленя в замороженном или засушенном виде с прибавлением ягод для придания ему кислоты, а также сушеное мясо оленя, оленье сало и мозг. Главную пищу эвенков, живущих вблизи Охотского моря, составляла рыба с примесью жира морского зверя.

При небольшом разнообразии еды, которую можно добыть в тайге, традиционная эвенкийская кухня представлялась большим количеством блюд, в том числе деликатесами. Основной составляющей традиционной кухни амурских эвенков были блюда из мяса. Причем мясу домашнего оленя эвенки всегда предпочитали мясо диких копытных животных — дикого оленя, лося, кабарги, косули, каменного барана, кабана. Обычно мясо употреблялось в вареном виде большими кусками, добавляя только соль. Мясо копытных варили недолго — наиболее вкусным считалось слегка недоваренное, розоватое внутри. Бульон подавался отдельно. В зависимости от сезона мясная пища у амурских эвенков могла частично замещаться рыбной. Рыбу варили, жарили на рожнах и углях, сушили, коптили, морозили. Отварную рыбу также подавали отдельно от бульона.

Пища растительного происхождения в рационе амурских эвенков в основном представлена ягодами, растущими в северных районах Приамурья — брусникой, голубицей, морошкой, жимолостью, дикой малиной, смородиной, шиповником, ежевикой, черемухой и т.д. Перетертую

ягоду добавляли в бульоны, смешивали с мясом, рыбой, добавляли в муку, делали морсы. На зиму заготавливали в основном бруснику и голубицу.

В качестве основных напитков у эвенков выступали ягодные морсы, бульоны, молоко, травяной чай, листья брусники, шиповника, дикой малины, иван-чая. Своеобразным аналогом кофе была жженая мука, которую засыпали кипятком и разводили молоком.

В настоящее время в ряде мест расселения эвенков Приамурья сохраняются семейные обряды и обычаи. Многие кочевые прежде группы перешли к оседлости, объединились в государственные и кооперативные промысловые хозяйства, в оленеводческие бригады.

*Как кормили детей-эвенков в тайге* (из беседы с Галиной Андреевной Абрамовой, жительницей с. Усть-Нюкжа, Тындинского района Амурской области, родившейся в Амурской тайге в эвенкийской семье оленеводов-кочевников).

Детство Г.А. Абрамова провела с родителями в тайге. Ее рассказ — это воспоминания о своих детских годах и опыт, полученный при уходе за младшими братьями и сестрами, так же родившимися в тайге. В настоящее время старшие внуки Г.А. Абрамовой учатся в школе-интернате (Тындинский район, Амурская область), а младшие — кочуют с родителями).

Новорожденный ребенок кормился материнским молоком. Если у женщины не было молока, ребенка кормили оленьим молоком, которое разбавляли водой, предварительно прокипятив его. Часто давали ребенку сосать самодельную соску — размоченную в оленьем молоке пшеничную лепешку (завязанную в узелок из ткани или марли). Грудное вскармливание было весьма длительным — до 2–3 лет, а иногда и дольше (дети, уже умеющие охотиться, а это возраст 6–7 лет, приходя с охоты, получали порцию грудного материнского молока). Примерно в 3 месяца давали ягоды (бруснику, голубику), которые предварительно толкли. Ягоды добавляли в сваренное до загустения оленьё молоко (до консистенции сметаны) и получали подобие современного йогурта. Для детей к году в «таежный йогурт» добавляли сахар и цельные ягоды. Муку обжаривали без масла и разводили кипятком — получалось что-то похожее на кисель. Сочную косточку «с кровинкой», не разваристую, давали детям с 3 месяцев, иногда давали мясо кусочком,

тоже недоваренное, чтобы ребенок мог его сосать. С полугода — отварное измельченное оленье мясо, вареный олений костный мозг — из дикого или домашнего оленя (*уман*), медвежий жир, предварительно прокипяченный. Медвежье сало ребенок получал как лакомство (обычно с лепешкой, с хлебом). Сырое мясо детям не давали. Из сырых продуктов дети ели только почки и печень оленя (домашнего или дикого). Со второго полугодия жизни считался полезным для ребенка кровяной суп (кровь оленя, смешанная с водой и чуть подсоленная), старше года — кровяная колбаса, желудок, промытые и отваренные кишки оленя. Оленина в питании использовалась круглогодично. Так же дети получали яйцо глухаря, рябчика, куропатки. Рыбный бульон начинали давать примерно в 6 месяцев. Вообще со второго полугодия жизни считалось, что ребенок может есть практически все, что ест взрослый. Часто готовили детям старше года суп *селей* из мяса и вермишели, имеющий очень сытный бульон. Со 2–3-го года жизни в кашу детям добавляли тонко нарезанное отварное мясо медведя. Лакомством для детей считалось взбитое специальным инструментом молоко в густую пену (называлось блюдо *кортик*).

**Эвены (ламут, ороч с языком эвенским, орочель, орочел, орочен с языком эвенским, тунгусы с языком эвенским, ывын, эбэн, эвен, эвон, эвын, эвэн)**

Общая численность эвенов в России — 22 383 человека (перепись 2010 г.). На Крайнем Севере Хабаровского края в Охотском районе проживает всего 1128 человек, что составляет 5% [9]. Издревле занимаются мелкотабунным пастушеским оленеводством, охотой и рыболовством. В настоящее время 1/4 часть ведет кочевой образ жизни, занимаясь оленеводством на базах Усчан и Наманкур, где сохраняются традиционные способы хозяйства и образа жизни. Оседлые эвены, проживающие в национальных селах Иня и Арка, традиционно занимаются охотой и рыболовством.

В отличие от коряков и чукчей, эвены выпасали небольшие стада оленей как транспортное средство для охоты на дикого оленя, лису и снежного барана. Передвигаясь на оленях верхом, эвены использовали седла. Оленей, как правило, не забивали на мясо. Были у эвенов и охотничьи собаки. Эвены не занимались рыболовством в больших объемах, так как это плохо согласовывалось с кочевым образом жизни. Истори-

чески хозяйство эвенов формировалось в виде комплексной экономики, сочетавшей занятия таежным промыслом, рыболовством и оленеводством. По сравнению с эвенками, оленеводство эвенов в большей степени имело продуктивную, а не транспортную направленность. Именно потребностями оленеводства определялись их образ жизни и атрибутика культуры [7, 8].

У эвенов Охотского побережья фиксировались три зональные группы хозяйств: горно-таежная, с приморской территорией практически не связанная (олeneводческая); промежуточная, к которой относились около 70% эвенских хозяйств (олeneводческо-промысловая), и приморская, состоящая из эвенских хозяйств, утративших оленей (промысловая). Из хозяйственных занятий, исторически не свойственных тунгусам, как следствие влияния якутов, можно отметить распространение среди эвенов скотоводства, прежде всего коневодства в Оймяконском районе и на Охотском побережье, в районе прохождения Охотско-Камчатского тракта. Разведение преимущественно лошадей было связано прежде всего с возможностью их использования в качестве транспорта в промысловом хозяйстве эвенов.

По этнографическим данным, в конце XIX – начале XX века у эвенов наблюдались три типа населенных пунктов — стойбища оленеводов и охотников, поселки оседлых жителей и заимки.

Мясная пища имела исключительно важное значение в питании эвенов. Некоторое разнообразие вносила рыба, добываемая в определенные сезоны года. А у оседлых эвенов побережий, главным занятием которых являлись рыболовство и морской промысел, преобладало рыбное «меню». Повседневный рацион отличался скромностью и умеренностью, всевозможные блюда готовили только во время празднеств. У эвенов издавна была разработана строгая регламентация по отношению к мясной пище. До самого последнего времени у эвенов сохранялся древний общетунгусский обычай *нимат*, вытекающий из первобытного способа общего распределения продуктов.

Собирательство имело лишь подсобный характер. Эвены не стремились заготовить ягоды, орехи, съедобные корни на зиму. Все собранное употреблялось в свежем виде. С конца XVII до начала XX столетия почти все группы эвенов занимались доением *важенок*. Пили чай с оленьим молоком, получали из него *керчэх*, масло, кефир. В XVII – XVIII веках, благодаря русско-якутской торговле, на стол к эвенкам по-

пали мука, крупы, соль, чай, сахар, табак и водка. Товары обменивали на пушнину.

Жилища коренных обитателей Приамурья делились на наземные, полуподземные и свайные. Основой наземных зимних домов, определяющих его размер, у всех, кроме нивхов, служили разные виды отопительных лежанок по типу печей-канов. Дымоход от очага проходил под лежанками, сделанными из глины, на которых проходила вся деятельности семьи. При наступлении сильных холодов пользовались большими металлическими жаровнями на трех ножках с горящими углями. Кроме того, у удэгейцев в центре располагался очаг с помостом для копчения и сушения рыбы и мяса сохатого. В углубленном жилище нивхов посреди жилого помещения горел очаг-костер, нары размещались по стенам. В наземном доме отопление осуществлялось железной печкой. Кочевой образ жизни эвенов и эвенков обусловил распространение у них традиционных жилищ — *илуму* (чум) и *чорама-дю* (юрта) [14].

### МАТЕРИНСТВО И ДЕТСТВО

Каждая семья стремилась иметь много детей. Отсутствие их рассматривалось как большое несчастье. Очень важным событием считалось иметь именно мальчиков. Иногда свекровь, обеспокоенная тем, что невестка оставит сына без наследника, брала высохшую пуповину у многодетной женщины, измельчала ее в порошок и подсыпала его в пищу невестки. Считалось, что это поможет бездетной женщине забеременеть. У нанайцев, например, при бесплодии женщине рекомендовали принимать вместе с пищей кусочек плаценты, только что взятой у другой роженицы. Считали, что после этого она сможет стать матерью.

Роль мужчины в зачатии еще не осознавалась — в тело женщины должна вселиться душа *омиа*, имеющая вид небольшой птички. Нанайцы думали, что *омиа*, добровольно войдя



*Молодая нанайка*

в женщину, могла и покинуть ее, чем они объясняли безрезультатную, иногда даже семимесячную беременность. Появление нового человека ставилось в зависимость от двух небесных женщин — солнца и хозяйки родовых деревьев, а также от птички — носительницы жизни. Подобные представления бытовали у удэгейцев, орочей и ульчей. По представлениям нивхов, женщина могла зачать при условии, что в чрево ее вселится душа. Беременность женщины нередко связывалась со сновидениями. Так, нивхка верила, что если во сне взяла ложку, кольцо или серьги, то у нее родится девочка. Если же ей снилась палочка для еды, или что она взяла лук, колчан для стрел, то родится мальчик.

### **Беременность**

Каждая семья заблаговременно готовилась к родам. Нужно было приготовить детское приданое: несколько рубашек из рыбьей кожи, напоминающих халатик, одеяльце, подушку, детскую берестяную зыбку, колыбельку. Во время беременности соблюдался ряд запретов. Они должны были обеспечить благополучие роженицы и новорожденного. Во время беременности она выполняла все домашние работы, в том числе и тяжелые — колола дрова, носила воду. От работ же опасных для будущего ребенка, по ее мнению, беременная воздерживалась: нельзя было шить одежду и обувь, плести сети. В это время женщина не употребляла соль, некоторые виды рыб [15]. О приобретении ребенком полезных качеств родители заботились еще в период его утробной жизни. Так, беременной давали проглотить глазные яблоки убитого ястреба. Это, думали нанайцы, приведет к тому, что ребенок будет хорошо видеть все, что делается под водой.

В нанайских общинах рождение ребенка всегда было радостным событием, к которому тщательно готовились. Существовали сложные, предусмотренные до мелочей правила поведения беременной женщины. Например, нельзя было есть сердце убитого крупного зверя, иначе при родах у роженицы сердце не выдержит. Нельзя класть в топку дрова сучками вперед, так как при родах ребенок пойдет ножками вперед. После 8 месяцев беременности не разрешали заниматься рукоделием, шить что-либо замкнутое. Перед родами нельзя было пользоваться клеем, иначе плод приклеится к детскому месту. Перед родами в доме нельзя закупоривать любые сосуды, чтобы женщина могла разродиться. Нельзя беременной рубить сучья — можно повредить плод; нель-

зя подглядывать одним глазом — ребенок родится косоглазым; нельзя есть глаза вареной рыбы — ребенок родится с бельмом на глазу; нельзя смотреть, как люди плавят свинец или льют его в формы — у ребенка будут косые глаза; при разделке кеты нельзя разрезать голову вдоль — у ребенка будет заячья губа [3, 6, 7, 11–13, 16, 17].

### Акушерство

Одним из самых удивительных достижений практического медицинского опыта аборигенов являлось народное акушерство, имевшее яркую этническую окраску в особенностях приема родов, гигиены женщины и т.д. Беременную женщину перед родами старались оберегать от тяжелого труда и беспокойства. В любое время года за 15 дней до родов муж делал жене специальный шалаш. В.К. Арсеньев отмечал, что «помещение для роженицы делали из нового корья, подстилку — из свежей хвои, свежей травы. Все должно быть новое, не бывшее ранее в употреблении. Старые вещи брать грешно, от этого будет худо матери и ребенку». Доступ посторонних к роженице был запрещен в течение месяца. Только пожилая женщина через дверь могла подавать ей пищу и дрова. Удаление роженицы в таких условиях было естественным: дальше от грязи и возможности заражения гнилостными и другими микробами [10]. Нанайцы объясняли необходимость изоляции женщины в родовой период стремлением избежать возможности соприкосновения «нечистой» женщины с орудиями промысла. Строго следили в семье за тем, чтобы во время родов в помещении не было охотничьих вещей.

У удэгейцев женщина рожала сидя, без посторонней помощи. Чтобы вызвать потуги, рекомендовалось подтягиваться руками на кожаном канате, который специально висел в юрте для этой цели.

У нанайцев с первыми родовыми схватками женщина перебиралась в родильный шалаш вместе с бабкой-повитухой — пожилой и опытной женщиной, которая принимала роды. Роженица вызывала роды в полусидящем положении, упираясь руками в невысокий стульчик. При затянувшихся родах одна из женщин незаметно делала ногой движения выталкивания возле поясицы роженицы и мысленно произносила: «Как-нибудь помоги родить!» При тяжелых родах роженице давали пить слизь, соскобленную с сома и разведенную водой. Такой раствор вызывает рвоту: считалось, что движения, вызываемые рвотой, помогают женщине родить.



У нанайцев пуповину новорожденного перевязывали конопляной ниткой или крапивным волокном — они не преют. Первая перевязка делалась у самого живота новорожденного, затем, отступив от нее на один-два пальца, пуповину перевязывали вторично, чтобы избежать из нее опасного кровотечения. Между этими двумя перевязками пуповину перерезали ножницами или чаще ножом, присыпали порошком, соскобленным с подкоркового слоя ивы козьей. При этом если новорожденный — мальчик, то мужским ножом *geoco*, если девочка — женским ножом *gerigdo*. В качестве жгута могли использовать косы. Через 2–3 дня пуповина отпадала, ее завертывали в тряпку и хранили обычно в женской сумке для рукоделия, рядом с местом, куда укладывали швейные иглы. Этот обряд выполняли для охраны пуповины от злых духов.

Женщина, принимавшая роды, помещала послед роженицы в берестяной короб со стружками и подвешивала его на нижнюю ветку дерева так, чтобы собака не достала и ветром не качало. Если послед погрызет собака, то женщина якобы больше не сможет забеременеть, а если ветер раскачивает ветку, то ребенок будет беспокойным. При потере пуповины ребенка считалось, что место, где находится душа новорожденного, «высвечивается» насквозь, и душа ребенка видна злему духу.

В.Г. Ларкин указал, что в народной медицине орочей и удэгейцев для присыпки пуповины новорожденного применяли растертый корень подорожника.

У амурских нивхов женщина рожала стоя на коленях и опираясь локтями и предплечьями в землю. Голову она клала на предплечья, лежащие на земле. Кричать или плакать ни в коем случае не разрешалось, так как это могло привлечь к ребенку зловредных духов [3, 6, 7, 11–13, 16, 17].

### **Вскармливание**

Во время беременности и кормления грудью женщины соблюдали диету. Растительная пища (желуди, отвар чаги, березовой коры) были основой питания беременных, особенно если опасались трудных родов. До родов они употребляли в пищу только рыбу или мясо кабарги. По данным А. Никифоровской, в народной медицине орочей и удэгейцев после родов женщинам рекомендовалось пить смесь мускуса самца кабарги и медвежьей желчи. Роженицы должны были усиленно питаться: ели суп с мясом дикой козы, рисовую кашу, хорошо сдобренную медвежьим жиром, все в горячем состоянии. Орочские роженицы применяли

в качестве общеукрепляющего средства желчь барсука, растворенную в воде [10].

С момента рождения младенца мать-наанайка и свекровь роженицы внимательно следили за тем, чтобы она не заболела грудницей и у нее было хорошее молоко. Груды роженицы массировали, поили ее теплым отваром из круп (*бода*). В случае полного прекращения выделения молока удэгейцы и нанайцы примешивали корень дудника даурского, что способствовало лактации.

Нанайцы считали, что холодная пища неблагоприятно отражается на молоке родильницы, которое может совершенно исчезнуть. Питалась роженица из специально отведенной для нее посуды. Женщине, у которой после родов пропадало молоко, обычно давали кушанье, приготовленное из личинок короеда и мелко нарубленного мяса сохатого. Молоко могло исчезнуть и от простуды, поэтому женщине после родов запрещалось мыть руки в холодной воде и ходить босиком. Иногда же исчезновение молока приписывалось козням зловредных духов. Нанайцы при послеродовых осложнениях изготавливали фигурку лесного медведя *дуэнте* и оставляли ее возле роженицы.

Ввиду того, что нанайцы не занимались приготовлением особой детской еды, матерям приходилось кормить своих детей грудью очень долго — до 5–7 лет.

Положение матери при кормлении максимально увеличивало телесное соприкосновение женщины и ребенка, а первичное телесное тепло особым образом трансформировалось в тепло душевное.

Удэгейцы, по сообщению С.Н. Браиловского, старались вызвать прилив молока массажем или соком известной им травы, которая растет на глинистой почве р. Кемы.

Причин высокой смертности детей ульчей и орочей было много: тяжелые условия родов, отсутствие вра-



Ороченка с двумя детьми на пороге жилища, покрытого травой.  
Почтовая открытка 1930–1940-х гг.

чебной помощи, подходящей детской пищи, антисанитария в быту. У ульчей не было молочного скота. Матери кормили детей грудью максимально долго (до 3–4 лет) [18].

Если у матери было мало молока, ребенка уже в 3–4 месяца начинали прикармливать жиденькой кашкой из разваренного пшена, заправленной нерпичьим или рыбьим жиром. Детям чуть постарше давали юколу, а ребенка годовалого возраста кормили всем, что ели взрослые (хотя одновременно мать продолжала кормить его грудью). Орочи начинали подкармливать младенца с полугодовалого возраста. Сначала ему давали жвачку из лосинового мяса или рыбы. Соску заменял кусочек лосинового сала, в который протыкали палочку для предохранения от заглатывания его ребенком. Из жидких блюд давали бульон из сушеной кетовой икры или из костей. Когда ребенку исполнился год, ему начинали давать по ложке свежей крови, к восьми годам эта доза увеличивалась до стакана. Такая традиция в некоторых родах сохраняется и до настоящего времени.

К пяти годам ребенок ел все, что ели взрослые. В случае смерти матери ее ребенка кормила грудью любая из родильниц.

У нивхов, если у матери не было молока, малыша кормила грудью другая женщина из сородичей, или в тряпочку заворачивали жеваную юколу и давали сосать ребенку. Нивхские женщины кормили грудным молоком сравнительно долго — иногда до 6 лет [19].

У эвенков уход за новорожденным сводился к кормлению его грудью, редкому мытью и смене трухи в ногах. Чтобы ребенок не плакал, ему в рот вкладывали кончик оленьего сырого языка, сквозь который продевалась палочка. Грудью мать кормила ребенка, когда он начинал плакать. Кормление продолжалось до 4–5 лет. Согласно исследованию Я.С. Иващенко, на территории Приамурья среди коренных этносов (нанайцев, ульчей, нивхов) само определение «основная



*Традиционное употребление свежей крови у детей с раннего возраста (фото 2013 г.)*



*После года дети могли кушать все, что ели взрослые (фото 2013 г.)*

еда» было связано с главной промысловой рыбой — кетой летней и осенней. Они говорили: «В кету грех болеть; если хочешь жить дольше — в кетовую не болей, а то зимой или весной с голоду помрешь». Отсюда ясно, что рыба, а особенно кета, наделялась значением «пищи вообще» [2, 3, 6, 7, 11–13, 15–17].

### Уход

Широко практиковались приемы и методы по уходу за детьми и лечению детских болезней. Мать ежедневно мыла новорожденного в теплой воде в берестяном и деревянном корытце, протирая его после купания стружками из черемухи. Ребенка сажали в *зыбку*, наполненную мягкими стружками тальника, растертыми в порошок. Их часто заменяли новыми, сухими.

У нанайцев новорожденного клали на засыпанную стружками и застеленную материей крышку от берестяного короба. Затем делали из бересты легкую люльку и укладывали в нее ребенка. Колыбель для первенца заранее не готовили. На дно колыбели насыпали стружку или мелко накрошенную гнилушку тополя, регулярно меняя подстилку. Опрелости ребенка посыпали порошком, выскобленным из подкоркового слоя ивы козьей, или порошкообразным веществом, оставленным короедом под корой. При расстройстве желудка обкладывали живот и нижнюю часть тела ребенка луговой травой делдамикта и оставляли так на ночь.



Колыбель тьяк дневная (нивхи).  
Вторая половина XIX века  
(из каталога КГБНУК «Хабаровский  
краевой музей им. Н.И. Градекова»  
ХКМ КП 142)



Колыбель тьяк ночная (нивхи).  
Первая четверть XX века  
(из каталога КГБНУК «Хабаровский  
краевой музей им. Н.И. Градекова»  
ХКМ КП 138)



Колыбель эмка дневная (эвенки).  
1968 г. (из каталога КГБНУК  
«Хабаровский краевой музей  
им. Н.И. Градекова» ХКМ КП 2241)

При шелушении кожи ребенка смазывали рыбьим жиром, срезанным со спины сома.

Нивхи, начиная со второго дня после рождения младенца, регулярно мыли его теплой водой, настоящей на ветках багульника в качестве дезинфицирующего средства. Обычно для этой цели брали две ветки молодого багульника с цветочными почками и бросали в теплую воду. В качестве губки использовали шкуру куропатки и других птиц. А.Е. Крейнович видел, как нивхские женщины мыли новорожденного своим грудным молоком. «Одной рукой, — писал он, — сцеживала на ребенка из груди молоко, а другой кусочком белого мха

осторожно протирала каждую складочку на его теле». Для детей имелось два вида колыбели — дневная и ночная.

Дневная колыбель эвенков состояла из двух лубковых половинок, соединенных друг с другом под углом 120°. Боковые стенки имели фигурные прорезы в виде уха, чтобы ребенок лучше слышал.

На спинке колыбели подвешивали различные вещи из когтей хищных животных, чаще всего когти рыси: считалось, что они охраняют младенца от болезней. Полезно присутствие от колыбели металлических предметов, так как их самих и их звуков якобы сторонятся зловредные духи и мелкие зверьки. Ребенок пеленался и подвязывался в колыбели в согнутом положении.

Качалась колыбель на поперечном ребре. Ночная колыбель представляла собой берестяную ванночку с чуть приподнятой спинкой. Ребенка в нее клали на спину [3, 6, 7, 11–13, 16, 17].

У отдельных кочевых народов такие элементы быта сохраняются до настоящего времени.



*Молодая нивхка с ребенком. 1894 г.  
(из каталога КГБНУК «Хабаровский  
краевой музей им. Н.И. Градекова»  
ХКМ КП 8041/2)*



*Негидалка с ребенком. 1896 г.  
Фото П.П. Шимкевича*

Сложные природно-климатические условия, уязвимость традиционного образа жизни и малочисленность каждого из народов Севера обусловили необходимость формирования особой государственной политики в отношении их устойчивого развития, предусматривающей системные меры по сохранению самобытной культуры, традиционного образа жизни и исконной среды обитания этих народов.



Коренное население Приамурья, ведущее кочевой образ жизни. Фото 2014 г.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Культура и быт прибрежных народов и народов Дальнего Востока / RSS Морская библиотека. 2012. <http://vvc-site.ru/kultura-i-byt-pribrezhnyh-narodov-i-narodov-dalnego-vostoka> [электронный ресурс, дата обращения 15.10.2015]
2. Коренные малочисленные народы Хабаровского края. Национальные виды спорта. hnu.docdat.com [электронный ресурс, дата обращения 14.10.2015]
3. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Сочинение. Том 1, 2. СПб.: Издание императорской академии наук, 1899.
4. Супрун С.В. Оценка фактического питания беременных женщин Приамурья [Текст] / С.В. Супрун, В.К. Козлов, Е.Д. Целых, Е.Ю. Кирсанова, Т.А. Одзял. Питание и здоровье: материалы международного Конгресса. М., 2013. С. 96–97.
5. Suprun S.V. Some characteristics of the nutritional status of pregnant women of rural indigenous and migrant populations Khabarovsk Krai [Text] / S.V. Suprun, V.K. Kozlov, E.D. Celikh et al. Technical and natural sciences in Europe: development and adoption of innovative concepts: Monograph / Ed. by S. Stark. Stuttgart: ORT Publishing, 2014. P. 111–123.
6. Гаер Е.А. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX – начале XX в. Платина-Хабаровск, 2012. 144 с.
7. Малочисленные народы России. Народы Приамурья. <http://katanga-evenki.blogspot.ru> [электронный ресурс, дата обращения 14.10.2015]
8. Гия Саралидзе. Спецпроект: Народы России. *Вести FM*, 2015. <http://radiovesti.ru/special/show/folk> [электронный ресурс, дата обращения 20.10.2015]
9. Всероссийская перепись населения 2010. Том 4, раздел 1, 4. Федеральная служба государственной статистики. Москва, 2012. [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/perepis\\_itogi1612.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm) [электронный ресурс, дата обращения 04.10.2015]
10. Березницкий С.В. Семья и формы брака. История и культура орочей. СПб.: Издательство «Наука». 2001. С. 23–27.
11. Подмаскин В.В. Народные знания в традиционной культуре тунгусо-маньчжуров и нивхов Нижнего Амура и Сахалина середины XIX – XX в. Владивосток, 2002.

12. Таксами Ч.М. Этническая культура нивхов — аборигенов тихоокеанского севера и Дальнего Востока. *Новосибирск: Наука*, 2007. 230 с.
13. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). *Ленинград: Издательство «Наука»*, 1963.
14. Кочешков Н.В., Александрова Л.И. История и культура народов дальнего востока России: учебное пособие / Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. *Владивосток*, 2005. 35 с. [http://abc.vvsu.ru/Books/u\\_region/page0028.asp](http://abc.vvsu.ru/Books/u_region/page0028.asp) [электронный ресурс, дата обращения 02.11.2015]
15. Березницкий С.В. Семейная обрядность коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. *Россия и АТР*. 2000;4:23–32.
16. Пилсудский Б.О. Роды, беременности, выкидыши, близнецы, уроды, бесплодие и плодовитость у туземцев о. Сахалина. *СПб.: Живая старина*. 1910;73–74:22–48.
17. Смоляк А.В. Ульчи. *Москва: Издательство «Наука»*. 1966.
18. Осипова М.В. Воспитание детей в традиционной айнской семье. Этнос. Образование. Личность. ETHNOS. EDUCATION. PERSONALITY. Педагогика любви и примера. III Всероссийские этнопедагогические Волковские чтения. Выпуск XV. Часть II. *Якутск*, 2010. С. 11–14.
19. Осипова М.В., Тэмина М.Г. Пищевая традиция палеоазиатов (нивхов и айнов) как часть природно-средовой культуры. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2013;4(40):49–55.
20. Осипова М.В. Предродовые и послеродовые обряды айнов Сахалина. Записки Гродековского музея. Вып. 15. *Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова*. 2006. С. 107–116.

## Особенности быта, вынашивания, ухода, вскармливания и воспитания детей у малых народностей Приморского края

Т.А. Шуматова

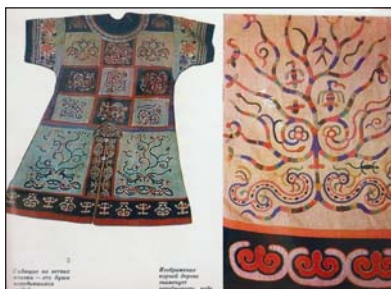
Тихоокеанский медицинский университет, Владивосток, Российская Федерация

\* \* \*

### НАНАЙЦЫ И УДЭГЕЙЦЫ

Создание семьи в удэгейском и нанайском обществе тесно связывалось с умением каждого человека быстро и безошибочно определить степень родства при встрече с незнакомыми людьми. Эти знания получали от стариков с малых лет. Делалось это для того, чтобы в жизни не нарушался один из основных родовых законов лесных людей.

Каждый молодой человек при встрече с незнакомой женщиной не мог вступать с ней в близкие отношения до тех пор, пока не выяснит, не является ли она близкой или дальней родственницей его рода. Обычно при знакомстве юноша спрашивал девушку, из какого она рода. Если она оказывалась из той же фамилии, что и юноша, то дальнейшее знакомство на этом прекращалось, потому что брачные связи между мужчинами и женщинами из одного рода запрещались и наказывались вплоть до остракизма — изгнания из рода.



Удэгейский наряд



Удэгейская семья



Семья в обществе малых народностей создавалась очень рано.

«Едва родится мальчик, — отмечал В.К. Арсеньев, — как родители начинают подыскивать ему жену». Вплоть до 30-х гг. XX столетия брак заключался преимущественно путем обмена, выкупа и других брачных форм. Все эти формы были обусловлены родоплеменными отношениями, условиями экономики и быта, а также недостаточным количеством женщин в обществе.

В семье между мужчиной и женщиной существовало строгое разделение труда: мужчина занимался охотой и рыболовством, а женщина вела домашнее хозяйство и воспитывала детей. Она собирала съедобные корни и ягоды, готовила пищу, шила одежду, изготовляла кухонную утварь. Эта работа в условиях таежного полукочевого быта была привычной, но тяжелой. Мужчина не вмешивался в дела женщин. Он выполнял только свои обязательства, а в свободное от охоты и рыболовства время отдыхал, чинил снасти или гостил в стойбищах, где жили его родные тетки по материнской линии. Каждая удэгейская семья создавалась ради увеличения потомства, поэтому молодые с большим волнением ждали первого ребенка. Когда женщина понимала, что она беременна, она в иносказательной форме сообщала об этом мужу.

«Однако нам следует ждать в гости лягушонка», — обычно говорила женщина, стараясь придать своему голосу как можно больше равнодушия. Муж также иносказательно спрашивал ее, когда примерно ждать гостя. Получив ответ, он в нужное время приступал к заготовкам жердей для шалаша, дров, бересты для люльки и т.д. По обычаю, говорить о предстоящем ребенке было нельзя, так как в этот момент злые духи могут оказаться в доме, подслушать разговор и сделать так, чтобы ребенок не родился или погубил собой мать. А если черт и узнает, что в семье ждут лягушонка, то он не станет этому препятствовать, потому что душа лягушки его не интересует. Во время беременности



*Невеста*

у нанайцев соблюдался ряд запретов: беременной женщине запрещалось носить унты, сделанные из кожи самки тайменя, так как этот зверь трудно родит, а рыба с большим трудом мечет икру. В это время женщина не употребляла соль, некоторые виды рыб (форель, красноперку, красную), а также рыбу, выметавшую икру, рыбу соленую и копченую.

Ряд запретов во время родов предписывался и мужу. У удэгейцев запрещалось удить рыбу, подходить к рыболовным снастям, уходить далеко от дома, иначе у жены будут тяжелые роды. Беременной женщине давали проглотить глазные яблоки убитого ястреба для приобретения полезных качеств ребенком в период его внутриутробной жизни. Нанайцы думали, что это приведет к тому, что ребенок будет хорошо видеть все, что делается под водой. За десять дней до родов роженица не могла жить в общей юрте. В шагах 100–150 от жилья муж специально строил для нее корьевой двускатный шалаш *ятоу кава*. Сделать это надо было за один, в крайности — за два дня. Муж к шалашу подносил дрова и котел. Когда все было готово, шалаш закрывался, и никто к нему близко не подходил. Свекровь или другая старая женщина для новорожденного делала из бересты *зыотгу* — чашку для мытья. Когда приходило время рожать, женщина сообщала своим близким, что ей пора идти на промысел. Эти слова содержали своеобразную информацию для свекрови или другой старухи, что ей пора переходить в родильный шалаш. Узнав об этом, старуха сразу шла к родильному шалашу, разводила в нем огонь и ставила кипятить воду.

Беременная женщина тем временем переодевалась в старую, но чистую одежду и ждала команды повитухи. При родах помогала свекровь, а если ее не было — то посторонняя старая женщина. Она ходила в юрту *ятоу кава* каждый день, чтобы оказать помощь роженице, помыть ребенка и сварить еду для молодой мате-



*Нанайские дети в национальных костюмах*



*Ятоу кава*

ри. Никто из посторонних, в том числе и муж, в юрту к матери и ребенку не заходил. Это делалось с целью, чтобы не заразить мать и ребенка. Если рождался мальчик, муж только раз приходил к шалашу и спрашивал о здоровье своей жены. При рождении девочки муж подходил к шалашу только если узнавал, что жена очень больна, спрашивал о ее самочувствии, но внутрь шалаша не входил. Если в доме не было никакой женщины, муж только через двери просовывал жене дрова, воду и пищу.

Женщина во время родов считалась «нечистой», поэтому при общении с ней от мужчины будет сильно пахнуть. А это означало, что он на охоте не мог добыть зверя, а если бы случайно повстречался с тигром или с медведем, то обязательно погиб в лапах этих животных.

В шалаше *ятоу кава* мать с первым новорожденным жила десять суток, со вторым ребенком — девять суток, с третьим — восемь, потом семь и так каждый раз одним днем меньше. Повитуха или сама мать перевязывала пуповину конопляными нитками. Пуповина перегрызалась зубами или перерезалась, но не ножом, а стрелой от самострела, устанавливаемого на выдру или соболя. Предварительно стрелу окаливали огнем. Стрела, которой разрезали пуповину, считалась заговоренной. Ее обязательно настораживали на пушного зверя, а так как в прошлые времена в тайге было много соболя и выдры, и они в массовом количестве попадали под самострел, то удэгейцы искренне считали, что зверь идет сам под стрелу.

Если роды были очень тяжелыми, призывали на помощь шамана, который обычно жил в соседнем балагане или в построенной на скорую руку юрточке. В то время когда шаман *камлал* (ворожил) в жилой юрте, из нее в шалаш роженицы протягивали шаманский ремень *уйга*, конец которого был привязан к двум палкам *сидзай*, связанным поперечной палкой, от которой и шел ремень к юрте шамана. *Севохи* (деревянные изображения духов) или *фуданку* (травяное чучело тигра) из жилой юрты проносили по ремню мимо юрты роженицы, за которой ставили на землю лицевой частью в сторону тайги. Если мать умирала с ребенком внутри, ей вспарывали живот и доставали ребенка, которого закапывали в землю, хотя, по обычаям малых народностей, малых детей «хоронили» на деревьях, а не в земле. Это исключение в похоронном обряде делалось для того, чтобы душа ребенка *Оме* не ушла к не-

бесной старухе *Тау Мама* и снова не вернулась на землю и не умертвила бы свою мать. При очень трудных родах использовался ремень мужа (*хэйги умыни*), которым перевязывали живот матери. Также снимался с кожаной рубашки ремень *баэнь сюкени*, который тоже отправлялся от мужа в шалаш для роженицы. Этот ремешок женщина держала в руках, считая, что он облегчает роды. На этот счет есть такое сказание: «Как-то раз Он ушел в тайгу на охоту. Он убил зверя, но не успел дойти до дома и заночевал в тайге. Жена в доме стала беспокоиться. Тогда она взяла его *баэнь сюкени* и бросила из юрты наружу. Когда увидел это во сне, Он вскочил и побежал домой. С той поры *баэнь сюкени* стал предметом, который может ускорить роды. Если роды оказывались благополучными, то шаману, помогающему роженице разродиться, устраивали угощение и дарили обувь (*унгти*), рубашку (*тэгэ*), штаны (*хэйги*) и другие вещи. Через 10 дней мать с ребенком переходила из первого шалаша *ятоу каса* в другой — конический шалаш (*суннау*), построенный рядом с первым, и проводила в нем еще 20 дней. Во второй шалаш к матери и ребенку разрешалось приходить мужу и близким родичам. Спустя месяц, после того как женщина с ребенком переходила в общую юрту, первый шалаш для роженицы сжигали. Там же жгли все вещи роженицы, которыми она пользовалась при родах. Одежда и вещи из второго шалаша не выбрасывались, а переносились в жилую юрту. Если случалось, что незамужняя удэгейка рожала ребенка, а он был не нужен семье, то мать или посторонняя старуха заворачивали его в ненужные тряпки и уносили в лес, помещая сверток в развилку большого дерева для того, чтобы душа ребенка ушла в небо к небесной старухе *Тагу Мама*. Детоубийство в раннем возрасте у удэгейцев и нанайцев преступлением не считалось.

С рождением ребенка старая женщина тут же делала малышке детскую люльку. Она имела вид маленького кресла-качалки со стенками по бокам, которые укреплялись выдвигной палкой, чтобы ребенок не выпал из люльки.

Детские люльки для мальчиков обязательно снабжались разными побрякушками *куайхи*, состоящими из костей зверей. *Куайхи* считались цен-



Зыбка-люлька для младенца

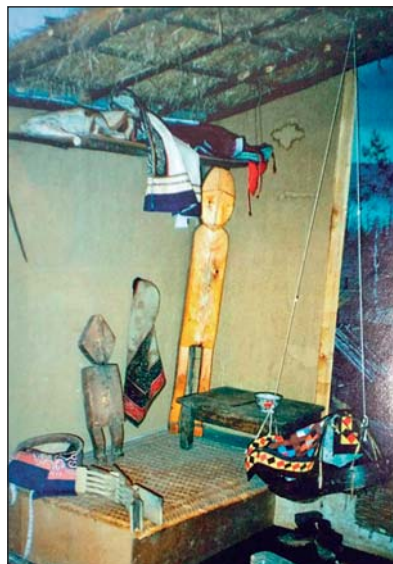
ной вещью, потому что в костях, украшающих детскую *зыбку*, пребывают души зверей.

Когда мальчик вырастет и станет охотником, он будет добывать много тех зверей, души которых были около его люльки. На детскую люльку обязательно вешали кости от лап животных и нижние челюсти рыси (*Тыбдэхи*), потому что это благородное животное, охраняющее ребенка от посягательства черта. Последний боится когтей рыси. Кроме того, считалось, что кости рыси сделают мальчика таким же ловким и цепким, как *Тыбдэхи*, когти соболя сделают его проворным ночью, выдра даст ему ловкость в лове рыбы и умение держаться в неустойчивой *оморочке* на воде, барсук научит мальчика выискивать пропитание. В жилом помещении люльку без надобности собирать и разбирать было нельзя, иначе ребенок умрет. Ее разрешалось собирать только в том случае, если мать намеревается укладывать дитя в *зыбку*. Обычно детскую люльку с ребенком подвешивали к потолку так, чтобы мать, стоя на коленях, могла кормить грудью своего ребенка.

Иногда случалось, что у матери не было молока. Об этом сразу становилось известно не только в своем, но и соседнем стойбище. Женщины, имеющие грудных детей, горе молодой матери воспринимали как свое личное. Они немедленно спешили к ней и предлагали себя в качестве кормилицы. Обычно выбирали в кормилицы молодую и здоровую женщину, у которой имелся избыток молока. В.К. Арсеньев о подобном случае сделал такую запись: «Чтобы покормить чужого младенца молоком, женщины приходят издалека и кормят своей грудью, деля молоко между своим и чужим ребенком. Мать регулярно



*Куайхи — игрушки из оленьих костей*



*Детское место*

кормила ребенка грудью, мыла его в теплой воде и старалась содержать в чистоте.

Обоснованно считалось, что если ребенка держать грязным, неподмытым, некупаным, то *Тагу Мама*, пославшая душу этого ребенка в семью удэгейца или нанайца, заберет ее обратно на небо. По убеждению малых народностей, через год-полтора, когда ребенок начинал ходить, детская душа *Оме* становилась взрослой — *Ханя*. Душа взрослого человека, обитавшая в теле, представлялась в виде маленького человечка. Она выходила из подчинения *Тагу Мама* и больше не боялась грязи, а боялась только козней злых духов. Эта душа бессмертная. Она, за редким исключением, покидала тело только со смертью человека и отправлялась в потусторонний мир *Бунигэ*.

Многочисленные источники свидетельствуют о порабощенном и приниженном положении женщины. В приниженном положении в семье находились и девочки, которые часто выполняли тяжелую физическую работу. В отличие от них мальчики были в более привилегированном положении, потому что они уже с двенадцати лет считались взрослыми и кормильцами семьи. В этом возрасте в сопровождении отца они уже посещали соседние и отдаленные стойбища. Там юные удэгейцы и нанайцы знакомились с обширной родней по линии матери и отца, постигали права и обязанности в семейной и общественной жизни и перенимали опыт старших соотечественников.

В настоящее время традиционный этикет между членами семьи у малых народностей Приморского края утратил свое значение.

## ОРОЧИ

Орочи — народ в России; самоназвание *орочисэл*, *ороч*, а также *нани* — утраченное старое самоназвание, заимствовано от амурских нанайцев: «на» — земля, «ни» — человек, дословно «местный житель»; обычно именовали себя по местам проживания, по родовой принадлежности.

Живут в основном в Хабаровском крае (426 чел., по переписи 2002 г.) преимущественно в низовьях реки Тумнин с ее притоками (Ванинский



*Удэгейская мать кормит ребенка грудью*

район) и по реке Хунгари, притоку Амура, по Амуру, у озера Кизи (Ульчский район) и др.

В вопросе о самоназвании нет определенности. Ульчи и нанайцы издавна, а с XIX века и русские именовали коренное население Амура орочами. Этот этноним был внесен в 1930-е годы в официальные паспорта. Позднее было выявлено бытовавшее у них самоназвание *нани* — «здешние жители», как у нанайцев и ульчей, но этот этноним, по их же утверждению, «принесли» с Амура соплеменники, длительное время жившие среди амурских аборигенов.

### Семья и семейный быт

С разложением рода у орочей все более и более возрастала роль семьи. Преимущественно это была малая семья (*нугги*), но кое-где сохранялась в своей пережиточной форме и большая (*хигады*). В частную собственность семьи перешло все недвижимое имущество (жилые и хозяйственные постройки), средства передвижения (лодки, нарты, лыжи), орудия охоты и рыболовства. Каждая семья вела свое обособленное хозяйство.



*Семья орочей*

С усилением роли семьи и превращением ее в самостоятельную хозяйственную единицу шел процесс образования мелких семейно-экономических ячеек. Об этом свидетельствуют данные В.П. Маргаритова. Будучи у приморских орочей, он зафиксировал следующее: на р. Уй было расположено 5 юрт, в которых проживало 29 человек, в с. Дюанко — 5 юрт, 25 человек, в с. Хуту — 5 юрт, 25 человек, в с. Датта — 10 юрт, 59 жителей. Таким образом, средний состав одной семьи в конце XIX в. составлял 5–6 человек. Главой семьи считался отец, если он являлся трудоспособным, в противном случае им становился старший сын. Имущество в семье наследовалось по мужской линии.



*Мужчины из рода орочей*

Будни ороческой семьи были чрезвычайно однообразными. Картину

семейной жизни орочей нарисовал В.П. Маргаритов: «С рассветом пробуждается селение; мужья после чая отправляются на рыбную ловлю, а жены кормят детей и собак, принимаются за уборку *юколы* и за очистку места для свежей рыбы. Часа через два возвращаются с работы мужья и, развесив свою мокрую одежку, в полуголом виде садятся пить чай, а жены, окруженные вереницей детей и собак, принимаются за разделку свежей рыбы, обрезки и потроха которой через полчаса запружают весь берег. Гам детей, сосущих рыбы головы, ворчанье дерущихся собак и карканье ворон на этот раз нарушают тишину угрюмой тайги. После уборки рыбы женщины готовят обед, а мужья продолжают благодушествовать, чем обыкновенно заняты до вечернего улова, если нет никакой спешной работы. Жены же работают как до обеда, так и после обеда.

После вечернего улова время проходит так же, как и после утреннего. С закатом семья ороча ложится спать, и если соседний шаман не вздумает оглашать окрестности ударами о бубен и своими дикими, раздирающими душу завываниями, то наступает полнейшая тишина, изредка нарушаемая воем собак, голов в 50 сразу».

В семье существовало строгое распределение труда между мужчиной и женщиной. «Все, что относится к добыванию и приобретению, находится в руках мужчины, а что касается обдελывания и обработки добытого, все это обязанности женщины. Так, добыть рыбу, какого-нибудь зверя, заготовить бересты, корья, дров и т.п. — это дело мужчины, приготовить рыбу во всех ее видах, выделывать кожу, сделать из нее одежду, выварить бересту и употребить ее на различные изделия — это обязанности женщин».

Положение женщины в семье было приниженным. В жилище для нее было отведено специальное место; ей строго запрещалось заходить на мужскую половину *малу*. Она не имела права садиться за стол до тех пор, пока не накормит мужа, а также есть лакомства — головной или костный мозг, печень и т.п., которые лишь изредка перепали ей со стола мужа. Женщина в семье в основном довольствовалась обедками. Если в жилище присутствует гость, то женщина должна молча сидеть в углу у входа. Только старая женщина, мать семьи, или старшая жена, имевшая под своим руководством других женщин, могла сидеть вместе с мужчинами и даже есть вместе с ними.

Особенно тягостными и унижительными для женщины были обычаи, связанные с родами. По обычаю женщина во время беременности,



родов и послеродового периода считалась «нечистой». Еще до наступления родов для нее недалеко от жилища мужа строили специальный кожаный шалаш (*ятанку*). Дней за десять до родов женщину переводили в это жилище: это переселение орочи объясняли как «уход женщины на промысел». Роженица брала с собой древесные стружки (*сики*), сено (*окто*) и кое-что из продуктов. Во время пребывания в родильном шалаше женщина все делала сама: готовила пищу, колола дрова, носила воду, поддерживала огонь. Во время родов строго запрещалось оказывать ей помощь. Новорожденного мать сразу же обтирала древесными стружками, смоченными в теплой воде, надевала на него халатик (*тэга*) и клала в берестяную люльку (*дуй*). В зимнее время мать спешила запереленать младенца в шкуру кабарги или собаки. Послед (*амуки*) роженица зарывала в землю, а загрязненные тряпки, одежду и стружки оставляла в шалаше. Через 10–15 дней женщине разрешалось вернуться в жилище мужа. Перед уходом домой женщина ломала родильный шалаш. В жилище мужа матери с ребенком отгораживали специальное место (*кукти*), расположенное около входа, где она находилась в течение 2 месяцев. В этот период ей нельзя было купаться в реке, ходить босиком, прикасаться к вещам и в первую очередь к охотничьим принадлежностям своего мужа. Питаться она могла рыбой, мясом кабарги и различными дикорастущими ягодами; строго запрещалось употреблять мясо сохатого, дикого кабана, не говоря уже о медвежьем. По истечении двух месяцев женщина обмывалась горячей водой, в которой предварительно был выварен багульник (*сэнки*), надевала чистое белье и приступала к своим прямым обязанностям по хозяйству.

Информатор Андрей Львович Сеоченко рассказал нам о диком обычае изоляции женщины во время родов, жертвой которого стал он сам. Это случилось так. За десять дней до наступления родов его мать отвели в специально построенный для роженицы чум. Стоял декабрь. Дул сильный ветер и дважды уносил ветхое жилище. Но законы тайги были суровы. Изнемогая от усталости и страшной боли, она кое-как установила себе новый шалаш. Измученная и усталая, она свалилась еле живая на подстилку из пихтовых веток. Люди



Люлька для младенца

из стойбища наблюдали за тем, когда же из юрты роженицы появится дымок. Прошло двое суток, а костер в шалаше не загорался. Старейшие в стойбище решили, что злые духи наказали ее и увели в *бун* — царство теней. Когда подняли полог, то увидели в ногах матери завернутого в шкуру кабарги новорожденного. Мать Андрея была без сознания. Самая старая женщина из числа присутствовавших развела в шалаше огонь, привела в чувство больную, запеленала ребенка в новую шкуру и покинула шалаш.

Истек 15-дневный срок пребывания в шалаше, и мать с новорожденным вернулась в жилище мужа. Ребенка назвали Имасан, то есть Снежный. Летом в стойбище приехал поп и окрестил малыша, дав имя ему Андрей. С самого рождения недомогал Андрей. Все попытки шаманов изгнать из больного злых духов не улучшали состояния здоровья Андрея. Летели годы. Больной был прикован к постели.

Когда с установлением Советской власти новая жизнь пришла в отдаленные таежные стойбища орочей, отец Андрея решил отвезти своего сына к русскому врачу. Врач незамедлительно приказал отправить больного в Хабаровск для стационарного лечения. Через два года Андрей вернулся в родное стойбище. Ноги по-прежнему были парализованы, зато стали работать руки, восстановилась речь. В больнице Андрей научился говорить по-русски, а также читать и писать. У себя в поселке он был приглашен на работу в сельский совет на должность секретаря. Андрей самостоятельно научился мастерству портного и сейчас среди орочей почитается за лучшего мастера. В свободное от работы время он записывает легенды и предания о далеком прошлом своего народа. Его интересует все, что в какой-то степени затрагивает этнографию орочей.

Воспитанием ребенка у орочей занималась мать. Уход за ребенком был примитивным. Купали младенца не чаще одного раза в декаду, а зимой вообще не делали этого. Днем ребенок находился в деревянной подвесной колыбели (*эмуга, эмуэ*): она состояла из двух лубковых половинок, соединенных между собою. Спинка колыбели наклонена к основанию под углом



Обереги для детей

150–160°. Бортовые стенки имели фигурные прорезы (*сеэнкани*) в виде уха, для того чтобы ребенок лучше слышал.

К спинке колыбели подвешивали различные побрякушки из костей, зубов, когтей различных хищных животных, чаще всего когти рыси. Дно люльки посыпали гигроскопической гнилушкой. На ночь ребенка клали в берестяную люльку (*дуй*) в виде ванночки с приподнятой спинкой. Кормление грудью продолжалось до 3–4 лет. Подкармливать младенца начинали с полугодовалого возраста. Сначала ему давали жвачку из *соха Эмуэ* — из мяса или рыбы. Соску заменял кусок копченого сала, в который протыкали палочку для предохранения от заглатывания его ребенком.

Из жидких блюд давали бульон из сушеной кетовой икры (*соляма*) или бульон из костей (*силе*). Когда ребенку исполнялся год, ему начинали давать по ложке свежей крови, к восьми годам эта доза увеличивалась до стакана. К пяти годам ребенок ел все то, что ели взрослые.

Детство орочских детей проходило на лоне природы. Игрушек было мало. Обычно это были самодельные, сделанные родителями, а иногда и самими ребятами, деревянные фигурки диких животных, маленькие лодки, нарты, лыжи, луки и стрелы, остроги и т.п. У девочек игрушками служили различные поделки из бересты, чашки, ковшики, сумочки, шаблоны для орнамента. Родители часто для забавы своим детям приносили домой диких животных или птиц: лисят, орлят, утят и пр. Мальчикам, как только они начинали цепко хватать предметы, давали нож, и с этого времени они с ним не расставались.

Вплоть до 12 лет мальчики не знали никаких забот по хозяйству. Положение девочек было значительно хуже. Уже с 7–8 лет они принимали активное участие в работе по домашнему хозяйству: готовили обед, чистили рыбу, обрабатывали шкуру, мяли кожу и т.д.

К. Арсеньев нарисовал яркую картину жизни орочских детей: «Вдоль реки по-прежнему неслись детский смех, крики. Глядя на этих 5–8-летних ребятишек, невольно изумляешься их искусству, умению владеть острогой и оморочкой».

Если бы наш ребенок очутился в лодке посередине реки, наши мате-



Игрушки орочских детей

ри и испуге бы потеряли голову и не знали бы, что делать; а здесь орочи спокойно покуривают свои трубки, не обращая никакого внимания на забавляющихся детей, разве только изредка какая-нибудь из них, выйдя из балагана, крикнет своему мальчику, чтобы он съездил за чем-нибудь на другую сторону реки к орочу-родственнику или соседу. Несколько горных троп мимо амбаров вели к лесу. По одной из таких тропинок шла маленькая девочка лет семи и на спине несла большую связку хвороста. Так, с малых лет орочские дети приучаются к труду и к той деятельности, которая их ожидает впоследствии, когда они станут взрослыми.



Семья орочей

### Брачные отношения

В брачных отношениях орочей вплоть до начала XX в. сохранялись элементы группового брака. Нарушение принципа родовой экзогамии и заключение брака в пределах групповой общности типа *доха* у орочей принималось как нечто недозволенное и опасное для общества.

Брачные связи между родами носили двусторонний характер. У орочей считалось наиболее почетным жениться на женщине из рода своей матери, предпочтение отдавалось дочерям брата матери. При этом брак заключался путем обмена сестрами (*тамумуна*). Установление брачных уз таким путем принимало наследственный характер и передавалось из поколения в поколение.

### ТАЗЫ

Тазы — небольшая этническая группа на юге Дальнего Востока. По мнению ряда ученых, термин «тазы» — фонетический вариант китайских названий *тацзы* — инородцы, *юпитацзы* — инородцы в рыбьих шкурах, дикари, *вай сан тадза* — народ, живущий за горами.

Проживают тазы в основном на территории Приморского края. Наиболее компактно — в селе Михайловка Ольгинского района. Считается, что тазы образовались на территории бывшего Уссурийского края в XIX веке в результате смешанных браков китайцев — ссыльных, политических заключенных, уголовников и разбойников — с аборигенка-

ми-удэгейками и нанайками, которых брали в жены или наложницы. Тесное языковое и культурное взаимодействие удэгейцев, нанайцев и орочей с выходцами из Китая привело к образованию нового этноса, а в 1930-х годах сложились необходимые условия для консолидации тазов. Относятся к дальневосточному антропологическому типу.



Семья тазов

Язык тазов (тазский говор) — китайский диалект, представляет собой говор северо-восточного наречия (*дунбэйхуа*) севернокитайского языка со значительным количеством заимствований из нанайского и удэгейского языков. В 1880-х годах насчитывалось 1050 носителей этого языка, но на данный момент его знают только 5 старушек из села Михайловка в Приморском крае. Данные всероссийской переписи населения 2002 года показали, что все тазы считают родным русский язык.

Жили тазы небольшими родовыми стойбищами. У каждого родового стойбища были свои промысловые угодья. В зависимости от специфики хозяйственной деятельности и географических условий их поселения разделялись на временные и постоянные (*йохо*). Весной, летом и осенью временные поселения всегда устраивались на берегу реки или в лесной пади (жилища — дву- или односкатные балаганы и постройки типа чумов); жили отдельными семьями на местах промыслов. В постоянных поселениях проживали в основном в зимнее время. Они стояли на одном месте в распадке сопки, удобном для добычи копытных и пушных зверей, в течение многих лет, иногда даже более сотни.

Поздней осенью мужчины отправлялись на охоту, а их семьи переселялись в постоянные жилища. В начале XX века у тазов преобладали хуторские поселения. Основным видом традиционного жилища были каркасные дома *фанзы* с отапливаемыми лежанками — *канама*. Позднее появились срубные одно- или двухка-



Жилище тазов

мерные дома. До 1930-х годов вместо оконных стекол использовалась промасленная бумага. Дверные проемы завешивались циновками.

Традиционная одежда тазов относится к восточноазиатскому типу, без плечевых швов. Основной материал — хлопчатобумажная ткань. Повседневная мужская и женская одежда — распашного покроя, на застежках. У мужчин — куртки (нательная и верхняя на подкладке); у женщин — халат или куртка и нагрудник-передник шестиугольной формы. Зимой носили длинный халат на вате с двойной запашной левой полой и стоячим воротником; поверх халата надевали распашную по центру куртку. Женщины до родов носили светлую, яркую одежду, после рождения ребенка — темную. Детская одежда также включает куртку, штаны и нагрудник четырехугольной формы с карманчиком, в который клали в качестве оберега *сиуден* — мозжечок из свиной головы. Оберегом служила полоска орнамента в виде зигзага.

Свадебная одежда тазов: халат невесты красного цвета, халат жениха черного цвета и круглая шапочка. Траурная одежда была белого цвета. Летом на голову надевали конические берестяные или плетенные из соломы шляпы, зимой — меховые или матерчатые на вате шапки. Прическа зависела от пола и возраста: маленьких детей стригли, затем волосы отращивали, мальчикам заплетали 3 косички, во время женитьбы косу со лба срезали, а боковые заплетали в одну. Девочки заплетали 2 косички. Замужние женщины распущенные волосы закручивали жгутом в шишку. Украшения — браслеты, кольца, серьги — делались из золота, серебра или меди.

Основу хозяйства тазов составляли зимняя охота с ноября по март (добывали изюбра, лося, горного козла, кабана, волка, куницу и другого пушного зверя) и рыболовство (главным образом лососевых).

Тазы также занимались собирательством ягод, грибов, черемши и па-



*Тазы вернулись с охоты*

поротника в тайге. Выращивали огородные культуры, бахчевые, зерновые, бобовые растения. Занимались земледелием. Разводили свиней. Коров не доили и молоко не пили — держали на мясо. Быки сохранялись как тягловое животное. Занимались также птицеводством. Тазы добывали моллюсков, трепангов, крабов, морскую капусту и другие водоросли. Были искусными мастерами по обработке дерева и бересты. Современные тазы — высокообразованная этническая группа, владеющая современной техникой сельского хозяйства. Женьшеневый промысел, которым обычно занимались старики и пожилые люди, занимал первое место в экономическом аспекте.



*Рыбный промысел*

Тазы умели применять вариоляцию (прививка от оспы). Гной оспенного пузырька втирали в различные места на руках и ногах. После этого, если человек заболел, болезнь тянулась недолго и протекала легко. Вариоляция была знакома американским индейцам и китайцам. У китайцев вариоляция производилась вдуванием порошка оспенного струпа в нос, причем струп брали у людей, болевших не тяжело.

Тазы уделяли большое внимание закаливанию детей. Когда ребенок достигал 6–7 лет, его приучали бегать босиком по влажной лужайке, песку или даже по лужам. Известно, что необходимость в этом дети и сами чувствуют инстинктивно. Эти приемы не только закаливали, но и укрепляли организм, ускоряли кровообращение и уменьшали чувствительность детей, страдающих боязнью воды, холода.

Тазы, как и другие коренные народы юга Дальнего Востока, на основе знаний о местной флоре и фауне разработали систему рационального питания, которая в дальнейшем с успехом во многом была заимствована русскими переселенцами. Они давно заметили лечебные свойства многих растений, животных и минералов и успешно их применяли в лечебной практике.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов В.М. Некоторые общие и конкретные проблемы этнофилологических исследований «северных» литератур // Литература народов Севера: Сб. науч. ст. / Под ред. Г.Н. Ионина и Е.С. Роговера. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2002. С. 6–19.
2. Арсеньев В.К. Сочинения: В 6 т. / Ред. кол. С.Н. Изгарев и др. Т. 5: Лесные люди удэгейцы. Владивосток: Примиздат, 1947–1949. С. 150–186.
3. Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей дальневосточного края. Хабаровск-Владивосток: Книжное дело. 1928. 82 с.
4. Браиловский С.Н. Тазы, или удэге (опыт этнографического исследования). Владивосток: Кн. изд-во, 1898. 219 с.
5. Дулин Б.М. Становление и развитие литератур малых народов Приамурья и Приморья / На материале нанайской, удэгейской и ульчской литератур 20–60-х годов: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1974. 16 с.
6. Емельянов А.А. Северное побережье Приморья. Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1927;3:185–208.
7. История и культура удэгейцев / Под ред. А.И. Крушанова. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1989. 189 с.
8. Ларькин В.Г. Орочи. М., 1964. 87 с.
9. Ларькин В.Г. Удэгейцы (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). Владивосток: Изд-во Дальневост. филиала Сиб. отд-ния АН СССР, 1958. 36 с.
10. Мештыб Н.А. Удэгейцев религиозные представления // Религия народов современной России: Словарь / Редкол.: Мчедлов М.П. (отв. ред.), Аверьянов Ю.И., Басилов В.Н. и др. М.: Республика, 1999. С. 524–525.
11. Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Политиздат, 1980. 32 с.
12. Нации и этносы в современном мире: Словарь-справочник. СПб.: Петрополис, 1999. 132 с.
13. Осокина Э.Н. Декоративно-прикладное искусство удэгейцев // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во. Сахалин, отделение, 1973. С. 290–294.
14. Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев XIX–XX вв. Историко-этнографические очерки. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 160 с.
15. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев. Историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1998. 228 с.
16. Подмаскин В.В. Этнические особенности сохранения здоровья народов юга Дальнего Востока: проблемы типологии врачевания и питания (середины XIX – XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2003. 87 с.
17. Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. 922 с., ил.
18. Сем Ю.А., Сем Л.И. Тазы: этническая история, хозяйство и материальная культура (XIX – XX вв.). Владивосток: Дальнаука, 2001. 186 с.
19. Сергеев М.А. Исследования народов Дальнего Востока в советскую эпоху. Дальний Восток-Хабаровск. 1947;4:81–87.
20. Старцев А.Ф. История удэгейцев (вторая половина XIX – 70-е гг. XX в.): Автореф. дис. ...канд. истор. наук. Владивосток, 1983. 18 с.
21. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 132. СПб.: б/и, 1883.



# Вскармливание детей в Рязанской области: исторический аспект

**А.В. Дмитриев**

Рязанский государственный медицинский университет,

Рязань, Российская Федерация

Рязанский областной клинический перинатальный центр,

Рязань, Российская Федерация

\* \* \*

В 1520 году к Москве было присоединено Великое княжество Рязанское, управляемое московскими воеводами, а с 1778 года была образована Рязанская губерния, состоящая из 12 уездов, центрами которых являлись небольшие города. Архивные сведения указывают на то, что Рязанские земли в XV–XVII веках были густонаселенными, характер труда — преимущественно земледельческий. Эти данные свидетельствуют, что основными продуктами питания в этот период были рожь, репа, рыба, дичь, лесные ягоды, орехи, молоко.

Облик русской православной крестьянской семьи Рязанской губернии сочетал в себе как общероссийские черты, так и многие локальные особенности. Для аграрно-ориентированной Рязанской губернии характерными являлись многолюдные семьи, обеспечивающие трудовые резервы. Бытовала пословица: «У одного — с трудом, у двух — со смехом». Были распространены два основных типа семьи: простая семья — это брачная пара с неженатыми детьми или без детей; сложная — две и более пар 3 поколений, состоящих в родстве. До 72% населения были представлены сложными семьями, чей численный состав доходил до 33 человек.

Одиночество, жизнь без семьи считались аморальным явлением. «Холостой — полчеловека». Таким образом в сознании крестьян закреплялась установка на семью. Выбор невесты — предпочтительнее

из своей деревни, за клевету на невесту или оговоры через суд взимался штраф 3 рубля серебром. Для Рязанской губернии были характерны ранние браки. В Скопинском уезде девочки выходили замуж в среднем в 15 лет, юноши — в 18 лет. Юный возраст невесты объяснялся необходимостью иметь в семье дополнительные рабочие руки женщины. С 1874 г. в связи с изменением срока военной службы (с 21 года до 3–6 лет) повысился брачный возраст мужчин. В исключительных случаях церковь допускала расторжение брака.

Рязанская свадьба относилась к среднерусскому типу: сватовство, каравайный обряд, угощение украшенной головой запеченного поросенка, замена девичьей прически на женскую и т.д.

Забота о беременной женщине определялась семьей. Зачастую тяжелую женскую работу мог выполнять мужчина. Беременным запрещалось присутствовать на похоронах, смотреть на покойника. Считалось, что контакт со смертью негативно отражается на жизни детей. Женщины не были застрахованы от смерти в родах, поэтому в Рязанской губернии перед началом родов они принимали таинство причастия. Начало родов старались скрыть. Считалось, что чем больше людей знает о происходящем, тем более затяжными и сложными будут роды. Присутствовать при родах могли повитуха, муж, мать роженицы. Рожали женщины в домах, в бане, в хлеву, в поле, в телеге. В XVIII–XIX веках, а в некоторых деревнях вплоть до 1940 года ответственность за роды лежала на бабках-повитухах. Повитухи использовали свой опыт приема родов, были «внимательными, заботливыми, ласковыми, ни на минуту не отходили от роженицы, 2–3 дня после родов навещали женщину». Бабка-повитуха являлась особенно уважаемым персонажем в устоявшейся социально-общественной структуре деревенского общества. Похороны по-



*Для аграрно-ориентированной Рязанской губернии были характерны многолюдные семьи*



*Соотношение мужского и женского пола: двое мужчин на трех женщин*

витухи были самыми многолюдными, каждая женщина повязывала на ее руках цветные банты или ленты (обряд Касимовского уезда). После рождения ребенка «пупок завязывали суровой конопляной ниткой на расстоянии 3 пальцев от живота, остальной конец пуповины отрезали ножницами». Послед обмывали, заворачивали в тряпочку, крестили, закапывали в землю в подвале или в бане (Ухоловский уезд). Манипуляции с последом носили черты погребального акта. Женщину сразу после родов, если ей позволяло состояние, парили в бане. Если младенец родился «обмершим, его откачивали как утопленника». Негативным было отношение к двойням. Родившегося ребенка обмывали в теплой воде с мылом, заворачивали в пеленки или отцовскую рубашку, клали к матери. Сразу начинали кормить «начальным молоком», как ребенок заплачет — «грудь дают». Таким образом, соблюдались основные современные принципы грудного вскармливания: раннее прикладывание к груди, питание по требованию.

Твердой даты крещения в XVII–XIX веках церковь Рязанской епархии не устанавливала, однако крестили в «ближайшее от рождения время, не откладывая позже 3 дней. Главным ритуальным блюдом крестильного стола была каша (в Рязанской губернии — пшенная). Отцу давали очень соленую кашу, как бы почувствовать трудность родов. Новорожденного, чтобы оградить от «порчи», не показывали посторонним 40 дней.

Если женщина могла, то через 2–4 дня она принималась за работу в доме: топила печь, замешивала тесто, пекла хлеб, ухаживала за скотиной, а через 5–7 дней летом уходила в поле. Ребенка брали с собой, клали завернутого в «тряпки» на межу под присмотром старших детей или помещали в люльку, привязанную к поднятой оглобле телеги.

Сроки кормления грудным молоком были установлены церковными правилами и вошли в народные нормы. Продолжительность грудного



*Детская колыбель*

вскармливания измерялась постами. В Рязанском уставе рекомендовалось кормить три поста — «Филиппов, считая Великий и Успенский», что равнялось приблизительно полутора годам. Во многих семьях продолжали кормить грудным молоком детей до 3–5 лет. От наличия грудного молока в те времена «зависела жизнь ребенка». При его отсутствии кормили детей «водой, заправленной коровьим или козьим молоком». «В полгода давали жвачку: разжеванный картофель, репу, хлеб клали ребенку в рот пальцами». Когда у ребенка появлялись зубки, «в 8–12 месяцев давали кислые яблоки, огурцы», позже — кашу на воде. Мясо начинали давать детям с 3 лет. Молоко, мясо, яйца являлись «ценными продуктами для обмена».

### **РУКОПИСЬ О ПИТАНИИ В СЕЛЬСКОЙ И ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

*Никитин Александр Иванович, село Вослебово Скопинского уезда Рязанской губернии, 30/XII-1923*

«До войны почти у всех были самовары, но чай крестьяне пьют по праздникам, если же пьют и в будни, то это вовсе не значит, что они любители чая и могут пить его часто, а просто потому, что чай и хлеб — часто весь обед вослебовцев. Обычная пища, конечно, без мяса. Щи из кислой капусты, картофель с постным маслом или же просто с салом. Кашу едят очень редко. У кого есть молоко, едят понемногу сами, или дают детям, но чаще продают в городе. Главный продукт — хлеб».

«Огородов в селе совсем нет, а о садах и речи быть не может. На огородах сеют коноплю. Воровство так укоренилось у вослебовцев, что если один-двое попробовали бы посадить у себя луку, огурцов, то ребяташки, да и взрослые соседи все повытаскивают, а сговориться всем селом и завести всем огороды вослебовцы пока не додумались, по крайней мере в мое время».

### **ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РЯЗАНСКОГО ДВОРЯНСТВА**

В конце XVIII – начале XIX века 6–7 детей в дворянской семье были обычным явлением. Из 18 родившихся выживали только 6–7, т.к. детская смертность и в семьях дворян была высокой.

Образ жизни помещика во многом зависел от воспитания, полученного им в родительской усадьбе, и от его образования. Большую роль в воспитании и первоначальном образовании дворянских детей,

особенно в обедневших семьях, играли дворовые, составлявшие постоянное окружение малолетнего барчонка. Хотя родители находили нежелательным тесное общение своих детей с крепостными и их детьми, но полностью воспрепятствовать этому было невозможно. Часто для дворянских детей крепостные няньки и дядьки были ближе, чем родители.

Традиционно в дворянских семьях было 4-разовое питание. На завтрак подавали студень, солонину с гарниром, горячую ветчину, яйца всмятку. К обеду — щи, борщ, суп, на второе — жаркое из свинины или домашней птицы, изредка баранины или телятины. Полдник: блинчики, оладьи, каши.

### ЛИТЕРАТУРА

1. Русские Рязанского края. Том 2. *Москва: ИНД Риг*, 2009. С. 117–302.
2. Российский научно-исследовательский институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклуха-Маклая.
3. Рождение детей. Культура. Материнство. Общественные рекомендации. С.А. Иникова.
4. Семенова-Тян-Шанская О. Жизнь Ивана. Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. Т. 39. *СПб.*, 1914.
5. Рязанские традиции. Культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектический словарь. Рязанский этнографический вестник. Морозов И.А. и др. 2001.
6. Зеленин Д. Русская этнография. *Москва: Институт русской цивилизации*, 2003.
7. Солодовников Д.Д. Рукопись «О населении Рязанского края». *Рязань*, 1932.
8. Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива общества исследователей Рязанского края. Вып. 1–5. *Рязань*, 1928–1933.
9. Проходцев И.И. Рязанская губерния в 1812 году, преимущественно с бытовой стороны. В 2-х ч. *Рязань*, 1913, 1915. Ч. 1 — 636 с., Ч. 2 — 652 с.
10. Щербаков Я.Ф., Орлова Н. Материалы по краеведению села Верхнего и Нижнего Наследничья Тырково-Слободской волости Спасского уезда Рязанской губернии. № 200. 1926.
11. Кислова С.И. К материалам по изучению быта крестьянского ребенка. № 225. 1921.

# Вопросы вскармливания и диететики в педиатрии: Петербург–Ленинград–Петербург. Взгляд сквозь годы...

**И.Л. Никитина**

Северо-Западный федеральный медицинский исследовательский центр  
им. В.А. Алмазова Минздрава России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

\* \* \*

Вопросы вскармливания младенцев и диететики детей всех возрастов неразрывно связаны с общей историей становления отечественной педиатрии. В настоящее время хорошо известно, что физиология и патология детского организма существенно отличается от таковых у взрослых, однако еще в XVIII – начале XIX века представления об особенностях развития и заболеваний у детей были весьма неопределенны. Наблюдения за крайне высокой заболеваемостью и смертностью детей в детских и воспитательных домах, детских приютах, которые начали создаваться с конца XVII века в разных странах Европы, заставили прогрессивных ученых-медиков, общественных деятелей обратить более пристальное внимание на эту группу населения. В детских приютах того периода умирал каждый 3–4-й ребенок раннего возраста, высока была распространенность кишечной и желудочной диспепсии, инфекций пищеварительного тракта. Внимательный анализ возможных причин данной печальной ситуации наметил основные направления приложения усилий для борьбы с заболеваниями и преждевременной смертностью детей разных возрастов, которые и в настоящее время остаются основой науки о здоровом и больном ребенке. Это рекомендации по питанию, гигиеническому содержанию детей и борьбе с ин-

фекциями, изучение физиологических особенностей развития ребенка на разных возрастных этапах, изменение социального положения ребенка в обществе и некоторые другие положения, определившие необходимость выделения учения о физиологии и патологии детского возраста в отдельную специальность — педиатрию. Среди петербургских ученых предтечей отечественной педиатрии следует считать профессора Повивального института Нестора Максимовича Максимовича-Амбодика, выделившего в своей книге «Искусство повивания, или наука о бабичьем деле...» (1786) раздел, посвященный попечению и врачеванию детей. Касаясь вопросов питания детей, Н.М. Максимович-Амбодик писал: «Материнское молоко — полезнейшее, надежнейшее, ничем не заменимое питание». Несколько позже профессор Медико-хирургической академии в Петербурге (ныне Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова) Степан Фомич Хотовицкий впервые в высшей школе России начал читать систематический курс детских болезней. С.Ф. Хотовицкого считают основоположником педиатрии в России. В 1965 году в той же академии была организована первая в России кафедра детских болезней, первым заведующим которой стал профессор Василий Маркович Флоринский. В 1870 году заведование кафедрой перешло к профессору Н.И. Быстрову, при котором детская клиника Военно-медицинской академии стала крупным клиническим и научным центром. В 1885 году профессором Н.И. Быстрым в Петербурге было организовано первое в России Общество детских врачей. Петербургская педиатрическая школа продолжала продуктивно развиваться в последующие годы, открывались детские отделения и детские больницы. В Петербурге был организован и успешно работает до настоящего времени единственный в стране Педиатрический медицинский институт, из стен которого вышли многие поколения отечественных педиатров, ученых и клиницистов. Среди видных ученых-педиатров Ленинграда/Санкт-Петербурга, внесших большой вклад в развитие учения о здоровом и больном ребенке, следует помнить о профессорах Н.П. Гундобине, А.Н. Шкарине, М.С. Маслове, А.Ф. Туре, А.Б. Воловике, Э.И. Фридмане, Ю.А. Менделевой, Н.П. Шабалове, И.М. Воронцове, Л.В. Эрмане, В.В. Юрьеве и многих других, трудами которых были достигнуты огромные успехи в деле охраны здоровья детей и снижения младенческой и детской смертности в Петербурге. Достаточно подчеркнуть, что показатель младенческой смертности в Северо-Западном федеральном

округе является наиболее низким в Российской Федерации, а по г. Петербургу сопоставим с уровнем младенческой смертности в передовых странах Европы и мира (в 2014 году младенческая смертность по СЗФО составила 6,2%, по Санкт-Петербургу — 4,2%). Вопросы вскармливания и питания здорового и больного ребенка всегда являлись чрезвычайно важным разделом педиатрии, занимающим значительное место в научных исследованиях, клинических рекомендациях и лекционных курсах ведущих петербургских педиатров. Особенного упоминания в данной области заслуживают труды Александра Фёдоровича Тура — профессора, академика АМН СССР, лауреата Ленинской премии, с 1925 года заведовавшего рядом педиатрических кафедр в Ленинградском педиатрическом медицинском институте, считавшего, что «одним из основных условий, без которых невозможны правильное физическое и психическое развитие ребенка раннего возраста и нормальная сопротивляемость его организма, является рациональное питание ребенка с первых дней его жизни». А.Ф. Тур считал, что отдельные врачи в своей повседневной практике недооценивают значение диететики в профилактике и лечении многих детских заболеваний. «Справочник по диететике детей раннего возраста», опубликованный профессором А.Ф. Туром и переизданный восьмикратно, явился фундаментальным руководством по питанию детей, имеющим в своей основе физиологическое учение академика И.П. Павлова, что позволило пересмотреть и научно обосновать многие вопросы питания ребенка, ранее разрешаемые чисто эмпирически. В годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда А.Ф. Тур был главным педиатром Ленинграда, внесшим огромный вклад в организацию питания и других аспектов оказания педиатрической помощи, о чем более



*Александр Фёдорович Тур (1894–1974) — советский педиатр, профессор, академик АМН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, заведующий кафедрой госпитальной педиатрии Ленинградского Педиатрического медицинского института. В годы войны — главный педиатр города Ленинграда.*



подробно будет рассказано ниже. Основные положения справочника, касающиеся принципов рационального вскармливания детей раннего возраста, были использованы многими учеными-педиатрами не только петербургской, но и других педиатрических школ.

Обсуждая вопросы становления и совершенствования системы охраны здоровья детей, эволюцию понимания особенностей и потребностей детского организма в разные возрастные периоды, невозможно не обсудить достаточно подробно работу медиков в годы Второй мировой войны и блокады Ленинграда. Экстремальные условия, в которых неожиданно и непрогнозируемо оказались обычные люди — жители героического города всех возрастов, включая грудных, недоношенных, хронически больных детей, а также медицинские работники — педиатры, организаторы здравоохранения, медицинские сестры и прочие, бросили тем и другим, казалось, непреодолимый вызов, основной смысл которого заключался, по сути, в решении единственного вопроса — возможно ли выжить и сохранить совместимые с жизнью условия существования для наиболее уязвимых групп населения — детей? И теперь, когда годы блокады превратились для нас в героическое прошлое города Ленинграда/Петербурга, совершенно очевидно, что медицинские работники бесстрашно приняли этот вызов, объединив интеллектуальные, душевные, физические силы и выстроив, возможно, самый прочный в годы войны рубеж, защитивший многие детские жизни от смерти вследствие голода, холода и инфекционных болезней. Глубокое изучение и понимание работы педиатрической службы того периода чрезвычайно важно с нескольких позиций. Так, практическая помощь детям оказывалась педиатрами и другими медицинскими работниками в условиях высокой кадровой укомплектованности детских лечебных учреждений, работа которых была организационно перестроена для оптимизации ее результатов в изменившихся условиях военного времени. Руководителями и идеологами педиатрической помощи были профессора и преподаватели Ленинградского педиатрического института, которые наряду с непосредственным участием в лечебном процессе проводили анализ состояния здоровья и заболеваемости детей, научные исследования в области диететики, защиты от инфекций, возможностей физиологического развития детей в изменившихся условиях жизни. Также постоянно осуществлялось обучение и повышение уровня знаний молодых специалистов. Таким образом, учеными и вра-

чами блокадного Ленинграда была проведена огромная работа клинического, организационного, научно-исследовательского, обучающего характера. Результаты ее позволили сохранить жизнь и обеспечить развитие большому количеству детей, а также составили уникальный опыт работы педиатрической службы в экстремальных условиях. Этот опыт, несомненно, является данью памяти героическим людям, боровшимся за детские жизни в годы войны. Но также данный опыт является важным научно-практическим наследием, анализ которого должен стать основой «экстремальной педиатрии».

### **ОПЫТ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ДЕТЯМ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ ЕДИНЫМ ПЕДИАТРОМ**

В годы блокады была проведена разумная реорганизация педиатрической службы, что было продиктовано изменившимися условиями жизни населения. Так, в 1942 году было принято решение об обслуживании всего детского населения в возрасте от 0 до 16 лет единым педиатром. Предпосылками к этому решению послужили следующие моменты: эвакуация детского населения резко снизила плотность населения на участках, увеличив их пространственно; семьи требовали единого обслуживания, единой глубокой заботы, равно как и метод консультативной работы — профилактический патронаж, необходимо было внедрить и в работу со старшим детством. Таким образом, детские консультации, ранее обслуживавшие детей раннего возраста, были объединены с детскими поликлиниками. На подготовительном этапе чрезвычайно важно было решение вопроса теоретической подготовки кадров как врачебного, так и среднего медперсонала, к работе с детьми грудного возраста (уход за новорожденным, диететика грудного ребенка, особенности заболеваний детей первого года жизни). Вторым моментом подготовительной работы явилась общая поквартирная перепись детского населения силами патронажных сестер для выявления истинного количества проживающих детей, учета посещаемости ими детских учреждений, распределения их по профилю участков. Объединенные детские консультации-поликлиники вели приемы неорганизованных детей всех возрастов (от 0 до 16 лет), руководили медицинской работой в организованных детских коллективах (ясли, детские сады, школы, ФЗУ, детдома), имели связь с женскими консультациями и родильными домами, предприятиями района, на которых работали подростки-рабо-

чие. Таким образом, в результате перехода на обслуживание «единым педиатром» повысилось качество как профилактической, так и лечебной работы. Участковые педиатры осуществляли преемственность в наблюдении за детьми всех возрастов, имели информацию о вновь родившихся младенцах, состоянии здоровья детей организованных коллективов, осуществляли диспансерное наблюдение за работающими на предприятиях подростках. Особым разделом работы всегда являлась организация детского питания, причем на получение молочных продуктов в соответствии с рецептом к молочным кухням прикреплялись не только младенцы, но и все дети старшего возраста. Более того, по решению специальной отборочной комиссии консультации/детской поликлиники дети 3–16 лет направлялись в столовые усиленного питания, где находились под постоянным наблюдением врача. Медицинский персонал был прикреплен к столовым на полный рабочий день, и в его обязанности входил не только глубокий контроль за качеством и количеством получаемой детьми продукции, но и регулярные, дважды в месяц, осмотры с оценкой здоровья и изменения массы тела детей, лабораторными анализами, включая оценку уровня гемоглобина и др. Врачи столовой проводили также все необходимые противоэпидемические мероприятия. Таким образом, задачи объединенной консультации/поликлиники имели чрезвычайно широкий диапазон, начиная от антенатальной охраны и охватывая все детские контингенты. Особое значение работы по системе «единого педиатра» имел тот факт, что на основании информации обо всех проживающих детях на участках удавалось своевременно выявлять и снабжать молочными продуктами и дополнительным питанием детей старших возрастных групп. В целом же такие объединенные консультации/поликлиники стали центрами, организующими и объединяющими все медицинское и профилактическое обслуживание населения в возрасте от 0 до 16 лет, включая руководство медицинской помощью во всех детских учреждениях района.

### **Алиментарная дистрофия у детей**

Жизнь в Ленинграде в условиях блокады, сопровождавшаяся постоянным недоеданием, длительным охлаждением, физическим и психическим утомлением, неизбежно должна была отразиться на здоровье и развитии детей, оставшихся в городе. По свидетельству профессора А.Ф. Тура, с конца 1941 года главную массу больных, проходивших че-

рез детские клиники и поликлиники, составляли дети с явлениями алиментарной дистрофии разной степени тяжести. Голодание, грубо нарушающее все функции организма в любом возрасте, особенно губительно отражается на здоровье ребенка, так как для детей питание является одним из основных факторов, обеспечивающих возможность нормального течения процессов прогрессивного порядка — роста, физического и психического развития. Хронические расстройства питания являются хорошо известной патологией детского возраста, которой посвящены главы учения о больном ребенке раннего возраста. В основе алиментарной дистрофии, независимо от этиологического фактора, всегда лежит эндогенное или экзогенное голодание. Описание клинической картины больного алиментарной дистрофией было образно дано профессором А.Ф. Туром, имевшим большой опыт наблюдения и лечения данной патологии. «Клиническая картина хорошо выраженной алиментарной дистрофии у детей довольно своеобразна. Больные вялы, лежат, съживившись и закрывшись с головой одеялом; иногда они апатичны и безразлично относятся ко всему окружающему, в других случаях они раздражительны, капризны и не позволяют себя исследовать; обычно жалуются на чувство холода и голода, и никак не могут согреться и насытиться. В очень тяжелых случаях аппетит исчезает, дети отказываются от еды; сравнительно часто является потребность в соленой или кислой пище, гораздо реже — вкусовые извращения. Кожа сухая, бледная, нередко шелушится; наличие геморрагических явлений указывает на недостаточное поступление витамина С, явления дерматита или пигментации кожи кистей, стоп и шеи говорят о пеллагре. Слизистые — бледные, несколько суховаты, часто — явления стоматита или гингивита (скорбут); у детей без зубов слизистая полости рта, как правило, не страдает. Отеки — почти постоянный симптом в клинической картине алиментарной дистрофии. Степень отечности — весьма различна: от небольшой одутловатости до резко выраженных тотальных отеков (anasarca); последовательность — сперва лицо и стопы, позже — голени, кисти рук, туловище. Отек — мягкий, безболезненный, легко перемещающийся



*Вид ребенка с алиментарной дистрофией*

с переменной положением больным. Часты гидроперикард, асцит. Легкие и средней тяжести отеки проходят иногда очень быстро при улучшении питания, тяжелые отеки могут держаться очень долго даже при значительном улучшении общего состояния больного. Степень отечности не является существенным показателем тяжести состояния и не предопределяет исход заболевания. Быстрое исчезновение сильных отеков — признак прогностически неблагоприятный. Затянувшиеся поносы, как правило, усиливают отеки или способствуют их выявлению в безотечных случаях. Атрофия мышц — один из наиболее ранних и постоянных симптомов в клинике голодания детей. Это проявляется слабостью в ногах, быстрой утомляемостью при движении, причем атрофия мышц сглаживается значительно медленнее, чем повышается вес и улучшается общее состояние ребенка при восстановлении питания. У старших детей сравнительно часты внутримышечные кровоизлияния (авитаминоз С), у детей первых лет жизни они сравнительно редки. Сравнительно часто наблюдаемые контрактуры нижних конечностей (ребенок ходит на носках) являются симптомом авитаминоза группы В. Большинство детей жалуются на боли в костях голени, часто усиливающиеся к ночи. При дистрофии часты осложнения со стороны органов дыхания — бронхиты, бронхопневмонии, обострение туберкулезного процесса. Заметно поражается сердечно-сосудистая система: перкуторные границы сердца обычно остаются в пределах нормы или бывают даже несколько уменьшены; последнее наблюдается особенно часто у детей, страдающих поносами, сильно истощенных детей раннего возраста. Значительно реже приходится наблюдать увеличение сердечной тупости. Тоны сердца глухи, нередко выслушиваются функциональные шумы. Пульс у детей раннего возраста чаще учащен, у более старших детей — умеренная брадикардия. Характерной является лабильность пульса с частой сменой бради- и тахикардии. Кровяное давление снижено. Со стороны периферической крови — умеренная гипохромная анемия; во многих случаях истинная олигемия маскируется сгущением крови. Сравнительно редко анемия достигает тяжелых степеней и по данным пункции костного мозга приближается к апластической. Всегда — анизоцитоз и полихромазия, сравнительно редко — пойкилоцитоз. Число белых кровяных телец уменьшено, почти всегда — относительный лимфоцитоз, абсолютная и относительная нейтропения. Надо отметить крайнюю неустойчивость лейкоцитарной формулы у детей-

дистрофиков. При алиментарных дистрофиях у детей резко нарушается функция желудочно-кишечного тракта. Очень часто приходится наблюдать поносы; в одних случаях они носят характер энтерита, в других — колита, чаще следует говорить об энтероколите. Живот умеренно вздут, стенки живота иногда сильно напряжены. Боли в животе редки, острый живот приходится исключать в редких случаях. Со стороны желудочно-содержимого — снижение общей кислотности и снижение силы ферментов. В испражнениях — почти всегда слизь, реже — кровь. Бактериологическое исследование испражнений в громадном большинстве случаев давало отрицательные данные в отношении бактерий дизентерийной и паратифозной группы. Со стороны мочевой системы следует отметить поллакиурию и никтурию. Истинная полиурия бывает лишь в период спадения отеков. Сравнительно часто альбуминурия, достаточно быстро и бесследно проходящая. Почти всегда нарушение выведения хлоридов, в нескольких тяжелых случаях пришлось наблюдать картину несахарного диабета. У детей с алиментарной дистрофией сильно страдает эндокринно-вегетативная система, что дает право говорить о плюригландулярном синдроме в клинической картине алиментарной дистрофии у детей (гипотиреоз, гипофункция надпочечников, гипогонадизм). Температура тела — нормальна или понижена; в некоторых случаях приходилось наблюдать повышение температуры, для объяснения которой в клиническом статусе больных не удалось найти достаточно данных. Из изложенного видно, насколько полиморфна клиническая картина алиментарной дистрофии у детей. В ней тесно переплетаются и не всегда поддаются дифференцированию симптомы просто истощения, авитаминозов, влияния характера питания, случайных инфекций, сопутствующих заболеваний, возраста и конституциональных особенностей ребенка». Такое описа-



*Юлия Ароновна Менделеева (1883–1959) — советский педиатр, профессор, первый ректор Ленинградского педиатрического медицинского института. Житель блокадного Ленинграда*

ние клинической картины алиментарной дистрофии, основанное на большом опыте и внимательном наблюдении за детьми с данной патологией, было составлено профессорами А.Ф. Туром и А.Б. Воловиком.

Осознавая, таким образом, всю глубину и тяжесть последствий голодания в детском возрасте, следовало как можно быстрее и эффективнее найти ответ на вопрос, каким образом можно организовать питание детей всех возрастов, чтобы в условиях резкого ограничения поступления и запасов пищевых продуктов в осажденном городе максимально обеспечить потребности растущего организма в калораже и основных ингредиентах? Ответ на этот, на первый взгляд, неразрешимый вопрос был блестяще найден группой ученых, возглавляемых профессором А.Ф. Туром, и практиков, возглавляемых заведующей молочно-пищевой станцией Ленинградского педиатрического института доктором С.И. Поляковой.

### **РАБОТА МОЛОЧНЫХ СТАНЦИЙ В УСЛОВИЯХ НЕДОСТАТОЧНОГО СНАБЖЕНИЯ ПРОДУКТАМИ**

Данный раздел следует начать с того, что в период Отечественной войны и блокады города молочно-пищевая станция Ленинградского педиатрического института ни на один день не прекращала своей деятельности, невзирая на возникшие в связи с блокадой большие трудности в работе (перерывы в подаче воды; нарушение нормальной работы котельного и парового хозяйства; неполный, необычный ассортимент сырья; затруднения с транспортом); все прикрепленные к станции точки и контингенты детей удовлетворялись полностью всеми видами смесей. Работникам молочной станции пришлось в первую очередь задуматься и поработать над тем, как готовить смеси из имеющихся продуктов, не снижая качества в отношении пищевой ценности, т.е. содержания белков, жиров, углеводов, их калорийности и соответствующих вкусовых качеств. Для решения поставленных задач сотрудниками станции был проделан ряд опытных варок в лабораторной обстановке. Кроме того, учитывая дефицитность некоторых видов сырья, все дети в возрасте до 3 лет были разбиты на 3 группы: от 0 до 5 мес, от 5 мес до 1 года и от 1 года до 3 лет. Такая дифференцировка дала возможность для самого раннего возраста выделить манную крупу для приготовления 5% каши на наиболее полноценных сортах молока. При низком процентном содержании жиров в молоке к каше добавляли 10% сливки. Количество поступаю-

щего на станцию молока зачастую определяло и технологический процесс приготовления каши. При достаточном поступлении молока каши готовились на цельном молоке. При перебоях в снабжении молоком калорийность каши покрывалась в основном за счет добавления масла. Вопрос, чем может быть заменено коровье молоко для приготовления детского питания, стоял достаточно серьезно. Особенно остро дефицит коровьего молока ощущался в зимние месяцы 1941/1942 гг., когда лактационная способность матерей упала до минимума, и почти все грудные дети находились на искусственном вскармливании. Исполком Ленгорсовета оказывал всяческую поддержку, были использованы имевшиеся в Ленинграде запасы сухого молока, сгущенного коровьего молока; также в диететике детей широко применялось соевое молоко. Сотрудники 1-го Молокозавода настойчиво добивались и достигли улучшения качества выпускаемого соевого молока, а сотрудники Ленинградского педиатрического института (профессора Тур, Лукьянчикова, д-р Полякова) разработали вопросы рационального применения соевого молока, в частности рецепты для приготовления из соевого молока и сгущенного коровьего молока лечебных смесей: пахтанья, белкового молока, простокваши, кефира, жирных смесей. При изготовлении смесей часто приходилось одну и ту же смесь приготавливать из нескольких видов молока — соевого, сладкого, солодового, восстановленного. Так, например, смесь «белковое молоко» готовили следующим образом: творог, входящий в состав смеси, готовили из соевого молока, все же остальные составные части — обезжиренное молоко (*пахтанье*) — из сладкого или восстановленного молока. Для пахтанья обезжиренное молоко готовили, в свою очередь, из сладкого, прибавляя к нему частично восстановленное. Практика показала, что при изготовлении разных видов простокваши (простой, ацидофильной и болгарской) из сладкого молока культуры для заквашивания расходуется вдвое больше, так как сладкое молоко содержит большее количество углеводов, депрессивно действующих на рост молочно-кислого стрептококка. Также наблюдения показали, что для приготовления кальциевого творога из сладкого молока требуется хлористого кальция меньше, чем при изготовлении из натурального молока, а именно 0,7% вместо 1%, а для соевого и восстановленного — 1,5%. В технологии приготовления отваров и смесей были применены некоторые рационализаторские мероприятия. Так, смесь № 2 стали готовить из сладкого или восстановленного молока без



Таблица 1

Наименование каш и смесей	Молоко в г			Вода в г	Крупа в г	Сахар в г	Масло в г	Калорий
	восстановленное	сладкое	солодовое					
Манная каша	100	—	—	—	10	5	—	125
	50	—	—	—	50	12	10	117
	—	100	—	—	50	12	10	125
	—	50	—	—	50	12	10	118
	—	—	160	—	—	12	5	122
Рисовая каша	—	—	50	—	10	5	—	128
	100	—	—	—	100	12	10	122
	50	—	—	—	—	12	5	138
	—	100	—	—	35	14	10	116
	—	50	—	—	50	14	5	130
Гречневая каша	—	100	—	—	100	12	5	120
	—	50	—	—	100	14	10	125
	100	—	—	—	50	17	5	128
	50	—	—	—	50	17	5	147
	—	100	—	—	50	17	3	137
Пшеничная каша	—	—	100	—	100	17	5	123
	100	—	—	—	100	17	5	121
	50	—	—	—	35	17	5	147
	—	100	—	—	50	17	3	140
	—	50	—	—	100	17	3	127
Лапша	—	—	100	—	100	17	5	121
	75	—	—	—	100	17	5	121
	50	—	—	—	50	17	5	131
	—	75	—	—	25	17	5	127
	—	50	—	—	50	17	5	120

Наименование каш и смесей	Молоко в г			Отвар в г	Сахар в г	Масло в г	Мука в г
	сладкое	восстановленное	солодовое				
Смесь №3	66	—	—	33	—	—	—
	—	66	—	33	5	—	—
	33	33	66	33	5	—	—
Смесь №4	100	—	—	—	—	—	—
	—	100	—	—	—	—	—
Смесь №5	100	—	—	—	—	—	—
	—	100	—	—	5	—	—

3 Вспомогательная для больницы Ленинграда

Продолжение табл. 1

Наименование каш и смесей	Молоко в г			Отвар в г	Сахар в г	Масло в г	Мука в г
	сладкое	восстановленное	солодовое				
Смесь №2	—	50	—	50	5	—	—
	100	—	—	—	—	5	7
Каша Моро	—	100	—	—	—	—	—
	—	—	100	—	—	7	3
Смесь Моро	100	—	—	—	—	—	—
	—	100	—	—	—	—	—

Славно-молочная смесь	Молоко в г		Мука в г	Сахар в г	Сливки в г	Вода в г
	восстановленное	сладкое				
30	—	—	3,25	3,25	20	50
	—	30	3,25	2,00	20	50

Белковое молоко	Творог в г	Молоко в г			Сахар в г	Вода в г
		восстановленный	сладкое	восстановленное		
100	—	—	50	—	—	5
	—	100	—	50	—	—

Шоколадное молоко	Молоко в г		Шоколад в г
	100 г	5 г	
100	—	—	—
	—	—	—

Патлаемые	Молоко в г		Мука в г	Сахар в г
	восстановленное	сладкое		
100	от 0,5 до 1%	жир	3	4
	—	—	2	—

Смесь Клейшмидта	Молоко в г				Сахар в г
	восстановленное	сладкое	Мука в г	Масло в г	
100	—	—	3	3	5
	—	100	3	3	—

Смесь Черная	Молоко в г			Вода в г	Мука в г	Масло в г	Сахар в г
	восстановленное	сладкое	солодовое				
40	—	—	60	5	5	5	4 (расчетная вода)
	—	40	60	5	5	5	2

добавления сои и солодового молока, и обеспечивать этой смесью детей первого полугодия жизни, недоношенных и тяжелобольных детей. В то же время смесь № 3 готовили комбинированно: часть отвара, часть сладкого и часть соевого (или солодового) молока, добавляя восстановленное молоко или сливки. Неоднократные проверки ингредиентов и калорийности физиологических смесей в лаборатории показали, что по своему содержанию они почти приближаются к норме довоенного времени. Таким образом, детей первого полугодия жизни старались вскармливать смесями без добавления либо с невысоким содержанием соевого молока, в то время как дети старше 1 года получали восстановленное коровье молоко либо обогащенное им солодовое (соевое) молоко, а так-

Продолжение табл. 1

Смесь Вилдгера №1	Молоко				Сахар в г
	восстановленное	сладкое	Сливки	Вода	
Смесь Вилдгера №2	1/4	—	1/4	1/4	5
Смесь Вилдгера №3	1/4	1/4	1/4	1/4	5
Смесь Вилдгера №4	1/4	1/4	1/4	1/4	5
Смесь Вилдгера №5	1/4	1/4	1/4	1/4	5

Творог из кефира — 40 г, шоколад — 20 г, концентрированный рис — 40 г, творог из зефира — 40 г, сахара — 10 г, сметаны из сладкого молока — 20 г, 1/2 л зефира получается 300 г творога.

Состав смесей, разработанных на молочно-пищевой станции Педиатрического медицинского института

же удовлетворительный по вкусовым качествам соевый кефир. При изготовлении смесей учитывались вкусы детей и их отношение к предлагаемой продукции. Так, стремясь улучшить вкусовые качества продукции, взамен соевого кефира, от которого часто отказывались дети, была разработана рецептура «твориса», который изготавливался на основе кефира: шоколад — 20 г, концентрированный рис — 40 г, творог из кефира — 40 г, сахар — 10 г, сыворотка из сладкого молока — 20 г. Из 1 л кефира получали 330 г твориса.

Таким образом, путем обеспечения дифференцированными смесями в разных возрастных группах, разработки опытным путем эквивалентных по калорийности и ингредиентам смесей, применения соевого и солодового молока в старших возрастных группах детей, улучшения вкусовых качеств молочной продукции, а также непрерывной самоотверженной работы всех сотрудников молочно-пищевой станции была выполнена основная цель — поддержание питания детей на определенном качественном, почти довоенном уровне. Масштаб работы молочной станции периода блокады может быть охарактеризован некоторыми статистическими данными: за время войны было отпущено 487 132 порции всякой продукции. Сравнение с довоенным периодом: если до войны смесь № 3 готовили 90–100 л/сутки, то во время войны ее готовили 1500 л/сутки; каши готовили в довоенное время 30–40 л/сутки, во время войны — до 500 л/сутки. Свой опыт сотрудники молочной станции активно и систематически передавали другим лечебным учреждениям, обучая диетлаборантов молочных кухонь и врачей, обслуживающих ясельные учреждения города.

### **Принципы лечебного питания при алиментарной дистрофии**

Не подвергается сомнению факт, что основным и решающим методом лечения алиментарной дистрофии у детей является правильная диета, строго индивидуализируемая в зависимости от возраста ребенка, степени его истощения, характера голодания, сопутствующих заболеваний и осложнений. Мы приводим некоторые рекомендации, сделанные профессором А.Ф. Туром на основании собственного опыта лечения детей с алиментарной дистрофией. На старте назначения лечебного питания рекомендуется оценивать толерантность к пищевой нагрузке. Особенно это важно при лечении тяжелой дистрофии III сте-

пени. Так, при лечении алиментарной дистрофии III степени, но без значительных отеков и поносов, в течение первых 2–3 дней следует назначать ограниченную диету, легко усвояемую, механически и химически щадящую, главным образом жидкую и полужидкую. Приемы пищи частые — 5–6 раз и чаще. В первые дни лечения, пока не выяснена выносливость больного к белкам и жирам, нельзя допускать перегрузки этими ингредиентами; количество углеводов при этом может быть достаточно велико. Назначались из расчета на 1 кг массы больного белков 1,0–1,5 г, жиров не более 1,5 г, углеводов 10–12 г. С первых дней лечения пища должна содержать достаточное количество витаминов. С этой целью больным назначались настой хвои, рыбий жир, концентраты витаминов даже в отсутствии явных признаков гиповитаминоза. Через 1–3 дня, если больной хорошо справлялся с такой ограниченной диетой, осуществлялся перевод на полноценное питание: на 1 кг веса до 2,0–2,5 г белков, столько же жиров и 12–14 г углеводов. Этот вариант диеты не должен обеспечивать механическое щажение кишечника. Учитывая некоторую капризность аппетита детей-дистрофиков, рекомендовалось ведение в рацион селедки, кильки, воблы и др. Детям, менее истощенным (I–II степень дистрофии), эту диету можно назначать с 1-го дня лечения. Если через 8–12 дней вес ребенка не начинал регулярно нарастать, то рекомендовалось назначение усиленной диеты, богатой полноценными белками и жирами. Эта диета содержала до 4,0–4,5 г белков, около 4,5–5,0 г жиров и 12,0–15,0 г углеводов на 1 кг веса. Калорийный коэффициент при такой диете составлял 100–200 ккал и более на 1 кг веса. Диета обогащалась витаминами и минеральными солями. При дистрофии с отеками, но без поносов, рекомендовалась такая же диета, так как сухоядение и бессолевая диета излишни и могут быть вредны. Некоторое ограничение жидкости и соли рекомендовалось лишь при очень выраженных отеках. При этом А.Ф. Тур отдельно подчеркивал, что наличие в моче умеренного количества белка и лейкоцитов не должно являться основанием к ограничению животных белков в рационе. При поносах у детей-дистрофиков требовалась строгая индивидуальная диетотерапия. В первые дни лечения назначали пищевой режим, показанный при острых гастритах и гастроэнтеритах. Через несколько дней, не дожидаясь резкого улучшения или полного исчезновения диспептического синдрома, дети постепенно переводились на достаточно полноценное питание за счет увеличения количества белков, жиров

и углеводов, свободных от значительного количества клетчатки и других грубых остатков. При поносах особое внимание обращалось на восстановление гипо- и авитаминозов. Кроме диетического питания, в терапии алиментарной дистрофии являлось крайне важным создание физического и психического покоя, согревание больного и постоянное поддержание температурного режима; рекомендовали также горячую пищу, разрешалось назначение детям черного кофе и вина.

### **СВИДЕТЕЛЬСТВА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ — ОЧЕВИДЦЕВ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В СПАСЕНИИ ЖИЗНЕЙ ДЕТЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА**

Погружаясь в исследование дошедших до настоящего времени исторических свидетельств тех лет, понимаешь, что деятельность и действия медицинских работников и других людей, заботившихся о сохранении здоровья и жизней детей блокадного Ленинграда, несомненно, выходили за пределы человеческих возможностей в обычных условиях существования мирного времени. Однако является очевидным факт, что невероятные трудности и нечеловеческие испытания сплотили ряды педиатров, обнаружив, возможно, ранее неведомые им самим физические, личностные, характерологические качества и свойства, направленные на выполнение профессионального долга и сделавшие их нестигаемыми на этом трудном и долгом пути. Одним из первых возобновило в Ленинграде свои заседания Общество детских врачей, возглавляемое профессорами Ю.А. Меделевой и А.Ф. Туром.

Заседания общества проходили еженедельно, интерес к ним был велик и аудитория всегда была заполнена. В работе общества принимали активное участие профессора А.Б. Воловик, А.Н. Антонов и многие другие. Детская сеть была полностью укомплектована кадрами, но наличие большого количества молодых врачей и сестер требовало непрерывной работы по повышению их квалификации. В 1942 году в условиях недостаточного питания, нетопленных аудиторий, частых артобстрелов Педиатрический медицинский институт организовал курсы повышения квалификации молодых врачей. Чтобы судить об обстановке, в которой проходили занятия, следует упомянуть о таких свидетельствах очевидцев: одну из своих лекций профессору Данилевичу пришлось завершить в темной траншее, куда курсанты перешли на время воздушной тревоги, и где они с большим вниманием продолжали слушать про-



*Дети блокадного Ленинграда в яслях и детских садах*

фессора. По свидетельству заместителя заведующего Ленинградского горздраотдела по охране детства доцента С.И. Волчок, в суровую зиму 1941/1942 гг. «число ребят, оставляемых матерями в детских яслях и садах на круглые сутки, достигало 70%. Персонал яслей и домов малюток работал столь самоотверженно, что порою можно было забыть, что мы живем в блокадном Ленинграде. В помещениях яслей было тепло, чисто и уютно.

Добавочные трудности преодолевал персонал молочных кухонь. Из-за недостатка бензина молоко не могло быть своевременно завезено на молочные кухни, и приходилось доставлять его на салазках или тележках; недостаток топлива, электроэнергии, воды и посуды создавал огромные трудности с кипячением молока и приготовлением молочных смесей. Но работники молочных кухонь преодолевали и эти трудности: они сами привозили воду, обеспечивали кухни топливом, разбирая предназначенные на слом деревянные дома; сами же привозили это топливо; сами доставляли продукты с баз и в результате добились того, что молочные кухни работали бесперебойно».

Уникальный опыт организации работы отделений физиологического стационара для детей раннего возраста и отделения для недоношенных детей клиники Педиатрического медицинского института в условиях войны и блокады был описан и проанализирован профессором А.Ф. Туром.



*Блокадная вода: за ней ходили к Неве, спускались по обледенелому берегу к проруби*

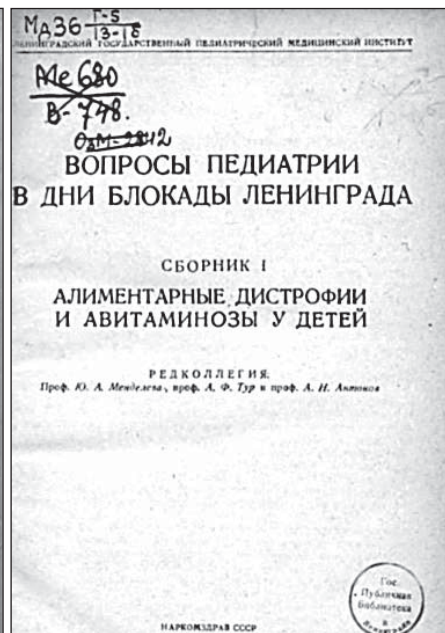
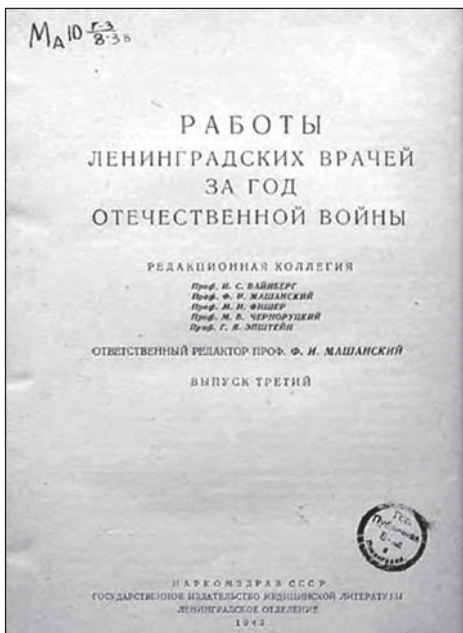
Так, в связи с участвовавшими воздушными налетами с 20 ноября 1941 г. почти на полгода дети отделений раннего возраста были переведены в бомбоубежище на постоянное пребывание. «Условия бомбоубежища заставляли желать много лучшего: на ребенка приходилось около 1,8 м<sup>2</sup> поверхности пола и приблизительно 3,4 м<sup>3</sup> объема помещения; единственное закрывающееся окно-лаз можно было использовать лишь для проветривания помещения в те дни, когда на улице было не очень холодно, и детей выносили на прогулку. Температуру воздуха удавалось поддерживать в пределах 12–15°. Сравнительно быстро начала развиваться сырость. К этому следует добавить, что не было отдельной горшечной, не было водопровода и достаточного количества теплой воды, и нечего было думать об использовании какой-либо дополнительной манежной площади в часы бодрствования детей. Однако, работая в таких условиях, мы поставили себе задачу не только сохранить жизнь и здоровье детей, но и добиться возможно нормального физического и психомоторного их развития», — писал профессор А.Ф. Тур в своих воспоминаниях. Для реализации поставленной цели проводился комплекс мероприятий, упоминание о которых представляет несомненный интерес. Так, была увеличена общая суточная продолжительность сна на 1–1,5 часа, что обеспечивало экономию расхода энергии. Дети старшей группы были переведены на режим с одним дневным сном, в то время как младшая группа всю зиму и весну провела на режиме 3-дневных снов длительностью по 2 часа с 2-часовыми промежутками бодрствования после каждого кормления. Отсутствие манежной и прогулочной площади, затруднявшее нормальную организацию бодрствования детей, заставило широко использовать вкладные доски-манежи. В такую кровать-манеж помещалось 2–3 ребенка, с которыми и организовывались занятия. Не прекращалось систематическое применение массажа и гимнастики. Суровая зима 1941 года затрудняла возможности прогулок детей, а проветривание было опасно из-за риска простудить ослабленных детей».

Заслуживает глубокого уважения тщательный анализ режима детей. Так, профессор А.Ф. Тур приводит данные, что за весь период с 20 ноября 1941 года по 1 апреля 1942 года дети гуляли 65 дней, спали при открытом окне 26 дней и оставались без прогулки и спали при закрытом окне 41 день; с апреля дети гуляли ежедневно. Для обеспечения возможности правильного психического и моторного развития в темном бомбоубежище дети старшей группы были переведены на длитель-

ное бодрствование в промежуток между 15 и 19 часами, когда в бомбоубежище бывал свет и было возможно проведение занятий. Громадное значение имело питание детей. По свидетельству профессора А.Ф. Тура, в октябре и ноябре 1941 года питание детей мало отличалось от обычной диеты в отделении грудного возраста; в декабре дети стали получать меньше овощей, редко давали рис, преобладала овсяная каша. Со второй половины декабря в меню детей пришлось включить черный хлеб и хлебные запеканки; качество хлеба оставляло желать лучшего. Меню становилось все более однообразным, преобладали мучная ржаная каша, черный хлеб и хлебные запеканки. В этот период дети старшей группы почти не получали цельного молока; каша, чаще всего гречневая, готовилась на воде, добавлялось масло и сахар, а вечером дети получали соевое молоко или смесь № 2. Приблизительно со второй половины февраля улучшилось снабжение молоком, что позволило назначать хоть 1–2 раза в день какую-либо молочную смесь и детям старшей возрастной группы. В марте значительно улучшилось снабжение продуктами, увеличился отпуск масла, временами бывали сыр и яйца, дети регулярно начали получать белый хлеб, чаще бывало мясо. В течение всего этого тяжелого периода дети регулярно получали витаминные соки летне-осенней заготовки сотрудниками Педиатрического института. Была ли достигнута поставленная цель? Вот как ответил на этот вопрос профессор А.Ф. Тур в своих научных публикациях: «Из 27 детей, переведенных в бомбоубежище, пятеро умерли вследствие присоединения инфекционных заболеваний, одного забрала мать, а оставшиеся дети в количестве 21 были здоровы; 16 из них вполне могли быть отнесены к эйтрофикам; у 4 детей имела место очень легкая гипотрофия и у одного ребенка была гипотрофия II степени. Детальный анализ особенностей развития каждого ребенка показал, что вес и длина тела нарастали регулярно все время, однако оценка периметров и антропометрических индексов свидетельствовали о небольших отклонениях в сторону снижения упитанности. Признаки рахита имели место у большинства детей, но проявления его были выражены не более чем у ленинградцев этого возраста вообще, ни у одного ребенка не было заметных деформаций конечностей, грудной клетки или черепа. Вопреки ожиданию, почти без перемен за период жизни в бомбоубежище сохранился количественный и качественный состав красной крови. В отношении моторики детей также были получены более чем нормальные результаты.







*Сборники научных трудов периода блокады Ленинграда*

ных результатов, представляется самым правильным процитировать профессора А.Ф. Тура, которого с полным правом можно считать не только большим специалистом по педиатрии и диетологии мирного времени, но и идеологом педиатрии экстремального исторического периода, к которому относятся годы войны и блокады: «Какие же средства и меры использовали мы для достижения этих, на наш взгляд, вполне удовлетворительных результатов? Первое и самое главное — это безусловно преданное, добросовестное и любовное отношение к делу всего персонала: без этого добиться более или менее хороших результатов было бы невозможно. Второе — правильное построение режима жизни и воспитания ребенка применительно к необычным условиям жизни, с достаточно строгим учетом индивидуальных особенностей каждого ребенка. Третье — весьма существенное — это правильное, строго индивидуальное питание детей».

Прошли годы и десятилетия, выросли и сменились поколения. Ученые и в наши дни продолжают изучать здоровье людей, переживших блокаду, и здоровье их потомков. Достаточно много важных и интересных наблюдений нам еще предстоит узнать и проанализировать. Одна-

ко самоотверженный и героический труд педиатров, ученых и практиков, боровшихся за детские жизни в блокадном Ленинграде, является уникальным научным наследием, заложившим основы педиатрии экстремальных условий, и одновременно символом практически безграничных человеческих возможностей на пути к достижению поставленной цели.

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Тур А.Ф. Пропедевтика детских болезней, изд. 6-е. *Ленинград: Медицина*, 1971. 195 с.
2. Тур А.Ф. Справочник по диететике детей раннего возраста, изд. 8-е, испр. и доп. *Ленинград: Медицина*, 1971. 285 с.
3. Шабалов Н.П. Детские болезни: Учебник. 5-е изд. В двух томах. Т. 1. *СПб.: Питер*, 2004. 832 с.
4. Волчок С.И. Забота о детях в блокированном Ленинграде. В сб.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. *СПб.*, 1944. С. 3–8.
5. Синявская Н.Г. Опыт обслуживания единым педиатром детского населения в возрасте от 0 до 16 лет. В сб.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. *СПб.*, 1944. С. 15–19.
6. Тур А.Ф. Режим жизни и питания детей в условиях войны и блокады. В сб.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. *СПб.*, 1944. С. 20–30.
7. Тур А.Ф. Особенности клиники, течения и лечения алиментарных дистрофий у детей. В сб.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. *СПб.*, 1944. С. 38–48.
8. Воловик А.Б. Клиническая характеристика алиментарной дистрофии у ленинградских детей. В сб.: Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Сборник 1. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. *СПб.*, 1944. С. 48–54.
9. Работы ленинградских врачей за год отечественной войны. Выпуск третий. *Ленинград: Медгиз*, 1943.

# Материнство и детство у русских переселенцев Сибири

Т.Н. Ёлкина, Н.А. Тарасевич

Новосибирский государственный медицинский университет,  
Новосибирск, Российская Федерация

\* \* \*

Традиции вынашивания, рождения и грудного вскармливания детей у русских в Сибири схожи с таковыми в Центральной, Северной и Южной России, так как из этих областей шло заселение Сибири русскими. При внимательном рассмотрении, и в культурах других народов эти традиции имеют общую суть, различаясь в деталях, обусловленных климатическими, историческими, социальными особенностями проживания того или иного народа.

Анализ народных традиций, с точки зрения современных научных данных, показывает, что большинство обрядов и обычаев, которые на первый взгляд кажутся иррациональными, на самом деле играют жизнеобеспечивающую роль в тех природных и социокультурных условиях, в которых приходилось жить данному народу. Опыт, накопленный в поколениях, передавался из уст в уста при совместном проживании в виде неписанных правил — запретов или предписаний, имеющих в народном сознании силу закона. В наиболее краткой и выразительной форме эти правила отражены в пословицах. Емкость, поэтичность, предельный лаконизм, афористичность и глубина мысли делают пословицу бесценным источником эмпирических знаний, накопленных человечеством. Интерес к ним не угасает и сейчас: современный человек ищет и находит в них ответы на различные житейские ситуации и психологические проблемы [1].

Здесь уместно вспомнить стихотворение Е. Баратынского:

*Старательно мы наблюдаем свет,  
Старательно людей мы наблюдаем  
И чудеса постигнуть уповаем:  
Какой же плод науки долгих лет?  
Что, наконец, подсмотрят очи зорки?  
Что, наконец, поймет надменный ум  
На высоте всех опытов и дум,  
Что? —  
Точный смысл народной поговорки.*

Обратимся и мы к пословицам как вескому аргументу в наших рассуждениях о традициях вынашивания, рождения и вскармливания детей.

Основой жизни человека во всех традиционных культурах является семья. С ней были связаны самые главные человеческие ценности: «Семья — ключ к счастью», «Вся семья вместе — и душа на месте», «С милым мужем и зимой не стужа». Одиноким человеком вызывал жалость: «И в раю жить тошно одному», «Один, как месяц в небе», холостой образ жизни был отклонением от нормы, странностью: «Холостой, что бешеный», «Холостой — полчеловека».

Серьезно подходили к выбору пары. С женитьбой и замужеством нельзя было торопиться: «На быстром коне жениться не ездят», «Женился, как на льду обломился», «Не торопись, девка, замуж: хорошо — наживешься, а худо — наплачешься». Основными критериями при выборе пары были доброта, спокойный нрав, разумность и трудолюбие: «Шей шубу теплее, а жену выбирай добрее», «Не ищи в жене (муже) красоты, а ищи доброты», «Злая жена сведет мужа с ума», «Злой муж всем не дюж», «Красота приглядится, а ум пригодится», «На красивую хорошо глядеть, а с умной жить хорошо», «Выбирай жену не в хороводе, а в огороде».



Пословица «Вся семья вместе — и душа на месте» (рис. Н. Тарасевич)



Пословица «Много бывает, а лишних не бывает» (рис. Н. Тарасевич)

Естественным и главным назначением семьи было рождение и воспитание детей — продолжение рода. О рождении детей заботились еще во время свадьбы, выполняя обряды, которые с приходом христианства утратили магический смысл и перешли в разряд социально значимого игрового действия и пожеланий чадородия молодым (осыпали молодых овсом, пшеном, рисом и другим зерном в зависимости от местности; сажали на вывернутый кожух и шкуры других зверей; давали невесте подержать маленького ребенка; клали под перину брачной постели куклу). Таких обрядов на свадьбе было много, они различались в разных традиционных культурах, носили игровой и социализирующий характер у христианских народов и сакральный, магический у народов с языческими верованиями. Но общим у них было своеобразное программирование молодоженов на деторождение: жених, видя активное одобрение продолжения рода со стороны общины, настраивался на моральную и материальную ответственность перед семьей, а невеста, которая на свадьбе находится в особом эмоциональном состоянии, настраивалась на деторождение.

О рождении детей молились и относились к ним с большой любовью и нежностью: «Мед сладок, а ребенок еще слаще», «Ребенок — ангел в доме» [2]. Многодетность у русских сибиряков и у коренных народов Сибири приветствовалась, как, впрочем, и в других традиционных культурах: «У кого детей много — тот не забыт у Бога», «Много бывает, а лишних не бывает», «Дети — благодать Божья». Бездетность рас-

сматривалась как несчастье: «С детьми горе, а без них — вдвое», «Дом с детьми — базар, а без детей — могила».

Отношение к беременности как у русских переселенцев, так и у коренных народов Сибири отражено в пословице «Как хожено, так и рожено». Эта пословица имеет глубокий физиологический смысл и выражает главный принцип так называемой «эмбриональной» педагогики. Из нее следует, что в народе понимали зависимость внутриутробного развития ребенка от поведения матери. Существовала целая система запретов и предписаний, соблюдение которых оберегало беременную от негативных впечатлений, отрицательных эмоций и деструктивного поведения. Большая часть правил диктовалась представлениями о том, что эмоциональное состояние и впечатления матери прямо или косвенно отражаются на ребенке. В традиции все рекомендации будущей матери направлены на сохранение у нее душевного мира, спокойствия, уравновешенности и положительного эмоционального фона [1]. Так, беременной женщине нельзя разделять мясо, ощипывать птицу, бить животных и замахиваться на них. Ей нельзя ссориться, злиться, раздражаться, нельзя никого ругать и проклинать (считалось, что половина проклятий ляжет на ребенка). Она ничего не должна есть украдкой, обманывать, совершать неэтичные поступки. Беременной нельзя ходить на похороны, на пожар, смотреть на уродства и некрасивые лица. Существовали суеверные обоснования этих запретов, однако их рациональное значение заключается в том, что у матери и плода общее кровообращение, и гормоны, сопровождающие положительные и отрицательные эмоции, попадают с кровью к будущему ребенку: он радуется, тревожится и пугается вместе с мамой, под влиянием маминих гормонов закладываются базовые характеристики нервной системы и психики ребенка.

С этой точки зрения понятны традиционные рекомендации будущей маме, направленные на поддержание у нее душевного равновесия, спокойствия и эстетических впечатлений: она должна поддерживать у себя хорошее настроение, никого не осуждать, часто посещать церковь, петь дома, смотреть на красивые лица, на детей, любоваться цветами, ясным небом, хлебным полем и т.д. Известно, что находясь в утробе, ребенок слышит голос матери, звуки извне, и гармоничная музыка и пение способствуют полноценному развитию головного мозга [3]. Впервые гипотезу об энергетической подпитке коры подкормкой вслед-

ствии эстетических переживаний посредством ретикулярной формации высказал И.П. Павлов в 1910 году.

Рассмотрим ряд примет, запретов и рекомендаций для беременных, которые в народе объяснялись иррационально, носили характер имитационной магии, а реально опирались на проверенный длительной практикой опыт. Нельзя выходить из дома после захода солнца, чтобы не пристали «ночницы», а на самом деле — в темноте может испугать пробегающий зверек, шорох, что, конечно, для беременной нежелательно. Запрет смотреть на воду в водоемах (в будущем ребенок может утонуть), перешагивать через веревку, конскую сбрую (будет обвитие пуповины), переступать через острые предметы — борону, косу, серп, топор и т.д. (вырастет разбойником) основан на том, что иногда у беременных бывают кратковременные обмороки, во время которых они могут упасть в воду, пораниться об острые предметы.

Беременной нельзя было ни в чем отказывать, нужно было удовлетворять все ее гастрономические капризы, обеспечивать той пищей, которую ей в данный момент хочется съесть — нарушившего это правило ожидают всевозможные несчастья. На самом же деле, уважение и внимание окружающих подчеркивают высокий социальный статус будущей матери, обеспечивают чувство психологической защищенности, а пищевые капризы — инстинктивное требование организмом тех питательных веществ, которые в данный момент необходимы развивающемуся внутриутробному ребенку.

А вот требования к физическим нагрузкам беременной с первого взгляда могут показаться жесткими: нужно выполнять легкие работы в поле (а до поля еще надо дойти!), мыть полы (на корточках), много ходить, выполнять домашние работы, но не делать резких движений и не поднимать тяжестей. Считалось, что если сидеть подолгу без дела, то плод вырастет большим, и роды будут тяжелыми. Свекровь учила молодуху: «Носи хоть камни или пригоршни земли из угла в угол, если другой работы нет», подчеркивая этим важность двигательной активности будущей мамы. Умеренная, но постоянная физическая нагрузка способствует хорошему кровообращению и активной работе выделительных органов, благодаря чему ребенок получает с кровью матери нужное количество кислорода и питательных веществ, а через выделительную систему регулярно освобождается от продуктов обмена.

В традиционной культуре ребенок считался живым, развивающимся и наделенным душой существом с момента зачатия, и поэтому аборт приравнивался к детоубийству. Пословицы «Родить — нельзя годить», «Живот болит, а детей родит», «Горьки родины, да забывчивы», «Бабенка не без ребенка» говорят о том, что женщина обязательно должна рожать детей, и что в народе легко относились к неизбежной и естественной родовой боли, память о которой быстро вытесняется радостью от появления человека на свет. Существует целая система правил, обеспечивающих благополучное родоразрешение и сохранение здоровья женщины в послеродовом периоде. И здесь действия, совершаемые во время родов, в основном имели рациональный смысл, хотя, как правило, объяснялись иррационально, на уровне суеверия. Например, для «отпугивания злых духов» вокруг роженицы и во всем помещении в изобилии помещали нарезанные лук и чеснок; чтобы ребенок «в будущем был богатым» в воду для купания клали серебряные монеты и серебряные предметы. На рациональном уровне происходила дезинфекция воздуха и воды для купания. «Чтобы отец полюбил своего ребенка», новорожденного заворачивали в ношенную одежду (рубаху или штаны) отца, а иногда пропускали через штанину [4]. Этот обычай имеет рациональное объяснение: с микрофлорой матери ребенок встречается во время родов, а теперь он должен получить микрофлору отца, с которым ему предстоит жить в одном доме.

Такой, казалось бы, необъяснимый, с рациональной точки зрения, обычай при затянувшихся родах символически открывать путь рождающемуся ребенку — развязывать пояса, расплетать косы, открывать сундуки, кастрюли, двери, ворота, снимать печные заслонки, являлся психотерапевтическим приемом. Все необходимое для благополучных родов сделано, путь ребенку открыт, все будет хорошо — окружающие и роженица спокойны, что очень важно для нормального течения родов [5]. Рожали сидя, стоя, опираясь на мужа или держась за дверь, перекла-



Пословица «Бабенка не без ребенка»  
(рис. Н. Тарасевич)



дину или вертикально укрепленную в центре юрты березовую жердь (хакасы), на корточках, на четвереньках. Лежа не рожали, так как в таком положении не было естественной гравитационной «помощи». В одних культурах и даже в отдельных местностях было возможно присутствие и помощь мужа при родах, в других около роженицы находились только женщины. У чукчей, эскимосов, ненцев при родах должны были присутствовать все девушки стойбища, чтобы получить необходимые знания и опыт.

Чаще всего ребенка прикладывали к груди сразу после рождения: клали маме на живот, он активно искал грудь и начинал сосать. Сосание вызывает рефлекторный выброс естественного окситоцина в кровь матери, который сокращает матку для нормального полного отделения плаценты. Таким образом, раннее прикладывание новорожденного к груди является естественной профилактикой маточного кровотечения и жизненно необходимо для роженицы [5, 6]. Ребенка могли прикладывать к груди голенького и в первородной смазке — «кожа к коже», а могли обмыть или обтереть смазку, запеленать младенца и после этого приложить его к груди. Первый вариант — незапеленутый и в смазке — для новорожденного гораздо полезнее, так как смазка обладает выраженными защитными свойствами от патогенной микрофлоры, сохраняет баланс pH, влагу, очень быстро впитывается кожей младенца, делая ее мягкой и упругой [6].

Особо следует остановиться на поведении женщины в послеродовой период. В течение 40 дней после родов женщина считалась «нечистой». Нечистота, по народным представлениям, заключалась в том, что во время беременности и родов женщина теряла защитные силы и вокруг нее невидимо роились лукавые духи, готовые пристать к тому, мимо кого она пройдет, поэтому встреча с ней могла принести неприятности и даже несчастье. Она не должна была выходить из дому, посещать церковь; кровать, на которой находилась мать с новорожденным, была закрыта от посторонних глаз занавеской, общение допускалось только с домашними. Считалось, что первые 10 дней после родов женщина «одной ногой стоит в гробу», так как она ослаблена родами и должна в эти дни особенно беречься.

Ребенка нельзя было показывать посторонним до 40 дней, пока его не окрестят (крестили детей обычно в 40 дней, слабых — раньше). Вот рассказ В.Е. Ивановой, 1940 года рождения (Забайкалье, село

Калиновка): «До шести недель родившегося ребеночка никому не показывали. И шесть недель роженицу держали под занавеской, чтоб не сглазили. Ребенка и роженицу берегли. И все говорили: «Не бойся родов, а бойся отродок» — это значит, ты после родов должна сберечься. Раньше шести недель не давали ей тяжелое работать. Потому и были сильные, здоровые бабы, их ничего не брало. Шесть недель — она уже окрепнет» [4].

Рациональное значение такой изоляции — профилактика инфекции, которую могли получить при контактах с посторонними ослабленная в родах мать и перенесший родовой стресс ребенок. Инфекция могла вызвать у женщины так называемую родильную горячку, которая была в XIX – начале XX века частым осложнением после родов. В основе карантина лежало эмпирическое знание о риске заболеть родильной горячкой. Но попробуйте удержать в постели многодетную, загруженную работой крестьянку перспективой заболеть, если в данный момент она чувствует себя хорошо! А вот если ты «нечистая» и опасна для окружающих, или боишься «сглаза», тогда поневоле подчинишься изоляции, несмотря на хорошее самочувствие.

Что происходит с ребенком при первом прикладывании к груди сразу после рождения? Он слышит привычное еще во внутриутробном периоде сердцебиение матери, слышит знакомый мамин голос, ощущает тепло маминой кожи, мамины руки, обнимающие его, дающие ему ощущение границ своего тела, к этому ощущению он привык за последние месяцы внутриутробной жизни — резкий и трудный переход в новую среду максимально смягчен: к младенцу поступили сигналы о том, что он в безопасности — начинается мягкая адаптация к новым условиям жизни.

Кормили ребенка по требованию, русские переселенцы от груди отнимали в 1,5–2 года, а коренные народы Сибири могли кормить до рождения следующего ребенка. У хака-



Пословица «Молока и сердца матери ничем заменить нельзя» (рис. Н. Тарасевич)

сов, если ребенок был единственным или последним, его кормили грудным молоком вплоть до 5 лет. Прикорм у русских начинали с 1–2 месяцев, а у коренных народов Сибири — с полугода или несколько позже. Ранний прикорм не физиологичен и был обусловлен социальными причинами: крестьянка была занята на полевых работах, а у кочевых народов Сибири ребенок всегда находился при матери и прикорм у них начинался позже.

Во всех традиционных культурах ребенка пеленали, причем, как правило, достаточно туго [2, 4, 7]. Первые полгода он был запеленут практически круглые сутки, за исключением тех эпизодов, когда меняли мокрые пеленки. Это происходило достаточно часто. Считалось, что пеленание делает ребенка спокойнее, защищает от возможных уродств и последствий родовых травм, дает спокойный сон: он не вздрагивает во сне, не пугается, не будит себя. Туго спеленутый ребенок не мог выпасть из колыбели, перевернуться во сне и ненароком удушить себя, его было удобнее и безопаснее носить. В традиции пеленание было по-настоящему тугим, поверх пеленок был широкий и плотный свивальник и запеленутый ребенок напоминал кокон. Аргументами за пеленание являются следующие: ощущение границ своего тела, профилактика подвывихов неокрепшего позвоночника, слабые еще связки, мышцы. Пытаясь освободиться, выкрутиться из пеленок ребенок выполняет «изометрическую гимнастику», тренируя мышцы и связки без ущерба для неокрепшего костно-мышечного аппарата. В сознании, в психике ребенка выстраивается некая ось, возникает интуитивное чувство иерархии. В первые недели младенец беспорядочно, хаотично взмахивает ручками и ножками. Такие вздрагивания, взмахи конечностями часто воспринимаются ребенком как падение в бездну, что не укрепляет его нервную систему — делает его беспокойным и пугливым. Не надо забывать, что при таком «варварском» пеленании выросли Пушкин, Толстой, Кант, Ломоносов, Гагарин, Мусоргский, Гоголь, Гете, Бах, Роберт Бернс и многие выдающиеся представители разных народов, а также менее известные, но здоровые физически и психологически сохранные, творческие и социально активные люди.

Пока ребенок не начинал ходить, его носили на руках, структурируя, упорядочивая разговором поток информации, который к нему поступал. Подносили к предметам, животным, называя их, указывая на их свойства. Если не было в доме старой бабушки-няньки, старших братьев

и сестер, которые могли бы постоянно быть при младенце, носить его на руках, то мать, пока ребенку не исполнится год, освобождали от домашних работ, чтобы она полностью могла посвятить себя уходу за ним. Ношение на руках формировало у ребенка базовое чувство доверия к миру, которое является основополагающим фактором всей психической жизни человека. Выдающийся советский психолог Л.С. Выготский отмечал, что взрослый человек — центр всякой ситуации в младенческом возрасте: простое приближение или удаление взрослого вооружает или разоружает активность ребенка [8]. По некоторым данным, чувство доверия к миру формируется в первые три месяца жизни, по другим — до полугода [9]. Отсутствие доверия к миру вызывает состояние хронического беспокойства, повышенной тревожности, психологического и социального дискомфорта.

Итак, в традиции русских вообще, русских переселенцев и коренных народов Сибири новорожденного прикладывали к груди еще до перерезания пуповины и рождения плаценты, кормили грудью по требованию, прикармливать начинали иногда с месяца, но чаще с шести месяцев. До полугода пеленали постоянно, до года — только на ночь. Бодрствующего ребенка до года носили на руках.

В традиционной народной культуре иррациональные запреты и суеверные приметы надежно обеспечивали выполнение выстраданных опытом правил поведения в тех или иных обстоятельствах. И рас-



Пословица «В своем краю как в раю» (рис. Н. Тарасевич)

сматривая их с научной точки зрения, мы каждый раз убеждаемся в рациональном жизнеобеспечивающем значении этих неписанных традиционных правил, передаваемых из поколения в поколение и являющихся результатом народной мудрости.

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Тарасевич Н.А. Народная педагогика в пословицах. *Новосибирск*, 2014. 64 с.
2. Белов В. Лад. *М.: Молодая гвардия*, 1989. 420 с.
3. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. *М.: Мир*, 1995. 336 с.
4. Науменко Г.М. Этнография детства. *М.: Беловодье*, 1998. 390 с.
5. Оден М. Возрожденные роды. *М.*, 1994. 132 с.
6. Алишани А., Стрельцова Д. Девять месяцев и вся жизнь. *СПб.*, 1999. 424 с.
7. Русские дети. Основы народной педагогики. Энциклопедия. *СПб.: Искусство-СПб*, 2006. 568 с.
8. Выготский Л.С. Педагогическая психология. *М.*, 1999. 536 с.
9. Трунов М.В. Первый год — первый опыт. *М.: Статус-кво*, 2003. 176 с.

## Питание татарских детей: от кочевых времен до наших дней

С.В. Мальцев, Г.Ш. Мансурова

Казанский государственный медицинский университет,  
Казань, Российская Федерация

\* \* \*

Татары — второй по численности народ Российской Федерации, проживающий практически во всех ее регионах, а также в ближнем и дальнем зарубежье. История и культура народа тесно связаны как с Европой, так и с Азией, поэтому быт и традиции татар издревле привлекали внимание исследователей.

«Все люди, без различия лет, едят и пьют», — замечает в своем стихотворении татарский поэт XIX века Габдельжабар Кандалий. Вскармливание и питание детей всегда отражало общие семейные, религиозные и исторические традиции питания татарского народа. Только делалось это в разные времена по-разному, в разных семьях по-своему.

Казань зарождалась как мусульманский город. Его основатели — волжские булгары — приняли ислам в 992 году. В связи с этим питание детей во многом определялось сводом правил жизни мусульман, которые накладывали пищевые ограничения и запреты, выделяли ритуалы и нормы принятия пищи. Многие столетия татары строго придерживались этих правил, передавая их из поколения в поколение при воспитании детей. Нарушение их могло допускаться лишь по принуждению и из-за голода, когда детям грозила смертельная опасность. Например, считалось, что лучшее мясо для питания детей находится на спине животного. Запрещалось есть спинной мозг, желчный и мочевой пузырь, селезенку. Также нельзя было употреблять в пищу мясо сокола, свиней, лягушек, змей.

Согласно шариату, детям сызмальства прививались нормы и правила принятия пищи: любая еда для них начиналась с обязательного мытья рук и произнесения молитвы, лишь после этого разрешалось приступить к приему пищи. Есть полагалось правой рукой, брать пищу тремя пальцами, хлеб надо было разламывать руками, а не резать ножом. Детей приучали есть не спеша, хорошо пережевывать пищу, избегать одновременного приема холодной и горячей пищи. Правила приличия требовали от детей уважения к старшим за семейным столом.

В девятый месяц мусульманского лунного календаря татары обязывались держать пост — *уразу*, который заключался в полном воздержании от еды и питья в светлое время суток. Пост был обязателен для всех, за исключением детей и беременных женщин. Однако традиции питания призывали соблюдать умеренность в еде не только во время поста, но и в повседневной жизни. Это проповедовал известный религиозно-нравоучительный манускрипт «Нахж-эльфарадис», написанный булгарским ученым-богословом XIV века аль-Булгари. Также детей обучали и по хорошо известным и почитаемым «Правилам, касающихся еды и питья», составленным великим Абу Али ибн-Синой (Авиценной) в XI в. в знаменитой «Поэме о медицине»:

Пока мы живы, пища нам нужна,  
В ней сил исток, дает нам рост она.  
Когда же нужной пищи не хватает,  
Слабеем мы, и тело наше тает.

Приготовлением пищи для детей в татарских семьях обычно занимались женщины. Еще до рассвета оживала кухонная (женская) часть дома, где проворные матери-хозяйки и их взрослые дочери разжигали огонь в очаге или печи и начинали готовить завтрак. Татарская печь вмещала в себе функции очага и хлебопекарной печки и давала возможность приготовить самые разнообразные блюда и для младших, и для старших детей: суп-лапшу, мучные болтушки-*быламык*, различные каши и, конечно, мясные блюда, входившие в рацион детского питания в семье.

Традиционно татары всегда стремились иметь как можно больше детей, а именно мальчиков как продолжателей рода, надежную опору в старости и рабочую силу для ведения хозяйства. Многодетные семьи встречали одобрение в обществе. Многодетность была естественным явлением в татарских семьях. Средняя численность

семьи обычно составляла 8–10 человек. Недаром среди татар было распространено выражение: «*Балалы өй — базар, баласыз өй — мазар*» (дословно: Дом с детьми — базар, дом без детей — погост).

Рождение человека занимало важное место в цикле татарской семейной обрядности. Составляющими этого обряда являлись зачатие, беременность, роды, послеродовой уход, который включал уход за ребенком и за матерью. Для того чтобы женщина могла зачать и произвести на свет здорового ребенка, в первую очередь ей самой необходимо было быть здоровой. Татары всегда считали, что женщина должна рожать, а нерожающая женщина становилась объектом пересудов, таких женщин называли «пустоцветами». Здоровье женщины, ее способность не только вынашивать ребенка в тяжелых условиях жизни и быта, но и почти ежегодно рожать полноценных детей было важнейшим условием продолжения рода. Все народы к бездетности и рождению детей относились одинаково: бездетность считалась величайшим горем, наказанием, а рождение ребенка — праздником и наградой свыше. Бездетность воспринималась как большое несчастье не только для супругов, но и для всех родственников.

Забота о будущем потомстве начиналась с момента вступления в брак. Благословение родителей и пожелание большого количества детей было неотъемлемой частью свадебного татарского обряда. Дети были необходимы не только для продолжения рода, но и оказания помощи в ведении хозяйства и поддержки в старости.

С наступлением беременности женщина начинала занимать особое положение в семье и в обществе в целом. Женщина во время беременности наделялась святостью. Помочь беременной или услужить считалось *саван*, т.е. богоугодным делом. В период беременности женщины отношение к ней всегда было подчеркнуто бережным и внимательным. Считалось, что беременная женщина находится



*Татарская семья*



*Городские татары (фото неизвестного автора, начало XX в.)*



на стыке живого и неживого миров. От ее поступков зависело будущее ребенка. Состояние женского организма охранялось целым рядом оберегов. Так, по нормам народного этикета, не рекомендовалось обсуждать женские болезни, период вынашивания ребенка и сам процесс родов.

Забота о женщине в этот период проявлялась в улучшении питания и освобождении от тяжелых работ, вместе с тем считалось, что движение и нагрузка — естественны и полезны для матери и будущего ребенка. Умеренные нагрузки и движения беременной являлись профилактикой выкидышей и перинатальной патологии. Период беременности характеризовался всевозможными запретами и соблюдением целого ряда норм поведения, которые женщина должна была соблюдать в это время, чтобы оградить себя и ребенка от неблагоприятных последствий. Забота о питании будущего ребенка начиналась задолго до родов — в утробе матери. Женщине рекомендовалось есть больше яблок, чтобы ребенок родился красивым. Данное поверье можно объяснить и с медицинской точки зрения: яблоки являются ценным источником железа, которого так не хватает беременным женщинам. Среди татар каких-либо ограничений в пище для беременных не существовало. Напротив, бытовало поверье, что беременной нужно обязательно съесть то, что она вдруг захочет, а если она не сделает этого или постесняется попросить желаемое, то это может плохо сказаться на здоровье ее ребенка. Не менее важным для беременной была гармония отношений с окружающей средой и в целом с обществом. Все средства, приемы, действия были направлены на то, чтобы она испытывала только положительные эмоции.

Татары говорят, что «даже взгляд на печную трубу дома, в котором идут роды, является богоугодным». Роды у татар проходили только дома. Даже когда появились медицинские учреждения, женщины-татарки продолжали рожать дома. Роды проходили в чистой половине дома, а сам процесс родов называли *күз яру* (*күз* — глаз, *яру* — проколоть,



*Татарская девушка  
(неизвестный автор)*

родиться, появиться на свет). Большое внимание уделялось и санитарно-гигиенической подготовке помещения перед родами. В комнате, где предполагались роды, проводили воскурение дымом: для этого татары использовали природные фитонциды — чагу или можжевелевую ветку. Хотя этот процесс в народе и объяснялся изгнанием злых духов, в этом ритуале прослеживаются основы гигиенического обеззараживания помещения, в воздухе которого содержится большое количество болезнетворных организмов. Принимала роды повивальная бабка или опытная пожилая женщина. До середины XX века практически в каждой деревне была повивальная бабка. Важной процедурой в процессе родов было перерезание пуповины: в старину татары клали пуповину — *кентек* — на серебряную монету и перерезали ее ножом. Как было установлено позднее, серебро имеет бактерицидные свойства. Именно это качество и использовалось для профилактики септических заболеваний. При помощи массажа живота повитуха помогала выйти последу (*соң*): она осматривала послед на предмет целостности, чтобы оставшийся внутри матки кусочек последа не вызвал серьезных заболеваний. По последу повитуха могла сказать, сколько раз еще может родить женщина.

У татар в послеродовой период запрещалось, за исключением самых близких родственников, посещать родильницу, поскольку ее организм был ослаблен больше всего. С медицинской точки зрения, данное требование является одной из мер профилактики инфекционных заболеваний ребенка и матери.

Первое прикладывание к груди являлось важным событием и имело свои обряды и традиции. Выкупанно-



*Молодая татарская семья*



*Над колыбелью*

му новорожденному ребенку повитуха смазывала рот (губы и небо) медом или маслом. При этом она вслух проговаривала адресованные ему пожелания: расти сытым и здоровым. Данный обряд у татар называется «приучение ребенка к пище» (*авызландыру*). Женщины старались довольно тщательно соблюдать гигиену. Перед кормлением теплой водой они мыли грудь, сцеживали молоко и только после этого начинали кормить ребенка.

Несмотря на высокую рождаемость, младенческая смертность в целом в России была очень высокая. Это связывают с распространенным обычаем давать ребенку едва ли не с рождения наряду с материнским молоком жеваный хлеб, кашу и другую пищу, что оборачивалось частыми желудочно-кишечными заболеваниями, нередко смертельными. В татарских семьях не придерживались данного обычая. Вот как отзывался об этой проблеме Л.Н. Толстой, учившийся в Казанском Императорском университете в начале XIX века: «За границей в Англии и в других странах, где всякая мать кормит своего ребенка только грудью и не знает никаких сосок и не употребляет их, в странах из 100 новорожденных не доживает до года только 9, 10, 12 человек, а у нас в России из 100 новорожденных не доживает до года 33, а местами даже 60 человек. Что губит этих 20 и более лишних детей, умирающих на каждую сотню? ... В России среди татар детей мрет вполовину, а то и втрое меньше, чем у нас. А отчего? Только от того, что у татар по закону Магомета каждая мать должна кормить ребенка ничем иным, как только своей грудью».

Женщины-татарки старались придерживаться основных законов ислама, согласно которым мать должна вскармливать ребенка до 2 лет, что определяло более низкий уровень младенческой смертности: «... кормящей матери выкармливать ребенка надлежит два полных года» [Коран, Сура «Корова», аят 233]. Законы Магомета предписывали только грудное вскармливание, а их ослушание сурово порицалось. Кормящая мать получала символическую награду в 1 *саваб* (богоугодность) за каждую каплю грудного молока. Считалось, что по окончании периода грудного вскармливания Всевышний посылал к матери ангела с доброй вестью об огромной награде за кормление грудью. Важно отметить, что женщина у татар не должна была работать со всеми членами семьи вне дома, ей предписывалось проводить больше времени дома или рядом с ним, чтобы больше уделять внимание ребенку и по первому требованию кормить его грудью. Таким образом, мать прикладывала

новорожденного к груди фактически сразу с момента рождения и отнимала его лишь тогда, когда малыш становился достаточно взрослым и относительно самостоятельным.

В истории татарского народа выделяют 2 периода — кочевой и оседлый, что напрямую отразилось и на культуре питания. В кочевой период татары перемещались по степям вместе с семьями и всеми своим пожитками; естественно, в таких условиях пища не была особенно разнообразна. От нее требовалось быть сытной и иметь высокую энергетическую ценность. Поэтому основой питания кочевых татар было мясо. Разумеется, это было то мясо, которое «кочевало» вместе с ними. Наиболее распространены были конина и баранина. Говядину татары употребляли в пищу довольно редко. Мясо в татарских семьях ели в основном вареное или тушеное, которое готовилось во время «перерывов» в странствиях (на кочевых стоянках) в больших котлах-казанах. Конечно, крепкий, жирный мясной бульон тоже не выливали, из него для детей готовили супы и похлебки. Делали они и шашлык (*шишлик*) — жарили мясо на вертеле над углями. Для пропитания детей во время неблагоприятных периодов жизни татары заготавливали мясо впрок. Его солили, коптили, вялили и сушили. *Кызылык* — вяленая колбаса из конины — до сих пор одно из любимых блюд татар. Лошади и овцы, кочевавшие вместе с людьми, являлись не только источником мяса, но и молока. Молочные и кисломолочные продукты играли важную роль в рационе татарских детей в древности. Из молока готовили *кумыс*, *катык* (жирная простокваша), *корт* (разновидность сладкого творога) и другие напитки и блюда.

Шли годы и века. Образ жизни татар менялся. Они расселились во многих районах современной России, стали вести хозяйство, перешли к оседлости. Дом стал восприниматься как безопасное пространство, где все члены семьи находились под защитой. В доме проживало не одно поколение рода, каждое из которых наполняло его различными необходимыми в быту вещами. Центральное место в жилище занимала печь — *мич* или



Татарка (литография с рисунка художника Василия Тимма; Русский художественный листок, № 20 за 1851 год)

нич. Традиционно это была хлебопечкарная печь, которая использовалась и для отопления дома. В доме выделялись два пространства — гостевое (мужское) и кухонное (женское), но между ними не было четкой границы. Несмотря на выделение двух половин, домашнее пространство в целом все же было преимущественно женским:



Чаепитие (неизвестный автор)

именно женщина была хранительницей домашнего очага, поддерживала порядок и уют в доме. Все это послужило развитию татарской национальной кухни. Переход от кочевого образа жизни сопровождался развитием земледелия: татары стали выращивать пшеницу, рожь, гречиху, овес, горох, просо. На татарском столе появились новые продукты — пресный хлеб (лепешки из пшеничной и ржаной муки), а также разнообразные каши и крупяные блюда.

Еще в X веке арабский путешественник ибн Фадлан, побывавший на местах поселения булгар на территории современного Татарстана, свидетельствовал: «Пища их — просо и мясо лошади, пшеница и ячмень в большом количестве». Он подмечает, что булгары «делают из ячменя похлебку», «варят ячмень с мясом». Булгары употребляли еще баранину и дичь, а также рыбу. Об этом упоминает другой арабский путешественник ал-Гарнати, посетивший Волжскую Булгарию в XII веке: «...в булгарских семьях рыбу пекут и кладут в нее рис, и становится она вкуснее баранины и курятины».

В большом почете в питании татарских детей было молоко. Не зря поется в старинной народной татарской песне, восходящей к булгарским временам:

Пусть растут большими травы —  
Уберем мы их в стога.  
Будут сытыми коровы,  
Люди будут с молоком —  
Голод не войдет в наш дом.

Из коровьего молока делали излюбленные детьми напитки — *катык* и *айран*. *Катыком* детям приправляли супы, а в жаркое время года, смешав его с водой, готовили освежающий напиток. Из молока после

отстаивания получали сливки, которые затем перерабатывались в масло. Квашеное молоко шло на приготовление *сюзмы* — татарского творога. В рацион питания детей входили также молочные супы, на коровьем молоке варился крупяной суп из пшена *өйре*. Исключительно полезным для роста и здоровья детей считалось у татар козье молоко: немало семей держало помимо коров еще и коз. В Казани до сих пор сохранилось историческое название района Козья слобода. Несмотря на то, что в народе это животное называли «коровой бедняков», козье молоко для детей ценилось и в богатых семьях.

Традиционный татарский дом был полон многочисленной домашней утвари. Это была посуда для заготовки, приготовления и хранения пищи, столовая посуда и приборы, кухонная утварь и др. Характерным для приготовления пищи был *казан*. В нем варили супы, в том числе лапшу, мясо, жарили *перемечи* и другие блюда. Не случайно, когда надо было готовить еду, глава семейства говорил хозяйке: «*Казан ас*» (подвесь котел). Это выражение сохранилось и до наших дней. Посудой для приготовления пищи в духовой печи служили чугунки и глиняные горшки. Широкое распространение получили большие и глубокие сковороды — *таба*. Вынутое из бульона сварившееся мясо служило отдельным кушаньем для детей, но если это была конина, ее жарили вместе с вареной *салмой* — татарской лапшой. Это блюдо называлось *куллама*, или *бишбармак* (дословно «пять пальцев»), потому что ели его пятью пальцами. Из мяса птиц готовили такие фаршированные кушанья, как *тутырган тавык* — курицу, фаршированную яйцами и маслом. Баранина широко использовалась при приготовлении плова, который готовился для больших семейных обедов. Большим разнообразием отличались каши для детей: их варили из пшенной, овсяной, полбенной, гречневой круп.

Обязательным в рационе питания детей был хлеб — *икмэк*: пекли его 2–3 раза в неделю из ржаной и пшеничной муки. Из пресного пшеничного теста готовились исконно татарские кушанья — круглые и четырехугольные *бәлеш* — пироги с начинкой из мяса, пшена, риса и лука.



Татарские дети  
(неизвестный автор)

Круглые *бәлеш* напоминали верх степной кибитки, а отверстие на его вершине называлось *төнлек*, означавшее дымовое отверстие в юрте. Из теста также для детей делали такие лакомства, как *чак-чак* (медовые шарики из теста), *пахлеве*, *калеве* и др. Все приготовленные в печи мучные кушанья назывались у татар *мич ашлары*, то есть «печная еда» (в отличие от еды, приготовленной в казане).

Со временем у татар стали появляться огороды, которые состояли из 3–4 грядок, на которых выращивали репу, редьку, морковь, капусту, лук, чеснок, тыкву. Различные ягоды (рябина, калина, смородина, малина) и яблоки дети ели в свежем виде или в виде пастилы, называемой *татарский как*.

Одним из любимых лакомств татарских детей считался мед, им подслащивали разные кушанья. Из меда, муки и масла готовилось обязательное угощение в честь рождения ребенка, а смешанный мед с маслом (*бал-май*) обязательно подавался во время свадеб. Простудные заболевания у детей татары традиционно лечили молоком, медом, использовали также травы — душицу (*ельвут*, *мәтрүшкә*), мать-и-мачеху (*уги ана яфрагы*). От жара давали брусничный сок с сахаром. На теплом молоке заводили тесто, раскатывали в небольшую лепешку и в теплом виде прикладывали к груди ребенка при кашле.

В течение многих веков складывалось в татарской кухне разнообразие напитков. Одним из самых популярных был чай, который в последствие стал национальным напитком татар. Чай, по свидетельству известного этнографа татар К. Фукса, проник даже в такой их семейный праздник, как рождение ребенка: «У татар родины есть довольно значительный семейный праздник, в особенности у богатых, у которых обыкновенно все обряды исполняются великолепные... В продолжение нескольких дней к родильнице приходят все знакомые женщины и каждая приносит подарки для новорожденного... При таких подарках считается необходимостью привезти родительнице чаю и сахару». Чай являлся у татар первым угощением гостей. «Главное угощение у татар — чай, которого надобно выпить не менее четырех чашек», — писал К. Фукс. У бедных он нередко заменял все приемы пищи, а наличие его при приемах пищи у деревенских татар было обязательно.

Однако в начале XIX века Казань и ее округа столкнулись с недостатком хорошей воды. Кабанные озера, снабжавшие ею большую часть города, оказались загрязненными, вследствие чего казанские врачи за-

били тревогу, справедливо считая недостаток хорошей воды причиной «неблагополучного влияния климата на здоровье жителей», в том числе и детского населения. Данная проблема заинтересовала многих ученых того времени: знаменитый профессор химии А.М. Бутлеров произвел в связи с этим специальный химический анализ проб воды с Волги, Ближнего и Дальнего Кабана, признав ее «весьма дурною». Для решения этой проблемы в 1872 году мэрия приняла решение о строительстве водопровода, который был введен в строй за 3 года — в 1875 году, что позволило доставлять людям свежую и качественную воду.

Традиции питания татарской семьи развивались столетиями. Каюм Насыри не раз подчеркивал, как многозначно у татар слово *аш*, то есть «еда»: это и продукт, «пригодный для еды», это и еда, «сваренная в котле или другой посуде, с бульоном и без него», это и пища, «которую едят в обеденное время», это и праздничное угощение и застолье. По прошествии многих лет татарская кухня не утратила своей уникальности: народ бережно хранит рецепты национальных блюд, передавая их из поколения в поколение.

Основой питания современной татарской семьи до сих пор являются мясные, крупяные и кисломолочные блюда. В рацион детей входит также различная выпечка, супы и похлебки из мясного бульона, заправленные пшеничной лапшой, крупами и макаронными изделиями. Несмотря на то, что картофель татары стали выращивать совсем недавно, блюда из него сейчас широко распространены и составляют весомую часть питания в татарских семьях. Большинство татар на сегодняшний день предпочитают выращивать различные овощи и фрукты, что позволяет разнообразить рацион питания семьи и детей блюдами из тыквы, моркови, репы, свеклы, редиса, зелени. Блюда из рыбы, грибов, фруктов не занимают главенствующе-



*Татарское чаепитие  
(неизвестный автор)*



*Чай в татарской семье*



го положения в основе рациона домашнего питания большинства татар, но вместе с тем являются популярными. Дети раннего и дошкольного возраста, посещающие детские дошкольные учреждения, обеспечиваются правильным и рациональным питанием в течение дня. Школьники получают горячее питание в обеденное время в школьных столовых, где зачастую для них готовятся также блюда национальной татарской кухни (*өчпочмак, бәлеш, элеш, кыстыбый* и др.). Однако основу рациона детей все же составляет домашнее питание. В татарских семьях по сей день принято много и сытно готовить. Таким образом, традиции питания татарского народа, зародившиеся еще в глубокой древности, продолжают жить и сейчас практически в неизменном виде.

### ЛИТЕРАТУРА

1. Мухамадеев А.Р., Хамидуллин Б.Л. Обычаи и право Волжской Булгарии. К.: *Идел-пресс*, 2013. 56 с.
2. Турнерелли Э. Казань и ее жители. Казань: ООО «ДОМО»-Глобус», 2005. 1183 с.
3. Карл Фукс о Казани, Казанском крае: Труды, документы. Воспоминания. Исследования. Казань: Изд-во «Жиен», 2005. 480 с.
4. Татары. Серия «Народы и культуры». Отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М.: *Наука*, 2001. 583 с.
5. Мусина Р.Н. Татары. Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 234–243.
6. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 27. Произведения 1889–1890 гг. М-Л.: *Гос. изд-во худ. л-ры*, 1933.
7. Габдрафикова Л.Р. Культура питания городских татар (конец XIX – начало XX вв.). *Этнографическое обозрение*. 2013;2:138–149.
8. Бушков Р.А., Мазитова Ф.Г. Казанской кухни цвет. Казань: *Татарское книжное издательство*. 1995. 206 с.
9. Каримуллин А.Г. Татары: этнос и этноним. Казань, 1988. 123 с.
10. Сулейманова Д. Интерьер татарского дома. Истоки и развитие. Казань: *Идел-пресс*, 2010. 142 с.

# Традиции ненецкого народа

## Обычаи и традиции вскармливания ненецких детей: физиологические и социальные основания

434

Л.А. Зубов, С.И. Малявская

Северный государственный медицинский университет,  
Архангельск, Российская Федерация

\* \* \*

Народы Крайнего Севера во многом сохраняют традиционный образ жизни своих предков в быте, питании, отношении к природе. Их материальная культура адаптирована к кочевому образу жизни (мобильное жилище, высокоспециализированный олений транспорт, минимальный набор предметов жизненного обихода).

Ненцы — самый крупный народ среди коренных народов Севера. В 2002 г. их насчитывалось в России 41 302 человека. Это особый народ в нашей стране. Особенность его заключается в том, что в современных условиях только ненцы сохранили кочевой образ жизни. В прошлом русские называли ненцев *самоедами*. Название «самоед» предположительно от саамского *самаэ-едне* (земля саамов), поскольку в далеком прошлом территория расселения ненцев была областью распространения саамов. Выделяют две этнографические группы ненцев — тундровые и лесные, различающиеся по фамильно-родовому составу, диалекту и некоторым особенностям культуры. Тундровые ненцы составляют основу коренного населения Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов. Ненцы расселены на огромной территории, простирающейся с запада на восток на несколько тысяч километров. В антропологическом плане этот народ относится к уральской контактной малой расе, для представителей которой свойственно сочетание антрополо-

гических признаков, присущих как европеоидам, так и монголоидам. В связи с широким расселением, ненцы антропологически делятся на ряд групп, демонстрирующих основную тенденцию понижения доли монголоидности с востока на запад.

В европейской части выделяется несколько ненецких ареалов (*тундр*): Канинско-Тиманская, Малоземельская, Большеземельская. В административном отношении эта территория входит в состав Ненецкого автономного округа (НАО). Территория округа составляет около 180 000 км<sup>2</sup>, протяженностью 950 км с запада на восток и 320 км с юга на север. Согласно переписи 2002 года, население НАО составляет 41 657 человек, из которых 8302 — ненцы.

В НАО основная отрасль сельского хозяйства представлена оленеводством. Ненцы с давних времен называют себя «детьми оленя». Вся жизнь их связана с оленем. Округ занимает второе место в стране по поголовью северных оленей — 160 000. Всего в данной отрасли занято 1100 человек, это 2,5% населения округа. Около 1/3 оленеводов ведут оседлый образ жизни, постоянно проживают на центральных базах, выезжают на работу в тундру сменным (вахтовым) методом; 2/3 (около 700 человек) — ведут кочевой образ жизни. Данная категория оленеводов постоянно проживает в тундре, не имеет оседлого жилья, т.е. жилья на центральных базах. С семьями в тундре кочуют десятки детей дошкольного возраста, в том числе 18 детей первого года жизни и 78 детей раннего возраста. Эти дети выпадают из регулярного диспансерного наблюдения медработниками. Оленеводы-кочевники объединены в родовые общины. Бригады каждой общины располагаются на расстоянии от 15 до 150 км одна от другой и от 200 до 500 км до ближайшего населенного пункта. Условия и образ жизни в бригадах принципиально не отличаются: в течение 6–7 месяцев бригады кочуют в тундре вдали от населенных пунктов. Зимнее время оленеводы проводят на границе леса, летом — вблизи морского побережья. В каждой бригаде в среднем 6–8 семей. Семьи постоянно кочуют с детьми дошкольного возраста, а в летние месяцы — и с детьми, приезжающими из школ-интернатов.



С семьями в тундре кочуют и дети дошкольного возраста

Уникальная характеристика ненецкой популяции состоит в том, что она была фактически изолирована в течение тысячелетий и сохранила свой традиционный стиль жизни и питание.

Основной транспорт в тундре — олени. Каждые 2 недели семьи переезжают на упряжках (кочуют) на новое место. Место стойбища выбирают наиболее сухое, вблизи источников питьевой воды. Переезды бывают продолжительными — до 12 часов. По прибытии на место устанавливаются чумы.

В зависимости от климатических условий режим питания в семьях 3–4-разовый. В питании коренных жителей высоких широт ведущую роль играют белки и жиры (так называемая белково-жировая диета): они поставляют им в полтора раза больше энергии по сравнению с пищей европейцев. В прежние же времена отличия были еще разительнее. Основной пищей ненцам издавна служат мясо и рыба: их употребляют почти в каждый прием пищи. Растительная пища играет очень незначительную роль: для жителей Арктики служит в основном источником клетчатки и витаминов, но не калорий, как для жителей более теплого климата. Таким образом, одна из важнейших функций углеводов — поставка организму энергии — передается другим компонентам пищи — жирам и белкам. Соответственно, при традиционных «арктических» диетах потребность организма в экзогенных (получаемых с пищей) углеводах несколько снижается. Однако получать их организм все-таки должен, и при «внешнем» дефиците он самостоятельно приступает «к изготовлению» этих веществ.

При «белково-жировом» варианте питания из кишечника в кровь поступает большое количество аминокислот. Это стимулирует продукцию гормонов поджелудочной железы — инсулина и глюкагона. В результате их сочетанного действия из аминокислот, поступивших с пищевыми белками, образуются «эндогенные углеводы» — простые сахара (моносахариды), включение которых в про-



*Абурдание: теплое мясо только что заколотого оленя отрезается небольшими кусочками около рта*

цесс метаболизма на первых порах не требует участия ферментов.

Большая часть пищевых сахаров, характерных для диет жителей внеарктических регионов, представляет собой дисахариды. Их громоздкие молекулы состоят из соединенных попарно молекул простых сахаров (например, в сахарозе — две молекулы глюкозы, в лактозе — одна молекула глюкозы и одна галактозы, и т.п.). В исходном виде дисахариды не могут проникнуть через мембраны кишечной стенки. Организм приступает к их усвоению только после расщепления на простые сахара. В этом процессе участвуют специфические ферменты — дисахаридазы, причем расщепление каждого сложного сахара обеспечивает «свой» фермент. Частота неусвояемости дисахаридов в популяциях жителей умеренного климата и Арктики существенно различаются. Для ненцев характерна высокая частота нарушений усвоения ряда пищевых сахаров. Причина — экологическая. «Природные сахара» редко встречаются в Арктике: их источниками служат, пожалуй, только ягоды да почки некоторых растений. Малая распространенность сахаров привела «за ненадобностью» к ослаблению отбора на высокую активность соответствующих ферментов (у жителей умеренного и жаркого климата он действовал активно). Часто эти нарушения трактуются как признаки заболеваний, но основным фактором, регулирующим участие этих ферментов в процессах пищеварения, является генетический контроль. Присущий северянам дефицит ферментов — не болезнь, а вариант нормы. В древности именно такие генотипы в наибольшей степени отвечали требованиям арктической среды и обеспечивали адаптацию к суровым условиям. Поэтому некорректно рассуждать о «способах лечения» неусвояемости молочного сахара у ненцев. Нужно учитывать этническую (точнее — антропологическую) специфику работы пищеварительной системы северян.

Мясо оленя употребляется главным образом с середины августа до мая, т.е. в течение зимнего периода. Наиболее лакомым блюдом является мясо только что убитого оленя. Употребление сырого оленьего



*Традиционное питание — большое количество мяса, в том числе сырое мясо с кровью, — рано передается и детям*

мяса в семьях происходит так: берется кусок мяса, нож и около рта отрезается небольшими кусочками (*абурдание*). Зимой едят *струганину* (мороженое мясо, мороженая печень нарезаются ножом в виде мелкой стружки), а летом после убоя оленя — парное мясо вместе с теплой кровью (олень забивается так, чтобы кровь после удаления внутренностей стекала в брюшную полость, куда помещают нарезанное кусками сырое мясо, печень, почки, сердце). Мясо едят также слегка обжаренным: куски мяса помещают на раскаленную железную печь, быстро переворачивают, время обжарки — 5–7 минут.

Дети очень любят трубчатый сырой костный мозг. Лакомым блюдом считаются молодые олени рога. Отрезанные мягкие концы рогов ненцы бросают в огонь и, спалив шерсть, соскабливают ее ножом. Наполненные кровеносными сосудами хрящевые концы рогов очень вкусны. У окостеневших рогов ненцы едят только покрывающую их кожу, предварительно опалив ее.

Во время массового забоя оленей (особенно осенью) мясо, которое не может быть употреблено сразу же, заготавливается впрок. Для сохранения часть его зарывают в мерзлую землю, где оно сохраняется, как в погребе; практикуется также копчение мяса со спины оленя над костром, изредка — вяление на солнце и совсем редко — посолка. Помимо мяса оленя, зимой добывают и едят (обычно в вареном виде) куропаток. Начиная с весны, мясо оленя заменяется мясом различных птиц — гусей, уток.

Рыба употребляется летом отварная, жареная; зимой — сырая, подсоленная. На гарнир предпочитают макаронные изделия; рис, овощи потребляются крайне редко. Любимым напитком населения Севера являются чай, а также компоты и морсы из брусники, морошки, черники, кисель из крахмала и ягодного сока.

В летний период хозяйки чумов выпекают хлеб сами, готовят пироги с дикорастущими ягодами, морошкой и черникой, а зимой хранят хлеб в замороженном виде, перед употреблением оттаивают. Источником воды зимой и весной является снег, летом — озера и реки.

Суточный набор продуктов в семьях характеризуется ограниченным ассортиментом продуктов: мясо оленя, кровь, костный мозг, язык оленя, рыба, олений жир, сливочное масло, сгущенное молоко, мука, хлеб, сушки, галеты, сахар, ягоды. Анкетирование семей кочующих оленеводов НАО показало, что объем потребляемого оленьего мяса в год на

одного человека составляет от 50 до 250 кг (в среднем 150 кг), количество рыбы в день — до 1 кг (в год около 200 кг при употреблении ее в пищу от 2 до 7 раз в неделю в зависимости от сезона). В среднем на человека в год приходится по 10 литров собранных ягод. По сезонам употребляются в пищу также яйца и мясо дикой птицы (в среднем 10 гусей на семью, 2 птицы на человека).

Рационы семей содержат достаточно высокое количество белка. Поступление белка с различными пищевыми продуктами обеспечивается за счет мяса оленя и рыбы, на долю зерновых продуктов приходится около 20%. Количество поступающего жира обеспечивается за счет жира оленьего мяса на 60%. Оленья мясо в сравнении с мясом других сельскохозяйственных животных отличается более высоким содержанием внутримышечного жира. В пищевых рационах семей оленеводов количества углеводов недостаточно. Употребление меньшего количества углеводов можно объяснить сложившимися национальными привычками — употребление сырого свежего, подсолненного мяса без хлеба.

Еще в 1910 году доктор медицинских наук И.М. Захаров, проведя на Новой Земле медицинское обследование ненецкого населения, в своем отчете писал: «Все самоеды без видимых физических недостатков и признаков вырождения обладают отличным здоровьем: выносливы, с редкими несерьезными заболеваниями и, кажется, только под старость. Что имеет здесь значение — племенная ли стойкость, близость ли жизни к природе, хотя и суровой, или исключительная чистота воздуха — ответить пока нельзя, но, во всяком случае, указанное явление свидетельствует о жизнеспособности самоедского населения новоземельских колоний. Среди них по числу лет большой процент старческого возраста, но лица эти еще бодры и трудоспособны». Экспедиционные исследования состояния здоровья детей кочующих оленеводов Канинской тундры, проведенные сотрудниками Северного государственного медицинского университета в 2002–2010 годах в рамках проекта «Канинский Красный чум», показали, что в целом состояние здоровья кочующих детей не отличается сильно от показателей здоровья детей, проживающих в поселках. Несмотря на особенности рациона питания (отсутствие свежих овощей и фруктов, молочных продуктов), явные клинические проявления витаминной, минеральной или микроэлементной недостаточности (рахит, анемия) у детей оленеводов выявляются нечасто. Очевидно, это компенсируется другими особенностями

ми питания детей в тундре: преимущественно свежая мясная и рыбная пища, «деликатесное» сыроедение, периодическое употребление свежей крови, тундровых ягод (морозики, черники, брусники).

Особое внимание привлекает вскармливание детей первого года жизни. У ненецких матерей высокая мотивация к грудному вскармливанию детей обусловлена суровой необходимостью: кочевой образ жизни вдали от населенных пунктов и мест покупки искусственных детских смесей. Кроме того, у *важенок* оленей очень мало молока (молозива) для вскармливания оленят, т.е. не практикуется доение *важенок* для получения молока, в том числе и для питания ребенку. Лишь эпизодически оленеводы практиковали высасывание молока, для чего *важенку* со спутанными ногами валили на землю. Коровье молоко и продукты из него ввиду кратковременного хранения в тундру не завезти.

До настоящего времени в семьях кочующих ненцев основным продуктом питания новорожденных является материнское молоко. Грудному молоку ненки из поколения в поколение придают целебные свойства. Кочующие в тундре ненки кормят детей исключительно грудью до 1,5–2 лет, а иногда очень долго — до 3–4 лет. Нередко мать кормит одновременно двоих детей — новорожденного и 2–3-летнего ребенка. Во втором полугодии нередко начинают добавлять в кормления в небольших количествах жеваное вареное мясо и вареный мозг. Грудному ребенку уже начинают давать сосать кровь из кусков сырого мяса оленины и есть костный мозг с кровью из костей оленя. В 6–8 месяцев в качестве прикорма вводятся злаки (каши на воде). В это же время начинают давать мясной бульон из оленины, затем суп-бульон из оленины, заправленный мукой и кровью, к одному году жизни — рыбную уху. Овощи ввиду их отсутствия и трудности доставки и хранения в тундре



*В семьях кочующих ненцев основным продуктом питания новорожденных является грудное молоко*



(особенно в зимнее время) даются эпизодически. Допаивают детей по требованию (особенно при длительных переездах из одного стойбища на другое) подслащенным чаем и морсами из тундровых ягод (морошки, черники, брусники).

Дети с 1,5–2 лет питаются так же, как взрослые. Они начинают употреблять в пищу те же продукты, которыми питаются взрослые: оленину и рыбу в сыром, замороженном и вареном виде, дичь, а также ягоды. Отдельно пищу детям не готовят, они едят из «общего котла», но взрослые отдают им наиболее лакомые кусочки. Во время разделывания оленья малышам всегда дают полакомиться почками или печенью оленя, так как они очень нежные, и дети их едят с большим удовольствием. Любимым блюдом у детей ненцев являются вареная рыба, икра, строганина и горячие лепешки или блинчики из муки, замешанной на оленьей крови.

Из современных продуктов дети отдают предпочтение сладостям: печенью и сгущенному молоку. Бывая в поселке, ненцы покупают в магазине муку, сахар, тушенку, макароны, растительное масло, чай, йогурты, компоты, фруктовые соки, джемы. Но нарушение традиционного питания в результате перехода к европейскому типу приводит к потреблению недостаточно калорийной и богатой микроэлементами пищи.

Во время разездов налегке по тундре ненцы обычно не берут с собой провианта, т.к. обычай гостеприимства предполагает угощение в первом же встреченном чуме.

Первый год своей жизни ребенок проводит в люльке — *зыбке*. В ней он спит, бодрствует, в ней его перевозят на нарте во время перекочевок. Раньше младенца помещали в люльку сразу после рождения, а вынимали только тогда, когда он начинал ходить. На дно люльки насыпают сухой мох. Пеленками служат шкуры оленя. Ребенок прикреплялся к люльке специальными ремешками. При кормлении грудью мать берет ребенка вместе с люлькой.

Необходимость выжить в суровых условиях Крайнего Севера приучила ненцев питаться большим количеством мяса, в том числе сырым мясом с кровью, вследствие чего сформировался своеобразный «полярный тип» метаболизма с определенным генетическим набором и активностью ферментных систем. Традиционное питание рано передается и детям. Этим обеспечиваются не только пластические процессы роста, но и потребность организма в витаминах и микроэлементах. Данное

питание содержит большие количества белка и жиров (особенно омега-3 жирных кислот) и антиоксидантов (например, селен) и обладает протективными средствами в отношении болезней европейской цивилизации.

Экологические особенности районов Севера способствовали адаптации организма коренных народностей к условиям внешней среды и выработке определенных специфических особенностей в питании, что позволило использовать в качестве пищи многие продукты местной сырьевой базы, позволяющие обеспечить нормальный рост и развитие организма.

Важная роль, которую играет традиционное питание, указывает на высокую степень уязвимости коренных народов в случае сокращения возможности в его добывании. Последствия быстрой замены традиционного питания на покупное (европейское) губительно сказываются на здоровье и общем самочувствии коренного населения.

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. 2-е изд. *Спб.*, 1995.
2. Козлов А.И. Пища людей. *Фрязино: Изд-во Век-2*, 2005. 272 с.
3. Козлов А.И. Медицинская антропология коренного населения Севера России / А.И. Козлов, Г.Г. Вершубская. *М.: Изд-во МНЭПУ*, 1999.
4. Иванова Г.В. Экологические особенности питания коренного детского населения Крайнего Севера. *Экология человека*. 2006;8:9–11.
5. Дети коренных малочисленных народов Севера, ведущих кочевой образ жизни: состояние здоровья и медико-социальные проблемы / Л.А. Зубов, А.П. Муратова. *Медработник ДОО*. 2009;4:106–111.
6. Суляндзига Р.В., Кудряшова Д.А., Суляндзига П.В. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Обзор современного положения. *М.*, 2003. 142 с.

## Вскармливание, питание, уход и традиции народов севера Тюменской области

А.Д. Петрушина, А.А. Арефьева, Л.Ф. Липатова, Л.В. Костинева  
Тюменский государственный медицинский университет,  
Тюмень, Российская Федерация

\* \* \*

Особое положение женщины в традиционном обществе ненцев связано с ее сакральным статусом, обусловленным так называемой нечистотой в критические дни, и особенно в период родов. В то время когда женщины еще рожали в тундре, ненцы ставили специальный чум для роженицы — сакрально «нечистый» чум.

Сами роды протекали необычно: роженица находилась в коленно-локтевом положении, головой на восток и обязательно с распущенными волосами: считается, что через волосы уходит боль. В родовой период происходило ужесточение правил поведения для роженицы. При родах она должна жить в особом чуме или родить на улице.

Если роды вдруг происходили в жилом чуме, мужчины покидали его до того момента, пока чум не будет освящен. Для освящения чума и роженицы использовали дым, выделяемый при сжигании бобровой шерсти, кишки жертвенного оленя и можжевельник. В течение недели окуривалась роженица, ее олени, сани.

По убеждениям ненцев, женщина не должна рожать лежа. На время родов свекром приглашалась бабка, опытная женщина, которая не давала роженице спать, лежать, подвязывала ее под мышки ремнем, концы которого прикреплялись к шестам чума. В таком положении женщина находилась до рождения ребенка. Для облегчения трудных родов применялись различные способы.

Ненцы верили, что тяжелые роды были следствием нарушения супружеской верности, признание и раскаяние виновного (или виновных) могло облегчить страдания роженицы. В шатре женщина оставалась на-

едине с повивальной бабкой и должна была ей признаться в супружеской неверности. На особом шнурке повитуха завязывала то количество узелков, которое соответствовало количеству измен.

Если это не помогало роженице, и ее муки не прекращались, то муж женщины, молча, на другом шнурке завязывал узелки, означавшие измены с его стороны. В дальнейшем роженица чувствовала облегчение после того, как ей передавали шнурок мужа, и она пересчитывала его узелки. В своих грехах женщина впоследствии каялась мужу. Магия признания почти всегда положительно сказывалась на состоянии женщины.

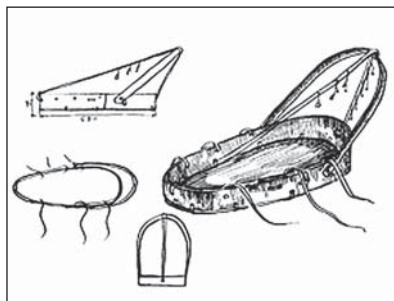
Во время родов пуповину перерезали ножом, перевязывали оленьим сухожилием, ребенка укладывали в люльку на приготовленную подстилку из болотного мха. Вероятно, использование ножа было обусловлено семантикой этого железного предмета, обеспечивающего здоровье, крепость, жизненную энергию. Послеродовой цикл магических действий состоял из нескольких обрядов, которые совершались с момента появления младенца на свет и продолжались до возвращения матери и ребенка в чум.

Прежде всего, знахарка поила роженицу отварами трав, окуривала дымом можжевельника, или роженица, сняв одежду, совершала переход через разведенный огонь. Затем повитуха мыла ребенка теплой водой, в которой были распарены ветки можжевельника, мазала его оленьим салом, а затем клала без рубашки в специально приготовленный меховой мешок в люльке.

Если рождалась девочка, ее выносили из чума на улицу и там оставляли на несколько минут. По случаю рождения ребенка отец убивал оленя или олениху в соответствии с полом новорожденного и угощал



*Так выглядит современная люлька у народов Тюменского севера. Много десятилетий назад разработаны чертежи и макет люльки, которая изготавливается и по сей день*



всех соплеменников. Приплод от дареного оленя считался собственностью ребенка.

Чаще мать кормила младенца грудью, не доставая из люльки. Когда ребенок подрастал и мог садиться, он также находился в колыбели, одетый в специально пошитую одежду типа балахона. В люльке ребенок оставался до тех пор, пока не начинал ходить. Детей до полутора лет кормили почти исключительно грудным молоком, добавляя в небольших количествах жеваное вареное мясо и вареный мозг. С 1,5–2 лет дети питались так же, как взрослые. Во многих семьях было распространено кормление детей грудью до 3–4 и даже 5 лет. Стоит отметить, что данная традиция сохраняется и по сей день.

У ненцев не принято, чтобы мать запасалась необходимым по уходу за ребенком до его рождения, это должна делать бабушка. Когда же бабушки нет, будущей матери приходится самой заранее готовиться к предстоящему событию. Женщина готовится стать матерью незаметно для окружающих.

Летом собирают как можно больше сфагнума (торфяной мох), который сушат несколько дней на кочках, затем собирают в мешки. Зимой для женщин, имеющих маленьких детей, сфагнум становится предметом первой необходимости. Измельченный до состояния порошка, он играет роль талька, которым присыпают ребенка, используя его пористую структуру. Сфагнум кладут под ребенка, который лежит на двух шкурках с подшейным ворсом, повернутых навстре-



*Так выглядели матери с детьми в 50–60-е годы нашего столетия. Они практически не расставались со своими грудными детьми, которые находились в люльке до 2–3-летнего возраста*



*Ненецкие матери не расстаются со своими младенцами (фото Н.А. Носкович)*



*Мать кочует со своими детьми (фото Н.А. Носкович)*



*Даже если ребенок спит, кормящая мать рядом с ним (фото Н.А. Носкович)*

чу друг другу, чтобы стекало на мох. Таким образом, младенец всегда остается сухим.

В спальный мешок кладут крошку сухого дерева, мох и подстилки из шкуры, а когда они наполняются влагой — их меняют на свежие. Подстилки можно часто менять, мыть и сушить.

В изголовье люльки кладут мешочек с оленьим жиром. Считается, что когда ребенок спит, его душа бродит, захочет поесть — поест жира. В колыбель, кроме того, кладут спички, чтобы «огонь ребенка хранил». Раньше вместо спичек клали камешки для высечения огня и *трут* (нарост на дереве, который легко воспламеняется). Спички кладут сбоку у бортика колыбели с той стороны, где спит мать. Колыбель ставят на постель рядом с материнским местом (т.е. вдоль боковой стены дома). Вносят и выносят колыбель вперед головой, а поворачиваются с ней только по направлению солнца.

День рождения по ненецкому обычаю празднуют один раз в жизни, когда рождается ребенок. Гости приносят подарки: одеяльца, сшитые из лоскутков оленьего меха, накидушку из меха, которую подкладывают под голову ребенка, пеленки



*Вскармливаются дети преимущественно грудным молоком, молоком олених*

из оленьей бороды, порошок из высушенной березы, игрушки, которые отражают бытовые предметы жизни ненцев.

По случаю рождения отец дарил сыну, а мать — дочери оленя-важенку (местное название самки северного оленя), на ушах которого на счастье вырезали новое клеймо, которым в дальнейшем клеймили весь приплод. Иногда у выросших сына или дочери было уже несколько десятков своих оленей. Это означало, что клеймо счастливое. Имя собственное ребенку выбирали не сразу.

Стоит отметить, что тундровые дети на редкость спокойны, послушны и уравновешенны. С самого рождения родители готовили ребенка к суровым условиям Севера, кочевому образу жизни, к тем трудностям, которые ожидали его во взрослой жизни. Едва ребенок начинал ходить, будь это мальчик — отец мастерил для него маленькую нарту или детский аркан; для девочки мать собирала кусочки меха, сукна, прививала навыки будущей хозяйки. Все это сопровождалось игровой деятельностью.



*Современная походная люлька на колесах, изготовленная в промышленных масштабах*



*Даже в современных чумах люльку делают своими руками*



*Кукла ненецкая*



*Люлька для куклы*



*Малица для куклы*



Лодка



Кукла нгуху



Игрушка «Нарточка» для мальчика



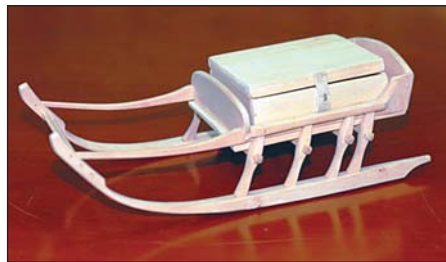
Игрушка «Нарточка» для девочек



Головной убор для куклы



Игрушка «Нарточка» для девочек



Игрушка «Нарточка» для девочек



# Исторические и современные традиции Удмуртии: материнство и детство

М.К. Ермакова, Е.А. Ботникова, Л.П. Матвеева

Ижевская государственная медицинская академия, Ижевск,  
Удмуртская Республика, Российская Федерация

\* \* \*

Удмурты — финно-угорский народ. *Мурт* в переводе с индоиранского — муж, мужчина, человек. Татары называли удмуртов *ар*. Под именем арян, аров, арских людей, а также вотяков удмурты фигурируют в русских исторических документах XVI–XVII веков. Среди финно-угров России по численности населения удмурты занимают второе место после мордвы.

## СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ УДМУРТОВ

Как и все народы мира, жизнь в браке, создание семьи удмурты считали естественным состоянием человека и даже обязательным его долгом. Долгое время у удмуртов сохранялись *воршуды* (от удм. *вордыны* — родить, растить и *шуд* — счастье). Это одновременно родовое подразделение и дух предка-покровителя рода, божество домашнего очага. Каждая семья держала *воршуд* на полке в виде игрушек — уточек, лебедей и других живых существ.

Крестьянская семья жила в напряженнейшем трудовом ритме, в котором и каждый день и даже каждый час, особенно в страдную пору, имели значение. Основной посевной клин занимали три культуры, отличавшиеся стабильными урожаями: озимая рожь, ячмень и овес. Без преувеличений можно сказать, что главным назначением крестьянина был труд от зари до зари, с ранней весны и до поздней осени; труд, в котором принимали участие все, не исключая детей, подростков и стари-

ков; труд, в котором все функции были строго распределены, и воля старшего (кузе) и общины были беспрекословно соблюдаемы непреложным, хотя и неписанным законом.

В прошлом любая молодая пара начинала свою жизнь в недрах родительской семьи, под ее опекой и контролем. Почти все исследователи второй половины XIX века отмечали у удмуртов наличие больших семей, численность которых превышала 10–20 человек. Одним из первых этнографов, обративших внимание на многолюдность удмуртских семей, был Д. Островский: «...удмуртские семьи обыкновенно очень многочисленны: не редкость встретить семью, состоящую из 10 и более человек взрослых, не считая детей. У удмуртов не в обычае разделы; если в семье двое, трое и даже четверо женатых братьев, они большею частью живут вместе, составляя одну семью». Большие неразделенные семьи, как правило, были и многодетными. С точки зрения специалистов, многолюдные, многодетные (3–4-поколенные) семьи обладали гораздо большим воспитательным потенциалом, нежели малые (родители–дети), или неполные (без брачной пары).

В семейном воспитании много внимания уделялось привитию любви к труду, которая, впрочем, была в крови земледельца. Здесь нельзя не вспомнить слова русского ученого Н.П. Рычкова, наблюдавшего за жизнью и бытом крестьян Приуралья XVIII в.: «Если имя трудолюбивого земледельца приписуется в честь народам, то Вотяки поистине могут быть достойными имени сего: ибо я могу смело сказать, что нет в Российском государстве ни одного народа, могу-



*Семья удмуртов. Село Бураново Сарапульского уезда. Начало XX века (фото неизв. автора)*



*Замужние удмуртские женщины в традиционных костюмах, Казанская губерния, Мамадышский уезд. Фотография И.Н. Смирнова, 1902 год (архив РЭМ, Санкт-Петербург)*

щего с ними сравниться в трудолюбии... Границы их трудам есть смерть и младенчество, а прочее время жизни препровождают и самые дряхлые старики в домашней работе».

Нрав у этого народа, как сказал писатель А. Радищев, скорее веселый, чем печальный. Все путешественники, побывавшие в домах удмуртов, отмечали их большое гостеприимство, радушие, миролюбие и кроткий нрав. Любому входящему вотяки подносили квас, пиво, *арьян* (напиток из кислого молока), хлеб, мед, масло и только потом расспрашивали. Дорогих гостей принимали по всем обычаям *табанями* с *зыретом*, да *пощатем* с травяным чаем.

Многие авторы отмечают главные качества удмуртов: трудолюбие — до полной самоотдачи; наивность (у вотяков очень искреннее, детское ощущение мира, они его воспринимают как сказку); отсюда их доброта, бесхитрость, обнаженность души.

### Сватовство

Браки между удмуртами одного рода строго запрещались. Вопрос о женитьбе сына и о замужестве дочери решался старшими членами семьи. Когда сыну исполнилось 16–17 лет, родители начинали присматривать в округе невесту. Брачный возраст для юношей колебался от 16 до 24 лет, хотя чаще женили в 18–20 лет. Невесты еще в начале века часто были старше женихов на 3–5 лет, так как родители не спешили выдавать дочерей замуж, чтобы они дольше трудились в своем хозяйстве, тогда как парней стремились женить раньше, чтобы привести в дом работницу.

Как доброе назидание, условие к созданию прочной семьи, говорили пожелания: «*Чеберез шоры эн учкы, учкы ужамез шоры*» (Смотри не на красоту, а на работу). Невесту чаще искали в другой деревне, руководствуясь правилом «*чынзы медаз сураськы*», т.е. чтобы «дым из печных труб жениха и невесты не смешивался». В этом выражен принцип родовой экзогамии, так как по соседству селились родственники, с которыми запрещался



Замужняя удмуртская женщина (в центре) и девицы в праздничных нарядах.

Фотография рубежа XIX–XX вв. (архив РЭМ, Санкт-Петербург)

лось вступать в брачные отношения. В выборе невесты активно помогали родственники. В невесте их интересовали прежде всего здоровье, трудолюбие, сноровка, отношение к хозяйству. Согласно удмуртской поговорке — *умой кышно — жыны юрт* (хорошая жена — половина хозяйства). Традиционную удмуртскую свадьбу можно было сравнить с оперным спектаклем (пение свадебных песен, хождение по воду и купание молодых, печение лепешек, подметание пола, ряжение и другие развлекательно-игровые моменты) в несколько актов и картин с соответствующими декорациями и реквизитом, с некоторым минимумом (в среднем 20–25, но не менее 13–15) действующих лиц, не считая зрителей: современная свадьба такого сравнения не выдерживает (утратилась театральная зрелищность свадьбы).

Продолжение рода — одна из функций семьи, поэтому еще на свадьбе, то есть при создании семьи, удмурты совершали ряд действий, которые, по религиозному мнению их исполнителей, должны были обеспечить деторождение невестки (например, на колени ей сажали ребенка). Ей высказывали пожелание иметь побольше детей, говорили: *«Одйг ни — питэмлэсь ни»* (Один сын от бездетности сын). В народе с древних времен существовала масса различных приемов и действий, направленных на обеспечение семьи потомством. Одни из них выполнялись уже на свадьбе, другие — при отсутствии беременности в течение нескольких лет. Так, молодых перед первой брачной ночью кормили кашей, желая им побольше детей. По народным представлениям, все кушанья, отличающиеся мно-



*Головной убор невесты  
(выль кен изьян). XX век*



*Участники удмуртской свадьбы  
в праздничных нарядах.  
Фотография рубежа XIX–XX вв.  
(архив РЭМ, Санкт-Петербург)*

жественностью (а зерна злаков ею обладают в полной мере), должны были служить цели приумножения: урожая, приплода, достатка в семье, рождения детей.

### **О БЕРЕМЕННОСТИ И РОДАХ, ИЛИ КАК ЭТО БЫЛО В СТАРИНУ...**

Приносилось много жертв и совершалось много молений, чтобы боги дали детей и сохранили им здоровье и жизнь. Так, весной в *куала* (шалаше) *воршулу* (родовому божеству) приносилась в жертву пара шук. Целью моления было «умножение в семействе счастья в детях».

Положение женщины во время беременности менялось к лучшему: как правило, она освобождалась от тяжелых работ, но не от работы вообще. В деревнях иногда случалось и так, что женщина начинала рожать за работой в поле, на дворе, на речке во время стирки. В некоторых местах существовало поверье, что роды тем мучительнее и дольше, чем больше народа о них знает. По этой причине скрытность женщин достигала таких пределов, что они не сообщали о беременности своим мужьям и семейным, пока те не замечали сами.

Беременной женщине как олицетворению плодородия приписывались магические свойства и благотворная сила, с другой стороны, беременность повсюду считалась нечистым временем, т.к. в женщине, по поверьям, в это время присутствуют две души, и она близка к границе между жизнью и смертью: «С пузом ходить — смерть по вороту носить».

В целях сохранения жизни ребенка большинство удмурток остерегалось от заблаговременного приготовления всего необходимого для новорожденного, т.к. считалось, что ребенок «жить не будет», поэтому обычно ограничивались шитьем 2–3 рубашек и нескольких пеленок. Любопытно, что это суеверие оказалось живучим, и даже сегодня многие молодые женщины по совету старших опасаются запастись большим количеством детских принадлежностей до родов. Забота о будущем благополучии ребенка начиналась задолго до появления его на свет, что выражалось в действиях, направленных прежде всего на то, чтобы ребенок родился физически здоровым и красивым. С этим связан ряд ограничений, запретов, относящихся к будущей матери, а иногда и к отцу. У удмуртов было распространено поверие, что если будущая мать посмотрит с неприязнью или брезгливостью на физические уродства какого-либо человека, то ребенок родится именно с этими недостатками.

Беременной женщине и ее мужу запрещалось причинять боль кому бы то ни было, калечить, убивать животных, зверей, так как считалось, что это отразится на будущем ребенке: он может родиться с какой-нибудь отметиной. Много запретов было связано с перешагиванием: запрещалось переступать через оглобли или коромысло, чтобы ребенок не родился горбатым, через земляные плоды, чтобы не было выкидыша, через острые предметы, чтобы не вызвать тяжелые роды; запрещалось брать в руки веревку или вожжи и проходить под ними, чтобы не было обвития пуповиной. Нельзя было пинать собак, кошек и свиней, иначе заболят ноги и спина, а у ребенка будет «щетинка». Женщина не должна находиться на кладбище, подходить к строящемуся дому, выходить из дома после захода солнца, не должна есть двойных, сросшихся плодов, т.к. могут родиться близнецы. Запрещалось смотреть на уродов и слепых, чтобы не передать эти недостатки ребенку. Увидев, скажем, человека, который ей понравился своей внешностью, она старалась зафиксировать этот момент в памяти и «передать» его красоту своему ребенку: для этого считалось достаточным лизнуть свою руку. Особенно строгими были все эти запреты до первого движения ребенка в утробе матери.

Беременность женщины всегда сохранялась в тайне как можно более длительное время, чтобы уберечь как мать, так и будущего ребенка от возможного сглаза, порчи. Чтобы оградить себя от злых сил, женщины привешивали на себя ладанки, крестики, железные предметы, например ключи. Чтобы предохранить свой плод от подмены (*воштэм*), удмуртки часто опоясывались шерстяной ниткой. Окружающим рекомендовалось воздерживаться от споров, пререканий с беременной, не завидовать ей, по возможности меньше говорить об ожидаемом ребенке, чтобы не навлечь дурных последствий. В свою очередь и будущая мать должна была сохранять добрые отношения со всеми, стараться быть ласковой, обходительной в словах, осторожной в поступках и мыслях.

Появление токсикозов беременности считалось наваждением *Нюлэс-мурта* (лешего), и потому для облегчения состояния беременной ему приносилась жертва. При первых признаках шевеления ребенка беременная, уловив удобное время, когда семья на работе, по секрету обращалась к бабушке-повитухе с просьбой придти послушать (*кылскыны*) и помассировать (*нырскыны*) живот. В бане после всех оставались беременная с бабушкой, которая прежде всего выслушивала живот, непосредственно прикладываясь ухом к обнаженным бокам женщины,

лежащей на спине. При более ясном движении справа предсказывала рождение мальчика, а слева — девочки. После выслушивания повитуха натирала руки мылом, массировала женщине живот довольно продолжительное время и в заключение мыла женщину в бане, парила веником и обливала водой.

Как только беременность становилась заметной, какие бы не были взаимоотношения в семье, беременную старались освободить от тяжелых работ. Тем не менее роды очень часто заставляли ее на работе, вдали от дома.

### **Дородовые обряды. Рождение ребенка**

Обряды, связанные с рождением ребенка, у удмуртов формировались и развивались под влиянием условий жизни и их религиозных представлений. Семья не мыслилась без детей. Родильница уже на 3–4-й день после родов приступала к выполнению различных работ по дому, а в летнее время включалась в общие уборочные работы.

Внимание и любовь к детям как характерную особенность удмуртов описывали ряд авторов (Луппов, Васильев и др.): «Мать-удмуртка успевает и ухаживать за детьми, и работать. Она никогда не оставляет его дома, а всюду носит с собой. А посмотрите, как заливается горячими слезами эта нежная мать, когда умирает ее ребенок, посмотрите, как заботливо прячет она в лубяной его гробик все простые игрушки, соску, как ломает она руки, — и у вас невольно сожмется сердце! Любовь к детям определяется и отцами» (В.Ф. Кудрявцев).

Любовное, трепетное отношение удмуртов к детям отмечали и дореволюционные исследователи. Г.Е. Верещагин писал, что удмурты «счастье полагают только в детях, особенно в сыновьях, поэтому у кого есть дети, тот считает вправе назвать себя счастливым, довольным судьбой». В силу того, что в прошлом земельный надел в общинах выделялся только на мужские души, любая семья радовалась рождению мальчиков, но никогда у удмуртов, как у некоторых этносов, не было ярко выраженного предпочтения рождению мальчика перед рождением девочки, всегда просили богов, чтобы в семье были и те и другие. К девочкам и к мальчикам отношение было почти одинаковое, особенно если в семье уже есть дети: и мальчики, и девочки. Но там, где нет детей, из чисто хозяйственно-экономических соображений ждут мальчика как помощника, наследника. Но если рождаются одни маль-

чики, с нетерпением ждали девочку: *черсны юрттйсь луоз* (будет мощница в прядении)».

В народе в таких случаях обычно говорили, что «без девочек в семье скучно», что «хорошо не только мужскую свадьбу играть (то есть не только сыновей женить), надо и из дома выдавать». Считалось, чем больше детей, тем больше эту семью любят боги. В народе твердо знали: один ребенок — это еще не ребенок, два ребенка — только полребенка, три ребенка — это уже ребенок. Не редкостью было в удмуртской семье более десяти детей. Обычно детей называли *зарни бугоре* (мой золотой клубочек), *дыдыке, гыдыке* (мой голубочек), *пичие, мусое, нуные* (мой маленький, милый), *нылы, пие* (доченька, сынок).

Существовали общественные моления целыми селениями за здоровье детей, на которых приносили в жертву какое-либо животное. Это жертвоприношение имело целью умиловить богов, чтобы они не карали детей болезнями и смертью. «*Урам сяськаен шулдыр, корка — пина-лэн*» (Улица цветами весела, изба — детьми) — удмуртская поговорка.

Роды чаще происходили в бане, при этом активную помощь оказывала бабка-повитуха. В доме открывали и отмыкали все, что было заперто, в церкви распахивали царские врата (при особенно тяжелых родах). Когда роды, наконец, заканчивались, и ребенок появлялся на свет, повитуха заворачивала мальчика в мужскую рубаху, а девочку в полотенце, которое потом вешалось над колыбелькой. По завершении родов повитуха перевязывала пуповину шелковой или льняной ниткой и обрубала у мальчика топором на полене или на камне со словами: «*Та тйр кадь кужмо мед луоз, та из кадь юн мед будоз, тэле ветлыны, тйрен ужаны мед кылдоз!*» (Да будет силен, как этот топор, да растет крепким, как этот камень, пусть приведется в лес ходить, топором работать). Пуповину девочки обрубали на прялке ножом или серпом. Позже стали перерезать ножницами со словами: «*Ас кылдэмзэ ачиз быдэстыны мед быгатоз, черсны-вуриськыны мед кылдоз, ужаны кужмо мед луоз, зеч шу-дэн-бурен кузпаллы сетыны быдэсмоно мед луоз!*» (Да будет справляться с выпавшей на ее долю работой, пусть прясть-шить доведется, да будет крепкой в работе, с удачей-счастьем да доведется выдать замуж за удачливого).

В тех случаях, когда роды происходили не в бане, а в избе, в тот же день топили баню, где повитуха массажировала роженицу, мыла ее и новорожденного, правила ему головку. Баню топили три дня подряд,



все эти дни повитуха жила в доме роженицы, ухаживала за нею и новорожденным. До конца третьей бани, оберегая от «дурного глаза», новорожденного посторонним не показывали.

Детское место с ломтем черного хлеба, яйцом и салом в лапте с правой ноги зарывалось в землю, чаще под полом избы, реже под полом бани. При похоронах последа приговаривали: «Месту гнить, а ребенку жить». Если ребенок рождался в «рубашке», то ее непременно высушивали и сохраняли, полагая, что она приносит счастье. Ее клали в ладанку и носили на шее. Если хотели, чтобы следующим был мальчик, то послед выворачивался, высушивался и хранился на чердаке под святым углом. В некоторых местах от последа отрезали кусок, и потом мать относила его в то место, благодаря которому решится судьба новорожденного: например, у лавки — будет торговцем, у церкви — священником, иные прятали ее, завернув в бумагу, «чтобы новорожденный вырос умным, грамотным человеком». Одним словом, место хранения зависело от того, кем и каким хотели видеть в будущем своего ребенка. Считалось, что если пуповину выбросить, то человек вырастет беспокойным. Хранение пуповины обосновывалось поверием, согласно которому она могла служить в качестве оберега, талисмана. Поэтому когда парня призывали на службу в армию, спрятанную когда-то его пуповину, клали ему в карман, думая, что она спасет его владельца от смерти.

По окончании родов повитуха мыла и чистила младенца, а потом по необходимости правила голову: сжимала, чтобы сделать ее более округлой. Исправляла нос, стягивала кривые ноги. Для того чтобы ребенок был тих, первый раз его клали на правый бочок. Купальную воду выливали под рассаду, чтобы ребенок хорошо рос, чтобы был белотелым, первый раз купали в молодом квасу и коровьем молоке, чтобы был румяным и краснощеким, ягодицы мазали кровью из пуповины. Первую кашу варили на материнском молоке. Чтобы не было прыщей, умывали материнским молоком. Не кормили во время грозы. Мальчиков часто кормили только из правой груди, а девочек — из левой. Многие крестьянки кормили детей до 2–3 лет, полагая, что в этом случае они не смогут забеременеть.

В день рождения ребенка в доме устраивался *вöй вöсян*, то есть моление с маслом: на стол ставили горшок с маслом, каравай хлеба, кашу; зажигали свечи и молились, радуясь благополучным родам, желая счастья, здоровья и достатка новорожденному и роженице. В этот день, по

обычаю, без залога никому ничего из дома не давали, «чтобы не унесли счастье новорожденного».

Роженица до сорокового дня, а ее ребенок до крещения, по повериям, находились в чрезвычайной опасности от нападения «злых сил». Чтобы уберечь роженицу и новорожденного от «вредоносных сил», предпринимались различные меры, направленные на нейтрализацию их «действия». Так, роженица не ела принесенные ей угощения, пока их не отведал кто-либо из членов семьи. Прежде чем выйти из дома (в первый раз за день), она непременно съедала кусок хлеба, что объяснялось верой в магическую силу хлеба, который по этой причине использовался и в некоторых других случаях: например, когда клялись в чем-нибудь, держали в руках хлеб.

Подобные отвращающие меры принимались и по отношению к новорожденному. Так, приходившим «на кашу» новорожденного не показывали, «чтобы его не сглазить». Боязнь сглаза была весьма распространенным явлением, и часто плаксивость ребенка объясняли тем, что его кто-то сглазил. Лечили от сглаза тем, что в лицо ребенка, нашептывая при этом заговоры, брызгали холодной водой, которой предварительно ополаскивали дверные ручки, углы столов, икону, оконное стекло. Для предотвращения влияния «дурного глаза» на ручку ребенку повязывали цветную шерстяную нитку или яркую бусинку, чтобы «сглаз упал» на нее, к шапочке пришивали раковину каури (*гырпинь*), а отправляясь с ребенком в гости, его темя посыпали солью. Больных, плаксивых детей показывали знахарю (*туно-пелле*). Вплоть до XX века среди удмуртов было распространено поверие о возможности «подмены» новорожденного ребенка домовым. Поэтому ребенка одного не оставляли, а если все же приходилось, некоторые привязывали к шее младенца козью шерсть, однако чаще в люльку под его подушку клали нож или ножницы — действие, основанное на вере в магическую силу железа, металла.

Обязательными блюдами на празднике родин было масло, на которое гости с различными пожеланиями новорожденному клали мелкие деньги, и каша, сваренная на мясном бульоне. На празднике в кулачок новорожденному клали монету и примечали, схватит или нет: если схватит — это считалось доброй приметой. Отцу новорожденного женщины подавали тарелку сильно пересоленной каши, которую он должен был съесть всю, иначе тарелку опрокидывали ему на голову: «чтобы знал, как солоно приходится роженице».

Гости поздравляли-славили родителей и напутствовали нового человека: «*Коньдон кадь югыт-сайкыт мед луоз!*» (Да будет ребенок светел-ясен как серебряная монета!). Мальчику желали быть защитником-оградой для государства: «*Кунлы кенер медло!*», девочке — доброй женщиной и матерью: «*Калык вылэ потмон медло!*» (Да будет суждено ей выйти замуж!). Каждому ребенку желали долголетия, большого счастья: «*Кузь арлыдо, паськыт шудо медло!*»

На первое место среди желанных добродетелей для своих детей крестьянин ставил трудолюбие — главнейшее качество члена крестьянской семьи. Далее для мальчика он просил у богов, конечно же, силы и, что примечательно, сразу же вслед за силой — обходительность с людьми. Мальчик должен был вырасти в главу семьи, хорошего хозяина, он не должен был вступать в конфликт с властями, не нарушать закона, быть образцовым гражданином. Для дочери одним из наиболее серьезных пожеланий было выйти замуж. Через своих сыновей-дочерей крестьянин старался расширить границы своего семейного мира. Отсюда такое заклинание: «Выданным на ту сторону реки семерым дочерям детей ниспошли, а на эту сторону реки в мой дом девятых снох ниспошли». Родители были заинтересованы в том, чтоб у выданных дочерей обязательно были дети, поскольку бездетную жену, по обычаю, могли вернуть обратно. В случае бесплодия девушка отсылалась обратно к родителям, а если выходила замуж, то подвергалась упрекам и покорам как от мужа, так и от его родных.

Праздник по случаю рождения ребенка устраивался в день крещения. Свекровь и свекор роженицы рекомендовали наиболее уважаемых ими людей в крестные родители (*кирос анай* — крестная мать, *кирос атай* — крестный отец), которые и возили ребенка крестить в церковь. Иногда после крещения ребенка подавали в избу через окно, выбив стекло. Этот акт производился в тех случаях, когда ребенок был хилым, болезненным. Большинство описанных обрядов, их элементов встречаются у многих народов (у финно-угорских, славянских и тюркских). Это может быть объяснено единой первопричиной появления этих обрядов; загадочным, с точки зрения древнего человека, рождением ребенка, большой смертностью детей и стремлением сохранить их, а также желанием обеспечить женщине дальнейшую способность к деторождению, а ребенку — будущее.

Рациональным, спасающим детей от гибели, являлось поголовное вскармливание грудью. Кормился грудью ребенок по крику, так как уд-

муртка не имела возможности долго и часто возиться с ребенком. Беспокойному и крикливому ребенку с первых дней давалась тряпочка — соска, внутрь которой вкладывался пережеванный ржаной хлеб с сахаром или просто тряпочка, смоченная медом. Ту же соску давали при недостаточном количестве грудного молока у матери. При длительной гипогалактии, а также болезни матери обращались к помощи посторонних женщин, кормящих грудью своих детей, с просьбой покормить раз, два и больше. Коровьим молоком удмурты своих детей в первые месяцы, как правило, не кормили, а если это очень редко и случалось, то давалось цельное кипяченое молоко. Поэтому рожки употреблялись крайне редко и в основном в деревнях со смешанным населением как заимствование от русских. «Взамен пресловутой полуразложившейся соски вотячки иногда употребляют кусок тряпочки, смоченной медом. Соска, пользующаяся таким широким распространением в русском поселении, по счастью, вотякам неизвестна совсем» (Фармаковский). Большая часть детей грудью пользовались до 1 года, но некоторые заботливые матери кормили и до 2 и даже до 3 лет, а изредка и до 5 лет.

Момент приема пищи мать-удмуртка всегда стремилась использовать и для одновременного кормления ребенка грудью. И вот с 4 месяцев, когда ребенок уже присаживался на коленях у матери и, насытившись грудного молока, тянулся за ложкой, чашкой, куском хлеба (в силу своих возрастных особенностей), мать расценивала действие как желание есть и тут же часть пережеванной пищи засовывала ребенку пальцами в рот. Таков был весь прикорм до года. Особой пищи ребенку не готовилось. Он постепенно осваивал пищу от общего стола семьи, вначале пережеванную матерью, дальше с ложки матери жидкую и полужидкую пищу и постепенно переходил к более плотной. Состав пищи тот же, что и у взрослых, правда, в удмуртской семье



*Кормящая грудью мать-удмуртка  
(фото А.Г. Награльяна, В.В. Якобсона,  
М.В. Егорова, 1990 г.)*

старались ребенку дать более лакомую пищу, но это мало удавалось из-за бедности.

Местом сна для ребенка до 6 месяцев служила холщевая или лубяная люлька. Сверху люлька имела всегда полог, обычно сделанный из материнской юбки. В зимнее время полог был часто двойным, сверху полушерстяной — для тепла. Люльку старались вешать подальше от окна за особой перегородкой.

Мыли ребенка только в бане и почти каждый день. Обычно мыла бабушка. Вся процедура состояла в том, что бабушка, положив ребенка ничком на обнаженную левую ногу, поставленную на ступеньку полки, придерживая его левой рукой, горстью правой руки черпала воду из стоящего рядом *бурака*, плескала на ребенка и растирала его. Уже в первые месяцы ребенка начинали парить специальным маленьким венником. Никогда маленький ребенок не мылся в корыте.

Удмуртка-мать не оставляла своего грудного ребенка дома, а носила его на все работы и при всякой погоде с собой, даже при наличии дома старушки. Транспортировались дети на любые расстояния в особых колыбельках, подвешиваемых на спину матери. До возраста ребенка 6–7 месяцев на юге территории использовали колыбельку (*кокы*) небольшого размера, лубяную, с тонким лубяным дном. *Кокы* устраивается на фигуре ребенка и почти по его размерам. Головной конец шире, к ногам постепенно суживается, но заканчивается закруглением. Над лицом ребенка из плотного луба делается подвижная дужка, чтобы покрывало вплотную не подходило к лицу ребенка. Запеленутый свивальником ребенок в чепчике укладывается в *кокы* на тонкую подстилку и подушечку. Дужка поднимается над лицом, и сверху вся люлька вместе с ребенком аккуратно наглухо закрывается чехлом (*бамшобрет*) — шерстяным домотканым одеялом. Затем вкладывается в особые лямки



Музей под открытым небом «Быт северных удмуртов»: на переднем плане *кокы* — удмуртская зыбка (фото предоставлено Екатериной Лekomцевой)

(*ньпы*) с четырехугольным холщевым прочным основанием, на которое и ставится *кокы*. Одета в верхнюю одежду мать, надевает лямки за плечи и отправляется, захватив с собой необходимые орудия труда (косы, вилы, серп и др.) и пищу на день. Иногда это *кокы* заменяет и домашнюю люльку. В таких случаях *кокы*, как люлька, подвешивается к длинному шесту для лучшего раскачивания.

У северных удмуртов колыбель для транспортировки устраивается иначе и называется *мучко*. Это коробок, сплетенный на бересты, глубиной около 20 см. Одна из боковых сторон его заплетена на ивовый или черемуховый полуобруч и составляет полукруглую спинку колыбели, вышиной около 50–60 см. В старину *мучко* украшался цветными шерстяными нитками, выжженными по бересте узорами. К верхнему концу полукруглой спинки прикреплена лубяная дужка шириною 7–8 см. Она является как бы полупотолком колыбели, однако доходит только до половины ее. К этой лубяной дужке навешивались покрывала в 2–3 слоя. Нижнее покрывало из белого холста, сверху еще одно или два, смотря по погоде, — шерстяное или плотного темного холста. Нижнее белое покрывало по краю украшается кружевами, вышивкой по вкусу и умению матери. Покрывала в зависимости от погоды задергивались плотно и наглухо закреплялись особым шнуром по остоу люльки; в теплую погоду затягивалось только белое покрывало, чтобы защитить ребенка от солнца и от мух. Верхнее покрывало оставалось собранным у ножного конца и прикрывало только половину люльки. К задней высокой стенке прикреплялись две лямки, как к вещевому мешку, за которые мать надевала *мучко* на свои плечи. *Мучко* являлось более громоздким и тяжелым, чем *кокы*, но вместе с тем более просторным и удобным для ребенка. Даже глухо закрытое *мучко* содержало больше воздуха, чем *кокы*.

В поле эти колыбельки оставлялись в тени, между снопами или за стогами сена. *Кокы* можно было пове-



Детская заплечная берестяная люлька (*мучко*)

сидеть за лямки к дереву, к оглоблям телеги и раскачивать при плаче ребенка. Мучко укачивалось просто на земле за высокую спинку.

Около ребенка оставляли «няньку» лет 4–6, которая обязана была покачать ребенка при плаче и сообщать матери, если он не унимался. В теплую нежаркую погоду дети в этих колыбельках на свежем воздухе чувствовали себя великолепно, были спокойны, спали, мало отрывали мать от работы, да она и не имела возможности часто отрываться для ухода за ребенком. Питья ему не давалось: опять та же соска из ржаного хлеба «успокаивала» его. Маленькая нянька, порой открыв покрывала, сжигала кожу ребенка на солнце. Женщина, которая часто отрывалась к ребенку или задерживалась около него, осуждалась как ленивая.

С момента, когда ребенок начинал хорошо сидеть, *кокы* и *мучко* из обихода устранились. И мать сажала ребенка просто в *ныты* (слинг) или *нытьет* (холщовые носилки, к углам которых пришиты сплетенные из тонких ниток или бечевки тесьмообразные лямки). Длина таких *нытьетов* всего около 1,5 аршин и шириной 0,5 аршин. Чтобы нести ребенка, *нытьет* постилают на лавку поперек так, чтобы ребенок сел на него верхом, затем сажают его, концы тесьмы или лямки соединяют и надевают на плечи с посаженным ребенком, как ранец, причем вся спина ребенка покрывается *нытьетом*, а ноги остаются снаружи. В *ныты* ребенок усаживался одетый в платье и обутый в чулки с неизменным чепчиком на голове. Ребенок сидел за спиной матери, прижатый грудью к ее спине. Ноги его болтались по обе стороны между лямками; чтобы не тыкаться носом в спину матери, он поворачивал голову в сторону.

Этот способ ношения для ребенка был неудобен, утомителен, он сдавли-



Плетеная берестяная детская люлька (мучко). Северные удмурты. Конец XIX века



Ребенок в *ныты* за спиной у матери, XX век (фото неизв. автора)

вал грудь, требовал от ребенка напряжения. У заснувшего ребенка голова болталась из стороны в сторону. Некоторые виды работы женщина-мать так и выполняла с ребенком за спиной: например, гребла сено, подавала снопы и т.д.

В домашних условиях ребенок с 4 месяцев высаживался из люльки в дупло (*гыр*) — вид деревянной кадушки из сплошного, выдолбленного внутри и хорошо отполированного дерева без дна. Верхний конец его вырезан так, что задняя часть выше и впереди закругленно опускается. Край хорошо закруглен и отделан. Внутри приделывались горизонтальная деревянная дощечка в виде скамейки. *Гыр* ставился на лавку и сюда высаживался ребенок. Верхняя часть его была прикрыта рубашкой, а ноги завертывались пеленкой. Ребенок мог сидеть на скамейке или упираться ногами и привставать. Верхними конечностями, а именно подмышечной частью, он упирался в края дупла и в этом положении проводил свое бодрствование. В таком положении ребенок рассматривал окружающие лица, предметы. Часто в руку ему давали игрушку, он с возбуждением двигал руками и, упираясь при этом ногами в лавку, привставал, как бы прыгал. При хорошем развитии ребенка движения его настолько были резки, что дупло даже привязывали из опасения, чтобы ребенок не упал вместе с ним. Утомившись, он начинал плакать и иногда здесь же, в дупле, засыпал. С момента, когда ребенок начинал ходить самостоятельно, дупло из употребления исключалось.



*Ныпъет (слинг) (фото неизв. автора)*



*Молодая мать. Покосный костюм удмурток Алнашского р-на. Ребенок в ныпъете за спиной у матери, XX век. Галерея этнических фотографий со слингами (фото неизв. автора)*



Удмуртки не любили показывать своих детей грудного возраста, особенно хорошо упитанных — эйтрофиков, чужим людям, боясь сглаза, от которого, по их мнению, получается очень много болезней. Некоторые люди пользовались в этом отношении очень дурной славой. Это так называемые ведуны. Проходя мимо такого человека, каждый незаметно отплевывался в сторону. Не разрешали удмуртки чужим людям брать детей на руки, а тем более целовать их. Это, по их мнению, может погубить ребенка.

Большую роль в деле воспитания детей сыграло поверье, по которому грудных детей опасались оставлять дома одних из боязни обмена или порчи их *корка муртом* (домовым). Ребенок-гипотрофик, нередкий в удмуртской семье, считался именно обмененным домовым. Поэтому женщина-мать на все работы брала его с собой, что, во-первых, давало возможность сохранять грудное кормление при всех обстоятельствах, во-вторых, избавляло ребенка от безнадзорности и от рук неопытных нянь.

В своем отчете земству о смертности вследствие дизентерии в 1881 году врач северного участка Глазовского уезда писал: «Поистине печальную картину представляют из себя дети в деревне. Русские женщины оставляют грудных детей своих дома на попечение малолетних нянь. Оставляют подолгу без всякой пищи и питья. И тут они, тревожимые разного рода насекомыми, брошенные без всякого призора своими малоопытными няньками, кричат и плачут, выбиваясь из сил. Если и имеют эти дети что-нибудь заменяющее им пищу — это или соска из холста с жеваным ржаным хлебом, или прокисший коровий сосок, повязанный на пустой коровий рог. Вот где одна из главных причин кровавого поноса! Однако вотское население значительно меньше пострадало от этой болезни и именно потому, что в рабочее время они всех своих детей — и взрослых и грудных — берут с собой в поле и там последних матери кормят грудью».

После года мать уже реже брала с собой ребенка на полевые работы, а оставляла его дома с малыми детьми или дряхлыми стариками. С трехлетнего возраста ребенок становился уже почти «самостоятельным» и мало требовал ухода. Разве только выпарить и облить в неделю раз в бане, да изредка сменить на нем рубашку. Ел он за общим столом все то, что ели взрослые — картофель, кашу, мясо, репу, морковь, брюкву, тыкву, капусту, пельмени.

Ребенок спал со старшими детьми на полатях, реже на полу на брошенной верхней одежде, прикрытый той же одеждой. Летом в среде более старших детей он знакомился со съедобными и несъедобными, жгучими, колючими травами, корнями и собственно поступал на воспитание и попечение своих старших 6–7-летних братьев и сестер. Летом грязные, чумазые дети в этом возрасте только ночью собирались домой, а целые дни ходили с вымазанными зеленью губами и щеками, так как разные травы, цветы для них были съедобными — корень, стебель, листья, цветы, ягоды. Ближайшее поле, луга, огороды — все оставалось в их распоряжении. Старшие дети снабжали малышей всеми этими «лакомствами». Домой прибегали только для того, чтобы захватить кусок хлеба, да изредка выпить оставленное молоко. Только вечером один раз дети получали горячую пищу — щи, если не засыпали от усталости.

В школьном возрасте мальчик становился помощником отца: боронил, пас лошадей, возил дрова и т.д.; девочка становилась помощницей матери: мыла полы, пасла коров, гусей, ухаживала за младшими братьями и сестрами, выполняла другие поручения по дому. В 12 лет мальчик часто уже пахал, девочка принимала участие во всех сезонных работах. В общем, это были уже настоящие работники в семье.

Бездетные супруги воспринимали отсутствие детей как тяжелую участь, наказание божье, удар судьбы. Женщины в таких случаях с горечью говорили: «*Кылдэmez сыҗе, вылды*» (Так, видимо, суждено, predetermined), но при этом предпринимали все возможные меры к зачатию ребенка. Часто обращались к знахаркам, бабушкам, известным в народе как целительницы (*кõt тупатъясь* — правящая живот, *кõt кыскась* — массирующая живот), прибегали к различным заговорам, магическим приемам, принимали настои трав, мази и т.д. По сведениям К. Герда, бездетная женщина должна была «с особыми заговорами в полночь пойти в лес и завязать узлом молодую пихту или ель. Если надо мальчика, встать лицом к востоку и завязать верхушку ели, если девочку — лицом к западу и завязать пихту», поскольку народ отсутствие детей воспринимал не только как несчастье, но и как позор.

И на сегодняшний день грудное вскармливание в Удмуртии остается традиционным. Практически все матери начинают грудное вскармливание в роддомах Удмуртии. В возрасте старше 6 месяцев грудное вскармливание остается у 64–68% детей.

## ЛИТЕРАТУРА

---

1. Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. *Казань*, 1906. Вып. 5. С. 343.
2. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений. Вотяки Сосновского края: в 6 т. *Ижевск*, 1995. Т. 1. С. 70.
3. Никитина Г.А. Семья. В кн.: Народная педагогика удмуртов. *Ижевск*, 1997. С. 14–45.
4. Островский Д.Н. Вотяки Казанской губернии. Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. *Казань*, 1874;4(1):48.
5. Первощикова А.И. Дети Удмуртии: автореф. дис. ...докт. мед. наук. *Ижевск*, 1948. 455 с.
6. Рычков Н.П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. *СПб.*, 1770–1772. Ч. I. С. 163.
7. Смирнов И.Н. Вотяки. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. *Казань*, 1890. Т. VIII. Вып. 2. С. 223.
8. Удмуртия / Под ред. З.Я. Боткиной. *М.: Планета*, 1990.
9. Христолюбова Л.С. Рождение ребенка. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). *Ижевск*, 1984. С. 60–70.
10. Чайников К.П. (Кузубай Герд) Человек и его рождение у восточных финнов. *Хельсинки*, 1993. С. 10–75.

# Урал: местные традиции и обряды

## История грудного вскармливания на Урале

**И.В. Вахлова**

Уральский государственный медицинский университет,  
Екатеринбург, Российская Федерация

\* \* \*

Грудное вскармливание пропитано глубокой историей разных народов мира. В далеком прошлом люди были близки к природе, в которой вскармливание потомства материнским молоком было единственным путем к выживанию и продолжению рода. Связь матери и ребенка в процессе кормления, является одной из самых важных составляющих материнского поведения и обеспечивает благоприятный физический и эмоциональный контакт между ними. Для малыша — это начало взаимоотношений с окружающим миром. Именно на руках матери у ее груди происходит постепенное усложнение форм общения, углубление психологической взаимосвязи, любви и поддержки в познании. Но, к сожалению, таким видение было не всегда...

История грудного вскармливания на Урале несущественно отличается от истории грудного вскармливания по России в целом, но имеет некоторые традиции и особенности.

Прежде всего, следует отметить, что в разные исторические периоды модели организации питания имели свои особенности: грудное вскармливание родной матерью, кормление чужим материнским молоком, прикорм питательными смесями вплоть до полной замены грудного вскармливания [1]. Исторически, можно выделить модели организа-

ции питания в дореволюционной России, послереволюционном периоде (1917–1928 гг.), периоде СССР, в который входили доперестроечный период и времена перестройки (1986–1991 гг.), и, наконец, в современной России.

Так как в истории грудного вскармливания на Урале будут упоминаться названия губерний тех времен, необходимо краткое представление о создании Уральской области.

Губерния являлась высшей единицей административно-территориального деления в России (1708–1929 гг.), оформившаяся при Петре I в процессе организации государства.

20 ноября (по другим данным 1 декабря) 1780 года императрица Екатерина II подписала указ о создании Пермского наместничества в составе двух областей — Пермской и Екатеринбургской — и учреждении губернского города Пермь. Таким образом, по обоим склонам Уральских гор в период 1781–1923 годов располагалась Пермская губерния.

В апреле 1918 года на объединенном Пермском съезде крестьянских, рабочих и солдатских депутатов было принято решение о разделении Пермской губернии на два округа — Пермский и Екатеринбургский, что официально было провозглашено 15 июля 1919 года. Екатеринбургская губерния была выделена в составе 6 уездов, располагавшихся в ее восточной части, за Уралом, и являлась административно-территориальной единицей РСФСР в период 1919–1923 годов. Центром был город Екатеринбург. В Екатеринбургскую область вошли Екатеринбургский, Верхотуровский, Камышловский, Ирбитский, Шадринский, Челябинский, Далматовский и Алапаевский уезды. 4 ноября 1920 года в состав Екатеринбургской области был включен Сарапульский уезд Вятской губернии. В Пермскую область вошли Пермский, Чердынский, Соликамский, Оханский, Осинский, Кунгурский, Красноуфимский, Обвинский уезды.

3 ноября 1923 года Пермская губерния была упразднена, а ее территория включена в состав Уральской области с центром в Екатеринбурге.

Уральская область была образована Постановлением ВЦИК от 3 ноября 1923 года из Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской губерний. Центром области стал Екатеринбург (с 1924 года — Свердловск).

## ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Главным препятствием к успешному кормлению всегда становилось убеждение, что у женщины есть более важные дела, чем материнство. На долю женщины, помимо материнства, всегда выпадал тяжкий рабочий труд, такой как работа в поле (огородная работа, косьба, жатые или полка, прорывка и копка), которым она никак не могла пренебречь. И даже если она кормила свое дитя грудью, то только рано утром, перед тем, как идти на работу, и поздно вечером, возвращаясь с нее. Поэтому часто крестьяне кормили своих детей коровьим молоком, а инструментом для кормления служила соска из коровьего вымени, привязанная к коровьему рогу. Очевидно, что в течение дня соска не только не кипятилась, но и не мылась. Вот как происходило питание грудных детей в деревнях во время страды в те годы. Матери уходили на работу, оставляя пищу ребенку на целый день, и кормили грудью ребенка только ночью и вечером, возвращаясь с работы, в некоторых случаях только через 3–4 дня. Ребенку оставалось пить из соски, которая представляла из себя коровий рог, к свободному открытому концу которого был привязан коровий сосок, покупаемый в мясных рядах на рынках или у местных мясников. Конечно, такая соска, постепенно загнивая, тем не менее находилась почти целый день во рту ребенка. Следовательно, если ребенка кормили коровьим молоком, то это молоко, оставленное матерью няньке, наливалось время от времени в этот импровизированный рожок, и, понятное дело, нянька не старалась вымыть этот рожок и соску, да, впрочем, это и безразлично, так как гниль при всяком мытье останется гнилью. Да и кроме того, можно себе представить, каким делается оставленное с утра молоко к вечеру в течение длинного знойного летнего дня. В тех же хозяйствах, где коров нет, следовательно, и молока нет, кормление ребенка происходило при помощи жевки, то есть



*Коровий рожок для кормления грудных детей.*

*Из книги К.И. Козьминой «Истоки Уральской педиатрии», 2014*

тряпки с завернутым в нее или завязанным в узелок жеваным хлебом, баранкой, кашей или чем-либо подобным; няньки пальцами придавали коническую форму соске-жевке, брали ее в рот и обильно смачивали слюной, после чего она попадала в рот ребенку. Часто встречалось, что ребенку не давали грудь до 3 дней, до молитвы матери, до крещения или в постные дни, коих в году 250. При этом лучшим средством против *грызи* и *нутряной грыжи* считались соски с черным хлебом, морковью, свеклой, яблоками, пряниками, орехами, разжеванным толокном. Мочили соску в молоке, постном масле, сахарной и медовой воде [2, 3].

В сельской местности младенцев няньки кормили кипяченым или парным коровьим молоком через коровий рожок. В Кисловской области Екатеринбургского уезда молоко варили «до красна», иногда разбавляя содой. В Пермской губернии местами был обычай вместе с соской с первых же дней давать детям сусло, брагу (домашнее вино, изготовленное на дрожжах, и содержащее спирт — прим. авт.) и квас [2, 3]. Даже такое нехитрое новшество, как применение резиновых сосок и их кипячение перед кормлением, крестьянки принимали с недоверием [4].

В исследованиях Д.А. Соколова и В.И. Гребенщикова прослежена связь питания в России с высокой смертностью, и авторы выделяют основную причину — голодание: «Население существует впроголодь, а часто и вовсе голодающее, не может дать крепких детей, особенно если к этому прибавить те неблагоприятные условия, в каких, помимо недостатка питания, находится женщина в период беременности и вслед за нею» [2, 3].

Причины смертности детей первого года жизни описал в своей статье «По вопросу о детской смертности в Красноуфимском уезде» красноуфимский земский врач М.И. Мизеров. На основе собранных им многолетних данных он выделил главные причины высокой детской смертности — низкий уровень санитарной культуры населения и раннее прерывание кормления младенцев материнским молоком. «Инстинкт кормления грудью своего ребенка в местном населении сохранился в своей силе, почему большинство женщин кормят



Детский рожок, или соска под названием «камбала».

Детский рожок или соска под названием «камбала».  
Из архива Свердловского областного музея истории медицины

своих детей грудью или делают к этому попытки, но в то же время сохранился и вековой обычай начинать прикармливать детей со дня рождения. Только что родившемуся ребенку повсеместно кладут в рот соску (коровий сосок в отличие от хлебной соски народ называет *тителькой*, то же название часто удерживает и для резинового соска), состоящую из жеванного с сахаром белого или черного хлеба (пряников), завернутого в мягкую редкую тряпку. В некоторых местах, например в Криулинской волости, с этой соской во рту (ребенок — *прим. авт.*) остается до крещения, в большинстве же случаев до 4–5-го дня. В эти дни воды ребенку не дается» [4]. Дети целыми днями всасывали в себя кислый сок от хлеба и каши, голодая и испытывая жажду. Так же обстояло дело и с коровьим рожком и соской. Так как не соблюдалась простейшая гигиена (соски могли не мыть по три дня или просто протирать любой тряпкой, будь то грязный фартук), изнутри они начинали гнить, со временем покрываясь толстым слоем створоженного молока. Нянечки продолжали кормить из него, в результате чего продукты гнили поступали в желудок ребенка [5].

Особенно стоит отметить актуальность несоблюдения правил гигиены в знойные летние дни. Результатом такого вскармливания был повальный понос, кахексия и высокая смертность. «Никогда в течение года», — говорит протоиерей Гиляровский в своем замечательном труде, — «не бывает столько выводов плода, выкидов, мертворождений, несчастных родов и никогда не рождается столько детей, неблагонадежных к жизни, при самых родах счастливых, как в июле и августе» [2, 3]. Крестьяне Красноуфимского уезда называли июль «дорогим месяцем», «тяжелым» для малых ребят, которые «больше хворают, больше и мрут, чем в другое время» [5].

Прикармливание в России младенцев пищей взрослых издавна применялось в самых широких размерах с первых же месяцев жизни ребенка, поскольку молоко, по расхожему в крестьянской среде мнению, «есть питье, а пища должна быть твердая, кроме того, это необходимо еще и потому, что кормление грудью и молоком недопустимо в посты и постные дни» [4].

«Появившись на свет и вдохнув воздух новообретенного мира, человек во весь голос заявляет свое следующее требование. Он хочет есть, и тут впервые пробует молоко. Молоко — уникальная пища, в нем есть все — и аминокислоты, и витамины, и минералы. Одна беда — не всегда



у матери его оказывается достаточно» [6]. В воззвании Российского Союза борьбы с детской смертностью (1904) было написано: «Ни еврейка, ни татарка не заменяет собственного молока соской. Это исключительно русский обычай и один из самых губительных. По свидетельству врачей, эта соска (из жеваного хлеба, каши и т.п.) уносит в России более жизней, чем все неприятельские нашествия. Отказ от кормления младенцев грудью — главная причина их вымирания».

По опубликованным в 1895 году данным Уральского медицинского общества, 20% матерей Пермской, Оренбургской и Уфимской губерний вовсе не кормили грудью, а практически 49% семей начинали прикармливать цельным молоком (55%) или разведенным (8%) уже через 1 месяц после рождения. С 6–7 месяцев дети питались тем же, чем и взрослые [5]. Ученые медики не могли убедить народ в важности именно грудного вскармливания и неправильности детского прикорма. Но следует отметить, что среди городского населения, по сравнению с сельским, имели место быть гуттаперчивые соски и стеклянные рожки. Крестьянки с недоверием относились к соскам и мерам их обработки (кипячению), от того земским врачам первое время приходилось приобретать их за свои деньги и раздавать бесплатно. Крестьяне настолько привыкали к их пользованию, что считали лекарством при поносе и клали за божницу. Результаты не заставили себя ждать: соблюдение простых правил гигиены повлекли за собой снижение детской смертности [4].

Последствия вышеописанного кормления детей, мер личной гигиены не могли не сказаться на демографической ситуации в Уральской области. К сожалению, в дореволюционный период Пермская и Вятская губернии показывали самый высокий показатель смертности детей в России [7]. Вот что пишет С.В. Голикова в своем докладе: «Особенно неблагоприятное положение сложилось в Пермском, Кунгурском, Ирбитском и Камышловском уездах: там удельный вес смертей до года был не ниже 60% (в конце XIX – начале XX века). Для характеристики детской смертности в крае врачи использовали эпитет «ужасная», а существующее положение считали «вопиющим». В 1868–1870 гг. на первом году жизни в России умирало 16% новорожденных, а в Пермской губернии — 43,8%. У жителей Рождественской волости Екатеринбургского уезда в 1879–1885 гг. из пяти родившихся в возрасте до года умирало двое, а до пяти лет — еще один» [5].

«Неразвитость системы здравоохранения России в конце XIX – начале XX века объясняется тем, что колебания уровня общей и младенческой смертности определялись в основном внешними условиями и зависели от неурожая, эпидемий и других негативных для человека воздействий. Имеющиеся сведения подтверждают, что наиболее высокая смертность в Пермской губернии фиксировалась в неурожайные годы (1901, 1906, 1907, 1911 гг.)», — пишет Г.Е. Корнилов [6].

Впервые вопрос о здоровье детей был поставлен в 1886 году в Перми на губернском съезде земских врачей.

Среди основных мер по снижению детской смертности предлагалась организация раздачи пастеризованного молока и использование резиновой соски вместо коровьего рожка.

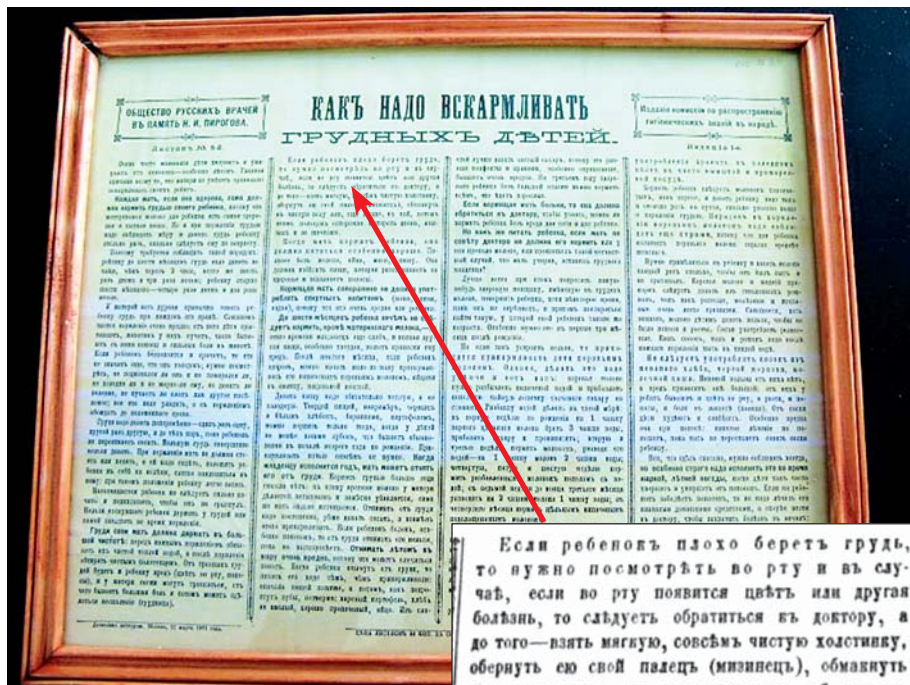
Земские врачи Урала уделяли огромное значение питанию детей первого года жизни. Так, в 90-х годах XIX века екатеринбургский земский врач Николай Александрович Русских разработал и предложил карту «Индивидуальные условия жизни ребенка до 1 года». Она состояла из десяти пунктов, посвященных вскармливанию детей первого года жизни. Мать должна была ответить на следующие вопросы:

- Ребенок кормился грудью, если нет, то почему?
- До скольких месяцев кормился грудью?
- С которых пор начат прикорм?
- Какой получал прикорм (коровье молоко разведенное (%), коровье молоко цельное, хлеб черный, белый, кашка)?
- Какой рожок? Какая соска? (Рожок стеклянный, коровий, соска резиновая, коровья)?
- Который ребенок в семье?
- Сколько живых детей?
- От каких болезней умерли прежние дети?
- Замечания об уходе и кормлении, одежде, омовении, кровати (колыбели) и т.д. [4].



*Николай Александрович Русских*

5 октября 1902 года в Екатеринбурге Н.А. Русских сделал доклад и представил проект устава «Союза для борьбы с детской смертностью в России». Целью Союза была провозглашена организация борьбы с детской смертностью и содействие общественным учреждениям и частным лицам в этой борьбе. Уставными задачами были ходатайство об открытии местных отделов по России; сбор статистических сведений о детской смертности и мерах борьбы с ней; распространение сведений о гигиене и способах борьбы с детской смертностью путем издания брошюр и сочинений, лекций, народных чтений, организации практических курсов, музеев, выставок; организация приютов для женщин до и после родов, яслей, амбулаторий и санаториев для хронически больных детей; помощь роженицам на дому; доставка доброкачественного молока новорожденным.



Увеличенный фрагмент. Статья «Как надо вскармливать грудных детей» врачами Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. Из книги К.И. Козыминой «Истоки Уральской педиатрии», 2014

Если ребенок плохо берет грудь, то нужно посмотреть во рту и в случае, если во рту появится дыбка или другая болячка, то следует обратиться в доктору, а до того — взять мягкую, совсем чистую ходячую, обернуть ею свой палец (мизинец), обмакнуть в чистую воду или, еще лучше, в чай, потом этим пальцем осторожно вытереть десна, язычок и за щеками.

Когда мать кормит ребенка, она должна питаться особенно хорошо. Полезно есть молоко, яйца, мясо, кашу. Она должна избегать пищи, которая разстраивает ее здоровье и вызывает понос.

Идея получила поддержку, и 12 декабря 1904 года был организован Всероссийский Союз борьбы с детской смертностью. В 1905 году под руководством Н.А. Русских в Екатеринбурге организовано Уральское отделение Всероссийского Союза борьбы с детской смертностью. Уже в начале существования отделения были поставлены два вопроса: об организации раздачи бедным семьям молока для детей и об устройстве яслей [9]. Раздача стерилизованного молока началась уже в октябре 1905 года. Публичные лекции и занятия по вопросам воспитания здорового ребенка организовывались врачами в женских гимназиях Екатеринбурга и других городах Пермской губернии, где показывалось, как нужно взвешивать детей, как стерилизовать молоко и др.

Николай Александрович Русских стал первым редактором русского журнала «Охрана материнства и младенчества», был председателем Уральского медицинского общества, вице-президентом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), деятельным членом Общества Красного Креста. В 1913 году Н.А. Русских получил Почетный диплом Всероссийской гигиенической выставки за выдающуюся деятельность в области борьбы с детской смертностью в России [10, 11].

Чаще всего грудное вскармливание было социальной необходимостью, но иногда являлось свободным выбором женщины. Вскармливание ребенка чужим материнским молоком — это отдельный вид вскармливания в России тех лет. Обеспеченные родители привлекали в дом кормилиц. Самое широкое распространение «кормиличный промысел» получил во второй половине XIX века. Каждая обеспеченная дворянка, не желающая сковывать себя ребенком и отдаваться «радостям жизни», заплатив небольшую сумму, могла полностью посвящать время себе и своему досугу. Чуть ли не всякая относительно достаточная семья чиновника, более или менее зажиточного купца не обходилась без кормилиц [12]. Врачи же видели в этом одну из причин детской смертности,



Кормилица. Иллюстрация к статье Колгановой Е.В. Смертельное молоко // Родина. 2010. №7

считали это безнравственным и бесчеловечным. Дело в том, что чаще всего ради кормиличного промысла женщина переставала кормить собственное дитя, чтобы дольше получать деньги от своих нанимателей. Как правило, кормилицы вербовались из беднейшего крестьянства, младенцы оставались на попечение более старшим детям, нянечкам или родственникам, где лишенный материнского молока младенец умирал. Впрочем, статистики, регистрирующей число подобных смертей, не существовало. Врач С.Ф. Воюцкий на протяжении шести лет наблюдал 88 случаев кормления грудных детей наемными кормилицами. Вот что он пишет: «Из моих 88 кормилиц дети умерли у 72; из остальных 16 детей двое остались живы благодаря тому, что матери их были наняты под условием кормить ребенка хозяев и своего совместно; 12 кормилиц вскоре после найма по той или иной причине оказались непригодными и были заменены другими; лишь в двух случаях (2,27%) дети каким-то чудом уцелели» [12].

Кормилицы редко подвергались какому-либо из обследований, что не могло гарантировать их здоровье и отсутствие рисков заражения сифилисом и туберкулезом при вскармливании как у младенца, так и у самой новоиспеченной матери. Часто имели место случаи заражения кормилицы сифилисом от ребенка, и наоборот. В середине XIX века был основан Попечительный комитет о кормилицах и их детях, появились приюты для кормилиц, находящихся под его контролем. Однако дать твердую гарантию здоровья кормилицы в большинстве случаев они не могли: «Эти учреждения чисто коммерческого характера, содержатся чаще всего акушерками, которые имеют разъездных вербовщиков в ближайших губерниях; женщины подвергаются медицинскому осмотру, часто, впрочем, номинальному: исследуется количество и качество молока. Но и в лучшем случае наблюдение очень поверхностно и кратковременно и, с точки зрения современных требований науки, вовсе



*Кормилица.*

*Фото из статьи Колгановой Е.В.*

*Смертельное молоко // Родина. 2010. №7*

не гарантирует здоровья кормилицы...» [12]. Правления воспитательных домов выслушивали многочисленные обвинения в том, что они способствуют увеличению смертности младенцев и распространению сифилиса среди крестьянского населения. Эта проблема обсуждалась на проходившем в 1875 году Первом санитарном съезде Петербургской губернии. Так, в течение последующих 10 лет, несмотря на признание уникальности материнского молока, впервые появляются идеи о питании младенцев искусственными смесями.

В 1914 году Отделом по борьбе с детской смертностью и охраны материнства вырабатываются «Положения к законопроекту по охране материнства, младенчества и детства». Суть их заключается в том, что на место кормилицы могла претендовать женщина, ребенок которой достиг 3-месячного возраста. Исключение было лишь для тех, кто поступал в приют со своим ребенком: в их обязанности также входил обязательный уход за своим ребенком, в противном случае этих женщин увольняли с должности кормилиц. Также при поступлении кормилицы получала санитарную книжку, содержащую следующие сведения: паспорт кормилицы, копию метрического свидетельства ее последнего ребенка или свидетельство о его смерти, копию медицинского свидетельства. В дальнейшем законопроект был доработан, и, согласно ему, условием поступления на место кормилицы считалось достижение ребенком 6-месячного возраста или его смерть. Срок мог сократиться до 3 месяцев при условии, что у ребенка кормилицы есть грудь другой женщины и, наконец, до 1,5 месяцев при условии, что кормилица поступает в приют со своим ребенком. Проект обязывал учреждение контролировать состояние здоровья кормилицы, ее ребенка и покрывать расход на его содержание из платы кормилицы. Разработанный законопроект не успел приобрести силу закона. События 1917 года изменили социальный состав населения и привели к исчезновению той его прослойки, которая являлась потребителем услуг кормилиц. Исчезновению кормиличного промысла также способствовали развитие медицины и методов искусственного вскармливания грудных детей.

В России система детских консультаций и молочных станций носила название «Капля молока». Первый пункт «Капли молока» был открыт в 1901 году по инициативе Русского общества охранения народного здравия в Петербургском городском приюте для недоношенных младенцев. Врачи видели в искусственной смеси и средство лечения

желудочно-кишечных расстройств. Так, появились концентрированная рисовая слизь по Bessau, белковое молоко (*петто*-молоко), предложенное немецким авторитетом Финкельштейном. Проблема была в том, что средний заработок большинства населения не мог позволить себе такое недешевое удовольствие. И в связи с этим врачи занялись организацией бесплатной раздачи обычного коровьего молока, сырого, а затем «обеспложенного», для чего во всех странах начали создаваться «молочные станции» [6]. В 1905 году пункт «Капля молока» открылся в Талице (Екатеринбургский уезд) и работал с 15 мая по 15 августа — во время полевых сельскохозяйственных работ. Родители детей, имеющих коров в своем хозяйстве, приносили в пункт парное молоко. Принесенное парное коровье молоко пастеризовалось в аппарате Гиппиуса (при температуре около 70° в течение не менее 45 минут, после чего молоко ставили в ледник), разбавлялось водой (1:3) и добавлялась сода. Пастеризованное молоко раздавалось родителям новорожденных с 2–3 гуттаперчевыми сосками и объяснениями, как содержать их в чистоте. Не сдавшим парное молоко пастеризованная смесь выдавалась безвозмездно [1, 4]. В 1907 году организовано благотворительное общество «Капля молока», инициатором которого являлась Е.П. Чеканская (учреждено 12 декабря 1909 г.). Задача общества заключалась в организации частных пожертвований в пункты раздачи молока грудным детям, по разным причинам лишенным грудного вскармливания. Средства общества составлялись



Аппараты Гиппиуса для пастеризации молока (начало XX века).  
Из книги К.И. Козьминой «Истоки Уральской педиатрии», 2014.



Оборудование комплекта молочных кухонь (начало XX века).  
Из книги К.И. Козьминой «Истоки Уральской педиатрии», 2014

из членских взносов, частных пожертвований и кружечного сбора благотворительных мероприятий [1]. Опыт «Капли молока» оказался не только эффективным средством в борьбе против детской смертности, но и послужил отправной точкой создания системы молочных кухонь. Бурный рост социалистической промышленности и коллективного земледелия в конце 20-х – начале 30-х годов привел к значительному увеличению (почти в 2 раза) числа работающих женщин, что потребовало строительства детской социальной инфраструктуры (в т.ч. детских кухонь). Тут на смену институту кормилиц приходят молочные кухни и специализированное детское питание.

### **ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1917–1928)**

В послереволюционном периоде проблема детского питания приобрела статус государственной и попала под защиту государства.

14 сентября 1918 года вышел Декрет «Об усилении детского питания». Согласно этому документу, детям от 1 до 5 лет предусматривалась выдача 1 бутылки молока в день, манной или другой крупы 0,5 фунтов в неделю, столько же сахара, 1 фунт жиров в месяц и 3 яйца в неделю.

23 сентября 1918 года был издан Декрет о создании на местах «Фонда детского питания». На ассигнованные Народному комиссариату здравоохранения 50 миллионов рублей предлагалось создавать столовые и питательные пункты для детей [1].

### **ПЕРИОД СССР (1986–1991)**

Период Союза Советских Социалистических Республик, касательно истории грудного вскармливания на Урале, хотелось бы проиллюстрировать выдержками из диссертационной работы 1961 года уральского врача-педиатра, доктора медицинских наук, профессора Т.Э. Вогулкиной: «В Советском Союзе благодаря всеобщему признанию преимуществ естественного вскармливания и активной борьбе педиатров и акушеров в этом отношении большинство женщин вскармливают своих детей грудью. Выпускаемые в последние годы отечественной пищевой промышленностью высококачественные молочные смеси и продукты для их изготовления предназначаются только для правильного проведения докорма и искусственного вскармливания детей при наличии тому определенных показаний, а не для широкой замены ими материнского молока.



Однако число детей, получающих ранний (до 3 месяцев) докорм и переведенных до 5–6-месячного возраста на искусственное вскармливание, остается еще высоким и не имеет значительной тенденции к снижению, а в ряде областей даже увеличивается.

Решением комиссии Министерства здравоохранения РСФСР, изучавшей в 1955 г. состояние вскармливания детей в Свердловске (приказы № 553 и № 38), педиатры города были обязаны усилить работу по проведению правильного вскармливания детей и добиться снижения числа детей на раннем докорме в Свердловске. В 1956 г. (по отчетным данным) на грудном вскармливании находилось 79% детей, 12,5% получили ранний докорм и 8,5% — искусственное вскармливание. Таким образом, каждый пятый ребенок вскармливается нерационально.

Вместе с тем имеются работы, свидетельствующие о том, что нередко (а иногда и в подавляющем числе случаев) ранний докорм вводится при достаточном количестве молока, из-за условий работы и дальности расстояния от работы до дома, когда мать не может обеспечить ребенку регулярное кормление грудью. Так, например, неблагополучие со вскармливанием детей в Орджоникидзевском и Чкаловском районах г. Екатеринбурга в значительной степени было связано с дальностью расстояния от работы до места жительства кормящих мам, что затрудняло использование полагающегося перерыва для кормления ребенка и приводило к раннему докармливанию детей молочными смесями и молоком.

Обращало на себя внимание и то, что в значительном проценте случаев докорм вводился уже на первом месяце кормления (17,4%), а среди всех случаев перевода на смешанное вскармливание 82,4% падало на возраст до 3 месяцев, что особенно нежелательно, так как в первые месяцы жизни дети значительно хуже приспосабливаются к чужеродной пище, чаще дают нарушения в развитии и желудочно-кишечные заболевания» [13].

## СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Грудное вскармливание является неотъемлемой частью полноценного развития детского населения в Российской Федерации. Под эгидой ВОЗ/ЮНИСЕФ продвигается развитие политики защиты, поощрения и поддержки грудного вскармливания на территории Свердловской области. На базе Областного центра планирования семьи и репродукции приказом Министерства здравоохранения Свердловской области организован Центр по поддержке грудного вскармливания с научной поддерж-

кой Уральского государственного медицинского университета. Также от 22.02.2000 выпущен приказ «О внедрении политики защиты, поощрения и поддержки грудного вскармливания на территории Свердловской области» [14]. В феврале 2009 года на XVI Съезде педиатров России в Москве утверждена Национальная программа оптимизации вскармливания детей первого года жизни в Российской Федерации (2011).

## ЛИТЕРАТУРА

1. Козьмина К.И. Из истории организации питания грудных детей — презент. *Екатеринбург: Свердловский областной музей истории медицины*, 2011.
2. Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с нею. Часть 3. Причины «ненормальной» смертности и меры борьбы с нею. Ситуация в России [Электронный ресурс]. URL: [http://www.situation.ru/app/j\\_artp\\_307.htm](http://www.situation.ru/app/j_artp_307.htm)
3. Аржанов Н.П. Капля молока: сложная простота. *Провизор*. 1998–2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.provisor.com.ua/archive/2000/N3/arganov.php>
4. Козьмина К.И. Истоки Уральской педиатрии. Свердловский областной музей истории медицины (филиал ГБОУ СПО «СОМК»), Свердловский областной благотворительный общественный фонд «Фонд социальной защиты медицинских работников им. Н.С. Бабича. *Екатеринбург: Лифт*, 2014. С. 56–65.
5. Голикова С.В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия // Документ. Архив. История. Современность. *Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та*, 2005. Вып. 5. С. 99–110.
6. Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. *Уральский исторический вестник*. 2014. № 3. [Электронный ресурс]. URL: [http://uralhist.uran.ru/archive/413/417/\\_aview\\_b33](http://uralhist.uran.ru/archive/413/417/_aview_b33)
7. Голикова С.В., Дашкевич Л.А. Спасение жизни детей: опыт Уральских губерний в конце XIX – начале XX века. *Вестник Пермского университета*. 2014;1(24).
8. Дело жизни — борьба с детской смертностью. *Медицина и здоровье*. 2007;7(15). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medicinarf.ru/journals/683/8091/>
9. Колганова Е. Смертельное молоко. *Родина*. 2010. № 7.
10. Керзум А.П. Союз для борьбы с детской смертностью в России. Фонд имени Д.С. Лихачева. Энциклопедия благотворительности Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853547497>
11. Отчет о деятельности Уральского отдела Союза борьбы с детской смертностью в России в Екатеринбурге с 29 мая 1905 по 1 января 1906 г. *Екатеринбург: Типография В.Н. Алексеева*. 1906. С. 1.
12. Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с нею. *Грудное вскармливание* [Электронный ресурс]. URL: <http://gvinfo.ru/node/31>
13. Вогулкина Т.Э. Материалы по изучению вторичной гипоголактрии у женщин: автореф. дис. ...докт. мед. наук. *Екатеринбург: СГМИ*, 1961. С. 362.
14. Ковтун О.П., Бабина Р.Т. Организационные аспекты внедрения политики защиты, поощрения и поддержки грудного вскармливания на территории Свердловской области. Питание детей грудного и раннего возраста как фактор, определяющий здоровье населения. Тезисы докладов научно-практической конференции. *Екатеринбург*, 2001. С. 4.

## Традиции вскармливания на Урале: от Пермской губернии до наших дней

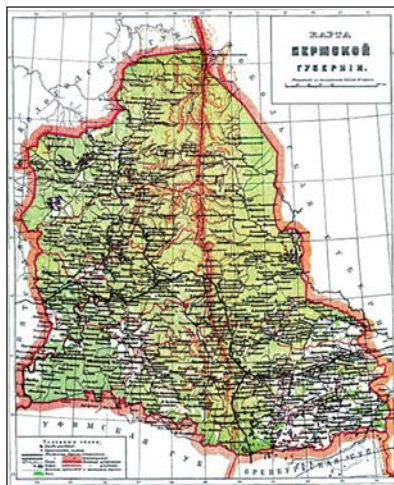
Н.В. Минаева

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера,  
Пермь, Российская Федерация

\* \* \*

«Урал — хребет России, место встречи Европы и Азии, Руси и Сибири. Уральский мир — грань кристалла русского мира», — писал наш земляк Алексей Иванов. Есть ли особенность и самобытность у этой территории — в бытовой повседневности сложно разобраться. Ее история — не хорошая и не плохая. Но иногда, заглядывая в прошлое, понимаешь, что она обращалась к нам не лучшей своей стороной...

Какой была обыденная жизнь 100–150 лет назад? К концу XIX века Пермская губерния была одной из крупнейших в Российской империи. Ее территория простиралась более чем на 290 тысяч квадратных верст. Численность населения приближалась к 3 миллиону, уступая лишь Киевской, Подольской и Вятской губерниям [1]. Рудники, медеплавильные и железоделательные заводы, фабрики — вот что представляла собой промышленность того времени в районе Уральского хребта, неудобном для земледелия. Чуть дальше от гор больше было сельского населения, занимавшегося хлебопашеством. Значительное разнообразие национального состава складывалось из коренных северных народностей — пермяков



Карта Пермской губернии 1890 г.  
(ГАПК). Ф. 716. Оп. 5. Д. 86. Л. 1

и вогулов; крепостных разных губерний, переведенных сюда помещиками; староверов, ухидивших от религиозного преследования; преступников, искавших убежища от наказания; случайных путников, застрявших на пути в богатую Сибирь; соседних татар и башкир, заезжавших на ярмарки, охотно работавших и оседавших на этих обширных землях. Несмотря на это бесконечное перемещение, к концу XIX века русские составляли 90% жителей губернии, пермяки (коми-пермяки) — 3%, татары и башкиры — 4–5%, понемногу встречались белорусы, эстонцы, марийцы, поляки и немцы.

Повсеместной многовековой традицией были многодетные семьи. «Сын не сын, два сына — полсына, а три сына — сын», — гласила одна из пословиц жителей Пермской губернии того времени [2]. Быстрое прибавление семейства при отсутствии возможности увеличить доход вело к обнищанию семьи. Однако дети начинали работать с 7–8 лет, а к 14 годам были уже полноценными работниками. Поэтому была и такая поговорка: «С детьми горе, а без детей вдвое».

Типичной для русских была неограниченная власть отца семейства или мужа над домашними, суровое и повелительное обращение с ними. Урал не стал исключением. Нежные и ласковые отношения с женой и детьми считались чем-то вроде слабости. Это было распространено в сельской местности, фабрично-заводских поселениях, чуть менее ярко проявлялось в дворянских и купеческих семьях.

### **РОДЫ: МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ**

Суровая жизнь, тяжелый труд, грубость и своеволие мужчин по отношению к женщине и матери, конечно, нашли свое отражение в обрядах и традициях, связанных с родами и вскармливанием младенцев.

Перед родами беременные обычно не были освобождены от своих трудовых обязанностей ни в городе, ни на селе. Поэтому роды во время страды могли проходить и поле, и в подсобных постройках. «Крестьянки рождают обыкновенно в бане, а местами они уходят для этого в хлев. Последний обычай кажется весьма древнего происхождения. Крестьянки на вопрос, зачем они уходят родить в хлев, отвечают, что Спаситель тоже родился в хлеву» [2].

Родильницу для скорейшего выздоровления поили пивом с толокном или бражкой (русские), вином (черемисы-марийцы). Вполне естественным для матери было уже на следующий день после родов отпра-

ляться на обыденную работу. Эта традиция очень затрудняла грудное кормление ребенка. С самого рождения младенцу давали жеваный хлеб, завернутый в тряпку. Независимо от того, было ли у матери молоко, ребенка могли с рождения прикармливать коровьим молоком через кустарные приспособления: «Коровий сосок надет на коровий же рог, причем эта соска из не подвергнутой никакой обработке кожи, часто даже с волосами; от постоянного влажного содержания соска имела вид сыромятной кожи, запах которой от сочетания с запахом закисшего в коже молока приобретал отвратительный зловонный характер; ... некоторые матери отказывались из брезгливости взять в свой рот соску своего ребенка» (1907) [3].

Позже появились стеклянные рожки, резиновые соски для кормления младенцев, но они практически не были доступны большинству рожавших женщин. Дворяне же, которые могли себе позволить подобную роскошь, в конце XIX века составляли менее 1%. По данным наших краеведов, вычищенный коровий рог, разжеванный хлеб использовались в деревнях до середины XX века: «А рог, поили с рогу; это вместо пустышки делали маленьким, покуда он ляжет, а когда маленько уже подрастает — с рога поили» (д. Мошково). «Рог ешо коровий был. Его в рот затолкаешь, ложкой наливаешь ему туда» (с. Курашим Пермского района, записано со слов А.Д. Мишуриных, 1935 года рождения) [4].

Стоит лишь взглянуть на известный плакат того времени, чтобы понять, что борьба со старыми традициями в вопросах вскармливания растянулась во всей нашей стране на долгие годы.

Завершение родильной обрядности связано с проведением ритуала «каши». У некоторых народностей, проживавших в Пермской губернии, этот обряд мог называться по-своему: например, у белорусов губернии — ходить не на кашу, а «в ответки», то есть «попроведовать роженицу». Приноси-



Агитационная открытка

ли с собой квас, бражку, стряпню, «чтоб родиха покушала, чтоб больше молочка было ребенку».

Уже в XX веке появились обряды отлучения от груди: «сажей намажут (грудь), солью, или щетку подложат».

### МЛАДЕНЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ И ВСКАРМЛИВАНИЕ

Лишь на пороге XX века беременность, вскармливание младенцев, роль матери стали не эпизодически, а постоянно и серьезно анализироваться медицинским сообществом. Земский врач Урала Н.А. Русских на одном из первых заседаний Уральского медицинского общества в 1890 году выступил с докладом «К вопросу о кормлении детей первого года», в котором ярко показал, что невежество матерей в вопросах вскармливания детей является одной из основных причин высокой детской смертности. Он продвигал эту идею на губернаторских съездах врачей, Пироговских съездах, на XII Международном медицинском конгрессе [5].



Алексей Корзухин<sup>1</sup>. Поминки на деревенском кладбище, 1865

Врачи Пермской губернии заявляли, что «холерная эпидемия ничто по сравнению с детской смертностью», так велики были ее размеры [6].

Пермская губерния имела «печальную привилегию» с показателем младенческой смертности 68% — самым большим на тот момент в Российской империи. К этому вопросу не раз возвращались на губернских съездах врачей.

На IX съезде в 1907 году П.Н. Серебренников говорил, что «известен факт колебания детской смертности в зависимости от вероисповедания, в зависимости от способа кормления детей на первом году: при кормлении грудью умирает 7% рождающихся детей, при кормлении коровьим молоком — 42,7%, коровьим молоком в смеси с суррогатами — 68%». Он предлагал борьбу с детской смертностью считать общегосударственным делом. Вторил ему ординатор губернской больницы В.Ф. Предтеченский: «бедные магометане (мусульмане) — башкиры нашей губер-

1 Алексей Иванович Корзухин родился в Пермской губернии в 1835 году в семье крепостного промывальщика золота, с 13 лет работал на железодельном заводе, знал все печали и радости повседневной жизни простых людей.

нии имеют меньшую смертность, чем рядом живущие относительно богатые православные русские, потому что башкиры кормят грудью детей до двух лет». Такой обычай башкир был связан с национальными традициями. Башкиры Пермской губернии оседали на ее южных территориях и обычно занимались животноводством. Летняя их жизнь — кочевье в поле всей семьей, проживание в палатках или кибитках. В этих условиях матери имели возможность кормить младенцев довольно продолжительное время. Огромное значение имел сам факт верной оценки врачами значения такой национальной особенности вскармливания.



*Башкирские коши в Екатеринбургском уезде Пермской губернии. Фонд Пермского областного краеведческого музея (ПОКМ 3600)*

В горячей дискуссии того съезда обсуждался еще один чрезвычайно важный национальный опыт государственного масштаба. В Норвегии был отмечен рост смертности, благодаря распространившейся среди матерей новой моде не кормить грудью своих детей. Тогда вмешалось правительство, постаравшееся уничтожить вредную моду.

Предложения по организации грудного вскармливания для снижения младенческой смертности звучали в далеком 1907 году почти утопически для того времени: недопущение матерей к работе в течение 3 недель после родов, пропаганда детской диететики, поощрение премиями за кормление детей грудью до 1 года, устройство яслей в городе и деревне, показательные опыты вскармливания детей в яслях, выдача матерям правил для вскармливания [7].

### **ЯСЛИ, ДОМА МАЛЮТКИ И ВСКАРМЛИВАНИЕ МЛАДЕНЦЕВ**

Первые ясли в Пермской губернии были устроены в 1881 году в селе Ольховка Шадринского уезда земским врачом И.И. Моллесоном. Туда приносили своих детей для присмотра и кормления крестьянки, которые в страду работали далеко от дома; на ночь они забирали их домой. Несмотря на то, что просуществовали первые ясли недолго (были закрыты из-за смерти одного ребенка), первый опыт не был забыт. Земские врачи А.А. Залежский из Чердынского уезда, В.Ф. Предтеченский

и другие их коллеги не раз ходатайствовали перед земскими собраниями губернии об открытии «приютов для помещения туда грудных детей» на время работы матерей. К 1898 году идея И.И. Моллесона по организации яслей нашла распространение в 44 губерниях России. В ясли принимались дети от 2-недельного возраста. Управа Пермского губернского земства почитала, что в 1896–1897 гг. показатель детской смертности в яслях не превышал 2%, общий же годовой по губернии достигал 35–40% [8].

Несомненной пользой яслей была организация возможности для родивших женщин зарабатывать себе на жизнь. «Обращаясь вообще к полезности приюта-яслей, мы не можем точно сказать, большую ли они принесли пользу матерям-солдаткам во время горячих полевых работ, но лишь знаем, что при отсутствии здесь приюта многие из солдаток лишились бы возможности собрать своими силами хлеб, наготовить сено и заработать лишний грош. Вследствие чего некоторым из них пришлось бы продать семейных кормилиц-коров и оставить детей почти на целый год без молока» [9].

Открывшиеся в то время ясли были лишь каплей в море, основанной на идеях благотворительности. Большая часть грудных детей у крестьян и фабрично-заводских рабочих по-прежнему оставалась в крайне опасных и негигиеничных условиях [10].

Только после Октябрьской революции идея развития яслей стала общегосударственной задачей. Постановление Совнаркома РСФСР от 29 июля 1927 г. «Об усилении обслуживания яслями работниц промышленных предприятий» помогло в развитии сети яслей и домов малютки (для детей сирот, подкидышей, матерей-одиночек) в городах. Правда, они еще были далеки от совершенства: помещения, подготовленный персонал, обеспечение питания — все это было очень трудно поддерживать в первые годы советской власти. Один только дом младенца Пермского окрздравотдела за 1927–1928 гг. принял 278 детей в возрасте от 1 дня до 3 месяцев [11]. Для обеспечения вскармливания набирали кормилиц — здоровых повторно рождающих женщин в возрасте 25–30 лет, которых принимали в дом малютки вместе со своим ребенком. Как пи-



Алексей Корзухин. Сбор недоимок. 1868 г.



сал П.И. Ильинский (1931), «большинство матерей-кормилиц считали своих детей «обузой», поэтому старались поскорей от них избавиться путем недокармливания, перекармливания или напаивания холодной водой». При вскармливании же «казенных» детей, они разбавляли водой грудное молоко, использовали «чудеса изобретательности» во время ежедневного утреннего взвешивания. Чтобы понять такое «преступно-халатное» поведение кормилиц, нужно вспомнить, что в первые годы советской власти после гражданской войны и голода осталось много детей-сирот, подкидышей, обездоленных матерей-одиночек. Для кормилиц дома малютки их грудное молоко было товаром, обеспечивающим средства к существованию. В решении этой проблемы могли помочь социальные меры: забота о трудоустройстве по окончании лактационного периода, обеспечение жилплощадью, ликвидация неграмотности среди женщин-кормилиц. Кстати, попытка снабдить питомцев дома малютки стерилизованным женским молоком в тех условиях оказалась безуспешной — не нашлось матерей, желающих продавать сцеженное молоко.

В эти же годы очень трудно давалась организация яслей в деревне. До 1928 года ясли обслуживали в основном беднейшее крестьянство, решая и такую задачу, как борьба с суевериями и предрассудками. С одной стороны, женщины с доверием относились к их открытию. Но новые веяния давались им нелегко. Еду детям давали строго по часам, и какую еду: разбавленное водой молоко (основное предохраняющее от поноса средство того времени). «Какая это пища, молоко с водой и ничего хлебного?» — возмущались крестьяне. Крестьянские ребята не барские, считали в деревне, и с одной «жидкой» пищи сытыми якобы быть не могут. Матери упрашивали кормить грудничков «посытнее»: что означало сушкой, черным и белым хлебом, кашей. «Сегодня одна черемиска, — сообщала надзирательница Кобедяева из села Большой Китяк, — убедительно просила меня не кормить ее ребенка кашей, а только хлебом с сахаром или сушкой» [3].



Первые ясли в колхозе «Новая жизнь». 1931 г. (фото Аркадия Шайхета; <http://visualhistory.livejournal.com/441799.html>)

В первое десятилетие Советской власти на волне политических изменений в обществе пришлось заняться подготовкой квалифицированного персонала из числа студенток Пермского медицинского университета, школьных работников; вовлекать женщин в жизнь яслей, прививать им гигиенические навыки, бороться с суевериями и предрассудками. Детская смертность в Пермском округе с 1925 по 1928 год снизилась на 28,6%, число ясель за это время увеличилось с 10 до 43 [10].

С течением времени изменились задачи яслей: с одной стороны, нужно было дать возможность женщинам своевременно выйти на работу, с другой — обеспечить максимально длительное грудное вскармливание. Появились формы работы, о которых раньше не смели и мечтать. Так, в Перми в годы войны важное значение придавали перераспределению детей в яслях таким образом, чтобы нуждающиеся в грудном вскармливании помещались в ближайšie от работы матери ясли [8]. А в послевоенные годы в исключительных случаях, когда мать имела много молока, но не могла по уважительной причине кормить грудным молоком в яслях, патронажная сестра приносила ребенка на место работы для кормления [12].

## ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ РОЖЕНИЦАМ И МЛАДЕНЦАМ

Принять ребенка у роженицы не один век помогала бабушка-повитуха. Повивальными бабками долгое время были пожилые малообразованные, но опытные женщины. Не имея медицинских знаний, они широко использовали разнообразные охранительные ритуальные обряды. Один из них в с. Черновском Оханского уезда Пермской губернии



*Алексей Комаров, 1925 г. Краткий справочник по воспитанию ребенка, основанный на сравнительном анализе старого и нового подходов к вопросу*

заклучался в том, что сразу после родов только что родившегося младенца брала на руки нагая повитуха и с нагим ребенком (даже зимой) обходила баню (место, в котором проходили роды), приговаривая слова: «*Зоря Орина, зоря Марина, возьми с раба божия младенца зыки и рыки дневные и нощные*» [13]. К повитухам же обращались при тревожных состояниях и заболеваниях ребенка.

Первое родильное отделение в Пермской губернии было открыто в 1871 году не при больнице, а в частном доме: работала там одна акушерка, рожали незамужние женщины. Позже на заведование был приглашен врач: Олимпиада Ивановна Скворцова проработала в родильном отделении 18 лет и даже 1886 году побывала в Германии для ознакомления с постановкой подобной работы в лучших медицинских учреждениях немецких университетов. Именно врачу-гинекологу приходилось в те времена принимать больных детей, в том числе младенцев, на общем женском приеме [14].

Желудочно-кишечные заболевания в летние месяцы по причине неправильного вскармливания и отсутствия элементарных условий ухода были бедствием для грудных детей и основной причиной детской смертности в Пермской губернии. До Октябрьской революции ни в Перми, ни в уездах губернии не было ни детских больниц, ни детских врачей. В 1920 году на медицинском факультете Пермского университета появился первый профессор педиатр Павел Иванович Пичугин, стараниями которого в 1922 году была открыта первая детская клиника с амбулаторией, единственная тогда на Урале [4]. Это были годы, когда по инициативе московских педиатров стали решаться задачи правильного воспитания детей, продвигаться идеи диспансеризации и патронажа грудных детей [8]. Несколько десятилетий потребовалось, чтобы эта система стала работать надежно. Еще в 1940 году в Перми под наблюдение в детскую консультацию попадало не более 21% детей.

В годы Великой Отечественной войны детские участковые врачи настойчиво боролись за правильное вскармливание детей. Прикорм тогда почти все дети получали уже с возраста 2–3 месяцев. Стали работать молочные кухни, обеспечивавшие молоком и смесями 80% всех детей в возрасте до 1 года. При детских консультациях стали организовываться донорские пункты сбора грудного молока.

Только в послевоенные годы в повседневную практику вошли дородовые патронажи беременных и занятия с ними в школе моло-

дой матери, врачебные и сестринские посещения новорожденных в первые три дня после выписки, профилактические осмотры, борьба за достаточную продолжительность грудного вскармливания. В оценке качества диспансеризации стали использоваться не только критерии здоровья, но и показатели, характеризующие вскармливание. Например, в одной из поликлиник г. Перми в 1964 г. только 5% детей были переведены на искусственное вскармливание в возрасте до 6 месяцев [8].

Популярной мерой борьбы за грудное вскармливание оставалось донорское молоко. Донорские пункты по сбору женского молока были открыты при всех отделениях недоношенных г. Перми, некоторых поликлиниках детских больниц. Только в одной из детских городских поликлиник в 1956 г. было собрано 750 л грудного молока от 59 женщин, на искусственном вскармливании находилось 8% детей; к 1964 г. объем донорского молока увеличился до 2859 л от 104 женщин, а доля детей на искусственном вскармливании уменьшилась до 2% [15].

### **Заключение**

Сегодня кажется, что так было всегда: «Десять принципов грудного вскармливания», «Больницы, доброжелательные к ребенку», «Концепция государственной политики в области здорового питания населения»... А на самом деле, еще совсем недавно многие из врачей в своей ежедневной практике слышали или даже видели истории, как младенцам давали пососать завернутый в тряпочку нажеванный хлеб, рыбную икру, сало. Что мама обязана была выйти на работу «строить светлое будущее», а ребенку раздобыть донорского молока. «Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего» (В.С. Ключевский).

### **ЛИТЕРАТУРА**

1. Пермская губерния. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона в 86 т. СПб., 1890–1907.
2. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. Ч. II. СПб., 1864. [Электронный доступ]: <http://www.runivers.ru/bookreader/book16882/#page/596/mode/lup>
3. Голикова С.В., Дашкевич Л.А. Спасение жизни детей: опыт уральских губерний в конце XIX – начале XX века. *Вестник Пермского университета*. 2014;1(24):124–134.

4. Красик Л.Б. Из истории педиатрической клиники Пермского мединститута. Труды научной историко-медицинской конференции Урало-Сибирских областей. *Пермь*, 1963. Вып. 2. С. 137–142.
5. Селезнева В.Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. *Молотов*, 1955. С. 26–27.
6. Чагин Г.Н. Окружающий мир в традиционном мировоззрении русских крестьян Среднего Урала. *Пермь*, 1998. 108 с.
7. Труды IX съезда врачей Пермской губернии. *Пермь*, 1907. Ч. I. 139 с.
8. Оберг Л.Я. Результаты диспансеризации детей первого года жизни. Вопросы социальной гигиены, организации здравоохранения и истории медицины. Вып. 4. *Пермь*, 1967. С. 145–153.
9. Русских Н.А. По поводу яслей в Пермской губернии в 1915 г. *Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии*. 1916;3:246–247.
10. Оберг Л.Я. Из истории организации детских яслей в Пермской области. Вопросы социальной гигиены, организации здравоохранения и истории медицины: Материалы межобластной научной конференции по социальной гигиене и организации здравоохранения, посвященной 50-летию Великого Октября и юбилею института. *Пермь*, 1968. С. 473–477.
11. Ильинский П.И. Материалы по дому младенца и ребенка Пермского окрздравотдела (1927–1928 гг.). *Журнал по изучению раннего детского возраста*. 1931;XI(1):51–57.
12. Агеева Е.А. Организация питания детей в детских яслях № 69 г. Перми. *Вопросы педиатрии*. Вып. 2. *Пермь*, 1967. С. 38–43.
13. Черных А.В., Гоголева Т.В., Каменских М.С., Шевырин С.А. Белорусы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. *Пермь*, 2013. 288 с.
14. Оберг Л.Я. Из истории организации медицинского обслуживания женщин и детей в гор. Перми. Вопросы социальной гигиены, организации здравоохранения и истории медицины: Материалы межобластной научной конференции по социальной гигиене и организации здравоохранения, посвященной 50-летию Великого Октября и юбилею института. *Пермь*, 1968. С. 473–477.
15. Колбина Е.И. Опыт работы донорских пунктов по сбору женского молока в г. Перми. *Вопросы педиатрии*. Вып. 2. *Пермь*, 1967. С. 44–47.

## Вскармливание и уход за младенцами на Южном Урале. Обычай, связанные с родами и ранним детским возрастом

А.Н. Узунова, И.А. Харламов, М.Е. Крепышева

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный медицинский университет»  
Минздрава России, Челябинск, Российская Федерация

\* \* \*

### Географическое расположение и климат Южного Урала

«Каменный пояс Земли Русской» — так величали Уральские горы в старину. Действительно, они как бы подразделяют Россию, отделяя европейскую часть от азиатской. Горные цепи, протянувшиеся более чем на 2000 километров, не заканчиваются на берегу Северного Ледовитого океана. Они лишь ненадолго погружаются в воду, чтобы потом «вынырнуть» — сначала на острове Вайгач, а затем на архипелаге Новая Земля. Таким образом, Урал тянется к полюсу еще на 800 километров. Уральские горы стали водоразделом великих рек Волги и Камы, Оби и Иртыша.

Не представляется возможным говорить об исторических традициях населения Южного Урала в отрыве от основных сведений, отражающих информацию о климате, заселении территории с учетом многочисленных передвижений кочевых племен и переселении народов.

Климат Южного Урала резко континентальный — холодная зима, жаркое лето. На формирование климата существенно влияют Уральские горы. Континентальность климата возрастает с северо-запада на юго-восток. Средняя температура января —  $-15$ – $-18^{\circ}\text{C}$ , с июля —  $+16$ – $27^{\circ}\text{C}$ . Снежный покров мощный и продолжительный (до 170 дней).

Ландшафты Урала разнообразны, ведь цепь гор пересекает несколько природных зон — от тундры до степей. Природа как бы подтверждает решение человека проводить по Уралу границу между частями света.

Южный Урал называют краем озер: их здесь более 3000, среди которых преобладают карстовые малые озера, но есть и крупные — Зюраткуль, Тургояк, Увильды и др. В предгорьях и горах Урала недра полны несметных богатств — меди, железа, никеля, золота, алмазов, платины, драгоценных камней и самоцветов, угля и каменной соли. Это одна из немногих на планете областей, где горный промысел зародился 5 тысяч лет назад.

Примерно в IV тысячелетии до нашей эры на службу человеку пришла медь. Южный Урал — одно из тех мест нашей страны, где человек впервые стал использовать металл. Наличие самородных кусков чистой меди и довольно больших залежей олова создавали благоприятные условия для получения бронзы. Бронзовые орудия труда как более прочные и острые быстро вытеснили каменные. Древние жители Урала изготавливали орудия труда и обменивались с другими народами, а именно с народами Западной Сибири и Нижнего Поволжья.

### **Формирование народонаселения Южного Урала**

«Освоение человеком Урала — длительный тысячелетний процесс», — пишет во вступлении к книге «Древность Урала» Б.Б. Овчинникова (2000).

Великое переселение народов — многочисленные передвижения племен во II–VI вв. новой эры — началось с миграции гóтов из Скандинавии в Крым и хунну с территории юго-восточного Казахстана. Именно хунну, двигаясь по степям Южного Урала, сливались с местным населением сарматов и саргатов (с III в. известны как гунны). Вслед за гуннами по степным просторам прокатились волны миграции аваров, савыров, печенегов, огузов и других племен. Продвижение степных кочевников приводило в движение лесостепные и лесные племена Зауралья и Приуралья. С этими процессами связано формирование башкирского народа, определение прародина венгров, распространение тюркского языка на Южном Урале. В конце VII в. Великий Тюркский каганат разделился на Восточный и Западный, а еще спустя век — на множество объединений хазар, башкир, киманов и других племен, говорящих на тюркском языке.

В лесное Зауралье из лесостепей проникли кочевые угры-коневоды, оказавшие большое влияние на хозяйство и быт местного населения. К началу II тысячелетия нашей эры на Урале появились древнейшие

местные народности — вогулы, остяки, башкиры. В конце XVI в. на Урал хлынули русские переселенцы. Появление славянского населения стало возможным со второй половины XVI в. в связи с присоединением Иваном Грозным земель Казанского ханства. Племена башкир были вытеснены в глухие углы Южного Урала.

К середине XIX в. разнообразные колонизационные потоки привели к оформлению достаточно многочисленного, расселенного по всей территории края населения. В это время сформировавшаяся на Южном Урале Оренбургская губерния, как и Урал в целом, отличалась уже численным преобладанием местных жителей над приезжими, что говорило о формировании в этом регионе постоянного населения со своим сложившимся семейным укладом, устоявшимися обрядами и традициями. В 1873 г. 92,63% населения в губернии составляли сельские жители, а остальные являлись жителями заводских поселков и были заняты в большинстве своем на основном и вспомогательном промышленном производстве.

Применительно к современности территориями Южного Урала считаются Курганская, Оренбургская и Челябинская области.

Южный Урал — это территория России, которая характеризуется высоким промышленным потенциалом в связи с наличием развитого металлургического, топливно-энергетического, машиностроительного производств и др. Насыщение региона и его столицы — Челябинска — различными видами производства, представляющими собой повышенные источники загрязнения атмосферного воздуха и почв вредными веществами, отражается на здоровье населения.

В настоящее время на Урале проживают русские, башкиры, чуваша, татары, поляки, немцы и другие народы. Однако, по данным переписи 2002 г., в большинстве своем население Южного Урала представлено русскими (82,3%), а также башкирами и татарами (10,3%).

В связи с представленными выше сведениями о постоянном переселении народов, смеси кочевых племен, аборигенов и славян на территории Южного Урала сложно вычленить традиции вскармливания, питания, ухода за детьми в разные исторические периоды и в зависимости от национальной принадлежности.

Судя по литературным данным, с представлениями о поре, благоприятной для осуществления репродуктивной функции, были связаны воззрения об оптимальном возрасте женщин при вступлении в брак.



Так, у переселенцев — это 16–20 лет, у старожилов — 17–25 лет. Для выходцев из северорусских и уральских губерний, климат которых способствовал позднему половому созреванию девушек, характерен отсроченный возрастной рубеж по сравнению с выходцами из южных и центральных районов России, составляющими основной поток переселенцев. Высокая младенческая смертность играла роль стихийного регулятора воспроизводства сельского населения. По данным исследований, в 1887–1896 гг. «удельный вес умерших детей до 5 лет в среднем по России составлял 43,2%, а в ряде губерний — свыше 50%». Наибольшее число младенцев умирало в летнее время, причиной чему были кишечные инфекции, характерные для этого периода года.

### **Обычаи и обряды, связанные с родами и послеродовым периодом**

В основном в литературе имеются материалы, описывающие обрядность процесса рождения ребенка и послеродового периода. Независимо от того, рожала русская или башкирка, помощь при родах оказывала повивальная бабка. Обычно в каждой деревне имелись две-три женщины, обладавшие практическим опытом приема родов. Репутация хорошей повитухи основывалась на богатом личном опыте, который приобретался женщиной при оказании помощи роженицам. Профессия повитухи передавалась по наследству. Повивальная бабка ходила на роды с дочерью и знакомила ее со своей профессией. Повитухой редко становились женщины моложе 40–45 лет. Женщин, у которых не было детей, в повитухи старались не брать. В общественном быту повитухи пользовались большим уважением.

Роды происходили «где придется» — в доме, на покосе, в хлеву, в сарае, а чаще всего в *гольце* (подпол). Однако традиционным местом родов считалась баня. Чувствуя приближение родов, женщина готовила себе постель, обычно на полу, куда подстилала свежей травы, сена или старые тряпки.

Характеризуя сам процесс родов, следует заметить, что были некоторые отличия в их ведении в зависимости от национальности роженицы.

Описывая действия повитухи в русских деревнях, С.В. Голикова пишет: «Войдя к роженице, повитуха ударяла ее по ляжке с приговором: «Боли пушше, отдай нашо». Пришедшей бабке женщина кланялась

в ноги и «усердно просила не покинуть, не оставить без помощи». Начиная повитуха свою деятельность, снимая с беременной всю верхнюю одежду до рубашки, расплетая ей косы; кроме этого, снимала кольца, серьги, а в доме отворяла все замки. Делалось это для того, чтобы «роды развязались», то есть последовали безо всякой задержки. Затем роженицу водили, не давая ей сесть, так как полагали, что от этого ей бывает легче. Присесть или прилечь позволяли только перед самыми родами, так как стоячее или полусидячее положение при родах считалось менее благоприятным, что могло повлечь за собой родовую травму.

Говоря о башкирском населении, как только повитуху приглашали к роженице, она с молитвами собиралась, приговаривала: «Пусть все будет хорошо, благополучно». Входила в дом роженицы с правой ноги со словами: «Пришла освободить мешок, освобождаю мешок», или «Пусть будет легко, пусть этот ребенок родится скорее». Повитуха готовила помещение для родов: все черное из комнаты убиралось, в южных и юго-восточных районах к балке привязывалось полотно или веревка, чтобы роженица могла держаться за них во время потуг. Особенности родов женщин этой национальности являлось то, что рожали они не только лежа, но и сидя на корточках или на коленях.

Описаны разнообразные действия повитух при затяжных родах. В частности, христианская повитуха начинала с того, что брала трубку холста за «начинный» конец (с него начинали ткать) и под чтение «иисусовой» молитвы трижды макала ее в ковш с водой, из которого поила роженицу. «Если холщовое снадобье не начинает действовать, она берет кусок мыла, настругает его, сколько ей вздумается, в деревянное ведро, нальет туда воды поваренку, повертит воду в нем по уторам и выпивает мыльный раствор роженице». Если и это не помогало, повитуха брала лежащее под иконой пасхальное, преимущественно трехгодичной давности яйцо, обмывала его в воде, которой затем поила роженицу. Потом начинали поить ее постным либо деревянным маслом, толченым льняным семенем с водой или порошком с водой. Пыталась открыть роды «через нечаянный испуг», выдвигала из переднего угла на середину избы стол, зажигала перед иконой венчальную свечу, которую хранили именно для таких случаев, водила роженицу вокруг стола или заставляла прыгать через лежащего мужа (или наоборот). После этого к процессу родовспоможения активно подключался сам муж. Если он был сильным, то сажал жену к себе на плечи, бегал с ней по избе и тряс,

что есть мочи. При малосильном муже «роженицу кладут на пол, связывают ноги у лодыжек тряпицей, проводят меж ног опояску, которой и притягивают роженицу головой вниз, а ногами вверх к грядкам или палатному брусу на короткое время». Истязания и столь сильнодействующие средства, как порох, постепенно исчезали из родовспомогательной практики.

По данным С.И. Руденко, у башкир при трудных родах повитуха использовала разнообразные попытки усилить родовые потуги женщины. Повивальная бабка растирала роженице поясницу, водила ее по дому, заставляла держаться за полотенце, массировала ей живот, «выжимала» ребенка, перевязав живот платком. Если плод шел ногами вперед, роженицу трясли за волосы на макушке или за руки. Прибегали и к ручному способу оказания помощи: повивальная бабка, намазав руку топленым маслом или мылом, выправляла положение плода. Существовали и другие средства. Женщину клали на одеяло, раскачивали и потом резко опускали на пол; стреляли из ружья или неожиданно обливали холодной водой. Цель обряда ясна: напугать роженицу и заставить ее разродиться. Нередко при тяжелых родах башкиры прибегали к помощи «заклинателей, чародеев для изгнания бесов», полагая, что роды «происходят от игры бесов» и схватки у роженицы вызываются, по их представлению, проникновением в нее «нечистого духа». Для облегчения родов женщину заставляли пинать порог дома. Действенными способами родовспоможения являлись обычаи пропускания роженицы сквозь волчью или медвежью губу. Для этой цели у животного срезалась кожица, окаймляющая рот, сильно вытягивалась и сквозь полученное кольцо пропускали роженицу. С этой же целью башкиры вдоль спины роженицы сверху вниз многократно проводили когтем норки или медведя. Общеизвестны обычаи открывания и закрывания или снятия дверей мечети. При трудных родах женщину били пустым кожаным сосудом или трясли перед ней пустым мешком. Тяжело рожавшей женщине давали выпить воду, в которой сполоснул руки человек, вырвавший лягушку изо рта змеи, или воду, в которую соскоблили роговицу. Для облегчения родов повитуха обмывала роженицу водой, смытой со священных книг, с ручек дверей, дверной скобы, оконных стекол.

В русских деревнях повивальная бабушка, приняв младенца, первым делом обрабатывала ему пуповину. Это была очень важная проце-

дура для выживания новорожденного. При криминальных родах стоило матери оборвать пуповину, ребенок умирал от потери крови. Процедура повитух была совершенно иной. Обрезав пуповину в 1/4–2 вершках от пупа, дунув и плюнув на нее, они заговаривали кровь. Если новорожденный «в жизни своей был опасен», бабка до прихода священника «погружала» младенца в воду и нарекала ему имя, опасаясь его смерти без крещения.

Н.В. Бикбулатов писал, что у башкир родившегося ребенка подхватывала бабка и перерезала ему пуповину. Пуповина перерезалась ножницами или ножом на книге, доске или пятке сапога (предметы эти служили оберегами). Пуповину оставляли подлиннее, чтобы ребенок не мочился в постель. Перерезая пуповину, повитуха приговаривала: «Пусть живет долго, пусть будет счастливым». Нож, которым обрезали пуповину, закапывали в землю. Пуповина сморщивалась, высыхала и отпадала примерно на 5-й день. Отсохшую пуповину не выбрасывали: она была плотью ребенка и должна была храниться. Ее закапывали в землю в укромном месте, например в подполе, под забором, втыкали в щель между бревнами дома, запрыгивали в сундук или вшивали в амулет.

В древности говорили: «Плацента охраняет жизнь (душу)». Послед считался частью ребенка, и обряд захоронения последа был как бы имитацией погребения человека: послед обмывали с молитвами (3, 7 или 40 раз), заворачивали в белую ткань — «саван для последа». Заворачивали послед в 3 или 5 слоев, перевязывали нитками. Его клали в лапоть и бросали в текучую воду или прятали на чердаке бани. Захоронение последа осмыслялось как средство, обеспечивающее жизнь и благополучие ребенка. У русских при задержке последа было принято заваривать родильнице чай из овса. Для изготовления средства, изгоняющего послед, повитухам приходилось заниматься стряпней. Размочив дерябу, они рубили ее вместе с капустой, начиняли этой смесью пельмени и кормили ими роженицу, начинали поить роженицу маслом, порохом, а также густым взваром льняного семени. Башкиры хранили плаценту в сундуке. Отправляясь в дорогу, вшивали ее в ворот рубахи или в карман, при необходимости передавали ее своим родственникам. Хранилась она до самой смерти ее владельца, а после смерти вместе с ним заворачивалась в саван.

В обязанности повитух входило оказание помощи женщинам не только во время беременности и родов, но и в послеродовой период.

«Все послеродовые болезни, как и большинство случайных заболеваний в продолжение первых 6 недель после родов, ставятся в прямую зависимость от уменьшения или прекращения послеродовых очищений». Для этого женщин после родов поили чаем из перелойной травы, отваром ромашки и «золотой головки», готовили настойку на мокрице.

По всей России, в том числе и на уральских заводах, был распространен способ определения жизнеспособности младенца с помощью воскового шарика с волосами новорожденного. Восприимчик бросал его в купель, примечая, потонет он или всплывет. Более простой способ был связан с плачем новорожденного. Верили, если младенец «по вынятии из купели заплачет, то будет долговечен». С этой же целью производились другие гадания. Взяв на руки ребенка, следили за своими ощущениями: если младенец казался тяжелым, то он признавался неживучим, «даже если его общий вид производил благоприятное впечатление». Чтобы решить, будет ребенок жить или нет, его поили водой «от подновления печати», которую получали после мытья просфорной печати. Окуривание тремя ладанами использовалось не только как лечебное, но и как диагностическое средство: бытовало поверье, что если после этого ребенку станет хуже, его ждет скорая смерть.

В течение первых сорока дней после рождения у башкир Южного Урала было принято не оставлять ребенка одного: его прятали от чужих взглядов, проводили обряды с целью отогнать злых духов — «купли-продажи» через окно, наречения пеленочным именем и т.д.

Недоношенных детей парили в птичьем пуху, для чего в коробку насыпался пух, а затем ее ставили на печь. Там новорожденный должен был находиться «до срока рождения». Такого ребенка называли «выпарок».

Доношенных детей после перерезания пуповины купали в теплой воде с добавлением ромашки или соли. Иногда после купания младенца смазывали маслом, чтобы «кожица не потрескивалась». Затем его туго пеленали-повивали, свивали, чтобы «спал спокойно», «чтобы ручки и ножки ровными были». Пеленки делали из старого полотна из соображений, что они мягче и не травмируют кожу ребенка. После этого ребенка укладывали в колыбель.

У русских колыбели именовались «зыбками» (от слова *зыбать* — качать). Они подвешивались на центральную потолочную балку — «матку», которая называлась «матница», рядом с постелью родителей.

Колыбели у башкир были разнообразными: делались они из березовой коры, бересты (*бишек*), использовались лыко, холст и др. Дно колыбели обычно посыпали растертыми гнилушками, впитывающими выделения ребенка. Более других был распространен тип колыбели в виде лубковой корзины с приделанным к ней (от головы к ногам) обручем в виде дуги, при помощи которого колыбель надевалась через плечо для переноски или подвешивалась к дереву, когда мать работала в поле. В некоторых моделях этих колыбелей были предусмотрены комплекты ремней, которые позволяли башкирке ехать верхом на лошади и спокойно кормить грудью. Ребенка закрепляли таким образом, чтобы он не мог вывалиться (см. фото на стр. 182, 183).

### **Вскармливание детей**

В жестоких условиях естественного отбора выживали наиболее физически сильные младенцы. Доктор медицины Г. Попов (1903) писал: «Крестьяне считают, что ребенка в сутки стоит перевернуть раза 2–3, чтобы он не промок». С этой целью под младенца клали кучу тряпок. «Ребенка моют не более раза в неделю, а белье только высушивают».

Болезни ребенка лечили разными способами: грыжу «заговаривали», испуг «отпивали», при «собачьей старости» — «выпекали» в печи, при поносе поили церковным вином.

Выкупанному после рождения ребенку повитуха смазывала рот, губы и небо медом или маслом. С самого рождения дети находились рядом с матерью. Основой детского питания являлось материнское молоко. В большинстве литературных источников указывается, что вскармливание детей грудью продолжалось у населения, трудящегося на заводах, около 1 года. У сельского населения, по данным Г.С. Попова (цитировано по В.Б. Безгину, 2004), с целью предотвращения беременности женщина затягивала период грудного вскармливания. Продление лактации широко практиковалось в ряде сел до 20-х годов XX века. Как отмечалось в одной из инструкций 1920-х годов, «если последующая беременность долго не наступала, то женщина кормит пока ребенок не застыдитя — до 3–4–7 лет». Этот метод в некоторой степени защищал женщин от новой беременности. Сибирский этнограф Н.А. Костров в 1818 г. писал, что «некоторые матери позволяют мальчикам сосать титьку порой до шестилетнего возраста».

Сначала ребенку давали правую, затем левую грудь. Прикладывали к груди каждый раз, как только ребенок заплачет. Также, по данным врача Говорливых (1870), «сама мать только изредка кормит ребенка грудью, отчасти вследствие нерадения, отчасти за недосугом, особенно в страдное время». В таких случаях искали ребенку кормилицу. За отсутствием таковой для искусственного вскармливания использовали коровье или козье молоко, болтушку из воды с мукой или отвар проса на воде. У русских были распространены «хлебные соски» — завернутый в тряпицу пережеванный с сахаром хлеб. В качестве соски использовали также и коровьи рожки. Русские крестьяне вместо рожка использовали коровье вымя. Со слов старожилов села Кунашак Челябинской области, в качестве соски детям давалось сало, завернутое в тряпицу. В начале XX века среди заводских рабочих Южного Урала в большинстве семей уже пользовались резиновыми сосками.

Жиденькую молочную кашу начинали давать детям с 2 месяцев жизни. В 4 месяца давали ребенку белый или черный хлеб, размоченный в молоке. К 1 году детей приучали к похлебке. В башкирских селах обычно практиковалось раннее введение в рацион мяса водоплавающей птицы — гусей и уток.

Чтобы ускорить физическое развитие детей, матери часто прибегали к «преждевременным» мерам: например, как только ребенок начинал самостоятельно переворачиваться — его начинали сажать, когда младенец пытался ползать — его ставили на ноги и пробовали с ним ходить. В связи с этим, как считалось в последующие годы, у детей отмечалось искривление нижних конечностей, появлялась сутулость.

Питание детей к 1 году не отличалось от меню старшего поколения. Состав рациона семьи определялся натуральным характером хозяйства, покупные яства были редкостью. Продукты питания распределялись неравномерно по сезонам. В летнее время, когда было много молока, съедобных кореньев и ягод, поспевали горох и злаки, проблема питания решалась сравнительно легко. Дети очень быстро поправляли здоровье и преобразались. Но с середины зимы большая часть населения жила впроголодь, что не могло не отражаться на здоровье детей и их выживаемости.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Башкиры: этническая история и традиционная культура / Н.В. Бикбулатов, Р.М. Юсупов, С.Н. Шитова и др. *Уфа: Башкирская энциклопедия*; 2004. 247 с.
2. Бикбулатов Н.В. Семейный быт башкир XIX–XX веков / Н.В. Бикбулатов, Ф.Ф. Фатыхова. *Москва: Наука*; 1991. 192 с.
3. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность: традиции конца XIX – начала XX веков: монография. *Тамбов: Изд-во ТГТУ*; 2004. 304 с.
4. Блинова А.Н. Родильные обряды русских Сибири: лекция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=1298>. (Дата обращения 20.09.2015).
5. Булякова Г.В. Семейные обряды башкир Челябинской области. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. *Санкт-Петербург*; 2012.
6. Варламов В.С., Кибальчич О.А. Новь древнего Урала. *Москва*; 1975. 207 с.
7. Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков. *Екатеринбург: Изд-во УРО РАН*; 2001. С. 71–107.
8. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. *Москва*; 1991. 511 с.
9. Кузнецов В.М. Семейный быт русского сельского населения Южного Урала во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. *Екатеринбург*; 1999. 239 с.
10. Крупенская В.Ю. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала конца XIX – начала XX веков / В.Ю. Крупенская, Н.С. Полищук. *Москва: Наука*; 1971. С. 66–68.
11. Коляскина Е.А. Дающая жизнь: традиционные представления русских крестьян Алтая о женском плодородии и деторождении. *Вестник Томского государственного университета*. 2008;317:105–108.
12. Мухин В.В. Урал и Приуралье АН СССР. Природные условия и естественные ресурсы СССР: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bezmani.ru/spravka/bse/base/5/006381.htm> (Дата обращения 28.09.2015).
13. Оленев А.М. Урал и Новая Земля. Очерк природы: [Электронный ресурс]. *М.: Мысль*; 1965. Режим доступа: <http://alcala.ru/bse/izbrannoe/slovar-U/U10920.shtml> (Дата обращения 19.09.2015).
14. Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. *Уфа: Китап*; 2006. С. 226–229.
15. Щепкин Д. Исторические корни уральцев: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal.uralgalaxy.ru/ug4/korni.htm> (Дата обращения 01.10.2015).
16. Александр Левит. Южный Урал: География, экология, природопользование. Учебное пособие. 2-е изд. испр. и доп. *Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во*; 2005. 246 с.



# Мудрость предков: семейные традиции чеченцев и ингушей по рождению, выхаживанию и вскармливанию детей раннего возраста

Л.В. Абольян<sup>1</sup>, П.М. Евлоева<sup>2</sup>, С.В. Новикова<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Москва, Российская Федерация

<sup>2</sup> Центр охраны материнства и детства, Назрань, Республика Ингушетия, Российская Федерация

\* \* \*

*Счастье мужчины — в подвиге, а счастье женщины — в детях.*

Чеченская народная пословица [1]

Национальные традиции, культура и вероисповедание у различных народов и этнических групп могут в значительной степени определять отношение к рождению, выхаживанию и вскармливанию детей раннего возраста. Так, большое значение в сохранении высоких показателей грудного вскармливания в Иране, Израиле и Японии имеет следование традициям ислама, иудаизма или буддизма [2]. По данным F. Rakhshani с соавт. [3], средняя длительность кормления грудью в Иране оставляет 20,8 месяцев. Все иранские женщины начинают кормить своих детей грудью с рождения и продолжают в 6, 12, 18 и 24 месяца до 98; 92; 76 и 0,97% матерей соответственно. В США с целью лучшего понимания и уважения потребностей пациентов, относящихся к различным этническим группам, проводятся специальные курсы для медицинских работников по изучению национальных особенностей ухода и вскармливания младенцев [4].

Чеченцы и ингуши имеют многовековую историю, исторически определенную территорию расселения, язык, древнюю самобытную культуру. Эти два народа имеют общее происхождение, схожие языки и культуру, и помимо национальных самоназваний — нохчи (чеченцы) и галгаи (ингуши) — они имеют также общее название — вайнахи, что в переводе означает «наши люди». Чеченцы и ингуши в значительной степени сохранили традиционный уклад жизни и нормы демографического поведения, что нашло свое отражение в национальной культуре по воспитанию и вскармливанию детей раннего возраста.

Проведенные нами исследования показали, что средняя длительность грудного вскармливания в Чеченской Республике составляет 9,5 месяцев среди городских и 10,8 месяцев среди сельских женщин, а в Республике Ингушетия — 8,5 и 8,7 месяцев соответственно, что примерно в 1,5–2 раза дольше, чем среди женщин других субъектов Российской Федерации, не внедряющих специальные программы по охране и поддержке грудного вскармливания [5].

### СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ ВАЙНАХОВ

Чеченские и ингушские семьи очень крепкие, древние правила жизни (*адат*) этому способствуют. Традиционно в этих семьях кормильцем, добытчиком материальных средств являлся мужчина. Исламские традиции укрепили эту доминанту общественного сознания в ролевом распределении функций мужчины и женщины в семье и обществе. Исторически у чеченцев и ингушей, как и в большинстве традиционных обществ, женщина, мать (*Це-нана* — хозяйка огня, очага) была воплощением нравственных устоев семьи, первой воспитательницей детей. Родной язык неспроста называется *ненан мот* — язык матери [6].



Д. Оздоев. Священная груша.  
Государственный музей  
изобразительных искусств  
Республики Ингушетия, г. Карабулак

Женщины играют особую роль в горском этикете [6–8]. Для чеченского и ингушского фольклора характерны светлые образы матери и сестры. Они, прежде всего, — хранительницы очага. В древние времена эта метафора имела прямой смысл: женщины отвечали за то, чтобы в очаге всегда горел огонь, на котором готовилась пища. Теперь, конечно, это выражение имеет переносный, но все же очень глубокий смысл. До сих пор самым страшным проклятием у чеченцев считаются слова: «Чтобы огонь погас в твоём очаге!»

В традиционном обществе вайнахов безопасность и личная неприкосновенность женщины были всегда гарантированы. На каждом шагу она чувствовала, что находится под защитой отца, брата, мужа, старшего в роду. Не только оскорбление, но даже случайное прикосновение к чужой женщине, девушке всегда могло иметь тяжелейшие последствия для того, кто нарушил этику отношения полов. Природный ум, душевная чуткость, народная этика подсказывали женщине, что в действительности она может реализовать свое равноправие не путем буквального уравнивания с мужчинами во всем (такое утрированное равноправие вело, в конце концов, к игнорированию физиологических и психологических особенностей женщин), а выполняя свое природное предназначение в качестве верной спутницы, хранительницы семейного очага.

Женщина-мать у чеченцев и ингушей имеет особый общественный статус. Любовь и уважение к женщине-матери внушались народными традициями, культурой, образом жизни: женщина-мать воспета в старинных преданиях, народном фольклоре. Никто, кроме женщины, не может остановить поединок мужчин на почве кровной мести. Если там, где льется кровь и бряцает оружие, появляется женщина, смертельная



*Кистинка. Горная Чечня.  
Художник Д.А. Никитин. 1870-е гг.  
Женщины Кавказа. Фотографии,  
живопись, скульптура, графика.  
Альбом. М.: «Фортуна ЭЛ», 2008. 240 с.*

схватка может прекратиться. Женщина может остановить кровопролитие, сняв с головы платок и бросив его между сражающимися.

Об уважительном отношении к женщине свидетельствует обычай приветствовать ее только стоя. Если проходит пожилая женщина, долг любого человека, независимо от возраста, встать и поздороваться первым. Величайшим позором считалось непочитание матери и ее родственников.

Чеченские и ингушские семьи в большинстве своем многодетны. Кроме того, в одном дворе или в одном селе нередко живут со своими семьями несколько братьев [9].

Дореволюционный исследователь Н.Ф. Грабовский, описывая экономический и домашний быт ингушей, отмечал нередкие случаи многоженства среди ингушей [10]. Он писал, что «у горцев, как вообще у магометан, допускается многоженство. И этим правом горцы пользуются очень часто: многие из них имеют по две, а случается — и по три жены. Нельзя сказать, чтобы эту роскошь позволяли себе одни состоятельные люди; нередко можно встретить двух жен и у бедняка. Результатом подобных супружеств, само собой разумеется, является почтенная цифра детей, доходящая часто до 17 душ одних живых. Кроме того, горцы — большие охотники менять жен, то есть разводиться с прежними и брать новых. Эту перемену они оправдывают обыкновенно тем, что прежняя жена была бесплодна или давала детей только женского рода».



*Д. Оздоев. Сын художника. Государственный музей изобразительных искусств Республики Ингушетия, г. Карабулак*



*Чеченка в нарядной одежде. Фотограф Д.А. Никитин. 1870-е годы. Женщины Кавказа. Фотографии, живопись, скульптура, графика. Альбом. М.: «Фортуна ЭЛ», 2008. 240 с.*

Здесь также хочется привести описание Н.Ф. Грабовским всемирно известных ингушских башен, которые издавна существовали в горах и ущельях на территории Ингушетии и выполняли функции жилищ и оборонительных сооружений. Он так пишет о жилищах горцев (Джераховское и Кистинское горные общества): «Они состоят преимущественно из каменных старых башен в два-три яруса, сложенных без цемента и, как можно предполагать, без участия какого-либо орудия, употребляемого для отделки камня. Это предположение основывается на том, что камни в стенах башен вовсе не носят следов обработки и приложены один к другому так, как требовала натуральная форма их. Но, несмотря на это, башни чрезвычайно прочны, чем далеко превосходят новейшие постройки горцев. Что постройка этих башен принадлежит к довольно отдаленным временам, в этом нет сомнения, даже если судить по наружному их виду, но кем и когда они построены — в сказаниях горцев, к сожалению, ничего не сохранилось. Характер местностей, на которых обыкновенно красуются башни, разъясняет только одну догадку, что первоначальные обитатели их, предпринимая эти громадные постройки, независимо от сбережения удобных для обрабатывания земель, имели еще в виду и оборонительную цель. Нынешние обитатели башен занимают для жилищ преимущественно верхние этажи, нижние служат помещением для скота. В каждой башне встречается по нескольку семейств, которые, обитая в таком близком соседстве, нисколько не мешают друг другу, потому что живут в разных отделениях, перегородженных капитальными стенами, все имеют только общие коридоры. Между такими просторными и служащими для жилья башнями встречаются довольно часто и другие — высокие, пирамидальные. Вид этих последних как нельзя более ясно говорит об их исключительно оборонительном значении: от самого низу доверху стены имеют множество амбразур, располо-



*Семья чеченцев.  
Фотограф Д.И. Ермаков. Конец XIX в.  
Женщины Кавказа. Фотографии,  
живопись, скульптура, графика.  
Альбом. М.: «Фортуна ЭЛ», 2008. 240 с.*

женных причудливой рукой строителя в форме треугольников, крестов, звезд и других изображений. Кроме того, эти башни попадаются всегда на самых неприступных возвышенностях, командующих над окружающей местностью» [10].

Веками складывались правила родственных взаимоотношений. В общих чертах они таковы. Конфликтные ситуации, ссоры женщин, детей и тому подобное разрешает старший во дворе — мужчина или женщина. Мать детей, если их обидели, никогда не должна жаловаться мужу. В крайнем случае она может обратиться к любому родственнику мужа. Хотя считается правилом хорошего тона вообще не обращать внимания на детские обиды, ссоры, слезы. Дети знают, что именно дядя с готовностью откликнется на любую их просьбу и поможет. Он, скорей, откажет в чем-то своему ребенку, но без очень серьезных оснований никогда не оставит безответной просьбу детей своих братьев и сестер.

Правила родственных взаимоотношений предполагают обязанности младших перед старшими, и наоборот. На старшее поколение возложена ответственность за укрепление семейных уз. Родители должны поддерживать в семьях атмосферу согласия и взаимопонимания между сыновьями.

### НАРОДНОЕ АКУШЕРСТВО И РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Чеченки и ингушки традиционно ориентированы на большое количество детей. Вопреки негативным политическим событиям 90-х годов в республиках Чечня и Ингушетия идет положительное демографическое развитие, они продолжают лидировать по показателям естественного прироста населения [11–16].

В крестьянском быту от наличия детей, и прежде всего сыновей, зависело и количество рабочих рук в семье, и уход за родителями в старости.



Чеченцы. Фотограф Воюцкий.  
1870-е годы. Женщины Кавказа.  
Фотографии, живопись, скульптура,  
графика. Альбом. М.: «Фортуна ЭЛ»,  
2008. 240 с.

сти. Бездетность была несчастьем и считалась позором, а женщине грозила почти неминуемым разводом или появлением в доме второй жены. Недаром, по сути дела, именно рождение ребенка завершало свадебный цикл, скрепляя брак и делая девушку женщиной в социальном смысле этого понятия. С появлением детей упрочивалось и общественное положение отца.

В связи с тем, что детская смертность была очень высокой (в конце XIX – начале XX века по России в целом уже на первом году жизни умирала 1/4 всех детей), внутрисемейный контроль рождаемости (планирование семьи) был неизвестен. Отдельные попытки избавиться от плода, вызванные особыми обстоятельствами, рассматривались как тяжкое преступление: «Лучше убить хаджу из Чяба (т.е. Каабы в Мекке), чем ребенка в чреве матери», — гласила чеченская поговорка [13, 15].

Свадебная обрядность включала и себя магические приемы «обеспечения» плодovitости, а выйдя замуж, женщина сразу же обращалась к другим религиозно-магическим средствам, которые, по поверьям, обеспечивали материнство. Известие о предстоящем появлении ребенка, а тем более первенца, всегда принималось с радостной тревогой. Будущую мать по возможности старались освободить от тяжелой работы, но она продолжала участвовать в хозяйственной жизни, так как считалось, что небольшая физическая нагрузка полезна для развития будущего ребенка. Чтобы не сердить беременную, выполняли все ее просьбы, ее старались получше накормить. Поскольку предполагалось, что «злые силы» особенно преследуют беременную, прибегали к различным магическим средствам, призванным обезопасить ее и носимый ею плод. Женщина одновременно и гордилась явными признаками беременности, и стеснялась их, стараясь не показываться лишней раз на глаза старшим родственникам мужа.

В прошлом в отсутствии квалифицированной медицинской помощи обеспечение здоровья и благополучия новорожденного и матери в народной медицинской практике горцев Северо-Восточного Кавказа во многом зависело от комплекса обрядов, связанных с рождением ребенка [13, 17–23]. Если молодая женщина не возвращалась для первых родов к родителям, перед началом родовых схваток муж, свекровь и другие старшие родственники на время родов уходили из дома. Принимать роды приглашали бабушку-повитуху, а за ее отсутствием — кого-нибудь из пожилых соседок, вообще опытную в этих делах

женщину. Считалось, что она должна иметь «легкую руку» и «хороший характер». Помогать ей вызывались соседки. Придя в дом, она, прежде всего, обращалась к магическим приемам: открывала все ящики, отпирала все замки, разряжала оружие, раскрывала ножницы, развязывала все, что могло быть завязано, распускала роженице волосы и с помощью огня, железных орудий и т.п. отпугивала «враждебные силы».

Приемы родовспоможения варьировали даже у одного народа. Женщины рожали, сидя па корточках и держась за спускавшуюся с потолка веревку; присаживаясь на низенькую скамеечку или на коленях, опираясь руками о плечи одной из присутствующих, которая садилась перед роженицей [13, 21, 22, 24]. Для облегчения родов делался легкий массаж области поясницы и живота, а также согревающий компресс с помощью подогретого в горячей воде куска войлока. С этой же целью в сосуде грели воду и заставляли роженицу посидеть над паром. Иногда к пояснице или животу прикладывали сухую шерсть.

Сохранились свидетельства о том, что еще во второй половине XIX века у ингушей и чеченцев в горах был общественный родильный дом с обслуживающей родильниц специальной повитухой. В нем женщина оставалась на 40 дней после родов [22].

Роженица оставалась в постели не менее 3 дней, на протяжении которых ее и новорожденного особенно тщательно оберегали от «сглаза», «нечистой силы» и т.п.

Новорожденного обмывали, пеленали и укладывали рядом с матерью. В ряде случаев первое кормление грудью и кормление на протяжении 3–4 суток после родов могли осуществлять другие кормящие женщины по причине слабости матери или в связи с бытовавшими ошибочными представлениями о недостаточной лактации матери в первые сутки и вредности молозива для новорожденного. Некоторые исследователи усматривают в этом обычае стремление установить искусственное родство (с помощью молочко матери), расширить круг близких людей, защитников, что имело особое значение в традиционном кавказском мире.

Появление на свет мальчика и девочки встречали по-разному. Если рождался сын, а тем более первенец, в котором видели продолжателя рода, наследника, будущего хозяина и опоры в старости, отец да и другие близкие родственники щедро одаривали того, кто первым принес



эту радостную весть. Устраивалось празднество с угощением, играми, спортивными состязаниями. Иначе, несравненно более равнодушно встречали рождение девочки, особенно если и до нее в семье рождались одни только дочери. Ведь дочь была временным членом семьи, как бы гостьей в доме.

Празднество по случаю рождения ребенка по большей части было одновременно и празднованием по случаю его укладывания в колыбель или наречения ему имени, либо обоих этих обрядов сразу.

Интерес представляет книга «Беременность и роды», написанная в начале прошлого столетия врачом-акушером Л.М. Мониним, заведующим городским родильным приютом в Тифлисе [24]. В своей книге он приводит описание существовавших в то время нравов и обычаев среди мусульманского населения некоторых местностей Закавказья и Северного Кавказа по отношению к беременным, роженицам, родильницам и новорожденным. В отношении беременности он писал: «Хотя по Шариату и вменяется в обязанность мусульманам не обременять своих жен во время беременности тяжелыми трудами, но на деле это применяется редко и мусульманские женщины обыкновенно продолжают работать и вообще вести обычный образ жизни до самого начала родов. Пищи во время беременности придерживаются обычной. Считается полезным есть в это время айву и финики и жевать ладан (*смирну*), ибо в священных книгах сказано, что при употреблении айвы ребенок рождается красивым, при употреблении фиников — здоровым и сильным, при жевании ладана — умным, способным и энергичным».

О родах Л.М. Монин писал: «Рожают мусульманские женщины, преимущественно стоя на корточках или на коленях. Обычай этот распространен почти повсеместно и редко какая мусульманка рожает лежа. Становясь на корточки, роженица охватывает руками шею сидящей против нее женщины и во время потуги чуть ли не остается висеть на ней. В большинстве случаев такое положение принимают под конец родов, ко времени наступления потужных болей. Но бывает и так, что с самого начала при каждой схватке роженица становится на корточки, во время паузы ходит по комнате или ложится. Но после отхождения вод вставать уже не позволяют, ибо полагают, что если женщина в это время будет ходить или сидеть, то ребенок задохнется. После рождения младенца женщина остается в том же положении до выхода последа. В деревнях ко времени родов заготавливают особый мешок, набитый соломой или сеном,

на котором женщина становится на корточках. В некоторых местах, например Большой Чечни, рожают в коленно-локтевом положении. В Даргинском округе Дагестанской области принято разрешаться совсем стоя. В комнату, где рожают мусульманки, мужчины ни в каком случае не допускаются, и при первых криках жены муж часто совсем уходит из дому. Зато набирается масса баб: родственницы, соседки, знакомые. Все галдят и шумят, и засыпают роженицу советами. После родов принято лежать до 9-го дня, но нередко встают и раньше. На 9–10-й день роженицы отправляются в баню и иногда после этого еще 2–3 дня лежат. Затем на 40-й день считается нужным опять быть в бане. Что касается пищи после родов, то общепринят обычай: первые 3–4 дня есть так называемый *куймах*. *Куймах* готовится из муки, масла и меда; все это варится с прибавлением особого порошка вроде имбиря, который называется *сарп-кек*, и затем посыпается сахаром. Вот эту-то тяжелую пищу мусульманки считают самой полезной и необходимой после родов, и это замечается почти повсюду среди мусульманского населения. Насколько важное значение придают этой пище видно из того, что на наш вопрос, почему они не идут рожать в родильный дом, некоторые мусульманки отвечали: «Потому, что там не позволяют есть куймах. Если родильница начинает лихорадить, то дают пить настой из разных трав и корней желтого имбиря, ромашки, ирного корня, перца и прочее» [24].

Согласно описанию Л.М. Монины [24], пуповину у новорожденного перевязывали простой суровой ниткой и перерезали ножницами, а местами — обыкновенным ножом. Перерезали не у самой лигатуры, а отступя довольно далеко, так что отрезок до нитки длиннее, чем от нитки до пупочного кольца. Дальнейший уход за пуповиной не всюду одинаков: большей частью остаток пуповины смазывали маслом, сверху клали кусок шерсти или ваты и завязывали тряпкой, а то и совсем не завязывали.

В отношении купания младенца Л.М. Монин писал: «Ребенка большей частью купают сейчас же после родов, придерживаясь указания, имеющегося в книге «Шераи». Впрочем, в разных местах на этот счет существуют различные обычаи. В Шемахе мусульмане купают ребенка только после того, как мать встает с постели, а в Кубе — только на 40-й день в первый раз. Местами первый раз купают сейчас после родов, а второй — только после отпадения пуповины. Купают большей частью в деревянном лотке, который называется *тегне* и употребляется и для других нужд в хозяйстве. При купании ребенок часто не кладется в ко-

рыто, а держится в руке и сверху обливается водой.купают обыкновенно в теплой воде, ничего к ней не прибавляя. Существует обычай выравнивания членов новорожденного, распространенный среди этих народностей. Выравнивание членов заключается в том, что ребенку во время купания или без купания вытягивают ручки и ножки, разглаживают их, разминают ноги и т.п.» [24].

Л.М. Монин отмечал практику тугого пеленания на Кавказе: «У мусульман так же, как и у других туземцев, практикуется самое тугое пеленание, а нередко и привязывание ребенка к люльке посредством широких свивальников. Очень принято в тюфяке, на котором лежит ребенок, делать отверстие, сквозь которое пропускается изогнутая трубка, один конец которой упирается в половые органы, другой выходит наружу. Такая трубка называется *дудук* и бывает 2 родов: с круглым отверстием для мальчиков и овальным — для девочек. Приспособление это имеет ту цель, чтобы моча проходила сквозь трубку и вытекала в подставленный под нее сосуд» [24].

## ВЫХАЖИВАНИЕ И ВСКАРМЛИВАНИЕ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА

Укладывание в колыбель было чисто женским обрядом и считалось главным обрядом в честь рождения ребенка. Присутствовали преимущественно пожилые родственницы, соседки, а также повитуха, для которых готовили небольшие подарки и угощение. Те в свою очередь приносили подарки для новорожденного. В этот день свекровь впервые знакомясь с ребенком и просила невестку, не стесняясь, показываться с ним в ее присутствии. Близкая родня молодой матери у большинства народов регио-



*Тугое пеленание в ингушской люльке. Назрань (Ингушетия), 2011 г*



*Чеченская детская колыбель, сделанная в 1950-е г. во время высылки в Среднюю Азию и привезенная обратно в село Мескеты. Национальный Музей Чеченской республики, г. Грозный*

на в соответствии с обычаями избегания не присутствовала, но обязательно присылала подарки. Один из них предназначался для свекрови в качестве выкупа за право появляться перед нею с ребенком и нянчить его. В числе подарков в прошлом была и сама колыбель, если только молодая мать не возвращалась для родов в родной дом и не привозила колыбель оттуда. Одна из старших родственниц или пожилая соседка торжественно брала ребенка у матери, купала его, пеленала и укладывала в колыбель. Затем обычно переносили колыбель из комнаты невестки в общее помещение дома. Этот элемент обряда, при котором сама молодая мать уже не присутствовала, а если присутствовала, то держалась в стороне, знаменовал приобщение новорожденного к семье.

Ребенка держали в колыбели до года, первые полгода — почти непрерывно. У всех народов колыбель была однотипной: деревянная качалка с отверстием для трубки, по которой стекала моча. Конструкции колыбели соответствовало пеленание — тугое и неподвижное, для чего младенца крепко притягивали широкими лямками к колыбели, не подкладывая под голову подушку. Все это подчас приводило к деформации черепа и вредило здоровью ребенка. Вынимали его только на ночь, когда он спал вместе с матерью, днем же — обычно не чаще 3–4 раз. Усыпляли укачиванием и колыбельными песнями.

Азиатские колыбели (люльки) широко использовались разными горскими народами, проживающими на Кавказе, — и мусульманками, и христианками. Колыбели легко было переносить и перевозить. Было принято также кормить грудью, не вынимая ребенка из колыбели. К сожалению, нам не удалось найти в литературе и архивах музеев фотографий или зарисовок с изображением матерей чеченок и ингушек. Возможно, это связано с запретами, существовавшими в культуре этих народов.

В северокавказской семье вплоть до недавнего времени большое влияние на весь образ жизни семьи, в том числе на воспитание ребенка, ока-



*Женщина в национальном костюме толчет зерно, рядом стоит колыбель (1878–1916)*

зывал обычай избегания [17]. Мать, следуя обычаям, не могла не только кормить ребенка грудью при родителях и старших родственниках мужа, но и подходить к нему и качать колыбель, даже если он заплачет. Большая роль в уходе за маленькими детьми принадлежала бабке, тем более что она жила с женатым сыном. Помогали обычно и остальные женщины — взрослые сестры мужа, другие невестки, старшие дочери.

В народе широко рекомендовалось для вскармливания ребенка грудное молоко. Грудью кормили до года-полутора, но бывало, что и до 2–3 лет. Мальчика из многодетной семьи, в которой до него рождались только одни девочки, могли кормить так долго, пока он сам не откажется, — до 5 лет [25]. Считалось, что длительное кормление грудью полезно для ребенка, но не исключено, что дело было и в другом. Затягивание лактационного периода было единственной, хотя и не очень надежной возможностью оттянуть рождение следующего ребенка. Месяцев с 6–8 (у чеченцев раньше) начинали прикармливать молоком и жидкой кашей, а после года — общей пищей. Особого режима в кормлении младенца, как правило, не было: используя современную терминологию, он находился на свободном вскармливании.

При отсутствии молока у матери старались найти женщину-родственницу или соседку (кормилицу), которая бы выкормила ребенка грудью. По обычаю, она становилась ребенку «молочной матерью», а ее дети — «молочными братьями и сестрами» ребенка.

После рождения ребенка приоритетными в рационе матери становились молочные каши из кукурузной муки, манки, мясные бульоны, молоко, кисломолочные продукты (сметана, творог), чай с молоком, орехи, а также льняная халва — *урбеч*, приготовляемая из молотых семян льна с маслом и медом, — все это способствует не только быстрому восстановлению сил после родов, но и увеличению лактации.

Прикармливание ребенка у вайнахов, по традиции, начиналось с появлением первых зубов «кашицей из кукурузной муки с молоком или маслом (часто давали сосать кусочек бараньего сала)». Молочные продукты составляли основной рацион ребенка примерно до 1,5–2 лет, после чего его переводили на мясную пищу.

К искусственному вскармливанию в прошлом прибегали неохотно, но если приходилось, то ребенка кормили коровьим молоком от одной и той же коровы, а спустя несколько месяцев прикармливали специальной кашей.

Этот раздел, касающийся грудного вскармливания младенцев в традициях горских народов Кавказа, хочется закончить чрезвычайно интересными и поучительными выдержками из книги врача-акушера начала прошлого века Л.М. Монины [24]. Он писал: «Кормят ребенка мусульманки всегда сами, если только это возможно. В первый день, пока еще нет молока, дают кормить другой женщине, если имеется по соседству, или дают ребенку настой ромашки, растопленное масло с сахаром или желток яйца с сахаром, а в деревнях — верблюжье или овечье молоко. Кормят грудью долго, редко меньше 2 лет и очень часто больше. Нам известен случай кормления до 4 лет». Автор отмечал также исключительную важность грудного вскармливания для здоровья младенца: «Нет пищи здоровее для ребенка, чем та, которую ему приготовила природа, — т.е. молоко матери, и нет несчастнее детей, которые почему-либо лишены этой пищи: те дети обречены на хилость, болезненность и зачастую долго не выживают. Поэтому, повторяем еще раз, кормить своего ребенка — святой долг каждой матери». Рекомендации Л.М. Монины перекликаются с современными рекомендациями раннего начала грудного вскармливания и важности кормления только грудным молоком (исключительно грудное вскармливание) с рождения младенца. Он писал: «Так как в первые дня 2 молока еще не бывает, то принято давать ребенку в это время сахарную воду, остывший чай или коровье молоко и этим нередко сразу портят младенцу желудок. Лучше этого избегать, а давать ребенку сосать грудь и тогда, когда настоящего молока еще нет, а есть еще только молозиво. Это хорошо во многих отношениях: 1) молозиво содержит в себе кое-что питательное и в первые дня 2 может поддержать существование ребенка, ибо в это время потребность в пище у него очень небольшая; 2) молозиво действует слегка слабительным образом и очищает кишечник от первородного кала; 3) благодаря раннему сосанию, начинается скорее выделяться молоко» [24].

### **Заключение**

Кавказ многоцветен природой и типажам житей, равно как и философией жизни, а история его областей своеобразна. Здесь есть горы и долины, степи и полупустыни, субтропики и ледники. Здесь находятся страны (Армения и Грузия), которые в числе первых еще в IV и V веках в качестве официальной религии приняли христиан-

ство. В Азербайджане и в Дагестане в VII веке начал утверждаться ислам. При этом в горных районах Кавказа до XIX века основные религиозные обряды оставались языческими [26].

Впрочем, разнообразие культурных традиций не затмевает общего в кавказцах — того, что объединяет их в особый культурный мир. Одно из таких объединяющих начал — уважительное отношение к женщине: к дающей жизнь матери, сестре, жене,

дочери. Уважение к женщине проявлялось безотносительно того, были это христиане или мусульмане, горцы либо жители долин и горюдов. Правда, сторонние наблюдатели отмечали принципиальные отличия в положении женщин среди населения разных областей Кавказа. В одних случаях им бросалась в глаза внешняя независимость, свободное поведение женщин на людях. В иных случаях им казалось, и они брались убеждать в том других, что горянка есть подневольное по отношению к мужу и установленным миром мужчин порядкам существо. И такой взгляд на положение кавказских женщин во многом привился. В действительности, горянки исполняли то, что в полной мере сами считали своим долгом, своими обязанностями, подобно тому, как обязанности отцов, мужей, братьев и сыновей они воспринимали целесообразными и свыше установленными.

В культуре народов Кавказа женское и мужское имеют свои пространства, разделяемые условными, но всеми осознаваемыми границами, которые, впрочем, не только и не столько делят, сколько объединяют эти две половины человечества. Правое — левое, верхнее — нижнее. В этих парах первые позиции принадлежат мужчинам, вторые — женщинам. На правую и левую половины делился традиционный жилой дом, условная граница между которыми проходила по линии очага. Но сам очаг входил в женскую половину, или, лучше сказать, она сама организовывалась вокруг очага. Поэтому сооружение очага нередко вменялось женщине к исполнению, а попечение о нем неизменно входило в круг ее обязанностей, и потому женщину называли «хозяйкой очага». Возле очага женщина нередко рожала, и он воспри-



*Семья Дударовых. Ингуши. Первая четверть XX в. Женщины Кавказа. Фотографии, живопись, скульптура, графика. Альбом. М.: «Фортуна ЭЛ», 2008. 240 с.*

нимался гарантом стабильного будущего семьи, «родовой» группы, и это определяло символическую тождественность надочажной цепи и груди старшей женщины семьи, «рода». Тот, кто искал защиты под кровом определенного дома или вымаливал себе прощения у его обитателей, должен был взяться за цепь либо прикоснуться к груди хозяйки. Оба действия являлись в одинаковой мере священными.

Таковыми же священными и непререкаемыми были жизнь, здоровье и честь женщины. Степень ответственности за похищение жены нередко превышала ответственность за убийство отца или сына, изнасилование расценивалось более тяжким преступлением, чем убийство. Двойное *канлы* (расплата, штрафная санкция) ожидало того, кто посягнул на жизнь женщины: оно возлагалось на самого преступника и на его ближайшего родственника. Более того, никакая кара, никакая месть и тем более убийство не могут быть совершены в присутствии женщин. Появление женщины в гуще сражающихся мужчин, если при этом она снимала платок и обнажала голову, останавливало кровопролитие. Женщина была ответственной за сбережение жизненного потенциала, своей фамильной группы, общества, к которому принадлежала. И потому женщина, будь мусульманка, христианка либо язычница, обладала на Кавказе чрезвычайно высоким общественным статусом.

Сознавая столь высокую ответственность, женщины без ропота переносили любые тяготы жизни. Тем более что и повседневные их обязанности обладали высокой семиотической нагрузкой. Народные поговорки гласят: «Муж — наружная сторона дома, жена — внутренняя»; «Жена — столб дома, дом держится на ее плечах»; «Построенный женой очаг и Бог не разрушит, а построенный Богом — жена разрушит». Женский домашний труд создавал для семьи и дома своего рода оболочку, через которую они воспринимались обществом. Женщина в фигуральном и прямом смысле слова творила подобную оболочку.

Все плоды женского труда, преимущественно сосредоточенного



*Семья Гадаборшиевых. Ингуши. 1930-е годы. Женщины Кавказа. Фотографии, живопись, скульптура, графика. Альбом. М.: «Фортуна ЭЛ», 2008. 240 с.*



в пространстве дома, подобно плоти, обволакивают мужскую костную основу, которая, как кажется, является стержнем жизни того или иного человеческого коллектива, но в действительности именно благодаря «женской оболочке» она, «основа», становится таковой. Оболочка под стать материнскому чреву, материнской субстанции, и потому образ матери — дарительницы и защитницы жизни — столь популярен в мифологии, эпосе, в других жанрах фольклора кавказских народов.

Семья была и остается основным социальным институтом чеченцев и ингушей. Они в большей степени, чем другие народы страны, сохранили традиционный уклад жизни и нормы демографического поведения, что, безусловно, находит свое отражение в образе жизни современных семей, связанным с рождением, воспитанием и вскармливанием детей раннего возраста.



Чеченский танец.  
Фотограф Д.И. Ермаков. Конец XIX в.  
Женщины Кавказа. Фотографии,  
живопись, скульптура, графика.  
Альбом. М.: «Фортуна ЭЛ», 2008. 240 с.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Алироев И.Ю. Кувшин мудростей. Чеченские пословицы и поговорки. *Грозный: Книга*, 1990. 48 с.
2. Eidelman A.I. The Talmud and Human Lactation: The Cultural Basis for Increased Frequency and Duration of Breastfeeding Among Orthodox Jewish Women. *Breastfeeding Medicine*. 2006;1(1):36–40.
3. Rakhshani F., Mohammadi M. Continuation of Breastfeeding: Is this a Problem in Southeast Iran? *Breastfeeding Medicine*. 2009;4(2):97–100.
4. Petrova A., Hegei Thomas, Mehta Rajeev. Maternal Race / Ethnicity and One-Month Exclusive Breastfeeding in Association with the In-Hospital Feeding Modality. *Breastfeeding Medicine*. 2007;2(2):92–98.
5. Абольян Л.В., Евлоева Ф.М. Национальные традиции чеченских и ингушских семей в охране здоровья матери и ребенка. *Вопросы современной педиатрии*. 2010;9(5):70–73.
6. Заурбекова Г.В. Гендерный аспект войны в Чечне. Мат. Всерос. научн. конф.: Чеченская республика и чеченцы. История и современность. М.: Наука, 2006. С. 566–570.
7. Чеснов Я.В. Чеченская культура детства. Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.А. Чешко. М., 1996. 243 с.

8. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: *Петербургское Востоковедение*, 2001. 416 с.
9. Исмаилова М.Ш. Семейный быт чеченцев в прошлом: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. *Баку-Тбилиси*, 1971. 29 с.
10. Грабовский Н.Ф. Сборник сведений о Кавказских горцах. 1870.
11. Народы России. Чеченцы, лопари: этнографические очерки. *Санкт-Петербург: Издание «Досуг и дело»*, 1880. 30 с.
12. Бергер А.К. Чеченка. М.: *Охрана материнства и младенчества*, 1928. 46 с.
13. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: *Наука*, 1983. 263 с.
14. Самойлов К. Заметки о Чечне. М.: *Academia*, 2002. 84 с.
15. Арсанукаева М.С. Динамика и проблемы рождаемости в Чеченской Республике. *Мат. Всерос. научн. конф.: Чеченская республика и чеченцы. История и современность*. М.: *Наука*, 2006. С. 506–514.
16. Гаджиев М.Г. Демографическая ситуация в Чеченской республике (сравнительный анализ). *Мат. Всерос. научн. конф.: Чеченская республика и чеченцы. История и современность*. М.: *Наука*, 2006. С. 125–136.
17. Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа / Под ред. В.А. Тишкова, С.В. Чешко. М., 1996. С. 91–133.
18. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: *Наука*, 2004. 239 с.
19. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследования и материалы 1892–1894 гг. М.: *ИМЛИ РАН*, 2008. 380 с.
20. Батаев Х.М., Хаджиева А.Ж., Яхъяева З.И. Народная медицина Северо-Восточного Кавказа на примере Чеченской Республики. *Пятигорск: РИА-КМВ*, 2006. 164 с.
21. Батаев Х.М., Яхъяева З.И. История народной медицины чеченцев и ингушей (XVIII–XX вв.). *Грозный*, 2007. 179 с.
22. Яхъяева З.И. История народной медицины чеченцев и ингушей: XVIII–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. мед наук. М., 2007.
23. Хасбулатова З.И., Мадаева З.А. Народная медицина чеченцев. *Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар»*, 2012. 176 с.
24. Монин Л.М. Беременность и роды. Приложение: О нравах и обычаях среди мусульманского населения некоторых местностей Закавказья и Северного Кавказа по отношению к беременным, роженицам, родильницам и новорожденным. *Санкт-Петербург и Москва: Издание товарищества М.О. Вольфъ*, 1905. 114 с.
25. Берсанова Л.И. Традиционная система питания чеченцев и ингушей в XIX–XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 32 с.
26. Женщины Кавказа. Фотографии, живопись, скульптура, графика. Альбом / Под ред. А.Х. Галазова, Л.И. Швецовоной. М.: *Фортуна ЭЛ*, 2008. 240 с.

# От традиций до современности: уход, питание и воспитание детей у якутов

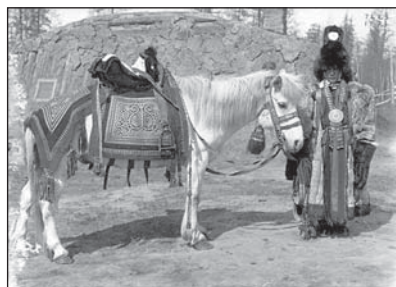
Н.В. Саввина<sup>1</sup>, Е.Ф. Лугинова<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Медицинский институт Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация

<sup>2</sup> Детский прототуберкулезный диспансер ГБУ «Научно-практический центр “Фтизиатрия”», Якутск, Республика Саха (Якутия)

\* \* \*

На северо-востоке Сибири к приходу русских видное место по уровню развития культуры и численности среди других племен занимали якуты (самоназвание *саха*). К этому моменту основная группа якутов заселяла треугольник, образуемый средним течением Лены, Алданом и Амгою. Небольшие группы их жили на реках Яне, Олекме, в устье Вилюя и в районе Жиганска. Всего якутов, по русским документам, насчитывалось 25–26 тыс. человек [1]. Якуты тогда представляли собой этническое целое с единым языком, общей территорией и культурой. По языку и культуре якуты представляют собой как бы островок тюркоязычных народов, самую северную в мире тюркскую народность.



*Якутка возле своего жилища  
(фотограф Jochelson Waldemar, 1902 г.)*

## БЫТ

Известно, что основным богатством у якутов был скот. На лошадях ездили верхом и их запрягали в сани. Из кобыльего молока изготавливали *кумыс*. Рогатый скот и лошади шли на мясо. Из молока рогатого скота делали масло и другие молочные продукты. Кожа рогатого скота и ло-

шадей употреблялась на выделку одежды и обуви. Из нее изготовляли посуду, веревки, ремни и другие предметы. Широкое применение находил конский волос.

В условиях длинной и жестокой зимы скот не может обходиться без сена, и якуты должны были производить заготовку корма для рогатого скота, но лошади зимовали на подножном корму. Сено косили железными и костяными косами (*хотур*). Заготовка сена заставляла вести полуоседлую жизнь. Летом выезжали на *сайылыки* (летние пастбища), зимой перекочевывали на *кыстыки* (зимники), которые строились поблизости от покосных мест. Некоторые якуты кроме летних имели еще весенние и осенние пастбища. Жили якуты по отдельным *алаасам* (*алаас* представляет собой пологосклонную и плоскодонную ложбину овальной формы диаметром до нескольких километров и глубиной до 30 м) и строили юрты на большом расстоянии одна от другой. Важными отраслями хозяйства якутов были охотничий промысел и рыболовство. Многие бедные якуты, не имеющие скота, питались только рыбой, мясом зверей и птиц. Рыбу ловили волосяными сетями и неводами. Применялись также *морды* и *запоры*. Бескрайние леса Якутии были богаты дичью. Якуты добывали соболей, лисиц, белок, горностаев, зайцев и других пушных зверей. Они шили теплые одежды из собольих, лисьих, волчьих, заячьих и других мехов. Также была развита охота на лося, медведя, диких оленей и других зверей. В якутском эпосе большинство героев — не только скотоводы, но и охотники. В якутском пантеоне одно из главных мест занимал бог охотников, дух, хозяин леса *Баай Байанай*. Способы охоты были разнообразны. Часть из них была заимствована от извечных охотников тайги — тунгусов, юкагиров и других народов Севера [2].

Материалы археологических раскопок рисуют домашний быт якутов. Жилища древних якутов — *кыргыс-етеки* — располагались около богатых рек и озер. В них обнаружены кости лошадей и коров, северных оленей, крупных рыб.

Жилища эти были сходны с поздней якутской юртой-балаганом. Снаружи древняя юрта имела вид усечен-



Якуты верхом на лошадях  
(фотограф Jochelson Waldemar, 1902 г.)

ной четырехгранной пирамиды. Каркас юрты состоял из столбов с балками, служившими опорой для стен из наклонно поставленных жердей или плах. Потолок был со скатами на две стороны. Снаружи юрту летом обмазывали глиной, а зимой — коровьим навозом или обкладывали дерном, на потолок сверху насыпали землю. Внутри юрты-балагана помещался обмазанный глиной очаг, или *камелек*, из глины и жердей. Рогатый скот помещали в той же юрте, отгородив его от жилой части жердями или плахами. Наряду с юртами-балаганами у якутов были берестяные жилища — урасы и легкие шалаши, в которых они жили в летнее время [2].

Зиму якуты проводят в усадьбах, в так называемых зимниках (*кысынгы джье*), лето — в летниках (*саилык*, или *саингы джье*). Зимники устраиваются обыкновенно среди лугов недалеко от зародов сена; летники — в горных падах, над речками или в *алаасах*, на расстоянии нескольких верст, впрочем, не больше 10 или 15 от зимников.

Кочует все население одновременно. Уже в половине апреля жители начинают навещать в свои летники, отгребая с крыши и со двора снег, подчищают и поправляют дома и молочные погреба, подвозят, пользуясь последним санным путем, сено, нужное для стельных коров, и более грузные вещи домашнего обихода. С исчезновением снега, приблизительно в конце апреля, а на севере — в конце мая, по проселочным дорогам, ведущим с долин рек вглубь тайги, начинается оживленное движение.

## СЕМЬЯ

Первичной ячейкой общественного строя якутов давно уже сделалась отдельная семья (*киэргэн*, или *ыал*), состоящая из мужа, жены и детей, однако часто включены и другие родственники, живущие вместе.



Летняя юрта якутов  
(фотограф Jochelson Waldemar, 1902 г.)



Зимнее жилище якутов  
(фотограф Jochelson Waldemar, 1902 г.)

Женатые сыновья обычно выделялись в особое хозяйство. Семья была моногамная, но еще не так давно, в начале XIX века, среди зажиточной части населения существовала и полигамия, хотя количество жен не превышало обычно двух-трех. Жены в таких случаях жили часто врозь, ведя каждая свое хозяйство; якуты объясняли этот обычай удобством ухода за скотом, распределенным между несколькими женами [1].

Заключению брака предшествовало сватовство, иногда задолго до события. Сохранились остатки экзогамии (известной еще по документам XVII века): до новейшего времени старались брать жену в чужом роде, а богатые, не ограничиваясь этим, искали невест по возможности в чужом *наслеге* и даже *улусе*. Высмотрев невесту, жених или его родители посылали своих родственников сватами. Последние с особыми церемониями и условным языком уговаривались с родителями невесты об их согласии и о размерах *калыма* (*халыым*, или *сулуу*). Согласия самой невесты в старину вовсе не спрашивали. *Калым* состоял из скота, но размеры его сильно колебались — от 1–2 до многих десятков голов. В состав калыма всегда входило и мясо битого скота. В конце XIX в. усилилось стремление переводить калым на деньги [3].

Часть калыма (*курум*) предназначалась для угощения во время свадебного пира (в документах XVII века слово *курум* означает иногда вообще *калым*). Уплата калыма считалась обязательной, выйти замуж без него девушка считала для себя бесчестьем. В добывании калыма жениху помогала родня, иногда даже отдаленные сородичи: в этом проявлялся старинный взгляд на свадьбу как на общеродовое дело. В распределении полученного калыма тоже участвовала родня невесты. Со своей стороны жених получал за невестой приданое (*эннэ*) — отчасти тоже скотом и мясом, но больше предметами одежды и утвари; ценность приданого составляла в среднем половину ценности калыма.

По данным О.Н. Дмитриевой [4], в свадебных обрядах якутов большую роль играл род. В старинных свадьбах участвовало много гостей, родня жениха и невесты, соседи и др. Торжества длились по несколько дней и состояли из обильных угощений, разных обрядов, развлечений — игр и плясок



Якутская невеста  
(фотограф Jochelson Waldemar, 1902 г.)

молодежи и пр. Ни жених, ни невеста не только не занимали центрального места во всех этих празднествах, но почти и не участвовали в них.

Традиционная якутская свадьба состоит из четырех этапов, каждый из которых характеризуется соблюдением определенных обрядов. Первую группу образуют обряды, сопровождающие сватовство (*кэргэн кэпсэтии*) и помолвку (*илии охсуһуу*). Вторая обрядовая группа характеризует первый свадебный праздник (*туһэ барар*), который происходил после уплаты части калыма в доме родителей невесты. Третья группа — это обряды, выполняемые во время главного свадебного торжества *уруу*, включающего переезд невесты в дом жениха (*кыыс суктэр*). Последняя группа обрядов характеризует временное возвращение молодой в дом родителей через некоторое время после *уруу* — *теркетту* [4].



Многодетная якутская семья  
(фотограф Jochelson Waldemar, 1902 г.)

Положение женщин как в семье, так и в общественной жизни было принижено. Муж — глава семьи — пользовался деспотической властью, и жена не могла даже жаловаться на дурное обращение, которое бывало довольно частым явлением, если не со стороны мужа, то со стороны его родни. Бесправная и беззащитная женщина-чужеродка, попавшая в новую семью, обременялась тяжелой работой.

Положение детей, несмотря на отмечаемую многими наблюдателями любовь к ним среди якутов, было тоже незавидным. Рождаемость у якутов была очень высокая. В большинстве семей рождалось от 5 до 10 детей, нередко до 20 и даже больше. Однако вследствие тяжелых условий жизни, плохого питания и ухода отмечалась и высокая детская смертность. Кроме родных детей во многих семьях, особенно где было мало детей, часто жили и приемные дети, которых нередко попросту покупали у бедняков [5].

## РОДЫ И УХОД ЗА НОВОРОЖДЕННЫМ

Родильную обрядность якутов составляют пять обрядовых комплексов, всесторонне характеризующих процесс появления нового человека. Первая группа обрядов — это обряды, «стимулирующие» деторождение. Основным среди них является обряд напрашивания ребенка

(*Айыһыт тардар*), совершаемый небесным шаманом (*айыы ойууна*). Вторую группу составляют обряды, выполняемые непосредственно во время родов. Среди послеродовых обрядов главную роль играет обряд проводов богини *Айыһыт атаары* (*Айыһыт*), который выполняется после захоронения последа [6].

Новорожденного (*нирэй ого*) обмывали, поливая водою из рта, иногда подогретой, а иногда холодной, и натирали его свежими сливками. Купание, по мнению якутов, предрасполагает к простуде, да оно и среди взрослых не в обычае. Зато ребенка часто натирали сливками, и чем чаще, тем это считалось полезнее. Мать кормила ребенка грудью долго, иногда до 4–5 лет, но наряду с этим ребенок получал и рожок с козовым молоком.

Якутская колыбель представляет собой продолговатый ящик из тонких гнутых дощечек, куда завернутого ребенка укладывали, привязывая ремнями, и оставляли так на долгое время, не вынимая; колыбелька снабжена желобом для стока мочи.

Спят дети обыкновенно в лубяной *зыбке*, похожей на небольшое продолговатое лукошко, с лубяным же навесом, приделанным над головой. Ребенок закрывается сверху меховым одеяльцем и зашнуровывается ремнями, привязанными к краям *зыбки*; под него же подстилают какое-нибудь старое тряпье, стружки или измельченное гнилое дерево, конечно, высушенное. Между ног помещают трубочку, приспособленную для стока мочи наружу. На ночь *зыбку* мать ставит около себя. Первые три дня новорожденного кормят мало. В иных местностях все эти три дня совсем не дают молока, а вместо него — жидкий чай и под-



Якутская люлька (фотограф Jochelson Waldemar, 1902 г.)



слащенную воду или соску из старой просфоры, сухарей, хлеба вообще. Затем мать начинает кормить грудью, а в случае недостатка молока ребенка сразу приучают к рожку и коровьему молоку [7].

Без рожка не обходится ни один якутский ребенок, так как у якуток обыкновенно молока немного. Грудью кормят детей очень долго. Особенно часто дают сосать ночью, ради успокоения ребенка; зато днем иногда долгие часы дитя лежит голодное, иззябшее, мокрое и неистово ревет на всю юрту, вперевод с привязанными в углу телятами; оно тщетно взывает к матери, работающей во дворе или сильно занятой внутри дома [2].

Через полгода ребенок начинает ползать, а около года — стоять и ходить. Как только дитя начало ползать, его спускают на пол, где оно шныряет по всей избе. С тех пор, как ребенок стал самостоятельно передвигаться, он должен сам себя развлекать, промышлять игрушки и отчасти пищу. Он поднимает и сует в рот всякие съедобные и несъедобные крохи, ест угли, ремни, гвозди; чего только не ест!.. От таких «лакомств» его часто рвет, за что получает от испуганной матери чувствительные шлепки. В этом возрасте якутские дети обыкновенно жирны и пухлы и отличаются от наших только смуглостью тела, да малыми размерами головы по сравнению со всем корпусом. В этом возрасте кормят их особенно старательно, и якуты сами ради этого готовы недоедать: «Ребенок нуждается в пище. Он слаб, ему труднее переносить голод... Долго ли ему умереть!» [2].

Подрастающие дети ползали обычно на земляном полу вместе с животными, полуголые или совсем голые, предоставленные сами себе, причем уход за ними нередко ограничивался привязыванием на длинный ремень к столбу, чтобы ребенок не попал в огонь. Уже с раннего возраста дети бедноты приучались исподволь к труду, исполняя посильные для них работы: сбор хвороста в лесу, уход за мелким скотом и пр.; девочек приучали к рукоделью и домашним занятиям. Дети *тойонов* (титул князька — главы отдельного племени якутов) получали лучший уход, их баловали и нежили.

Игрушек у детей было мало. Это были обычно самодельные, сделанные родителями, а иногда и самими детьми деревянные фигурки животных, маленькие луки и стрелы, маленькие домики и разная утварь, у девочек — куклы и их маленькие костюмчики, одеяла, подушки и пр. Игры якутских детей несложны и довольно однообразны. Харак-

терно отсутствие шумных массовых игр, вообще дети якутской бедноты росли обычно тихими, малоподвижными [7].

Если мать не кормит ребенка грудью, то на такого ребенка полагается полкоровы, т.е. половина ежедневного удоя от одной коровы. Если пищи в доме достаточно, то даже самые скудные кормят ребят вволю.

По мере того, как дети вырастают, порции их остаются все те же, часто даже уменьшаются. Как подспорье им отдают всякие объедки или предоставляют вылизывать посуду после старших. Нередко случается видеть якутского ребенка до того углубившимся в это задание, что из-под огромного котла или чашки, которые он для большего удобства, понятно, надевает на голову, видны только маленькие ножки да обхватывающие края посуды ручки [7].

### СОВРЕМЕННАЯ ЯКУТИЯ

В современной Якутии системе мероприятий по охране здоровья подрастающего поколения уделяется большое внимание. При этом особого внимания заслуживают вопросы правильной организации питания детей в наиболее уязвимом и сложном периоде — на первом году жизни, когда даже малейшие нарушения в питании могут привести к тяжелым, порой необратимым последствиям.

Якуты в основном проживают в сельской местности, и как в прошлые века заняты скотоводством. В среднем современные якуты в семьях имеют по 2–3 ребенка.

Анализ вскармливания детей грудного возраста в Республике Саха (Якутия) показал, что после выписки из роддома на грудном вскармливании находилось 62,1% детей городского и 55,9% сельского населения, на смешанном — 31,0 и 32,9%, на искусственном вскармливании с рождения — 6,9 и 11,2% детей соответственно.

Анализ динамики грудного вскармливания показал, что 21,9% детей в городской местности и 39,4% детей в сельской переводятся на смешанное вскармливание в среднем на 5-м месяце жизни. Эти же дети в большинстве своем переводятся в дальнейшем на искусствен-



*Мужчина с детьми  
(фотограф Jochelson Waldemar, 1902 г.)*

ное вскармливание на 8-м месяце. К одному году жизни процент детей, получающих грудное молоко, становится практически одинаковым как в городе, так и в селе, и составляет 29,6 и 21,8% соответственно. Из числа детей, находившихся на смешанном вскармливании с рождения, большинство (77,8% в городе и 84,1% в селе) переводятся на искусственное в 4–4,5 месяцев жизни. Общая средняя продолжительность грудного вскармливания в городской местности составляет 6,8 месяцев [8].

Детальный анализ характера питания в возрасте 4 месяцев показал: несмотря на то, что около 61% детей получают грудное молоко, на самом деле на исключительно грудном вскармливании находятся только 4,9% детей в городской и 0,9% в сельской местности. Остальные дети получают различные виды докорма: молочную смесь — 66,3% детей в городе и 58% детей в сельской местности; коровье молоко — 9,4 и 25,2%, кефир 19,4 и 15,9% соответственно. Основной причиной прекращения грудного вскармливания как в городе, так и в селе явилась гипогалактия (60,7 и 39,5%). В сельской местности 25,2% матерей в качестве докорма детям с 4 месяцев жизни используют коровье молоко, в городской — лишь 9,4%.

Распространенное использование цельного коровьего молока в питании детей первого года жизни влечет за собой целый комплекс неблагоприятных последствий. Коровье молоко является фактором, способствующим развитию железодефицитной анемии. Обобщенный анализ начала сроков введения прикорма не выявил достоверной разницы в городе и сельской местности, но анализ количества детей, получающих те или иные продукты в разные месяцы жизни, показал достоверные отличия. В сельской местности рацион детей достоверно беднее, чем в городской. Около половины детей в сельской местности к 6 месяцам не получают творога, яичного желтка. Как было показано, овощное пюре вводится поздно — около 7 месяцев в городе и около 8 месяцев в сельской местности. Детей, получающих овощи с 6 месяцев, в сельской местности также меньше. Особенно непопулярна капуста. Обращает внимание высокий процент детей, получающих мясной бульон с первых месяцев жизни: так к 4 месяцам в сельской местности бульон получают 28,57% детей, в городской — 18,81%. Это, возможно, связано со сложившейся традицией в северных регионах, где предпочтение отдается блюдам белково-липидного характера [8].

При анализе видов каш отмечено, что в сельской местности число детей, получающих овсяную, гречневую и рисовую каши, к 5 месяцам достоверно меньше, чем в городской. Статистически незначимы различия в получении детьми манной каши (в селе к 5 месяцам — 40,63%, в городе — 41,98%). Следствием выявленных нарушений в организации вскармливания грудных детей является постепенное развитие микронутриентной недостаточности, что влечет за собой рост заболеваемости и способствует развитию дефицитных состояний.

Показателем адекватности питания является нарастание массы тела ребенка. Среди обследованных детей показатели массы тела в 68% соответствовали возрастным нормам, в 27% — выявлен избыток, у 5% — дефицит. Избыток массы в 14% случаев констатирован среди детей, находившихся на смешанном (37%) и искусственном вскармливании (49%). Среди тех, кто с рождения находился на грудном вскармливании, избыток массы тела отмечен в 14%. Дефицит массы был отмечен среди детей второго полугодия, которые продолжали грудное вскармливание и плохо приучались к прикорму [8].

Таким образом, в традициях якутского народа прослеживается приобщение детей уже с маленького возраста к физическому труду, несмотря на постоянное проживание в условиях экстремального климата. Особенностью якутских семей была многодетность, но тяжелые условия жизни и быта, болезни и другие причины способствовали крайне низкой выживаемости детей. В современных условиях в якутских семьях в среднем имеется 2–3 ребенка, чаще отмечают искусственное вскармливание и более ранний переход малышей на заменители грудного молока. В качестве докорма используется коровье молоко, наблюдается отсутствие разнообразия потребляемых продуктов.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Долгих Б.О. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабара. *Советская энциклопедия*. 1950;4:169–173.
2. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб.: Изд-во ВСОРГО, 1896. Т. 1. 593 с. (Переизд.: М., 1993. 713 с.)
3. Сборник материалов по этнографии якутов. *Якутск: Якутгиз*, 1942. 252 с.
4. Дмитриева О.Н. Свадебные алгасы якутов: структура, поэтика, лексика: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. *Якутск*, 2011. 142 с.
5. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. *Новосибирск: Наука*, 1975. 198 с.

6. Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX вв.). *Якутск: Якут. кн. изд-во*, 1989. 158 с.
7. Прокопьева С.И., Ханды М.В., Нетребенко О.К. Питание и состояние здоровья детей первого года жизни в Республике Саха (Якутия). Питание — основа образа жизни и здоровья населения в условиях Севера. Сборник статей межрегиональной научно-практической конференции. *Якутск*, 2012. С. 38–42.

**Электронные издания:**

<http://www.pribaikal.ru/>

<http://arcticportal.ru/>

<http://oldchita.megalink.ru/>

<http://tungusy.ru>

<http://www.narodsevera.ru>

<http://www.emaproject.com/>

<http://rubur.ru/article/detskie-ljulki>

## Современные возможности сохранения естественного вскармливания у детей первых месяцев жизни, имеющих нарушения в состоянии здоровья

Проблема сохранения и пролонгирования грудного вскармливания актуальна для многих стран мира. Это особенно важно у недоношенных и детей, родившихся с различной перинатальной патологией. В научной литературе определены основные причины отлучения от груди: возобновление трудовой деятельности кормящей матери, нехватка молока, отказ ребенка от груди, недостаточная информированность матери. В статье приводятся результаты двух исследований, проведенных на базе Научного центра здоровья детей. Результаты медико-психолого-педагогического анкетирования 85 матерей недоношенных детей обнаружили недостаточную работу медицинского персонала по вопросам сохранения грудного вскармливания в целом, а также детям, родившимся с перинатальной патологией; потребность молодых женщин и их семей в получении информации о необходимости грудного вскармливания, в обучении и помощи в ходе выполнения своих родительских функций. Результатом исследования стало создание рекомендаций по поддержке грудного вскармливания. Важность задачи заключается в обеспечении возможности возвращения к полному грудному вскармливанию при вынужденном отлучении от груди, а также в случае докорма/смешанного вскармливания. Ре-

зультаты второго исследования ( $n = 33$ ) показали, что использование у детей группы риска по прекращению грудного вскармливания специальных медицинских изделий (соски, бутылочки), разработанных на основе тщательного изучения физиологии сосания материнской груди, позволяет сохранить потребность детей в нем и обеспечивает эффективное возвращение ребенка к груди матери.

**Подробнее об исследовании можно прочесть в статье** Намазова-Баранова Л.С., Турти Т.В., Беляева И.А., Зимина Е.П., Лазуренко С.Б., Митиш М.Д., Бакович Е.А., Ртищева М.С., Савватеева Н.Ю. Современные возможности сохранения естественного вскармливания у детей первых месяцев жизни, имеющих нарушения в состоянии здоровья. *Педиатрическая фармакология*. 2014; 11 (3): 70–74.

\* \* \*

## Клинические исследования образцов бутылочек **Pigeon Peristaltic PLUS™**

Научное исследование выполнено ФГБУ «Научный центр здоровья детей» РАМН в соответствии с принципами надлежащей клинической практики (GCP), действующих в странах ЕС с 1991 г. (European Good Clinical Practis Guidelines, 1991), директивными указаниями МЗ РФ и практикой проведения наблюдательных исследований в ФГБУ «Научный центр здоровья детей» РАМН и в других лечебных и лечебно-профилактических учреждениях Российской Федерации.

Целью исследования являлась оценка и обоснование возможности сохранения грудного вскармливания при кормлении ребенка с использованием бутылочки **Pigeon Peristaltic PLUS** с точки зрения физиологии естественного сосания младенцем. Сроки исследования: с 20 апреля по 30 ноября 2013 г.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:



Использование бутылочек с сосками **Pigeon Peristaltic PLUS™** эффективно уменьшает частоту аэрофагии, колик, способствует нормализации частоты стула, помогает обеспечить благополучное и полноценное грудное вскармливание детям, матери которых испытывают трудности при становлении лактации (недостаток грудного молока) или при прикладывании к груди (трещины соска, плоский, тугой сосок). Бутылочки с сосками **Pigeon Peristaltic PLUS™** помогают полностью возобновить грудное вскармливание детям, временно вынужденно отлученным от груди, при затяжном течении перинатальной патологии (конъюгационная желтуха) или выраженных кишечных дисфункциях (лактазная недостаточность, колики). Вскармливание новорожденных, в том числе недоношенных детей, в раннем восстановительном периоде перинатальной патологии (перинатальное поражение центральной нервной системы, синдром дыхательных расстройств, пневмония) с использованием бутылочек с сосками **Pigeon Peristaltic PLUS™** помогает по мере стабилизации их состояния благополучному прикладыванию к груди матери.

Таким образом, бутылочки с сосками **Pigeon Peristaltic PLUS™** могут быть рекомендованы в период становления, для возобновления и сохранения грудного вскармливания новорожденным и грудным детям:

- на этапе преодоления трудностей при становлении лактации у их матерей;
- при переходе от зондового питания к кормлению из груди у новорожденных, в том числе недоношенных детей, с перинатальной патологией;
- для детей, временно отлученных от груди при ухудшении их состояния или болезни матери.



## От инноваций — к заботе о здоровье малышей

Известно, что состав грудного молока очень изменчив и зависит от множества факторов. На сегодняшний день далеко не все компоненты грудного молока детально изучены, а некоторые структуры вообще не определены. Изучение состава грудного молока помогает понять механизмы его уникальных эффектов на здоровье детей.

На протяжении 40 лет, начиная с 1977 г., в научно-исследовательском центре компании Nutricia ведутся исследования состава и свойств грудного молока. За это время были сделаны важнейшие открытия, во многом перевернувшие наши представления о грудном молоке. Так, в 1994 г. была определена структура пребиотиков-олигосахаридов грудного молока, состоящая из длинноцепочечных и короткоцепочечных олигосахаридов. [1] Основываясь на этих знаниях, Nutricia создала уникальный комплекс пребиотиков scGOS/lcFOS в пропорции 9:1 и добавила этот компонент в детские смеси по подобию олигосахаридов грудного молока. Клинические эффекты комплекса scGOS/lcFOS были доказаны в 30 исследованиях и описаны более чем в 55 публикациях. В 2003 г. в составе грудного молока были обнаружены бифидо- и лактобактерии [2], а в 2016 — открыто более 600 новых белков [3].

На основе инновационных знаний, полученных в исследовательском центре, создаются продукты Nutricia для вскармливания детей, которые по раз-



личным причинам не могут получать грудное молоко или нуждаются в специализированных смесях.

Изучив жировой состав грудного молока, Nutricia первая в мире добавила в состав детских смесей длинноцепочечные полиненасыщенные жирные кислоты (ДЦПНЖК). На сегодняшний день международные эксперты по питанию признают необходимость и важность ДЦПНЖК для развития головного мозга и органов зрения ребенка.

Для недоношенных детей, находящихся на грудном вскармливании, создан уникальный продукт «Nutrilon® Обогачитель грудного молока», который позволяет удовлетворить высокие потребности недоношенных детей в белке, витаминах и минералах. Дополнительное обогащение грудного молока позволяет сохранить грудное вскармливание, особенно важное для таких детей, и при этом обеспечить недоношенного ребенка всеми необходимыми нутриентами для здорового роста и развития.

### ЛИТЕРАТУРА

---

1. Stahl B, Thurl S, Zeng J, Karas M, Hillenkamp F, Steup M, Sawatzki G. Oligosaccharides from human milk as revealed by matrix-assisted laser desorption/ionization mass spectrometry. *Anal Biochem.* 1994;223:218–26.
2. Martin R, Langa S, Reviriego C, Jiminez E, Marin ML, Xaus J, Rodriguez JM. Human milk is a source of lactic acid bacteria for the infant gut. *J Pediatr.* 2003;143(6):754–758.
3. Van Herwijnen MJ, et al. *Mol Cell Proteomics.* 2016;15(11):3412–23.

# АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

## ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ



### ***Захарова Ирина Николаевна,***

доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач России, заведующая кафедрой педиатрии Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования (Москва), главный педиатр Центрального федерального округа России, почетный профессор Национального научно-практического центра здоровья детей (Москва). Председатель Диссертационного Совета Д 208.071.01 «Педиатрия и детская хирургия», член Исполкома Союза педиатров России, полный член ESPGHAN, EAACI, ERS, главный редактор журнала «Concillium Medicum. Педиатрия»

**Адрес:** 123480, Москва, ул. Героев-Панфиловцев, д. 28,  
**тел.:** +7 (495) 496-52-38, **e-mail:** zakharova-rmapo@yandex.ru



### ***Намазова-Баранова Лейла Сеймуровна,***

академик РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора НМИЦ здоровья детей по научной работе — директор НИИ педиатрии НМИЦ здоровья детей, заведующая кафедрой факультетской педиатрии педиатрического факультета РНИМУ им. Н. И. Пирогова, советник ВОЗ, член Исполкома Международной педиатрической ассоциации, Президент Европейской педиатрической ассоциации (EPA/UNEPSA), Председатель Исполкома Союза педиатров России, главный редактор журнала «Педиатрическая фармакология»

**Адрес:** 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 2/62,  
**тел.:** +7 (495) 967-14-14, **e-mail:** namazova@nczd.ru

## КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ



**Абольшан Любовь Викторовна**, доктор медицинских наук, главный специалист Департамента общественного здоровья Института лидерства и управления здравоохранением Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова; руководитель Научно-практического центра по пропаганде, поддержке и поощрению грудного вскармливания Минздрава России; Национальный координатор Инициативы ВОЗ/ЮНИСЕФ «Больница, доброжелательная к ребенку»; председатель Российской ассоциации врачей в поддержку грудного вскармливания; член Международной ассоциации консультантов по грудному вскармливанию, Международной академии грудного вскармливания; международный сертифицированный консультант по грудному вскармливанию

**Адрес:** 119048, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 1, НИЦ,  
**тел.:** +7 (495) 622-95-19, **e-mail:** labolyan@mail.ru



**Алискандиев Алаудин Магомедович**, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой факультетской и госпитальной педиатрии, декан педиатрического факультета Дагестанской государственной медицинской академии

**Адрес:** 367027, Республика Дагестан, Махачкала,  
пр-т А. Акушинского, ул. 7-я линия, д. 2-а,  
**тел.:** +7 (8722) 51-86-01, **e-mail:** DRKB@mail.ru



**Амарян Гаяне Геворговна**, доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии № 2 Ереванского государственного медицинского университета; руководитель гастроэнтерологической/гепатологической службы и Республиканского детского центра периодической болезни медицинского комплекса «Арабкир» — Институт здоровья детей и подростков. Член Европейского общества детских гастроэнтерологов, гепатологов и нутрициологов (ESPGHAN), Международной организации детских ревматологов (PRINTO), Международной организации по изучению аутовоспалительных заболеваний (ISSAID)

**Адрес:** Ереван, Мамиконяни, д. 30, 0004, Армения,  
**тел.:** +374 (10) 23-68-83 (внутр. 1213),  
**e-mail:** gayaneamaryan@yahoo.com



**Артыева Анна Александровна**, заместитель директора Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского

**Адрес:** 629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, Салехард, ул. Чубынина, д. 38, **тел.:** +7 (34922) 4-79-95, **e-mail:** mvk@dk.yanao.ru



**Аскандарян Анаит Оганесовна**, преподаватель кафедры педиатрии № 2 Ереванского государственного медицинского университета им. Мх. Гераци, заведующая детским отделением поликлиники Республиканского медицинского центра «Армения»

**Адрес:** Республика Армения, г. Ереван — 078, Ул. Маркарян, д. 6/3, **тел.:** + 374 (10) 31-82-32, **e-mail:** doc\_ann@yahoo.com



**Атаниязова Орал Аминовна**, доктор медицинских наук, профессор, ректор Нукусского филиала Ташкентского педиатрического медицинского института

**Адрес:** 230105, Республика Узбекистан, Республика Каракалпакстан, Нукус, ул. Досназарова, д. 108, **тел.:** +998-97-767-88-55, **e-mail:** nukusmed@mail.ru, atoral@yandex.ru



**Балыкова Лариса Александровна**, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой педиатрии, директор Медицинского института ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», руководитель Мордовского регионального отделения Союза педиатров России, заслуженный деятель науки Республики Мордовия

**Адрес:** 430032, Саранск, ул. Ульянова, д. 32А, **тел.:** +7 (8342) 32-19-83, **e-mail:** doctor@is.mrsu.ru, inst-med@adm.mrsu.ru



**Бикбулатова Айгуль Мухаметовна**, начальник отдела информационной, сводно-аналитической работы и библиотечного маркетинга Национальной библиотеки им. А.-З. Валиди

**Адрес:** 450077, Уфа, ул. Ленина, д. 4, **тел.:** +7 (347) 272-04-89, **e-mail:** bashnl@bashnl.ru



**Болотова Нина Викторовна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой пропедевтики детских болезней, детской эндокринологии и диабетологии Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского, председатель регионального отделе-

ния Союза педиатров России, заслуженный врач РФ

**Адрес:** 410012, Саратов, ул. Б. Казачья, д. 112,  
**тел.:** +7 (903) 328-79-92, **e-mail:** kafedranv@mail.ru



**Боровик Татьяна Эдуардовна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая отделением питания здорового и больного ребенка НИИ педиатрии ННПЦЗД  
**Адрес:** 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 2, стр. 1,  
**тел.:** +7 (495) 132-26-00, **e-mail:** borovik@nczd.ru



**Ботникова Елена Аркадьевна**, кандидат медицинских наук, ассистент кафедры пропедевтики детских болезней с курсом поликлинической педиатрии ГБОУ ВПО «Ижевская государственная медицинская академия» Минздрава России  
**Адрес:** 426034, Республика Удмуртия, Ижевск, ул. Коммунаров, д. 281,  
**тел.:** +7 (3412) 36-23-77, **e-mail:** kafedrapdb@yandex.ru



**Валиева Санубар Таги** кызы, кандидат медицинских наук, доцент кафедры педиатрии Азербайджанского государственного института усовершенствования врачей им. А. Алиева  
**Адрес:** AZ1012, Республика Азербайджан, Баку, Тбилисский пр-т, 3165-й кв-л, Ясамальский р-н,  
**тел.:** +99 (4556) 31-11-33, **e-mail:** sanubar@yandex.ru



**Васильев Дмитрий Викторович**, кандидат исторических наук, археолог, заведующий археологической лабораторией Астраханского государственного университета, научный сотрудник отдела фондов Астраханского музея-заповедника  
**Адрес:** 414056, Астрахань, ул. Татищева, д. 20 а,  
**тел.:** +7 (8512) 49-41-56, **e-mail:** astmusei@yandex.ru



**Вахлова Ирина Вениаминовна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой госпитальной педиатрии Уральского государственного медицинского университета  
**Адрес:** 620028, Екатеринбург, ул. Репина, д. 3,  
**тел.:** +7 (343) 272-91-05, **e-mail:** asu@asu.edu.ru



**Власова Наталья Владимировна**, научный сотрудник отдела истории Астраханского музея-заповедника  
**Адрес:** 414000, Астрахань, ул. Советская, д. 15,  
**тел.:** +7 (8512) 51-14-29,  
**e-mail:** astmusei@yandex.ru



**Вялкова Альбина Александровна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой факультетской педиатрии, эндокринологии Оренбургского государственного медицинского университета, президент Оренбургского регионального отделения Союза педиатров России, заслуженный врач РФ  
**Адрес:** 460000, Оренбург, ул. Советская, д. 6,  
**тел.:** +7 (353) 273-70-12, **e-mail:** k\_pediatriy@orgma.ru



**Гасилина Елена Станиславовна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой детских инфекций Самарского государственного медицинского университета, член Союза педиатров России и Российского общества детских инфекционистов  
**Адрес:** 443011, Самара, ул. Чапаевская, д. 89,  
**тел.:** +7 (846) 994-75-38, **e-mail:** gasilinaes@mail.ru



**Горбанева Ксения Евгеньевна**, студентка 3-го курса педиатрического факультета Оренбургского государственного медицинского университета  
**Адрес:** 460000, Оренбург, ул. Советская, д. 6,  
**тел.:** +7 (912) 349-80-75, **e-mail:** qorbanewa3105@mail.ru



**Гордиенко Любовь Михайловна**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры факультетской педиатрии Оренбургского государственного медицинского университета  
**Адрес:** 460000, Оренбург, ул. Советская, д. 6,  
**тел.:** +7 (353) 273-70-12, **e-mail:** GordienkoLMoren@mail.ru



**Дакинова Людмила Николаевна**, кандидат медицинских наук, заведующая кабинетом грудного вскармливания Перинатального центра им. О.А. Шунгаевой, член Совета Российской ассоциации врачей в поддержку грудного вскармливания, национальный преподаватель, эксперт и координатор Инициативы ВОЗ/ЮНИСЕФ «Больница, доброжелательная к ребенку» по Республике Калмыкия  
**Адрес:** 358000, Элиста, ул. Ленина, д. 22,  
**тел.:** +7 (847) 223-37-58, **e-mail:** ldakinova@yandex.ru



**Даутова Лилиана Анасовна**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры акушерства и гинекологии № 2 Башкирского государственного медицинского университета, национальный преподаватель и эксперт Инициативы ВОЗ/ЮНИСЕФ «Больница, доброжелательная к ребенку», член

Российской ассоциации врачей в поддержку грудного вскармливания

**Адрес:** 450008, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Ленина, д. 3,  
**тел.:** +7 (347) 272-41-73, **e-mail:** lili.d5@yandex.ru



**Дашкина Регина Амировна**, студентка 4-го курса педиатрического факультета Оренбургского государственного медицинского университета

**Адрес:** 460000, Оренбург, ул. Советская, д. 6,  
**тел.:** +7 (919) 842-96-94, **e-mail:** rina-tsarina@mail.ru



**Дмитриев Андрей Владимирович**, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой детских болезней с курсом госпитальной педиатрии Рязанского государственного медицинского университета, заместитель главного врача Рязанского областного клинического перинатального центра

**Адрес:** 390026, Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9,  
**тел.:** +7 (4912) 33-72-32, **e-mail:** aakavd@yandex.ru



**Долиншек Йерней** (Dolinšek Jernej), доктор медицины, доктор философии, Мариборский университет, медицинский факультет

**Адрес:** Словения, Любляна, Дунайска цеста, д. 106,  
**тел.:** +386 (059) 043-716



**Дронова Елена Геннадьевна**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры пропедевтики детских болезней, детской эндокринологии и диабетологии Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского, секретарь регионального отделения Союза педиатров России

**Адрес:** 410012, Саратов, ул. Б. Казачья, д. 112,  
**тел.:** +7 (903) 382-17-66, **e-mail:** eldronova@mail.ru



**Дюбкова Татьяна Петровна**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры экологии человека факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета

**Адрес:** 220030, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, д. 4,  
**тел.:** +3 (7529) 624-33-65, **e-mail:** djubkova\_t\_p@mail.ru





**Евлоева Пятимат Магометовна**, кандидат медицинских наук, заместитель главного врача по организационно-методической и информационно-аналитической работе Перинатального центра Республики Ингушетия, координатор Инициативы ВОЗ/ЮНИСЕФ «Больница, доброжелательная к ребенку» и Программы по охране, поддержке и поощрению грудного вскармливания по Республике Ингушетия, заслуженный врач Республики Ингушетия  
**Адрес:** 386140, Республика Ингушетия, Назрань, ул. Халмурзиева, д. 24,  
**тел.:** +7 (8732) 22-00-26, **e-mail:** evloeva-f-m@mail.ru



**Елкина Татьяна Николаевна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой поликлинической педиатрии Новосибирского государственного медицинского университета  
**Адрес:** 630091, Новосибирск, Красный пр-кт, д. 52,  
**тел.:** +7 (383) 267-26-22, **e-mail:** elkinasib@mail.ru



**Ермакова Маргарита Кузьминична**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой пропедевтики детских болезней с курсом поликлинической педиатрии Ижевской государственной медицинской академии  
**Адрес:** 426034, Ижевск, ул. Коммунаров, д. 281,  
**тел.:** +7 (3412) 36-23-77, **e-mail:** ermakovamk2@rambler.ru, kafedrapdb@yandex.ru



**Жерносек Владимир Фёдорович**, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой поликлинической педиатрии Белорусской медицинской академии последипломного образования (Минск), главный детский аллерголог Минздрава Республики Беларусь, руководитель Республиканского центра детской аллергологии, председатель консультативного комитета по вакцинопрофилактике при Минздраве Республики Беларусь  
**Адрес:** 220013, Республика Беларусь, Минск, ул. П. Бровки, д. 3, корп. 3,  
**тел.:** +375 (17) 265-59-88, **e-mail:** zhernosek\_v\_f@mail.ru



**Зубов Леонид Александрович**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры педиатрии Северного государственного медицинского университета, председатель регионального отделения Ассоциации детских кардиологов России, старший



**Ильенкова Наталья Анатольевна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой детских болезней с курсом последиplomного образования

**Адрес:** 660022, Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 1,  
**тел.:** +7 (3912) 64-09-61 (кафедра), **e-mail:** [ilenkova1@mail.ru](mailto:ilenkova1@mail.ru)



**Инокния Ангелина (Косарева Анастасия Александровна)**, врач-педиатр Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Ясная Поляна», инокиня Свято-Варсонофиевского женского монастыря

**Адрес:** 431110, Республика Мордовия, Zubovo-Polyanskiy район, поселок Ясная Поляна, ул. Попова, д. 1,  
**тел.:** +7 (834) 583-95-33, **e-mail:** [anastasia.kosareva@mail.ru](mailto:anastasia.kosareva@mail.ru)



**Казакова Елизавета Петровна**, заведующая отделом истории Астраханского музея-заповедника

**Адрес:** 414000, Астрахань, ул. Советская, д. 15,  
**тел.:** +7 (8512) 51-14-29, **e-mail:** [lizon17@yandex.ru](mailto:lizon17@yandex.ru)



**Каменева Ольга Павловна**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры госпитальной педиатрии с курсом последиplomного образования Астраханского государственного медицинского университета

**Адрес:** 414000, Астрахань, ул. Бакинская, д. 121,  
**тел.:** +7 (927) 282-27-35, **e-mail:** [agma@astranet.ru](mailto:agma@astranet.ru)



**Камилова Алтиной Турсунбаевна**, доктор медицинских наук, профессор, руководитель отдела гастроэнтерологии Республиканского специализированного научно-практического медицинского центра педиатрии Минздрава Республики Узбекистан, председатель общественного объединения детских гастроэнтерологов и нутрициологов Узбекистана

**Адрес:** 100179, Республика Узбекистан, Ташкент, ул. 2-й Чимбай, проезд Талант, д. 3,  
**тел.:** +998712298984, **e-mail:** [okamilova@mail.ru](mailto:okamilova@mail.ru)



**Костинина Людмила Владимировна**, художник-фотограф Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского

**Адрес:** 629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, Салехард, ул. Чубынина, д. 38,  
**тел.:** +7 (34922) 4-79-95, **e-mail:** mvk@dk.yanao.ru

**Крепышева Мария Евгеньевна**, ординатор кафедры пропедевтики детских болезней и педиатрии ГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный медицинский университет Минздрава РФ»

**Адрес:** 454092, Челябинск, ул. Воровского, д. 64,  
**тел.:** +7 (351) 904-36-16, **e-mail:** propeddet@mail.ru



**Кулакова Светлана Валерьевна**, врач-интерн кафедры пропедевтики детских болезней, детской эндокринологии и диabetологии Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского

**Адрес:** 410012, Саратов, ул. Большая Садовая, д. 137,  
**тел.:** +7 (8452) 52-51-87, **e-mail:** kafedranv@mail.ru



**Ладодо Калерия Сергеевна**, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник отделения питания здорового и больного ребенка НИИ педиатрии ННПЦЗД

**Адрес:** 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 2, стр. 1,  
**тел.:** +7 (495) 132-26-00, **e-mail:** borovik@nczd.ru



**Леписева Инга Владимировна**, главный врач Детской республиканской больницы г. Петрозаводска

**Адрес:** 185002, Республика Карелия, Петрозаводск, ул. Парковая, д. 58, **e-mail:** lepiseva@mail.ru



**Липатова Людмила Фёдоровна**, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского

**Адрес:** 629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, Салехард, ул. Чубынина, д. 38,  
**тел.:** +7 (34922) 4-79-95, **e-mail:** mvk@dk.yanao.ru



**Лугинова Евдокия Федоровна**, кандидат медицинских наук, руководитель Детского прототуберкулезного диспансера ГБУ «Научно-практический центр "Фтизиатрия"»

**Адрес:** 677005, Якутск, ул. Петра Алексеева, 93,  
**тел.:** +7 (4112) 40-38-93, **e-mail:** luginovaef@mail.ru



**Мальцев Станислав Викторович**, доктор медицинских наук, профессор, главный специалист Детской республиканской клинической больницы Минздрава Республики Татарстан, профессор кафедры педиатрии Казанского государственного медицинского университета, заслуженный деятель науки РФ и РТ

**Адрес:** 420034, Республика Татарстан, Казань, ул. Декабристов, д. 125А, **тел.:** +7 (843) 562-52-66, **e-mail:** ksma@mi.ru



**Малявская Светлана Ивановна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой педиатрии Северного государственного медицинского университета, председатель региональной общественной организации «Общество педиатров» Союза педиатров России

**Адрес:** 163000, Архангельск, пр-т Троицкий, д. 51, **тел.:** +7 (8182) 68-29-30, **e-mail:** malyavskaya@yandex.ru



**Манджавидзе Тамар**, доктор медицинских наук, врач-педиатр, сотрудник Министерства здравоохранения Грузии

**Адрес:** 0121, Республика Грузия, Тбилиси, проспект Церетели, д. 144, **тел.:** +995 (32) 251-00-34, **e-mail:** info@moh.gov.ge



**Мансурова Гузель Шамилевна**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры неотложной медицинской помощи и симуляционной медицины Института фундаментальной медицины и биологии Казанского федерального университета

**Адрес:** 420015, Республика Татарстан, Казань, ул. К. Маркса, д. 74, **тел.:** +7 (843) 236-78-92, **e-mail:** GSMansurova@kpfu.ru



**Мартынович Наталья Николаевна**, врач-нефролог, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой педиатрии № 1 Иркутского государственного медицинского университета

**Адрес:** 664022, Иркутск, бульвар Гагарина, д. 4, **тел.:** +7 (3952) 24-19-89, **e-mail:** n.martynovich@ismu.baikal.ru



**Матвеева Лариса Петровна**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры пропедевтики детских болезней с курсом поликлинической педиатрии Ижевской государственной медицинской академии

**Адрес:** 426034, Республика Удмуртия, Ижевск,  
ул. Коммунаров, д. 281, **тел.:** +7 (3412) 36-23-77,  
**e-mail:** ms.lara.matveeva@mail.ru, kafedrapdb@yandex.ru



**Мачнева Елена Борисовна**, кандидат медицинских наук, ассистент кафедры педиатрии Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования  
**Адрес:** 123480, Москва, ул. Героев Панфиловцев, д. 2,  
**тел.:** +7 (495) 496-52-38, **e-mail:** kafedra25@yandex.ru



**Минаева Наталия Витальевна**, доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии факультета дополнительного профессионального образования Пермского государственного медицинского университета им. акад. Е.А. Вагнера  
**Адрес:** 614000, Пермь, ул. Петропавловская, д. 26,  
**тел.:** +7 (342) 212-79-16, **e-mail:** docsnvt@mail.ru



**Мичетис-Турк Душанка** (Mičetić-Turk Dušanka), доктор медицины, профессор  
**Адрес:** Словения, Любляна, Дунайска цеста, д. 106,  
**тел.:** +386 (059) 043-716

**Нагайкина Светлана Ивановна**, научный сотрудник отдела фондов Астраханского музея-заповедника, хранитель фонда «Фотография»  
**Адрес:** 414000, Астрахань, ул. Советская, д. 15,  
**тел.:** +7 (8512) 51-14-29, **e-mail:** astmusei@yandex.ru



**Никитина Ирина Леоровна**, доктор медицинских наук, заведующая кафедрой детских болезней, заведующая научно-исследовательской лабораторией детской эндокринологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова» Минздрава РФ, врач высшей категории, отличник здравоохранения РФ  
**Адрес:** 197571, Санкт-Петербург, ул. Аккуратова, д. 2,  
**тел.:** +7 (812) 431-69-19, **e-mail:** nikitina0901@gmail.com



**Новикова Светлана Викторовна**, аспирант Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова по специальности «Общественное здоровье и здравоохранение»  
**Адрес:** 119048, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 1, НИЦ,  
**тел.:** +7 (495) 622-95-19, **e-mail:** mrs.s.novikova@gmail.com



**Олимова Клавдия Сергеевна**, доктор медицинских наук, профессор, руководитель отдела неонатологии Научно-клинического центра педиатрии и детской хирургии Министерства здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан

**Адрес:** Республика Таджикистан, Душанбе, пр-т Исмоили Сомони, д. 59, стр. 7,  
**тел.:** +992 (372) 236-85-52,  
**e-mail:** klavdiya.olimova@mail.ru



**Пашкова Ольга Анатольевна**, студентка 4-го курса педиатрического факультета Оренбургского государственного медицинского университета

**Адрес:** 460000, Оренбург, ул. Советская, д. 6,  
**тел.:** +7 (905) 889-04-41, **e-mail:** olechka\_94\_09@mail.ru



**Первишко Олеся Валерьевна**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры педиатрии № 1 Кубанского государственного медицинского университета

**Адрес:** 350063, Краснодар, ул. Седина, д. 4,  
**тел.:** +7 (861) 268-15-02, **e-mail:** ole-pervishko@yandex.ru



**Петрушина Антонина Дмитриевна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой педиатрии факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов Тюменского государственного медицинского университета, заслуженный врач РФ

**Адрес:** 625023, Тюмень, ул. Одесская, д. 54,  
**тел.:** +7 (908) 873-35-72, **e-mail:** inpr@tyumsmu.ru

**Погачар Майя Шикис** (Pogačar Maja Šikić), бакалавр наук

**Адрес:** Словения, Любляна, Дунайска цеста, д. 106,  
**тел.:** +386 (059) 043-716



**Саввина Надежда Валерьевна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой общественного здоровья и здравоохранения с курсом ДПО Медицинского института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, врач-педиатр высшей квалификационной категории

**Адрес:** 677000, Якутск, ул. Ойунского, д. 27,  
**тел.:** +7 (4112) 36-34-89, **e-mail:** nadvsavvina@mail.ru



**Самошкина Елена Семёновна**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры педиатрии, директор Медицинского института ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»  
**Адрес:** 430032, Республика Мордовия, Саранск,  
ул. Р. Люксембург, д. 15, **тел.:** +7 (8342) 35-30-03,  
**e-mail:** chairped@yandex.ru, inst-med@adm.mrsu.ru



**Сарсенбаева Зоя Бек-Айдаровна**, кандидат медицинских наук, доцент, врач высшей категории, сертифицированный нутрициолог, консультант-педиатр, семейный доктор Медицинского центра «У доктора ЗБС»  
**Адрес:** 050000, Республика Казахстан, Алматы, Толе-би, д. 94,  
**тел.:** +7 (727) 338-70-56, **e-mail:** tako@kazntmu.kz



**Сарсенбаева Сауле Сергазиевна**, доктор медицинских наук, профессор кафедры интернатуры и резидентуры по педиатрии Казахского национального медицинского университета имени Санджара Асфендиярова  
**Адрес:** 050000, Республика Казахстан, Алматы, Толе-би, д. 94,  
**тел.:** +7 (727) 338-70-56, **e-mail:** tako@kazntmu.kz



**Сатмуханбетова Гузель Корганбековна**, студентка 4-го курса педиатрического факультета Оренбургского государственного медицинского университета  
**Адрес:** 460000, Оренбург, ул. Советская, д. 6,  
**тел.:** +7 (922) 827-82-09, **e-mail:** wadim2@mail.ru



**Соболева Наталья Геннадьевна**, доктор медицинских наук, заведующая кафедрой детских болезней с курсом аллергологии и иммунологии Кубанского медицинского института  
**Адрес:** Краснодар, ул. Буденного, д. 198,  
**тел.:** +7 (861) 255-46-07, **e-mail:** natalia.soboleva@rambler.ru



**Супрун Стефания Викторовна**, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник Хабаровского филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания» — Научно-исследовательский институт охраны материнства и детства, врач-педиатр высшей категории, профессор кафедры социальной педиатрии и здорового ребенка ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Минздрава России

**Адрес:** 680022, Хабаровск, ул. Воронежская, д. 49, кор. 1,  
**тел.:** +7 (4212) 700-591, **e-mail:** evg-suprun@yandex.ru



**Сурвиладзе Майя**, доктор медицины, профессор Грузинского университета им. Давида Агмашенебели

**Адрес:** Республика Грузия, Тбилиси, пр-т Чавчавадзе, д. 25,  
**тел.:** +995 (32) 225-27-88, **e-mail:** info@sdasu.edu.ge



**Тарасевич Надежда Алексеевна**, доцент кафедры народной художественной культуры Новосибирского государственного педагогического университета Министерства высшего образования РФ, член Союза художников России

**Адрес:** 630090, Новосибирск, ул. Академическая, д. 36,  
**тел.:** +7 (383) 333-18-20, **e-mail:** ntpararam@gmail.com



**Таркова Радмила Анатольевна**, кандидат исторических наук, краевед, научный сотрудник Астраханского музея-заповедника

**Адрес:** 414000, Астрахань, ул. Советская, д. 15,  
**тел.:** +7 (8512) 51-14-29, **e-mail:** astmusei@yandex.ru



**Тютюник Людмила Павловна**, очный аспирант кафедры детских инфекций Самарского государственного медицинского университета

**Адрес:** 443029, Самара, ул. Ново-Садовая, д. 222,  
**тел.:** +7 (846) 994-75-38, **e-mail:** Mila6307@list.ru



**Узунова Анна Николаевна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой пропедевтики детских болезней и педиатрии ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный медицинский университет» Минздрава России

**Адрес:** 454092, Челябинск, ул. Воровского, д. 64,  
**тел.:** +7 (351) 904-36-16, **e-mail:** propeddet@mail.ru

**Харламов Илья Андреевич**, ординатор кафедры пропедевтики детских болезней и педиатрии ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный медицинский университет» Минздрава России

**Адрес:** 454092, Челябинск, ул. Воровского, д. 64,  
**тел.:** +7 (351) 904-36-16, **e-mail:** Holydante2@mail.ru



**Фурцев Владимир Иванович**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры поликлинической педиатрии и пропедевтики детских болезней с курсом последипломного образования Красноярского государственного медицинского



университета им. В.Ф. Войно-Ясенецкого, национальный эксперт глобальной инициативы ВОЗ/UNICEF «Больница, доброжелательная к ребенку», главный специалист по детскому питанию Министерства здравоохранения администрации Красноярского края, научный консультант Красноярского центра грудного вскармливания

*Адрес:* 660125, Красноярск, ул. Урванцева, д. 30 А,

*e-mail:* [nyugal@mail.ru](mailto:nyugal@mail.ru)



**Чхаидзе Иване**, доктор медицинских наук, профессор Департамента педиатрии Тбилисского государственного медицинского университета

*Адрес:* Республика Грузия, Тбилиси, ул. Важа Пшавела, д. 33,

*тел.:* +995 (32) 254-24-03



**Шашель Виктория Алексеевна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой педиатрии № 1 Кубанского государственного медицинского университета

*Адрес:* 350063, Краснодар, ул. Постовая, д. 18,

*тел.:* +7 (861) 268-68-70, *e-mail:* [veta52@list.ru](mailto:veta52@list.ru)



**Шуйскова Ольга Александровна**, студентка 4-го курса педиатрического факультета Оренбургского государственного медицинского университета

*Адрес:* 460000, Оренбург, ул. Советская, д. 6,

*тел.:* +7 (961) 906-93-17, *e-mail:* [olga.shuisk@mail.ru](mailto:olga.shuisk@mail.ru)



**Шуматова Татьяна Александровна**, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой педиатрии факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов Тихоокеанского медицинского университета

*Адрес:* 690002, Владивосток, пр. Острякова, д. 2,

*тел.:* +7 (423) 242-07-05, *e-mail:* [mail@tgmu.ru](mailto:mail@tgmu.ru)



**Щербак Владимир Александрович**, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой педиатрии факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов Читинской государственной медицинской академии

*Адрес:* 672090, Чита, ул. Горького, д. 39а,

*тел.:* +7 (3022) 21-21-22, *e-mail:* [shcherbak2001@mail.ru](mailto:shcherbak2001@mail.ru)

# Содержание

554

## Часть 1.

### ГРУДНОЕ ВСКАРМЛИВАНИЕ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНЕНТА

*И.Н. Захарова, Е.Б. Мачнева*

История грудного вскармливания народов мира ..... 5

*Валиева Санубар Таги*

Исторические традиции Азербайджана: материнство, детство,  
естественное и искусственное вскармливание ..... 21

*Г.Г. Амарян, А.О. Аскандарян*

Некоторые исторические аспекты вскармливания и ухода  
за новорожденными и детьми раннего возраста в Армении ..... 37

*В.Ф. Жерносек, Т.П. Дюбкова*

Белорусские обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка.  
Вскармливание и уход за младенцем ..... 45

Грузия в аспекте народных традиций

*М. Сурвиладзе, И. Чхаидзе*

Грузинские исторические и современные традиции.  
Мать и ребенок ..... 58

*Т. Манджавидзе*

Традиции воспитания ребенка в Грузии ..... 66

*Н.В. Болотова, Е.Г. Дронова, С.В. Кулакова*

Вскармливание детей в Древнем Риме ..... 77

Казахстан: история и традиции края

*С.С. Сарсенбаева*

Исторические и современные традиции Казахстана:  
материнство и детство ..... 80

О.А. Атаниязова Значимость традиции и культуры в сохранении генофонда народов региона Аральского моря .....	90
Душанка Мичетис-Турк ( <i>Dušanka Mičetić-Turk</i> ), Майа Шикис Погачар ( <i>Maja Šikić Pogačar</i> ), Йерней Долиншек ( <i>Jernej Dolinšek</i> ) История грудного вскармливания в Словении .....	99
К.С. Олимова Охрана здоровья матери и ребенка в традициях и обрядах таджикского народа .....	106
А.Т. Камилова Вскармливание детей в Узбекистане: история и обычаи .....	122
<b>Часть 2.</b>	
<b>ГРУДНОЕ ВСКАРМЛИВАНИЕ</b>	
<b>В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</b>	
О.П. Каменева, Р.А. Таркова, Е.П. Казакова, Д.В. Васильев, Н.В. Лосева, С.И. Нагайкина Вскармливание детей. Православная традиция. История и современность .....	133
К.С. Ладодо, Т.Э. Боровик История детского питания в России .....	141
В.А. Шашель Историческая эволюция материнства и детства в Адыгее .....	153
О.П. Каменева, Р.А. Таркова, Е.П. Казакова, Д.В. Васильев, Н.В. Лосева, С.И. Нагайкина Традиции рождения и вскармливания детей народов Астраханского края: от средневековья до первой половины XX века .....	159
Л.А. Даутова, А.М. Исхакова, А.М. Бикбулатова Грудное вскармливание младенцев в семейном укладе башкирского народа .....	178
А.А. Магомедович Исторические традиции Дагестана: материнство и детство .....	186

- В.А. Щербак*  
Вскармливание и уход за младенцами в Забайкальском крае.  
Обычаи, связанные с родами и ранним детским возрастом..... 195
- Н.Н. Мартынович*  
Исторические аспекты грудного вскармливания  
у малых народов Иркутской области.....204
- Л.Н. Дакинова*  
Традиционная обрядовая жизнь калмыцкого народа  
с древнейших времен до наших дней: материнство и детство..... 211
- И.В. Леписева*  
Карелия: чудесный край, где причудливым образом сплетались судьбы  
славянских и финских народов .....224
- Н.Г. Соболева, О.В. Первишко*  
Семейные традиции и устои казаков.....241
- Н.А. Ильенкова*  
Красноярский край: традиционное вскармливание детей  
у народов, проживающих на территории края;  
обычаи, связанные с родами и уходом за младенцем .....248
- В.И. Фурцев*  
История рождения, вскармливания, ухода за детьми  
грудного возраста малочисленных народов Севера .....259
- В.А. Шашель*  
Историческая эволюция материнства и детства у казаков на Кубани .....272
- Л.А. Балыкова, А.А. Косарева (инокиня Ангелина), Е.С. Самошкина*  
Традиции вскармливания и воспитания детей в Республике Мордовия .....281
- Л.М. Гордиенко, А.А. Вялкова, Р.А. Дашкина, О.А. Пашкова,  
К.Е. Горбанева, О.А. Шуйскова, Г.К. Сатмуханбетова*  
Вскармливание и уход за младенцами в Оренбуржье: обычаи и традиции,  
связанные с родами и ранним детским возрастом .....292
- История развития народов Поволжья: традиции и обряды  
*Е.С. Гасилина*  
Обряды и традиции, связанные с рождением, вскармливанием  
и уходом за грудным ребенком у народов Поволжья ..... 315

<i>Н.В. Болотова, Е.Г. Дронова, С.В. Кулакова</i> Вскармливание детей в Саратовской губернии.....	335
История коренных малочисленных народов Дальнего Востока <i>С.В. Супрун</i> Особенности вскармливания и ухода за детьми коренных малочисленных народов Приамурья .....	344
<i>Т.А. Шуматова</i> Особенности быта, вынашивания, ухода, вскармливания и воспитания детей у малых народностей Приморского края.....	368
<i>А.В. Дмитриев</i> Вскармливание детей в Рязанской области: исторический аспект .....	385
<i>И.Л. Никитина</i> Вопросы вскармливания и диететики в педиатрии: Петербург–Ленинград–Петербург. Взгляд сквозь годы... ..	390
<i>Т.Н. Ёлкина, Н.А. Тарасевич</i> Материнство и детство у русских переселенцев Сибири.....	411
<i>С.В. Мальцев, Г.Ш. Мансурова</i> Питание татарских детей: от кочевых времен до наших дней .....	422
Традиции ненецкого народа <i>Л.А. Зубов, С.И. Малявская</i> Обычаи и традиции вскармливания ненецких детей: физиологические и социальные основания.....	434
<i>А.Д. Петрушина, А.А. Арефьева, Л.Ф. Липатова, Л.В. Костинева</i> Вскармливание, питание, уход и традиции народов севера Тюменской области.....	443
<i>М.К. Ермакова, Е.А. Ботникова, Л.П. Матвеева</i> Исторические и современные традиции Удмуртии: материнство и детство .....	449
Урал: местные традиции и обряды <i>И.В. Вахлова</i> История грудного вскармливания на Урале.....	468

*Н.В. Минаева*  
Традиции вскармливания на Урале:  
от Пермской губернии до наших дней .....483

*А.Н. Узунова, И.А. Харламов, М.Е. Крепышева*  
Вскармливание и уход за младенцами на Южном Урале.  
Обычаи, связанные с родами и ранним детским возрастом.....494

*Л.В. Абольян, П.М. Евлоева, С.В. Новикова*  
Мудрость предков: семейные традиции чеченцев и ингушей по рождению,  
выхаживанию и вскармливанию детей раннего возраста.....505

*Н.В. Саввина*  
От традиций до современности: уход, питание  
и воспитание детей у якутов .....523

### **Часть 3.**

#### **СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОДДЕРЖКИ ГРУДНОГО ВСКАРМЛИВАНИЯ**

Современные возможности сохранения  
естественного вскармливания у детей первых месяцев жизни,  
имеющих нарушения в состоянии здоровья .....534

От инноваций — к заботе о здоровье малышей .....537

**АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ** .....539